

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет»

На правах рукописи

Сафронова Елена Юрьевна

СИБИРСКИЙ ТЕКСТ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:

биография, эпистолярный, творчество

10.01.01 – русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Москва – 2021

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Семиотика и аксиология сибирского пространства	26
1.1 Локальная семиотика и мифологема Сибири	26
1.2 Топография и семиотика Сибири у Достоевского в целом	42
Глава 2. Сибирь Достоевского: новые факты биографии писателя и его окружения	49
2.1 Сибирские топосы в письмах Достоевского	49
2.2 Сибирские маршруты Ф.М. Достоевского	63
2.3 Новые архивные сведения о переводе Н.Б. Вергунова в Семипалатинск	83
2.4 Ранняя сибирская достоевистика (архивные свидетельства)	86
2.5 Барнаульский доктор Ф.М. Достоевского и диагностирование болезни	93
2.6 А.Р. Гернгросс и Ф.М. Достоевский	101
Глава 3. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: семиотика пространства сибирской провинции	110
3.1. Проблема жанра первого послекаторжного произведения Достоевского	115
3.2 Семиотика города Мордасова	136
3.3 Загадки топографии: Барнаул в творческой рефлексии писателя	152
3.4 Прототип Каллиста Станиславовича	162
3.5 Прототипы немецкого ученого в повести «Дядюшкин сон»	167
3.6 Топографические детали Алтая в повести: холера и скотский падеж	202
3.7 Прототип иеромонаха Мисаила	210
3.8 Знаки других сибирских городов	228
3. 9 Автопародия как нарративная стратегия произведения	236
3.10 Сибирский «след» повести «Крокодил»: пролегомены сибирского опыта в зрелом творчестве	245
Глава 4. <i>Genius loci</i> в поэтике романа «Село Степанчиково и его обитатели»	268
4.1 «Село Степанчиково и его обитатели»: первый сибирский роман	272
4.2 Жанромоделирующий код усадебного романа	293
4.3 Семантика заглавия романа Достоевского	312
4.4 Вопрос об аллюзивном топониме в структуре художественного текста	328
4.5 Лексема «обитатели» в заглавии романа	343
4.6 Топографические контрасты: испанские мечты в сибирской провинции	351

4.7 Топографические перекрестки: образ Германии в сибирских произведениях Достоевского	365
4.8 «Записки из Мертвого дома»: семиотика и топография Сибири.....	396
4.9 Автопсихологический мотив невинно осужденного в «Записках из Мертвого дома».....	404
Заключение	421
Список условных сокращений.....	427
Библиографический список.....	429
Приложение 1	478
Приложение 2.....	478
Приложение 3	480
Приложение 4.....	485
Приложение 5.....	489
Приложение 6.....	494
Приложение 7.....	496
Приложение 8.....	497
Приложение 9.....	507

Введение

Исследование локальных текстов как символически целостного пространства культуры в гуманитарной науке конца XX–начала XXI вв. является одним из приоритетных направлений отечественного и зарубежного литературоведения. Реконструкция В.Н. Топоровым Петербургского текста русской литературы стала фундаментом и катализатором дальнейших исследований в этом русле и была продолжена в трудах Ю.М. Лотмана, В.И. Тюпы и др.¹. На формирование и развитие методологических принципов изучения городского пространства существенное влияние оказали также работы И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, К. Линча, Н.Е. Меднис, В.В. Абашева, О.А. Лавреновой, Н. Башмакофф и др.², закрепив интерес литературоведения к геокультурным аспектам истории национальной словесности, проблемам поэтики и семиотики локального текста.

«Традиция исследования локальных текстов стремится к реконструкции семантических параметров того или иного территориального мира» [Анисимов, 2005 б, с. 3]. Стало общепризнанным понимание локуса как особого и самодовлеющего объекта художественного осмысления, некоего целостного единства, обладающего сильным энергетическим полем [Топоров, 2003, с. 261]. В.В. Абашев дает определение «локального текста» как парадигматически и синтагматически структурированного смыслового единства, воспроизведенного во множестве отдельных авторских и анонимных текстов (художественных, документальных, публицистических), во всем многообразии речевых жанров, объединенных предметом описания и высказывания – определенным локусом [Абашев, 2000, с. 18, 60]. Особенно продуктивным представляется исследование В.В. Абашева, где

¹ А.М. Ранчин считает «петербургский текст» как «уникальный феномен русской словесности» авторским понятием В.Н. Топорова и поэтому возражает против существования других локальных текстов в принципе. См. Ранчин А.М. Филология и философия: В.Н. Топоров и изучение древнерусской агиографии // Россия XXI – 2011. Вып. 1. С. 149-150.

² См., например, Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб.: Искусство – СПб, 2003; Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. – Тарту, 1984; Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35; Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. – М.: Книга, 1991; Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. – НГПУ, Новосибирск, 2003; Башмакофф Н. Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование / под ред. Т.В. Обатнина и П. Песонена. – М., 2006; Лавренова О.А. Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: провинция и её локальные тексты. – М., 2004; Линч К. Образ города / перевод с англ. В.Л. Глазычева. – М., 1982 и др.

литература рассматривается во взаимосвязи с географическим пространством, изучается история формирования и механизмы локального – пермского – текста, а также роль геопоэтических образов в становлении территориальной идентичности, рассматривается проблемы прагматики литературного текста.

Постепенно на смену столичным топосам: Петербургу (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, В.И. Тюпа, В.Ф. Стенина), Москве (Т.А. Алпатова, С.А. Джанумов и др.), Риму (К. Скандура, Т.Л. Владимирова), Лондону (Л.С. Прохорова) пришло изучение текстов русской провинции – Пермь (В.В. Абашев), Крым (А.П. Люсый, С.И. Курьянов), Северный (Поморский) текст (В.А. Кошелев, Е.Ш. Галимова), Сибирский текст (В.И. Тюпа, К.В. Анисимов и др.), Алтайский текст (Т.Г. Черняева, С.М. Козлова, О.Г. Левашова, А.И. Куляпин и др.)³ и т.д. Так, Сибирскому тексту посвящен целый ряд коллективных исследований: «Сибирский текст в русской культуре» (Томск, 2002, 2007), «Сибирь в контексте мировой литературы: опыт самоописания» (Томск, 2003), «Сибирь: взгляд извне и изнутри: духовные изменения пространства» (Иркутск, 2004), «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» (Красноярск, 2010); «Алтайский текст в русской культуре». Вып. 1-7 (Барнаул, 2002, 2004, 2006, 2008, 2013, 2015, 2017, 2019) и т.д. Наряду с уже устоявшейся терминологической парадигмой исследований (локус, топос, доминанта текста, топический текст, свертхтекст, локализация) появляются новые понятия, такие как культурный ландшафт, геопоэтика, геопространство, регионализация, мегагеография, гуманитарная география, имагинативная география, имажинально-географическое пространство и др. Для названия этого научного направления в литературоведении предлагаются различные номинации, принимаемые не всем сообществом ученых: регионализация, локализация, геопоэтика, мегагеография, филологическая имагология, литературное сибиреведение и т.д. С течением времени постепенно стирается дискуссионность понятий «сибирский текст», «алтайский текст», «барнаульский текст» и др.

³ См., например, Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь, 2000; Северный текст русской литературы: сборник. Вып. 1 / сост. Е.Ш. Галимова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2009; Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: сб. науч. ст. – Архангельск, 2010.

На формирование и восприятие сибирской региональной словесности с доминантными темами «униженных и оскорбленных», возрождения человека через приобщение к Сибири в значительной степени оказал влияние Ф.М. Достоевский.

В художественном мире писателя категория пространства представлена не столько как географическая категория, сколько как психологическое пространство личности, точка самоопределения, как миф и символ. Почти всесторонне изучен петербургский текст автора (Н.П. Анциферов, В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, Б.Н. Тихомиров, О.Г. Дилакторская, В.С. Бирон и др.). На значимость швейцарского и венецианского сверткста в творчестве писателя указала Н.Е. Меднис. Американский локус в художественном наследии Достоевского рассматривали Н.Э. Фаликова, А.М. Эткинд, Л.И. Сараскина, О.Г. Левашова и др. Топосы Германии и особенности героев-немцев интересовали М. Гиголашвили и др.

Таким образом, **актуальность исследования** определяется несколькими факторами. Во-первых, потребностью в научном изучении обстоятельств и деталей пребывания Ф.М. Достоевского в Сибири с привлечением и внедрением в научный оборот новых архивных документов. Во-вторых, необходимостью осмысления сибирских произведений писателя в контексте жизни русской провинции середины XIX века, системного описания сибирского текста Достоевского, его миромоделирования в художественном творчестве. В-третьих, актуальность работы обусловлена обостренным вниманием современной филологической науки к проблемам имагологии, поэтике и семиотики локального текста, геокультурным аспектам национальной словесности. В-четвертых, возрастанием научного интереса к междисциплинарным исследованиям, взаимодействию литературы и истории, культурологии, географии, краеведения, психологии творчества и др.

Степень научной разработанности проблемы. Взаимоотношения Достоевского с провинциальной Россией посвящены исследования целого ряда ученых. Неоднократно ставились вопросы топонимии и топографии провинциального города в романах «Бесы», «Братья Карамазовы» в соотношении с реальными топосами. Наиболее изученным в этом аспекте, безусловно, является романский Ско-

топригоньевск и Старорусский текст писателя. Рассмотрением этого аспекта занимались многие ученые: М.С. Альтман (1976), В.Я. Кирпотин, (1983), Л.М. Рейнус (1985, 1991) Г.М. Фридендер (1991), Г.И. Смирнов (2001), Ю.В. Юхнович, (2017, 2018), К.П. Смольняков (2009, 2013) и др.

Проблеме «Достоевский и Казань» в аспекте взаимосвязи писателя и культуры русской провинции второй половины XIX-начала XX вв. посвятила диссертацию Е.Г. Кузнецова (2008).

Гораздо менее осмысленными в науке о Достоевском являются сибирские города. В этом отношении продолжает господствовать представление о «далекой и глухой Сибири» [Кирпотин, 1959, с. 211] как пространстве, кардинально отличающемся от столичных городов, не требующем дополнительных разысканий: «различие между Петербургом и Сибирью производило впечатление невероятно резкого контраста, особенно сильно действующего на психику Достоевского, вообще склонного к поляризации итогов» [Кирпотин, 1959, с. 212]. Нобез детального анализа и обращения к местным архивам такие утверждения остаются на уровне риторики. В настоящий момент необходимо как целостное, так и дифференцированное изучение локального пространства с определением ключевых топосов и их роли в творческой эволюции писателя.

Рефлексии над омским текстом Достоевского посвятили свои исследования М.М. Громыко, Е.А. Акелькина, В.С. Вайнерман. Связи кузнецкого пространства с жизнью писателя уделяли внимание В.Ф. Булгаков, А.С. Шадрина, М.М. Кушникова, В. Тогулев, О.С. Голуб, И.А. Пушкарева, И.В. Мирович, Е.Д. Трухан, Е.Р. Мингазова, И. Червяков и др. Локальный текст Семипалатинска затрагивали В.А. Туниманов, В.Н. Алекин, Н.И. Левченко, А.В. Архипова, В.И. Габдуллина. Фактически неизученными в художественном творчестве, публицистике и эпистолярной автореграфии остаются города Тобольск (М.М. Громыко, В.Н. Захаров) и Барнаул (Е.Ю. Сафронова).

Несмотря на то, что в Барнауле живут и работают компетентные, пользующиеся авторитетом достоевковеды (П.Ф. Маркин, О.Г. Левашова, В.И. Габдуллина, О.А. Ковалев), тема специфики и особенностей барнаульского и

шире – алтайского и сибирского – текста Ф.М. Достоевского как целостного феномена скорее ставилась, чем решалась, оставаясь задачей будущего. Между тем поиском и выявлением более глубоких связей Достоевского с Барнаулом и Сибирью движет не праздное любопытство, поскольку «...даже самые незначительные связи писателя с провинцией имеют выход к художественному произведению и пониманию творческой индивидуальности художника слова» [Кузнецова, 2008, с. 4]. «Мелкая подробность, вновь открытый факт иногда по-новому позволяют взглянуть на писателя, а порой пролить дополнительный свет на его произведения» [Маркин, 1985, с. 92].

А.В. Архипова справедливо отмечает недостаточную изученность сибирского этапа биографии и творчества Достоевского. «...Семипалатинский период, как, может быть, никакой другой в жизни Достоевского, изобилует “белыми пятнами”, не сохранилось прямых свидетельств, документальных подтверждений того, над чем писатель работал в эти годы: никаких творческих рукописей Достоевского за этот период до нас не дошло. Косвенные же свидетельства – указания самого Достоевского в его письмах разным лицам – о его многочисленных замыслах, работе над ними, стадиях завершенности этой работы – очень ненадежны, а подчас и недостоверны. Достоевский в силу ряда причин или бессознательно преувеличивал степень готовности своих произведений, или совершенно сознательно мистифицировал своих корреспондентов, так как, во-первых, стремился во что бы то ни стало восстановить свою литературную репутацию в глазах издателей, писателей и критиков и, во-вторых, получить какие-то денежные авансы под будущие сочинения. Поэтому письма Достоевского, оставаясь очень ценными и часто единственными источниками сведений о его творческой жизни, должны привлекаться осторожно и рассматриваться критически. Различное отношение к авторским свидетельствам Достоевского и позволило исследователям высказывать подчас противоположные точки зрения на литературную работу писателя в семипалатинской ссылке. Так, П.Н. Сакулин считал, что «в Семипалатинске создано несколько художественных произведений» [Сакулин, 1930, с. 532], которые не дошли до нас. Наоборот, В.А. Туниманов убежден, что Достоевский в Семипалатинске пережи-

вал глубочайший творческий кризис, в результате которого не мог создать ничего законченного [Туниманов, 1980, с. 12-13]. Свидетельства же его о написанных им будто бы произведениях не больше, чем мистификация. Однако несомненно, что при всех внешних и внутренних трудностях, сделавших семипалатинский период столь малопродуктивным в смысле создания законченных произведений, его никак нельзя считать бесплодным. Он подготовил мощный творческий взрыв 1861 г., когда, вернувшись в Петербург, Достоевский в один год публикует "Униженные и оскорбленные", "Записки из Мертвого дома", "Ряд статей о русской литературе", множество заметок, редакторских примечаний, не считая огромной редакционной работы во "Времени"» [Архипова, 1996, с. 50-51].

Как нам представляется, в отношении Сибири в достоевистике сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, пришло осознание принципиальной значимости этого периода для художественной эволюции писателя в целом. Так, например, П.Н. Сакулин справедливо отметил, что «творчество Достоевского, в том числе и его большие романы, обязаны своим происхождением сибирскому периоду», «все зрелое творчество Достоевского корнями уходит в годы каторги и ссылки, когда перед художником-мыслителем во всей сложности встали вопросы русской жизни и трагически обнажились бездны человеческого бытия» [Сакулин, 1930, Т. 2, с. 545]. Более полувека назад В.Я. Кирпотин утверждал, что «в сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями» [Кирпотин, 1959, с. 211]. Однако, не подкрепляясь детальным, развернутым анализом произведений, такие утверждения остаются, увы, декларативными. Тема «Достоевский и Сибирь» остается недостаточно разработанной и находится на периферии внимания ученых в связи со скудостью и труднодоступностью сведений об этом этапе жизни автора и конспиративной осторожностью, «к которой вынуждены были прибегать писатель и многие люди, его окружавшие» [Громыко, 1985, с. 3]. Несмотря на появление в последние три десятилетия целого ряда работ, посвящённых сибирским произведениям (Р.С.-И. Семькина [1992, 1996, 1998], В.Н. Захаров [2013], С.А. Кибальник [2013], В.И. Габдуллина [2016],

И.В. Фазиулина [2005], Н.А. Нестюричева[2013], Н.А. Макурина [2018], С.А. Скуридина [2019] и др.), назвать этот период творчества писателя глубоко и всесторонне изученным было бы преждевременным.

До сих пор сибирский период биографии Ф.М. Достоевского является наименее исследованным. Почти столетие назад ученый-краевед, православный священник Б.Г. Герасимов (отец Борис) справедливо отмечал: «Жизнь Достоевского в Семипалатинске почти не освещена в литературе. Заслуживают внимания воспоминания Врангеля. Есть несколько мелких заметок в разных периодических изданиях и – почти все» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 119]. Но и в современной науке существуют огромные лакуны, касающиеся как биографических сведений о Достоевском в их научной полноте, так и интерпретации сибирских произведений писателя. Предметом систематического изучения проблематика пока не стала, правильнее говорить о только подступах к теме, сибирский текст Достоевского изучен пока слабо и мозаично, в нем ещемного «белых» пятен. Очень многие даты, обстоятельства, детали пребывания писателя в Сибири неизвестны во всей полноте и достоверности. Многие события приобрели мифологический ореол, тиражируются в искаженном, не вполне точном виде, не соответствующем фактической стороне происшедшего. Причин тут, по мнению В.Н. Захарова, несколько: от ошибок памяти Достоевского и мемуаристов до стремления писателя изображать события в символическом, художественном виде, невольно преобразуя их и превращая в литературные факты. Так, например, хрестоматийно известна сцена дарения Достоевскому в Тобольске Евангелия женами декабристов в 1850 г. Она упоминается в письме брату Михаилу от 30 января-22 февраля 1854 г. (28-1; 169), в «Воспоминаниях» второй жены Анны Григорьевны [Достоевская, 1987, с. 396], в «Дневнике Писателя» за 1873 г. (21; 12). В.Н. Захаров реконструирует обстоятельства и хронологию этого события благодаря письму Н.Д. Фонвизиной к И.А. Фонвизину от 18-22 мая 1850 г., и обоснованно утверждает, что «церемонии дарения Евангелия» не было. «“Тайное свидание” могло состояться в воскресенье 15 января, а передача книг и денег в переплете – в любой из дней с 16 по 19 января». Идея подарить петрашевцам Евангелие принадле-

жит Н.Д. Фонвизиной, но вручил книги и открыл каждому арестанту секрет переплета со спрятанными 10 рублями жандармский капитан Смольков [Захаров, 2015, с. 49, 44, 49].

Источники сибирского текста писателя можно поделить на три группы. Первая – мемуарные и эпистолярные свидетельства. В первую очередь это воспоминания барона А.Е. Врангеля [1912], П.П. Семенова-Тянь-Шанского [1946, 1990], Б.Г. Герасимова [1919, 1926, 1927], П.К. Мартынова [Достоевский в воспоминаниях..., 1991, Т. 1, с. 333-344], Ш. Токаржевского [Достоевский в воспоминаниях..., 1991, Т. 1, с. 325-332], переписка Достоевского. С появлением издания «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников» эта группа обогатилась свидетельствами Н.М. Ядринцева, Н.Ф. Каца, Н. Яковлева, Н.В. Феоктистова, А. Иванова, П.М. Кошарова, А.В. Скандина, Б.Г. Герасимова, В.Ф. Булгакова [Достоевский в забытых..., 1993, с. 67-160].

Вторая группа состоит из исследований биографического характера и представлена работами Н.И. Якушина, М.М. Громыко, Н.И. Левченко, Н.Н. Наседкина, В.С. Вайнермана, А.С. Шадриной, М.М. Кушниковой, В. Тогулева, Е.Д. Трухан, В.Ф. Гришаева, П.Ф. Маркина. При этом М.М. Громыко и В.С. Вайнерман ограничились омским периодом жизни писателя, Н.И. Левченко больше интересуют семипалатинские события, а П.В. Бекедина, А.С. Шадрину, М.М. Кушникову, В. Тогулева и Е.Д. Трухан – кузнецкий контекст биографии автора. Наибольший вклад в изучение биографического барнаульского контекста внес историк В.Ф. Гришаев, работавший в Государственном архиве Алтайского края. В его статьях «К пребыванию Достоевского на Алтае», «Достоевский на Алтае», «“Именно в Барнауле...” (Ф.М. Достоевский на Алтае)» [Гришаев, 1985, 2000, 2001] импонирует фактическая точность и скрупулезность. На основании формулярных списков архивных дел он уточнил сведения о ближайшем круге знакомых Достоевского: В.А. Полетике, Н.Э. Пишке, С.Б. Коптеву, А.Р. Гернгроссе. Однако его разыскания, выполненные только на материале ГААК, скупы, явно недостаточны, не имеют выхода к эпистолярному и художественному наследию Достоевского.

В третью группу входят работы ученых, занимавшихся анализом отдельных мотивов: О.Г. Левашовой, В.И. Габдуллиной, А.В. Архиповой, К.В. Анисимова, Е.Ю. Сафроновой и др.⁴.

Достоевсковедение подошло к такому рубежу, когда дальнейшее развитие науки, ее качественный рывок возможны только при обращении к архивам, особенно в контексте того, что с течением времени информация может оказаться безвозвратно утерянной. Уже сейчас почти половина интересующих нас дел в госархивах имеет помету ПФС (ветхое состояние). На этом фоне вовсе не решенной и еще ждущей своего исследователя видится задача выявления и создания цифровых копий архивных документов обширного контекста сибирской жизни и творчества Достоевского.

Важно учитывать, что для писателя время, проведенное в Сибири, – это время переоценки ценностей, личностного самоопределения и поиска новых нарративных стратегий. Главной задачей было возвращение в литературу, возобновление писательской карьеры. Поэтому для нас исходной точкой анализа сибирских произведений является восприятие Достоевским своих повести и романа как рубежных, выполняющих роль вторичной творческой инициации. В науке давно назрела необходимость целостного, всестороннего анализа этих произведений в контексте принципиально нового, необычного для писателя сибирского опыта. В период каторги и солдатчины, первой любви Достоевский почувствовал иную «концентрацию» жизни: обстоятельства, мелкие детали, встречи с современниками обладали для писателя большой суггестивной значимостью. В настоящий момент ощущается научная потребность в системном описании художественного мира писателя с пристальным вниманием к малейшим деталям, что позволяет приблизиться к авторскому замыслу и адекватно интерпретировать, раскрыть своеобразие творческой манеры и нарративной структуры текстов.

На наш взгляд, оценивая ситуацию в целом, можно говорить об отсутствии интеграции между литературоведением, историей и краеведением. Последнее из

⁴ Более подробный анализ исследований сибирского периода жизни и творчества писателя с описанием основных тенденций изучения дан в обзорной статье: Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского: проблемы и перспективы // *Неизвестный Достоевский*. 2020. № 3. С. 54-96.

названных в гуманитаристике имеет почти маргинальный статус, к краеведению долгое время господствовало иронично-снисходительное отношение. «С начала 1990-х традиционный краеведческий материал, а с ним и краеведы, почти неожиданно для себя оказались на гребне общественного и гуманитарного интереса к феномену провинции, к регионализму, вообще к локальным культурным практикам» [Абашев, 2000, с. 20]. К сожалению, приходится констатировать, что принципиального обновления методологических установок, модернизации методологической базы и углубления исследовательского ракурса в целом пока не произошло. Иногда работы оказываются слабыми в методологическом плане и остаются на уровне краеведческой эссеистики.

Таким образом, тема «Достоевский и Сибирь» при всей ее значимости для понимания творчества писателя, источников его творческой рефлексии, глубокого осмысления сибирского окружения, остается периферийной и недостаточно изученной. На настоящий момент приходится констатировать недостаточную разработанность проблемы сибирского текста в творчестве Достоевского, который изучен мозаично и не был предметом целостного научного осмысления. Авторы работ, посвященных этой теме, сосредоточены главным образом на этапе творческого пути Достоевского, связанного с созданием «Записок из Мертвого дома», Пятикнижия и «Дневника писателя». Хотя, по нашему мнению, наиболее целесообразным является обращение к сибирским произведениям («Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели»), поскольку именно в них начинали формироваться идеи, образы, ситуации, давшие импульс для проблематики зрелого творчества, и рассмотрение динамики рефлексии о Сибири в творчестве мыслителя. Остается актуальной задача выявления и описания знаковых манифестаций омского, семипалатинского, барнаульского, кузнецкого, змеиногорского текстов писателя.

В центре внимания исследования находится наименее исследованный период (1850-59) заключения в Омском остроге, службы в седьмом Линейном батальоне в Семипалатинске, в ходе которого происходили поездки писателя в Змиев (современный Змеиногорск), Сузун, Барнаул, Кузнецк. Предметом пристального

рассмотрения в аспекте избранной темы стали эпистолярное наследие автора, повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели» – произведения, связанные генетической общностью, эстетическими принципами и местом создания. За рамками исследования осталась «Сибирская тетрадь» Достоевского, потому что она уже была предметом целостного анализа Т.И. Орнатской, В.Н. Захарова и особенно В.П. Владимирцева, обосновавшего значимость «тетрадки каторжной» как универсальной «художественно-народоведческой» модели творчества писателя в целом [Владимирцев, 2007]. «Записки из Мертвого дома» тоже представляются достаточно исследованным в достоевистике материалом [Акелькина, 2007; Захаров, 2013; Сафронова, 2006, 2013 и др.], поэтому мы рассмотрим в них только вопрос сибирской топографии и автопсихологический мотив невинного осужденного.

Особенности и сложность темы предопределили постепенное формирование релевантного материалу категориального аппарата, методологических принципов и установок исследования. Предлагаемый в работе подход базируется на признании текста как знакового структурного единства, разомкнутого в культурное пространство и предполагающего возможность диалога в системах отношений «автор – произведение – читатель» и «текст – традиция – контекст». Используя термин «дискурс», мы понимаем его в широком смысле, как «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136], предполагающий множественность интерпретаций; текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и т.д.). Изучение семиосферы Сибири Ф.М. Достоевского с позиций дискурсивного анализа предполагает рассмотрение художественного, эпистолярного и публицистического наследия писателя, фактов его биографии на фоне текста русской провинции 50-60 гг. XIX века, что потребовало привлечения краеведческой, исторической литературы и архивов. Кроме того, в работе использованы биографический, культурно-исторический, структурно-семиотический, мифопоэтический, интертекстуальный и мотивный методы. Соответственно ведущими категориями анализа стали следующие: локальный дискурс, локальный текст, топос, локус, мифологема, жанр, нарративная

стратегия, сверхтекст. Такая совокупность литературоведческих методов и методологический инструментарий обеспечивают достоверность полученных результатов.

Объектом исследования в диссертационной работе является биография, эпистолярное и творческое наследие Достоевского, а **предметом** – сибирский текст писателя, репрезентированный в художественных текстах: повести «Дядюшкин сон», романе «Село Степанчиково и его обитатели», «Записках из Мертвого дома» и эпистолярии.

Актуальность и степень изученности проблемы определили **цель** работы – комплексное междисциплинарное исследование сибирского текста Достоевского в единстве биографического, эпистолярного и творческого.

Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие **задачи**:

- 1) найти, систематизировать фактографический материал и вести в научный оборот новые архивные источники, связанные с пребыванием Достоевского на Алтае и в Сибири;
- 2) реконструировать историко-литературный контекст пребывания Достоевского в Сибири, обстоятельства его посещений сибирских городов, обозначить круг общения писателя в период его пребывания в Барнауле и Семипалатинске (знаки-персоналии); описать те места в городе, где он бывал (топографические и топонимические знаки);
- 3) выявить генеалогию некоторых его тем, образов, назвать возможных прототипов героев сибирских произведений;
- 4) рассмотреть и описать знаковые манифестации омского, семипалатинского, барнаульского, кузнецкого, змеиногорского текстов;
- 5) дать развернутый литературоведческий, исторический и культурологический комментарий сибирским артефактам в творчестве автора;
- 6) реконструировать жанрово-тематическое, художественное и семиотическое единство сибирских произведений Достоевского.

Научная гипотеза исследования состоит в том, что целостная реконструкция историко-литературного контекста пребывания Достоевского в Сибири позволит дать развернутый реальный комментарий к произведениям, для которых артефакты могли послужить творческим стимулом, инициировать художественную рефлексию, что позволит более глубоко интерпретировать творчество автора.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования стали фундаментальные труды *по семиотике и структурной поэтике*, предлагающей методику системного описания мотивных комплексов, текстовых ансамблей как единой системы (Ю.М. Лотман, Н.П. Анциферов, В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис, И.П. Смирнов, К.В. Анисимов, В.В. Абашев и др.); *компаративистики* (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, Ю.М. Лотман, М.П. Алексеев, Н.Н. Вильмонт, С.А. Кибальник), формирующей фундаментальные основы изучения Своего и Другого пространства в художественных текстах; *мифопоэтике*, определяющей роль мифа и мифологического мышления в репрезентации образов пространства художественных текстов (В.Н. Топоров, А.Ф. Лосев, Б.А. Успенский, О.М. Фрейденберг и др.); *локалистике, мифопоэтической географии* (В.И. Тюпа, К. Линч, М.С. Альтман, В.Я. Кирпотин, Г.М. Фридлендер, В.А. Доманский, О.А. Богданова, О.С. Евангулова, Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова, М.М. Громько, Е.А. Акелькина, В.И. Габдуллина, В.С. Вайнерман, Ю.В. Юхнович и др.); *имагологии* (А.С. Янушкевич, А.П. Казаркин, Е.Г. Новикова., В.С. Киселев, П.В. Алексеев и др.); *текстологии и научному комментированию* (В.Е. Ветловская, С.В. Белов, В.Н. Захаров, Б.Н. Тихомиров, А.В. Архипова, К.А. Баршт, В.А. Викторovich, С.А. Кибальник, Н.А. Тарасова, Т.Б. Трофимова и др.); *проблеме биографизма* (Л.П. Гроссман, В.Н. Захаров, И.Л. Волгин, Л.И. Сараскина, Б.Н. Тихомиров и др.); *художественному сознанию автора* (Е.К. Созина, Н.Н. Богданов, Е.Н. Холондович, А.Н. Кошечко и др.); *теории жанров* (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.Н. Тынянов, Г.М. Фридлендер, В.Н. Захаров и др.); *краеведческие работы* (И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Н.И. Левченко, Б.В. Бабарыкин, В.Ф. Гришаев, А.П. Окладников, А.В. Старцев, М.О. Тяпкин, О.А. Тяпкина, А.В. Зимирев и др.);

исследования в области стилистики и функциональной лингвистики (В.В. Виноградов, Л.П. Крысин и др.), *теории текста* (В.А. Пищальникова, А.Ю. Корбут и др.); *дискурс-анализа* (М. Фуко, Т. ван Дейк, В.И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, И.А. Пушкарева и др.); *ономастики, топонимики и антропонимики* (И.А. Воробьева, М.С. Альтман, О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет, С.А. Зинин и др.).

Методология исследования обусловлена его междисциплинарным характером, обеспечивающим разносторонность, системность и глубину осмысления проблемы. Изучение сибирского текста Достоевского с позиций дискурсивного анализа предполагало рассмотрение художественного, эпистолярного и публицистического наследия писателя, фактов его биографии на фоне текста русской провинции 50-60 гг. XIX века. Используя термин «дискурс», мы понимаем его в широком смысле, как «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136], предполагающий множественность интерпретаций; текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и т.д.). Подобный междисциплинарный подход предполагал привлечение краеведческой, исторической литературы и новых, не введенных ранее в научный оборот архивных источников. Системная реконструкция сибирского опыта Достоевского как творческой лаборатории его произведений, исследования их жанровой, нарративной специфики обусловила применение структурно-семиотического метода. Используемый в диссертации методологический подход базируется на признании текста знаковым структурным единством, разомкнутым в культурное пространство и предполагающим возможность диалога в системах отношений «автор – произведение – читатель» и «текст – традиция – контекст». В качестве дополнительных в диссертации использованы культурно-исторический метод, рассматривающий творчество отдельного писателя в историческом и литературной контексте эпохи; биографический, позволяющий создать исторически достоверную реконструкцию обстоятельств и деталей жизни автора, проследить генезис жизненных событий; типологический, направленный на выявление общего и вариативного. Кроме того, в отдельных случаях также

применялся мифопоэтический метод, способствовавший раскрытию связи образов и деталей сибирских произведений Достоевского с мифологической культурной основой; мотивный метод, позволяющий проанализировать повторяющиеся единицы поэтики текстов. Литературоведческие методы анализа дополнены лингвистическими (лингвостилистический, этимологический подходы), историческими (историко-системный), краеведческими (литературный, картографический). Такой комплексный в методологическом плане инструментарий соответствует глубине и сложности материала – художественное, публицистическое, эпистолярное наследие, биографический текст писателя – и специфике междисциплинарного исследования. Соответственно ведущими категориями анализа стали следующие: локальный дискурс, локальный текст, топос, локус, мифологема, жанр, нарративная стратегия, сибирский текст. Исследование отвечает насущной потребности в обновлении методологической базы научного изучения творчества автора, основанной на привлечении нового архивного материала.

Научная новизна работы обусловлена интегративным, междисциплинарным ракурсом рассмотрения проблемы сибирского текста Достоевского как целостного объекта в контексте жизни русской провинции середины XIX века с привлечением и внедрением в научный оборот новых архивных материалов.

1. Найдено и введено в науку большое количество неопубликованных документов, хранящихся в фондах Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области, связанных с Достоевским и его окружением, что позволило зримо представить историко-культурный контекст жизни писателя в провинции 1850-1859 гг., заполнить лакуны биографии писателя и его современников.
2. Подробным и тщательным образом раскрывается история личностных и творческих взаимоотношений Достоевского с современниками. Впервые системно рассмотрен вопрос личностных и творческих связей автора с Барнаулом, Семипалатинском, Кузнецком, Омском, Змеиногорском.
3. В работе систематически изучена личная переписка писателя сибирского периода, воспоминания его родственников и окружения.

4. В диссертации реконструированы, детализированы и уточнены факты биографии Достоевского, послужившие основой его сибирских произведений. Выявлены прототипы образов, источники тем, мотивов художественных текстов.
5. В работе впервые сформулированы и концептуально закреплены границы понятия «сибирский текст Достоевского», учитывающего как уникальный опыт автора в Сибири, так и специфику жанра, эстетики и поэтики его произведений, осуществлено комплексное исследование сибирского текста Достоевского в единстве биографического, эпистолярного и творческого.
6. Впервые на материале повести «Дядюшкин сон» и романа «Село Степанчиково и его обитатели», исходя из анализа художественной структуры каждого сибирского произведения комплексно изучена и описана мифологическая концептосфера сибирского городского и усадебного пространства Достоевского.
7. Впервые определено понятие криптотопоса как неназванного, но подразумеваемого с помощью системы обеспечивающих локальную привязку текста аллюзий топоса литературного произведения.
8. Дешифрованы связанные с инациональностью (испанскостью, немецкостью) литературные коды, установлены индивидуально-авторские вариации образов Испании и Германии как контрастные по отношению к персональному авторскому сибирскому мифу Достоевского.

Теоретическая значимость. Полученные в процессе исследования результаты позволяют конкретизировать имеющиеся представления о сибирском периоде жизни и творчества Достоевского, вписать повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели» в историко-культурный контекст жизни российской провинции середины XIX века. Сибирские произведения автора получают неожиданную интерпретацию, художественные образы актуализируют разные неочевидные смыслы и функции. Результаты работы имеют как историко-литературную, так и методологическую ценность. Предложенное понятие криптотопоса обладает большим эвристическим потенциалом и может использоваться

в последующих исследованиях художественного пространства. Отдельные научные изыскания автора будут полезны в научном комментировании творчества Достоевского, издании академического собрания сочинений писателя. Работа открывает новые перспективы исследования сибирского текста, сохранения и развития национальной идентичности. Диссертация сыграет существенную роль в разработке интегрирующей концепции для многоаспектного изучения сибирского периода жизни и творчества Достоевского, для понимания семиотических механизмов освоения национально-символического пространства, нарративных стратегий и поэтики писателя.

Практическая значимость. Прикладное значение материалов исследования определяется возможностью их использования в научно-педагогической деятельности при чтении курсов для студентов-филологов в общем курсе истории русской литературы XIX века, в спецкурсах по региональной литературе, литературоведческой имагологии, межкультурным коммуникациям, по творчеству Достоевского. Результаты исследования имеют просветительский характер и могут быть полезны также в школьном преподавании при создании интегрированных уроков литературы и истории, в музейной среде, историко-краеведческих студиях, туризме, экскурсионных турах по Сибири. Научные результаты исследования могут способствовать формированию культурно-нравственных ориентиров юношества и молодежи, воспитанию чувства патриотизма и ответственности за сохранение литературного, исторического и культурного наследия города, региона, страны.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сибирский текст Достоевского – это политекстовое единство биографического, художественного, эпистолярного и публицистических дискурсов писателя, складывающееся вокруг топонима «Сибирь» и объединенное ценностно-мировоззренческой установкой авторского сознания, формирующего систему нарративных стратегий и своеобразие поэтики.
2. Сибирский текст Достоевского существует в двух ипостасях: непосредственно текст художественных произведений и текст культуры в целом, включая Си-

бирь в биографии автора, образ Сибири в художественном сознании писателя, персональную концептосферу сибирского мифа, взаимодействие реальной и мифологической география Сибири и т.д. Оба аспекта взаимосвязаны и тесно переплетены, вместе образуют локальную структурно-семантическую категорию русской культуры, проявляющуюся в художественном, публицистическом и эпистолярных текстах писателя.

3. Сибирский текст Достоевского обладает семантической связностью, сильным мифогенетическим потенциалом, при репрезентации в художественных текстах сюжетной и нарративной общностью, единством поэтики.
4. Для сибирских текстов писателя (повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели») характерны взаимопроникновение различных жанров, поиск новых художественных форм и стратегий письма. Жанровое своеобразие произведений Достоевского сибирского периода является результатом творческого эксперимента и консолидации разных жанровых моделей в пределах одного текста, раскрывает глубокие процессы создания синтетической формы, интерференции различных жанрово-моделирующих кодов.
5. Избранные для анализа произведения являются художественными экспериментами ссыльного писателя, обладают генетической, эстетической общностью и могут рассматриваться как метатекст. Эти произведения Достоевского являются криптопародиями, в которых «спрятаны» впечатления и артефакты сибирского опыта писателя.
6. Для зрелого творчества Достоевского характерен феномен «притяжения» Сибири: несмотря на географическую удаленность, этот топос присутствует в художественном сознании писателя, сибирский опыт многое определяет на этапе творческого замысла и обдумывания концепции произведения.

Апробация работы. Основные выводы научного исследования были отражены на заседаниях, спецсеминарах и в лекционной практике кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета,

Кемеровского государственного университета и Кемеровского государственного института культуры.

Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на научных конференциях регионального, всероссийского и международного уровней: Международные чтения «Достоевский и мировая культура» (Санкт-Петербург, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019); Международные Старорусские чтения «Достоевский и современность» (Старая Русса, 2016, 2017, 2018, 2020); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации» (Новокузнецк, 2015, 2019); Международный научный семинар «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия» (Барнаул, 2015); VII Международная научно-практическая конференция «Человек. Коммуникация. Культура. Социокультурные процессы в современном мире: вызовы и перспективы» (Санкт-Петербург, 2015); XI Международной конференции «Диалог культур в полиэтническом мире», (Симферополь, 2015); Региональная научно-практическая конференция «Алтайский текст в русской культуре» (2015, 2017, 2019); научно-практическая конференция «Литературное краеведение: новые подходы к старой теме» в рамках Публичных Шишковских чтений (Барнаул, 2015, 2017); XIII Международный Симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Симферополь, 2015); Славянские языки и культура в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, 2016); XVI Симпозиум Международного общества Достоевского: 150 лет публикации романа «Преступление и наказание» (Испания, Гранада, 2016); Очно-заочный научный семинар «Геопозитика писателей Сибири и Алтая», (Барнаул, 2016, 2017); V Международная научная конференция «Диалог культур: поэтика локального текста» (Горно-Алтайск, 2016); VII Международная заочная научно-практическая конференция «Межкультурная коммуникация и СМИ» (Барнаул, 2016); I Международная научно-практической конференции «Творчество Ф.М. Достоевского и современный культурный процесс» (Новокузнецк, 2017); VI Крымские международные научные чтения «Слово Достоевского в современном полилоге культур: нацио-

нальное и вселенское» (Симферополь, 2017); Всероссийский научно-практический семинар «Воробьевские чтения “Филология XXI век: проблемы, перспективы, новации”» (Барнаул, 2018, 2019); I Международная научно-практическая конференция «Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде» (Евпатория, 2018); II Международный Форум преподавателей русского языка и литературы «Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы» (Тегеран, Иран); Первый Международный симпозиум Болгарского общества Достоевского «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского» (Болгария, София, 2018); Международная научная конференция «”Усадебный топос” в русской литературе конца XIX – первой трети XX века: отечественный и мировой контекст» (Москва, 2019); Всероссийская научная конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» (Барнаул, 2020), X Всероссийская научная конференция «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, 2020).

Основные научные положения представлены в монографии и ряде научных статей, опубликованных в международных, центральных и региональных журналах, 7 из которых входят в базы Web of Science и Scopus, 24 публикации – в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22003 «Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии», РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002 «Языковая личность в региональном социокультурном пространстве: режимы производства локального знания о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского», гранта РФФИ «Экспансия» № 19-112-50333 «Сибирский текст Достоевского».

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается тщательной обработкой фактического материала, адекватной предмету, задачам и

этапам исследования, а также опорой на достоверные источники, прежде всего ранее не известные архивные документы, впервые введенные автором в научный оборот. Достоверность научных результатов обусловлена также широкой методологической базой, применением современных литературоведческих методов исследования – дискурс-анализа, структурно-семиотического, культурно-исторического, биографического, типологического, мифопоэтического, мотивного подходов, которые дополнены лингвистическими (лингвостилистический, этимологический подходы), историческими (историко-системный), краеведческими (литературный, картографический). Комплексный методологический инструментарий позволяет продуктивно интегрировать подходы. Предпринятый анализ подтвердил целесообразность и перспективность рассмотрения сибирского текста Достоевского.

Структура диссертации подчинена общей логике исследования: от поиска и комментирования новых фактов сибирского опыта Достоевского и его окружения к анализу эпистолярия и топоса Сибири в его произведениях. Поиск, осознание себя как писателя в новых условиях и семиотического осмысления пространства, в котором он оказался, предопределили единую логику анализа художественных текстов: история создания и проблема жанра произведения, новаторство, прототипы, литературные и биографические аллюзии, локальная семиотика текста. Там, где это было возможно, намечены векторы развития сибирских тем и образов в дальнейшем творчестве автора⁵.

Логика анализа предопределила последовательность расположения глав исследования. Осознание того обстоятельства, что важнейшим творческим стимулом является жизненные впечатления писателя, побудило исследовать произведения «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» в контексте сибир-

⁵ Курсивные выделения в цитатах принадлежат Достоевскому или иному цитируемому автору, полужирные – автору работы. Введенные в научный оборот архивные документы при плохом зрительном восприятии частично или полностью дублируются с использованием шрифта Calibri, кегль 8. Цитаты из произведений и писем Ф.М. Достоевского в диссертации приводятся по изданию: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 с указанием тома и страницы в круглых скобках. При необходимости приводятся также ссылки на новое продолжающееся издание – ПСС₂: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 35 т. Л.: Наука, 2013–2019. Т. 1–8. Все цитаты из дореволюционных источников даются в современной орфографии.

ского опыта с опорой на найденные нами новые архивные документы. В Первой главе рассмотрена семиотика и аксиология сибирского пространства. Вторая глава посвящена новым фактам биографии писателя и его окружения. В третьей главе проанализирована семиотика провинциального пространства в комической повести «Дядюшкин сон», поставлена проблема жанра, раскрыта семантика заглавия, выявлены прототипы персонажей и референциальные знаки Барнаула и других сибирских городов. В четвертой главе рассмотрено жанровое своеобразие романа Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», проанализирована семантика заглавия текста в литературном (усадебный роман) и биографическом (Семипалатинск) контексте, а также исследуется образ Сибири через противопоставление с территориальными мирами Испании и Германии. Этим аспектам и будут посвящены соответствующие разделы работы.

Глава 1. Семиотика и аксиология сибирского пространства

1.1 Локальная семиотика и мифологема Сибири

Одной из фундаментальных потребностей человека является необходимость осмысления себя в символическом пространстве культуры, в том числе через пространство, в котором он живет. Очень точно описывает процесс мифологизации человеком собственного опыта и окружающего пространства В.В. Абашев: «Человек не выносит смысловой и ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необходимо его осмыслить и ценностно упорядочить. <...> Ведь осваивая место, избранное для жизни, человек не только преобразует его утилитарно. Исходя из духа и норм своего языка и культуры, он организует новое место символически и тем самым, вырывая его из немого доселе ландшафта, приобщает к порядку культуры. Культура не нейтральна к физическому пространству, она его идеально переустраивает и трансформирует, сообщает ему структуру и смысл» [Абашев, 2000, с. 5]. Таким образом, необходимость жить в пространстве символически организованном побуждает к тому, что «[с]ледуя традициям и моделям отечественной культуры, используя ее языки и коды, человек неизбежно семиотикует место своей жизни и приобщает его тем самым семиосфере национальной культуры. А сложившись и приобретя ощутимую плотность и внутреннюю связность, локальная семиотика начинает работать как относительно самостоятельный аспект среды, жизненного мира человека» [Абашев, 2000, с. 22]. Так, потребность семиотизации окружающего пространства, поиск территориальной идентичности приводит к тому, что постепенно формируется локальный текст, который «оказывается живой и действенной инстанцией, организующей отношения человека и среды его обитания. Его символические ресурсы включаются в процесс самоидентификации» [Абашев, 2000, с. 14]. Локальный текст репрезентирует любой исторически и культурно освоенный локус, объединяя тексты⁶ разных жанров (фольклорные, художественные, публицистические, рекламные и др.), продуци-

⁶ «Понятие текста предполагает знаковую выраженность и материальную фиксацию семиотического объекта, его отграниченность, внутреннюю связность и цельность, наличие коммуникативной и креативной функций» [Абашев, 2000, с. 18].

рующие культурную, символически обобщенную информацию о пространстве. В итоге локальный текст культуры определяет наше восприятие места, отношение к нему, задает спектр регулярных ассоциаций. «В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций» [Абашев, 2000, с. 11-12].

По мнению Ю.М. Лотмана, основными факторами семиозиса места является структура пространства и имя [Лотман, 2000, с. 320], которое «запускает» процесс самоидентификации человека. Причем довольно часто наблюдается процесс создания локодицеи, т.е. специфического локального дискурса, в основе которого «лежит стремление оправдать свою жизнь именно здесь, а не где-нибудь в ином месте. То есть в речи по поводу места своей жизни человек стремится представить его как нечто особенное, уникальное, избранное, от века предустановленное, порой даже вопреки очевидной эмпирической ничем-особым-не-отмеченности этого самого места» [Абашев, 2000, с. 103].

Несмотря на большую популярность термина «локальный текст» в современной гуманитаристике, он не является однозначным. Ж.А. Баянбаева верно обозначила три аспекта рассмотрения этого понятия. С одной стороны, эта научная категория в художественном тексте «частично пересекается с такими литературоведческими понятиями, как “хронотоп”, “топос”, “локус”, поэтому может быть измерена в пространственно-временных параметрах. С другой стороны, локальный текст – это всегда парадигма, т.е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. Третий аспект рассмотрения – выход из фиктивного мира художественных произведений в реальный мир конкретного географического места. В этом случае исследование локального текста способно предоставить сведения об истории, культуре, менталитете, поведенческих характеристиках людей, представляющих ту или иную местность. Локальный текст – это корпус «текстов о месте», благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик. Впоследствии

некоторые из них становятся константами (например, “призрачный миражный Петербург”») [Баянбаева, 2016, с. 77].

Ж.А. Баянбаева также выделила и описала функции локального текста:

1) *кумулятивная функция* – накопление информации;

2) *мифогенетическая функция* – ядро локального текста окружено мифологическим пространством, созданным по универсальным законам, выделяются космогонические, гармонизирующие, хтонические, эсхатологические мифы и т.д.;

3) *концептуальная функция* – локус генерирует определенное концептуальное пространство, представленное в текстах;

4) *аксиологическая функция* – локус характеризуется собственными нормами и ценностями, механизмами регулирования общественного поведения, эталонными моделями;

5) *фатическая функция* – установление контактов между представителями разных топосов, при котором знание истории и современного состояния, аксиологии локуса является условием успешного начала коммуникации;

6) *интертекстуальная функция* – возникновение связей между литературными произведениями, аллюзии;

7) *символическая функция* – символизации подвергается сверхтопос и его атрибуты [Баянбаева, 2016, с. 80-81].

Наряду с понятием локального текста, действенным аналитическим инструментом является сверхтекст (Н.А. Купина, Г.В. Битенская, Н.Е. Меднис, А.Г. Лошаков). Екатеринбургские ученые определяют понятие сверхтекста таким образом: «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [Купина, Битенская, 1994, с.215]. Н.Е. Меднис дополняет дефиницию сверхтекста, акцентируя его культуроцентричность: этот термин «прилагается к текстам центрически организованным, и в силу этого обладающим сильно выраженным внутренним центро-стремительным движением». Сверхтекст характеризуется более тесной и специ-

фичной связь с внетекстовыми образованиями, «всякий свёрхтекст существует в литературе как реальность, но подлинно осознаётся и видится во всех своих очертаниях лишь при аналитическом его описании, то есть при более или менее успешном, более или менее полном воссоздании его в форме метатекста» [Меднис, 2011, с. 76, 77].

Однако представляется важным разграничение понятий «локальный текст» и «свёрхтекст»⁷. Мы солидарны с позицией Ж.А. Баянбаевой, которая подчеркивает, что «свёрхтекст максимально культуроцентричен, он может формироваться не только вокруг локуса, но и вокруг персоны (пушкинский, лермонтовский, гоголевский текст), темы (аполлонический, мунический, солярный тексты русской поэзии), концепта. Локальный текст в этом случае – один из типов свёрхтекста» [Баянбаева, 2016, с. 79]. В этой связи отметим, что предмет нашего интереса находится на пересечении локального – сибирского – текста и персонального свёрхтекста Достоевского.

В современной гуманитаристике остается дискуссионным понятие мифологема, особенно применительно к поэтике художественного текста⁸. Наиболее удачным для описания глубинных повествовательных структур художественного текста представляется определение И.С. Приходько: «Мифологема – особый способ «поэтизации мира через наложение на густой, нерасчлененный поток жизненных событий отстоявшихся, получивших образное, пластическое выражение и несущих закреплённые смыслы сюжетов мировой культуры» [Приходько, 1997, с. 13].

Сильнейшим мифогенным семиотическим потенциалом в силу ряда причин обладает топоним «Сибирь», что обусловило сложность, амбивалентность и диалектичность структуры сибирского текста.

⁷ См. также об этом докторскую диссертацию А.Г. Лошакова [Лошаков, 2008], где понятие свёрхтекста определяется следующим образом: «Свёрхтекст – это ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в культурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного интегративного диссипативного словесно-концептуального образования, как составляющая ахронического культурного пространства – национальной текстовой концептосферы» [Лошаков, 2008, с.7].

⁸ Ср., например, определение В.К. Афанасьевой: «Мифологема – интуитивно-эмоциональный образ, содержащий в себе догадку о сущности бытия и его гранях» [Афанасьева, 1988, с. 36] или Н.В. Брагинской: «Мифологема – продукт состязательной символизации, толкование, надстроенное над верованиями, которое непосредственно воплощается лишь в обряде» [Брагинская, 1988, с. 295]. В.В. Полонский отмечает, что даже «критический обзор библиографии этого эпического по научной масштабности вопроса требует как минимум самостоятельного фундаментального исследования» [Полонский, 2008, с. 12].

Прежде всего, не ясны точные границы Сибири как историко-культурного ландшафта, поскольку они были исторически подвижными. Считается, что слово *сибир* (*шибир*) существовало с V в.н. э., в русских источниках впервые упоминается с 1483 г. Первоначально слово было этническим названием, относившимся к какой-то группе финно-угорских народов (вероятно, хантыйцев или мансийцев), проживавших на юге Западной Сибири. Под давлением татар этот народ был частично вытеснен на север, а частично ассимилирован на месте татарами [История Сибири, 1987, с. 3].

Сейчас Сибирь – крупнейший и одновременно наиболее удаленный от ее центра регион России. Сибирь подразделяется на Западную и Восточную, иногда выделяют Южную Сибирь (в горной части), Северо-Восточную Сибирь и Среднюю Сибирь⁹. Т.е. узкое понимание территории Сибири географически неконкретно и каждый ученый имеет в виду свой ареал; в широком смысле Сибирь – большая часть азиатской территории Российской Федерации, от Урала на западе до горных хребтов тихоокеанского водораздела на востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на севере до холмистых степей Казахстана и границы с Монголией на юге.

Научная дискуссия о предмете и границах сибирского текста длится уже столетие, понятие достаточно популярно, хотя «его содержание, наполнение, структура и семиотика еще недостаточно изучены и определены» [Габдуллина, 2016, с. 94]. По замечанию А.С. Янушкевича, «традиционно в разговоре о “сибирской литературе (культуре)” или “литературе (культуре) Сибири” исследователи не могут договориться об объеме понятия. Одни считают, что это литература, родившаяся в недрах Сибири и созданная “природными сибиряками”. Другие утверждают, что такой узко региональный, краеведческий подход сужает смысл понятия, превращает сибирскую литературу в понятие местной культуры» [Янушкевич, 2004, с. 227]. Солидарен с ученым и его ученик К.В. Анисимов, отмечая, что «...начавшаяся в 20-е гг. полемика о том, существует ли литература Сибири как

⁹ Традиционно выделяют Западную Сибирь, куда входит Западно-Сибирская равнина, горы Алтая и Кузнецкого Алатау, и Восточную Сибирь в составе Среднесибирского плоскогорья, его горного обрамления на востоке и юге Таймыра и низменности на побережье Северного Ледовитого океана к востоку от Енисея. Иногда эти две устоявшиеся территории дробят внутри по разным основаниям.

таковая со своим набором имен, исторических и поэтических закономерностей или вместо нее имеет место распыленная по сотням произведений «тема Сибири», для которой безразлично авторское самоопределение в рамках антитезы региональный – нерегиональный писатель» [Анисимов, 2005, с. 7] до сих пор не решена.

Основные критерии выделения региональной литературы были сформулированы в начале XX века основателем иркутской школы регионоведения М.К. Азадовским:

- 1) место – биографическая связь автора с пространством;
- 2) тема – географически окрашенный мотивно-образный комплекс («местный колорит», «региональный код»);
- 3) самосознание автора – стремление ассоциировать себя с регионом [цит. по: Анисимов, 2005 а, с. 8].

Конкретизируя параметры идентификации, Т.А. Богумил в учебном пособии «Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул» четко обозначила возможные связи автора с локусом: «Акцент на географической привязке текста может быть истолкован, следуя двуединой, материально-идеальной, природе пространства. Физическое пространство выступает местом рождения, жизни, временного пребывания, смерти автора; пространством, где произведение пишется и печатается; источником «материала» для творчества. Идеальное пространство – категория духовной жизни, продукт художественной мысли. Это совокупность мнений об определенном месте (тема), образ локуса (миф), самосознание себя как сына своей «малой родины», ее представителя и выразителя» [Богумил, 2017, с. 14]. Стало общепринятым, что постоянное физическое присутствие в определенном локусе для автора – параметр значимый, но необязательный, гораздо важнее, чтобы образ локуса занимал важное место в художественном сознании, а художественный текст создавался из позиции «изнутри» локуса.

Безусловно, что необходимо «рассмотрение сибирской литературы как органической части общероссийской культуры. «При игнорировании одного из аспектов “сибирский текст” лишался именно объемности и масштаба, то растворяясь в

огромном пространстве общерусской культуры, то сужаясь до понятия “местной литературы” и объекта краеведческого изучения» [Янушкевич, 2004, с. 227].

К подобным выводам приходит И.С. Абрамовская, размышляя о локальном тексте в целом: «в литературе локальный текст создается не только представителями места, которое является предметом рефлексии, а чужаками – путешественниками, литераторами, оказавшимися по разным причинам причастными жизни этого места. Взгляд со стороны, по-видимому, выделяет из общего потока жизни явления с исторически сложившейся, устойчивой репутацией “знаковости” и символичности для данного пространства» [Абрамовская, 2010, с. 139]. На наш взгляд, к локальным текстам необходим именно комплексный подход, позволяющий увидеть и осознать феномен многоаспектно, многогранно, во всей ее сложности и глубине.

В целом в осмыслении феномена сибирского текста можно выделить два подхода. Первый восходит к реконструкции В.Н. Топоровым «Петербургского текста русской литературы», которая стала основой дальнейших исследований в структурно-семиотическом направлении изучения пространства как территориального мифа. В.Н. Топоров в отношении петербургского сверхтекста выдвинул такие параметры как кроссжанровость, кросс-темпоральность и кросс-персональность [Топоров, 2003]. При таком подходе сибирский текст понимается как политекстуальное единство, складывающееся вокруг топонимов высокой культурной значимости, как мегатекстовое образование [Тюпа, 2011, с. 122]. Этот подход реализуется в целом ряде научных трудов: «Сибирский текст в русской культуре: сб. ст.» (Томск, 2002, 2007), «Сибирь в контексте мировой литературы: опыт самоописания: коллект. монография» (Томск, 2003), «Алтайский текст в русской культуре». Вып. 1-6 (Барнаул, 2002, 2004, 2006, 2008, 2013, 2015, 2017). Значимыми, рубежными публикациями сибиреведения стали «Очерки литературы Сибири» (1982) в двух томах, фундаментальные серии «Литературное наследство Сибири» и «Литературные памятники Сибири».

Второй подход предполагает понимание «сибирского текста как аутентичного локальной словесности, катализатором которого служит территориальная

идентичность» [Сибирский текст в национальном..., 2010, с. 3] и реализуется в изданиях Б.А. Чмыхало «Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы» (1992), «Сибирь: взгляд извне и изнутри: духовные изменения пространства» (Иркутск, 2004), К.В. Анисимова «Проблемы поэтики литературы Сибири XIX–начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции» (2005), «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллект. монография» (Красноярск, 2010) и др. Названные подходы представляются В.И. Габдуллиной как конфликтные [Габдуллина, 2016, с. 94]. С нашей точки зрения, можно увидеть в них преемственность и дополнительность, поскольку первый подход шире и может включать второй как целое – часть. Примером успешной реализации такого комплексного в методологическом плане исследования служит коллективная монография Т.А. Богумил, А.И. Куляпина, Е.А. Худенко «Геопоэтика В.М. Шукшина» (Барнаул, 2017).

Процесс «идеологического и семиотического конструирования» Сибири в художественных текстах проанализирован К.В. Анисимовым, который описал генезис и преемственность системы категорий сибирской литературы (автор, персонаж, пейзаж, сюжет) и выделил пять этапов сибирской словесности [Анисимов, 2005а, 2005 б].

Проблемам художественной рецепции идеологического конструирования Урала и Сибирского региона в русской культуре посвящена также коллективная монография «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» под редакцией К.В. Анисимова. Учитывая важность и особенный статус Сибири как специфического историко-культурного ландшафта ученый предлагает использовать термин «литературное сибиреведение». Вместе с тем, редактор предупреждает о возможных трудностях и методологических ошибках. Прежде всего, это отсутствие иерархической упорядоченности локальных текстов за исключением крупных столичных городов. В этом случае, «когда тот или иной топографический ареал идентифицируется как провинциальный, тогда неизбежно активизируется его два альтернативных, но неразрывно связанные друг с другом смысла убогого никчемного захолустья и потерянного Рая...» [Сибирский текст в..., 2010, с.

4]. Это грозит, во-первых, стандартизацией провинциальных топосов, утратой местного специфического колорита; во-вторых, – опасностью подмены рационального осмысления эмоциональным.

Соответственно, сложно и неоднозначно решается вопрос дефиниции сибирского текста. Для В.И. Тюпы сибирский текст – это корпус сочинений русской литературы, «связанных не только тематически, но и мифопоэтически» [Тюпа, 2002, с. 35]. К.В. Анисимов определяет сибирский текст как «особый тематический субстрат русской литературы, располагающий внутренней системностью» [Анисимов, 2007, с. 60], некий территориальный мир как «символико-географическая реальность русской словесности» [Анисимов, 2007, с. 60].

Художественный образ Сибири крайне неоднороден, поскольку семиотическое конструирование этого территориального мира подчинено особой логике. Будучи одним из национально значимых историко-культурных ландшафтов, Сибирь имела двойственный статус: «...внутрироссийской провинции и одновременно экстерриториального по отношению к метрополии колониального мира» [Анисимов, 2005 б, с. 44], что неизбежно сказалось на семантических параметрах ее культурогенеза. Это, с одной стороны, топографическая изолированность Сибири и «острое ощущение культурно-психологической дистанции, пролегающей между Европейской Россией и Сибирью» [Русский травелог, 2016, с. 23]. С другой стороны, планы исторического пути Сибири всегда генерировались в центре и были направлены соответственно [Анисимов, 2005 б, с. 44]. Сибирь иерархически выше провинции в обычном смысле этого слова: «сибирский текст <...> выходит за рамки провинциального мотивного субстрата русской культуры», и поэтому «уместнее всего проецировать Сибирский текст на концепт периферии» [Сибирский текст в..., 2010, с. 4, 5]. В любом случае, семантическое конструирование Сибири – это ситуация значительной отдаленности от культурного центра, край цивилизации, периферия семиосферы¹⁰ (Ю.М. Лотман).

При всем многообразии текстовых репрезентаций сибирского текста, можно выделить инварианты сюжетов. Так, негативная модель сибирского текста была

¹⁰См. об этом: [Лотман, 2000, с. 101, 142, 250-276].

отрефлексирована Ю.М. Лотманом, В.И. Тюпой. Эта частотная модель заключается в историческом сюжете ссылки / каторги, основанном на инициации и дихотомиях: «преступление-страдание», время смерти-воскресение, когда локус осмысляется как inferнальное пространство, а холод воспринимается орудием пытки.

Значение границы как одной из важнейших в сибирском тексте русской литературы рассматривала Н.Е. Меднис. Она точно подметила, что «[в] той или иной форме речь о границе идет почти в каждом из субтекстов того локально-тематического целого, которое мы <...> называем “сибирским текстом” русской литературы» [Меднис, 2011, с. 87]. Важную роль в структуре произведений имеет мотив пересечения границы, как правило, имеющий функцию инициации. «Как известно, удаленность, а еще более – кажущаяся безграничность Сибири породили устойчивый в рамках “сибирского текста” сюжет, связанный со странствованием, с путешествием (вынужденным или добровольным), с дальними поездками. Отсюда и характерный герой “сибирских” субтекстов – ящик или его “пассажир”, попутчик, этапиремый арестант или ссылный, ощущающий себя временно задержавшимся в той или иной точке обширного пространства» [Меднис, 2011, с. 87]. Важно, что это пространство воспринималось как страшное, пугающее, грозящее гибелью: «...огромные полупустые зауральские пространства и после их освоения были отмечены для пришельцев такой степенью чуждости, что семиотические они почти употреблялись территории иноземной» [Меднис, 2011, с. 87]. В.И. Тюпа отмечает процесс мифологизации Сибири как *terraincognito*, *страны мертвых* [Тюпа, 2002, с. 27], места каторги и ссылки. Приведем интересный факт: посланник польского короля Де ла Невилль, автор «Любопытных и новых известий о Московии», во время своего путешествия по Российской империи в 1789 г. получил от пристава Спафария, такое объяснение значения слова «Сибирь»: «на славянском языке значит тюрьма» [Невилль, 1986, с. 523]. Такая народная этимология, возникшая во времена Ивана Грозного, очень показательна.

Соответственно, сложность сибирского текста обусловлена этическим моментом: афишировать пенитенциарный колорит русской истории, подробно лока-

лизовать эту часть геопространства России, называя имена и города, было принято, что усиливало мифологический потенциал образа. «Ореол страшного и вместе с тем таинственного, а стало быть, и притягательного, созданный поэзией, поддержанный историей (ссылка декабристов), на долгие годы будет определять в культурно-психологическом плане восприятие Сибири и ее изображение» [Русский травелог, 2016, с. 23]. «Вместе с тем сама ситуация принудительного исхода в Сибирь ярких представителей столичной общественности стала продуктивной культурной моделью для последующих этапов общенационального литературного развития. Она повлияла на формирование в русской классической традиции XIX в. устойчивой связи “сибирских” реалий с сюжетом о нравственном преображении, воскресении героя» [Анисимов, 2005 а, с. 21].

Так сибирская топография обретает семантическую проекцию – место духовного возрождения, земной рай, Новая Атлантида, утопическое Беловодье, а ее главный герой – колонизатор, миссионер, старовер. Эту позитивную модель сибирского текста, связанную и историческим сюжетом колонизации, социальной утопии, равенства, сюжетом инициации описали Н.Е. Разумова, К.В. Анисимов. При таком взгляде Сибирь мыслится как особое пространство очищения и преобразования личности, нравственно-социальная утопия, отменяющая «власть законов общества и возвращающей человека к изначальным, божественным законам» [Разумова, 1999, с. 40].

В этой связи можно констатировать некоторую неоднозначность, амбивалентность сибирского локуса и в целом, и в более точной географической привязанности, в частности. Как отмечала Н.Е. Меднис, «...силовые векторы в художественном пространстве “сибирского текста” имеют ясно выраженную западную направленность, которая определяется импульсным устремлением от сгущенности мортальных смыслов и семиотической однозначности, отмечающих границу восточную, в некоторой мере рассеяния, амбивалентности, нашедшей выражение в семиотике западной границы Сибири» [Меднис, 2011, с. 97].

Обобщая позитивную и негативную модели сибирского текста, К.В. Анисимов выделяет инвариантную схему: ситуация «перехода» в *terraincognita* подразу-

меваает «богатый выбор перспектив для героя: от гибели до духовного перерождения» [Анисимов, 2007, с. 76].

Амбивалентная знаковая природа Сибири формирует дуализм сибирского текста, при котором каждый из авторов может выбрать соответствующий мифологизирующий стереотип: изображение территории в inferнально-негативной или утопически-позитивной перспективе. По словам К.В. Анисимова, «эта семантическая “вибрация” сибирского текста от идеи “чужого” как “ада” к “чужому” как “раю”, от условного “умерщвления” героя к условному его “оживлению” составляет суть двуединой “сибирской” мотивно-образной парадигмы. Подбор прочих, частных, мотивов зависит от авторского самоопределения в рамках этой антитезы» [Анисимов, 2007, с. 68]. Масштаб и мера таланта художника определяют его тяготение к одному из полюсов в изображении сибирской темы. Иначе говоря, писатель вынужден выбирать аксиологический вектор разработки сибирской темы: следование традиции «дальнейшего отчуждения Сибири» либо «символическое освоение/ присвоение, включение Сибири в контур национальной жизни» [Сибирский текст в..., 2010, с. 6]. Соответственно превалирование точки зрения на сибирский топос определяет и исследовательскую тональность, как верно подметил А.С. Янушкевич: «Сибирь воспринималась то как гибельное место каторги и ссылки, то как земной рай, некая новая Атлантида, утопическое Беловодье» [Янушкевич, 2004, с. 227].

В результате к XIX в. Сибирь была освоена русской культурой в качестве некоторого концепта, стала общепонятным хронотопическим образом некоторого способа присутствия человека в мире [Тюпа, 2002, с. 27]. Необходимо также отметить, что, «[п]о данным библиографического справочника “Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века (1800-1900 гг.)”, составленного А.А. Богдановой, в течение ста лет в изданиях указанных типов было опубликовано 778 художественных произведений на сибирские темы. По десятилетиям они распределяются так: 1800-1820 гг. – 23 произведения, 20-е гг. – 67 произведений, 30-е – 91, 40-е – 47, 50-е – 42, 60-е – 33, 70-е – 52, 80-90-е гг. – 423 произведения. Таким образом, мы наблюдаем резкий подъем интереса к сибир-

ской тематике в 20-е гг. с дальнейшим его повышением в 30-х; затем начало длительного спада (40-60-е гг.) с нижней точкой в 60-е годы, некоторое возрастание в 70-х и взрыв массовой заинтересованности Сибирью в 80-90-х годах» [Русский травелог, 2016, с. 29]. Всплеск интереса к сибирской теме Н.Е. Меднис объясняла политической ситуацией в стране: «Такие колебания явно перекликаются идеологически и культурологически. Завершение расследования по делу декабристов и последовавшие за ним массовые ссылки в Сибирь дали толчок первой волне интереса; убийство Александра II, политические процессы 70-80-х породили вторую мощную волну» [Русский травелог, 2016, с. 29].

Однако, несмотря на огромный массив произведений о Сибири до Достоевского (около 250), ее текстовая ипостась была явлена слабо, невыразительно, не равноценно географической протяженности и значимости территории; сибирский локус не был местом действия или темой литературных произведений первого ряда национальной словесности. Соответственно текстовый статус более мелких единиц сибирского текста – кузнецкого, семипалатинского, омского, барнаульского и т.д.– не становился центром интенсивной культурной рефлексии.

Можно выделить четыре аспекта анализа любой локальной словесности в зависимости от выбранного ракурса идентификации: «предмет исследования *литературного краеведения* – вся совокупность литературных и окололитературных фактов, связанных с данным местом. <...> *История литературы* изучает литературный процесс, главная условие возникновения которого в региональной словесности – становление регионального самосознания, сибирского, в нашем случае, взгляда на мир. <...> *Геопоэтика* вырастает из традиции исследования «локальных» текстов («петербургский», «московский», «усадебный», «провинциальный», «сибирский», «алтайский» и т.п.). Ее цель – реконструкция структурно-семантических особенностей созданного в художественном произведении пространства, чьи параметры запрограммированы личностью автора, реальным ландшафтом, культурно-исторической памятью, мифопоэтической семантикой данной территории. <...> Совпадение интересов истории и теории литературы лежит в области *исторической поэтики*, предметом изучения ставящей генезис и

развитие поэтики (совокупности свойств и закономерностей) региональной литературы как подсистемы общерусской литературы» [Богумил, 2017, с. 13-14] .

Таким образом, обобщая изложенные точки зрения на проблему сибирского текста, можно выделить три ракурса его рассмотрения:

- 1) место /литературное краеведение – локус рождения, пребывания, биографический этап и «материал» для творчества;
- 2) тема Сибири / история национальной литературы, сибирская литература – узнаваемые сибирские детали, образы, прототипы, творческая лаборатория, отношения к местной литературной традиции, рефлексия по поводу «уехать/остаться» в эпистолярном, публицистическом и художественном дискурсе, осознание себя как писателя в сибирском локусе;
- 3) сибирский текст / геопэтика (имагология, имагижинальная география) – генезис и становление особой авторской поэтики сибирских произведений, возможность их рассмотрения как метатекста, предполагающего единство нарративных стратегий, художественных приемов и принципов, преобладание модуля художественности, жанровых предпочтений и т.д.

В теоретическом параграфе необходимо определить и термин художественного сознания. По определению Л.А. Закса, «художественное сознание – это социокультурно обусловленный идеальный субстрат (основание) и механизм (способ) художественно-образного освоения мира, система идеальных структур, порождающих, программирующих и регулирующих художественную (творческую и воспринимательскую) деятельность и ее продукты» [Закс, 1990, с. 6], «идеальная подсистема, осуществляющая и обеспечивающая художественное освоение мира во всей его специфике» [Закс, 1990, с. 59].

Специфика описания художественного сознания автора как целостного феномена заключается в том, что «носителем» сознания является не психика писателя, а текст как «нестабильно цельная, связанная смысловая (семиотическая, коммуникативная, эмотивная) система, в разножанровых формах отражающая структуры сознания его продуцента» [Гацура, 2001, с. 3]. Задача исследователя в этом случае – «поймать» «живые формы» (выражение Е.К. Созиной) бытия сознания в

художественном слове, поскольку текст – «единственная данность сознания ушедших эпох и «вещь», продуцированная культурой» [Созина, 2001, с. 502]. А.Н. Кошечко предлагает рассмотрение феномена художественного сознания глубже – как «творческой динамической системы, включающей в себя и мировоззрение автора и его эстетику, и собственно творчество» [Кошечко, 2011, с. 192] в широком понимании как совокупность художественных произведений, публицистики, писем и дневников писателя. Такой подход видится удачным и продуктивным, поскольку предполагает изучение феномена авторского сознания не только как данности конкретного текста, но и моделирование феномена художественного сознания на метауровне как целостной системы.

Рассмотрев существующие в науке теоретические подходы к осмыслению топоса Сибири, описав терминологический инструментарий диссертации, наметим собственные методологические векторы исследования и сформулируем рабочее определение понятия, положенного в заглавие работы.

Сибирский текст Достоевского – это политекстовое единство биографического, художественного, эпистолярного и публицистического дискурсов писателя, складывающееся вокруг топонима Сибирь и обусловленное ценностно-мировоззренческой установкой авторского сознания, формирующей систему нарративных стратегий и своеобразие поэтики.

Сибирский текст Достоевского существует в двух ипостасях: непосредственно текст художественных произведений и текст культуры в целом, включая Сибирь в биографии автора, образ Сибири в художественном сознании писателя, персональная концептосфера сибирского мифа, взаимодействие реальной и мифологической географии Сибири и т.д. Оба аспекта взаимосвязаны и тесно переплетены, вместе образуя локальную структурно-семантическую категорию русской культуры, проявляющуюся в художественном, публицистическом и эпистолярных текстах писателя. Сибирский текст Достоевского в широком смысле формирует символическое поле культуры, тяготея к сверхтексту.

Целостность и системность диссертации обеспечивается исследовательской установкой «вглубь»: направление анализа от литературного краеведения к геопо-

этике, от топографических деталей – к художественному сознанию автора. Нам представляется важным проследить процесс взаимопроникновения и взаимоотражения фактов биографии и творческих интенций, рассмотреть сибирский опыт как непосредственную художественную лабораторию автора. Поиск и выявление новых архивных документов позволило реконструировать контекст пребывания писателя в Сибири, дать развернутый комментарий к художественным образам произведений, для которых артефакты послужили творческим стимулом, инициировали художественную рефлексию.

Кроме того, значимо осмысление авторской позиции: Достоевский создает художественные тексты не для провинциального, а для российского читателя, творческая лаборатория автора не ограничивается сибирским контекстом, а подразумевает рефлексию на фоне всей мировой истории, литературы и культуры, поэтому направление анализа идет «вслед за автором»: от узко регионального взгляда – к всеобщему, извлечение из локальной конкретики факта глобальной, всеобщей закономерности, философского смысла.

Сибирь биографически возникает у Достоевского в 1849 г., когда, испытав первый литературный успех и последующее разочарование В.Г. Белинского в его таланте, Достоевский внезапно очутился под следствием, в заключении в Алексеевском равелине. Ему инкриминировалась революционная деятельность, что грозило полным осуществлением предостережения отца, сказанного горячему и резкому на слова подростку: «Эй, Федя, уймись, несдобровать тебе... быть тебе под красной шапкой!» (т.е. в арестантской роте. – *Е.С.*) [Ф.М. Достоевский в воспоминаниях, 1990, Т. 1, с. 87]. В Сибири писателю придется провести 9,5 лет, из которых 4 года – в Омском каторжном остроге. По окончании каторжных работ Достоевский был зачислен рядовым в 1-ую роту Сибирского 7-го линейного батальона в Семипалатинске, в котором пробыл с 2 марта 1854 г. по 30 июля 1859 г., сначала рядовым, потом унтер-офицером и, наконец, прапорщиком. Сибирское десятилетие биографии писателя позволило апробировать на собственном опыте пенитенциарный сюжет, закрепив за автором правовую проблематику и интерес к сибирскому топосу в дальнейшем творчестве.

Прежде чем обратиться к анализу сибирских впечатлений автора, послуживших отправной точкой творческого процесса Достоевского, необходимо понимать исходную позицию: как писатель воспринимал топоним Сибири до того момента, как оказался географически в этом пространстве. Мифологема Сибири возникает еще в раннем творчестве Достоевского, поэтому основной анализ предваряем небольшим обзором сибирской темы.

1.2 Топография и семиотика Сибири у Достоевского в целом

Впервые в творчестве автора сибирский топоним возникает в романе «Бедные люди» в сочинении Ратазьева о Ермаке, который переписывает Макара Девушкин. Обратим внимание, что это литературный сюжет, поданный в восприятии главного героя. В письме от 26 июня Девушкин цитирует следующий фрагмент из повести «Ермак и Зюлейка», актуальный для него и выполняющий функцию замещения сцены признания в любви во взаимоотношениях с Варенькой:

« – Ты любишь меня, Зюлейка! О, повтори, повтори!..

– Я люблю тебя, Ермак, – прошептала Зюлейка.

– Небо и земля, благодарю вас! я счастлив!.. <...> Я покажу всему свету мою Зюлейку, и люди, бешеные чудовища, не посмеют обвинять меня! О, если им понятны эти тайные страдания ее нежной души, если они способны видеть целую поэму в одной слезинке моей Зюлейки! О, дай мне стереть поцелуями эту слезинку, дай мне выпить ее, эту небесную слезинку... неземная!

– Ермак, – сказала Зюлейка, – свет зол, люди несправедливы! Они будут гнать, они осудят нас, мой милый Ермак! Что будет делать бедная дева, взросшая среди родных снегов *Сибири* (здесь и далее курсив наш. – *Е.С.*), в юрте отца своего, в вашем холодном, ледяном, бездушном, самолюбивом свете? Люди не поймут меня, желанный мой, мой возлюбленный!» (1; 53).

Не менее важно, что Девушкин пересказывает трагический финал истории: сибирский хан Кучум убивает дочь из ревности, что приводит к чрезмерной же-

стокости нового властителя над побежденными («Мне нужно их крови, крови!» – 1; 53), а затем к самоубийству Ермака.

Таким образом, в первом романе Достоевского тема Сибири связана с мотивами большой любви, ревности, насилия, убийства на почве страсти. Кроме того, впервые в творчестве писателя возникает мотив слезинки, но принадлежит она не ребенку как в «Братьях Карамазовых», а девственно чистой девушке, выросшей среди снегов Сибири и олицетворяющей для Ермака весь мир. Сибирский локус представлен амбивалентно как место счастья, любви и блаженства, которое нарушается убийством возлюбленной ее отцом, что приводит к запредельной жестокости Ермака, а затем к его суициду.

Используя достаточно популярный исторический сюжет о Ермаке как «диком и грозном завоевателе Сибири», Достоевский переосмысляет и мифологизирует его в духе романтических штампов неземной любви, против которой восстают окружающие. Подчеркнем, что в летописных источниках XVI-XVII вв. любовная интрига казачьего вождя отсутствует, более того, Ермак отвергает принесенную ему в дар прекрасную дочь татарского князя Саргачика и запрещает другим прикасаться к ней [Сиренко, 2009, с. 87].

В трагедии П.П. Плавильщикова «Ермак» изображается воссоединение главного героя и дочери хана Кучума Ирты как закономерный этап примирения хана с царем Руси и переход в православную веру. В поэме П.П. Ершова «Сузге» (1837) главная героиня – молодая жена Сибирского хана Кучума, которая, оказавшись осажденной во дворце, предпочитает самоубийство покорению. До Достоевского литературная мифологизация образа Ермака происходила двумя путями: он изображался как национальный герой и/или разбойник (трагедия А.С. Хомякова «Ермак» в духе «Разбойников» Шиллера) [Анисимов, 2005, с. 83-88], [Сиренко, 2009, с. 86]. В романе «Бедные люди» в сочинении Ратазьева любовь изображена как итог и венец жизненного пути, а сам Ермак – не только национальный герой, покоритель Сибири, но и жертва.

Итак, уже в самом первом произведении Достоевский модифицирует, трансформирует устоявшийся мифологический образ Сибири, объединяя в один мо-

тивный комплекс сибирскую топографию, любовь, страдание, преступление, жестокое убийство, смерть. «Категория пространственной отдаленности дополняется осмыслением Сибири как культурного <...> и антропологического иного [Анисимов, 2005, с. 66], места инициации, определения жизненных приоритетов. Воплощением инаковости мира является чистая девушка, потеряв которую, герой теряет себя – искомое счастье оборачивается адом для побежденных и личной драмой завоевателя. Трагическая разработка сибирской темы Ратазяевым усиливается восхищением Девушкина в отношении гениальности текста, но снижается ироническим нарративом самого Достоевского. Но намеченные в первом романе только пунктирно мотивы получают дальнейшую разработку в творчестве писателя.

Иначе мотив Сибири представлен в рассказе «Ползунков», где упоминается вскользь в эпизоде «анекдотического» получения отставки рассказчиком. Федосей Николаич дает ход бумаге об увольнении, написанной Ползунковым в шутку на первое апреля. Будущий тесть переводит родственно-семейные отношения в официальный дискурс и грозит тюрьмой ненадежному подчиненному и жениху:

«—Да ведь я ж тогда шуточкой, Федосей Николаич, я ж не хотел, я так подал бумагу, для родительского вашего... вот!

—Как-с вот! Какое, сударь, шуточкой! Да разве такими бумагами шутят-с? да вас за такие шуточки когда-нибудь в Сибирь упекут-с. Теперь прощайте, мне некогда-с, у нас ревизор-с» (2; 15).

В рассказе Сибирь фигурирует как исправительный локус для неблагонадежных людей с одной стороны, с другой, в шутку становится платой за неудачное жениховство. Эта тема продолжится и в романе «Село Степанчиково и его обитатели» в возмущенной реплике Мизинчикова об Обноскине, укравшем у него идею увезти Татьяну Ивановну, но не способном довести ее до логического конца: «Но клянусь вам, если б он сумел все это обделать как следует, я бы, может быть, и простил его! Дурак, дурак! И как держат, как терпят таких людей в обществе! Как не ссылают их в *Сибирь*, на поселение, на каторгу!» (2; 129). Кроме того, в романе сибирский локус маркирован силой и импульсивностью чувства любви, вспыхнувшей между полковником и Настенькой. Из разговора повествователя Сергея с

помещиком Бахчевым читатель узнает, что дядюшка «влюблен, как *сибирский* кот» (2; 28). Это выражение восходит к услышанной Достоевским в Омском остроге и записанной в «Сибирскую тетрадь» под № 384 фразе «Влюблен, как кошка» (4; 245).

Развернутая картина сибирской топографии представлена в «Записках из Мертвого дома», где формируется в полной мере авторская мифологема Сибири как духовного лазарета, места возрождения души преступника. «Статистический словарь языка Достоевского», охватывающий весь корпус текстов писателя, содержит такую информацию: слово *Сибирь* встречается 205 раз, из них в художественных произведениях – 109, в критике и публицистике – 40, в письмах – 56 [Шайкевич, 2003, с. 416]. По нашим подсчетам, лексема Сибирь и ее производные употреблены 60 раз в разных вариациях. В первой части произведения номинация **Сибирь** используется 26, а во второй части – 17 раз. При этом в первой части Сибирь в большинстве случаев означает место каторги, пенитенциарный локус, а во второй части – топоним, отличающийся этнографической спецификой (См. подробнее в § 4.8).

Кроме того, в «Записках» есть прилагательный **сибирский** – 10 (сибирский городок, язва, волость, бродяжничество), название жителя – **сибиряк** – 5 раз, **сибирка** – разновидность одежды, наречие **по-сибирски**. Концентрация названных лексем в этом тексте Достоевского отличается особой насыщенностью. По данным «Статистического словаря» лексема **сибирский** встречается всего 18 раз, из них 15 в художественных произведениях, отсутствует в публицистике и 5 раз употреблена в письмах; **сибиряк** соответственно 5, 3, 1, 1; **сибирка** – 3, 2, 1, 0 [Шайкевич, 2003, с. 416].

Употребление лексики связано с общей логикой произведения: от преступления к воскрешению души человека. По нашим подсчетам, слово **острог** присутствует 377 раз, **тюрьма** – 4, **преступление** – 55, **преступник** – 40, **наказание** – 116, **вина** – 7, **виноватый** – 12, **виновный** – 2, **обвинять** – 2, **обвиняющий** – 1, **обвинение** – 2, **невинны**, **невинность** – 11. В совокупности с другими лексемами правового поля вырисовывается общая концепция произведения: несоответствие

вины и наказания преступлению. Нагнетание в «Записках» лексем правового поля особенно очевидно на фоне всего наследия писателя. «Статистический словарь» фиксирует названные лексемы. В таблице представлено общее количество, в художественных произведениях, в публицистике и критике и письмах:

лексема	всего	худ. сочи- нения	критика и публицистика	письма	страница словаря
острог	461	423	34	4	290
тюрьма	100	42	22	36	463
преступление	376	251	100	25	357
преступник	214	144	60	10	357
наказание	199	155	35	9	240
вина	171	91	44	36	88
виноватый	89	70	11	8	88
виновный	126	87	36	3	88
обвинение	203	92	95	16	270
невинно	18	10	6	2	250
невинность	112	73	36	3	250

В романе из «петербургского быта» «Униженные и оскорбленные» на периферии сюжета возникает «Сибирь как место спасения» [Габдуллина, 2015, с. 94]. Из диалога между супругами Ихменевыми мы узнаем весь спектр традиционных мифологических представлений о Сибири. «Уехал бы куда-нибудь отсюда, хоть в Сибирь» (3; 218); «Брошу все и уеду в Сибирь» (3; 220), – заявляет в отчаянии старик Ихменев. В этом случае Сибирь названа героем в аффекте, предположительно, как одно из мест спасения, кардинально отличающихся от лживой петербургской действительности; использовано сослагательное наклонение. Смена места жительства, разрыв с привычным петербургским бытом настораживает его жену Анну Андреевну: «Место-то ему ... выходит; только, как подумаю, в Перми, так и захолонет у меня на душе...» (3; 221). Эмоциональная реакция жены дана писателем как минус-прием и вызвана страхом неизвестности. Герой-рассказчик Иван Петрович играет роль третейского судьи и подтверждает положительные последствия переезда: «В Сибири совсем не так дурно, как кажется» (3; 221). В данном случае в романе реализуется дуальная семантика сибирской топографии, а также происходит развенчание традиционных мифологических представлений о Сибири как о «гиблом месте» и побеждает иная точка зрения – локус спасения, возрождения, перспектив.

В последующих романах Пятикнижия («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») сибирский топос возникает, но уже как устойчивая топографическая доминанта – место каторги, приводящее к нравственному возрождению преступника. Ярче всего эта мысль звучит в монологе Мити: «Можно найти и там, в рудниках, под землею, рядом с собой, в таком же каторжном и убийце человеческое сердце и сойтись с ним, потому что и там можно жить, и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить в этом каторжном человеке замерзшее сердце, можно ухаживать за ним годы и выбить наконец из вертепа на свет душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя! А их ведь много, их сотни» (15; 31). Эта фраза словно повторяет идеализированное представление об арестантах в «Записках из Мертвого дома»: «необыкновенный», «самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего» – 4; 231) и восходит к авторскому признанию, адресованному брату Михаилу, в день казни на Семеновском плацу: «Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не унывать и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее» (28-1; 162).

Подлинное знакомство Достоевского с русским народом состоялось именно в Сибири, о чем он признавался с простительным «маленьким самолюбием» в письме старшему брату, оценивая опыт каторги как урок судьбы: «Если я узнал не Россию, так русский народ хорошо, и так хорошо, как, может быть, немногие знают его» (28-1; 173). В данном случае биографический нарратив зеркален высказыванию персонажа и означает формирование устойчивой авторской мифологемы Сибири.

Так писатель, с одной стороны, следует литературной традиции осмысления сибирского локуса, находится под влиянием символического поля сибирского текста с его дуальной инферально-парадизной семиотикой, с другой, – начинает процесс модификации топического текста, задавая новые референциальные связи сибирских артефактов в творчестве, что подробнее мы рассмотрим в дальнейшем.

Глава 2. Сибирь Достоевского: новые факты биографии писателя и его окружения

2.1 Сибирские топосы в письмах Достоевского

Каждый город считает за честь, если в его истории остался след гения. Маленький Стретфорд гордится тем, что является родиной Шекспира; Веймар прочно связал себя с Гёте, Безансон – с Гюго. «Судьба Достоевского тесно переплетается с Петербургом XIX века. Но жизнь писателя оказалась настолько событийной, что включила в орбиту несколько небольших сибирских городов (Омск, Семипалатинск, Кузнецк), ставших этапами в его биографии. Одним из таких городов был и Барнаул» [Маркин, 1985, с. 92].

За годы подневольной службы в Семипалатинске Достоевскому не раз приходилось бывать в городах и селениях Алтайского горного округа: Барнауле, Кузнецке, Змеиногорске, на Локтевском руднике. Именно в Семипалатинске писатель обрел новые знакомства, без которых его визиты в Барнаул едва ли бы состоялись. Таких знакомств было как минимум три. Первое – со стряпчим уголовных и гражданских дел (современным прокурором) Александром Егоровичем Врангелем, из переписки с которым мы и узнаем о пребывании писателя в Барнауле. Второе – с Марией Дмитриевной Исаевой. Она была замужем за учителем гимназии Александром Исаевым, горьким пьяницей, который позже стал прототипом образа Мармеладова. После смерти мужа Мария Дмитриевна стала первой супругой Достоевского. И еще одна важная встреча – с известным русским путешественником и ученым Петром Петровичем Семёновым (позднее прибавившим к своей фамилии Тян-Шанский), с которым Достоевский был знаком еще в Петербурге.

Итак, первый город на пути Достоевского – Омск. В письме брату Михаилу от 30 января-22 февраля 1854 г. ссыльный писатель признается: «Омск гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени. Я говорю про черный народ. Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К.И.

И<вано>в был мне как брат родной. Он сделал для меня всё что мог. Я должен ему деньги. Если он будет в Петербурге, благодари его. Я должен ему рублей 25 серебром. Но чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимание и заботливость как о родном брате» (28-1; 171). В письме Ч.Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 отмечает: «Вы пишете, что Вам в Омске скучно – еще бы!» (28-1; 249). Негативное впечатление от Омска содержится и в письме ротному командиру А.И. Гейбовичу 23 октября 1859 г., в котором Достоевский описывает обратную дорогу из Сибири в Тверь: «Но вообще Омск мне ужасно не понравился и навел на меня грустные мысли, воспоминания, – резюмирует писатель.– Когда выехали из Омска, тут-то я настоящим образом простился с Сибирью. Дорога пошла прескверная, но Тюмень – великолепный город – торговый, промышленный, многолюдный, удобный – всё что хотите» (28-1; 361). Следует отметить, что в восприятии Омска Достоевский субъективен, город осознается им через призму личной судьбы как топос несвободы, место каторги.

Следующий город – Семипалатинск, куда писатель был определен на бессрочную службу рядовым в 7 линейный батальон. Перемены в судьбе сказались на более позитивном (по сравнению с Омском) мнении Достоевского.

В письме М.М. Достоевскому от 27 марта 1854 г. он признавался: «Климат здесь довольно здоров. Здесь уже начало киргизской степи. Город довольно большой и людной. Азиатов множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десятки, а может быть, и сотни верст. Здесь всё ель, сосна да ветла, других деревьев нету. Дичи тьма. Порядочно торгуют, но европейские предметы так дороги, что приступить нет. Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того» (28-1; 178-179). Однако не исполнил этого намерения. Аналогичное обещание он давал и Ч.Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 г.: «Хотелось бы Вам написать кое-что о Семипалатинске; есть вещи очень смешные. Да не упишешь и 10-й доли, если писать как следует» (28-1; 250). Дело здесь, вероятно, в том, что юмористические истории, свидетелем и наблюдателем которых был пи-

сатель, требовали живой беседы, непосредственного диалога и теряли смысл при переносе в эпистолярную форму при удаленном адресате. Таким образом, первоначально Семипалатинск воспринимается амбивалентно.

После женитьбы, когда расходы возросли, как минимум, вдвое, Семипалатинск оценивается однозначно негативно как «самый дорогой городишка в мире» с «азиатской торговлей» (письмо от 3 ноября 1857 брату Михаилу – 28-1; 290) и как место мучения. Так, в письме Е.И. Якушкину от 12 декабря 1858 г. Достоевский пишет: «живу в Семипалатинске, который надоел мне смертельно; жизнь в нем болезненно мучит меня. Не могу Вам за краткостью всего объяснить» (28-1; 317), «всего не расскажешь (28-1; 318). В то же время в письме брату Михаилу от 13 декабря 1856 г., надеясь на отставку и возвращение в европейскую Россию, автор противопоставляет Европу и Азию, Москву и Семипалатинск: «Приеду в Москву без копейки. (Но уж лучше быть без копейки в Москве, чем тратить силы и проживаться в Семипалатинске.) <...> К тому времени наверно выйдет отставка, и в Семипалатинске я и лишнего дня не хочу сидеть» (28-1; 319-320). В письме А.Е. Врангелю от 22 сентября 1859 пишет, что в Семипалатинске («не осталось ни одной симпатической личности, ни одного светлого воспоминания» –28-1; 337).

Отметим, что восприятие Семипалатинска как глуши, синонима Азии и рубежа, поворотного пункта биографии у ссыльного писателя было еще в Омске, до приезда в город. В письме к Н.Д. Фонвизиной от конца января-20-е числа февраля 1854 г. он признавался: «Я еду в глушь, в Азию, и уж там-то, в Семипалатинске, кажется, совершенно оставит меня всё прошлое, все впечатления и воспоминания мои» (28-1; 177).

Семипалатинск напоминал деревню по уровню культурного развития. Сами жители города называли его Семипроклятинском¹¹. Негативно характеризует Семипалатинск как скучный город и А.Е. Врангель: «[р]азвлечений в Семипалатинске не было никаких. За два года моего пребывания туда не заглянул ни один проезжий музыкант, да и фортепиано было только одно в городе, как редкость. Не

¹¹ Добавим, что одноструктурность словообразовательной модели «роднит» Семипалатинск – Семипроклятинск со Скотопригоньевском – городом, в котором происходит действие романа «Братья Карамазовы», хотя традиционно считается, что писатель изобразил в последнем произведении Старую Руссу. Скорее всего, это провинциальный российский город в целом.

было даже и примитивных развлечений, хотя бы вроде балагана или фокусника. Раз, помню, писаря батальона устроили в манеже представление, играли какую-то пьесу. Достоевский помогал им советами, повел и меня смотреть» [Врангель, 1912, с. 27-28].

Итак, за пятилетнюю службу Достоевского в городе, Семипалатинск упоминается, по нашим подсчетам, в письмах разным адресатам 70 раз, учитывая, что по этикетным нормам начало письма предполагает название места. Для сравнения, эпистолярные свидетельства об Омске встречаем только 7 раз, Кузнецк возникает на страницах его эпистолярия 37 раз, Барнаул же упоминается 45 раз, два из которых он фигурирует как город Б.

Отзывы о Кузнецке, разлучившем с возлюбленной, также отрицательные. Этот населенный пункт имеет нелестную репутацию «городишки» (28-1; 212), в котором процветают проклятые кумушки, сплетни и сводничество (23 марта 1856 г. А.Е. Врангелю – 28-1; 211). Это символ провинциальности и отсутствия общей культуры. Пожалуй, из всех сибирских городов Кузнецк имеет самые нелестные характеристики, создающие впечатление нисходящей градации: «гадость кузнецкая» (28-1; 231); «Кузнецк? Подлость!» (28-1; 235); «вечный Кузнецк» (28-1; 236); «Жить в Кузнецке ужасно» (28-1; 245). Жители города именованы не иначе как «враги», «шпионы», «дряни», «гады» и «гадины», занимающиеся только интригами. Достоевский – автор окказионального наречия **по-кузнецки**. В письме А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г. писатель так описывает последствия разговора с соперником в любви к М.Д. Исаевой – Николаем Вергуновым: «А он истинно **по-кузнецки** и *глупо* принял себе за личность и за оскорбление – дружескую, братскую просьбу мою (ибо он сам просил у меня и дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья; ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущем и вечный Кузнецк. Представьте себе, что он всем этим обиделся; сверх того вооружил ее против меня, прочтя наизнанку одну мою мысль и уверив ее, что она ей оскорбительна. Мне написал ответ ругательный. Дурное сердце у него, я так думаю!» (28-1; 236).

На фоне амбивалентной либо чаще негативной характеристики других си-

бирских городов выделяется Барнаул как пространство надежд, культуры, свободы. Именно в Барнауле Достоевский высказывает желание раскрыться в лучших своих ипостасях писателя, влюбленного, жениха.

Автор «Бедных людей» неоднократно высказывает желание поселиться в Барнауле еще до посещения города. Свидетельства об этом сохранились в письмах писателя к барону А.Е. Врангелю. В письме от 23 марта 1856 г. он высказывает надежду: «неужели нельзя мне перейти из военной (службы. – *Е.С.*) в статскую и перейти в Барнаул, если *ничего* не будет другого по манифесту?» (28-1, 213). В письме от 13 апреля 1856 г. прямо просит друга: «Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе моем в статскую службу *именно в Барнаул*, то ради Бога, не оставляйте без внимания. Если возможно говорить об этом с Гасфортом, то, ради, Бога, поговорите, а если можно не только говорить, но и делать, то не упускайте случая и похлопочите о моем переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый *близкий* и самый *верный* шаг для меня» (28-1; 230). В письме от 29 мая 1856 г. переживает: «вы пишете, что хлопочете о переводе моем в барнаульский батальон¹². Ради всего, что для Вас свято, *не переводите* меня раньше офицерства» (28-1; 234). 14 июля 1856 г. Достоевский вновь делится своими планами с А.Е. Врангелем: «если меня произведут, то желаю в Барнаул» (28-1; 237). 21 июля 1856 г. вновь повторяет: «Если действительно есть надежда про-извести меня в офицеры, то нельзя ли устроить, чтоб в Барнаул?» (28-1; 240).

Таким образом, Достоевский в письмах шесть раз обращался к стряпчему казенных и уголовных дел округа (совр. прокурору) барону А.Е. Врангелю с просьбой о переводе на статскую службу в Барнаул. Настойчивые и многократные просьбы похлопотать о переезде в столицу горного дела на Алтае объясняются тем, что, во-первых, через Барнаул лежал путь в Кузнецк, где жила возлюбленная – Мария Дмитриевна Исаева; во-вторых, Барнаул имел славу интеллигентного культурного города в отличие от Семипалатинска, наконец, в Барнауле бывали П.П. Семенов и А.Е. Врангель, покровительство которого дарило надежды на перемену участи.

¹² В Барнауле был 10 Сибирский линейный батальон.

О Барнауле Достоевский писал еще до того, как побывал в нем. В то время у города была репутация небольшого, но интеллигентного городка. Барнаул середины XIX в. и в экономическом, и в культурном отношении был одним из ведущих городов Сибири. Этому способствовала довольно развитая горнозаводская промышленность Колывано-Воскресенских заводов (с 1834 г.– Алтайских), административным центром которых являлся Барнаул.

Горные инженеры в массе своей были людьми образованными, сведущими не только в своей профессии, но и в литературе и в искусстве. Не случайно именно в Барнауле возник первый в Сибири музей, основанный в 1823 г. В городе существовал любительский театр, хор и картинная галерея, окружное училище. При сереброплавильном заводе была открыта публичная библиотека, имевшая целью «...научное ознакомление с минералогией и горным делом и поэтому содержит главным образом сочинения по этим предметам» [Ледебур, 1993, с. 148]. Еще в XVIII в. в Барнауле появилась аптека – одна из самых первых аптек в России. По меркам того времени, Барнаул был довольно крупным городом: В 1858 г. в Барнауле было зарегистрировано 11681 человек, для сравнения в Кузнецке – менее 2000 (1655) [История Сибири, 1968, Т. 2, с. 415].

Барнаул фигурирует в письмах Достоевского как возможное место переезда М.Д. Исаевой из Кузнецка после смерти мужа. Достоевский считал ее незаурядной натурой, для которой губительна провинциальная жизнь. В январе 1856 г. влюбленный писатель мечтает о своем переводе в статскую службу в Барнаул, где предполагает поселиться после женитьбы. «До сих пор я все думал выйти в статскую службу. Начальник Алтайских заводов полковник Гернгросс, друг Ал<ександра> Егор<овича> очень желает, чтоб я перешел служить к нему, и готов дать мне место, с некоторым жалованием в Барнауле. Я об этом думаю, но опять-таки жду, не будет ли чего до весны из Петербурга? Если мне нельзя будет выехать из Сибири, я намерен поселиться в Барнауле», – пишет он в письме к брату Михаилу (28-1; 202).

Но надежде Достоевского не суждено было осуществиться, поскольку М.Д. Исаева после смерти мужа наотрез отказалась переехать в Барнаул. Она пе-

реживала, любят ли ее в Барнауле¹³, и писатель оставил эту идею. По иронии судьбы в Барнаул позднее переедет жить и женится здесь его соперник Николай Вергунов.

Из писем Достоевского нам достоверно известно, что автор посещал Барнаул не менее трех раз. Если быть точнее, то нужно говорить о шести посещениях города, т.к. писатель останавливался в Барнауле по дороге в Кузнецк и обратно.

Впервые Достоевский побывал в Барнауле в июне 1856 г. Об этом он доверительно рассказывает в письме к А.Е. Врангелю от 14 июля того же года, ничего не сообщая о цели, времени поездки. Можно предположить, что унтер-офицер (произведен в унтер-офицеры 24 сентября 1855 г.), зарекомендовавший себя в глазах военного начальства человеком образованным, пользовавшийся поддержкой окружного прокурора и других высокопоставленных чинов, был направлен в Барнаул с каким-то батальонным поручением. Поскольку поездка носила конспиративный характер, ссыльный не сообщает подробности. Из Барнаула писатель, никого не предупредив, самовольно едет в Кузнецк, где проводит два дня с М.Д. Исаевой. «У меня был вид до Барнаула, а в Кузнецк – рискнул, но был» (28-1; 235), – пишет Достоевский Врангелю 14 июля 1856 г., а чуть раньше в письме от 23 мая 1856 г. признается: «Я готов под суд идти, только бы с ней видеться. Мое положение критическое. Надобно переговорить и все решить разом!» – 28-1; 233). Тем не менее перекрестный анализ эпистолярия и мемуаров позволяет установить датировку первого визита Достоевского в Барнаул более точно. В «Летописи жизни и творчества Достоевского» говорится, что Достоевский был в Барнауле в первой декаде июня [Летопись жизни и..., 1993, с. 224]. Из воспоминаний П.П. Семенова нам известно, что первое посещение географом Барнаула состоялось в период с 7 по 19 июня 1856 г., и ученый проживал в доме В.А. Полетики [Семенов-Тянь-Шанский, 2018, с. 15, 27]. Однако знакомые по Петербургу приятели в Барнауле не встречались, их первая встреча в Сибири произойдет 5 августа 1856 г. в Семипалатинске по пути Семенова в укрепление Верное к подножию За-

¹³Об этом Достоевский писал А.Е. Врангелю: «...в Барнаул ехать боится: что если ее там примут как просительницу, неохотно и гордо» (письмо от 14 июля 1856 г.) (28-1; 231).

илийского Алатау – северной оконечности Тянь-Шаня [Семенов, 2018, с. 41]¹⁴. Таким образом, мемуарное свидетельство П.П. Семенова позволяет уточнить хронологию первого визита Достоевского в Барнаул: скорее всего писатель заезжал два раза по пути в Кузнецк на полдня и ночевку в промежутке между 1-6 июня 1856 г.

После смерти А.И. Исаева отчаяние и тревога Достоевского еще более возрастают, поскольку у его возлюбленной появляется новый поклонник – учитель Николай Вергунов. Друг писателя А.Е. Врангель – человек достаточно проницательный и объективный – верно угадал характер отношений между писателем и Марией Дмитриевной. По его словам, Исаева «...приняла горячее участие, приласкала его (Достоевского. – *Е.С.*), не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была» [Врангель, 1912, с. 38].

Второй зафиксированный приезд Достоевского в Барнаул протекал в более благоприятных для него обстоятельствах. 30 октября 1856 г. был получен «высочайший указ» о производстве ссыльного в прапорщики¹⁵. Вместе с офицерским званием пришла относительная свобода. К тому же приобрели определенность отношения с М.Д. Исаевой. И чтобы окончательно прояснить их, он вторично едет в Кузнецк, по пути заезжая и в Барнаул.

Эта поездка Достоевского из Семипалатинска в Барнаул состоялась в конце ноября 1856 г. О ней писатель сообщает Врангелю в Петербург в письме от 21 декабря 1856 г.: «Я ездил в Барнаул и в Кузнецк, с Демчинским и Семеновым (член Географического общества). В Барнаул мы приехали 24-го декабря (день именин Х.), и Гернгросс, не видав еще нас, прямо пригласил нас через Семенова на бал» (28-1; 251). В.Ф. Гришаев справедливо обратил внимание на несоответствие между временем событий, указанных в письме, и датой самого письма. Судя по всему,

¹⁴ Далее Семенов навестит друга в Семипалатинске 5 августа 1856 г., а затем по возвращении из экспедиции 3–8 ноября 1856 года [Семенов–Тян-Шанский, 2018, с. 95], и в следующем году – 26–27 апреля [Козлов, 1983, с. 33] и 27–29 сентября 1857 г. [Семенов–Тян-Шанский, 2018, с. 102]. См. также § 3.5. В свою очередь, писатель посетит друга в Барнауле по пути в Кузнецк в 26 ноября–2 декабря 1856 г. и в феврале 1857 г.

¹⁵ Об этом Ф.М. Достоевский писал брату Михаилу в письме от 9 ноября 1856 г.: «Удивляюсь, что ты так поздно узнал о моем производстве. Я 30-го октября уже знал это. (Поблагодари К.И. Иванова и Ольгу Ивановну. Они мне прислали приказ; да, кроме того, 30-го же октября, из штаба, пришла к военному губернатору бумага о моем производстве)» (28-1; 245).

Достоевский действительно запомнил дату, утверждая, что он прибыл в Барнаул 24 декабря 1856 г. Поэтому датой второго приезда Достоевского в Барнаул следует, по-видимому, считать 24 ноября 1856 г. [Летопись жизни..., 1993, Т. 1, с. 229].

Точнее реконструировать атмосферу и обстоятельства остановки писателя в Барнауле позволяют ее даты. Дело в том, что в Барнауле с 1850 г. официально была учреждена и проводилась ежегодно с 21 ноября по 6 декабря Андреевская ярмарка. На ней «продавались приводимые из России шелк, платки бумажные, сукно и другие ткани, сахар, а также азиатские товары, в том числе кошмы, коженые изделия. Из числа местных товаров активно торговали медом, сливочным маслом, салом-сырцом, а также конопляным и топленым маслом. «В 1852 г. на барнаульскую ярмарку была привезено товаров на 56 тыс., а продано – на 37,5 тыс. руб. В ярмарке принимали участие не только местные жители, но и торговцы из ближайших городов и селений» [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 81]. Можно предположить, что это обстоятельство было представлено официальному начальству при объяснении необходимости поездки писателя.

В письме А.Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. Достоевский сообщает, что его спутниками в этом путешествии были двое друзей: «Я ездил в Барнаул и в Кузнецк, с Демчинским и Семеновым (член Географического общества) (28-1; 251). Однако писатель здесь вновь допускает неточность, что объясняется почти месячным разрывом между поездкой и датой письма. Из мемуаров П.П. Семенова известно, что он уехал из Семипалатинска раньше, в начале ноября, чтобы обосноваться на зимовку в Барнауле. Поэтому поездка Достоевского из Семипалатинска в Барнаул происходила лишь в сопровождении приятеля В.П. Демчинского – адъютанта генерал-майора главного штаба Западной Сибири. Об этом человеке остались противоречивые сведения. Сам Достоевский в письме от 9 ноября 1856 г. А.Е. Врангелю давал такую характеристику приятелю: «Я довольно короток с Демчинским (он мне много помогает насчет *поездок*, ибо сам мне сопутствует, имея делишки сердца в Змиеве). Ради Бога, не подумайте, чтоб он мне Вас заменил. Вы знаете, что это за человек? Но он ужасно предан мне (не знаю отчего), а я

не могу не быть благодарным» (28-1; 244).

Напротив, А.Е. Врангель оставил об этом приятеле Достоевского нелюбимые воспоминания: «Из юнкеров-неучей он был произведен в офицеры и, благодаря протекции, скоро надел аксельбанты адъютанта. Это был красавец лет 25, самоуверенный фат, веселый, обладавший большим юмором; он считался неотразимым Дон-Жуаном и был нахалом с женщинами и грозой семипалатинских мужей. Видя, что начальник его и прочие власти принимают так приветливо Достоевского, желая подъехать и ко мне за протекцией, он проявлял большое внимание к Ф.М. Искреннего же чувства у него не было: он сам слишком гнался за внешним блеском, и серая шинель и бедность Ф.М. были, конечно, Демчинскому далеко не по душе. Он недолюбливал вообще всех политических в Семипалатинске» [Врангель, 1912, с. 84-85]. Возможно, причина такой резко негативной характеристики барона в адрес адъютанта была связана с переживаниями мемуариста, подозревавшего, что друг (в его отсутствие) очень быстро нашел ему замену.

П.П. Семенов описывает Демчинского с большой долей симпатии, снабжая офицера эпитетом блестящий: «При этом я встретил самый предупредительный прием со стороны губернатора, генерал-майора Главного штаба Панова, который, будучи предупрежден о моем приезде, выслал мне навстречу своего адъютанта, блестящего армейского офицера Демчинского, любезно пригласившего меня остановиться у него, так как в Семипалатинске в то время никаких гостиниц не было. Но всего более обрадовал меня Демчинский деликатно устроенным сюрпризом: он мне представил совершенно неожиданно у себя на квартире одетого в солдатскую шинель дорогого мне петербургского приятеля Федора Михайловича Достоевского, которого я увидел первым из его петербургских знакомых после его выхода из “Мертвого дома” [Семенов, 2018, с. 41]. Из мемуаров П.П. Семенова следует, что в Семипалатинске он неизменно останавливался именно у Демчинского: «...после трехдневного непрерывного переезда по почтовому тракту вернулся в Семипалатинск, где остановился по-прежнему у радушного Демчинского, и на этот раз, пробыв у него дней пять, имел отраду проводить целые дни с Ф.М. Достоевским» [Семенов, 2018, с. 95].

Итак, именно Демчинский сопровождает Достоевского на пути Семипалатинск – Барнаул. На ночевку они останавливаются у П.П. Семенова, который обосновался на зимовку в городе в начале ноября. Далее писатель следует в Кузнецк и обратно в одиночестве, а Демчинский ожидает его в Барнауле. Затем они вместе возвращаются через Змиев в Семипалатинск.

Остановка в Барнауле, как явствует из письма, была хотя и кратковременной, но насыщенной событиями: «В Барнауле я пробыл сутки и отправился в Кузнецк. Там пробыл пять дней и, воротившись, пробыл еще сутки в Барнауле» (28-1; 252).

Во время второго пребывания в городе Достоевский встретился с подполковником Андреем Родионовичем Гернгроссом, горным начальником Алтайских заводов, который ему «очень понравился» (28-1; 252). Он через П.П. Семенова пригласил Достоевского на бал по случаю дня рождения своей жены. Были, вероятно, встречи и с другими барнаульскими знакомыми. В письме от 21 декабря 1856 г. автор замечает: «...со многими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!» (28-1; 252).

«Вторая поездка Достоевского в Кузнецк завершилась полным успехом. Офицерский мундир, возникшая уверенность в завтрашнем дне, а еще более – любовь и преданность, не раз доказанные им на протяжении двух с лишним лет, сделали свое дело – М.Д. Исаева дала согласие на брак» [Гришаев, 1985, с. 200].

В конце января 1857 г. Достоевский в третий раз едет в Кузнецк. Это была самая важная поездка – венчание с Марией Исаевой. Теперь он наполнен радостным ожиданием и предчувствием семейного счастья. По дороге писатель заехал в Барнаул, где вновь остановился у известного путешественника и ученого П.П. Семенова, чтобы купить подарки на свадьбу. По-видимому, и значительная часть свадебных денег осталась в лавках местных купцов, учитывая необходимость подготовки к венчанию и беспомощность писателя в денежных вопросах. В Барнауле был гостинный двор, где можно было купить «драгоценности, часы, тарелки, стаканы, французские шелка, муслин, шляпы и другие принадлежности для леди» [Аткинсон, 2013, с. 22].

Знаменитый географ позже вспоминал: «В январе 1857 года я был обрадован приездом ко мне Ф.М. Достоевского. <...> По несколько часов в день мы проводили в интересных разговорах и в чтении главы за главой его в то время неоконченных “Записок из Мертвого дома”, дополняемых устными рассказами» [Семенов-Тянь-Шанский, 1990, Т. 1, с. 310].

По словам городских старожилов, ученый квартировал в доме купца В.И. Зубова, стоявшем на Большой Олонской улице, 39, у Сенной площади. В 1950-70-е гг. в этом же доме находилась «Аптека № 3». Позднее это здание перенесли на место пересечения современных улицы Интернациональной и Красноармейского проспекта. Есть версия, что этот новодел – точная копия прежнего здания. Согласно другой версии – бревна дома те же самые, но конструкция здания была частично изменена.

Итак, это было самое продолжительное пребывание Достоевского в Барнауле. Семенов ничего не сообщает о встречах писателя с «барнаульскими». Однако, зная живой интерес Достоевского к людям, его наблюдательность художника, можно предположить, что он не оставил без внимания своих барнаульских знакомых. Во время поездок писатель завел немало знакомств среди алтайских образованных и гостеприимных горных инженеров и чиновников. В письмах Достоевского 1860-х гг. мелькают имена: Гернгросс, Ковригин, Полетика, Пишке, Коптев, братья Самойловы – с лестными, хотя и скупыми характеристиками. К сожалению, на сегодня «мы не располагаем архивными свидетельствами об этих встречах. А было бы чрезвычайно заманчиво установить (кроме известных лиц) круг барнаульских знакомых Достоевского, его личные связи и отношения. Возможно, отсюда протянулись бы нити к прототипам его произведений шестидесятых годов (“Село Степанчиково”, “Дядюшкин сон”))» [Маркин, 1985, с. 95].

На Алтае интеллигентное общество горных офицеров было радо знакомству со ссыльным писателем, известным по роману «Бедные люди». Они восхищались его умом, талантом, эрудицией, относились с участием к его судьбе бывшего государственного преступника, старились помочь всем, если это было возможно.

Из Кузнецка Достоевский ехал с М.Д. Исаевой, ставшей его женой 6 февраля

1857 г., и пасынком Пашей в Семипалатинск. Он хотел остановиться в Барнауле ненадолго, сводить молодую жену в барнаульский любительский театр, но с ним случился эпилептический припадок, перечеркнувший все планы. Об этом событии Достоевский сообщил А.Е. Врангелю 9 марта: «В Барнауле со мной случился припадок, и я лишних 4 дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно<...>)» (28-1; 270). В письме брату Михаилу от 9 марта 1857 г. Ф.М. Достоевский также описывает происшедшее: «я остановился в Барнауле у одного моего доброго знакомого. Тут меня постигло несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием» (28-1; 275).

Достоевский, стремясь переехать в Барнаул из Семипалатинска, надеялся изменить свой статус, образ жизни, семейное положение. Оставив военную службу, он мог всерьез думать о женитьбе. В цитированном выше письме брату он признался: «Женясь, я совершенно верил докторам, которые уверяли, что это просто нервные припадки, которые могут пройти с переменою образа жизни. Если б я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился» (28-1; 275). Надежды на лучшее, связанные в сознании Достоевского с Барнаулом, сменились суровой реальностью, на которую писателю открыл глаза честный барнаульский доктор» [Десятов, 2002, с. 10-11]. «Так печально закончилось третье и последнее <...> посещение Достоевским Барнаула» [Гришаев, 1985, с. 200].

В общей сложности Достоевский провел в г. Барнауле около полумесяца.

Кстати сказать, в городе бытует «предание, что Достоевский, любясь ансамблем Демидовской площади, первым назвал его «**уголком Петербурга**» [Гришаев, 1985, с. 199].

На самом деле «пальма первенства» здесь принадлежит другому человеку, но важна сама мифологизирующая роль устного предания, потребность связывания города с именем писателя. Достаточно известный в свое время журналист, историк, этнограф, путешественник, один из организаторов Русского географического общества П.И. Небольсин (1817-1893) совершил путешествие на Алтай в 1845 г. Ему принадлежит такой дифирамб Барнаулу: «И Томск, и Тобольск, и другие –

все это города хорошие, прекрасные, настоящие сибирские, а Барнаул мне кажется чистым **уголком Петербурга**; я даже вам скажу, что он похож на заграничный европейский городок...» [Небольсин, 2005, с. 226].

«Панорама заводского поселка, выполненная в 1808 г. живописцем В.П. Петровым, иллюстрирует архитектурный облик, который складывался в ходе реализации генерального плана 1785 г. Поселение было разделено рекой на две части. Правый берег сохранял вид мастеровой слободы, образовавшейся ещё в 40-е годы XVIII века. Эта часть города не имела строгой планировки, и дома строились не по плану, а исходя из соображений удобства. Также на правом берегу располагались стекольный завод и дача начальника заводов («Шарлоттин луг»). На горе построек практически не было, кроме Иоанно-Предтеченской церкви и нескольких домов между Косым и Песчаным взвозами» [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 44].

Принцип регулярности застройки, о которой упоминает К. Ледебур в 1826 г., хорошо отражает план Барнаула 1856 г. из фондов ЦХАФ АК (См. Приложение 1).

В середине XIX в. Барнаул «был в основном деревянным, одноэтажным, но имелось в нем немало и кирпичных зданий. Среди них особой красотой и единством стиля отличались окаймлявшие Демидовскую площадь белоколонные, выкрашенные охрой здания горного госпиталя, окружного училища и дома престарелых, Дмитриевская церковь. Посредине площади, обнесенной со стороны завода и пруда красивой чугунной решеткой, возвышался, прекрасно довершая ансамбль, серый гранитный обелиск с чугунным ликом основателя горнозаводского производства на Алтае Акинфия Демидова. И здания, и обелиск были построены способным учеником Карла Росси, архитектором Алтайских заводов Яковом Поповым. Посланный начальником заводов в Петербург для обучения архитектуре, Попов два года провел в Академии художеств и шесть лет архитекторским помощником великого зодчего, участвовал в создании Михайловского дворца, здания главного штаба, Александринского театра. Нетрудно представить, какие чувства породил этот “уголок” у истосковавшегося в изгнании писателя!» [Гришаев, 1985, с. 199].

Несмотря на то, что Барнаул в сознании писателя был связан с печальным диагностированием эпилепсии честным и квалифицированным барнаульским доктором, Алтай оставил добрую память в его сердце.

На протяжении творческого пути Достоевского мифологизация сибирского пространства продолжается. С течением времени образ Сибири заметно «осветляется», становясь более привлекательным; видимо любить каторжный край и представлять его страной обетованной можно только издалека. Для жизнетворческой стратегии писателя характерно позиционирование себя как перерожденного / заново родившегося в Сибири¹⁶. Так, Достоевский пишет А.Е. Врангелю из Твери 22 сентября 1859 г. после четырех лет разлуки: «Приезжайте же. Поговорим о старом, когда было так хорошо, об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее, об Казаковом саде (помните?), о *бобах* и других огородных растениях, о милейших Змеиногорске и Барнауле, где я после вас бывал довольно часто... ну да обо всем! А Вы мне расскажете что-нибудь из последующей жизни Вашей; сойдемся опять и накопим еще лучше воспоминания. Будет чем помянуть жизнь на старости лет» (28-1; 337).

Еще в более светлой форме Сибирь возникает в разговоре с Вс. Соловьевым в 1873 г. Топос каторги в восприятии Достоевского представлен как идеальное место, оказывающее оздоравливающее влияние на душу: «... мне тогда судьба помогла, меня спасла каторга... совсем новым человеком сделался... И только что было решено, так сейчас все мои муки и кончились, еще во время следствия. Когда я очутился в крепости, я думал, что тут мне и конец, думал, что трех дней не выдержу, и – вдруг совсем успокоился. Ведь я там что делал?.. я писал “Маленького героя” – прочтите, разве в нем видно озлобление, муки? Мне снились тихие, хорошие, добрые сны, а потом чем дальше, тем было лучше. О! это большое для меня было счастье: Сибирь и каторга! Говорят: ужас, озлобление, о законности какого-то озлобления говорят! ужаснейший вздор! Я только там и жил здоровой, счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик... Христа понял... русского чело-

¹⁶ Традицию и спор с Г.Д. Гребенщикова с Ф.М. Достоевским в осмыслении сибирской темы см. подробнее в нашей статье: Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского и Г.Д. Гребенщикова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки» 2018. № 1. С. 170-175.

века понял и почувствовал, что и я сам русский, что я один из русского народа. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно. Ах, если бы вас на каторгу!» [Достоевский в воспоминаниях..., 1990, Т. 2, с. 212].

Таким образом, в эпистолярном наследии писателя можно выделить пять точек сибирского географического пространства: Омск, Семипалатинск, Змиев (Змеиногорск), Барнаул, Кузнецк. Эти города середины XIX в. получают авторскую мифологическую разработку. На фоне других городов по контрасту заметно выделяется Барнаул, занимая значимое место. Место городов в творческой лаборатории художника еще предстоит определить в следующих разделах диссертации.

Далее мы рассмотрим подробнее некоторые детали дорожных путешествий Достоевского (дороги, сроки, протяженность маршрутов), которые позволяют точнее реконструировать сибирский опыт писателя.

2.2 Сибирские маршруты Ф.М. Достоевского

В Сибирь из Европейской России вели три главные дороги – Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, которые в районе Тюмени сливались в одну – Московско-Сибирский тракт. Создание самой крупной сухопутной магистрали для торговой и почтовой связи с Китаем началось в 1733 г., хотя обустройство и заселение Московско-Сибирского тракта продлилось до первой трети XIX в. Долгое время Московско-Сибирский тракт был самой протяженной дорогой в мире. Тракт шел от Москвы через Муром, Арзамас, Козьмодемьянск, Казань, Осу, Пермь, Кунгур, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Большие Уки, Тару, Кайинск, Колывань, Томск. Далее северная ветка шла на Енисейск, Якутск, Охотск, а южная – на Иркутск, Верхнеудинск. Наиболее трудным был Кругоморский (Кругобайкальский) участок тракта. Здесь приходилось преодолевать крутую горную дорогу. После Верхнеудинска дорога опять раздваивалась: одна шла далее на восток, на Нерчинск и вдоль Шилки и Амура (позднее появилось и северное от-

ветвление на Якутск, а затем к Охотску), а вторая поворачивала на юг до Кяхты, к границе с Китаем. Именно эта, южная, ветка называлась «Чайный путь» [Дунец, 2017, с. 9], [История Сибири с древнейших..., 1968, Т. 2, с. 406]. В середине XVIII века путь тракта изменился на более южный. Он проходил от Тюмени через Ялуторовск, Ишим, Тюкалинск, Омск, Томск, Ачинск и Красноярск до Иркутска и далее без изменений [Дунец, 2017, с. 9].

Кроме того, частично совпадая с Московско-Сибирским, южнее в Западной Сибири оформился Линейный тракт: «...он тянулся от Оренбурга до Омска по Горькой или Ишимской линии, затем пролегал по Иртышской линии через Семипалатинск и Усть-Каменогорск до Большенаарымского укрепления, с которого выходил на Бийск и Барнаул, соединенные дороги с Томском» [История Сибири с древнейших..., 1968, Т. 2, с. 406].

На Московско-Сибирский тракт выходили многочисленные региональные дороги.

В Колывано-Воскресенском Горном ведомстве имелись следующие главные дороги:

- 1) Сибирский тракт между Каинском и Томском (от станца Тырышкинского через Колывань до станца Колтайского) – 232 версты (247,5 км);
- 2) тракт от Барнаула до Каинска – летом 261 верста (278,4 км), зимой – 253 версты (270 км);
- 3) тракт из Барнаула через Змеиногорский рудник на Иртышской линию в Омской области через города Семипалатинск, Усть-Каменогорск 395 верст (421,5 км) [Дунец, 2017, с. 28].

Тракты имели ширину проезда при сухом и твердом грунте – 5 сажень, при мягком и глинистом и черноземе – 10 сажень. Трактовая дорога представляла собой широкую накатанную грунтовую дорогу, возвышенную в середине и с канавами по обе стороны для стока воды. В открытых местах (поля, луга) для указания пути во время метели ставили по сторонам столбы-маяки с расстоянием между ними в 50 сажень [Дунец, 2017, с. 86]. Трактовые дороги были самыми важными, об их сохранности заботились в первую очередь. Кроме трактов были

еще дороги второго значения или проезжие дороги, т. е. дороги от одного города к другому. Среди местного населения они также носили названия «трактов», соединяя уездные города. «Большое значение имели уездные дороги: Томск–Бийск, Томск–Кузнецк, Томск–Семипалатинск, которые пролегали через Барнаул, и дороги между уездными городами: Кузнецк–Бийск, Барнаул–Сузунский завод» [Дунец, 2017, с. 72].

Важную роль в Колывано-Воскресенском округе выполняли дороги к заводам и главным рудникам, по которым шло непрерывное движение грузов для горнорудных заводов, подводы с провиантом, почтовые тройки. Так, например, Змеиногорский тракт по причине тяжести перевозки руды в старину называли «кровавой дорогой» [Дунец, 2017, с. 14]. При этом качество этой важной транспортной магистрали оставляло желать лучшего: «...тракт из Барнаула, через Змеиногорск на Иртышскую линию, проходил по крепкого грунту чернозема с глиной» [Дунец, 2017, с. 32].

Бийскую и Кузнецкую крепости связывал Бийско-Кузнецкий тракт. Это была гужевая грунтовая дорога. Меньшее значение имели проселочные дороги, их ширина должна была быть не менее трех саженьей.

Дороги по Барнаульскому, Чарышскому и Кузнецким уездам находились в ведении Чарышского надзирателя [Дунец, 2017, с. 64], под его руководством дороги обязаны были содержать и приводить в порядок жители близлежащих деревень. В XIX в. транспортного налога не существовало¹⁷, повинность извоза и ремонта дорог («обывательская гоньба») осуществлялась по приказу сверху, как правило, летом в разгар сельскохозяйственных работ, поэтому дорожные работы проводились крестьянами без энтузиазма, с низким качеством.

Важно заострить внимание, что столь важные для Сибири транспортные магистрали находились в плохом состоянии. В дождливую погоду весной и осенью они были непригодны для проезда. Поэтому «основное движение происходило в

¹⁷ В 1824-1825 гг. властями предпринималась попытка содержать почтовые станции за счет денежного сбора в земскую повинность посредством подрядчиков, но это начинание себя не оправдало. С 1826 г. ямская повинность и повинность содержания дорог снова «исправлялась натурой». Каждая волость и селение устанавливали график продолжительности повинности. Учитывая протяженность дорог и количество станций на Сибирском тракте, 30 крестьянам необходимо было содержать одну лошадь для гоньбы. См. подробнее об этом [Дунец, 2017, с. 38, 55-56].

зимнее время, когда снег и лед сглаживали недостатки дорог» [Дунец, 2017, с. 32]. Так, серебро из Барнаула в Санкт-Петербург отправлялось только с установлением зимнего пути в три этапа: в ноябре-начале декабря, в декабре, в январе¹⁸. Для этого на каждой станции необходимо было содержать 35-50 лошадей, чтобы караваны нигде не задерживались.

Приведем еще несколько любопытных фактов. В 1834 г. по сведениям Томского губернского правления на участке дороги Барнаул – Кузнецк нуждалось в полной замене 297 столбов [Дунец, 2017, с. 56]. Главный начальник Алтайских горных заводов в 1843 г. сообщал, что по Барнаульскому и Московскому трактам дорога находится в неудовлетворительном состоянии: она узкая, огромное количество выбоин, можно ехать «не иначе как медленно», «нет возможности следовать в ряд парой лошадей» (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1714. Л. 717-734). В документах Алтайского горного правления от 19 июля 1844 г. горный начальник Колывано-Воскресенских горных заводов констатировал, что «в проезд свой ныне за обозрением казенных золотых промыслов заметил по трактам от Кузнецка к городу Томску и от Барнаула на Томск мосты, гати, спуски с гор находятся в самом худшем положении» (ГААК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 309. Л. 236) и предписывал навести порядок в ближайшее время. Однако через год, в официальном документе он использует эмоционально окрашенные лексемы: «я вполне надеялся, что дорога от города Барнаула к Томску, состоящая в содержании и исправлении обязанности крестьян Боровлянской волости как следует устроена, но к удивлению моему сверх всякого ожидания нашего весьма много неисправностей» (ГААК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 309. Л. 234-235).

К сожалению, спустя полвека в состоянии дорог ничего не изменилось в лучшую сторону. Так, французский предприниматель Клод Оланьон, изучавший состояние экономики обширных территорий Сибири с целью дальнейшего коммерческого освоения, в книге «Сибирь и ее экономическая будущность» с европейской вежливостью отмечал несовершенство транспортных артерий:

¹⁸ Несколько иная, отличная от официальной информация содержится в корреспонденции Ш.Л. Аткинсон: «Шесть караванов с драгоценными металлами отбывают из Барнаула каждый год – четыре зимой на санях и два в течение лета» [Аткинсон, 2013, с. 16].

«Под словом “дороги”, применяемым к колесным дорогам Сибири, не следует понимать шоссе, мощенное камнем, снабженное канавами и проч.; они, как дороги европейской России, заброшенные <...> подобны дорогам всех молодых стран <...> и значительно отличаются от европейских дорог» [Оланьон, 1903, с. 10].

На наш взгляд, состояние дорог необходимо учитывать в качестве одной из важных составляющих сибирского опыта Достоевского; их он был вынужден мужественно преодолевать.

«Почтовый дорожник Российской империи» 1875 г. позволяет реконструировать и уточнить некоторые детали и обстоятельства передвижения писателя, т. к. содержит много интересной информации – например, сведения о количестве лошадей. Так, можно утверждать, что Достоевский путешествовал на двух лошадях, т. к. меньшее количество было запрещено использовать специальным положением Комитета министров от 17 июня 1824 г. [Почтовый дорожник, 1873, с. 15].

В зимние сани, согласно документу, также полагалось запрягать пару лошадей [Почтовый дорожник, 1875, с. 16] при наличии 2–3 пассажиров, а Достоевский путешествовал один, либо с А.Е. Врангелем или с В. П. Демчинским. В поездках с Марьей Дмитриевной и пасынком (Кузнецк–Семипалатинск, Семипалатинск–Тверь) использовалась уже три лошади.

На основании «Почтового дорожника» 1875 г. можно определить и рекомендуемую скорость движения по почтовым дорогам: она устанавливается в зависимости от качества дороги в диапазоне 10-12 верст в час [Почтовый дорожник, 1875, с. 26].

В случае скоростной езды, необходимой для курьера, скорость незначительно увеличивалась и составляла вместе со сменой лошадей 12-15 верст в час [Почтовый дорожник, 1875, с. 28].

Отметим также, что превышение скорости могло иметь и серьезные финансовые последствия. Если почтарь под влиянием «проезжающего» загонит лошадей, то последний обязан заплатить 40 рублей 50 копеек за каждую палую или увечную лошадь [Почтовый дорожник, 1875, с. 27]. Однако в этом случае нужно было доказать, что лошадь была здоровой на момент начала пути.

На территории Сибири существовала специальная порода лошадей, совмещающая в себе выносливость и быстроту. «Крестьяне Сибири любили лошадей, ухаживали за ними и хорошо кормили. За это лошади платили им своей выносливостью. Тройка кузнецких лошадей проходила перегон в 30-40 верст между двумя станциями рысью без остановок за 3-4 часа, верхом на ней проезжали до 100 верст в сутки. Была кузнецкая порода лошадей: русские тяжеловозы, на которых казаки перевозили свои имущество, скрещивались с местными полудикими лошадками. В результате вывелась порода выносливых и быстрых лошадей. Позже их стали культивировать на конезаводах в Томске и Бийске. На них, вероятно, и возили Ф.М. Достоевского» [Кацюба, 1994, с. 210-211].

На гербе Барнаула над дымящейся доменной печью в верхней части, на зеленом фоне расположена галопирующая лошадь, поскольку считалось, что «лошади сей округи почитаются лучшими, и что у близ живущих татар находятся конские заводы» [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 105]. Все иностранные путешественники по Алтаю в качестве особенности отмечают этот факт.

Герб Барнаула 1846 г.

Французский предприниматель Клод Оланьон писал, что «сибирские лошади, хотя и малы ростом, но чрезвычайно быстры и выносливы, они часто совершают продолжительные путешествия, пробегая почти сто верст ежедневно. Содержание их обходится очень дешево» [Оланьон, 1903, с. 14]. Аналогично высказывался по этому поводу ранее и немецкий ученый К. Ледебур: «Содержание ло-

шади в Барнауле обходится дешево; почти каждая семья имеет собственный экипаж, и зимой улицы Барнаула бывают оживлены нарядными повозками с мчащимися в них дамами и господами...» [Ледебур, 1993, с. 154].

Архивные документы позволяют установить и количество лошадей на станциях. Так, согласно «Правилам об обывательской подводной гоньбе в Сибири» в 1819 г. и 1822 г. было установлено содержать в готовности в губернском городе до 4 пар, в уездном – до 3 пар, на Московско-Сибирском тракте до 3 пар, на прочих трактах – 2 пары лошадей, на проселочных трактах одну пару лошадей (ГААК. Ф. 2.Оп. 1.Д. 8061. Л. 399). «Ведомость о почтовой и обывательской гоньбе на станциях по барнаульскому округу» за 1834 г. содержит данные о количестве лошадей, которые должны были содержаться на станциях. Так, например, в Барнауле нужно было иметь 4 пары лошадей, на Озерской, Тальменской, Боровлянской, Ганюшкино зинovie – по 4 пары, Калманской, Шадриной, селе Белоярском и Сузунском заводах – по 3 пары, при Овчинниковом, Петровском, Лосихинском – по 2 пары лошадей (ГААК. Ф. 177. Оп.1. Д. 267. Л. 534-535 об.). После трехчасового отдыха лошади вновь могут быть использованы в гоньбе.

Кроме того, для поездок волостных и земских начальников было предписано иметь 1-2 разъездные лошади. По тракту Барнаул-Томск, в селениях Беловское и Елтышевское таких приказано иметь по две пары [Дунец, 2017, с. 54].

Недостаточно ясным до сих пор остается вопрос протяженности сибирских маршрутов Достоевского, конкретных станций и возможной скорости передвижения. Зная эти детали дорожного опыта писателя, можно уточнить время, необходимое на поездку.

Семипалатинк–Змеиногорск–Барнаул

Начнем с участка пути **Семипалатинск – Змиев**.

А.Е. Врангель в своих мемуарах упоминает случай, когда летом 1856 г. они вдвоем с писателем предприняли тайную поездку из Семипалатинска в Змиев с целью встречи с М. Д. Исаевой. По воспоминаниям барона, они «не ехали, а вихрем неслись», понукая ямщиков, в тот же день «поскакали обратно», «отмахав 300 верст в 28 часов “по-сибирски”» [Врангель, 1812, с. 66].

Информацию А.Е. Врангеля можно уточнить в «Почтовом дорожнике» (1829). Протяженность пути из Змеиногорска в Семипалатинск **182,5** верст [Почтовый дорожник..., 1829, с. 346].

Г. Колывань... No. 15.	286	ВЪ ВЕНЕВЪ.. No. 675.	48½
И шого .			
2801.		2806.	
Отъ Змеиногорскаго рудника Томской губернии въ Семипалатинскъ Омской области.		ВЪ ЕПИФАШЬ.	
Екатерининскал	29 6	Г. Богородицкъ. No. 9.	59½
Шеманаиха	31 6	Г. Епифашь	25
Красноярскал	25½ 6	И шого .	84½
Омской области.		2807.	
Пьяновской фор- посты	26 6	ВЪ ЕФРЕМОВЪ. No. 9.	151½
109½		2808.	
Г. Семипала- шинскъ... No. 2545.	75	ВЪ КАШИРУ.	
И шого .	182½	Г. Веневъ... No. 675.	48½
		Гричино	50
		Г. Кашира	26½
		56½	
		И шого .	104½
		2809.	

Почтовый дорожник или описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и всех соединенных областей: в 3 с. – Санкт-Петербург, типографии Карла Крайя, 1829. с. 346

Соответственно дорога туда и обратно составляла 365,0 верст. Возможно, конечно, предположить, что местным ямщикам были известны способы, где и как «срезать» дорогу (хотя по карте дорога Семипалатинск—Змеиногорск по большей части идет по прямой, следовательно, расстояние не будет отличаться сколько-нибудь значительно). Если рассчитать скорость (365:28), то получаем 13,04 версты в час. Поскольку 1 верста равна 1,0668 км, то тогда скорость составляет 13,91 км/ч. Так, на основании расчетов и «Почтовых дорожников» можно подтвердить, большую (равную курьерской) скорость движения Достоевского и Врангеля в их «любовных» поездках.

Авторитетным источником для осмысления старых дорог Российской империи, кроме карт, является многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского). Шестнадцатый том этого издания («Западная Сибирь») подробно описывает некоторые тракты, расположенные в их окрестностях населенные пункты и рельеф. Так, тракт из Барнаула на Змеиногорск идет до села **Калманка** параллельно течению реки Оби. Затем он уклоняется в сторону и движется параллельно течению реки Алея. Первая станция на этом участке – село **Чистюлька**, а далее – **Безголосово, Платово** (Платовская). Затем дорога движется до станции **Белоглазово**, где Змеиногорский тракт соединяется с Бийско-Змеиногорским и следует

далее на юг [Россия. Полное географическое описание..., 1907, т. 16, с. 493]. Далее дорога идет к берегам Иртыша, а потом поворачивает на северо-запад в Семипалатинск, минуя станции **Старо-Алейское, Екатерининка, Шемонаиха** и др. [Россия. Полное географическое описание..., 1907, т. 16, с. 505]. К сожалению, в этом источнике указаны не все станции. Дополнить картину позволяют географические карты Томской губернии. Перечислим станции в направлении от Змеиногорска к Семипалатинску: **Старо-Алейское, Екатерининка, Шемонаиха, Красноярская, Убинская, Шульбинский**. Протяженность дороги на участке пути Змеиногорск – Семипалатинск согласно «Почтовому дорожнику» (1829), как мы писали выше, 182,5 верст [Почтовый дорожник..., 1829, с. 346].

Протяженность пути из Барнаула в Змеиногорск высчитываем из масштаба карты Томской губернии (составитель Ю.М. Шокальский, см. Приложение 3), она равна 272,2 версты. Несколько иная (надеемся, что более точная) информация содержится в «Почтовом дорожнике» 1829 г., где указано, что расстояние составляет **280** верст.

Сравнивая два «Почтовых дорожника» 1829 г. и 1875 г., можно заметить, что за пятьдесят лет дорога Семипалатинск–Змиев–Барнаул немного изменилась: появились и исчезли некоторые станции, незначительно изменилась протяженность маршрута. Так, фрагмент маршрута № 72 проходит через станции Змеиногорск-Саушкина (19,5), Курьинская (27,5), Калмыцкие мысы (35,5), Белогласово (33,75), Плотавская (22), Безголосова (26), Чистюньская (25), Калманская (32), Шадринская (23,5), Барнаул (24). Согласно этому «Почтовому дорожнику», протяженность дороги на участке Семипалатинск–Змеиногорск равна 201 версте, а Змеиногорск–Барнаул – 268,75 версты. Тогда общая длина Семипалатинск—Барнаул по версии «Дорожника» 1875 г. будет 469,75 версты (201+268,75).

Таким образом, общая протяженность маршрута из Семипалатинска в Барнаул по дорожникам составила **462,5** версты (1829) или **469,75** (1875).

Барнаул – Кузнецк

Точное знание протяженности пути на следующем участке позволяет уточнить дату возвращения **в Барнаул** из Кузнецка Достоевского во вторую поездку.

Вновь обратившись к шестнадцатому тому издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского), можем обозначить станции Барнаульско-Кузнецкого тракта. Согласно этому источнику, почтовый тракт из Барнаула первоначально направлялся на север, но от станции **Кислуха** поворачивал на юг на станцию **Белоярскую**, затем на северо-восток (не доходя до станции Голубово) к станции **Копылово**, а далее к станции **Сорокино**, за которой тракт пересекал реку Чумыш (приток Оби). Затем дорога следует до станции **Хмелевская**, где тракт выходит из Барнаульского округа и попадает в Кузнецкий, пересекая Салаирский кряж. Следующая станция – **Бачата**, затем станция **Карагайлы**, далее дорога принимает южное направление и, следуя ему до станции **Бангур**, соединяется с Кузнецко-Бийским трактом [Россия. Полное географическое описание..., 1907, т. 16, с. 484-488]. Эту информацию дублирует и коллективная монография «Дороги Алтая: от первых верст до наших дней», в которой кратко описаны промежуточные станции интересующего нас маршрута: «из Барнаула тракт шел на Кузнецк (Кислуха – Белоярск – Голубцово – Копылово – Сорокино (на левом берегу Чумыша) – Яновское – Моношкино – Хмелевское – Салаирский пер. – Гавриловский сереброплавильный завод — Гурьевск – Бачата – Карагайлы – Бангур (соединяясь с Бийско-Кузнецким трактом)» [Дунец, 2017, с. 20]. Однако издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» описывает состояние дорог конца XIX — начала XX века. Если мы обратимся к картам первой трети XIX века, то увидим, что дороги Барнаул—Кузнецк через Салаирский кряж вообще не существовало (см., напр., *Генеральную карту Томской губернии. 1825 г. Приложение 2*).

Сравнение разных топографических карт позволяет говорить о существовании другой, более короткой, дороги, связывающей Барнаул и Кузнецк ¹⁹

¹⁹ Нашу точку зрения по этому вопросу разделяет сотрудник Музея-заповедника «Кузнецкая крепость» А. В. Чекалин. Он пишет: «Открываем карту Томской губернии в Атласе Российской империи А. Ильина на 1871 год. Действительно, такая дорога (на карте в одну тонкую линию), от Барнаула через Салаир, Гурьевск и выйдя на Томско-Кузнецкий тракт далее на Кузнецк, существует. Однако здесь же указан и прямой Барнаульско-Кузнецкий почтовый тракт (на карте в две параллельные линии) через Косиху, Тогул и село Томское (Томский завод). Данный путь значительно короче «крюка» через Салаир, который, как утверждает Эдуард Робертович (Вистерман. – Е. С.) является единственно-возможной дорогой Достоевского. Посмотрим более ранние карты. На Генеральной карте Томской губернии 1825 года, дороги от Барнаула на Салаир нет вообще, но Барнаульско-Кузнецкий тракт показан со всеми почтовыми станциями и расстояниями между ними. Далее смотрим топографическую карту Алтайского

и проходившей через станции Белоярская – Жилино – Косиха – Кытманово – Ло-
сишенский станец – Тогул – Завод Томский.

В «Почтовом дорожнике» 1829 г. указана только одна-единственная дорога
из Барнаула в Кузнецк. По маршрутам Томск–Кузнецк № 2796 и Томск–Барнаул
№ 2791 можно определить все почтовые станции и их протяженность.

2796.		И того лѣтомъ, 470 $\frac{1}{2}$		
ВЪ КУЗНЕЦКЪ.		зимомо . 428 $\frac{1}{2}$		
Проскакова. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$	2798.		
Гонбина..... —2791.	506 $\frac{1}{2}$	ВЪ СУЗУНСКОЙ		
Жилина..... —2792.	55	ЗАВОДЪ.		
Косиха.....	19	Проскакова.. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$	
Лосишиха.....	26	Г. Барнаулъ ... —2791.	322 $\frac{1}{2}$	
Базпалова.....	30	Шахова.....	25	
Тогульское.....	56	Павловской заводъ..	25	
Тогульское зимовье.	19	Шелаболиха.....	25	
Томской заводъ.....	28	Мерешино.....	25	
Березовка.....	24	Заводъ Сузунской.....	25	
Г. Кузнецкъ.....	26			
	208		125	
И того .	643	И того .	519	до шадей не содержитси.

Карсина.....	27	2	ВЪ БАРНАУЛЪ.		
Кодосовская.....	24 $\frac{1}{2}$	4	Проскакова. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$	
Спорокина.....	16	2	Тутальска *.....	11	6
Таскашлинская.....	22	2	Поперешной Иски-		
Купшурлинская.....	15 $\frac{1}{2}$	2	шимъ *.....	29	6
Солдашская.....	22	2	Осиновка *.....	25	6
Кумырская.....	16 $\frac{1}{2}$	2	Изълииска *.....	17	6
Колкуйская.....	12 $\frac{1}{2}$	2	Васина *.....	16	6
Устьлагашская.....	9 $\frac{1}{2}$	2	Агафонова *.....	19	6
Карасушская.....	12 $\frac{1}{2}$	2	Каменска, Мостовая		
Горская.....	14	2	пожь *.....	15 $\frac{1}{2}$	6
Ничкова.....	18	2	Легостаево *.....	26	6
Орлова.....	19	12	Медвѣдская *.....	34	8
	261 $\frac{1}{2}$		Ганюшкино зимовье*	18	8
Г. Тюкалинскъ. No. 15.	75 $\frac{1}{2}$		Анисимова *.....	25	8
Итого .	337		Гальменское *.....	24	8
2789.			Озерки *.....	22	8
Отъ Тюлени въ Ялто-			Гонбина (1).....	29	10
ровскъ.			Г. Барнаулъ.....	16	14
				322 $\frac{1}{2}$	
			Итого .	396	

Фрагменты страницы издания «Почтовый дорожник» (1829, с. 345, 344)

Так, чтобы в 1829 г. попасть из столицы горного дела на Алтае в г. Кузнецк,
нужно было проехать станции Гонбина (16 верст, см. маршрут 2791), Жили-
на (55), Косиха (19), Лосишиха (26), Беспалова (30), Тогульское (39), Тогульское
зимовье (19), Томский завод (28), Березовка (24), Кузнецк (26, маршрут 2796).
Итого длина дорог – **282** версты. Эта же величина получается из суммы расстоя-
ний между станциями, указанными на *Генеральной карте Томской губернии*

горного округа 1864 года. На ней обозначены обе дороги. Но если прямая дорога Барнаул–Кузнецк обозначена как
полноценный почтовый тракт, то дорога через Салаир – как технологическая горнозаводская дорога, которая
в большей степени служила для производственной связи Барнаула с Гурьевским и Гавриловским заводами, а также
с Салаирским рудником» [Чекалин, 2020, с. 4].

1825 г. В случае возможности прямого пути на участке Барнаул-Жилина, маршрут был еще короче – 241 верста.

В «Почтовом дорожнике» 1875 г. также указана лишь одна дорога на Кузнецк.

ЛѢТОМЪ по р. Оби въ лодкахъ, а зимою по льду въ повозкахъ.	скій Ямъ (Самаровская) до Сургута.								Въ Томской губернии.	
	Самаровская		—		4		К Н			
	Тобольской губернии.						К И		№ 165.	
	Шалчинская		66		2		К И		Отъ ст. Тырышкиной до Кузнецка.	
	Селязровская		59		2		К И		Тырышкина	
	Сохалинскія юрты.		34 1/2		2		К И		— 16	
	Куниинская		44 1/2		2		К И		Томской губернии.	
	Тувдринская		26		2		К И		Каткова ¹⁾	
	Пилючинская		37 1/2		2		К И		20 6	
	г. Сургутъ		37		2		К И		по 1 1/2 коп.	
Всего		304 1/2						по 1 1/2 коп.		
¹⁾ Отъ Тюмени до Каменской ст. провозы платятся по 4 коп., только въ одинъ путь.										
²⁾ Отъ Катковой до г. Козьвани, № 3,—26 вер.										

Какая дорога.		Номера подробныхъ маршрутовъ и названіе станцій.		Прогонъ лошадей за лошадей въ сутки.		Какая дорога.		Номера подробныхъ маршрутовъ и названіе станцій.		Прогонъ лошадей за лошадей въ сутки.	
		Версты.						Версты.			
ОБЪЕДИНЕННАЯ	Ерсеная		28		6		ОБЪЕДИНЕННАЯ	Петровская		20	
	Берская		23		6			Харьзовская		23	
	Гойновская		28		6			Буланка		16	
	Медвѣдская		30		9			Шубина		18 1/2	
	129							г. Війскъ		13	
	Ганюшкино зимовье		18		9			Всего		114 1/2	
	Анисимовская		23		9			Въ Тульской губернии.		№ 167.	
	Тальменская		24		9			Отъ Венца до Каширя.			
	Озерки ¹⁾		22		9			г. Веневъ		— 12	
	Гонбина ²⁾		29		9			Тульской губернии.			
	116							Курганцовская		19	
	Бѣлоярская		27		6			Конченковская		22 1/4	
	Жилина		28		6			г. Кашира		17	
	55										
	Косиха		19		4						
Лосиха		26		4							
Кытманова		33		4 1/2							
Тогульское село		36		4							
Тогульское зимовье		19		4							
Томскій желѣзный заводъ		28 1/2		4							
Березовка		24		4							
г. Кузнецкъ		26		4							
		211 1/2									

Фрагменты страницы издания «Почтовый дорожник» (1875, с. 147)

В этом документе интересующий нас маршрут нужно вычленять из дороги № 165, начав со станции Гонбина (29), Белоярская (27), Жилина (28), Косиха (19), Лосиха (26), Кытманово (33), Тогульское село (36), Тогульское зимовье (19), Томский железный завод (28,5), Березовка (24), Кузнецк (26). Барнаул располагался между станциями Гонбина и Озерки. Расстояние между городом и станцией Гонбина нам известно ранее и равно 16 верст. Итак, получается, что протяженность маршрута между городами Барнаул-Кузнецк **282,5** версты (266,5+16). Этот «Дорожник» содержит также справочную информацию: номера подобных маршру-

тов, название станций, количество верст между станциями, количество лошадей на станциях, а также указывает величину прогонной платы.

Сравнивая с «Дорожником» 1825 г. (282 версты), можно сделать вывод, что протяженность дороги в этом направлении практически не изменилась.

Поскольку в «Почтовых дорожниках» нет дороги Барнаул–Кузнецк через Салаирский кряж, документально подтвердить ее протяженность на сегодняшний момент не представляется возможным, – мы можем судить лишь примерно, исходя из масштаба карты Томской губернии. Если прямая дорога через Тогул равна 282–282,5 версты, то тогда более северная дорога через Салаирский кряж приблизительно будет протяженностью 310,2–310,75 версты.

Исходя из этих значений, общая протяженность маршрута «Семипалатинск–Змеиногорск–Барнаул–Кузнецк» равна **744,5** или **752,25** версты. В случае более северного пути (через Салаирский кряж) его длина составит 772,7 или 780,5 версты.

Сейчас невозможно реконструировать состояние дорожного покрытия обеих дорог в 1856-1857 гг., когда по ним передвигался Достоевский. Можно лишь предполагать, что дорога через Салаир, связывающая столицу горного дела на Алтае с Гурьевским и Гавриловским заводами и с Салаирским рудником, могла быть лучше по качеству, на станциях могли быть всегда свежие лошади в связи с производственной необходимостью, хотя необязательно. Так, «в 1842 году сообщалось, что углевозная дорога от Салаирского рудника в плохом состоянии, что нет возможности для провоза угля» [Дунец, 2017, с. 38], с 1840 г. остался невывезенный уголь, дорогу необходимо исправить, либо построить новую.

Достоевский ехал зимой, когда лед и снег сглаживали дефекты дороги, он спешил на встречу с любимой и поэтому мог воспользоваться более короткой почтовой дорогой.

Требуются дополнительные архивные поиски подорожных или дорожных книг, результаты которых позволили бы судить о данном вопросе со всей полнотой, опираясь на документы. В качестве косвенного доказательства дорожного «предпочтения» Достоевского, кроме «Почтовых дорожников» 1825 и 1875 гг.,

может служить эпистолярный автор, где он упоминает свои сибирские маршруты. В письме сестре В. М. Карепиной от 22 декабря 1856 г., рассказывая историю своей любви к Марье Дмитриевне, писатель уточняет причину разлуки с ней: «Наконец после долгих хлопот он (А. Исаев. –Е. С.) получил место в городе Кузнецке, в Томской губернии, от Семипалатинска **700** верст» (выделено мной. –Е. С.) (28-1; 260). В этот же день, описывая старшему брату предстоящие расходы в связи со свадьбой, Достоевский перечисляет: «Надобно сделать хоть какие-нибудь приготовления, нанять квартиру хоть в три комнаты, иметь хоть необходимейшую мебель. Надобно одеться, надобно и ей помочь. Надобно 100 вещей самых необходимых, но которые стоят денег. Надобно послать за ней закрытую повозку, которую повезут три лошади туда и сюда **1500** верст, – сочти прогоны. Надобно заплатить за свадьбу» (выделено мной. – Е.С.)(28-1; 258). Здесь протяженность пути дается еще более точно – около 750 верст.

Важно добавить, что для реконструкции исторически точного пути писателя важны мемуары А.И. Врангеля, которые описывают выбор приятелями более короткой проселочной дороги на пути Семипалатинск–Локтевский завод, проходящей прямо от форпоста Шульбинского.

Исходя из приведенных документов и карт, более аргументированной видится гипотеза использования Достоевским короткой дороги в Кузнецк через Тогул и Завод Томский (750 верст). Сравнение топографических карт XIX века с эпистолярием автора позволяет скорректировать точку зрения Э.Р. Вистермана, который в ряде публикаций [Вистерман, Жогличев, 2015, с. 75],[Штраус, URL] настаивает на протяженности пути в 1 000 верст через Салаир, Гурьевск, Бачаты, Карагайлы, Киселевск, Калачево, Бунгур.

Теперь уточним датировку возвращения Достоевского из Кузнецка в Барнаул во вторую поездку. Вероятнее всего, Достоевский выехал из Барнаула 25 ноября не очень рано, ближе к обеду (24 ноября был бал, который мог завершиться после полуночи). Он ехал на свои деньги (точнее, деньги брата Михаила²⁰), поэтому

²⁰Об этом он многократно упоминает в письме А.Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г.: поездка «состоится на будущей

легко мог нанять вольных ямщиков со свежими лошадьми, торопясь на встречу с возлюбленной.

Нехитрые арифметические расчеты при средней скорости 10-12 или 12-15 верст в час для курьерских лошадей позволяют приблизительно определить время Достоевского в дороге из Барнаула до Кузнецка. Расстояние – 282,5 версты или 305,1 км. Методика расчетов в данном случае проста: расстояние, разделенное на скорость, позволяет определить время в пути: $282,5:12=23,54$ часов или $282,5:15=18,8$ ч., т. е. продолжительность поездки составила чуть менее суток (точнее говоря от 18,8 до 23,54 ч.). Таким образом, время в дороге Барнаул—Кузнецк колеблется в указанном временном диапазоне.

Достоевский ехал зимой, а санный путь при опытном ямщике занимал меньшее время. Скорее всего, продолжительность поездки составляла сутки или чуть менее. Пять дней в Кузнецке необходимо отсчитывать от 26 ноября, тогда получается, что 1 декабря приходится на дорогу. Обед у семьи Гернгросс скорее всего был в воскресенье, 2 декабря 1856 г. А утром 3 декабря, т.е. через сутки, Достоевский, вероятно, выехал в сопровождении В.П. Демчинского в Змиев и прибыл туда ночью с 3 на 4 декабря: «В Змиев мы, в обратный путь, приехали ночью» (28-1; 252)²¹. Соответственно мы можем уточнить данные «Летописи жизни и творчества Достоевского», где не учитывается время в дороге [Летопись, 1993, Т. 1, с. 230].

Семипалатинск – с. Локоть

Необходимо упомянуть еще один маршрут, по которому Достоевский с Врангелем передвигались, посещая Локтевский сереброплавильный завод весной 1855 г. Этот завод в селе Локоть был расположен в 70 верстах к западу от Змеиногорска на крутом берегу реки Алея. Дорога пролегла по так называемому Алейско-Локтевскому гранитному массиву, представляющему собой невысокую возвышенность, довольно круто спускающуюся к югу и полого – к северу, застав-

неделе, если, как обещано, мне пришлют денег» (28-1; 240); «денег не было, я еще не поехал» (28-1; 242); Михаил «помогает мне из последних сил, а я куда трачу деньги! (28-1; 243)».

²¹ Выражаю благодарность сотруднику Литературно-мемориального музея Достоевского в г. Кузнецке Ирине Владимировне Минович, в обсуждении с которой рождалась идея о неверной датировке визита Достоевского в Барнаул в предыдущих исследованиях.

ляющую реку Алей резко уклониться на запад к Кулундинской степи, обогнуть себя под прямым углом, с тем чтобы дальше течь на север [Россия. Полное географическое описание..., 1907, т. 16, с. 504]. Если Врангель с Достоевским использовали почтовую дорогу, то путь в Локтевский завод был окружной: по маршруту «Семипалатинск–Змеиногорск–Локоть», протяженность которого равна 252,5 версты (182,5+70). При средней скорости движения 12-15 верст в час дорога такой протяженности могла занимать 17-21 час(ов). Однако существовала еще и прямая проселочная дорога от форпоста Шульбинского до Локтевского завода, которая была как минимум вдвое короче. По свидетельству А.Е. Врангеля, приятели пользовались именно ей: «Посетили мы с Ф.М. и так называемый Локтевский завод горного ведомства. Расположен он был верстах в 100 от Семипалатинска, на северо-восток, среди удивительно плодородной степи с речками, озерами и рощами» [Врангель, 1912, с. 55]. Мемуарист упоминает и о быстроте дорожного времени в приятной кампании: «Сотня верст расстояния в Сибири нипочем, их пролетишь в 5-6 часов времени без малейшего утомления» [Врангель, 1912, с. 55].

Перемену участи – производство в офицеры и выход в отставку – Ф.М. Достоевский получил хлопотами своих влиятельных друзей: генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, барона Врангеля, который действовал через принца Ольденбургского.

17 апреля 1857 г. Государем Александром II Достоевскому было возвращено потомственное дворянское достоинство. Благодаря рекомендации товарища юности по Инженерному училищу, генералу-адъютанту Э. И. Тотлебену, высочайшим приказом от 18 марта 1859 г. прапорщик Достоевский был уволен в отставку по болезни, с возведением в следующий офицерский чин – подпоручика.

19 мая 1858 г. командир 2-й бригады получил предписание начальника 24-й пехотной дивизии (из г. Тобольска) от 8 мая за № 2251: «Дежурный генерал главного штаба его императорского величества 27 марта за № 318 уведомил, что высочайшим приказом, в 18 день минувшего марта состоявшимся, прапорщик Сибирского линейного № 7-го батальона, из политических преступников, Достоевский

уволен за болезнь от службы с награждением следующим чином» [Достоевский в забытых..., 1993, с.112]. Это предписание сохранилось в архиве штаба и было введено в науку А.В. Скандиным [Достоевский в забытых..., 1993, с.112].

Важным видится и вопрос о секретном надзоре над писателем в связи с возвращением ему дворянского достоинства, производством в офицеры и переводом награжденною службу. Так, исследователь семипалатинского периода А.В. Скандин наивно полагал, что «о жизни Федора Михайловича от Пальшиных ни полиция, ни военное начальство никогда не справлялись и никаких сведений не требовали [Достоевский в забытых..., 1993, с. 101]. Другой исследователь, Н. Яковлев, также находился в неведении, считая, что «о жизни Достоевского от Пальшиных полиция никаких сведений не отбирала» [Достоевский в забытых..., 1993, с.78]. Обе статьи написаны со слов П. Л. Пальшина, сына семипалатинского домовладельца Л. Пальшина, которому во времена Достоевского было 14-15 лет. Вполне возможно, что подросток не был осведомлен в таких деликатных обстоятельствах. Более достоверную, опирающуюся на архивные документы, точку зрения высказал ученый-краевед, православный священник Б. Г. Герасимов. Он утверждал, что неусыпный надзор за писателем был, но тщательно скрывался: «Когда Достоевский, находившийся под надзором полиции, получил офицерский чин, полицейская власть обратилась к губернатору с просьбой о разъяснении, следует ли продолжать надзор за Достоевским ввиду производства его в офицеры? Последовало разъяснение о продолжении наблюдения. Таким образом, офицерское звание не спасло Достоевского от надзора, который велся за ним по двум ведомствам: военному и гражданскому» [Достоевский в забытых..., 1993, с.127].

Документ об увольнении писателя в отставку предписывал продолжение секретного надзора над бывшим политическим преступником: генерал-майор свиты Его Величества Герштенцвейг наложил резолюцию «об учреждении за подпоручиком Достоевским секретного надзора по избранному им месту жительства в г. Твери и о воспрещении ему въезда в губернии С.-Петербургскую и Московскую, вместе с сим сообщено министру внутренних дел и управляющему III Отделением собственной его императорского величества канцелярии» [Досто-

евский в забытых..., 1993, с. 113, 143-144]²². Б.Г. Герасимов особо подчеркивал, что «в этой официальной бумаге говорится: "...по избранному им месту жительства в городе Твери...". В действительности же Достоевский в своем прошении об отставке изъявил желание жить в Москве, но ему указали (без всякого со стороны его желания) место жительства в Твери. 30 июля 1859 г. Достоевскому был выдан временный билет на проезд до г. Твери» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 113] (см. также [Гроссман, 1935, с.731] [Федор Михайлович Достоевский в портретах..., 1972, с. 174].

Солдатская служба Достоевского продлилась до середины 1859 г. Писатель покинул Семипалатинск 2 июля 1859 г. и отправился с женою и приемным сыном в Тверь. Путь писателя с семьей при возвращении в европейскую часть России пролегал через следующие населенные пункты: Семипалатинск, Омск, Тюмень, Пермь, Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Владимир, Сергиев Посад, Тверь²³. Здесь бывший политический преступник должен был жить. Однако Достоевский не оставляет надежд и обращается с просьбами о ходатайстве за его переезд в столицу к А.Е. Врангелю, Э.И. Тотлебену, начальнику III Отделения В.А. Долгорукому и даже самому императору. В середине декабря ему вручено наконец официальное сообщение о разрешении жить в Петербурге. Приблизительно 20 декабря 1859 г. писатель с семьей вернулся в Петербург [Летопись жизни..., 1993, Т. 1, с. 280] и больше Сибирь он не посещал.

Документальных свидетельств о том, что Достоевский еще приезжал в Барнаул, не сохранилось, хотя в своем письме Врангелю он пишет, что «бывал после вас часто» (28-1; 337). П.Ф. Маркин обсуждает возможность прощания Достоевского с Барнаулом по дороге в европейскую часть России. Полемизируя с Е. Батуриной, утверждавшей, что путь пролегал по маршруту «Семипалатинск – Змеиногорск – Барнаул – Омск и далее до Твери» («Алтайская правда», 1971, 9 окт.), он пишет, что в данном случае гипотеза выдается за очевидный факт [Мар-

²²Этот документ имеет следующее продолжение: «Вследствие отзыва господина начальника штаба отдельного Сибирского корпуса, от 28 минувшего апреля, № 2586, имею честь уведомить ваше превосходительство для сведения. Подписано: начальник дивизии генерал-лейтенант Домете и начальник дивизионного штаба, подполковник Бабков» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 113].

²³ Дорожные впечатления см. в письме А.И. Гейбовичу от 23 октября 1859 (28-1; 361-363).

кин, 1985, с. 95-96]. Напомним, что Сибирь с европейской частью России была связана посредством двух дорог: Московско-Сибирского и Линейного трактов. Последний проходил южнее Московско-Сибирского и связывал Оренбург и Омск, затем пролегал по Иртышской линии через Семипалатинск, Усть-Бийск и Барнаул [История Сибири с древнейших..., 1968, Т. 2, с. 406]. Именно этот маршрут движения из Омска в Семипалатинск использовал П.П. Семенов-Тянь-Шанский (и описал его в книге «Путешествие в Тянь-Шань» [Семенов-Тянь-Шанский, 1946, с. 141-142]). П.Ф. Маркин считает, что трудно сказать, какой маршрут выбрал Достоевский на обратном пути. Во всяком случае, фактических свидетельств о том, что Достоевский в последний раз заезжал в Барнаул, у нас не имеется» [Маркин, 1985, с. 95-96]. На наш взгляд, предположение, что писатель избрал прямой путь из Семипалатинска в Омск по Иртышской линии, представляется более убедительным.

«Почтовый дорожник» 1829 г. содержит информацию только о протяженности прямого пути из Семипалатинска в Санкт-Петербург с промежуточными станциями Бологое, Рыбинск, Омск и указанием сочетания номеров дорог: I, VI, 3, 14. Дорога в целом составляет 3902,25 версты [Почтовый дорожник, 1875, с. 125]. Поскольку писатель делал крюк Пермь-Екатеринбург, очевидно, что дорога была длиннее.

	зим в другое время, когда бывает разливы воды, чрез Москву,—4308 вер.	
Семенов, г.	I—Москва, XII—Н.-Новгород и № 16—Семеновы,—1086 $\frac{1}{2}$ вер.	XII—Нижи-Новгород и № 16—Семеновы,—482 $\frac{1}{2}$ вер.
Семипалатинск, обл. г.	I—Бологое, VI—Рыбинск, № 3—Омск и № 14—Семипалатинск,—3902 $\frac{1}{2}$ вер.	XII—Н.-Новгород, № 14—Казань, № 20—Пермь, № 3—Омск, и № 14—Семипалатинск,—3484 вер.
	Весною и осенью, а также в другое время, когда бывает разливы воды, чрез Москву,—4038 вер.	
Сенгалий, г.	I—Москва, XII—Н.-Новгород, № 15—Сибирск, № 20—Кирово-Вильевская и № 168—№ 168—Сенгалий,—1288 вер.	XII—Нижи-Новгород, № 15—Сибирск, № 20—Кирово-Вильевская и № 168—Сенгалий,—934 вер.
Сергачь, г.	I—Москва, XII—Н.-Новгород и № 16—Сергачь,—1192 $\frac{1}{2}$ вер.	XII—Нижи-Новгород и № 16—Сергачь,—588 $\frac{1}{2}$ вер.
Сергиевский, пос. Сергиевское, село (Тульской).	I—Москва и XIII—Сергиевский пос.,—672 $\frac{1}{2}$ вер. I—Москва, XV—Туза и № 29—Сергиевское,—841 $\frac{1}{2}$ вер.	XIII,—68 $\frac{1}{2}$ вер. XV—Туза и № 29—Сергиевское,—237 $\frac{1}{2}$ вер.

Почтовый дорожник..., 1875, с. 193.

«Почтовые дорожники» также позволяют документально установить протяженность пути из Кузнецка в Москву – 3858 $\frac{1}{4}$ версты и из Кузнецка в Санкт-

Петербург – 4326,5 верст [Почтовый дорожник..., 1829, с. 92], хотя писатель и его знакомые не использовали этот маршрут.

Более в Сибирь физически писатель не возвращался, но в мыслях делал это многократно и систематически, о чем свидетельствует многочисленные сибирские мотивы его зрелого творчества.

Любопытна и протяженность пути из Санкт-Петербурга в Старую Руссу – 270 ¼ верст [Почтовый дорожник..., 1829, с. 130]. Эта дорога будет особенно значима для писателя в последний период жизни.

www.blacksearcher.ru

93

	Отъ С.-Петербурга.	Отъ Москвы.
	Номера подробных маршрутов и число верст.	Номера подробных маршрутов и число верст.
Кузнецк, г. (Помский),	<p>№ 49 — Кубей, — 1899 ½, вер.</p> <p>I — Рязань и XVII — Кузнецк, — 1377 ½, вер.</p> <p>I — Бологое, VI — Рибинск, № 3 — Тыршавина и № 165 — Кузнецк, — 4326 ½, вер.</p> <p>Весною и осенью, а также в другое время, когда бывает разлива воды, чрезъ Москву, — 4462 ¼, вер.</p>	<p>I — Рязань и XVII — Кузнецк, — 773 ½, вер.</p> <p>XII — Нижн.-Новгородъ, № 14 — Казань, № 20 — Пермь, № 3 — Гурьмакина и № 165 — Кузнецк, — 3858 ½, вер.</p>
Кузнецк, г.	<p>I — Бологое, VI — Рибинск, № 3 — Омскъ, № 14 — Семицкая и № 72 — Алтын-Финский и № 155 — Кузнецк, — 4976 ½, вер.</p>	<p>XII — Нижн.-Новгородъ, № 15 — Чарынтъ, № 73 — Алтын-Финский № 155 — Кузнецк, — 4485 ½, вер.</p>

Почтовый дорожник..., 1829 г. с. 92

	Номера подробных маршрутов и число верст.	Номера подробных маршрутов и число верст.
Старая-Русса, г.	<p>I — Чудово, I (имее 0) Новгородъ и № 6 — Старая-Русса, — 370 ½, вер.</p>	<p>I — Выдавецкая и № 9 — Старая-Русса, — 589 ½, вер.</p>
Старца, г.	<p>I — Останковская, I (имее 0) Старца, — 507 ½, вер.</p>	<p>I — Останковская и I (имее 0) Старца, — 295 ½, вер.</p>
Староблазга, г.	<p>I — Москва, XV — Харьковъ, № 56 — Волоховская и № 170 — Староблазга, — 2449 ½, вер.</p>	<p>XV — Харьковъ, № 56 — Волоховская и № 170 — Староблазга, — 2449 ½, вер.</p>
Стародубъ, г.	<p>II — Новоселье, № 42 — Смоленскъ, VIII — Рославль и № 31 — Стародубъ, 977 ½, вер.</p>	<p>XV — Подольскъ и № 31 — Стародубъ, — 537 ½, вер.</p>
Старокопанинское, г.	<p>II — Остронская и № 43 — Старокопанинское, — 1860 ½, вер.</p>	<p>XV — Подольскъ, № 31 — Биевъ, № 54 — Житовья и № 43 — Старокопанинское, — 1192 ½, вер.</p>
Старый-Оскол, г.	<p>I — Москва, XV — Курскъ и № 38 — Старый-Оскол, — 1268 вер.</p>	<p>XV — Курскъ и № 38 — Старый-Оскол, — 664 вер.</p>
Слашовъ, б. у. г.	<p>II — Варшава, № 181 — Раховъ, № 188 — Опатовъ и № 197 — Слашовъ, — 1260 ½, вер.</p>	<p>XIV — Медведержанъ, № 189 — Ураховъ, № 191 — Остронскъ, № 188 — Опатовъ и № 197 — Слашовъ, —</p>

Почтовый дорожник..., 1829 г. с. 130

В результате анализа маршрутов Достоевского из Петербурга в Сибирь и обратно, его передвижений по Сибири в 1850-е гг., а также дорожных впечатлений писателя возможно реконструировать обстоятельства его сибирской жизни. Системное изучение почтовых дорожников и топографических карт, маршрутов, состояния дорог, мемуаров современников и переписки Достоевского дает возможность уточнить датировку его поездок в Барнаул и Кузнецк, а также ставит задачу исторически достоверной реконструкции сибирских маршрутов писателя.

2.3 Новые архивные сведения о переводе

Н.Б. Вергунова в Семипалатинск

Личность Николая Борисовича Вергунова, ставшего в 1856 г. на полгода соперником Достоевского, всегда находилась на периферии исследовательского интереса ученых. В то же время, как нам представляется, важна каждая деталь, подробность биографии окружения писателя.

Как известно, Николай Борисович Вергунов (1832-1870) родился в Томске, принадлежал по одним источникам к мещанского сословию, по другим – к купеческому. Окончил четыре класса гимназии. Сдав экзамены на учителя приходского училища, в марте 1854 г. получил должность учителя в приходском училище г. Кузнецка (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 52. Л. 18), одновременно преподавал арифметику и геометрию в уездном училище.

Документы о переводе Николая Вергунова в Семипалатинск были введены в науку Н.И. Левченко в 1994 г., а затем напечатаны и проанализированы А.С. Шадринной в книге «Двадцать два дня из жизни Достоевского (город Кузнецк, 1856-1857)», которая переиздавалась дважды: в 1994 г. и в 2016 г. [Шадринна, 2016, с. 196-198]. Тем не менее, работа с архивными первоисточниками позволяет сделать некоторые уточнения. Так, Н.И. Левченко сообщает следующее: «В 1856 г., узнав о предстоящем замужестве М.Д. Исаевой, Вергунов подает прошение о переводе его в Томск. А 24 февраля 1857 г. бывший кузнецкий учитель А. Калмаков пишет тоже прошение на имя директора училищ Ф.С. Мещерина. Он сообщает, что в семипалатинском приходском училище открылась вакансия учителя, и, сетуя на невозможность поехать **туда по болезни**, просит поместить его на должность учителя в Кузнецке, а учителя Вергунова отправить в Семипалатинск» [Левченко, 1994, с. 243]. Считаю важным акцентировать внимание на том, что на самом деле, А. Калмаков указывает совершенно другие причины отказа от предлагаемой ему должности: скученность народа; духовная скудость, нездоровый резко континентальный климат, дороговизна продуктов и трудности переезда и обзаведения хозяйством на новом месте. В частности, он пишет:

«В Семипалатинске открылась вакансия на должность Приходского Учителя, должность эту, я мог бы занять с честью, моя опытность, приобретенная долговременной службою, могла бы вполне соответствовать этому назначению, и Ваше благоволение довело бы к цели моего желания, но по семейным обстоятельствам меня льстит большое жалованье, но переездка в Семипалатинск для меня невозможна, там, как говорят, народу кишмя кишит, климат нездоров, ужасная скудость и необыкновенная дороговизна на жизненные припасы <...> потому определиться в Семипалатинске решительно не могу» (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 1).

Коллежский асессор Александр Алексеевич Калмаков окончил Тобольскую гимназию, с 1829 г. был учителем истории и географии Кузнецкого уездного училища, награжден знаком отличия за XXV лет беспорочной службы, с 1854 г. находился в отставке с получением полного пенсионера. Присутствовал на венчании Достоевского с М.Д. Исаевой, познакомился с писателем на вечере у Катанавых в феврале 1857 г. [Белов, 2001, Т. 1, с. 357].

Далее в письме, в связи с вышеизложенным, А.А. Калмаков предлагает поменяться с Вергуновым местами (должностями), поскольку тот молод и не обременен семейством:

Прошу Вас, Благодетель мой! Оказать мне в последний раз в жизни моей Ваше Покровительство – Вашу Милость, поместить меня на должность Приходского учителя в Кузнецк, а Г. Виргунова (cis! Описка в фамилии. – Е.С.), который ныне ведет себя сурьезно – благородно, переместить в Семипалатинск. Г. Виргунову, как говорится, сесть да ехать <...>» (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 1 об.).

На наш взгляд, наличие в письме описки в фамилии Вергунов может свидетельствовать о неблизком знакомстве с человеком или о пренебрежительном отношении к нему – «ныне ведет себя сурьезно». А.С. Шадрина справедливо заостряет внимание на краткой, настораживающей фразе «относительно Вергунова: «...который ныне ведет себя сурьезно-благородно». Следовательно, Кузнецк помнил и знал Вергунова другим» [Шадрина, 2016, с. 95]. Возможно, что автору письма как бывшему коллеге были известны примеры непрофессионализма молодого учителя и его небрежного отношения к делу.

Далее в связи с этим прошением начинается продолжительная переписка (фотокопии архивных документов см. в Приложении 3).

18 февраля 1857 г. коллежский асессор Калмаков обращается к своему покровителю ещё раз: «Если окажутся какие-либо препятствия определить меня в Кузнецк, то с перемещением Томского Приходского учителя в Семипалатинск, я душевно рад определиться в Томск; переездка в Томск семейства со всею домашностью удобнее, жизнь привычнее» (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 9).

Спустя некоторое время находящийся в отставке коллежский ассессор Калмаков вновь повторяет свою просьбу – занять вакантное место Приходского учителя в городе Кузнецке.

15 июля 1857 г. в документе номер 820, адресованного Исполняющему должность директора Кузнецкого уездного училища, дается распоряжение «<...> [н]а удовлетворение прошения коллежского ассессора Калмакова о допущении на вакансию учителя Кузнецкого Приходского училища <...> назначить учителем» (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 39 об.).

Документ № 3379 от 13 августа 1857 г. за подписью Г. Исполняющего должность Гражданского губернатора, адресованный Господину Директору Училищ Томской Губернии, позволяет сделать вывод, что в середине августа Вергунов покинул Кузнецк и переводом отправился служить в Семипалатинск:

«Сделав вместе с сим надлежащее распоряжение об отпуске Учителя Кузнецкого Приходского Училища Вергунову прогонных денег на две лошади на проезд от Кузнецка до г. Семипалатинска <...>» (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 40).

15 июля 1857 г. документ номер 209, адресованный Г. Исполняющему должность Военного губернатора Семипалатинской области, сообщает, что необходимо

<...> На основании училищного устава Кузнецкого Приходского училища назначить Вергунова учителем в Семипалатинское Приходское училище <...>» (ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 41-41об).

Далее педагогическая судьба Вергунова складывается с переменным успехом. А.С. Шадрина делает такой вывод: «Отсутствие крепкого нравственного стержня, вероятно, сопровождало его всю жизнь, сказывалось на делах и поступках. Так, уезжая из Кузнецка, Н.Б. Вергунов не сдал книги (учебники по французскому языку) в училищную библиотеку, и в Семипалатинск за ним потянулся шлейф непорядочности, дошедший до Дирекции училищ Томской губернии. В характеристиках Вергунова кузнецкого периода подчеркивалась его «холодность» к исполнению служебных обязанностей. Служебные характеристики семипалатинского времени уже не удивляют: 1860 – «При хороших педагогических способностях занимается недовольно усердно»; 1863 – «...не совсем усерден к службе и недостаточно понимает свои отношения к зрителю» [Шадрина, 2016, с. 96].

В декабре 1863 г. по причине скандального характера и небрежности в вы-

полнении работы происходит конфликт со смотрителем училищ И. Делаткевичем. Незначительная причина (отсутствие порядка в вверенной Вергунову библиотеке) вследствие юношеской горячности и непрофессионализма (нежелание вернуть книги, неуважительный тон объяснительной, перестал здороваться со смотрителем, оставив детей в классе, пошел на охоту [См. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 171. Л. 58, 60; Ф. 99. Оп. 1. Д. 373. Л. 70; Левченко, 1994]) имеет катастрофические последствия: семидневный домашний арест и увольнение. Вергунова отправили в Барнаул, где определили на должность учителя русского языка в пансион сестер Шнейдер. Там он женился и прожил шесть лет. За время работы на Алтае он «приобрел хорошую педагогическую опытность...» (ГАТО, Ф. 125, Оп. 1, Д. 121; Оп. 2, Д. 253). В 1869 г. он возвратился в Семипалатинск, где служил учителем русского языка в уездном училище. В документах отмечается, что «учитель Вергунов способностей хороших и по службе усерден, поведения хорошего, умеет обходиться с детьми (ГАТО, Ф. 125, Оп. 2, Д. 253)». В 1883 г. он вышел в отставку [Левченко, 1994, с. 243].

На наш взгляд, вполне можно согласиться с мнением А.С. Шадринной, которая резюмирует итоги жизни соперника Достоевского следующим образом: «[в] сущности, одаренная от природы натура Вергунова при скромном образовательном уровне, провинциальном мышлении и претенциозности не смогла реализовать себя полноценно ни в личной жизни, ни в служебной деятельности. Неудачи, конфликты шли за ним по пятам. В «табели о рангах» остановился всего на четвертой ступени (губернский секретарь), да и жизнь его оказалась удивительно короткой» [Шадринная, 2016, с. 92].

Таким образом, архивные документы приоткрывают завесу времени, обнажают желания людей, которые окружали Достоевского, добавляя новые штрихи к сибирской истории любви и женитьбы писателя.

2.4 Ранняя сибирская достоевистика (архивные свидетельства)

В Сибири к имени писателя деятели культуры обращались многократно. Описанием общей картины знакомства и контактов Достоевского с сибирским

областничеством занималась Е.Г. Новикова [Новикова, 2019]. По ее мнению, Н.И. Наумов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев позиционировали себя именно как «последователи Достоевского», создавали, по сути, мифологическую образ в своих неточных воспоминаниях, ограничивая жизнь писателя сибирским этапом «тюрьмы и ссылки» или провозглашая приоритет «Записок из Мертвого дома» над всем остальным творчеством писателя.

Подробнее рассмотрим не введенные в научный оборот документы, связанные с интересом к Достоевскому в Сибири в более поздний период.

В 1917 г. в Барнауле Культурно-просветительный союз Алтайского края и Алтайский губернский литературно-продовольственный комитет (Агулипрок) организовали издательство «Сибирский рассвет», которое выпускало небольшие книжечки-брошюры для ознакомления народа с родными сибирскими писателями Г. Гребенщиковым, А. Новоселовым, В. Шишковым, С. Исаковым, А. Жилияковым, П. Казанским, А. Ершовым и др.

В 1918 г. с приходом к власти колчаковцев положение в городе осложнилось, работать стало очень трудно, книжки выходили реже. Правление Культурно-просветительного союза решило «реформировать» кооперативный журнал «Алтайский крестьянин», редактором которого в 1918 г. был писатель С. Исаков. Он стал редактором и нового журнала «литературы, науки и народного просвещения», получившего название «Сибирский рассвет» [Гришаев, 1992, с. 37], [Степан Ильич Исаков, URL].

Прогрессивная в культурном отношении часть общества называла крупным событием в литературной жизни Сибири появление издававшегося в Барнауле журнала «Сибирский рассвет». Г.Н. Потанин выразился еще более колоритно: «Этот журнал возник наперекор всеобщей разрухе русской жизни» в 1919 г., времени разгула Колчака и разгула гражданской войны [цит. по: Юдалевич, 1996, с. 6].

Первый номер журнала вышел в январе 1919 г. На приглашение стать сотрудниками «Сибирского рассвета» откликнулись ученые и писатели Иркутска, Томска, Кургана, Семипалатинска и других городов. В журнале печатались статьи, очерки серьезных ученых и исследователей: П.Л. Драверта, Б.С. Семенова,

В.И. Верещагина, а также рассказы и повести И.Г. Гольдберга, А.Е. Новоселова, С.И. Исакова, А.В. Жиликова, и А.С. Новикова-Прибоя. Своей задачей редакция ставила следующее: «Дать читателю лучшие литературно-художественные произведения...; популяризировать науку и искусство, разработать вопросы народного просвещения» [Сибирский рассвет, URL], [Степан Ильич Исаков, URL].

Нам стало известно, что редактор журнала «Сибирский рассвет» обращался к редактору омского журнала «Заря» Ковалевскому с просьбой о сотрудничестве – присылать материалы ученых и литераторов в редакцию «Сибирского рассвета» (ГААК. Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17. Л. 99).

Кроме того, в Государственном архиве Алтайского края сохранилось письмо редактора журнала Степана Ильича Исакова к о. Б.Г. Герасимову следующего содержания²⁴:

Культ-просветительский отдел союза кооперативов
Культурно-просветительский союз Алтайского края
Томская, 89 (Короленко)
Культпросвет
20 февраля 1919 г.
редакция журнала
«Сибирский рассвет»

Уважаемый отец Борис (Герасимов)!

Редакции «Сибирского рассвета» известно, что у Вас имеются неопубликованные документы о пребывании Ф.М. Достоевского в Семипалатинске. В свою очередь Вы прекрасно знаете, что такие ценные документы о великой личности прятать от общества грешно: они должны быть достоянием и общества и науки и литературы. Но также знаете, что печатать их в первом попавшемся органе, в местном, в краевом и т.п., – значит не отдать должного почета Ф.М. – во-первых, и, во-вторых, отчасти губить в первое время материал, зная, что они не достигнут широкой публики.

Мы считаем, что журнал «Сибирский рассвет», строя свою программу на заветах великих писателей России, на их идеалах, и отводя главное место литературе и (на)уке, утверждающих, а не отрицающих жизнь, – «Сибирский рассвет» может и должен поместить на своих страницах документы и материалы о Ф.М. (Достоевском зачеркнуто. – Е.С.). Журнал отведет этим материалам почетное место.

Препровождая № 1 журнала для ознакомления мы просим Вас прислать документы (неопубликованные) о Ф (едоре) М (ихайловиче). Кроме того, мы просим Вас, если близка Вашему сердцу наука, а мы полагаем, что близка, прислать нам статьи для помещения в журнале.

Хотелось бы, чтобы материалы были получены редакцией к масленице или на масленице для того, чтобы поместить их в мартовском номере журнала. Сообщаем, что с 1 марта журнал выходит ежемесячным в двойном объеме. Ожидаем работ лучших ученых сил Сибири и беженцев россиян. Отдел литературы поставлен хорошо.

Редактор Ст.(епан) Исаков

Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17. Л. 105, 105 об. (См. приложение 4.)

Вполне понятно, почему С.И. Исаков (1884-1921) обращается к отцу Григорию с просьбой прислать неопубликованные материалы о Достоевском. Борис Ге-

²⁴ Выражаю благодарность Людмиле Михайловне Остертаг, долгое время возглавлявшей Литературно-краеведческий музей школы № 27 г. Барнаула, которая обратила мое внимание на этот документ.

оргиевич Герасимов (1872-1938) – ученый-краевед, протоиерей и настоятель Никольского собора, один из учредителей в 1902 г. Семипалатинского подотдела Русского Географического Общества, его деятельный работник и с 1918 г. председатель. Он инициировал сбор материалов о Достоевском в Семипалатинске, был организатором встреч и читал небольшие лекции о писателе. Б.Г. Герасимов нашел и опубликовал в 1913 г. брачные документы Достоевского в журнале «Сибирский архив», издававшемся в г. Иркутске.

На листе 129 того же архивного дела (Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17. Л. 129) размещен ответ отца Григория редактору «Сибирского вестника» С.И. Исакову от 8 марта 1919 г. (См. Приложение 4)

Из документа следует, что Б.Г. Герасимов мягко отказывает своему корреспонденту, ссылаясь на то, что «материал о Достоевском надо еще привести в порядок, написать о нем статью. Готового очерка у меня нет. Если я и читаю о Достоевском на здешних собраниях, то только по краткому конспекту, который имею перед собой. Если удастся мне написать статью о Достоевском, то пришлю ее Вашему журналу...», архивный документ о Достоевском был напечатан в одном из номеров «Сибирского архива», другие документы мало интересны.

В качестве компенсации Б.Г. Герасимов посылает свою опубликованную ранее статью о ссыльных поляках и предлагает опубликовать в журнале художественные произведения своего сына.

В процессе сопоставительного анализа удалось установить, что о. Григорий немного лукавит, говоря, что у него готового материала нет. Дело в том, что он уже пообещал статью в другой печатный орган. Небольшая заметка под заглавием «Новые данные о жизни Достоевского в Семипалатинске» выйдет через два дня в другом издании – в газете «Русская речь» 22 февраля 1919 (№ 38) [Герасимов, URL]. Позднее заметка будет включена в состав сборника «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 114-116]. Этот материал содержит информацию о датах пребыва-

ния Достоевского в Семипалатинске, адресах его проживания в городе. Это новые ценные сведения, хотя и содержат ряд неточностей, позднее исправленных²⁵.

К сожалению, журнал «Сибирский рассвет» просуществовал очень недолго. Критик Г. Младов высказывал свое критическое отношение к совсем еще юному печатному изданию Алтая: в номерах за март, апрель, май «...довольно значительный по количеству литературно-художественный материал, но «Российских» имен среди беллетристов и поэтов названных книжек мы по-прежнему не встречаем». Констатируя, что молодой журнал столкнулся с трудностями, г. Младов подчеркивает, что «мартовская книжка была напечатана на синей тонкой бумаге, апрельская на нежно зеленой (чуть не папирусной) и только майская на белой» (ГААК. Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17. Л. 295).

Журнал должен был выходить два раза в месяц, но с третьего номера он становится ежемесячным. На большее не было бумаги, усилились цензурные преследования. В последних номерах дважды встречаются забытые типографской краской строки. Да и не оставалось сотрудников: началась мобилизация в колчаковскую армию. Последним сдвоенным номером был сентябрьский-октябрьский (№ 11-12) [Остертаг, 1989, с. 6].

О. Б. Герасимов продолжает вести научную и просветительскую работу. Как руководитель отделения Географического общества он организовал и подготовил торжественное заседание Географического отдела (12-13 ноября 1921 г.), посвященное столетию со дня рождения Достоевского. К мероприятию были изготовлены фотографии, связанные с пребыванием писателя в Семипалатинске (портрет Достоевского, фото с Ч. Велихановым, фото зданий, где он жил и служил) и подготовлены десять докладов.

Еще две статьи краеведа позднее были опубликованы в журнале «Сибирские огни» под псевдонимом Б. Г-в. Использование псевдонима, возможно, связано с тем, что автор уже чувствовал преследования советской власти как служитель культуры. Ученый прячет имя и позиционирует себя как старожила Семипалатинска.

²⁵Заметка содержит ряд неточностей в именовании современников: полковник Хаментовский – точнее Хоментовский, семья Бахаревых – точнее Бахиревых, дом почтальона Ляпухина – точнее Лепухина. Автор пишет, что к моменту вступления в брак Достоевскому было 34 года, а его жене 29 лет, хотя на самом деле в 1857 г. Достоевскому было 36 лет, а М.Д. Исаевой – 33 года.

Хотя очевидно, что определить его авторство для компетентных органов не составило бы труда. Первая статья – «Ф.М. Достоевский в Семипалатинске» – была опубликована в журнале в № 4 за 1924 г. (с.140-150), а затем вошла в состав сборника «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 117-129]. В статье последовательно рассказывается о пути Достоевского на каторгу, о Пересыльской каторжной тюрьме Тобольска, о заключении в Омском остроге, и жизни в Семипалатинске: описание казармы, затем хаты Достоевского, знакомство с А.Е. Врангелем, описание возникновения любви к Исаевой, в конце ставится вопрос о возможности применения телесных наказаний в отношении писателя.

Продолжение работы под тем же названием «Ф.М. Достоевский в Семипалатинске (Статья вторая)» о. Б. Герасимов опубликовал в том же журнале «Сибирские огни» два года спустя (1926. № 3, С. 122-144). Статья состоит из четырех частей: Исаева, военная служба, друзья и знакомые, Семипалатинск времен Достоевского. Позднее работа вошла в состав сборника «Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников [Достоевский в забытых..., 1993, с. 130-157]. В статье содержатся очень ценные сведения о жизни писателя в провинции, хотя также есть небольшие неточности (позднее исправлены комментаторами)²⁶.

Перу о. Б. Герасимова принадлежит еще одна работа «Где же отбывал каторгу и ссылку Ф.М. Достоевский?», опубликованная в журнале «Сибирские огни» (1927. № 4. Июль-август. С. 174-177). Статья посвящена опровержению устойчивых мифов, направлена против топонимических легенд о Достоевском. Она показательна в том плане, что фиксирует, насколько ошибочными были сведениями о месте каторге писателя, тиражированные в сибирских СМИ 20-х гг. XX в., не имеющие ничего общего с реальными фактами. Так, например, в газетах разных лет сообщалось, что писатель отбывал каторгу и ссылку в Красноярске, Кузнецке и Усть-Каменогорске.

²⁶На самом деле Достоевский познакомился с Чоканом Валихановым в Омске. Не с родителями Достоевского, а с его родными. Автором книги «Сибирь и ссылка» (название подлинника «Сибирь и система ссылки», 1891) был американский журналист Джордж Кеннан (1845-1924).

До 1922 г. о. Борис относительно спокойно занимался краеведением в отделе «Географического общества», преподавал в гимназии и других учебных заведениях. Но в 1925 г. был обвинен в контрреволюционном заговоре, снят со всех научных и общественных постов «как служитель культа». В это же время Президиум Центрального Географического Общества оценил его деятельность прямо противоположным образом, наградив за труды по краеведению Семипалатинской области золотой медалью. 28 мая 1929 г. о. Борис получил уведомление: «... Вы как служитель культа, считаетесь выбывшим из членов Отдела» [Тусунбаева, URL]. Гонения за якобы создание «шпионской организации церковников» завершились 31 декабря 1937 г. расстрелом.

Оказалась, что сибирский топоним связан с Ф.М. Достоевским не только биографически и творчески, но и метафизически. И дело даже не только в том, что Достоевский стал частью барнаульского мифа. К примеру, современный писатель Владимир Токмаков считает, что посещение писателем масонов в столице горного дела на Алтае стало причиной его первого эпилептического припадка, в свою очередь, превратившего ссыльного писателя в гения мировой литературы. Дело в более достоверных, но долгое время остававшихся незримыми связях. Стало известно, что родственники и потомки писателя тоже жили в Сибири. Так, по данным Н.Н. Богданова, озвученным в частной беседе, в Барнауле приблизительно с 1906 г. жил племянник Ф.М. Достоевского Владимир Александрович Иванов, сын сестры писателя Варвары Михайловны. В «Хронике рода Достоевских» опубликовано несколько его писем, датированных 1914 г. и семейное фото, сделанное в Барнауле. В годы революции В.А. Иванов перебрался в Томск, где начальствовал в местной тюрьме. Умер в 1930 г. и похоронен в Томске.

Поиску информации о детях Владимира Александровича Иванова – Кирилле и Инне – посвятила монографию Нинель Алексеевна Воробьева – «Родственники Достоевского в Томске». Она узнала, что Инна и Кирилл Ивановы – родные внучатые племянники Федора Михайловича Достоевского. Инна Владимировна занималась музыкой. Она отыскала, что К.В. Иванов был крупным специалистом по

изучению осадочных пород Томской области, талантливым преподавателем и ученым, долгие годы трудившимся на кафедре петрографии ТГУ. Он был незаурядной личностью, запомнившейся коллегам и ученикам уникальной работоспособностью и любовью к шахматам [Воробьева, 2004, с. 7]. Музыковед Н.А. Воробьева приходит к такому выводу: «С кем бы я ни говорила в Томске – ученики и коллеги Кирилла Владимировича, ученицы Инны Владимировны – все с удивлением узнавали, кто такие были брат и сестра Ивановы. В том, что они хранили тайну своего происхождения, нет ничего необычного: гонения на литераторов и их творчество (Достоевский, Есенин, Ахматова, Гумилев и другие) распространялись и на родственников. Страшно было афишировать в те годы такое родство и дворянское происхождение» [Воробьева, 2004, с.7].

Приведенные факты свидетельствуют, как много еще не найдено, сколько еще «белых пятен» скрыто в архивах, и какие намечаются широкие перспективы исследования сибирского текста Достоевского. Истории одного важного открытия биографии писателя посвящена следующая часть работы. В следующем разделе мы рассмотрим обстоятельства диагностирования эпилепсии Достоевского в Барнауле и выскажем аргументированную гипотезу относительно личности врача, который поставил диагноз.

2.5 Барнаульский доктор Ф.М. Достоевского и диагностирование болезни

Как известно, Ф.М. Достоевский посещал столицу горного дела на Алтае не менее 6 раз по дороге в Кузнецк и обратно: в июне 1856, в ноябре 1856 и январе-феврале 1857 г. Последний визит в Барнаул был наиболее продолжительным и драматичным.

Поездка была назначена на 27 января, Достоевский предполагает пробыть в Кузнецке дней 15. В письме от 25 января 1857 г. к другу А.Е. Врангелю он беспокоится, успеет ли «в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу» (28-1; 266). Однако, вполне возможно, что выехал писатель даже 1 февраля, поскольку имен-

но этим числом датировано дозволение прапорщику Достоевскому жениться, подписанное командиром батальона подполковником Г. Белиховым. 6 февраля 1857 г. в Одигитриевской церкви г. Кузнецка состоялось венчание М.Д. Исаевой и Ф.М. Достоевского.²⁷

Как справедливо отмечает В.Ф. Гришаев, Достоевский вернулся с женой и пасынком в Семипалатинск 20 февраля, прожив из-за случившегося припадка «лишних четыре дня» в Барнауле. (Сверх разрешенных 15 дней?) За это время, то есть с 27 января (или 1 февраля) по 20 февраля, проехал по зимним дорогам на лошадях 1500 верст, неделю с 6 по 14 февраля прожил в Кузнецке (свадьба, сборы в обратный путь и пр.). По подсчетам В.Ф. Гришаева, на долю Барнаула приходится 7-8 дней [Гришаев, 2001, с. 238] вопреки позднейшим воспоминаниям П.П. Семенова, написанных спустя полвека, в преклонном возрасте, когда писателя уже не было в живых и его образ приобрел ореол мученика и страдальца.

По свидетельству П.П. Семенова, Достоевский прожил у него «...недели две в необходимых приготовлениях к своей свадьбе», и они «[п]о несколько часов в день <...>проводили в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время еще неоконченных «Записок из Мертвого дома», дополняемых устными рассказами» [Достоевский в воспоминаниях, 1991, Т. 1, с. 310], посещениях любительских спектаклей и прогулках по зимнему простору Оби. «Через неделю возвратился ко мне с молодой женой и пасынком, в самом лучшем настроении духа и, прогостив у меня еще две недели, уехал в Семипалатинск...» [Достоевский в воспоминаниях, 1991, Т. 1, с. 310-311]. Семенов говорит о пяти неделях поездки, т.е. 35 днях, в то время как документы (подорожная и эпистолярные свидетельства) сжимают этот срок до периода в 20-24 дней (с 27 января – 1 февраля по 20 февраля 1857 г.).

На обратном пути в Семипалатинск молодожены останавливаются в Барнауле у П.П. Семенова, квартировавшего в доме купца В.И. Зубова по адресу: «Большая Олонская, 39».

²⁷ Запись о венчании в Метрической книге Одигитриевской церкви города Кузнецк. 1857 г. См. в Приложении 5. Аутентичный текст брачного обыска № 17, его фото- и рукописные копии подробно рассмотрены в статье [Тихомиров, 2020, с.132-157].

По данным «Летописи жизни и творчества Достоевского 1821-1881 гг.» около 15 февраля 1857 г. [Летопись, 1999, с. 234] после всех перенесенных волнений с писателем произошел эпилептический припадок, произведший на молодую супругу гнетущее впечатление и поставившей под сомнение семейное счастье молодоженов уже в медовый месяц.

В неточных воспоминаниях П.П. Семенова факт диагностирования эпилепсии не отразился вовсе. «Пребывание в „Мертвом доме“ сделало из талантливого Достоевского великого писателя-психолога. Но не легко достался ему этот способ развития своих природных дарований. Болезненность осталась у него на всю жизнь. Тяжело было видеть его в припадках падучей болезни, повторявшихся в то время не только периодически, но даже довольно часто. Да и материальное положение его было самое тяжелое, и, вступая в семейную жизнь, он должен был готовиться на всякие лишения и, можно сказать, на тяжелую борьбу за существование» [Достоевский в воспоминаниях, 1991, Т. 1, с. 310]. Так, в такой косвенной форме мемуарист признается, что стал очевидцем припадка писателя в Барнауле.

К сожалению, других свидетелей эпилептического припадка не было: в январе 1856 г. А.Е.Врангель уехал в Петербург в надежде смягчить участь ссыльного писателя. Архивных свидетельств посещения Достоевского врачом пока отыскать не удалось. Единственной точкой отсчета поиска стало эпистолярное наследие автора.

Это событие Достоевский описал дважды в письме барону А.Е. Врангелю 9 марта: «В Барнауле со мной случился припадок, и я лишних четыре дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия, и предсказал, что если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка)» (28-1; 270). В этот же день писатель рассказывает этот эпизод и в письме к брату Михаилу от 9 марта 1857 г., более подробно описывая происшедшее: «...я остановился в Барнауле у одного моего доброго знакомого.

Тут меня постигло несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор (ученый и дельный) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня настоящая падучая и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого. Я сам выпросил подобную откровенность у доктора, заклиная его именем честного человека. Теперь пойми, друг мой, какие отчаянные мысли бродят у меня в голове» (28-1; 275).

Обратим внимание на временной промежуток почти в три недели между происшедшим в Барнауле около 15 февраля 1857 г. сильнейшем припадком эпилепсии и его описанием. Четыре дня больной был настолько слаб, что не мог двинуться в дорогу, да и неделю спустя 23 февраля 1857 г. чувствует недомогание, жалуется на плохое самочувствие в письме сестре Варваре Михайловне: «Если б не легкая хворость, еще оставшаяся во мне (после припадка. – *Е.С.*), то я вполне был бы спокоен и счастлив» (28-1; 268-269).

Недомогание, частичная амнезия, нередко наблюдавшаяся у Достоевского после припадков, и стрессовое состояние, вызванное сильным эмоциональным потрясением, обусловили отсутствие точных фактов в письмах брату Михаилу и другу Врангелю: не названо имя П.П. Семенова («один мой добрый знакомый»), дата события и имя доктора, диагностировавшего болезнь, хотя присутствует его характеристика «учёный и дельный». В этот момент автору важнее осознание происшедшего как «несчастья», поставившего под сомнение возможность семейной гармонии. Диагноз барнаульского доктора – «настоящая падучая», «я задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» – окажется спустя 24 года пророческим.

Молодой врач А.Е.Ризенкампф в воспоминаниях о периоде совместной жизни с Ф.М.Достоевским в Петербурге в 1843-44 гг. отмечал болезненность своего приятеля: «Цвет лица его был какой-то земляной, его постоянно мучил сухой кашель, особенно обострявшийся по утрам; голос его отличался усиленною хрипотой; к болезненным симптомам присоединялась еще опухоль еще подчелюстных

желез» [Ризенкампф, 1990, с. 186]. О.Ф.Миллер подчеркивает, что «все это, однако же, усиленно скрывалось от всех и даже приятелю доктору насилу удавалось прописать Федору Михайловичу хотя какие-нибудь средства от кашля и заставить его хоть несколько умереннее курить жуковский табак» [Достоевский в воспоминаниях..., 1990, Т. 1, с. 186]. Доктор медицинских наук, профессор Научно-исследовательского института пульмонологии» ФМБА России В.И.Кобылянский предпринимает попытку ретроспективного анализа танатогенеза Достоевского. Он полагает, что «... учитывая заключения врачей А.Г.Ризенкампфа и С.Д. Яновского, особенно касающиеся золотушно-скорбутного худосочия и синдрома увеличения периферических лимфатических узлов, вполне резонно предположить наличие у Ф.М. Достоевского с 1846 г. туберкулеза периферических и внутригрудных лимфатических узлов, тем более принимая во внимание то обстоятельство, что мать писателя болела туберкулезом, от которого она умерла при явлениях легочного кровотечения в 1837 г., когда Федору было 16 лет. В связи с этим необходимо учитывать непосредственный контакт сына с матерью до 14 лет и тот факт, что туберкулезная инфекция является одной из наиболее частых причин увеличения лимфатических узлов» [Кобылянский, 2014 а, с.63]. В период заключения в Омском остроге бронхолегочная патология приобрела хроническую форму в связи с неблагоприятными условиями: недостаточным питанием, высокой скученности заключенных в казарме, невыносимой жарой летом и холодом зимой, тяжелым физическим трудом, в том числе работой с алебастром.

По свидетельству А.Г. Достоевской, эмфиземой легких писатель страдал последние 9 лет жизни. «[С]огласно современным представлениям, сама по себе эмфизема, учитывая анатомо-морфологические особенности легочной ткани при этой патологии, характеризующиеся деструктивными изменениями альвеолярных стенок, редукцией капиллярного русла и патологическим расширением воздушных пространств дистальных бронхиол, не может быть причиной фатального легочного кровотечения» [Кобылянский, 2014 а, с. 63].

Ученый приходит к выводу, что, исходя из имеющихся свидетельств «<...> та локальность патологического процесса, которая была отмечена еще в 1865 г.

С.П. Боткиным (в проекции средней доли правого легкого – Е.С.), к сожалению, не только сохранялась, но и имела отрицательную динамику и, возможно, сопровождалась осложнениями ателектатического характера» [Кобылянский, 2014 а, с. 65]. Отмеченные женой и близкими знакомыми симптомы: «[п]ароксизмы лающего кашля, боль в грудной клетке, лихорадка, озноб и потливость ночью, увеличение количества мокроты при изменении положения тела или при так называемом дренажном его положении, длительное течение патологического процесса и др. укладываются в клиническую картину хронического абсцесса» [Кобылянский, 2014 б, с. 76]. Причиной летального исхода врач считает «хроническую неспецифическую бронхолегочную патологию: бронхоэктатическую болезнь с преимущественной локализацией в средней доле правого легкого или хронический абсцесс на фоне ателектаза» [Кобылянский, 2014 б, с. 77]. Именно такая бронхолегочная патология могла обусловить смертельное легочное кровотечение» [Кобылянский, 2014 б, с. 79].

Тем интереснее настолько точная диагностика провинциального врача – «я задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» (28-1; 275), заставившая писателя внимательнее относиться к своему здоровью.

Таким образом, в разысканиях квалифицированного барнаульского доктора, остававшегося 160 лет безымянным, мы можем опереться только на характеристику самого Достоевского – честный, «ученый и дельный», поскольку других свидетельств об этом событии не сохранилось. Можно предположить, что к Достоевскому, очень уважаемому в Барнауле писателю, лично знакомому с горным начальником алтайских заводов Андреем Родионовичем Гернгроссом, действительно пригласили лучшего доктора, пользующего авторитетом у горожан.

Подробнее опишем методику поиска имени врача. Это было сложно, почти в слепую, поскольку дела в ГААК несистематизированы. Материалом для анализа послужили формулярные списки старших медицинских чиновников рудников и заводов округа (Ф. 2, Оп. 1, Д. 6146) за разные годы. Всего нами проанализированы послужные списки 19 медицинских чиновников, среди которых 12 врачей, 5 фельдшеров, 2 ветеринара. Подобные архивные разыскания имеют сопутствующую

щие результаты: нами были обнаружены имена служащих Барнаульской казенной аптеки, которых мог знать Достоевский, поскольку аптека расположена неподалеку от дома Зубова, где останавливался писатель и покупал лекарства. Это Яков Иванович Шеперенберг – аптекарь 2 степени, коллежский ассессор, управляющий барнаульской казенной аптекой и Родион Иванович Попов – аптекарь 2 отделения, титулярный советник, провизор барнаульской казенной аптеки.

Удалив ветеринарных врачей и служащих аптеки, а также молодых фельдшеров, не соответствующих авторскому определению «ученый и дельный», путем перекрестного и сопоставительного анализа формулярных списков, биографических данных, командировок с большой долей вероятности можно озвучить имя доктора, верно диагностировавшего болезнь Достоевского 15 февраля 1857 г. в Барнауле в доме купца Зубова по адресу: «Большая Олонская, 39». По нашему глубочайшему убеждению, единственным возможным доктором, точно поставившим диагноз писателю и честно предупредившим о грозящей опасности, мог быть только Иван Антипович Преображенский – коллежский советник, исправляющий должность Инспектора Алтайских госпиталей. Служил в Колывано-Воскресенских заводах с 1831 г., в 1855 г. получил знак за 20 лет беспорочной службы. С 1850 г. исполнял обязанности директора Барнаульского отделения Общества попечения о тюрьмах, в 1853 г. утвержден в этом звании. В 1855 г. определен к должности Инспектора Алтайских госпиталей, в 1856 г. произведен в коллежские ассессоры. За отличную и усердную службу при исправлении должности инспектора Алтайских госпиталей награжден орденом Св. Станислава 3 ст. 26 августа 1856 г. (за полгода до припадка Достоевского). Иван Антипович Преображенский действительно был «ученым и дельным» доктором, пользовавшимся большим уважением среди горожан.

Формулярный список исправляющего должность Инспектора Алтайских госпиталей коллежского советника Преображенского за 1858 г.

Лекарь и ветеринар 2 отделения коллежский советник **Иван Антипович Преображенский**, 55 лет. Сын священника. Кавалер ордена св. Станислава 3 ст., имеет светлобронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853-1856 гг. и знак отличия за 20 лет. Жалованье 900 руб.

По окончании курса наук в Московской медико-хирургической академии удостоен звания лекаря и ветеринара 2-го отделения и вследствие резолюции г. министра внутренних дел, выпущен на службу для определения в Колывано-Воскресенские заводы лекарем со старшинством с 14 сентября 1830 г.

Со времени выпуска до отправки на службу на Кольвано-Воскресенские заводы, был определен во временную Причистинскую больницу, для участия в прекращении существовавшей в Москве холерной эпидемии.

Произведен в коллежские секретари – 1830 декабря 30.

По прибытии в Кольвано-Воскресенские заводы определен при Барнаульском госпитале – 1831 января 15.

За содействие в принятии и исполнении мер к прекращению существовавшей в 1830 г. эпидемии холеры в Москве во временной Причистинской больнице, объявлено Высочайшее благоволение – 1831 марта 9.

Переведен к управлению Сузунским госпиталем – апреля 28.

За выслугу лет произведен в титулярные советники со старшинством – 1834 сентября 24.

По прошению его с разрешения господина главного начальника Алтайских заводов, уволен от службы по КВЗ – 1842 февраля 25.

По поданному им прошению Господину генерал-губернатору Восточной Сибири, определен медиком на Бирюксинские золотые промыслы Компании коллежского советника Асташева, с правами государственной службы – 1842 апреля 18.

Согласно прошения с промыслов г. Асташева, с утверждения генерал-губернатора, переведен на таковые же в Енисейском округе купцов Матаровых, с таким же переводом – 1844 марта 11.

По указу Правительствующего Сената от 26 июня 1846 г. объявленному в приказе по корпусу Горных Инженеров, произведен за выслугу лет в коллежские асессоры, со старшинством – 1843 ноября 17.

По поданному прошению исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири, от службы по частным золотым промыслам уволен – 1848 апреля 24.

Получил знак отличия безупречной службы за 15 лет – 1850 августа 22.

Принят на службу в Алтайский горный округ на вакансию младшего лекаря Сузунского госпиталя – 1850 ноября 22.

Перемещен старшим лекарем Барнаульского госпиталя – 1852 марта 20.

Определен к исправлению должности директора Барнаульского отделения общества попечения о тюрьмах – сентября 15.

По Высочайшему повелению, на основании 1246 ст. 3 т. Свода Законов, Устава о службе, по определению от Правительства, изданного 1842 г., за выслугу 5 лет в Сибири оклад жалования увеличен на $\frac{1}{4}$, именно 107 руб. 50 коп. с 22 ноября 1850 г. – 1852 октября 8.

По случаю командирования Инспектора Алтайских госпиталей статского советника Ратнева за препровождением в СПб. Каравана с золотом и серебром частных промышленников, с 24 ноября 1852 по 15 апреля 1853 – исправлял дела Инспектора Алтайских госпиталей.

Высочайше утвержден в звании директора Барнаульского общества попечения о тюрьмах – 1853 ноября 4.

По случаю командирования статского советника Ратнева в СПб. определен к его должности – 1853 декабря 6.

Произведен в надворные советники – 9 апреля 1854 г., со старшинством с – 1852 марта 10.

Высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству, в 24 февраля 1855 г. за № 24, определен к исправлению должности Инспектора Алтайских госпиталей – 1855 апреля 28.

Знак за 20 лет беспорочной службы – 1855 августа 22.

Произведен в коллежские советники 1856 августа 22, со старшинством – 1855 марта 20.

За отличную службу при исправлении должности инспектора Алтайских госпиталей награжден орденом Св. Станислава 3 ст. – 1856 августа 26.

Награжден светлобронзовой медалью на Владимирской ленте – 1858 г.

С разрешения Государственного Императорского Двора, на основании 1246 ст. 3 т. Свода Законов Установленного по определению от Правительства, за прослуженные в Сибири 10 лет, оклад жалования увеличен на $\frac{1}{2}$ – 450 руб. в год серебром, с 22 ноября 1855 г. – 1858 января 29.

Командирован в СПб. – 1858 мая 25.

По возвращении, поступил к исправлению должности Инспектора Алтайских госпиталей – 1858 октября 6.

Жена – Екатерина Андреевна, детей не имеют.

Источник: ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6852. Л. 40-48.

Итак, привлечение новых архивных данных позволяет раскрыть «белое пятно» биографии Достоевского и с большой долей вероятности назвать имя квалифицированного врача, верно диагностировавшего эпилепсию писателя – Иван Антипович Преображенский. Возможность использования этого автобиографического материала в творчестве будет рассмотрена нами далее, в §3.4.

2.6 А.Р. Гернгросс и Ф.М. Достоевский

Главной фигурой города Барнаула времен посещения его писателем был Андрей Родионович Гернгросс (1814–?) – крупный горный специалист середины XIX в., новатор горного производства²⁸.

Ф.М. Достоевский познакомился с А.Р. Гернгроссом весной 1855 г. во время поездки со своим другом окружным стряпчим А.Е. Врангелем на Локтевский медеплавильный завод. «В этот наш приезд в Локтевский завод, – вспоминает барон, – мы застали там главного начальника Алтайского округа, горного генерала А.Р. Гернгросса, образованного, любезного и гуманного. Я знавал в Петербурге близко всю его родню, и здесь мы с ним скоро сошлись, я представил ему Достоевского; он отнесся к нему очень приветливо и настойчиво приглашал его вместе со мной погостить к себе в Барнаул и Змеиногорск, где имелась великолепная казенная дача, в которой семейство генерала проводило лето. Но в Змеиногорск До-

²⁸ Родился в Витебской губернии в семье генерал-майора. Происходил из дворян, лютеранского вероисповедания. Окончил Горный кадетский корпус с большой золотой медалью. В 1833 г. отправлен практикантом для описания Уральских заводов. Трудовую биографию начал с марта 1834 г. на Алтае чиновником по особым поручениям при управляющем Барнаульским среброплавильным заводом в поисковых партиях с присвоением звания штабс-капитана. В сезон 1835 г. открыл золотые россыпи по реке Средняя Терсь. С 1835 по 1835 гг. офицер стажировался в Германии, Венгрии. В 1839 г., после стажировки в Германии, Венгрии, Швеции, Норвегии, где изучал европейский опыт горных производств, возвратился на Алтайские заводы, с 1840 г. занимал должность помощника управляющего Барнаульским заводом, 1841-43 гг. – управляющего Сузунским заводом и монетным двором; 1843-54 гг. – управляющего рудниками и заводами Змеиногорского края. Полученные за границей знания он пытался внедрить в Алтайское производство. Проводил опыты по замене порохоострельной работы огненной при добыче руды, внедрял новые методы плавки руд с горькой солью, по извлечению меди из рожштейна (продукта первичной плавки) «по способу Гернгросса», что значительно удешевляло производственный процесс. А.Р. Гернгросс проводил и мероприятия по введению правильной разработки в рудниках, усилению их разведки и введению обогащенных руд, вследствие чего вновь приобретались и сохранялись запасы руд в месторождениях, так что после пятилетней добычи их для выполнения нарядов серебра, добывающихся до 1000 пудов, в рудниках Змеиногорского края оставались почти такие же запасы, какие были за пять лет до этого. А.Р. Гернгросс известен и как талантливый ученый, опубликовавший в «Горном журнале» ряд статей по усовершенствованию плавильного производства. В декабре 1852 г. Андрей Родионович был произведен в чин полковника, а в июле 1854 г. достиг вершин своей карьеры: стал горным начальником Алтайских заводов. В этой должности он проявил себя как талантливый и инициативный руководитель, новатор, прогрессивно мыслящий человек. Горный начальник предлагал Кабинету мероприятия, способствующие развитию горного дела на Алтае: усилить разведку в округе, увеличить награду за открытие новых месторождений, возродить Монетный двор и устроить при Сузунском заводе механический цех для обработки меди в листы с целью увеличения ее сбыта на рынке, строительство большого «плавильного сооружения» на минеральном топливе в Салаирском крае и т.д. [Соболева, 1997, с. 140]. Программа усовершенствований Гернгросса также включала необходимость проведения топографической съемки территории Алтайского округа и размежевания земель крестьян и Кабинета, введение в коммерческий оборот не занятых крестьянами земель и лесных массивов путем установления арендной платы. Записка, содержащая программу развития горного дела на Алтае, была подана Императору летом 1855 г. За время руководства заводами округа А.Р. Гернгроссом добыча серебряной руды превысила 1000 пудов в год, а рассыпного золота – 43 пуда [Соболева, 1997, с. 141]. Андрей Родионович Гернгросс – кавалер множества орденов: Св. Станислава III-й ст., Св. Анны II-й и III-й степени, Св. Владимира III-й и IV-й степени. О А.Р. Гернгроссе см. также: [Гришаев, 1997, т. 2, с. 102]; [Гришаев, 1999, с. 201-205]; [Гришаев, 2000, с. 76]; [Исследователи Алтайского края, 2000, с. 58-59]; [Соболева, 1997, с. 133-150]; [Гернгросс Андрей Родионович, URL]; [Змириев, 2013, с. 19-23].

стоевского начальство не отпускало, так как это было довольно далеко от Семипалатинска, боялись доноса» [Врангель, 1912, с. 62-63].

Следующая встреча Достоевского с начальником Алтайского горного округа состоялась летом 1856 г. тоже при участии А.Е. Врангеля в Змиеве. Мемуарист вспоминает: «После долгих просьб мне удалось наконец, при посредстве военного губернатора, получить согласие батальонного командира на поездку Достоевского со мною в Змеиногорск, куда нас приглашал генерал Гернгросс. Это было недалеко от Кузнецка, и Ф.М. мечтал о возможности повидать Марию Дмитриевну, да и побывать в кругу образованных людей в Змеиногорске не мало прельщало нас» [Врангель, 1912, с. 84]. И далее: «Мы прогостили в Змиеве пять дней; согласно обычаю, нам отвели квартиру у богатого купца. Радушно встретило нас горное начальство; не знали уж, как нас и развлечь – и обеды, и пикники, а вечером даже и танцы» [Врангель, 1912, с. 88].

По воспоминаниям барона, «общество “горных”, как называли их, резко отличалось тогда от всего сибирского общества. Это были все люди науки, образованные и культурные» [Врангель, 1912, с. 88]. Неудивительно, что А.Р. Гернгросс, будучи неординарной личностью, по достоинству оценил ссыльного писателя и старался всячески помочь ему. Общность профессионального – инженерного – образования и культурного уровня, интерес к науке, литературе и театру, вероятно, быстро сблизили Достоевского с полковником.

Еще за полгода до первого посещения Барнаула в письме от 13-18 января 1856 г. автор пишет брату Михаилу из Семипалатинска: «Начальник Алтайских заводов полковник Гернгросс, друг Ал<ександра> Егор<овича>, очень желает, чтоб я перешел служить к нему, и готов дать мне место, с некоторым жалованьем в Барнауле <...> Если мне нельзя будет выехать из Сибири, я намерен поселиться в Барнауле, куда приедет служить и Алек<сандр> Егор<ович> (28-1; 202); «В Барнауле горный начальник, генерал, готов сделать с своей стороны все, что может, а он на своем месте может много» (28-1; 203).

Заметим, что А.Е. Врангель допускает неточность (затем повторенную и Достоевским), называя полковника А.Р. Гернгросса генералом. Звание генерал-майора он получит только в сентябре 1859 г. уже в Санкт-Петербурге.

Н.Н. Наседкин, описывая передвижения известного литератора по Сибири, ошибочно полагает, что он познакомился с А.Р. Гернгроссом «по рекомендации Врангеля в первый свой приезд в Барнаул» в 1855 г. [Наседкин, URL]. Как мы писали выше, они впервые встретились действительно в 1855 г., но не в Барнауле, а в Локтевском заводе по свидетельству А.Е. Врангеля. Достоевский впервые посетит столицу горного дела на Алтае в июне 1856 г., но возобновить знакомство с полковником ему не удастся. Об этом он сожалеет в письме А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г.: «с горными я познакомился только с Пишко и Самойловым; хорошие люди; остальных не застал. С Гернгр<осом> разъехался на дороге» (28-1; 237). Обратим внимание, что в эпистолярной Достоевского начальник Алтайского горного производства фигурирует без инициалов и сокращенно как Гернгр., а его супруга прячется под литерой Х., что говорит об их близком знакомстве. Наличие литеры «Х.» в письмах писателя демонстрирует этическую предусмотрительность Достоевского в случае просмотра его корреспонденции. Здесь уместно использовать термин криптоним – сознательно зашифрованное автором имя города, места, вещи, человека в художественном тексте.

Следующая, третья встреча, Ф.М. Достоевского и А.Р. Гернгросса состоялась 24 ноября 1856 г. в Барнауле, куда писатель приехал вместе с В.П. Демчинским и П.П. Семеновым [Летопись, 1997, Т. 1, с. 229]. В этот же вечер он присутствует на балу по случаю именин жены Гернгросса Екатерины Иосифовны. Вероятно, на балу офицеры (в октябре Достоевский получил долгожданный чин прапорщика, который в XIX был первым офицерским) вели беседу. Горный начальник оставил приятные воспоминания у писателя: «В Барнаул мы приехали 24-го декабря²⁹, в день именин Х., и Гернгросс, не видав еще нас, прямо пригласил нас через Семенова на бал. Он мне очень понравился» (28-1; 251), – признавался литератор другу А.Е. Врангелю 21 декабря 1856 г. Ч.Ч. Велиханову в письме от 14 декабря 1856 г.

²⁹ Комментаторы писем указывают в примечаниях: «В подлиннике описка, нужно ноября» (28-1; 251).

Достоевский сознается: «Я почти не был в Барнауле. Впрочем, был на бале и успел познакомиться почти со всеми» (28-1; 248).

Реконструировать атмосферу бала, на котором побывал Достоевский в Барнауле, гипотетически позволяют воспоминания путешественников по Алтаю и исследования историков. Последние утверждают, что «[р]егулярными событиями городской жизни являлись балы, которые устраивались, в основном, по поводу обручений и свадеб. <...> на балах присутствовало от 40 до 100 лиц. <...> Наряды дам на этих балах не уступали столичным и изготавливались по последним модным журналам. Кроме балов устраивались вечера с приглашением горных чиновников и офицеров. В таких случаях после ужина играли в бостон или вист» [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 91].

Немецкий ботаник, зоолог, минеролог Карл Христиан Фридрих фон Ледебур вместе со своими учениками А. Бунге и К. Мейером, в 1826 г. участвовал в научной экспедиции по Алтаю. В своей книге он емко, метко, подчас афористично отразил своеобразие жизни города: «Господа и дамы собираются, танцуют; любители карточной игры составляют себе партии; иногда ставятся концерты; есть небольшой любительский театр» [Ледебур, 1993, с.154]. Ученый дает такую характеристику жителям: «Барнаульцы – народ очень общительный, и гостеприимство настолько присуще всем, что я не встречал нигде ничего подобного. Все чиновники, как мне не раз пришлось убедиться, находятся в хороших дружественных взаимоотношениях друг с другом, а с иностранцами очень любезны и предупредительны, что я тоже имел возможность узнать на собственном опыте. <...>[В] обществе господствует приличный тон <...>. Среди молодых горных офицеров нередко встречаются люди образованные, которые воспитывались в С.-Петербурге в Горном кадетском корпусе и побывали затем на средства Кабинета за границей для изучения техники горнозаводского дела и избранной специальности. Многие из них весьма музыкальны и охотно принимают участие в общих развлечениях» [Ледебур, 1993, с. 154].

Резюмируя свои впечатления, немецкий ученый восклицает: «...мне просто не верилось, что все то, чему я был свидетелем, происходит на расстоянии 5000

верст от столицы и 2000 верст от европейской границы. Дамы являются одетыми в костюмы, сшитые из нарядной материи по последним столичным модам, которые здесь чрезвычайно быстро перенимаются. Столы убраны со вкусом и изысканностью. Всю обстановку я нашел такой, какой она бывает только в изысканном европейском обществе. Я был ошеломлен, найдя Барнаул столь цивилизованным городом...» [Ледебур, 1993, с.154]. Похожий отзыв дает и Л.Ш. Аткинсон: «...ни в одном городе нет общества столь приятного, как в Барнауле. Тут имеется превосходный оркестр, <...> красиво и с большим эффектом исполняет многие оперы. Три леди в Барнауле хорошо играют на фортепиано и три или четыре любительских концерта, данные в течение зимы, не опозорили бы любой европейский город» [Аткинсон, 2013, с. 23].

Восторженный отзыв К. Ледебура вполне соотносим с юмористическим отзывом П.П. Семенова, который называл город в шутку именем греческой столицы: «Одним словом, Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, и я прозвал его сибирскими Афинами, оставляя прозвание Спарты за Омском» [Семенов Тянь-Шанский, 2018, с. 28]. Характеризуя барнаулское общество, в котором ученый петербуржец проводил вечера зимой 1856-57 гг., он отмечает три черты: гостеприимство, хорошую образованность и исключительную приветливость [Семенов Тянь-Шанский, 2018, с. 97].

Картина бала, на котором присутствовал Достоевский в Барнауле, изображена на картине А.А. Дрилева «Бал горных офицеров» (2009), хранится в ГМИЛИКА.

В цитированном письме А.Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. Достоевский прямо указывает, что «в Барнауле я пробыл сутки и отправился в Кузнецк. Там пробыл пять дней и, воротясь, пробыл еще сутки в Барнауле» (28-1; 252). Опираясь на эту фразу писателя авторы «Летописи жизни и творчества Достоевского 1821-1881 гг.» [Летопись, 1991, Т. 1, с. 230], а также Н.Н. Наседкин [Наседкин, URL] считают датой возвращения писателя в Барнаул 1 декабря 1856 г., не учитывая время в пути туда и обратно. Как мы указали ранее (См. §2.2), пять дней в Кузнецке необходимо отсчитывать от 26 ноября, тогда получается, что 1 декабря приходится на дорогу. 25 ноября 1856 г. влюбленный писатель выехал в Кузнецк,

где провел 5 дней: сделал М.Д. Исаевой предложение, получил согласие и окрыленный возвратился в Семипалатинск, с остановкой на сутки в Барнауле. Визит писателя к гостеприимной чете Гернгросс состоялся, по нашему мнению, 2 декабря 1856 г.

Гернгросс «обошелся со мной превосходно», – делился литератор с А.Е. Врангелем (28-1; 252). Во время обеда у начальника горных заводов Андрея Родионовича Гернгросса с Достоевским произошел казус. «За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!» (28-1; 252), – признавался автор «Дядюшкина сна» другу А.Е. Врангелю в письме от 21 декабря 1856 г.

Нас заинтересовал вопрос: можно ли использовать эпистолярный ключ, рассказывающем о барнаульском курьезе, который почти дословно повторен в комической повести для поисков возможного прототипа этого прелестного ребенка. Поскольку курьез произошел во время обеда в декабре 1856 г. и мы знаем, что мальчику было около 8 лет, логично предположить, что это мог быть реальный ребенок – сын Андрея Родионовича и Екатерины Иосифовны Гернгросс. Если Достоевский точен в деталях, то год рождения мальчика – **1848** г.

Был ли ребенок такого возраста у четы Гернгросс? Ответить на этот вопрос нам помогают архивные документы, точнее «Формальный список о службе и достоинстве горного начальника Алтайских заводов и исправляющего должность главного начальника сих заводов Полковника Гернгросса», хранящийся в Государственном архиве Алтайского края (ГААК. Ф.2. Оп.1. Д. 5848. Л. 4-5)³⁰.

Формальный список содержит графу «холост или женат, имеет ли детей, год, месяц и число рождения детей и какого они вероисповедания», из которого мы можем почерпнуть интересующую нас информацию. Андрей Родионович был

³⁰ Благодарю кандидата исторических наук Бориса Васильевича Бабарыкина и работников Государственного архива Алтайского края Елену Ивановну Москаль, Есению Ивановну Миляеву, Александра Владимировича Зимирева за высокий профессионализм и помощь в поиске архивных источников.

женат на дочери надворного советника Иенко-Даровского Екатерине Осиповне (в Деле – Осиповой) 1818 г.р., что позволяет нам уточнить неверную информацию Н.Н. Наседкина [Наседкин, URL], который ошибочно указывает девичью фамилию жены полковника как Львова. Во время визита Достоевского А.Р. Гернгроссу было 48 лет, а его супруге 38.

В формальном списке также указаны родившиеся к тому времени (1858 г.) дети – сыновья: Николай (30.01.1845)³¹, Родион (02.04.1848), Владимир (18.04.1854) и Анатолий (01.01.1856); и дочери: София (20.04.1844), Александра (09.05.1846) и Ольга (16.04. 1852). Позднее в семье появится еще один сын Сергей [Пережогин, 2012, с. 37-38]. Фото Формулярного списка см. в Приложении 6.

Акцентируем, что у четы Гернгросс действительно был ребенок 8 лет – Родион³², дата рождения 2 апреля 1848 г., названный в честь деда по отцовской линии. 8 лет – особый возраст. Во-первых, исключительный интерес вызван биографическими обстоятельствами: в это время столько же было Паше Исаеву, который через 2,5 месяца станет пасынком писателя. Во-вторых, интерес обусловлен пограничным характером возраста – смены ангельской природы на человеческую: до 7 лет ребенок называется младенцем и считается безгрешным, поэтому и не исповедуются перед причастием³³.

В последние два приезда писателя в Барнаул в феврале 1857 г. А.Р. Гернгросс с Ф.М. Достоевским тоже встречались, при чем неоднократно, несмотря на то, что по дороге в Кузнецк будущий жених был занят покупкой подарков, а по возвращении с женой и пасынком после сильного эпилептического припадка находился не в лучшем состоянии здоровья. Однозначно указывает на факты встреч писате-

³¹ Находится в пансионе г. Лялина в Санкт-Петербурге. – *Е.С.*

³² Сплошное просматривание метрических книг для умерших, родившихся и брачных дел в ГААК позволяет сделать вывод, что имя Родион – довольно редкое. Было бы большой натяжкой утверждать, что имя главного героя романа «Преступление и наказание» имеет сибирские корни. В год выхода романа (1866) Родиону Гернгроссу было 18 лет (он на 5 лет моложе романного Родиона), он уже окончил Школу гвардейских подпрапорщиков в Санкт-Петербурге и начал военную службу. Интересно, что имя Родион имел еще один возможный барнаульский знакомый Достоевского – Родион Иванович Попов – аптекарь 2 отделения, титулярный советник, провизор барнаульской казенной аптеки.

³³ О таких героях устами Ивана Карамазова в последнем романе в главе «Бунт» писатель говорит так: «Дети, пока дети, до семи лет например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другой природой» (14; 217).

ля с А.Р. Гернгросс и его женой Екатериной Иосифовной письмо к А.Е. Врангелю от 9 марта 1857 г., где Достоевский отчитывается об увиденном.

Согласно архивным данным, горный начальник Алтайских заводов, корпуса горных инженеров полковник Гернгросс в прошении № 319 от 8 мая 1858 г. по состоянию здоровья просит об увольнении на 5 месяцев в отпуск в Санкт-Петербургскую, Московскую и Кавказские губернии (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1451). В связи с предполагаемой реорганизацией горного дела на Алтае 17 июня 1858 г. ему приходит предписание в отказе от отпуска и вызов в Санкт-Петербург, принимая во внимание его долгую и беспорочную службу (документ № 4239). Он должен сдать должность с 1 ноября 1858 г., передавав управление Алтайскими заводами полковнику Фрезе и отправиться в дорогу по первому зимнему пути. Согласно «Почтовому дорожнику» 1829 г., путь из Барнаул в Санкт-Петербург составлял 4076 верст³⁴ [Почтовый дорожник..., 1829, с. 56].

В конце 1858 г. семья переезжает в город на Неве. Там А.Р. Гернгросс подает в отставку. 14 февраля 1859 г. приказом по Корпусу горных инженеров он был назначен членом Совета и ученого комитета Корпуса, а в сентябре – пожалован в генерал-майоры. Известно, что А.Р. Гернгросс с Ф.М. Достоевским встречались в 1860-х гг. в Петербурге.

Родион Андреевич Гернгросс, невольно ставший прототипом безымянного мальчика в повести «Дядюшкин сон», выбрал военную карьеру. Он окончил Школу гвардейских подпрапорщиков, начав службу в сентябре 1864 г. В 1866 г. стал офицером. Награжден орденами Святого Станислава 3 степени, Святой Анны 3 степени, Святого Владимира 4 степени. Был председателем Сольвычегодского уездного съезда Вологодской губернии и членом Сольвычегодского уездного попечительства детских приютов. Скончался в 1910 г. (См. Приложение 6.)

Итак, как мы могли убедиться, поиск новых архивных документов, тематически связанных с пребыванием Достоевского в Сибири и его окружением, весьма продуктивен, поскольку позволяет глубже понять детали, подробности сибирско-

³⁴ Летом в связи с разливами рек и необходимостью переправ расстояние и продолжительность поездки намного увеличивалось. Так, путь из Барнаула в Санкт-Петербург составлял 4211 $\frac{3}{4}$ версты (135 $\frac{3}{4}$ версты) [Почтовый дорожник..., 1829, с. 56]

го периода жизни писателя и поразмышлять над тем, как это могло преломиться в творчестве. Впервые в научный оборот вводится история взаимоотношений писателя с семьей Гернгросс, приводятся архивные документы, подтверждающие историко-литературный факт существования ребенка, ставшего прототипом нескольких героев, – Родион Андреевич Гернгросс, а также доказывается гипотеза о барнаульских «корнях» метафорической номинации города Мордасова. Все названные факты имеют большое значение для творческой лаборатории повести «Дядюшкин сон». Подробному изучению этого художественного произведения посвящены следующие разделы исследования.

Глава 3. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: семиотика пространства сибирской провинции

По отношению к «сибирским повестям» В.И. Габдуллина выделяет три подхода:

- 1) как к произведениям переходного периода творчества писателя, в которых особенно наглядно проявились черты новой творческой манеры;
- 2) с точки зрения литературных влияний и традиции «провинциального текста» в русской и зарубежной литературе;
- 3) интерпретация этих произведений в контексте биографии писателя, чем традиционно занимаются литературоведы-краеведы [Габдуллина, 2016, с. 102].

При этом исследовательница считает второй и третий подходы конфликтными. На наш взгляд, это не так. Напротив, в последнее время особенно остро ощущается потребность в комплексной методологии, объединяющей биографический, структурно-семиотический и интертекстуальный анализ, и системном описании художественного мира писателя с пристальным вниманием к малейшим деталям. Это позволит приблизиться к авторскому замыслу и адекватно интерпретировать, раскрыть своеобразие творческой манеры и нарративной структуры текстов, понять своеобразие конкретного произведения и проследить эволюцию творчества.

К.А. Баршт подчеркивает, что «...следует признать, что на формирование сюжетов произведений Достоевского и описание внешности и характеров созданных им персонажей значительное влияние оказывали не только историко-литературные прецеденты, но и памятные встречи с людьми; практически каждая книга Достоевского хранит на себе отпечаток той или иной личной жизненной проблемы, решение которой он искал в период ее создания. В связи с этим продуктивным методом изучения творчества Достоевского считается аналитическое сравнение фрагментов произведений с описанными в мемуарах эпизодами из жизни писателя» [Баршт, 2015, с. 73].

В связи с сибирскими произведениями писателя обозначилась проблема локальной привязанности текста.

Традиционно в литературоведении господствует точка зрения, согласно которой «Дядюшкин сон» – произведение о жизни русской провинции в целом. Внимание исследователей было сосредоточено на истории создания, литературной генеалогии и проблеме жанра (В.А. Туниманов, В.Г. Одинокоев, В.Н. Захаров, М.С. Альтман, С.А. Кибальник, Р.С.-И. Семькина, В.П. Владимирцев, Б.Н. Тихомиров и др.). Исследователи скептически отвергали возможность узнавания деталей конкретной местности: «литературоведы-краеведы могут сколько угодно гадать, какой именно сибирский город послужил прототипом для Мордасова – Омск, Семипалатинск или Барнаул. Усилия их будут тщетны» [Туниманов, 1980, с. 23-24], намекая на общепроvincialный, стандартный колорит произведения. Сторонники второй точки зрения (Н.И. Левченко, В.О. Старыгина, Т.Б. Трофимова) настаивают на исключительно семипалатинских источниках творческой рефлексии автора: «в основу повести легли личные впечатления писателя и его наблюдения над провинциальным бытом Семипалатинска» [Старыгина, 2013, с. 24]. Т.Б. Трофимова, выступившая комментатором повести во втором, дополненном собрании сочинений Достоевского, считает, что «[в] основу произведения легли личные впечатления писателя, его наблюдения над провинциальным бытом Семипалатинска» (ППС₂ 2; 736), однако никак не аргументирует свою позицию.

В.Г. Одинокоев занимает промежуточную позицию: то полагает, что «никаких особых локальных примет сибирской провинции там нет. Это “окраина” вообще в самом широком смысле слова» [Одинокоев, 1980, с. 18], то склоняется к точке зрения, что «повесть «Дядюшкин сон» создана на основе семипалатинских впечатлений писателя» [Одинокоев, 1980, с. 17].

Терминологической корректной видится позиция В.П. Владимирцева, который подчеркивает, что творческая лаборатория произведения органично сочетала непосредственные впечатления Достоевского от сибирской провинции с лучшими литературными претекстами. «Этнопсихологической основой разработки служат

ему реальные наблюдения над омскими, семипалатинскими и барнаульскими обывательскими типами и нравами 1850-х гг. С другой стороны, скандально-анекдотическая и неприглядно-грустная история о том, как дряхлого князя К. едва не «облапошили» женитьбой на «красавице из красавиц» мордасовского захолустья, вполне корреспондирует с лучшими в литературе стандартами комедии положений и характеров («Ревизор» и «Женитьба» Гоголя, «Тартюф» Мольера)» [Владимирцев, 2007, с. 249].

Б.Н. Тихомиров считает, что этот период биографии Достоевский ставит проблему провинциальной сибирской топографии. «Писатель мастерски обрисовал в повести в сатирических красках жизнь российской провинции, которую после выхода из острога он в течение нескольких лет наблюдал в Омске, Семипалатинске, Кузнецке, Барнауле. Его художественное изображение обнаруживало и объективно свидетельствовало, что “там, во глубине России”, жизнь течет существенно иначе, чем в Петербурге или Москве, что страсти кипят там по совершенно иным поводам и “шум времени” не доносится до обитателей провинциальных городов и помещичьих усадеб» [Тихомиров, 2017, с. 449].

Представляется полемичной позиция В.И.Габдуллиной, которая полагает, что «номинация “сибирские повести” Достоевского по отношению к произведениям, написанным Достоевским в ссылке (“Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково и его обитатели”), условна и обычно маркирует их по времени и месту создания, а не с точки зрения содержащегося в них метатекста, как это происходит с “петербургскими повестями” писателя. Действительно, события в этих произведениях разворачиваются не в сибирском топосе» [Габдуллина, 2016, с. 101].

С подобной точкой зрения и утверждениями можно согласиться лишь отчасти. С одной стороны, без сомнения, Достоевский стремится создать противоположный Петербургу обобщенный образ российской глубинки. В повести «Дядюшкин сон» есть универсальные детали, приложимые к любой провинциальной местности: узкие деревянные тротуары, домишки городской окраины, лающие собаки и т.д.

С другой стороны, творческая лаборатория писателя не исчерпывается семипалатинскими впечатлениями, а опирается на весь сибирский опыт, который под пером Достоевского существенно трансформируется. При интерпретации «сибирских» произведений необходимо учитывать омские, семипалатинские, змеиногорские, барнаульские и кузнецкие впечатления Достоевского как источник его творческой рефлексии. Хотя художественная топография в литературоведении – вопрос дискуссионный, и зачастую литературное краеведение балансирует на грани науки и обывательского патриотизма, это, однако, не снимает актуальности задачи специального научного комментирования, открывающего широкие перспективы для интерпретации творчества писателя в целом. «Сибирские впечатления» Достоевского нуждаются в систематической научной разработке, опирающейся на совокупность сохранившихся архивных и печатных материалов³⁵. Для создания полногисторического (реального) комментария повести необходим беспристрастный анализ, опирающийся на весь корпус архивных документов, мемуарных и эпистолярных свидетельств. По нашему глубочайшему убеждению, помимо общесибирского колорита повести [См. Одинокое, 1980, Габдуллина, 2016] есть еще барнаульский, алтайский, кузнецкий, омский текст, которые пока не вводились в научный оборот, связанный с повестью. Именно этот региональный текст и станет исследовательской задачей данной главы исследования.

Комментарий – жанр филологического исследования, разъяснение текста художественного произведения. Основные виды научного комментария выделены Б.В. Томашевским: 1) историко-текстовый и библиографический, 2) редакционно-издательский, мотивирующий выбор текста, 3) историко-литературный, 4) критический, 5) лингвистический, 6) литературный, 7) реальный, или исторический [Томашевский, 1959, с. 207]. Как отмечает Н.А. Тарасова, реальный комментарий Томашевский определил как категорию «самую ответственную и требующую наибольшего критицизма». Основная задача такого комментария – предоставление «сведений о современных автору лицах и событиях» [Томашевский,

³⁵ К сожалению, существующие источники в основном принадлежат к жанру краеведческой эссеистики и нередко содержат ошибочные сведения и неточности, что усиливает необходимость их критического анализа и создания тщательно выверенного исторического, литературного комментария «сибирских повестей» писателя.

1959, с. 208, 210]» [Тарасова, 2019, с. 72]. Участвуя в издании нового академического собрания сочинений Достоевского в 35 тт. и занимаясь комментированием профессионально, Т.А. Тарасова акцентирует, что реальный комментарий на самом деле включает в себя все виды толкований: энциклопедический, словарный, идеолектный, интертекстуальный и др. «...[П]ри подготовке реального комментария, исследователь учитывает не только фактографию, имеющую отношение к исторической реальности, но и особенности мировоззрения автора, жанровую структуру произведения, стиль повествования, речевые характеристики персонажей, потому что названные условия отражают специфику художественного преломления фактов действительности в творческом сознании писателя. Согласно логике «внутреннего движения материала», в реальном комментарии в ряде случаев могут иметь значение сведения, касающиеся названных аспектов анализа» [Тарасова, 2019, с. 73-74]. Более того, «[м]етатекстуальность комментария открывает многоканальность восприятия основного текста, снимает “линейность” его прочтения за счет активизации различных семиотических кодов или сфер» [Тарасова, 2019, с. 74]. Исследователь приходит к выводу, что «реальный комментарий многослоен и не ограничивается пояснением так называемых “исторических реалий”. Происходит это потому, что «реалии» видоизменяются, будучи воспринятыми авторским сознанием и становясь частью художественного текста, а иногда и более широкого историко-литературного контекста. Кроме того, в реальном комментарии действуют разные типы комментирования, от идеолектного до интертекстуального, и чаще всего не по отдельности друг от друга, а в соединении, когда к этому ведет комментируемый текст. Такой ситуации, кроме того, способствует сама модель построения комментария, предполагающая движение исследователя вслед за автором и авторской логикой» [Тарасова, 2019, с. 98]. По мнению, Б.Н. Тихомирова, жесткой границы между комментарием и интерпретацией нет, более того, зачастую трудно провести между этими понятиями границу [Тихомиров, 2008, с. 121]. Более важно и доказательно исследование, где «констатируется тот или иной факт, объясняется та или иная реалья, а затем показывается, зачем это надо знать, как это работает в художественной структуре» [Тихомиров,

2008, с. 124] произведения. Поэтому комментарий и интерпретация по большому счету, преследуют одну задачу – «расширение кругозора читателя, помогающее лучше почувствовать художественную природу текста Достоевского» [Тихомиров, 2008, с. 124]. Говоря о современном состоянии и перспективах, Б.Н. Тихомиров отмечает, что «...работы тут непочатый край, потому что Достоевский неисчерпаем, и нас ещё ждут на этом поприще замечательные находки и открытия» [Тихомиров, 2008, с. 118].

Прежде чем предложить опыт локального комментирования и интерпретации повести, необходимо напомнить творческую историю художественного текста и рассмотреть проблему жанра, поскольку «Дядюшкин сон» остается недостаточно изученным произведением и нуждается в глубоком анализе его творческой истории, художественного мира, образной системы, а также научном комментировании сибирского опыта, преломившегося в этом литературном тексте.

3.1. Проблема жанра первого послекаторжного произведения Достоевского

Первым сибирским произведением писателя, созданным им в ссылке, была повесть «Дядюшкин сон», опубликованная в петербургском журнале «Русское слово» (№ 3) в марте 1859 г.³⁶. Она создавалась урывками, параллельно с романом «Село Степанчиково и его обитатели». Замысел произведения возник еще в 1856 г., о чем Достоевский признавался А.Н. Майкову в письме от 18 января 1856 г.: «Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до

³⁶ В журнальной публикации на последней странице проставлена дата завершения работы автора – «3-го Января 1859 г. // Русское слово. Литературно-ученый журнал, издаваемый графом Гр. Кушлебовымъ-Безбородко. Спб.: Тип. Рюмина и комп 1859. № 3. (март). Отд. I. С. 172.

сих пор всё писал отдельные приключения, написал довольно, теперь всё сшиваю в целое» (28-1; 209).

О начальном периоде работе над замыслом, когда писатель находился в радостно-приподнятом настроении творца, свидетельствует и письмо брату Михаилу от 9 ноября 1856 г.: «...писал урывками. Но тут не без пользы, ибо вылежалась, обдумалась и полунаписалась хорошая вещь. Да, друг мой, я знаю, что сделаю себе карьеру и завоюю хорошее место в литературе. К тому же я думаю, что литературой, *обратив на себя внимание*, я выпутаюсь из последних затруднений, оставшихся в моей горькой доле. <...> Это сочинение очень большое. Роман комический, началось с шуточного и составилось то, чем я доволен. Будут очень и очень хорошие вещи в нем. Ради Бога, не сочти меня хвастуном. {...} Отрывки, совершенно оконченные эпизоды, из этого большого романа, я бы желал напечатать *теперь*» (28-1; 246).

9 марта 1857 г. Достоевский делился с другом – бароном А.Е. Врангелем (вернувшимся в Санкт-Петербург) своими творческими планами: «Я пишу вещь длинную и еще не кончил. Но, может быть, пошлю в Петербург, чтоб поскорей узнать, напечатают ли? – что-нибудь очень коротенькое и скоро. Вся моя надежда на это» (28-1; 273). «“Вещь длинная” – это, очевидно, всё тот же “комический роман”, работа над которым шла весь 1856 год. В намерении же написать “что-нибудь коротенькое и скоро” можно увидеть первую мысль о “Дядюшкином сне”», – отмечает Б.Н. Тихомиров [Тихомиров, 2017, с. 432].

18 января 1858 г. Достоевский в письме брату Михаилу вновь подтверждает наличие экспериментальной части, которая может стать «пробой пера» и способом возвращения в литературу: «...в большом романе моем есть эпизод, вполне законченный, сам по себе хороший, но вредящий целому. Я хочу отрезать его от романа. Величиной он тоже с “Бедных людей”, только комического содержания. Есть характеры свежие» (28-1; 300).

Таким образом, изначально «Дядюшкин сон» воспринимался автором как эпизод, стоящий «особняком» и не обладающий «необходимой органичной связью с романном “целым”» [Тихомиров, 2017, с. 432].

В критической и исследовательской литературе повесть традиционно оценивалась невысоко, как «неудачный фарс» и «чувствительная мелодрама» [Мочульский, 1995, с. 302], «ремесленное произведение, написанное по нужде» [Кирпотин, 1960, с. 510]³⁷. Критические замечания высказывались и в отношении эстетической стороны – «самое пестрое и смешанное (в жанровом отношении) произведение Достоевского» [Туниманов, 1980, с. 15].

Между тем, как нам представляется, комическая повесть возвращающегося в литературу писателя уже в силу своего статуса первого послекаторжного произведения должна привлекать особое внимание исследователей. Действительно, «Дядюшкин сон» – произведение новаторское с точки зрения жанра и является результатом творческого эксперимента – синтеза элементов драмы и эпоса.

Оценивая свое произведение пятнадцать лет спустя после создания, Достоевский признавался М.П. Федорову 19 сентября 1873 г.: «Я написал ее тогда в Сибири, в первый раз после каторги, единственно с целью опять начать литературное поприще и ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному). А потому невольно написал вещичку голубиною незлобья и замечательной невинности» (29-1; 303). По нашему глубочайшему убеждению, писатель несколько лукавит, поскольку создает новаторское сочинение как на уровне формы, так и содержания, произведение принципиально новое для его жанровой системы и творческой манеры, но до сих пор недостаточно оцененное. В повести присутствует не только безобидная ирония, но и едкая пародия, сатира и даже гротеск.

Тщательному анализу особенностей жанровой системы этого художественного текста посвятили работы В.Н. Захаров (1985) и Б.Н. Тихомиров (2018).

С одной стороны, «[в] повести «Дядюшкин сон» есть все признаки образования романной сюжетно-композиционной структуры. Достаточно обширна система образов, выделенных в композиции произведения: Марья Александровна, Зина, князь К., Мозгляков. Каждому из них посвящены отдельные главы: Марье Александровне – большинство глав (водевильная затея выдать Зину замуж за пре-

³⁷ Возможно, что к произведению охладел и сам писатель, который относился к повести без должного внимания: «отвалял на почтовых» (28-1; 322); «Не нравится мне она» (28-1; 319).

старелого князя – это ее интрига), князю К.– четвертая и тринадцатая, Зине – четырнадцатая и пятнадцатая, Мозглякову – девятая и одиннадцатая главы и «заключение». Кроме того, Марье Александровне и князю К.– каждому в отдельности – целиком отведены первая и вторая главы, своего рода «предисловные рассказы» о каждом из них. По сути дела, в произведении образовалось четыре относительно самостоятельные сюжетные линии. Есть среди героев «Дядюшкина сна» и романический персонаж – Зина, которая в проявлении своих чувств не считается с условностями светского поведения, но романическое содержание оттеснено в повести водевильной интригой, оно неожиданно обнаруживается лишь в заключительных главах – в момент бунта Зины против «мордасовских нравов» и ее побега к умирающему возлюбленному, уездному учителю Васе» [Захаров, 1985, с. 67]. В результате анализа В.Н. Захаров приходит к выводу, что «[п]оэтика “водевиля” и “романа” достаточно определенно выразилась в “Дядюшкином сне”(водевильный сюжетдан в романной трактовке), по типу повествования и завершения произведения – это повесть» [Захаров, 1985, с. 69]³⁸.

Действительно, в жанровом отношении «Дядюшкин сон» более всего отвечает определению комической повести – произведения эпического рода небольшого объема юмористического содержания, предназначенного для развлечения слушателей.

С другой стороны, как отмечает Б.Н. Тихомиров, жанровый диапазон произведения включает следующие элементы: «“похвальное слово” Марье Александровне (написанное, кстати, за пять месяцев до разыгравшихся в городе событий); собственно летописный рассказ о предыстории князя К.; выстроенные “в стиле фарса” [Мочульский, 1995, с. 302] сцены основного сюжета; мелодраматический эпизод предсмертного прощания Зины со своим возлюбленным и, наконец, завершающая повесть “добавочная” картина бала...» [Тихомиров, 2017, с. 436].

³⁸ В другом месте монографии ученый еще раз вернулся к этому вопросу, уточнив: «[б]олее того, в «Дядюшкином сне» Достоевский применил не свойственный другим повестям эффект романического повествования: в сюжете повести он выделил три сюжетных линии (главную, которую ведет Марья Александровна, и две побочные – Зины и Мозглякова); сценически разработана водевильная интрига, в которой деятельно участвуют князь К., Марья Александровна, Мозгляков, другие обыватели Мордасова. И все же в том, что «Дядюшкин сон» – повесть, а «Село Степанчиково» – роман, есть своя логика» [Захаров, 1985, с. 45-46].

Однако произведение Достоевского представляет собой не только синтез эпических и драматических элементов, но и иронию над ними, трансформацию их жанрового канона, совмещение различных жанромоделирующих кодов.

Эпический род литературы представлен в тексте в жанровых разновидностях летописи и повести. Наиболее отчетливо он реализован в двух предисловных рассказах о Марье Александровне Москалевой и князе К., написанных в духе «гоголевского повествовательного сказа» [Захаров, 1985, с. 68] и в заключительной части XV главы, выполняющей роль послесловия, или эпилога. То есть эпическая рамка как бы обрамляет ориентированное на драму основное действие. Так, выбрав подходящее название для комедии или водевиля, Достоевский противопоставил его подзаголовку и тексту повести.

Подзаголовок повести «Из Мордасовских летописей» маркирует иронические снижение документальности как таковой и значительности описываемых событий, задавая иронический тон произведению в целом.

Во-первых, жанр летописи – это классическая форма средневекового русско-го историко-литературного повествования. «Составленная из разновременных кусков, из произведений различных жанров, летопись внешне кажется пестрой, сложной, неоднородной» [Лихачев, 1973, с. 47]. Летопись – жанр-«свод» различных источников, жанров, стилей, точек зрения, как правило, создававшийся в нескольких литературных центрах, в течение более чем столетия, различными книжниками [Лихачев, 1973, с. 44, 46, 48, 50, 52]. Именно многожанровость, в какой-то степени, жанровую эклектику, и унаследовал текст Достоевского. Главной темой древнерусской повествовательной прозы была тема родины, ее прошлого и настоящего, ее истории в контексте мировой и Священной истории. Летопись традиционно начиналась всемирно-историческим или историко-этнографическим введением и предполагала описание событий государственной значимости «по летам»: героических деяний, военных подвигов, патриотизма и духовного самосовершенствования личности государственного или церковного иерарха и т.д. Пародируя жанровый канон, писатель делает предметом описания «первого отдела мордасовской летописи» «...полную и замечательную историю возвышения,

славы и торжественного падения Марьи Александровны и всего ее дома в Мордасове...» (2; 299). Главным предметом изображения становятся матримониальные интересы и планы Москалевой, пытающейся удачно выдать замуж перезрелую красавицу-дочь. Через этот выгодный брак мать желает обрести связи, положение в обществе, социальный статус, богатство и уехать в столицу или за границу. В этом смысле фамилия Москалева маркирует уровень целей и притязаний героини. Поглощенная идеей «выгодного брака» дочери, она чувствует себя достойной столичных городов: «я сама буду княгиня: меня и в Петербурге узнают. Прощай, городишка!» (2; 334). Причем в тексте Достоевского происходит гендерная замена: главной героиней является именно Марья Александровна, действие почти целиком разворачивается в ее салоне, а муж Афанасий Матвеевич, потерявший место службы, «изгнан» в подгорное село. Б.Н. Тихомиров справедливо полагает, что «...одна из важнейших художественных функций этого подзаголовка – едкая ирония, заключающаяся в том, что содержанием летописи – жанра, традиционно предполагающего фиксацию монументальных исторических событий, стал скандал “местного значения”, изложение того, как слабоумного, дряхлого князя К. едва не “облапошили” (2; 248) венчанием с юной Зинаидой Москалевой» [Тихомиров, 2017, с. 434]. Добавим, что в тексте повести использовано еще более колоритное выражение, которое является восходящей градацией – «обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоумием» (2; 337).

Известный специалист по древнерусской литературе И.П. Еремин, описывая своеобразие жанра летописи, выделял пять типов летописного повествования: 1) погодная запись; 2) летописное сказание; 3) летописный рассказ; 4) летописная повесть; 5) документы из княжеских архивов [Еремин, 1987, с. 54]. При этом наиболее близким объектом пародии Достоевского, на наш взгляд, является именно летописная повесть. Ученый называет термин условным и характеризует этот тип повествования так: «повествование особого типа, посвященное рассказу о смерти того или иного князя, своеобразный некролог. Назначение повести заключалось в том, чтобы дать новый агиографически просветленный образ идеального князя, блистающего всеми возможными христианскими, даже специально

монашескими добродетелями. Задаче этой и была подчинена как повесть в целом, так и все ее составные части.

Во многом похожая на рассказ, повесть отличается от рассказа прежде всего тем, что она более или менее последовательно выдержана в рамках определенного литературного стиля – агиографического. В повести, как правило, действительность отражается не непосредственно, а предстает перед нами в условных контурах этого условного, абстрактного, антиреалистического по самой своей природе метода, подчиняясь всем его устоявшимся в литературе нормам. И сами события, и человек, и его поведение в повести приобретают новые очертания, далекие от привычной нам по рассказам документальности.

К погодному известию такого типа стала присоединяться прямая – “от автора” – характеристика покойного князя как человека и как примерного христианина, иногда с кратким перечислением его заслуг перед Русской землей, фактов его деятельности как церковного строителя и даже с кратким описанием его внешнего облика» [Еремин, 1987, с. 61-62].

Акцентируем тот факт, что Достоевский не просто пародирует, а буквально выворачивает наизнанку каждую особенность этого типа летописного повествования. Князь К. – далеко не примерный христианин, он не может доехать до иеромонаха Михаила, сворачивая по дороге в Мордасов. Он не наделен добродетелями: в чтении предпочитает эротомана Казанову, легкомысленно растратил все свое состояние. Князь К. – далеко не идеален как правитель, он безвинно наказывает своих крестьян, заставляет их сбрить бороды и носить искусственные. Его внешний облик открыто сатиричен: «полупокойник» (2; 307), «мертвец на пружинах» (2; 310).

Во-вторых, Достоевский может пародировать не саму летопись как жанровый канон, а ее позднейшие жанровые модификации, представляющие собой процесс разрушения жанра. Возможно, что писатель обыгрывает известный факт: в конце XVI–XVIII вв. в Сибири существовало свое летописание, представленное такими памятниками, как Есиповская, Кунгурская, Ремезовская, Строгановская летописи и др. В 1621 г. участники походов Ермака составили не дошедшее до

нас «Написание, како приидоша в Сибирь...». Затем на его основе в 1622 г. был составлен Синодик Тобольского собора. На материале двух предшествующих текстов С. Есипов в 1636 г. подготовил свою летопись. В середине 17 в. по «Написанию...» материалам архивным промышленников Строгановых создана Строгановская летопись. В конце 17 в. была составлена Ремезовская летопись, а также «Описание Новые Земли Сибирского государства» Н. Венюкова. Еще позднее появляются «Записки к Сибирской истории служащие», «Новая Сибирская летопись» И. Черепанова, «Летопись г. Иркутска с 1652 г. до наших дней» П. Пежемского, «Краткая летопись Енисейского и Туруханского края Енисейской губернии» (1594-1893) А.И. Кытманова [Мирзоев, 1960, с. 98], [Анисимов, 2005, с. 4]. Прямых свидетельств того, что писателю были известны эти летописные источники, нет, но весь сибирский контекст жизни Достоевского и его общение с известными сибирскими мыслителями и учеными позволяет сделать такое предположение.

Подчеркнем, что в этих текстах ощущается размывание границ жанра: предметом описания большой эпической формы является не государственная история, а частная история одной фамилии, снижается масштаб эпической дистанции, летопись получает название не по месту создания, а по ее автору и т.д. Таким образом, классическая форма средневекового русского историзма уступает место новой историографии, городской летописи. И Достоевский, вероятно, мог пародировать именно эту позднюю жанровую модификацию летописи в виде семейной истории, подчеркивая «суетность», мизерность изображенных событий.

В-третьих, С.А. Кибальник предположил, что на жанровый подзаголовок повести Достоевского могло оказать влияние название незавершенного произведения А.С. Пушкина «История села Горюхина», но – в том искаженном, неавторском варианте, под которым оно публиковалось в XIX в.: «Летопись села Горохина» [Кибальник, 2013, с. 86]. В соотношении с последующим повествованием о ничтожных и курьезных горюхинских (горохинских) событиях вынесенное в заглавие слово «летопись» воспринимается особенно иронически – деталь, которой вполне мог воспользоваться Достоевский-художник. Немаловажно также отме-

тять, что, намереваясь заняться каким-либо историческим сочинением, пушкинский «летописец» примеривался и к тому, чтобы писать «историю губернского нашего города», но отказался от этой мысли по причине трудоемкости такого сочинения [Пушкин, 1948, Т. 5. с. 107]. В этом отвергнутом варианте он оказывался непосредственным предшественником мордасовского «летописца» [Тихомиров, 2017, с. 361].

В-четвертых, подзаголовки повести «Из Мордасовских летописей» указывает на фрагментарность, отрывочность, избранность из однородных элементов или сериальность, цикличность в ироническом ключе. В этом смысле, более вероятно, что Достоевский создает со-противопоставление с циклом фельетонов «Петербургская летопись», публиковавшимся в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Заметим, что номинация «летописи» – это характерный жанровый журнальный подзаголовок 1840–1860-х гг., связанный с фельетоном, светской хроникой и пр., в том числе с описанием жизни в провинции. Другими словами, подзаголовок «Петербургские летописи» – это не авторский, а редакционный выбор серийного названия воскресной рубрики. Авторы фельетонов писали о последних происшествиях, «коллекционировали» новости, рассуждали о книжных и театральных новинках. Это было легкое, развлекательное чтение. Достоевский принимал участие в издании «Петербургской летописи», публикуя свои фельетоны в 1847 г. (выпуски от 13 апреля за подписью Н.Н.), 27 апреля, 11 мая, 1 июня, 15 июня за подписью Ф. Д.) [Нечаева, 1979, с. 199].

Отличием фельетонов писателя было наличие фланёров – особого типа рассказчиков, от лица которых излагались события, которые зачастую имели автобиографические или автопсихологические черты. Д. Комарович назвал их «исповедальными» [цит. по: Нечаева, 1979, с. 199].

Заметки Достоевского напоминали ироническую беседу с читателем, сочетая «очерковость», фельетонность, летописную стилистику, приемы физиологий, хроникальность, тон сентиментальной исповеди [Достоевский, словарь-справочник, 2008, с. 235]. Автор, сводя воедино разные жанровые начала, создает

экспериментальную прозу неясной синтетической природы. «Столь необходимая авторская рефлексия над способом рассказывания выделяет два контрастных культурных начала – “летописность” и “петербургская хроника, обзор новостей”. Они оксюморонно противопоставлены, но из антитезы рождается понимание их единства с точки зрения вечности, бесконечного развития России» [Достоевский, словарь-справочник, 2008, с. 235]. «Эпическое содержание “Петербургской летописи” реализуется в позиции постоянно меняющегося повествователя (фельетониста, светского фланера, мечтателя; русского, думающего об особом пути развития своей страны; скептика, ироничного наблюдателя, традиционалиста и т.п.)» [Достоевский, словарь-справочник, 2008, с. 235]. В отличие от легкого юмора других авторов (Э.И. Губера, В.А. Соллогуба, Ф.Ф. Корфа и А.Н. Плещеев) фельетоны Достоевского отличались иронической, а иногда и саркастической оценкой петербургского общества. Особое место занимала в них тема сплетен, слухов, городской молвы: «Сплетня вкусна, господа!» (18; 19).

Опираясь на этот журнальный опыт, Достоевский в повести «Дядюшкин сон» противопоставил летописность и хронику. Характер изложения, по верному наблюдению Б.Н. Тихомирова, «вступает с жанровым каноном летописи в самое непримиримое и демонстративное противоречие. По своим структурным особенностям это повествование – по контрасту – вполне можно было бы назвать антилетописью» [Тихомиров, 2017, с. 439]. При этом использована тернарная модель авторства: «Между Достоевским, “истинным сочинителем”, и “псевдолетописцем” в архитектонике «Дядюшкиного сна» располагается фигура мордасовского сочинителя. Это им изобретена маска “летописца”, которую он, впрочем, “не умеет носить” [Туниманов, 1980, с. 21]. И это он же отнюдь не летописным, но чисто беллетристическим приемом приглашает нас в самом начале сюжетного действия в дом госпожи Москалевой...» [Тихомиров, 2017, с. 439]. Причем это одновременно и автопародия: «Один заезжий литератор посвятил ей (Марье Александровне. – *Е.С.*) свою повесть, которую и читал у ней на вечере, что произвело чрезвычайно приятный эффект» (2; 296).

Кроме того, исследователь верно отмечает четкий рубеж, границу повествования между имитирующим формальную сторону летописания предисловным рассказом с необходимой эпической дистанцией и собственно сюжетного действия, открывающегося почти драматической ремаркой: «Десять часов утра. Мы в доме Марьи Александровны, на Большой улице, в той самой комнате, которую хозяйка, в торжественных случаях, называет своим салоном» (2; 303).

Возникшая на этапе замысла театральность реализуется не только в заглавии, а пронизывает весь текст – на композиционном, сюжетном, персонажном и словесном уровнях. Т.М. Родина справедливо замечает, что повесть «...насквозь театральная...» [Родина, 1984, с. 139]. Даже в окончательном тексте очевидны рудименты театрального замысла, некоторые главы откровенно комедийны, нередко в тексте встречаются ремарки. Б.Н. Тихомиров справедливо пишет о «мощном вторжении» в повесть Достоевского элементов драматического жанра [Тихомиров, 2017, с. 440]. «Дядюшкин сон» «включает в себя весьма развитый диалогический элемент, <...> определяющий как внешне, так и внутренне всю конструкцию произведения» [Родина, 1984, с. 89], «выявление душевного мира героев» совершается «без помощи авторской интроспекции» [Чирков, 1967, с. 35]. «Действие в „Дядюшкином сне“ почти всецело развивается на узком „театральном“ пространстве – в „салоне“ Марьи Александровны...» [Туниманов, 1980, с. 24]. Основное действие разворачивается в настоящем времени и немного превышает классические нормы: три дня основного действия, пять месяцев отделяют предисловие от основных событий и события одного дня спустя два года описаны в финале.

В основе повествования водевильного типа лежит театральная интрига: драматическое действие организует Марья Александровна Москалева, пытаясь выдать замуж дочь Зину. Ярче всего режиссерская роль героини и протест против такого «дирижирования» судьбой проявляется в реплике Зины, готовой выйти из повиновения матери: «если вы еще будете меня мучить и назначать мне разные низкие роли в этой низкой комедии, то я брошу все и покончу разом» (2; 356). Но спектакль находится под угрозой срыва по причине вольнолюбивого характера

Зины и существования клакера – негативно настроенной публики Мордасова. «...*Театральность* – это всепроникающее начало жизни Марьи Александровны Москалевой: театрально в большинстве сцен ее собственное поведение, театральностью она заражает всё и всех вокруг себя» [Тихомиров, 2017, с. 441]. Устойчивая семантическая связь категорий провинциальности и театральности детально описана Т.В. и П.А. Клубковыми, которые рассматривают «театральную метафору» как объяснительную структуру провинциальной жизни [Русская провинция, 2000, с. 151].

В этом смысле Марья Александровна решается на соперничество с самим У. Шекспиром, провозгласившим самоценность истинной любви вне возраста, национальной принадлежности, социального положения в обществе. Ей кажется, что для достижения успеха вполне достаточно надеть маску «несчастной матери, обожающей свою дочь» (2; 210) и уговорить Зину сыграть завораживающую пением сирену. «Может быть, еще значимее, чем наблюдения над тотальным лицедейством Марьи Александровны, указание на то, что она одновременно является также и режиссером “спектакля”, который пыталась разыграть, превратив свой дом в подобие сценических подмостков. Причем не менее важным, нежели исполнение ею собственной роли, в замысле героини является распределение ролей между другими участниками задуманного действия» [Тихомиров, 2017, с. 443]. Но «далеко не все в “пьесе” Москалевой осуществилось в согласии с “текстом” и репетициями. Москалева вынуждена импровизировать, срочно сочинять и пересочинять сцены, уподобляясь вдохновенному и взыскательному художнику, обязанному, к сожалению, считаться с настроениями публики и актеров» [Туниманов, 1980, с. 17].

Однако ирония Достоевского заключается в том, что У. Шекспир, провозгласивший девиз «Весь мир – театр, а люди в нем актеры», выходит победителем из игры. В его драматических произведениях «Гамлет», «Сон в летнюю ночь», как и в другом претексте – драме П. Кальдерона «Жизнь есть сон», использован прием «театра в театре», организующий кульминацию произведений. Главная героиня неожиданно столкнулась с конкуренцией и коварством «вышедшей из повинове-

ния марионетки – Мозглякова, которого озлобление подвигло на самостоятельные “творческие” действия: им была сочинена и разыграна другая пьеса, разрушившая “поэтический” замысел Марьи Александровны» [Туниманов, 1980, с. 18]. Введение фигуры режиссера-конкурента обнажает условность театральной игры, пародируя традиционные жанровые разновидности «комедии положений», «трагедии незнания» и т.д. Включая в жанровой диапазон «Дядюшкина сна» различные модификации драмы и эпоса, Достоевский показывает сложность и неоднозначность стихии самой жизни, в которой даже талантливому режиссеру невозможно предугадать финал. Спектакль из «камерного» становится «народным» и выливается в «скверный анекдот», «невиданный скандал с неожиданной, нелепой и оттого безобразной развязкой» [Туниманов, 1980, с. 17-18]. Так «незловивый» и «невинный» сюжет из провинциального быта, расцвеченный каскадом *lazzis* – шуток-импровизаций в духе итальянской комедии масок, «наружный, почти бутафорский шутейно-курьезный мир матримониальной игры оказывается на поверку поистине шекспировским театром, где разыгрываются фатальные страсти-мордасти» [Владимирцев, 2008, с. 65]. «Мирок мордасовский – бытовой источник катастрофических трагикомедий шекспировского накала», – резюмирует ученый [Владимирцев, 2007, с. 253-254].

Фабулообразующее заглавие «Дядюшкин сон» – вполне подходящее для произведения драматического жанра. В этом смысле показательным обыгрывание семантики заглавия повести «Дядюшкин сон», которое отсылает к двум претекстам: ренессансной комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» и знаменитой драме барокко П. Кальдерона «Жизнь есть сон». Заглавие комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» указывает на время действия произведения – на необычность, уникальность сна в темпоральном аспекте, задает понимание сна как чудесного события, имеющего колоссальное значение для всей жизни. В пьесе П. Кальдерона «Жизнь есть сон», по сути, уравнивается категории жизни и её части – сна, ставятся вопросы иллюзорности, сложности, размытости бытия, рассматривается проблема мимолетности человеческого существования. Шекспировское выражение «Весь мир – театр» в драме испанского драматурга усилено в за-

главной метафоре «жизнь есть сон», которая звучит рефреном в тексте пьесы. Семантика метафоры – не только осознание краткости земного бытия, но и необходимость сомнения и переоценки человеческих ценностей власти, свободы, семьи, взаимной любви и т.д. Для пьесы Кальдерона как произведения барокко характерна запутанная интрига, несколько сюжетных линий, переплетение возвышенного и смешного, патетики и грубоватости, высоких духовных, рыцарских ценностей и циничного прагматизма, смешение жанровых форм в виде трагикомедии. Хронотоп миражности сопоставим с болезненными состояниями героев и подсказывает парадоксальные повороты сюжета и неожиданные развязки.

Сохраняя названные аспекты понимания сна в текстах предшественников, Достоевский использует притяжательную конструкцию в номинации произведения: «Дядюшкин сон» – указывает на принадлежность сна Дядюшке. Полемизируя с обоими драматургами, Достоевский контрастно изображает сватовство в зимний день престарелого, страдающего амнезией князя К., который в силу возраста уже не нуждается в женитьбе. Это событие интерпретировано Павлом Александровичем Мозгляковым как сладкий послеобеденный сон. Саркастическая ирония, «“насмешка над любовью“ усугубляется отсутствием иллюзии, обмана: князь изначально «полукомпозиция», и именно такое его состояние служит поводом к предполагаемому заключению брака. Романтическая ирония, сопряженная с вторжением в человеческое общество и в человеческую судьбу автоматов, преобразуется в иронию, направленную на людей, сознательно связывающих себя с ними по причине собственной меркантильности» [Шумкова, 2009, с. 143]. Иллюзорность, относительность происходящего усиливается и мнимостью подлиных дружеских уз князя с Москалевой и родственных отношений с Мозгляковым.

При сходстве общей сюжетной парадигмы послуживших претекстами произведений Шекспира и Кальдерона (любовное соперничество, легкая смена партнеров, борьба за власть, антитеза сон / явь, истинная / ложная жизнь), Достоевский вступает в полемику с обоими драматургами³⁹. Он изображает зимний пейзаж, метель, противопоставленную силе страстей, начальные эпизоды сватовства не

³⁹ Кроме того, повесть «Дядюшкин сон» могла стать ответом на пьесу В.Г. Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», где свадьба не состоялась по причине сна, увиденного дядюшкой [Трофимова, 2011, с. 96].

завершаются, как обычно в комедии, свадьбой ни с одним из претендентов на руку Зины (ни с уездным учителем Васей, ни с петербургским франтом Мозгляковым, ни со старым князем К.). «Заканчивается “водевиль” трагически – вопреки канонам этого жанра: смертью влюбленного в Зину учителя Васи, смертью осмеянного «дядюшки» – князя К. Впрочем, это относится только к интриге вокруг «дядюшкина сна». В конце концов все устроилось именно так, как того хотела ругавшая «Шекспира» Марья Александровна: «сорвалось» с князем, получилось с генерал-губернатором. Уже через год после мордасовских событий Зина стала «генеральшей» и, по характерному отзыву «робкого молодого чиновника», «держат себя чрезвычайно гордо, а танцуют только с одними генералами-с» (2, 397)» [Захаров, 2018, с. 67-68].

Таким образом, в новом сочинении Достоевского как произведении глубоко экспериментальном успешно реализованы и синтезированы жанромоделирующие коды летописи, комической повести, трагедии, комедии, фарса и водевиля. «В “Дядюшкином сне”, задумывавшемся как драматическое произведение, воскрешение мужского начала через любовь оформляется при помощи построения сюжета по законам трагедии и комедии одновременно. Трагедия, организующая сюжет Зины и бедного уездного учителя, существует как “длящееся прошлое” текста: оставаясь в основном в пересказе, она, на самом деле, предопределяет поступки и поведение героев в настоящем; комедия же оформляет сюжетную линию Князь – Зина и может быть названа “выгодная женитьба”, режиссером которой является Марья Александровна, мать героини» [Фазиулина, 2005, с. 21-22].

В связи с общей театральностью повести Т.М. Родина в работе «Достоевский. Повествование и драма» предполагает, что автор был плохо осведомлен о репертуаре русской сцены. Так, она пишет: «Писать комедию, т.е. пьесу, рассчитанную на постановку в театре, много лет не видя театра и не зная точно, чем в художественном отношении живет сейчас сцена, ни один любящий и чувствующий театр писатель не стал бы. А Достоевский, глубоко понимавший, что театр есть прежде всего искусство современное, в момент начала работы над повестью не мог хорошо представлять себе положение русской сцены, хотя понимал, что на

ней после 1849 г. произошли большие перемены, в частности узнал о появлении пьес А.Н. Островского» [Родина, 1984, с. 89–90].

В этой связи важно акцентировать, что комедийность и театральность произведения возникли у Достоевского еще на этапе замысла и обусловлены сибирским, точнее барнаульским, опытом. Уточняя позицию Т.М. Родиной, можем аргументированно утверждать, что писатель хорошо представлял положение русской сцены. Более того, мы разделяем точку зрения историка театра И.Н. Свободной, утверждавшей, что комедия «Дядюшкин сон» предназначалась именно для барнаульской сцены. Главную роль в этой комедии мог сыграть именно Сергей Васильевич Самойлов [Свободная, 2003 а, с. 6].

Дело в том, что в Барнауле с 1776 г. существовал публичный светский театр. Согласно архивным документам, введенным в научный оборот В.Ф.Гришаевым, длина театральный (или оперный) дом «составляла около 28 метров, ширина – 13; сцена представляла собой квадрат со стороной 6,4 метра, площадь зрительного зала составляла, примерно, 100 квадратных метров» [Гришаев, 1992, с. 30]. Зал шириной 4 сажени (8,5 м) и в нём 22 скамьи, по пять человек на скамью. Соответственно вместимость зрительного зала барнаульского театра – 100-110 человек [Гришаев, 1992, с. 30]. Более того, при нем существовало что-то вроде театрального училища, где учили молодых людей разных сословий актерскому мастерству [Гришаев, 1992, с. 31], [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 51].

В середине XIX века любительский театр горных офицеров находился в самом расцвете, был «главной эстетической привязанностью общества» [Свободная, 2003а, с. 4]. По замечанию корреспондента томской газеты «Сибирский вестник», «иные здешние господа жили и веселились чуть ли не по-столичному» [цит. по: Свободная, 2003 б, с. 6]. Труппа состояла из горных офицеров, посвящавших свой досуг театральному искусству. Многочисленные командировки чиновников в столицы позволяли привозить новинки репертуара, заметное место в котором занимали комедии, драмы, сцены из городской жизни, картины с натуры, мелодрамы, водевили. У театра был свой оркестр, обеспечивающий музыкальное сопровождение спектакля, традиция высокого вокального искусства (театр также

называли «Оперным домом»), сложились актерские династии. Ведущими актерами были Николай Андреевич Давидович-Нащинский и братья Сергей Васильевич (1815-?) и Иван Васильевич Самойловы (1821-?) – отпрыски знаменитой актерской семьи. Оперные артисты Василий Михайлович и Софья Васильевна Самойловы «подарили русской сцене первую актерскую династию: 10 своих детей и 4 внуков, каждый из которых вспыхивал звездой на театральном небосклоне Санкт-Петербурга. В истории русского театра особенно прославлено имя Василия Самойлова (кстати, тоже горного инженера по образованию), который 40 лет прослужил на сцене Императорского Александрийского театра в Петербурге» [Свободная, 2003 а, с. 5].

У Достоевского увлечение театром возникло еще в юношеские годы, в 1830–40 гг. в Санкт-Петербурге, где его кумиром стал Василий Васильевич Самойлов. В Сибири писатель неожиданно знакомится с его родными братьями весной 1855 г. во время поездки со своим другом стряпчим уголовных дел А.Е. Врангелем на Локтевский среброплавильный завод, управляющим которого был Николай Эрнстович Пишке. Здесь служили горные инженеры Самойловы: Сергей Васильевич был помощником управляющего, а Иван Васильевич – приставом надворных работ. Оба играли в любительском театре Барнаула. В мемуарах Врангеля содержится информация, что поездок с Достоевским в Локтевский завод было несколько [Врангель, 1912, с. 56]. Любовь братьев к театру была горячей, самоотверженной, требовала много финансовых и временных ресурсов в связи с поездками на репетиции и спектакли: от Локтевского завода до Барнаула было 304 версты. В апреле 1857 г. С.В. Самойлов был назначен управляющим Сузунским медеплавильным заводом и забрал к себе брата. Перевод позволил значительно сократить расстояние до Барнаула – 123 версты [Почтовый дорожник, 1825, с. 356]. Подчеркнем, что первое знакомство с ведущими актерами театра состоялось до год до посещения Барнаула.

Далее, пытаясь развеселить страдающего в разлуке с М.Д. Исаевой друга, летом 1855 г. А.Е. Врангель предпринимает поездку в г. Змиев, куда на лето перебиралось горное начальство и барнаульский любительский театр. В первый при-

езд писателя в Барнаул он возобновил знакомство. В письме А.Е. Врангелю от 14 июля 1856 г. Достоевский акцентирует, что «с горными я познакомился только с Пишко и Самойловым; хорошие люди; остальных не застал» (28-1; 237).

Таким образом, у писателя завязываются дружеские отношения с ведущими актерами барнаульской труппы. Несколько поездок в Змиев, Локоть, Барнаул позволяли писателю, отбывающему солдатскую службу после каторги, почувствовать себя причастным к культурной жизни региона. Поэтому полагаем, что знакомство в Сибири с родными братьями знаменитого артиста С.В. Самойлова возобновило увлечение театром и способствовало активизации творчества автора в драматургическом направлении. Вероятно, что в семье Самойловых были хорошо осведомлены о первоначальном замысле предназначавшейся для барнаульского театра комедии и предполагаемой главной роли в ней С.В. Самойлова. В письме Ф.М. Достоевскому в начале декабря 1879 г. знаменитый артист выразил свое глубокое сожаление, что не имел чести сыграть в его пьесе: «И мне, право, грустно, что в протяжении всей моей сценической деятельности мне не удалось воспроизвести ни одного из Ваших личностей, именно потому, что Вы, обладая таким правдивым талантом, не хотели оставить память о себе на сцене, о чем я очень сожалею, как для публики, так и для себя, который мог бы прибавить одну из лучших ролей своего репертуара...» [цит. по: Свободная, 2003 а, с. 6].

П.П. Семенов–Тянь-Шанский, проживший зиму 1856–1857 г. в Барнауле, вспоминал: «Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном здании барнаульского театра. Многие из членов барнаульского общества выдавались своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер Самойлов, старший брат знаменитого артиста, даже превосходивший своими природным сценическим талантом своего младшего брата...» [Семенов Тянь-Шанский, 2018, с. 97]. Воспоминания мемуариста нужно уточнить: «на самом деле Самойлов был на два года моложе своего знаменитого брата» [Белов, 2001, Т. 2, с.192]. «Многие из горных инженеров, постоянно принимая участие в любительских спектаклях, выработали из себя тонких, образованных артистов, между которыми в моей памяти остались горный

инженер Самойлов <...>, а в драматических ролях молодой горный инженер Давидович-Нащинский», – вспоминал мемуарист [Свободная, 2003 а, с. 5].

Косвенно подтверждают гипотезу о возможной причастности барнаульского театра и его актеров к рождению замысла комедии «Дядюшкин сон» и воспоминания барона А.Е. Врангеля: «Часто, возвращаясь домой со службы, я заставал у себя Достоевского, пришедшего еще ранее меня или с учения или из полковой канцелярии, в которой он исполнял разные канцелярские работы. Расстегнув шинель, с чубоком во рту, он шагал по комнате, часто разговаривая сам с собою, так как в голове у него вечно рождалось нечто новое. Как сейчас вижу его в одну из таких минут; в это время он задумал писать “Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково” (смотри письмо Майкову). Он был в заразительно веселом настроении, хохотал и рассказывал мне приключения дядюшки, распевал какие-то отрывки из оперы...» [Врангель, 1912, с. 30–31].

Нужно заметить, что у Ф.М. Достоевского был также омский каторжный и семипалатинский «театральный» опыт, соотносимый с понятием «народный театр» и противоположный барнаульской почти профессиональной сцене. Так, в «Записках из Мертвого дома» арестанты представляют сцены «Филатка и Митрошка», «Кедрил, что-то вроде Дон Жуана». В Семипалатинске, по воспоминаниям Б.Г.Герасимова, «иногда солдаты устраивали у себя в казарме “спектакли”, на которые собирался местный бомонд – публика рада была всякому развлечению. Солдаты-артисты не особенно разборчивы были в выборе репертуара и, случалось, преподносили такие вещи, что дамы турманом вылетали со “спектакля”, а мужчины хохотали до упаду» [Герасимов, 1926, с. 142].

Кроме общей театральной поэтики сибирской повести в «Дядюшкином сне» дважды есть и прямое указание на театр как отличительный барнаульский знак. Князь, хлестаковствуя в доме Москалевой, говорит, что «даже для сцены водевиль написал... Там было несколько вос-хи-тительных куплетов! Впрочем его никогда не играли! – <...> И знаешь, Зина, вот теперь бы кстати! У нас же собираются составить театр, – для патриотического пожертвования, князь, в пользу раненых... вот бы ваш водевиль!» (2; 313).

Мотив создания благотворительного театра, сборы от представлений которого пойдут на помощь раненым, отсылает к Крымской войне, тем самым обеспечивая точную временную привязку текста между 1854 и 1856 гг., как отмечается в комментариях к Полному собранию сочинений (2; 516; ПСС₂ 2; 748). Жители Мордасова, без приглашения «нагрянувшие» вечером в дом Москалевой, объясняют свой внезапный приход необходимостью обсуждения театральных дел: «ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром» (2; 369). На наш взгляд, хронологическую границу создания повести можно еще сузить – это 1856 г., когда Достоевский посещает Барнаул и вынашивает планы переезда в этот город⁴⁰.

«И хотя Ф.М. Достоевский впоследствии изменил свой первоначальный замысел, и переделал начатую им комедию в комическую повесть, “Сибирские Афины” могут гордиться тем, что вдохновили писателя на первую и единственную серьезную попытку написать для театра» [Свободная, 2003 а, с. 6]. В связи с этим можно высказать предположение, что замысел и комедийная (театральная) жанровая основа повести Достоевского «Дядюшкин сон» могла быть обусловлена знакомством с труппой барнаульского любительского театра, и точнее, с С.В. Самойловым.

Как отмечается в ПСС₂, «Первая попытка инсценировки повести была сделана в 1870 г. А.В. Кирилловым. Пьеса предназначалась для бенефиса московской актрисы Е.Н. Васильевой. Но цезура не допустила ее к постановке. Рукопись пьесы с пометой о цензурном запрете (от 22 августа 1870 г.) хранится в Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеке им. А.Н. Островского (Ф. II. 6.74). Следует указать, что не только в репликах действующих лиц, но и в ремарках сохранен текст Достоевского. Действие пьесы обрывается сценой скандала в доме Марьи Александровны (ПСС₂ 2; 743). Безусловно, что знал об этом факте, поэтому долго не отвечал студенту-юристу Московского университета М.П. Федорову, который в 1873 г. решил поставить пьесу и попросил Достоевско-

⁴⁰Прогрессивно мыслящие жители Мордасова, живо окликающиеся на злободневные события, в этом смысле противоположны жителям Семипалатинска. Из воспоминаний о Б.Г. Герасимове известно, что «даже происходившая в то время Крымская война не особенно-то будировала семипалатинцев. Они жили своей жизнью, ничем не реагируя на большие политические события» [Герасимов, 1926, с. 142].

го сократить и поправить предложенный им переделанный для сцены вариант. Только после второго письма автор пытается затушевать злободневность своего сочинения и мотивировать свой отказ: «нахожу ее плохую», «неволью написал вещичку голубиною незлобия и замечательной невинности. Еще водевильчик из нее бы можно сделать, но для комедии – мало содержания...», «я умываю руки и переправлять сам ни одной строчки не буду», «об одном прошу настоятельно и обязательно: имени моего на афише чтобы не было», «Только чтоб не было моего имени», «Конечно, лучше бы было совсем ее не ставить» (29-1; 303). Такое настойчивое акцентирование отказа, на наш взгляд, свидетельствует, о понимании Достоевским своего положения поднадзорного («ужасно опасаясь цензуры (как к бывшему ссыльному)») и его страх быть разоблаченным: глубину подтекста криптопародии могла стать явной и зримой в театральной постановке. Кроме того, на памяти автора был относительно недавний случай запрещения первой попытки инсценировки повести в 1870 г. А.В. Кирилловым (цензурный запрет от 22 августа 1870 г. – 2; 514).

Таким образом, можно заключить, что «Дядюшкин сон» как литературно-эстетический факт середины XIX в. имеет сложную внутреннюю структуру. Первое написанное в Сибири произведение Достоевского является глубоко новаторским с точки зрения жанровой природы. Оно сочетает в себе элементы разных литературных родов, наследует различные литературные традиции. Более того, это не просто синтез, а интерференция жанромоделирующих кодов летописи, комической повести, трагедии, комедии, фарса и водевиля. Произведение имеет остро-сатирический и полемический модус. Присутствие в повести английских и испанских драматических претекстов обнаруживается на уровне мотивов, которые обретают статус «своих» по мере насыщения текста узнаваемыми реалиями российской жизни. Необычный творческий эксперимент с родовидовыми трансформациями и поиском новых нарративных стратегий свидетельствует о глубоком внимании Достоевского к произведению на уровне формы. На уровне содержания повесть также очень богата и неординарна. Особенно интересна локальная семиосфера произведения, но об этом поговорим подробнее в следующем параграфе.

3.2 Семиотика города Мордасова

Театральная атмосфера повести, отсылающая к барнаульским впечатлениям автора, является важным, но не единственным знаком локальной идентификации текста произведения. Город в повести «Дядюшкин сон» называется Мордасов. Генезису этой метафоры и посвящен этот раздел исследования.

Астионим Мордасов в достоевистике объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, комментаторы Полного собрания сочинений связывают топоним Мордасов с литературным претекстом – повестью В.А. Соллогуба «Тарантас», герои которой направляются в село Мордасы (2; 515). Во-вторых, есть версия, согласно которой в этой номинации отразилось воспоминание автора о своей крестной П.Т. Козловской, имение которой находилось на речке Мардас Костромской губернии, и, будучи мальчиком, Достоевский мог с матерью гостить в «Мардасовской стороне». Прасковья Тимофеевна первоначально была крепостной князя Д.Н. Козловского, а затем стала его женой. Мотив неравного брака дополнительно связывает этот факт с повестью [Альтман, 1975, с. 32-35]. В-третьих, по замечанию В.П. Владимирцева, автор «Сибирской тетради» «жил в самой гуще народа-речетворца, среди которого, более чем вероятно, и услышал характерное словечко “мордасы”, образованное от лексемы “морда” (рожа, рыло) и вошедшее ключевым элементом в распространённое поговорочное выражение “съездить по мордасам” или “в город Мордасы”» [Даль, 1881, Т. 2, с. 353]. (Не иначе как из народного языкового первоисточника почерпнул свой топоним и Соллогуб. Не требует доказательства, что вся художественная система персонажей “Дядюшкина сна” выстроена насущным для писателя образом: ее цель комически изобразить “мордасы” – монструозные нравственно-психологические физиономии провинциальной России и одновременно их обиталище и рассадник – заштатный Мордасов», – пишет В.П. Владимирцев [Владимирцев, 2008, с. 66]. В-четвертых, по словам В.Н. Захарова, местное дворянство живет той «неистинной жизнью, в которой властвуют ложные интересы и господствуют искаженные ценности» [Захаров, 2013, с. 176]. Отсутствие духовных потребностей, господство низких праг-

матических целей, подчеркивается сравнением с животным миром: обитатели имеют не лица, а морды. Реализм стремится уловить и подчеркнуть типическое. «Князь-марионетка путает имена обитателей Мордасова не только в силу своего недуга и в связи с аристократической забывчивостью (вспомним, у Бальзака Горио в устах герцогини де Ланже и Торио, и Морио, и Лорио), но и потому, что общество безлико. Трагизм попорченной индивидуальности «Двойника» преобразуется в комизм «Дядюшкина сна», где само именование города намекает на отсутствие человеческого лица» [Шумкова, 2009, с. 143].

На наш взгляд, давая условное название сибирского провинциального городка – Мордасов, Достоевский мог учесть все возможные интерпретации. Но, представляется, что литературоведы обошли стороной еще одно возможное толкование топонима, опирающееся на непосредственно барнаульские впечатления автора.

Как мы указали выше (§2.6), на обратной дороге во вторую поездку в Кузнецк, 2 декабря 1856 г. Достоевский был приглашен на обед к начальнику Алтайских горных заводов Андрею Родионовичу Гернгроссу. Во время визита произошел забавный случай. «За столом я сделал маленькую неловкость: сын их, мальчик лет 8, мне очень понравился; он ужасно похож на мать. Я это сказал. Она возразила, что нет сходства. Я начал подробно разбирать это сходство. Представьте же себе: этого мальчика, как я после узнал, они считают в семействе чуть не уродом! Хорош мой комплимент!» (28-1; 252), – делился писатель с другом А.Е. Врангелем 21 декабря 1856 г. Этот юмористический факт-впечатление от обеда в гостях и воспоминание об таком «комплименте» «чадолюбивой» Екатерине Иосифовне, которой не нравилось лицо родного сына, позволяют наставить на барнаульском генезисе астионима Мордасов.

Перифразом из письма Ф.М. Достоевского А.Е. Врангелю выглядит фраза из текста повести, обращенная князем К. к Москалевой в эпизоде чаепития, когда он принимает слугу-казачка за родного сына хозяйки:

– Чаю, князь, – говорит Марья Александровна, привлекая внимание князя на казачка, стоящего перед ним с подносом в руках. Князь берет чашку и засматривается на **мальчика, у которого пухленькие и розовые щечки.**

– А-а-а, это **ваш мальчик?** – говорит он. – **Какой хо-ро-шенький мальчик!**.. и-и-и, верно, хо-ро-шо... ведет себя? (2; 312).

Впервые на эту аллюзию указала В.И. Габдуллина [Габдуллина,1983, с.70-71].

Интересно, что писатель использует минус-прием, опуская название сибирского города и имя мальчика. По этому же принципу в повести зашифрованы испанские города Гранада (назван архитектурный символ – Альгамбра) и Севилья (река Гвадалквивир).

Как мы доказали ранее, прототипом этого прелестного ребенка является сын Андрея Родионовича и Екатерины Иосифовны Гернгросс – Родион (1848-1910), которому действительно в момент встречи с Достоевским было 8 лет.

Итак, учитывая глубокий интерес писателя к психологическим нюансам и характерологии сибирского жителя, с большой долей уверенности можно говорить о причастности Барнаула к творческой лаборатории повести «Дядюшкин сон». Образ «хорошенького мальчика», которого в семье считали «чуть не уродом», глубоко затронул тонкую натуру Достоевского. Ироническое отношение к матери, которой не нравится лицо родного сына, по нашему предположению, – один из мотивов закрепления за городом из повести «Дядюшкин сон» названия «Мордасов».

Более того, Достоевский создает целый ряд таких художественных образов детей. Подтверждение нашей гипотезы подтверждение гипотезы обнаруживаем и в романе «Село Степанчиково и его обитатели», над которым писатель работал одновременно с повестью «Дядюшкин сон». В образах маленьких героев сибирских произведений писателя – безымянного казачка, Илюши Ростанева и Фалалея, происходит трансформация барнаульского биографического материала.

По мысли Д.С. Лихачева, «[л]итература «переигрывает» действительность. Это «переигрывание» происходит в связи с теми «стилеобразующими» тенденциями, которые характеризуют творчество того или иного автора, того или иного литературного направления или «стиля эпохи». Эти стилеобразующие тенденции делают мир художественного произведения в некоторых отношениях разнообраз-

нее и богаче, чем мир действительности, несмотря на всю его условную сокращенность» [Лихачев, 1968, с. 78].

Кроме того, для понимания происходящей трансформации необходимо учитывать жанровую специфику художественного текста Достоевского. Традиционно о Сибири в основном создавались произведения серьезных жанров. Отбывающий солдатскую службу после каторги писатель решает возобновить литературную карьеру комическим произведением. Криптопародия – это снижающая пародия, объект осмеяния в которой непосредственно не указывается, а обнаруживается посредством специального филологического анализа [Назирова, 2005, с. 158, 159]. Поэтому важно учитывать жанровые законы криптопародии, когда в сатирическом, памфлетном образе черты прототипа разворачивают коннотации в комическом эстетическом освещении.

Нам важно, что курьезный случай на обеде в семье Гернгроссов впечатлил Достоевского и стал настойчивым мотивом и следующего текста. Тема необыкновенной, женственной красоты ребенка мужского пола в романе «Село Степанчиково и его обитатели» реализуется сразу в двух вариантах: дворянский сын и мальчик-слуга (заметим, что это та же смысловая вариация, что и в письмах и в повести «Дядюшкин сон»). Впервые мы узнаем о восьмилетнем возрасте Илюши из разговора помещика Бахчеева с рассказчиком: «А? каков гусь? **восьмилетнему мальчику** в тезоименитстве позавидовал!» (3; 27). Далее, уже в доме помещика Егора Ильича Ростанева: «Минут пять после моего появления в чайной вбежал из сада **прехорошенький мальчик**, мой кузен Илюша, завтрашний именинник» (3; 44). Восприятие ребенка как эстетического объекта подчеркнуто автором и в день его именин: «...Илюша в праздничной красной рубашечке, с завитыми кудряшками, хорошенький, как ангельчик» (3; 131). Наконец, тема продолжается в реплике восхищенного отца, обращенной к племяннику Сергею: «Да поцелуй его еще раз, Сережа! Смотри, какой мальчуган!» (3; 132). Акцентируем внимание на совпадении основных деталей описания с аналогичным эпизодом повести «Дядюшкин сон»: чайная, «хорошенький мальчик» в возрасте восьми лет.

В памфлетной форме та же тема реализуется в образе слуги Фалалея: «дворовый парень, мальчик лет шестнадцати, **прехорошенький собой**, взятый во двор за красоту, как узнал я после. Звали его Фалалеем. Он был одет в какой-то **особенный костюм**, в **красной шелковой рубашке**, обшитой по вороту позументом, с **золотым галунным поясом**, в черных плисовых шароварах и в **козловых сапожках**, с красными отворотами. Этот костюм был затеей самой генеральши» (3; 59). Подчеркнем, что наряд ребенка представляет собой костюм казачка, он выполнен из дорогих и натуральных материалов. Такое описание ребенка отсылает к повести «Дядюшкин сон», где сын хозяйки одет в такой же костюм.

Обращаясь к образу во второй раз, рассказчик вновь подчеркивает семы необыкновенной женственной красоты отрока: «Фалалей был дворовый мальчик, сирота с колыбели и крестник покойной жены моего дяди. Дядя его очень любил. <...> Фалалей был **удивительно хорош собой**. У него было лицо девичье, **лицо красавицы** деревенской девушки. Генеральша холила и нежила его, дорожила им, как **хорошенькой**, редкой игрушкой; и еще неизвестно, кого она больше любила: свою ли маленькую, курчавенькую собачку Ами или Фалалея? Мы уже говорили о его костюме, который был ее изобретением. Барышни выдавали ему помаду, а парикмахер Кузьма обязан был завивать ему по праздникам волосы» (3; 60).

Наконец, в третий раз та же тема реализуется в откровенно пародийном ключе в обличающем монологе «плюгавенького» Фомы Фомича:

«Можете полюбоваться на **ваше произведение**... в нравственном смысле. Поди сюда, идиот! поди сюда, **голландская ты рожа!** Ну же, иди, иди! Не бойся!

Фалалей подошел, всхлипывая, раскрыв рот и глотая слезы. Фома Фомич смотрел на него с наслаждением.

– С намерением назвал я его **голландской рожей**, Павел Семеныч, – заметил он, развалясь в кресле и слегка поворотясь к сидевшему рядом Обноскину, – да и вообще, знаете, не нахожу нужным смягчать свои выражения ни в каком случае. Правда должна быть правдой. **А чем ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью.** Что ж и трудиться, смягчать? себя и людей обманывать! Только в

глупой светской башке могла зародиться потребность таких бессмысленных приличий. Скажите – беру вас судьей, – находите вы в этой **роже** прекрасное? Я разумею высокое, прекрасное, возвышенное, а не какую-нибудь **красную харю?**

Фома Фомич говорил тихо, мерно и с каким-то величавым равнодушием.

– В нем прекрасное? – отвечал Обноскин с какою-то нахальной небрежностью. – Мне кажется, это просто порядочный **кусок ростбифа** – и ничего больше...

– Подхожу сегодня к зеркалу и смотрюсь в него, – продолжал Фома, торжественно пропуская местоимение я. – Далеко не считаю себя красавцем, но поневоле пришел к заключению, что есть же что-нибудь в этом сером глазе, что отличает меня от какого-нибудь Фалалея. Это мысль, это жизнь, это ум в этом глазе! Не хвалюсь именно собой. Говорю вообще о нашем сословии. Теперь, как вы думаете: может ли быть хоть какой-нибудь клочок, хоть какой-нибудь **отрывок души** в этом **живом бифтексе?** Нет, в самом деле, заметьте, Павел Семеныч, как у этих людей, совершенно лишенных мысли и идеала и **едящих одну говядину**, как у них всегда отвратительно свеж цвет лица, грубо и глупо свеж! Угодно вам узнать степень его мышления? Эй, ты, статья! подойди же поближе, дай на себя полюбоваться! Что ты рот разинул? кита, что ли, проглотить хочешь? Ты прекрасен? Отвечай: ты прекрасен?

– Прек-ра-сен! – отвечал Фалалей с заглушенными рыданиями» (3; 66-67).

С одной стороны, как верно указано в комментариях к Полн. собр. соч., это едкая пародия на Н.В. Гоголя, утверждавшего сословный принцип красоты. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он восклицал: «Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и в них так мало прекрасного!» [Гоголь, т. 8, с. 300], (3; 516). Достоевский обыгрывает слова Гоголя и спорит с этим тезисом эстетически, развенчивает образ Фомы как «плюгавенького» человечка, не способного оценить ребенка как предмет любования. Еще более откровенно ненависть Фомы выражена в другом фрагменте романа: «– ...Я хочу любить, любить человека, – кричал Фома, – а мне не дают человека, запрещают любить, отнимают у меня че-

ловека! Дайте, дайте мне человека, чтоб я мог любить его! Где этот человек? куда спрятался этот человек? Как Диоген с фонарем, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколе не найду этого человека. Горе тому, кто сделал меня человеконенавистником! Я кричу: дайте мне человека, чтоб я мог любить его, а мне суют Фалалея! Фалалея ли я полюблю? Захочу ли я полюбить Фалалея? Могу ли я, наконец, любить Фалалея, если б даже хотел? Нет; почему нет? Потому что он Фалалей. Почему я не люблю человечества? Потому что все, что ни есть на свете, – Фалалей или похоже на Фалалея! Я не хочу Фалалея, я ненавижу Фалалея, я плюю на Фалалея, я раздавлю Фалалея, и, если б надо было выбирать, то я полюблю скорее Асмодея, чем Фалалея!» (3; 154).

С другой стороны, представляется, что тирада Фомы вызвана не только литературными источниками. Безусловно, что Достоевский ставит вопросы соотношения этики и эстетики, поднимает тему внесловности красоты. Обратим внимание на семантику бранных слов Опискина, отсутствующих у Н.В. Гоголя. Лексемы **рожа**, **харя** – это грубые, просторечные эквиваленты слова лицо. Они встраиваются в один парадигматический ряд со словом морда из повести «Дядюшкин сон». В словаре В.И. Даля **рожа** – (от рождать) лицо, бранное, харя; уродливый, некрасивый лицом [Даль, 1882, Т. 4, с. 102]. Также в «Словаре живого великорусского языка» приведены пословицы, перекликающиеся с содержанием фрагмента романа: «Эта рожа ни на что не похожа», «Эта рожа негожа (не пригожа)», «С нашей ли рожей в собор к обедне: будет с нас и в приходскую». Лексема **харя** в словаре В.И. Даля означает дурное, отвратительное лицо, рожа [Даль, 1882, Т. 4, с. 559]. Словарь фиксирует и пословицы, аналогичные ранее упомянутым: «Напоказ что ли ты харю свою выставляешь?», «По твари и харя», «С эдакой харей я бы и в люди не казался!», «Всякая харя (Хавронья) сама себя хвалит». Сравним со значением слова **морда**. В прямом значении лексема означает рыло, рожа животных, выдавшаяся часть головы со ртом, верхняя и нижняя скулы. Переносное значение имеет помету бранное и означает лицо человека, рожа; рыло, харя [Даль, 1881, Т. 2, с. 352]. Приведем значение однокоренных слов: Мордатый – укогоестьморда; мордастый, рыластый, толстомордый, большемордый. Мордасы–

морда, рыло, рожа, сысалы. Мордофиля – противная рожа [Даль, 1881, Т. 2, с. 353]⁴¹.

Итак, все три лексемы являются синонимами, означают некрасивое лицо, имеют бранные и разговорно-сниженные коннотации. Лексемы содержат дополнительные латентные семы: большие скулы (щеки) розового или красного оттенка и хорошее здоровье их обладателя. На наш взгляд, все три слова **морда, рожа, харя**, употребленные Достоевским с восходящей градацией, отсылают к пухленьким щечкам сына А.Р. Гернгросса. Более того, употребленное Фомой ругательство **голландская харя** может пародийно обыгрывать происхождение рода Гернгроссов из Нидерландов (Голландия – провинция Нидерландов). Предки Гернгросса переселились в XVI в. в Лифляндию.

С другой стороны, барнаульский казус может отсылать и к другому обстоятельству. Пухленькие розовые щечки мальчика соотносимы с подзаголовком «из мордасовских летописей», что может намекать на богатую, обеспеченную жизнь горных офицеров Алтайского горного округа. По воспоминаниям П.П. Семенова и А.Е. Врангеля, офицеры помимо казенного жалованья имели постоянные доходы, брали крупные взятки, плавил серебро и золото сверх установленной меры. Зажиточность сибиряков сатирически обыграны в такой детали: по словам Опискина, лицо Фалалея похоже на кусок ростбифа или бифштекс, он относится к типу людей, едящих «...**одну говядину**, как у них всегда отвратительно **свеж цвет лица**, грубо и глупо свеж» (3; 66), и даже во сне видит белого быка. Так с помощью гастрономического кода Достоевский маркирует знаки обеспеченной дворянской жизни. Такие продукты как ростбиф, бифштекс входили в меню высшего сословия, а не крестьян. Известно, что «[в] 1819–1820 годах в Россию пришла мода на английское блюдо **ростбиф**. Его готовили из хорошей бычьей вырезки. Чтобы филе оставалось нежным внутри, перед готовкой его несколько часов выдерживали в

⁴¹В этот ряд грубой лексики для обозначения лица включается и слово моська. В романе «Село Степанчиково и его обитатели» мужик по прозвищу Архип Короткий спрашивает у Фомы много ли он «царского-то жалованья получал?» (3; 16). Уличенный во лжи Фома вместо ответа разразился оскорблениями в адрес седенького старичка: «А тебе какое дело, пехтерь? – отвечал он, с презрением поглядев на бедного мужичонка. – Что ты мне **моську**-то свою выставил: плюнуть мне, что ли, в нее? (3; 16). Благодарю К.А. Баршта, который обратил мое внимание на это слово в романе. Но в данном случае лексема не относится к образу ребенка. Известно, что Н.В. Гоголь рекомендовал обращаться к нерадивому мужику со словами: «Ах ты, немьтое рыло!». Эти слова с возмущением цитировал В.Г. Белинский в своем знаменитом письме Гоголю от 15 июля 1847 г. (2; 508).

молоке. После этого по три минуты обжаривали с каждой стороны на сковороде, заливали белым сухим вином и готовили еще 15 минут. Центр мясного куса должен был оставаться полусырым – ярко-розового цвета [Что ели русские..., URL]. Другое блюдо из говядины – **бифштекс** – «английское национальное блюдо, которое стало частым гостем на столах молодых русских дворян. Повара готовили его из филе говядины. Мясо нарезали крупными кубиками и жарили на сильном огне без соли и приправ. Потом засыпали блюдо сельдереем, петрушкой и укропом. Подавали на большой тарелке с куском охлажденного сливочного масла сверху» [Что ели русские..., URL]. Оба блюда хорошо сочетались с шампанским. К слову сказать, «roast-beef окровавленный...», «Beef-steaks и страсбургский пирог» вкушает Евгений Онегин в петербургском ресторане в первой главе романа (блюдо roast-beef упоминается в (1, XVI), а beef-steaks в (1, XXXVII)). Исследователи выяснили, что это дежурное меню дорогого ресторана Talon, где часто обедал сам Пушкин, бывший большим гурманом [Что ели русские..., URL]. Таким образом, упоминание лучших блюд английской кухни свидетельствуют о гастрономическом стиле аристократии.

Едкая пародия Достоевского в романе заключена в том, что упоминаемые блюда отсылают к стилю жизни высшего сословия. Нежно-розового цвет рост-бифа перекликается со свежим цветом лица ребенка. Ведь Достоевский не просто констатирует хорошенькое личико и «большие голубые глаза» (3; 59), но, возвращаясь к описанию, добавляет «веселые голубые глаза» (3; 60), «крепкие, белые, как молоко, зубы» (3; 60). Ребенок изображен как эстетический объект, предмет любования. Он априори чист, и даже его особенности «ужасно любит сахар» (3; 60) описаны снисходительно, с любовью и восхищением⁴².

Возможно, что писатель также обыгрывает семантику имени мальчика, которого так ненавидит Фома. В переводе с греческого Фалалей (Φαλλέλαιος) означает цветущая маслина. Маслина или олива – это символ мудрости, ее цветы белого или нежно-кремового оттенка. В этой оценке заключено авторское убеждение в

⁴²В более яркой и афористичной форме Достоевский развивает ту же мысль в «Дневнике писателя» за февраль 1876 г. в главе «Геркулесовы столпы»: «Слушайте, мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы их учим чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они нас учат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с нами. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами» (22; 68).

непосредственности, изначальной красоте и чистоте ребенка. Фалалей не может лгать, хитрить, он откровенно признается о своих простых снах: «Да пусто б его взяло, треклятого! – рассказывал Фалалей, – каждую ночь снится! каждый раз с вечера молюсь: «Сон не снись про белого быка, сон не снись про белого быка!» А он тут как тут, проклятый, стоит передо мной, большой, с рогами, тупогубый такой, у-у-у!» (3; 63). По мысли писателя, отличительные черты ребенка – наивность, искренность, откровенность, обладание интуитивным, иррациональным знанием. Плясать для него так же естественно, как и дышать. «Этот мальчик был какое-то странное создание. Нельзя было назвать его совершенным **идиотом** или **юродивым**, но он был до того наивен, до того **правдив** и простодушен, что иногда действительно его можно было счесть **дурачком**» (3; 60).

Достоевский обыгрывает различные оттенки значения имени героя. В словаре В.И. Даля зафиксировано переносное значение имени – простак. В этом значении слово имеет коннотации просторечное, бранное, употребляется в значении порицания. Фалалей – фалелюк, фалуи сиб. (холуй?) невежа, неуч, болван [Даль, 1882, Т. 4, с. 547]. МАС тоже дает толкования простак, простофиля, разиня; пошляк, самодовольный невежа, повеса [МАС, 1999, Т. 4, с. 549]. Эти оттенки имени также реализованы в тексте: «Разбранив сперва дядю за то, что ему нет дела до образования дворовых людей, он решил немедленно обучать бедного мальчика нравственности, хорошим манерам и французскому языку» (3; 60-61). В.А. Викторovich указывает на еще один источник имени Фалалей: роман В.Т. Нарезного «Российский Жилбраз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814), герой которого «родился и жил в деревне Фалалеевке, сын его одно время даже носил фамилию Фалалеев» [Викторovich, 1991, с. 154].

Наконец, Фалалей – это имя святого мученика, празднуется 20 мая (2 июня). Эта коннотация невинно терпящего мучения в тексте особенно усилена Достоевским: «Он чувствителен до крайности, добр и незлобив, как **барашек**, весел, как счастливый ребенок» (3; 60). Фалалей сносит стойко мучения и домогательства Фомы, пытающегося лишить его беззаботного детства, он плачет, но не уступает глупым требованиям тирана. «Фалалей был решительно неисправим. Бедный

мальчик даже стал худеть от тоски. Ключница Маланья утверждала, что его испортили, и sprysнула его с уголька водою» (3; 63). Ребенок является нравственным индикатором, пробуждает лучшие стороны человеческой природы во взрослом⁴³.

Вернемся к интригующему вопросу. Почему мальчик в повести «Дядюшкин сон» безымянный? В обоих произведениях назван слугой, либо задается вопрос «— А-а-а, это ваш мальчик?», под наивностью которого прячется тонкая ирония Достоевского? В чем смысл такой семантической аберрации? Чем вызваны в романе «Село Степанчиково...» казалось бы безосновательные нападки Фомы Фомича: «**Можете полюбоваться на *ваши* произведение... в нравственном смысле.<...>** Правда должна быть правдой. **А чем ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью.** Что ж и трудиться, смягчать? себя и людей обманывать!» (3; 66).

Тирада Фомы заканчивается «изгнанием» ребенка и упреками Ростаневу в более откровенной форме:

«— **А! стыдно сказать!** – подхватил Фома, торжествуя. – Вот этого-то я и добивался, полковник! Стыдно сказать, а не стыдно делать? **Вот нравственность, которую вы посеяли,** которая взошла и которую вы теперь... **поливаете.** Но нечего терять слова! Ступай теперь на кухню, Фалалей. Теперь я тебе ничего не скажу из уважения к публике <...> Довольно! Я сказал. Ступай!» (3; 68).

Здесь Достоевский касался очень деликатной темы – вопроса о супружеской неверности. Писателю были хорошо известны интимные подробности драматической любви двадцатитрехлетнего А.Е. Врангеля к жене начальника Алтайских заводов Екатерине Иосифовне Гернгросс – гранд-даме барнаульского высшего света. В переписке Достоевского с бароном она фигурирует под литерой «Х». Оба друга находились в сходной ситуации: любви к замужней женщине и разлуки с возлюбленной. Вспоминая в мемуарах этот период своей жизни, А.Е. Врангель писал следующее: «Положение наше с ним, казалось, было однородное, и у меня были преграды – 400 верст расстояния, но разница была в том, что героиня моя была на 15 лет старше меня, имела шесть человек детей, что, впрочем, не мешало

⁴³ Ср. значение имени сына полковника Илюша: от Илья – русская форма древнееврейского имени Илия (Элияху), означающего Яхве – мой Бог, сила божья, крепость Господня, верующий. Илия – имя одного из пророков Ветхого Завета.

ей пускать пыль в глаза выписываемыми ею парижскими туалетами и из поклонников своих вить веревки. Ф.М. в своих письмах ко мне не раз вспоминает мою героиню под буквой X., а время этого эпизода именуется «бесконечно страшное горе» [Врангель, 1912, с. 53]. Как известно, в августе 1855 г. М.Д. Исаева овдовела и мучительная любовь Достоевского завершилась заключением брака в феврале 1857 г.

А.Е. Врангель, стремясь помочь Ф.М. Достоевскому с возвращением в литературу и европейскую Россию, в конце декабря 1856 г. покинул Семипалатинск. Из Петербурга он обращается к другу как тонкому психологу, который был в курсе всех перипетий его романа, с просьбой угадать характер возлюбленной и возможные перспективы отношений. В письме к Врангелю от 9 марта 1857 г. Достоевский, утешая несчастного в любви друга, так характеризовал героиню его романа: «...эта женщина, по моему убеждению искреннему, *не стоит Вас* и любви Вашей, ниже Вас, и Вы только напрасно мучаете себя сожалением о ней. <...> не ошиблись ли Вы в ней окончательно? Может быть, Вы уверили себя, что она Вам может дать то, что она вовсе не в состоянии дать решительно никому. Именно: Вы думали искать в ней постоянства, верности и всего того, что есть в *правильной* и полной любви. А мне кажется, что она на это неспособна. Она способна только подарить одну минуту наслаждения и полного счастья, но только одну минуту; далее она и обещать не может, а ежели обещала, то сама ошибалась, и в этом винить ее нельзя; а потому примите эту минуту, будьте ей бесконечно благодарны за нее и – только. Вы её сделаете счастливою, если оставите в покое. Я уверен, что она сама так думает. Она любит наслаждение больше всего, любит сама *минуту*, и кто знает, может быть, сама заранее рассчитывает, когда эта минута кончится. Одно дурно, что она играет сердцем других; но знаете ли, до какой степени простирается наивность этих созданий? Я думаю, что она уверена, что она ни в чём не виновата! Мне кажется, она думает: “Я дала ему счастье; будь же доволен тем, что получил; ведь не всегда и это найдёшь, а разве дурно *то*, что *было*; чем же он недоволен”. Если человек покоряется и доволен, то

эти созданы способны питать к нему (по воспоминаниям), навеки бесконечную, искреннюю дружбу, даже повторить любовь при встрече» (28-1; 271).

Писатель оказался в очень сложной ситуации: друг поехал хлопотать о смягчении его участи и попросил «последить» за поведением его возлюбленной в разлуке. Этичность и такт Достоевского заслуживают большого уважения. Он оказался между двух огней, точнее, между двух друзей, влюбленных в одну женщину, к тому же замужнюю. Сначала Х. находилась в непозволительной связи с А.Е. Врангелем, потом его сменил другой любовник – П.П. Семенов. Писатель откровенно пишет другу следующее о манере «очернения» Е.И. Гернгросс А.Е. Врангеля в его отсутствие: «Конечно, всё это сделано из предосторожности, и знаете что: или она действительно подозревает Вас почему-нибудь в нескромности насчет сношений с нею, или это ее обыкновенная тактика, то есть чернить в глазах мужа и следующего любовника и любовника, предшествовавшего ему. Положим, она с мужем брала предосторожности; но рассудите: может ли любящее сердце чернить и выставлять смешным того, кого оно любило, не имея на это причин; да если б и были причины, то благородно ли это? Еще в Семипалатинске я слышал, что всеобщая молва по Алтаю приписывает ей нового любовника. Так как я с этим новым лицом был в отношениях дружеских (не назову Вам его; скажу только, что это не горный, а лицо, прибывшее на время из Петербурга (и не Маркиз), – человек превосходный, умный, нежный и чувствительный, но немного с смешными странностями), – то мне легче других было узнать: правда ли это? Я действительно увидел что-то новое, что-то есть наверно, но до какой степени? – неизвестно. Во всяком случае, он проводил там время безвыходно и был посвящен во многие тайны, про Вас много говорил, конечно не в смысле связи. Этому он очевидно не верил. О Маркизе же ему внушены были самые уважительные мысли (он Маркиза⁴⁴ знает лично). Со мной он хитрил и многого мне не досказывал. Я даже заметил, что он ко мне получил даже несколько враждебное располо-

⁴⁴ Из контекста письма понятно, что Маркиз – лицо, прибывшее из Петербурга, принадлежит к высшей аристократии и не является горным офицером. Скорее всего, речь идет о маркизе Николае Александровиче де Траверсе (1829 Петербург- 1964). Он был однокашником А.Е. Врангеля по лицезу, затем служил в канцелярии Томского губернатора, в 1857 г., перешел на службу в Морское Министерство. Во время встреч с Достоевским в Барнауле ему было 28 лет.

жение (из самого дружеского прежде); по крайней мере, стал скрытен и осторожен. Скоро я его опять увижу. Впрочем, не думаю, чтоб он у Х. добился всего» (28-1; 272).

Можно предположить, насколько Достоевского, который только что женился и остановился с семьей в доме П.П. Семенова, огорчило это открытие – коварства и неверности Е.И. Гернгросс – и мужу, и любовнику. Предполагаем, что писатель испытывал негодование, разгадав циничную игру и манеру быстрой смены и «очернения» любовников гранд-дамы барнаульского высшего света. Он верно обозначил главные качества ее характера: умна, расчетлива, неблагородна, неспособна к «правильной и полной любви». Писатель всей душой переживал за своего молодого друга, которого полюбил всем сердцем.

Несомненно, что Врангель – самый близкий друг писателя в сибирский период его жизни. Так, Ф.М. Достоевский, страдая в разлуке, писал А.Е. Врангелю 21 декабря 1856 г. из Семипалатинска: «...обняв Вас от души, хочу говорить с Вами по-прежнему, как бывало в Семипалатинске, когда Вы для меня были всем: и другом и братом, и когда мы оба делили друг с другом свои заботы... *сердечные*» (28-1; 251). В мемуарах барона также есть аналогичное признание духовного родства: Мы оба, смею думать, в эти два года тесно сжились, полюбили друг друга, привязались, делили радости и горести сибирской жизни, выкладывали, как говорится, друг другу душу» [Врангель, 1912, с. 186]. В результате автор-психолог смог найти правильные слова, чтобы в мягкой форме рассказать о нравственном уровне женщины, обозначить бесперспективность отношений с Х. Он убедил друга в необходимости забыть «чадолюбивую» и ветренную Гернгросс, отправиться в путешествие за границу и жениться на достойной и любящей его девушке.

В повести «Дядюшкин сон» автор более откровенно и едко намекает на то, что мордасовские дамы не обременены верностью. Москалева самоотверженно защищает соперницу за первенство в городе Анну Николаевну: «Я заступлюсь за нее, я обязана за нее заступиться! На нее клеветают. За что вы все на нее нападаете? она молода и любит наряды, – за это, что ли? Но, по-моему, уж лучше наряды,

чем что-нибудь другое, вот как Наталья Дмитриевна, которая – такое любит, что и сказать нельзя. За то ли, что Анна Николаевна ездит по гостям и не может посидеть дома? Но боже мой! Она не получила никакого образования, и ей, конечно, тяжело раскрыть, например, книгу или заняться чем-нибудь две минуты сряду. Она кокетничает и делает из окна глазки всем, кто ни пройдет по улице. Но зачем же уверяют ее, что она хорошенькая, когда у ней только белое лицо и больше ничего? <...> Она сплетница, – но это здешняя привычка: кто здесь не сплетничает? К ней ездит Сушилов со своими бакенбардами и утром, и вечером, и чуть ли не ночью. Ах, боже мой! еще бы муж козырял в карты до пяти часов утра! К тому же здесь столько дурных примеров! Наконец, это еще, *может быть*, и клевета (3; 309-310).

Так писатель создает целую галерею образов дам, для которых верность не является нравственной нормой. Наталья Дмитриевна «...такое любит, что и сказать нельзя» (2; 310); к Анне Николаевне «...ездит Сушилов со своими бакенбардами и утром, и вечером, и чуть ли не ночью» (2; 310). К этому ряду неверных жен, скорее всего, принадлежит и Марья Александровна Москалева, которая в сердцах почти признается дочери Зине: «И если б ты знала, как я понимаю твое отвращение, друг мой! Ужасно поклясться перед алтарем Божиим в любви к тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь! А он потребует твоей любви; он для того и женится, я это знаю по взглядам его на тебя, когда ты отвернешься. Каково ж притворяться! Я сама двадцать пять лет это испытываю» (2; 325).

На наш взгляд, глубину криптопародии повести «Дядюшкин сон» в полной мере мог оценить только самый близкий друг Достоевского барон Врангель. Конечно, писатель, лелея мечты о Барнауле как возможном месте будущей статской службы, не желал запятнать честь Екатерины Иосифовны и ее мужа Андрея Родионовича, который ему «очень понравился» (28-1; 252). Желание Достоевского не быть узанным, не задеть чести благосклонно и радушно принимающих его людей приводит к тому, что автор камуфлирует, прячет детали, оставляет маленького героя повести безымянным. Продолжая ту же тему в романе, автор дает хо-

рошенькому ребенку имя, отсылающее к прототипу как намек: Родион – имя, входящее к названию цветка роза; Фалалей – цветущая маслина с сохранением тех же сем красоты и женскости. Так метафорически в обоих сибирских текстах Достоевский рисует образ прекрасного, чистого ребенка, который не знает греха.

В «Воспоминаниях» А.Е. Врангеля образ Е.И. Гернгросс возникает еще раз при описании встречи с Ф.М. Достоевским за границей. «Очень радостна была наша встреча; всплыли, конечно, воспоминания о Сибири, о «Казаковом Саде», о наших сердечных увлечениях и пр., и пр. Много говорили и о покойнице Марии Дмитриевне, и о красавице Марине О., которую так ревновала к нему его жена. Невольно в откровенной дружеской беседе коснулись и его семейной жизни и странных, мне непонятных и по сию пору взаимных отношениях супругов⁴⁵» [Врангель, 1912, с. 215]. Писатель с высоты своего опыта дает молодому другу совет: «Между прочим в нашей беседе в Копенгагене Достоевский высказал свой взгляд на женщин и дал мне поучительный совет. Затронув в воспоминаниях наших сибирских знакомых, я упомянул о коварстве и легкомыслии одной сибирской дамы и в ответ на это от Ф.М. услышал следующее: «Будем всегда глубоко благодарны за те дни и часы счастья и ласки, которые дала нам любимая нами женщина. Не следует требовать от нее вечно жить и только думать о вас, это недостойный эгоизм, который надо уметь побороть» [Врангель, 1912, с. 216].

Позднее впечатления Достоевского об отношениях А.Е. Врангеля с Е.И. Гернгросс стали материалом повести «Вечный муж» (1870). Стремление писателя сделать менее явной сибирскую фактическую основу привели к смене имени героини в окончательном тексте: Анна Ивановна – Наталья Васильевна (9; 472-474, 481), повторяя имена «любвеобильных» и неверных героинь повести «Дядюшкин сон».

⁴⁵ По прошествии времени мемуарист трезво оценивает «неправильность» выбора возлюбленной, только исходя из сердечной склонности, а не соображений разума: «Я никогда не предвидел в этом браке счастья для Достоевского. Все страдания, вся обуза, что он взвалил, благодаря этому браку, себе на плечи, на долгое время лишило его душевного покоя. Не раз в Семипалатинске я старался отрезвить Ф.М. от его любовного психоза относительно Исаевой, но он и слушать не хотел: для него Мария Дмитриевна тогда рисовалась в каком-то лучезарном ореоле» [Врангель, 1912, с. 216]. К сожалению, оба молодых друга в своих сердечных заботах видели недостатки возлюбленной товарища и закрывали глаза на изъяны женщины, которую полюбили сами.

Таким образом, существующие в науке интерпретации причин номинации города в повести Достоевского – связь с литературным претекстом, биографический контекст детских воспоминаний о крестной, интерес Достоевского к народной речевой стихии, для которой характерно поговорочное выражение «съездить по мордасам» или «в город Мордасы» – дополняются гипотезой о том, что одним из возможных прототипов города Мордасова является Барнаул. Факт-впечатление Ф.М. Достоевского на обеде у Гернгроссов 2 декабря 1856 г. необходимо учитывать в генезисе метафорического наименования города этой сибирской повести. Наша гипотеза о «хорошеньком мальчике» с пухленькими и розовыми щечками опирается на эпистолярный, художественное творчество и архивные источники. Анализу других барнаульских аллюзий посвящены следующие разделы исследования.

3.3 Загадки топографии: Барнаул в творческой рефлексии писателя

По мысли Ю.М. Лотмана, основными факторами семиозиса места является структура пространства и имя [Лотман, 2000, с. 320]. Имя могло стать проективной моделью семиотической истории города, но Достоевский задает иную траекторию осмысления пространства.

Город получил название от реки Барнаулки. Первоначально – Барнаул. Кстати на карте 1856 г. гидроним так обозначен – с уменьшительным суффиксом -к – речка Барнаулка. На центральное положение реки в топографии города указывал немецкий ученый К. Ледебур: «Посредине протекает Барнаулка, впадающая в Обь с юго-западной стороны; здесь она запруживается, и сила ее воды используется для движения машин» [Ледебур, 1993, с. 147].

Барнаулка – это правый приток Оби, русло которого находится рядом с Сенной площадью, где останавливался ссыльный писатель во время второго и третьего приезда в город. Врач и ученый В.Ф. Геблер, служивший в Барнауле в период 1810–1850 гг., описывал реку так: «Город расположен при слиянии Барнаулки,

небольшой солоноватой речки, которая здесь запружена и образует большой заводской пруд, с Обью. Вода ее для питья непригодна» [цит. по: Гармс b, 2011, с. 34]. Карта г. Барнаула 1856 г. (ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 7) размещена в Приложении 7.

Существуют две версии происхождения гидронима и, впоследствии, топонима. Согласно первой, по А.П. Дульзону, исходной формой является *Боро-ноул*. Название состоит из двух тюрских слов: «боро» – волк, а «ул» – река, т.е. *волчья река*. По второй версии историка А.П. Уманского, название связано с телеутскими корнями *Бороны-ул*, что означает серая или *мутная вода*. Это название отвечает ее природным реалиям. «Река протекает в боровой полосе, откуда выносит массу песка и органики, отчего вода в ней всегда непрозрачная, мутная. Эту особенность Барнаулки отмечали многие путешественники XVIII-XIX вв. [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 19]. Согласно архивным данным, летом 1856 г. в первый приезд Достоевского резко поднялся уровень воды, а цвет ее стал молочно-белым. Ниже Барнаула обнаружено большое количество уснувших осетров, стерляди и другой рыбы. Живая рыба «перекочевала» на отмельные места [Барнаул. Летопись города, 2007, с. 39].

В работе «Семиосфера» Ю.М. Лотман выделяет два типа города: концентрический и эксцентрический. Концентрический город считается идеализированной моделью вселенной, расположен на горе, его центр – храм. Напротив, «[э]ксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/ небо, а оппозиция естественное/ искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойственную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии» [Лотман, 2000, с. 321]. Барнаул, послуживший прототипом Мордасову, безусловно, относится ко второму типу.

Возможно, что именно затемненность, неоднозначность астионима Барнаул (наряду с этическим фактором и потребностью мистификации) была одной из причин, заставившим автора назвать город Мордасовым, а затем щедро рассыпать по тексту референциальные знаки Барнаула.

Словно проверяя эрудицию читателей, Достоевский в комической повести опускает также и названия испанских городов, зашифровав их с помощью упоминания главной достопримечательности (Гранада – назван архитектурный символ – Альгамбра) либо гидронима (Севилья – река Гвадалквивир). В случае с Барнаулом писатель шифрует еще более тонко, филигранно играя с историей города.

Художественная деталь – выразительная подробность, раскрывающая своеобразие художественного образа, единица метасловного предметного мира литературного произведения, позволяющая раскрыть авторскую концепцию. «Опишите мне подробнейшим образом <...> все эти мелочи, мелочи и составляют, так сказать, настоящий сок! Я ужасно люблю мелочи»,⁴⁶ – взывает к прибывшему с дядюшкой Павлу Александровичу Мозглякову неугомонная Марья Александровна Москалева, выражая наклонность самого автора («Больше мелких подробностей» – 29-1; 271) [Викторович, 2016, с. 223]. Именно через детали Достоевский в комическом тексте раскрывает глубину и неоднозначность своей концепции, прячась от цензуры. В этой связи предлагаем ввести понятие криптотопоса. **Крипто-топос** – это топос литературного произведения, который прямо не называется автором, но подразумевается с помощью системы аллюзий, обеспечивающих локальную привязку текста⁴⁷. Топографические приметы, суггестивно сильные означающие криптотопоса щедро «рассыпаны» Достоевским в повести, приглашая читателя к вдумчивому чтению.

Рудник

Ряд особенностей образной системы повести выполняет функцию кодирующих элементов художественного текста, отсылаяк реалиям горнозаводского дела на Алтае. Так, Москалева благодарит Мозглякова, что он привез князя К. именно

⁴⁶ РГИА Ф. 777. Оп. 3. 1886. Д. 35. Л. 11. Об. – 12

⁴⁷ Термин предложен д. филол. н, ведущим научным сотрудником Отдела русской литературы ИМЛИ РАН О.А. Богдановой в частной беседе по другому поводу.

к ней, ведь другие «бросились бы на него, как на **рудник**, как на **россыпь...**» (2; 307). Действительно, золотопромышленность Сибири стала постоянной и растущей отраслью экономики. За 20 лет (с 1830 по 1852 г.) добыча золота в Сибири возросла почти в 250 раз: 1830 г. выплавлялось только 45 пудов, 1850-1035 пудов, всего в России в 1830 г. – 383 пуда, в 1850 г – 1450 пудов соответственно. При этом на рудниках Алтая выплавляли 90 процентов российского серебра – по 1000 пудов в год. Более того, благодаря алтайскому золоту Россия во второй четверти XIX века становится лидером в мировой золотодобыче. Если в 1801-10 гг. на долю России приходилось только 0,9 % добытого в мире золота, то в 1841-1850 гг. – 39,3% [История Сибири, 1968, Т. 2, с. 396]. Объемы производимого металла поражали путешественников и ученых. Так, К. Ледебур в своей книге особенно подчеркнул, что «[к]роме золотосодержащего серебра, меди и свинца здесь производятся также чугун и полосовое железо, которые идут на нужды металлургических заводов и на продажу. Чтобы получить такое количество металла, нужно ежегодно добывать 12 млн. пудов руды объемом около 5000 куб. сажень. После того, как пустая или содержащая слишком мало металла порода отделяется от богатой, остается около 4 млн. пудов руды, предназначенной к плавке и содержащей в среднем два золотника серебра на пуд» [Ледебур, 1993, с. 152]. Дальнейшая переработка и извлечение золота из серебра происходили в столице: «Золото извлекают на Монетном дворе, в Петербурге. Около тридцати пудов золота извлекают из тысячи пудов серебра – таков ежегодный продукт алтайских серебряных рудников» [Аткинсон, 2013, с. 17]. Поэтому фраза Москалевой «бросились бы на него, как на **рудник**, как на **россыпь...**» (2; 307), на наш взгляд, однозначно имеет алтайский генезис. Свадьба с выжившим из ума престарелым князем сулила невесте такое же быстрое обогащение и изменение положение в обществе, как и добыча золота на Алтае.

Проклятый город

В тексте повести также нашла отражение «черная» легенда о Барнауле, который якобы проклял его основатель Акинфий Демидов. Сибирский топоним получает усиленную негативную оценку по принципу восходящей градации: «**отврати-**

тельный городишка», «проклятый город», полный ненависти, тщеславия, «гадких интриг» (2; 385), зависти, сплетен, «смрад», связанный с лиминальным состоянием болезни и смерти. Тем самым автор уподобляет Барнаул Петербургу, дублируя его характеристику как города-ада. Однако наряду с символической, литературно-культурной составляющей образа «черного» города, задающей весь спектр ассоциативных связей и нарративных возможностей, автор мог иметь в виду и вполне прозаическую особенность городского быта, а именно черную пыль от переработки угля, которой во времена развитой горнозаводской промышленности были покрыты улицы. Воспоминания немецкого ученого-ботаника и путешественника, предпринявшего в 1826 г. путешествие на Алтай, усиливают параллель Барнаул – Санкт-Петербург. В них подчеркивается плановая застройка города и улицы, покрытые черным шлаком: «Протяженность города в его наибольшем измерении с юго-запада на юго-восток составляет три версты, ширина широкого конца – полторы, узкого – немногим меньше версты; площадь города равна приблизительно четырем кв. верстам. Застроен он планово, имеет приятный изящный вид; улицы широкие и прямые, переулки пересекают их под прямым углом. Так как бульжника поблизости нет, нынешний начальник в некоторых местах города приказал мостить улицы шлаком. Бульвар на Московской улице, засаженный двумя рядами тополей, является местом прогулок жителей города» [Ледебур, 1993, с. 146].

В книге К. Ледебура также по-немецки деликатно содержится намек на неблагоприятную экологическую ситуацию как особенность Барнаула: «Воздух здесь не всегда бывает чистым, загрязняясь от дыма металлургического завода и особенно обжигательных печей, хотя это, по-видимому, не вредит здоровью жителей. У них у всех здоровый вид, нет и специфических болезней, появляющихся из-за вредного воздуха. Хорошо себя чувствуют и домашние животные, кроме разве кур, с которыми случаются эпилептические припадки и которые частодохнут, что приписывается близости обжигательных печей...» [Ледебур, 1993, с. 145]. Вполне понятно, что иностранец К.Ф. Ледебур, общавшийся лишь с первыми лицами города, не заметил (?) пагубности промышленности на здоровье горо-

жан, но зафиксировал негативное влияние деятельности заводов на птиц. Более реалистичную картину в 1850-х гг. XIX века рисует Ш.Л. Аткинсон, замечая в письмах из Барнаула, что «[п]лавление серебра – весьма нездоровое занятие и рабочие очень страдают от паров, выходящих из печей и вызывающих свинцовую колику» [Аткинсон, 2013, с. 24]. В то же время городские врачи (Ф.В. Геблер, И.А. Преображенский и др.), имеющие возможность следить за ситуацией в динамике, отмечали высокую смертность населения, особенно среди рабочих, обусловленную интенсивностью труда, негативным влиянием промышленности и холодным климатом.

Другие доходы

На еще одну приметку столицы горнозаводской промышленности указывает такая подробность, как бывшая служба мужа Москалевой: «...Афанасий Матвеевич лишился своего места за неспособностью и слабоумием, возбудив гнев приехавшего ревизора» (2; 297), ранее «...служил и получал жалование и ... другие доходы» (2; 298).

Здесь, автор вновь использует кодирующий элемент художественного текста, намекая на известные подробности. Как мы писали выше, история Барнаула началась с Колывано-Воскресенских заводов, построенных уральским промышленником Акинфием Демидовым, который в устье реки Барнаулки основал медеплавильный завод. Тайно от императорской фамилии кроме меди Демидов стал выплавлять серебро и золото, из которых чеканил монеты на Урале. В 1745 г. в Барнаул была прислана ревизская проверка, и заводы перешли в собственность императорской фамилии. Барнаул получил статус горного города – центра горнозаводского района и стал подчиняться напрямую Петербургу. Еще одна обширная ревизская проверка военной и гражданской администрации Западной Сибири была проведена незадолго до приезда Достоевского, в 1850-1851 гг. членом Государственного совета, генерал-лейтенантом Н.Н. Анненковым по высочайшему повелению императора. По результатам ревизии был проведен ряд реформ, продолжавшихся до 1856 г. За успешное окончание ревизии военно-сухопутного и граж-

данского управления Н.Н. Анненков был пожалован орденом св. Александра Невского.

Учитывая размах добычи серебра и золота на Алтае, горные начальники кроме жалованья имели и другие виды дохода, в том числе крупные взятки. Как отмечается в «Истории Барнаула», еще в XVIII веке взяточничество и казнокрадство становилось источником благоденствия горных инженеров, удивлявших заезжих путешественников стильной мебелью в домах, модными туалетами их жен и дочерей, артишоками и апельсинами на столах [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 38-39]. Историки объясняют причины состоятельности: «одним из источников материальных благ для верхушки горнозаводской администрации служила смета расходов и доходов, составлявшаяся каждый год» [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 77]. Немецкий ученый К. Ледебур отмечает, что жизнь в Барнауле в 30-х гг. XIX века была на порядок лучше, чем в других провинциальных городах. «Содержание горнозаводских чиновников в денежном отношении невелико, но они имеют бесплатные квартиры, и, кроме того, каждый из них соответственно своему рангу, наподобие военнослужащего, имеет денщика или людей для услуг, которые берутся из числа рабочих и получают соответствующие жалование и провиант. Каждый чиновник, далее, может на отведенном ему участке с помощью приданных ему людей косить сено и, значит, держать лошадей, что ему обходится дешево или вовсе даром. Он может, наконец, с помощью своих людей валить деревья, вывозить их на своих лошадях, что тоже не требует никаких расходов. Все продукты питания (особенно самые необходимые) здесь исключительно дешевы, и поэтому живется чиновникам совсем неплохо» [Ледебур, 1993, с. 153].

Вполне понятно, что имея такие доходы, барнаульская верхушка имела в Сибири славу легендарных богачей: «Чиновники зарабатывали, тратили много денег, и если не посылали свое белье стирать в Париж, как об этом рассказывают, то всё же получали оттуда и из Петербурга многие необходимые предметы для того, чтобы жить со всеми удобствами... [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 113]. Новости о серебряных рудниках, открытии золотых приисков на Алтае постепенно

слагались в легенду: «В России Барнаул тогда считался городом несметных сокровищ, и эти слухи достигли Европы» [Аткинсон, 2013, с. 13].

П.П. Семенов в книге «Путешествие в Тянь-Шань в 1856-57 гг.» отмечал: «удручающее впечатление производило на меня только то, что всё это интеллигентное, культурное общество (принадлежавшее, за исключением двух-трёх золотопромышленников, к алтайской горной администрации) жило выше средств, доставляемых ему крайне скудным казенным жалованьем, и, очевидно, пользовалось сверх него доходами, законом не установленными и получаемыми самовольно с крепостного населения Алтайского горного округа» [Семенов-Тян-Шанский, 1946, с. 126].

Известно, что Достоевский занял на свадьбу 600 рублей серебром у своего знакомого полковника корпуса горных инженеров, горного ревизора Семипалатинской области Н.Н. Ковригина, в ведении которого находились золотые промыслы. А.Е. Врангель о нем вспоминал: «доходы свои имел, как и все в то время в Сибири, и это считалось чуть ли не нормальным, как будто иначе быть не могло» [Ковригин, URL].

Еще раз о деликатных особенностях службы в Сибири, чреватых быстрой возможностью потери места, в противоположность петербургским как более стабильным, говорится в конце произведения:

«– Отставка? какая отставка? Я просто переменяю службу. Мне выходит место в Петербурге, – сухо отвечал Мозгляков.

– Ну, так поздравляю вас, – продолжала Фелисата Михайловна, – а мы даже испугались, когда услышали, что вы гнались за местом у нас в Мордасове. Здесь места ненадежные, Павел Александрович, тотчас слетишь.

– Разве одни учительские, в уездном училище; тут еще можно найти вакансию, – заметила Наталья Дмитриевна. Намек был так ясен и груб, что сконфузившаяся Анна Николаевна толкнула своего ядовитого друга тихонько ногой.

– Неужели вы думаете, что Павел Александрович согласится занять место какого-нибудь училишки? – включила Фелисата Михайловна.

Но Павел Александрович не нашел, что отвечать» (2; 372).

В этом фрагменте текста Фелисата Михайловна подчеркивает ненадежность места службы – «тотчас слетишь», ядовито и слишком прозрачно намекая на скорую смерть соперника Мозглякова – учителя Васи. Этот мотив имеет автобиографическую природу и обыгрывает идею Достоевского поиска места службы в Барнауле. Напомним, что автор обращался к А.Е.Врангелю с такой просьбой в письме от 13 апреля 1856 г.: «Если будет возможность говорить и хлопотать о переводе моем в статскую службу *именно в Барнаул*, то ради Бога, не оставляйте без внимания. Если возможно говорить об этом с Гасфортом, то, ради, Бога, поговорите, а если можно не только говорить, но и делать, то не упускайте случая и хлопочите о моем переводе в Барнаул в статскую службу. Это самый *близкий* и самый *верный* шаг для меня» (28-1; 230). Кроме того, повесть вышла в марте 1859 г., следовательно, писатель мог обсмеять и историю поиска нового места службы учителем его бывшим соперником Н.Б. Вергуновым. Как мы подробно со ссылкой на архивы писали выше (§2.3), он после службы в Кузнецке безуспешно искал место в Томске, в августе 1857 г. был переведен в Семипалатинск, позднее – в 1963 г. в Барнаул, в 1869 г. вновь вернулся в Семипалатинск.

Еще раз в иронической форме о склонности алтайских чиновников к коррупции Достоевский скажет в «Записках из Мертвого дома», где «создается наиболее обобщенный и не лишенный иронии образ Сибири и “сибирского жителя”. Говоря о чиновниках в Сибири, которым “несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло”, Ф.М. Достоевский, вслед за Гоголем, пытается дать их классификацию», – пишет О.Г. Левашова. Если Н.В. Гоголь делит чиновников на «толстых» и «тонких», то Ф.М. Достоевский – на «умеющих разрешить загадку жизни» и «не умеющих». Те чиновники, кто умеет разрешить загадку жизни, «почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются». Другие – легкомысленные – «скоро наскучают Сибирью и с тоской себя спрашивают: зачем они в нее заехали?» [Левашова, 1995, с. 384–385].

Хлопотливый город

В письме А.Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г. при описании Барнаула Достоевский как бы мимоходом делает следующее наблюдение: «со многими познако-

мился; *хлопотливый* город, и сколько в нём сплетен и доморощенных Талейранов!» (28-1; 252). В повести «Дядюшкин сон» видим дословную, но более развернутую характеристику Мордасова. Матримониальные хлопоты являются сюжетообразующими: «Марья Александровна погрузилась в свои размышления. Нечего сказать: они были *хлопотливы* (2; 334) (курсив наш. – Е.С.). Описывая «первую даму города», Достоевский говорит о ее умении «себя держать так, что, глядя на нее, в голову не придет, чтоб эта сановитая дама была первая сплетница в мире или по крайней мере в Мордасове» (2; 296). Ее окружение аналогично, вокруг только «жадные, низкие и коварные людишки» (2; 307). Софья Петровна Фарпухина автором представлена как «ходячая газета», «зловещая и мстительная сплетница» (2; 329). Оправдывая Наталью Дмитриевну, Москалева замечает, что «она сплетница, – но это здешняя привычка; кто здесь не сплетничает» (2; 310).

Кроме того, Марья Александровна, провинциальная «львица» и виртуоз интриги, сопоставляется даже не с Талейраном, а с самим Наполеоном: «Марью Александровну сравнивали даже, в некотором отношении, с Наполеоном. Разумеется, это делали в шутку ее враги, более для карикатуры, чем для истины» (2; 297). В противоположность французскому императору наша героиня всегда остается «первой дамой», поскольку у нее никогда «не закружится голова от собственной высоты» и она не вспомнит «свое настоящее место».

Таким образом, используя суггестивно сильные означающие криптотопоса, писатель создает кодирующие элементы художественного произведения, ассоциативно связанные с локальным сибирским контекстом. В повести Достоевский актуализирует такие известные факты истории города, как возведение города на пустом месте в устье реки Барнаулки, суровый климат, холод, черная легенда о проклятии города его основателем Акинфием Демидовым, серебро и золото, добываемое тяжелым трудом, город, покрытый черной пылью от горнодобывающей промышленности (город-ад, смрад и т.д.). Кроме того, глубинный барнаульский подтекст произведения проявляется не только на уровне художественных деталей, но и на персонажном уровне: многие образы Достоевского имеют, как мы покажем далее, барнаульские, алтайские и сибирские прототипы.

3.4 Прототип

Каллиста Станиславовича

Итак, наши архивные разыскания в §2.5 позволили назвать имя барнаульского врача – талантливого диагноста эпилепсии Достоевского – Ивана Антипповича Преображенского, коллежского советника, исправляющего должность Инспектора Алтайский госпиталей. Теперь зададимся вопросом: мог ли этот квалифицированный врач стать прототипом образа доктора в повести «Дядюшкин сон»?

На первый взгляд, такое сопоставление может показаться некорректным и необоснованным: честный, «ученый и дельный» барнаульский врач Достоевского и мордасовский доктор, который советует нищему учителю Васе полечиться за границей, в Испании, где морской климат, а князю ставит диагноз, смехотворность и ироничность которого очевидна даже непосвященному в медицину читателю – «воспаление в желудке, как-то перешедшее (вероятно, по дороге) в голову» (2; 395). Однако при более взвешенном отношении и внимательном чтении можно увидеть в сатирическом, памфлетном образе черты прототипа.

Для Достоевского был значим принцип «детальности», при котором штрихи, детали автобиографического плана важнее, чем крупные события в их макроописании. Любой художественный текст исключает прямую фактографию, трансформируя ее, а в комическом тексте биографические детали должны быть вывернуты наизнанку, отражены по принципу кривого зеркала и завуалированы, представляя собой криптограмму для читателя и исследователя.

Подчеркнем, что И.А. Преображенский в реальности для автора был уважаемой и авторитетной фигурой, но законы жанра требовали переосмысления образа в комическом ключе.

Подробнее остановимся на ситуации диагностирования болезни – верной в случае с Достоевским и неверной в случае с его героями Васей и князем К. Для самого писателя эта ситуация имела экзистенциальное значение: «если б я наверное знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился» (28-1; 275), – признавался Достоевский брату Михаилу. Для его героев ситуация сюжетобразующая,

но зеркальная: они больны, следовательно, не могут жениться. В повести не один пациент, а целых два: молодой учитель Вася и старый князь К., которые являются двойниками друг друга как несостоявшиеся женихи Зины. Мордасовский доктор не столько их лечит, сколько констатирует факт болезни, и его неверная диагностика в повести подвергается осмеянию. Он не может понять этиологию болезни, у Васи не видит чахотку. Марья Александровна говорит дочери Зине: «Говорят, он в чахотке и скоро умрет. Но кто же это говорит? Я на днях нарочно спрашивала о нем **Каллиста Станиславича**; я интересовалась о нем, потому что у меня есть сердце, Зина. **Каллист Станиславич** отвечал мне, что болезнь, конечно, опасна, но что он до сих пор уверен, что бедный не в чахотке, а так только, довольно сильное грудное расстройство. Спроси хоть сама. Он наверное говорил мне, что при других обстоятельствах, особенно при изменении климата и впечатлений, больной мог бы выздороветь» (2; 327).

Две смертельных болезни Достоевского – эмфизема легких и эпилепсия – словно поделены между этими персонажами, а комическое описание является почти парафразой из писем автора: «если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы» (А.Е. Врангелю – 28-1; 270); «задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» (брату Михаилу – 28-1; 275). В случае с Васей – это болезнь легких, неверно диагностированная Каллистом Станиславовичем. В случае с князем болезни еще более узнаваемые: геморрой и «любопытная болезнь» (2; 315): «когда у меня бывают припадки, то вообще удивительные при этом симптомы (я вам подробнейшим образом их опишу)» (2; 314), – обещается рассказать князь, но так и не выполняет своего обещания. Здесь Достоевский почти проговаривается. В этиологии болезни консилиума мордасовских врачей «от мордасовского гостеприимства у князя сделалось воспаление в желудке, как-то перешедшее (вероятно, по дороге) в голову» (2; 395) видится отражение истории загадочной болезни Достоевского, диагностика и патогенез которой является предметом дискуссий до сих пор.

В начале 1990 гг. невропатолог Н.И. Моисеева и психиатр О.Н. Кузнецов пытались опровергнуть факт болезни Достоевского, заменив эпилепсию гипертонической болезнью⁴⁸. Норвежские ученые настаивают на особой болезни – «болезни Достоевского». И праправнук писателя Дмитрий Андреевич в интервью украинской газете «Бульвар Гордона» от 29 июля 2015 г. отрицает физиологических характер эпилепсии предка, в качестве аргументов ссылаясь на внезапность припадков и отсутствие генетического характера болезни (говоря об ее отсутствии у него самого, сына и внуков) [Миличенко, URL]. Заметим, что праправнук немного лукавит, поскольку от эпилепсии умер сын Ф.М. Достоевского Алеша, была больна дочь писателя Любовь Федоровна, болезнь передана и по линии брата писателя Андрея.

Оставим в стороне дискуссии о характере болезни Достоевского. Мы считаем, что у писателя была именно эпилепсия, хотя мнения ученых – биографов, литературоведов, медиков – очень разнятся по этому поводу. Начало заболевания одни исследователи связывают со смертью отца, другие – с ранним детством Ф.М. Достоевского, третьи – с периодом каторги и солдатчины. «Есть данные о том, что невротический или психастенический синдром может протекать с судорожными припадками по эпилептоидному типу, являясь пограничным патологическим состоянием. По представлениям некоторых исследователей, включая основателя психоанализа З. Фрейда, эпилепсия у писателя имела психогенный характер» [Кобылянский, 2014 а, с.62]. Психологи реконструируют психологические характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского (Е.Н. Холондович), литературоведы говорят об эпилептическом типе сознания писателя, тоннельном мышлении (например, А.Н. Кошечко) и др.

Живший с писателем в одной квартире в Петербурге доктор А.Е. Ризенкамф в годы своего учения в Петербургской медико-хирургической академии считал

⁴⁸ См. Богданов Н.Н. Михаил Волоцкой и его «Хроника рода Достоевского» // <http://www.hrono.info/text/2007/bogd0108.php>; Моисеева Н.И. Был ли Достоевский эпилептиком (История одной врачебной ошибки) // Знамя. 1993. № 10. С. 199-204; Моисеева Н.И., Никитина Л.И. Ложный штамп душевного заболевания Достоевского // Вестник гипнологии и психотерапии. СПб. 1993. № 2 С. 76-105; Моисеева Н.И. Конец одной легенды. Чем был болен Достоевский? Достоевский и современность. Новгород. 1994. С.183-187; Моисеева Н.И. Ошибка в биографии Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 321-332.

болезнь Достоевского просто нервными припадками [Ризенкампф, 1990, с. 183-184]. Сам молодой автор эти странные нервные припадки с кратковременной потерей сознания иронически называл «кондрашкой с ветерком» [Ризенкампф, 1990, с. 184], полагая, что со временем они пройдут.

В первом письме старшему брату из Сибири от 30 января - 22 февраля содержится такое признание писателя: «Я часто лежал больной в госпитале. От расстройства нервов у меня случилась падучая, но, впрочем, бывает редко (28-1; 170-171).

В дальнейшем к своей болезни Достоевский относился с большим вниманием, не скрывал своего недуга, тщательно анализировал, фиксировал даты приступов и описывал ощущения и самочувствие в «Дневнике лечения в Эмсе», в «Дневнике Писателя», а также художественных произведениях. Эпилептиками являются его герои Ордынов и Мурин в повести «Хозяйка», Нелли в романе «Униженные и оскорбленные», князь Мышкин в романе «Идиот», Кириллов в романе «Бесы», Смердяков в романе «Братья Карамазовы».

Возможно, что очевидность личных авторских переживаний по поводу своего здоровья в описании смертей двух пациентов, стала причиной изменения изначально комедийного жанра (вспомним письмо А.Н. Майкову от 18 января 1856 г.: «я шутя начал комедию» – 28-1; 209). И автор отказался от намерения написать пьесу для барнаульского театра.

Кроме того, мордасовский доктор занимает прочное место в светской жизни города, в частности, участвует в хлопотах по созданию благотворительного театра. «Ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром. Еще сегодня Петр Михайлович сказал **Каллисту Станиславичу**, что его чрезвычайно огорчает, что у нас это нейдет на лад и что мы только ссоримся» (2; 369). Иван Антипович Преображенский занимал должности директора Барнаульского общества попечения о тюрьмах, исполнял обязанности инспектора Алтайских госпиталей. В тексте повести **Каллист Станиславович** возглавляет консилиум медиков, отправляя им приглашения по-латыни. Напомним характеристику Достоевского: «учёный и дельный» (28-1; 275). Детали совпадают.

О значимости фигуры доктора в городе и особом уважении к нему говорит и отсутствие фамилии, другие персонажи всегда его называют только по имени-отчеству. Причем необычное имя в тексте повести «Дядюшкин сон» повторяется пять раз, чтобы читатель непременно запомнил необычное имя мордасовского доктора – Каллист Станиславович.

Греческое имя **Каллист** означает «**прекраснейший**», что, по нашему мнению, является скрытой отсылкой к авторской оценке врача-диагноста как «ученого и дельного». С другой стороны, имя Каллист содержит общие семы с фамилией реального врача – Преображенский – **изменение качества, переход в новое состояние**. Выбирая имя персонажа, Достоевский тонко иронизирует над уровнем профессионализма мордасовского доктора.

Отчество персонажа восходит к славянскому имени **Станислав**, что означает «стань славным». С одной стороны, Достоевский, в соответствии с классицистической традицией, наделяет комедийного персонажа говорящим именем. Но, с другой стороны, в выборепатронима угадывается отсылка к ордену Святого Станислава 3 степени, которым был награжден Иван Антипович Преображенский за отличную и усердную службу 26 августа 1856 г., т.е. за полгода до припадка Достоевского. Использование разговорного варианта отчества героя Станиславич (вместо полного Станиславович) маркирует ситуацию непринужденной беседы, якобы дружески-неофициального общения в городе Мордасове. Кроме того, стяженная форма патронима нами расценивается как стилистически сниженный вариант и жанровая трансформация имени героя.

Таким образом, реальное биографическое лицо – Иван Антипович Преображенский – стало только толчком творческой рефлексии, развивавшейся по законам создания комического произведения и приведшего к созданию памфлетного образа глупого и бездарного врача-шарлатана в мольеровском духе. В процессе творческой трансформации от реального прототипа до сатирического персонажа, Достоевский усложняет и обогащает его содержание, доводя до пародийного предела с целью завуалировать биографический контекст.

В следующем параграфе мы продолжим рассмотрение людей, которые могли стать прототипами сибирских произведений автора.

3.5 Прототипы немецкого ученого

в повести «Дядюшкин сон»⁴⁹

Важно, что Алтай для Достоевского стал местом близкого знакомства с русской фундаментальной наукой. Речь идет не только о П.П. Семенове (ученом-энциклопедисте, проявившем себя в разных областях естественнонаучного поля: геологии, минералогии, биологии, зоологии и др.), с которым писатель был знаком еще в Петербурге, или о начальнике Алтайских горных заводов А.Р. Гернгроссе, успешно внедрявшем новые методы плавки руд и активно совершенствовавшем процесс их добычи, но и о других ученых, оставивших свой след в истории Барнаула. Немаловажно, что знакомство с представителями научной среды косвенно отразилось и в художественных текстах Достоевского: в сибирских произведениях («Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели») отчетливо проявляется увлечение писателя естественными науками – биологией, минералогией, медициной, астрономией.

В повести «Дядюшкин сон» травестийно обыгрывается увлечение энтомологией: «один немецкий ученый, нарочно приезжавший из Карльсруэ исследовать **особенный род червячка с рожками**, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома *in quarto* [в одну четверть листа (*лат.*)], так был обворожен приемом и любезностью Марьи Александровны, что до сих пор ведет с ней почтительную и нравственную переписку из самого Карльсруэ» (2; 297).

⁴⁹Выражаю благодарность д-ру биол. наук, проф. Томского государственного университета Александру Леоновичу Эбелю, канд. биол. наук, с.-н.с. Тигирекского государственного заповедника Олегу Яковлевичу Гармсу, д-ру с.-х. наук, проф. кафедры ботаники биологического факультета Алтайского государственного университета Григорию Яковлевичу Стецову, д-ру биол. наук, проф. кафедры экологии, биохимии, биотехнологии биологического факультета АлтГУ Роману Викторовичу Яковлеву, канд. биол. наук, доценту кафедры экологии, биохимии, биотехнологии биологического факультета АлтГУ Павлу Сергеевичу Нефедьеву, канд. биол. наук, доц. кафедры ботаники биологического факультета АлтГУ Алексею Владимировичу Ваганову, канд. биол. наук, доценту кафедры ботаники биологического факультета АлтГУ Полине Дмитриевне Гудковой.

Ни в Полном собрании сочинений Достоевского (1972–1990), ни в вышедшем втором томе (2014) второго, исправленного и дополненного этого издания в 35 тт. не прокомментирована эта фраза⁵⁰, хотя она, безусловно, нуждается в дешифровке и требует решения вопроса о прототипе немецкого энтомолога, а также разъяснений по поводу его интересного научного труда. Вопросы эти представляются значимыми и важными в контексте всего сибирского опыта писателя. Достоевский однозначно задает некий шифр-криптоним, который требует тщательного анализа для установки возможных источников его творческого процесса. Для ответа на этот вопрос попробуем осуществить когнитивную декомпозицию интересующего пародийного образа автора.

Для того чтобы правильно определить прототип, объект пародирования, во фразе писателя необходимо выделить доминантные семы образа. На наш взгляд, они таковы:

- 1) немецкое происхождение ученого;
- 2) особый интерес к энтомологии;
- 3) червячок необычный, с рожками,
- 4) его первооткрыватель – немец;
- 5) о редком насекомом немцем написана большая книга;
- 6) насекомое водится только на Алтае;
- 7) немец – вежливый («ведет почтительную и нравственную переписку»);
- 8) для изучения используется микроскоп.

Вот те основания, вокруг которых складывается сатирический образ безымянного ученого в повести. Писатель создает шифр, разгадать который оказалось непросто.

В ходе «расследования» первоначально мы полагали, что искать необходимо в сибирском окружении Достоевского. Прототипом безымянного энтомолога мог стать Петр Петрович Семенов (впоследствии – Тянь-Шанский), посещавший Ал-

⁵⁰Отмечается только, что «[с]лова перекликаются с позднейшей – заостренной против дворянского «западничества» – иронической характеристикой «заезжих путешественников»-иностранцев, мало что понимавших в русской действительности. В дальнейшем эта тема была продолжена Достоевским во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (Время. 1861. № 1. С. 3). (ППС₁ 2; 516; ППС₂ 2;745).

тай и непосредственно связанный с автором повести «Дядюшкин сон» дружескими узами. Они познакомились еще в Петербурге осенью 1846 г. через Н.Я. Данилевского, с которым Семенов вместе учился в университете и снимал квартиру. Приятели общались в 1846-49 гг. Тем более что характер Семенова с долей иронии описан Достоевским и в письме от 9 марта 1857 г. А.Е. Врангелю: «...человек превосходный, умный, нежный и чувствительный, но немного с смешными странностями...» (28-1; 272). Упоминание об ученом биологе в произведении могло быть иронически утрированной карикатурой на научную деятельность друга, приютившего писателя в Барнауле. На первый взгляд, комическое описание безымянного энтомолога отсылает к некоторым деталям биографии Семенова: был магистром ботаники, в 1853-1854 гг. предпринял поездку в Германию для всесторонней научной подготовки, собрал крупнейшую в мире коллекцию насекомых, содержащую свыше 700 000 жуков, которая сейчас хранится в Зоологическом музее РАН.

Напомним, что после окончания университета в 1848 г. П.П. Семенов решил посвятить себя науке. По заданию Русского географического общества он перевел на русский язык часть из фундаментального исследования немецкого географа Карла Риттера «Землеведение Азии» в 19 томах [Козлов, 1983, с. 21]. Он отправляется в путешествие по странам Европы для всесторонней научной подготовки. В Берлине, одном из ведущих мировых естественнонаучных центров, Семенов лично познакомился с Карлом Риттером, Генрихом Бейрихом и др. [Семенов Тянь-Шанский..., URL]. П.П. Семенов встретился лично всемирно известным географом Александром фон Гумбольдом для обсуждения предполагаемого путешествия в Тянь-Шань [Козлов, 1983, с. 19]. В ходе этой встречи Гумбольдт мог упомянуть о своем посещении Барнаула и знакомстве с Ф.В. Геблером как крупным энтомологом и основателем Краеведческого музея. Само путешествие в Тянь-Шань Семенов задумал в 1854 году как апробацию теоретической идеи А. фон Гумбольдта о вулканическом происхождении этих гор. В силу возраста немецкий ученый уже не мог проверить свою гипотезу, которую удалось опровергнуть его русскому ученику.

В начале мая 1856 года П.П. Семенов отправился из Москвы в экспедицию на Алтай, а затем в крепость Верное к подножию Заилийского Алатау – северной оконечности Тянь-Шаня. В 18 часов вечера 7 июня 1856 г. он прибыл в Барнаул, где остановился у своего давнего знакомого В.А. Полетики [Мальцев, 1983, с. 65], [Семенов-Тян-Шанский, 2018, с. 15].

Подполковник В.А. Полетика, как свидетельствует Предписание Алтайского горного правления о снабжении подорожным билетом, годом ранее был отправлен в Киргизскую степь для обозрения рудоискательных партий в округи Каракулинский, Баян-Акульский и Ак-Мулинский (Анемулинский) (ГААК, Ф.2. Оп. 1. Д. 6433 а, Л. 2-4), т.е., по сути, часть его маршрута повторяла задуманное географом путешествие.

В городе в подготовке к экспедиции Семенов пробыл с 7 по 19 июня 1856 г., отправившись далее в Змеиногорск. Достоевский также первый раз посещает Барнаул в июне 1856 г., но точная датировка и обстоятельства пребывания неизвестны. Поскольку друзья не встречались (что подтверждают мемуары Семенова), датировку первого визита писателя в г. Барнаул можно сузить до периода 1-6 июня 1856 г. Далее писатель посетит друга в Барнауле по пути в Кузнецк 26 ноября–2 декабря 1856 г. и в феврале 1857 г. (см. §2.6). Точная датировка встреч в Семипалатинске легко высчитывается по «Воспоминаниям» географа: 5 августа 1856 г. по пути в укрепление Верное, а затем по возвращении из экспедиции 3–8 ноября 1856 года [Семенов–Тян-Шанский, 2018, с. 95], и в следующем году – 26–27 апреля [Козлов, 1983, с. 33] и 27-29 сентября 1857 г. [Семенов–Тян-Шанский, 2018, с. 102]⁵¹.

В своих научных изысканиях П.П. Семенов, безусловно, учитывал исследования по географии, зоологии и энтомологии своего непосредственного предшественника Ф.В. Геблера, тем более что оба принадлежали к Русскому географическому обществу. В частности, географ и ботаник не чувствовал себя в столице

⁵¹ Авторы «Летописи жизни и творчества Достоевского допускают неточности в сроках встреч друзей, считая, что писатель ежедневно встречался с Семеновым, живущим на квартире у Демчинского, только 1-5 ноября [Летопись жизни и..., 1993, Т. 1, с. 229], в 1857 г. апреля после 26 [Летопись жизни и..., 1993, Т. 1, с. 238] и совсем не упоминают о сентябрьской встрече приятелей.

горного дела на Алтае, в которой он провел зиму 1856–57 гг., как в провинциальной глуши. По его собственному признанию, «[з]има, проведенная в Барнауле, не казалась мне скучной, день проходил в разборке собранных мной богатых ботанических коллекций, в подробном осмотре и изучении предметов барнаульского музея, в пользовании тамошней библиотекой и в ознакомлении с заводскими работами» [Семенов, 2018, с. 97]. П.П. Семенову была прекрасно известна огромная энтомологическая коллекция Ф.В. Геблера в 1401 экземпляр, подаренная собирателем Краеведческому музею. В ходе первой экспедиции на Тянь-Шань П.П. Семенов «собрал много насекомых, среди которых также оказалось несколько новых видов и разновидностей» [Козлов, 1983, с. 33].

Кроме интереса к науке, была еще одна причина личного характера, которая могла обусловить интерес Достоевского к личности Ф.В. Геблера. Влюбленный в то время в М.Д. Исаеву писатель вынашивал планы женитьбы и мечтал переселиться в Барнаул. Во время поездок в Кузнецк с целью сватовства и заключения брака он останавливался у П.П. Семенова, квартировавшего в доме купца В.И. Зубова на Большой Олонской улице, 39, у Сенной площади. Фото дома и окрестностей расположено в Приложении 7.

Ф.М. Достоевский жил у подножия «Барнаульского Олимпа», как его называли местные жители. На вершине находилось Нагорное кладбище, открывался изумительный вид на реку Обь и весь город.

Скорее всего, во время прогулок П.П. Семенов, хорошо знакомый с коллекциями В.Ф. Геблера в Краеведческом музее и его трудами как энтомолога, биолога и географа, рассказал другу трогательную историю любви немецкого доктора, который женился в Барнауле на русской и прожил здесь в любви и согласии в браке 40 лет. «21 марта 1850 г. Ф.В. Геблер умер в Барнауле. Его жена, Александра Степановна Геблер (урожденная Зубарева. – Е.С.), с которой он счастливо прожил много лет, ушла вслед за ним на следующий же день. Об этом редком событии еще долго помнили в городе. Они были погребены вместе на Нагорном кладбище, носившем в народе название «Барнаульского Олимпа». Над могилой

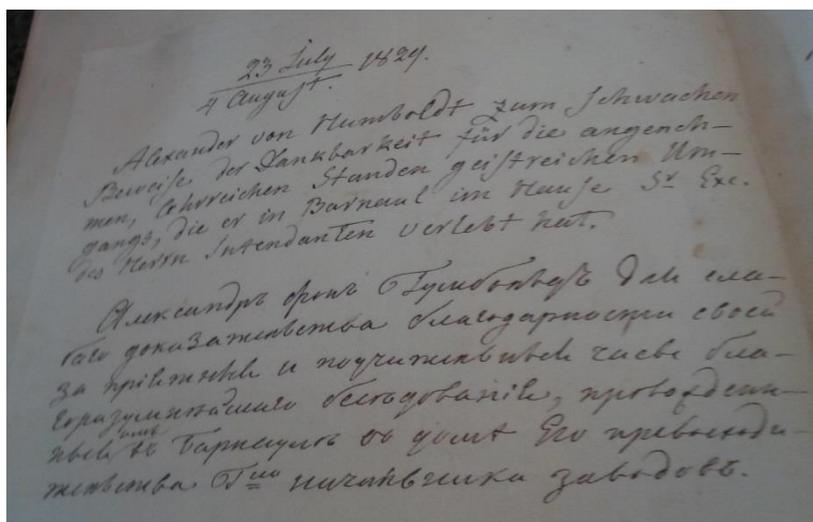
был поставлен кирпичный фундамент с чугунной доской «Доктор Федор Вильгельмович Геблер» [Гармс, 2011 b, с. 72]. См. Приложение 7.

История барнаульских Петра и Февронии, завершившаяся за шесть лет до посещения города П.П. Семеновым и Ф.М. Достоевским, бытовала в Барнауле как предание о чудесной любви⁵². Она была важна для обоих: писатель, пережив любовные страдания, наконец стал женихом, а ученый биолог и географ был неутешным вдовцом, в 1853 г. потерявшим любимую жену Веру Александровну (урожденную Чулкову)⁵³ и решившимся на опасное путешествие в горы Тянь-Шань к агрессивно настроенным туземцам.

Акцентируем, что могила Ф.В. Геблера и его жены была расположена в красивом месте, в непосредственной близости от места жительства П.П. Семенова: «правый берег реки поднимался высоко и довольно живописно над её (реки. – *Е.С.*) запрудой; на нем строилась кладбищенская церковь» [Семенов–Тянь-Шанский, 2018, с.16]. Поскольку оба друга любили прогулки, то, вероятно, они могли посетить могилу «народного доктора» и его жены, освященную городской молвой. Тем более что пешая доступность объектов этому благоприятствовала: расстояние от дома купца Зубова, где квартировал Семенов, до кладбища составляет 500 м, до Краеведческого музея – 800 м. Тем более, что в Барнауле для путешественников и важных гостей города существовала традиция знакомства с городом, в программу которой обязательно входил Краеведческий музей как предмет особой гордости. А. Гумбольдт, К. Ледебур, П.П. Семенов в воспоминаниях и знакомстве с Барнаулом подчеркивают этот факт. К. Ледубур как биолог предельно точен: «В четвертом зале (Краеведческого музея. – *Е.С.*) представлены чучела птиц и коллекция насекомых» [Ледебур, 1993, с. 148].

⁵² Несколько снижают представление о чете Геблер последние архивные разыскания д-ра ист. наук, проф. АлтГУ В.А. Должикова (См. [Должиков, 2012, с. 43-45]).

⁵³ История первой любви ученого была краткой и трагичной. «В 1851 году Петр Петрович и Вера Александровна поженились. Целый год молодожены прожили в деревне. Петр Петрович усиленно занимался переводом “Землеведения Азии”. Осенью 1852 г. они переехали в Петербург. В ноябре у них родился сын Дмитрий. Вскоре Вера Александровна заболела скоротечной чахоткой. Это так подействовало на Петра Петровича, что он сам опасно заболел воспалением мозговых оболочек. С большим трудом жизнь его спасли, а Вера Александровна скончалась в начале 1853 г.» [Козлов, 1983, с. 18].

Автограф Александра фон Гумбольдта в книге «Собственноручные подписи особ, почтивших присутствием своим Барнаульский музей»

©Алтайский государственный краеведческий музей

Таким образом, П.П. Семенова назвать одним из прототипов безымянного энтомолога можно только с большой долей условности, поскольку писатель акцентирует именно немецкое происхождение ученого. В процессе анализа оказалось, что дело об исследовании первооткрывателя «особенного рода червячка, который водится в нашей губернии», намного глубже, интереснее и, действительно, связано и с Алтаем, и с Германией.

Возвращаясь к образу иностранца-ученого, необходимо отметить, что немцев в Сибири было много, особенно среди интеллектуальной элиты – врачей и горных офицеров. Традиция приглашать специалистов из-за границы возникла еще во времена правления Петра Великого и была продолжена А.Н. Демидовым с момента основания Колывано-Воскресенских заводов. Из Германии переехали саксонские мастера. Позднее, при переходе заводов в распоряжение Кабинета ее величества в 1747 г., командиром их был назначен бригадир А.В. Беэр, переселившийся в Россию из Саксонии в 1704 г. в числе других «рудодельных и рудоплавных мастеров», выписанных из-за границы. После его смерти управление заводами перешло к лейтенанту Самуэлю Христиани и капитану И.Г. Улиху, прибывших в Барнаул вместе с Беэром. Два саксонца успешно управляли производством и исполняли обязанности руководства на месте горным округом в течение десяти лет, в то время как полковник А.И. Порошин со дня назначения его главным командиром заводов и вплоть до 1761 г. находился безвыездно в Петербурге.

Кроме того, Алтай был загадкой и точкой притяжения не только для специалистов горного дела и металлургии, но и объектом научного интереса для ученых Германии. В разное время Алтай посетили крупные специалисты в области естественных наук: Иоганн Сиверс, Петер-Симон Паллас, профессор ботаники Карл Ледебур, Александр фон Гумбольдт, его спутники Х.Г. Эренберги Г. Розе, А.А. Бунге и др. Кроме ученых, Алтай посещали и другие иностранцы в поисках «русской Аляски». Так, например, в надежде быстрого обогащения из Англии в 1820 г. приезжал капитан британского флота Джон Дундес Кокрен, а в 1848–1853 гг. – архитектор и художник Томас Аткинсон (1799–1861)⁵⁴.

В качестве возможного прототипа криптопародийного образа ученого подробнее рассмотрим фигуру Фридриха Августа Геблера (1782–1850)⁵⁵. Его жизнь представляет собой выдающийся образец служения науке и Алтаю. Сразу уточним, что данное при рождении имя Фридрих Август (предки принадлежали к знатному старинному роду и занимали высокие должности при прусском и австрийском дворах) в России произносилось и записывалось на русский манер: Фридрих Август – Федор Вильмов (Вильмотович) – Федор Вильгеймович⁵⁶ и даже Федор Васильевич.

Ф.В. Геблер родился 15 декабря 1782 г. в Германии, в небольшом городке Цейленрод(е) в Саксонии в семье судьи. Первоначальное домашнее образование продолжилось лицеем в Грайце, а затем в 1799 г. университетом Иены. Понимая

⁵⁴ Подробнее о нем см.: Аткинсон Т., Аткинсон Л. Англичане в Сибири. Приключения и анекдоты / сост. Н. Волкова. – М.: Директ-Медиа, 2012. 127 с.; Аткинсон Т.У. Восточная и Западная Сибирь: повествование о семи годах исследований и приключений в Сибири, Монголии, степях Киргизии, Китайской Тартарии и части Центральной Азии. – СПб.: Альфарет, 2009. 656 с.; Аткинсон Л. Воспоминания о Татарских степях: письма из Барнаула. 1848–1853 гг. – Барнаул: Алтайский дом литераторов, 2013; Проскурин В.Н. Путешествие в край Семи Рек // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2013. № 1. С. 39–41; Проскурин В. Н. Томас Аткинсон в Казахстане // Простор. 2014. № 1. Январь. С. 179–184; Персональный сайт Владимира Проскурина [URL].

⁵⁵ О биографии Ф.В. Геблера см. также: Гармс О.Я. Доктор Геблер – исследователь Алтая: к 230-летию со дня рождения. – Барнаул: «Алтайский дом печати», 2011; Тишкина Т.В. О необходимости сохранения памяти о Ф.В. Геблере – исследователе Алтая и одном из основателей Барнаульского музея (по материалам деятельности местных краеведческих организаций в 1920-е гг.) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 140–144; Фридрих Вильгельмович Геблер: биобиблиогр. указ / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова; Алт. гос. краевед. музей; сост. Н.В. Воробьева, Е.В. Павлушкина, Л.А. Сметанкина, Э.Г. Штанько, авт. вступ. ст. О.В. Падалкина; отв. ред. В.С. Олейник. Барнаул: ООО «Агентство рекламных технологий», 2008; Гармс О.Я. 230 лет со дня рождения исследователя Ф.В. Геблера (1781–1850) // Алтайский край. Календарь знаменательных и памятных дат. 2011. С. 116–119 и др.

⁵⁶ Именно в такой интересной огласовке имя встречается в архивных документах, датированных февралем 1832 г., адресованных инспектору медицинской и фармацевтической частей в Колывано-Воскресенских заводах господину статскому советнику и кавалеру Федору Вильмотовичу Геблеру (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5795. Оп.1. Ед. хр. 36).

бесперспективность специальности горного инженера в Саксен-Веймарском княжестве, где находилась Йена, Ф. Геблер избирает медицинское образование. Но интерес к естественным и техническим наукам не пропадает. Уже в 19 лет студент избран членом знаменитого «Йенского общества минералогии». Общество возникло в 1796 г. Его членом и президентом с 1803 г. был И.В. Гете⁵⁷, который в это же время читал лекции в Йенском университете [Гармс, 2011b, с. 12]. Несомненно, что высокий уровень научной среды и общественных интересов для молодого студента был вдохновляющим. В 1802 г. Геблер блестяще защитил докторскую диссертацию. Чуть позднее появились его первые печатные работы по философско-нравственным проблемам медицины, о необходимости поиска причин заболеваний, а не их следствий. Так, в 1805 г. в медицинском журнале «Allgemein Medizinische Annalen» была опубликована обширная работа «Соображения по поводу совершенствования лечения при помощи психических методов» [Гармс, 2011b, с. 18]. Однако молодой перспективный доктор в Германии найти постоянную работу не смог, поэтому решил откликнуться на призыв русского правительства и в 1809 г. приехал в Петербург.

По результатам экзамена при Медико-хирургической академии на подтверждение квалификации доктора медицины и хирургии Геблеру был представлен свободный выбор места службы. Он пожелал выехать в Колывано-Воскресенский горный округ на Алтае, так как сам родился и вырос в Рудных горах Германии (Эрцгебирге), увлекался геологией, состоял в Йенском минералогическом обществе⁵⁸. 22 мая 1809 г. немецкий врач был направлен в Томскую губернию. Прие-

⁵⁷ С юности Гете основательно увлекался минералогией. Когда в 1796-1798 гг. в Германии было основано Минералогическое общество (первое в мире), И.В. Гете был избран его первым почетным членом. В минералогии Гете был очень хорошим для своего времени знатоком минералов и горных пород. Его «сокровищница» насчитывает 18 тысяч образцов – писатель собирал её более полувека. Именем литератора ещё при его жизни была названа разновидность железной руды – гётит. В 1806 году Гете как минералог был избран почетным членом Московского общества испытателей природы [Вернадский, 1988, с. 228, 233], [<https://aussiedlerbote.de/2018/06/iogann-volfgang-gjote-ljubopytnye-fakty-iz-zhizni/>], [<http://jwgoethe.ru/part-8-4-person-and-leader.htm>], [<http://geo.web.ru/druza/a-Goethe.htm>].

⁵⁸ Видимо, личность И.В. Гете, возглавлявшего «Общество минералогии», к которому принадлежал Ф.В. Геблер, оказала колоссальное влияние на формирование его мировоззрения, круга научных интересов и увлечений. Неизвестно, слушал ли он лекции Гете в Йенском университете студентом, но идеи врачевания души пациента, необходимости гуманизма в медицине, медицинских опытов доктора на самом себе, несомненно, восходят к И.В. Гете. Неудивительно, что в личной библиотеке Ф.В. Геблера в Барнауле были привезенные из Германии «Новые стихотворения и поэмы» И.В. Гете, опубликованные в 1801 году (Goethe's neue Schriften / Johann Wolfgang von Goethe. – Bd. 9. – Neue Aufl. – 1801. – 240 S//

хав в Барнаул уже осенью 1809 г., Геблер сначала был определен в медицинскую военную комиссию, а с февраля 1810 г. переведен на должность врача Барнаульского горного госпиталя. Предполагалось, что он останется на службе шесть лет.

В журнале «Всеобщие медицинские анналы» за 1812 г. Геблер описывает места своей новой службы. «Императорский российский горный город Барнаул, находится в Томской губернии под 55°20' северной широты, имеет примерно 6000 жителей. Здесь расположено управление горного округа, кроме того, здесь находится металлургический завод, наряду с предприятиями по литью колоколов и приготовлению стекла. Жилье здесь состоит большей частью из деревянных домов и домишек, комнаты низкие, частью до половины уходят в землю и отапливаются русскими печами. Город расположен при слиянии Барнаулки, небольшой солоноватой речки, которая здесь запружена и образует большой заводской пруд, с Обью. Вода ее для питья непригодна» [цит. по: Гармс, 2011b, с. 34].

После командировки в Петербург в мае 1818 г. Геблер был переведен снова в Барнаульский госпиталь, где работал раньше» [Гармс, 2011b, с. 40].

3 июля 1820 г. доктор Геблер одновременно с работой в госпитале был назначен заведовать медицинской частью горного ведомства. Все госпитали и аптеки Колывано-Воскресенского горного округа были теперь в его ведении. 31 июля 1821 г. он был награжден орденом Святого Владимира IV степени за заслуги перед отечеством.

27 июня 1830 г. Ф.В. Геблер получил чин статского советника. После принятия нового «Уложения об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов» (1828) и до выхода на пенсию (1849) был инспектором медицинской части Колывано-Воскресенских заводов. Систематически выезжал в госпитали и лазареты округа [ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5377; Ф. 2. Оп. 1. Д. 4027 а, Л. 679-680].

Формулярный список доктора медицины и хирургии Ф.В. Геблера содержится в следующих документах ГААК: Ф. 2. Оп. 1. Д. 4027 а. Л. 679-687 (ФС 1849 г.),

http://elibrary.ngonb.ru/catalog/4368/40155/?PAGEN_3=3). Возможно, что стремление принадлежать и к «Московскому обществу испытателей природы» тоже было связано с И.В. Гете, который был избран его почетным членом как минеролог в 1806 г.

Ф.2. Оп. 1. Д. 5377 (нумерация сбита) (ФС 1848 г.), Ф. 2. Оп. 1. Д. 5367. Л. 42-49⁵⁹.

См. Приложение 7.

ГААК. Ф.2.Оп.1. Д. 5377. Нумерация сбита.

Формулярный список о службе статского советника Ф.В. Геблера 1848 г.

Доктор Медицины и хирургии Статский Советник Федор Вильмонтovich Геблер. Инспектор медицинских и фармацевтических частей в Колывано-Воскресенских заводах. Член общества Иенского минералогического, Московского Императорских испытателей природы и сельского хозяйства, Парижского Кювьера и член-корреспондент Императорского Санкт-Петербургской Академии наук, Рейского общества испытателей природы, Русского географического общества в Санкт-Петербурге и ординарный член Стетинского Энтомологического общества.

65 лет лютеранского вероисповедания.

Сын советника главного правления княжества Рейского.

Годовой оклад – 1400 руб. 85 копеек серебром.

Недвижимое имение у него самого – загородный деревянный дом. Одна душа женского пола.

Жена недвижимого имущества не имеет. У жены дворовых людей женского пола две души.

Сначала обучался в Грейце в Саксонии, потом в Иенском университете, где получил звание доктора медицины и хирургии 1808 года сентября 24 дня.

Кабинетом Его Императорского Величества принят по контракту в Колывано-Воскресенские заводы 1809 г. мая 10 дня.

По прибытии в заводы определён при Барнаульском госпитале, где находился по 1816 год.

Произведен коллежским ассессором 1809 года сентября 16 дня.

Надворным советником 1814 года мая 8 дня.

В 1816 году отправлен был в Санкт-Петербург, где по изъявленному им желанию на продолжении службы в здешних заводах Кабинетом Его Величества принят в действительную службу и по прибытии определён при Салаирском госпитале 1816 года 1 сентября.

Переведен к управлению Барнаульским госпиталем 1818 мая 11 дня.

Командирован в Змиевской край для обозрения лазаретов и исследования причин цинготной болезни и положения мер к отвращению оной вместе с другими чиновниками 1818 июня 13 дня.

По возвращению в Барнаул по упомятому же предмету отряжен в Салаирской край 1818 года июня 13 дня.

Поручено заведование медицинской частью в округе Колывано-Воскресенских заводов 1820 года июля 3 дня.

В воздаяние ревностной и усердной службы всемилостивейше пожалован орденом Святого Владимира 4 степени 1821 года июля 31 дня.

Произведен коллежским советником 1826 января 6, со старшинством 1826 года мая 6 дня.

Утвержден инспектором медицинской и фармацевтической частей в Колывано-Воскресенских заводах 1826 года апреля 16 дня.

Произведен статским советником 1830 года июня 27 дня, со старшинством 22 ноября 1828 года.

Всемилоостивейше пожалован знаком отличия беспорочной XV службы 1832 августа 22 дня.

За отличную службу Всемилоостивше пожалован Орденом Святой Анны 2 степени 1833 года июня 2 дня.

Всемилоостивейше пожалован знаком отличия беспорочной XX службы 1837 года августа 22 дня.

В воздаяние отличных трудов и усердия к службе всемилоостивейше пожалован орденом Святой Анны 2 степени Императорскою короною украшенным, что объявлено в приказе, отданом по корпусу Горных Инженеров от 1839 года от 14 октября за № 36.

За найденный в Барнаульском госпитале отличный порядок Главным начальником Алтайских горных заводов отдана благодарность 1842 года 22 декабря.

Всемилоостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы за XXV 1844 года августа 22 дня.

За усердную и полезную службу Всемилоостивейше пожалован годовым окладом 851 р. 40 копеек серебром 1845 г. апреля 15.

В походах против неприятя, в штафах, под судом, в отпусках, в отставке не бывал.

Жена Александра Степановна 54 лет. Православного вероисповедания.

⁵⁹ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5367. Л. 42-49 содержит Список о службе удостоиваемого к перемене знака отличия беспорочной службы инспектора медицинской и фармацевтической частей в Колывано-Воскресенских заводах Старшего советника Геблера, составленного 1848 г. сентября 27 дня. Пожалован годовым окладом 851 р. 40 копеек серебром 1845 г. апреля 15.

Ф.В. Геблер заботился о повышении оплаты труда подлекарей и продвижении лекарских учеников по службе, поставил и решил вопрос воспроизводства медицинских кадров на Алтае, разработав программу их обучения.

В 1831 году Томскую губернию поразила холера. Геблер направил все силы на борьбу с эпидемией. Он описал этиологию и свой метод лечения болезни, послал в Медицинский совет и получил одобрение начальства. 29 марта 1833 г. Петербургская императорская академия наук избрала его своим членом-корреспондентом. Это была высшая степень научного и общественного признания. 14 апреля 1833 г. за «его усердие к общей пользе» Ф.В. Геблер был возведен в кавалеры ордена Святой Анны II степени [Гармс, 2011b, с. 57].⁶⁰

На Алтае Ф.В. Геблер имел славу «народного доктора» и «доктора для бедных», на практике реализуя идеи гуманизма в медицине. В голодные 1809-1812 годы, узнав, что крестьяне добавляли в муку белую глину, медики предложили альтернативу. «Несколько дней ученые проводили опыты: выпекали хлеб из муки, смешанной с сосновой и березовой корой. Березовый хлеб они забраковали. А вот сосновый рекомендовали, подкрепляя, кроме того, свое мнение ссылками на голодные времена в Карелии и Швеции» [Гармс, 2011b, с. 36]. Ф.В. Геблер занимался прогрессивным и новым тогда оспопрививанием, в документах медицинской части ГААК часто фигурирует оспенная материя (см., например, Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 153, Ф. 2. Оп. 2. Д. 6851). Гуманный доктор содействовал архимандриту Макарию Глухареву в налаживании работы миссионерской больницы в с. Майма (1837).

Кроме того, Ф.В. Геблер принадлежит к числу крупнейших ученых-энциклопедистов своего времени. Он оставил значительный след в науке сразу в нескольких областях: географии, этнографии, ботанике, зоологии. Блестяще знал французский язык, публиковал работы на немецком, французском языках и латыни.

⁶⁰ Известен такой любопытный факт: «Семья Ф.В. Геблера устраивала балы по случаю получения им орденов Св. Анны и Станислава II степени» [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 91].

Как ботаник он первым описал свойства 50 растений, растущих в ледниковой сфере горы Белухи. К.Ф. Ледебур в работе над своей классической «Флорой Алтая» привлекал гербарии и заметки о растениях Геблера, он и другие современные ему ботаники называли два рода и 17 видов растений именем предшественника [Гармс, 2011b, с. 60]. В 1823 году Ф.В. Геблер передал свой гербарий (1200 видов) в Барнаульский краеведческий музей. Еще одна большая коллекция ученого хранится в Ботаническом институте Академии наук в Москве. Как зоолог он занимался изучением диких и домашних животных, как палеонтолог исследовал пещеры, где было множество ископаемых останков. Как геолог собрал редкую коллекцию минералов, выполнял барометрические и термометрические наблюдения.

Он был неутомимым путешественником сам и способствовал усилению интереса других ученых к исследованию Алтая, формируя его не только среди коллег, но и своих подчиненных. В Государственном архиве Алтайского края сохранились с этим связанные материалы⁶¹.

Геблером «впервые были найдены и описаны истоки Катуня; измерена высота Белухи; подробнейшим образом исследована и описана орография и геология Катунского хребта [Гармс, 2011b, с. 62]. Отчет «Обзор Катунских гор, наивысших вершин Русского Алтая» (Uebersicht des Katunischen Gebirges, der höchsten Spitze des russischen Altai) на немецком языке на 105 страницах был представлен Академии наук и выдвинут ею на соискание Демидовской премии. Это было наиболее значительное достижение в области географии того времени» [Гармс, 2011b, с. 63], как отзывался о нем Г.П. Гельмерсен – академик Петербургской АН и директор Петербургского горного института.

⁶¹ Так, например, документ от 1 июня 1832 г. № 4686 свидетельствует, что коллежский ассессор Бунге по поручению Императорской академии наук и с разрешения кабинета Его императорского величества с июня месяца 1830 г. по 24 апреля 1832 г. находился в командировке при Духовной миссии в Китае, с 24 апреля 1832 г. его необходимо восстановить в должности при Барнаульском госпитале с жалованием 1400 р. (Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 196). В июне 1832 г. А.А. Бунге командирован на 4 месяца в Восточную часть Алтайского хребта «для исследования сей страны по части ботаники и зоологии». Ф.В. Геблер выделяет помощников по сбору коллекций: аптекарского ученика Политова и лекарского ученика Григория Шеретобоева (Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 204). Документ от 20 октября 1832 г. № 9208 приказывает коллежского ассессора доктора Бунге, возвратившегося из Восточной части Алтайского хребта, определить по-прежнему на службу при барнаульском заводе (Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 124). Документ от 1 декабря 1832 г. № 10459, адресованный доктору и советнику и кавалеру Геблеру, повествует о поручении г. доктора Бунге «совершить путешествие в Китай, так и в Алтайские хребты», при этом «он обязан отдать лично отчет о занятиях своих во время их путешествий и расходах» (Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 87). В декабре 1832 г. Ф.В. Геблер награждает коллежского ассессора Бунге производством в надворные советники (Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 291 об.)

Кроме того, Ф.В. Геблер является выдающимся энтомологом Алтая. По мнению О.Я. Гармса, скорее всего увлечение насекомыми произошло уже в барнаульский период жизни ученого «под влиянием доктора Геннинга (Henning), известного энтомолога, с которым Геблер находился в дружеской переписке» [Гармс, 2011b, с. 38]. В 1815 г. он был избран членом Московского общества испытателей природы (МОИП), которое существовало уже десятилетие под руководством профессора Московского университета Фишера фон Вальдгейма» [Гармс, 2011b, с. 40]. Связь с обществом предполагала научные обсуждения открытий, получение специальной литературы и рекомендаций по сбору коллекций. Известно, что в личной библиотеке Ф.В. Геблера хранились книги по энтомологии, к примеру, «Magazine der Entomology» (Galle, 1817, 1821)⁶².

Долгое время энтомология Алтая оставалась *terra incognita* для ученых. В 1764 г. Карл Линней с сожалением писал об отсутствии всяких сведений о насекомых Сибири: «Насекомых я имею почти со всего света, недавно еще прислано мне большое собрание их из Африки с мыса Доброй Надежды, но никакой естествоиспытатель не знаком ни с одним сибирским насекомым» [цит. по: Гармс, 2011b, с. 38]. Лютеранский священник и ученый, проживший пять лет в Барнауле и Змеиногорске, Эрик Густав Лаксман очень быстро откликнулся на призыв. Он собрал первую энтомологическую коллекцию, содержащую 360 видов насекомых, отправил ее из Барнаула в Петербургскую академию наук в 1760-е годы [Гармс, 2011b, с. 38]. Э.Г. Лаксман высказывал намерение «издать на русском языке Сибирскую Энтомологию» [Гармс, 2011b, с. 38]. К сожалению, ученый уехал в столицу, стал академиком Петербургской академии наук (1770), потом вернулся в Сибирь (Иркутск), но не успел осуществить задуманное – написать книгу о насекомых.

⁶²Личная библиотека Ф. Геблера на немецком, французском, русском и латинском языках оцифрована в 2018 г. Новосибирской государственной областной научной библиотекой и расположена по су: <http://elibrary.ngonb.ru/catalog/4368/40145/>. Нас заинтересовали журналы «MagazinederEntomology» (Galle, 1821) // http://poisk.ngonb.ru/flip/kvz/22/4560_Germar%20E.%20F.,%20.%20Magazin%20Entomologie%20-%201821/3/ и «MagazinederEntomology» (Galle, 1817) // http://poisk.ngonb.ru/flip/Gebler/01/3316_19169_%20Magazin%20der%20Entomologie%20Bd.%202%20-%201821/5/, а также Goethe's neue Schriften. Bd. 9 // http://poisk.ngonb.ru/flip/Gebler/01/3172_19175_Goethe%20J.%20W.%20v.,%20Bd.%209.%20Goethe's%20neue%20Schriften%20Bd.%209%20-%201801/.

Вторым ученым-энтомологом Алтая был Петр Иванович Шангин, собравший свою коллекцию.

Необходимо заметить, что в отличие от предшественников, научная работа Ф.В. Геблера отличалась тщательностью и систематическим характером. Он положил начало научному описанию энтомологической фауны, нашел и описал много новых видов жуков и других насекомых. В 1817-18 гг. ученый специально предпринимает поездки в Санкт-Петербург с целью издания трудов по энтомологии, личного знакомства с крупнейшими российскими учеными в этой области. В 1817 г. в записках МОИП «Memoires de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou» был опубликован первый результат его научных трудов «Insecta Sibiriae rariorum» – работа о редких сибирских насекомых⁶³. Обобщающий характер имеет исследование «Замечания о насекомых Сибири, в особенности Алтая»⁶⁴. Ученым была собрана огромная коллекция, содержащая 1401 вид насекомых, впоследствии переданная в организованный при поддержке начальника алтайских заводов П.К. Фролова Краеведческий музей.

«В 1829 г. Московское общество испытателей природы подарило Геблеру “Энтомологию России”, поскольку он принадлежал к самым прилежным собирателям насекомых и обнаружил большое число новых видов» [Гармс, 2011b, с. 48].

Очень многие именитые ученые оставили воспоминания о том, что главный научный интерес Ф.В. Геблера составляли насекомые. Так, например, историк, археолог, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Г.И. Спасский (1783-1864), который с 1810 по 1817 г. служил в горном ведомстве Колывано-Воскресенского округа вместе с Ф.В. Геблером, вспоминает о последнем как о современном ученом, который занимается энтомологией «с особенным тщанием и знаниями» [Гармс, 2011b, с. 88]. А. фон Гумбольдт, останавливающийся в Барнауле 2-4 августа 1829 года в ходе экспедиции по России, дважды посетил Ф.В. Геблера и отозвался о нем как об ученом, «большие энтомологические коллекции которо-

⁶³Геблер, ФёдорВасильевич. Insecta Sibiriae rariora, descripsit = [РедкиенасекомыеСибири, описание] / Fridericus Gebler // Memoires de la Societe [Imperiale] Naturalistes de Moscou. - Moscou, 1817. - Т. 5. - С. 315–333 + Tab. XIV, F. 4, 5. Опис. табл.: с. 464-465 //http://books.e-heritage.ru/book/10086117

⁶⁴Gebler F.W. Observations entomologicae // Memoires de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. 1823. TomeVI.

го я имел возможность видеть в Барнауле» [Гармс, 2011b, с. 54]. «Известный путешественник П.П. Чихачев в 1842 г. писал, что “господину Геблеру принадлежит несомненная заслуга в описании большого количества видов Алтая, в особенности жуков”» [Гармс, 2011b, с. 58].

Кроме того, Ф.В. Геблер был человеком, который щедро делился результатами своего труда и научных экспедиций. Например, цюрихскому академику доктору Освальду Гееру в 1834 г. он отправил коллекцию насекомых, а «...через своего учителя анатомии Юстуса Христиана фон Лодера передал великому немецкому ученому и поэту И.В. Гете обширную коллекцию алтайских минералов» [Камбаров, Сергеев, 1968, с. 56]. Он сам состоял в Йенском обществе минералогии, которое имело членов по всей Европе и создало к 1830 году самую известную минералогическую коллекцию Европы. И в созданном им совместно с П.К Фроловым Краеведческом музее, по свидетельству К. Ледебур, «[в]о втором крыле <...> здания (Краеведческого музея. – *Е.С.*) располагается минералогический кабинет, в котором находятся преимущественно минералы, найденные в Алтайских и Уральских горах и занимающие несколько залов» [Ледебур, 1993, с.148].

Ф.В. Геблер был также членом Императорской академии наук, Русского географического общества, Императорского Московского общества сельского хозяйства (с 1821), Императорского Московского общества естествоиспытателей, Йенского минералогического общества, Парижского общества Кювье, Пражского общества «Лотос», Общества Рейнских натуралистов в Майнце, Энтомологического общества во Франции, Штеттинского Энтомологического общества [ГААК. Ф. 2.Оп. 1. Д. 5377; Ф.2. Оп. 1. Д. 4027 а], [Гармс, 2011b, с. 70].

Таким образом, именно Ф.В. Геблера по праву можно считать родоначальником энтомологического изучения Алтая. Труды и заслуги ученого действительно получили широкое международное признание, поэтому фигура этого ученого как объекта пародии в повести могла заинтересовать Достоевского.

Кроме того, в фигуре энтомолога могли преломиться также черты Александра фон Гумбольта – немецкого ученого-энциклопедиста, естествоиспытателя, путешественника, члена Берлинской академии наук, почетного члена Петербург-

ской академии наук, одного из основателей географии как самостоятельной науки. Александр фон Гумбольдт прославился в составе экспедиции в Южную Америку в 1804 г., где обнаружили 60 000 растений, из которых 6300 – ранее неизвестных видов [AlexandervonHumboldt, URL]. Большая часть его обширного научного наследия (всего 34 тома) – книги in folio (лат. – в целый лист, т.е. самый большой формат книги), в которых рисунки раскрашивались вручную в каждом экземпляре. В 1829 г. А. Гумбольдт совместно со своими спутниками и коллегами, профессорами Х.Г. Эренбергом и Г. Розе предпринял путешествие по Уралу и Сибири по инициативе Министерства финансов Российской империи. Поездка осуществлялась за счет российской казны и имела целью сбор и всестороннюю оценку состояния Колывано-Воскресенских заводов в связи с их передачей в ведомство Министерства финансов. Не случайно, что правительство выбрало А. фон Гумбольдта: немецкий ученый окончил Фрайбергскую горную академию и был крупнейшим географом Европы. Его спутниками были академики РАН Густав Розе (1798-1873) – немецкий минералог и кристаллограф и Х.Г. Эренберг (1795-1876) – естествоиспытатель, путешественник, биолог, профессор медицины в Берлинском университете. А. Гумбольдт специально изменил маршрут и пробыл в Барнауле 2–4 августа 1829 г.⁶⁵.

Г. Розе описал Барнаул следующим образом: «Окрестности города непривлекательны, однако пребывание в нем может быть очень приятным для местного жителя, поскольку здесь, кроме удобств жизни, можно познакомиться со многими образованными людьми, которые сосредоточены здесь из-за горных заводов Алтая. Иностранца интересуют, кроме этого, значительные плавильные заводы, а также частные и государственные коллекции различного рода, которые находятся здесь. Особое внимание обратил на себя в Барнауле музей, единственное в Сибири учреждение, которое обязано своим возникновением научному интересу и дея-

⁶⁵Иную хронологию визита Гумбольдта в Барнаул предлагает сайт Экспедиционного центра Красноярского краевого отделения Русского географического общества. Там указана следующая информация: «по собственному признанию Гумбольдта, «настоящую радость азиатского путешествия нам дал только Алтай». 21 июля Гумбольдт прибывает в Барнаул, по его словам, “один из красивейших городов Западной Сибири”». От него путь лежит мимо живописного Колыванского озера в Змеиногорск, Риддер, Зырянск, Усть-Каменогорскую крепость, а дальше к границе с китайской Джунгарией. Это было благодатное предосеннее время, и природа поразила воображение Гумбольдта» [Александр Фон Гумбольдт, URL]. Вероятно, 21 июля 1829 г. по старому стилю это и есть 2 августа по новому (+12 дней для XIX века).

тельности господина П.К. Фролова, а также доктора Ф. Геблера – немца, работающего уже долгое время врачом в Барнауле. Он сопровождал нас по музею. Из частных коллекций нас особенно заинтересовали естественно-исторические коллекции доктора Геблера, которые этот замечательный и очень активный коллекционер собрал за время своего пребывания в Сибири. Наиболее полной здесь является энтомологическая коллекция...» [цит. по: Гармс, 2011b, с. 51].

Встреча немецкого ученого с Геблером состоялась дважды [Гармс, 2011b, с. 51-52, 85]. Впечатлениями от общения с ученым мировой величины Ф. Геблер поделился в письме президенту Московского общества испытателей природы профессору Фишеру фон Вальдгейму: «Я имею честь сообщить Вам интересную новость, а именно – господин Гумбольдт изменил план своего путешествия и неожиданно почтил нас своим посещением 2 августа в 5 часов утра. Он пробыл здесь три дня и уехал вчера в 11 часов вечера в Змеиногорск. Не могу высказать Вам, как я был счастлив увидеть этого редкостного, любезного и уважаемого ученого! Он дважды почтил меня своим посещением» [цит. по Гармс, 2011b, с. 54]. В этом же письме он просил передать А. фон Гумбольдту, что средняя годовая температура воздуха в Барнауле по его измерениям составляет 1,72 градуса [Гармс, 2011b, с. 54]. Сам А. фон Гумбольдт о Геблере отзывался более сдержанно как об ученом, «большие энтомологические коллекции которого я имел возможность видеть в Барнауле» [цит. по: Гармс, 2011b, с. 54].

В России А. Гумбольдт собрал множество геологических, географических и биологических знаний. В научных трудах по Центральной Азии он опирался на исследования Геблера как авторитетного специалиста в области минералогии, геологии и истории формирования земной коры.

Так, удивительным образом оказалось, что линия А. фон Гумбольдта тоже ведет к Ф.В. Геблеру. Этот переселившийся на Алтай немецкий ученый оказался причастным к двум титанам науки – И.В. Гете и А. фон Гумбольдту, а Достоевский мог узнать о нем из уст друга.

Достоверно известно, что в процессе дружеского общения П.П. Семенов делился юмористическими случаями из жизни, рассказывал анекдотические проис-

шествия о своем путешествии, чтобы развеселить приятеля. Одно из них, в духе гоголевского «Ревизора», попало позднее в его мемуары: «...перед моим приездом в Копал пронёсся слух, что едет из Петербурга ревизор, который обращает особое внимание на растущие везде травы и деревья, почему и называется “министром ботаники”. Слух этот был основан на том, что я был назван в открытом листе, данном мне Русским Географическим обществом, магистром ботаники, и ещё более укрепился тем, что Абакумов после моего первого посещения Копала сделал распоряжение, впоследствии вполне удавшееся, чтобы пикеты обсаживались деревьями...» [Семенов–Тянь-Шанский, 2018, с. 55]. Путаница в терминах **магистр** – **министр** для пугливых сибирских чиновников весьма знакова.

Другой из таких анекдотических историй мог стать случай из научной жизни и барнаульской практики Ф. Геблера, когда ему предписано было изучить, описать и упаковать червей для их дальнейшего путешествия в Петербург к министру внутренних дел. Вполне закономерно, что Алтайское горное правление за помощью в определении вредителя озимых культур обратилось именно к Геблеру.

Архивные источники подтверждают, что в 1842 г. енисейский земский управитель представлял в Алтайское горное правление червей, появившихся в Бийской волости на полях в земле глубиною на один вершок и причинявших вред озимым хлебам и травам путем «подъедания» корней растений. В Государственном архиве Алтайского края сохранилась переписка Кабинета с доктором господином статским советником и кавалером Ф.В. Геблером о необходимости описания, сохранения и предоставления в «надлежащей укупорке» червей через господина томского губернатора в Санкт-Петербург министру внутренних дел (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6851. Л. 192-194).

Алтайское горное правление
11 отделение 1 стол
1 декабря 1842 года
№ 6472

Инспектору медицинской части
доктору господину статскому
советнику и кавалеру Геблеру

Енисейский земской управитель при рапорте от 27 августа сего года представлял в горное правление червей, появившихся в Бийской волости в некоторых селениях на полях глубиною в земле на один вершок, которые подъедали кругами в земле корень трав и частью озимых хлебов, но как о свойстве и роде червей, как они именуются по системе натуральной истории, равно в какое время появились на полях и о прочем, он управитель в рапорте не объяснил, то Алтайское горное правление полученных от него червей препроводил к Вашему Высокоблагородию и просило сделать описание и притом распорядится о сохранности их, дабы они могли быть в надлежащем виде

доставлены в Санкт-Петербург, которые при получения от Вашего высокоблагородия с описанием представлены чрез господина Томского гражданского губернатора к Министру Внутренних дел; а от Енисейского Земского управителя в пояснение рапорта требуется подробное сведение относительно появления червей и о прочем <...> о времени прекращения вреда озими и травам донесено будет особо требуемым пояснениям, живыми они будут при выкопани из замершей земли или изгибшие.

Енисейский земской управитель 26 ноября доносит, что по закрытии полей снегом и замерзении на поверхности земли в разных селениях той волости, он управитель лично на засеянных полях озимых хлебом, осматривал места подъяденного червем корня, а также и трав, нашел, что тот червь гнездится с поверхности в незамерзшей еще земле, глубина на две четверти, и оказался живым, глубже же этого в земле его не найдено, собрав нескольких таковых червей, представляет в Горное правление, почему Алтайское горное правление полученных вновь от Енисейского земского управителя червей, препровождая к вашему высокоблагородию просит сообразить по описанию прежних червей, того они вида, величины и свойства окажутся; ежели другого вида и свойства, то сделать им описание, и притом не оставить под надзором своим распорядится на сохранение их в таком виде, как признается удобным, дабы они в лучшей сохранности могли быть доставлены в Санкт-Петербург, для чего в надлежащей укупорке с описанием представить в Горное Правление.

(ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6851. Л. 192-194)

Фотокопии архивных документов находятся в Приложении 7.

Как видно из архивных документов, дело «О преповождении червей для описания» в Санкт-Петербург тянулось достаточно долго: с 27 августа до 1 декабря 1842 г. и, возможно, получило широкую огласку в силу его необычности и юмористичности содержания. Земскому управителю необходимо было описать глубину обитания и время прекращения вреда озими и травам по климатическим условиям, барнаульскому доктору Фридриху Августу Геблеру предстояло понять «свойство и род червей», позаботиться о «надлежащей укупорке», «распорядиться о сохранности их, дабы они могли быть в надлежащем виде доставлены в Санкт-Петербург» через «Господина Томского гражданского губернатора» Министру внутренних дел.

По мнению Григория Яковлевича Стецова⁶⁶, высказанному автору в частной консультации, описываемые в архивных документах вредители озимых культур и трав – это подгрызающие совки. Иногда их даже называют сибирской саранчой, настолько они вредоносны. Рожек у них нет, но задние ноги можно при определенной фантазии назвать рожками. С точки зрения современной систематики, озимая совка (*Agrotis segetum*) относится к семейству чешуекрылых, распространена в Европейской части России до полярного круга, на Северном Кавказе, в Приуралье, на юге Сибири и Дальнего Востока [Подгрызающие совки, URL].

⁶⁶Григорий Яковлевич Стецов – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры ботаники биологического факультета Алтайского государственного университета.

Подгрызающие совки. Фото из сети Интернет
Гусеница капустной совки. Источник: www.lepiforum.de

Необходимо подчеркнуть, что в XIX в. вопросы безопасности урожая решались на государственном уровне. Алтайское горное правление уделяло большое внимание освоению Сибири, развитию агропромышленного комплекса, относилось с большим вниманием к вредителям, которые могли помешать выращиванию трав и озими.

Важно, что Достоевского, вероятно через П.П. Семенова, могло заинтересовать дело «О преповождении червей для описания» в Санкт-Петербург с привлечением врача, земского управителя, томского гражданского губернатора и министра. Представляется возможным, что оно показалось писателю забавным и стало для него юмористическим символом Алтая. Однако кажется более верным, что Достоевский имеет в виду не известную ему со слов П.П. Семенова популярную городскую байку о червях, а вполне определенный научный источник, послуживший объектом криптопародии писателя.

Вернемся еще раз к тексту повести «Дядюшкин сон»: «один немецкий ученый, нарочно приезжавший из Карльсруэ исследовать **особенный род червячка с рожками**, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома in quarto⁶⁷, так был обворожен приемом и любезностью Марьи Александровны, что до сих пор ведет с ней почтительную и нравственную переписку из самого Карльсруэ» (2; 297).

Как мы показали, трое ученых-энциклопедистов: А. фон Гумбольдт, Ф.В. Геблер и П.П. Семенов, приезжавшие с научными целями в Барнаул, могли послужить прототипами образа ученого-энтомолога из Германии. Необходимо учитывать, что любой сатирический образ создается путем обобщения, всегда

⁶⁷ Лат. – в одну четверть листа.

имеет полигенетическую природу, отсылая не к одному, а сразу к нескольким прототипам. В процессе творческого обобщения происходит ироническая деформация прототипа(ов), но, тем не менее, даже пародийное сходство оставляет возможность разгадывания с большой степенью достоверности. Поэтому логично допустить, что в сатирическом образе безымянного немецкого ученого могли отразиться черты и других исследователей Алтая, хотя, более вероятно, что доминантой образа биолога стал Ф.В. Геблер. Он единственный отвечает всем признакам образа: немецкое происхождение, родоначальник систематической энтомологии на Алтае, предпринимал специальные поездки в столицы для публикации научных трудов, вел обширную переписку⁶⁸, издал две работы о насекомых: «*Insecta Sibiriae rariora, descripsit*» (=Редкие насекомые Сибири, описание. – *E.C.*) и «Замечания о насекомых Сибири, в особенности Алтая».

В ходе научных бесед с Семеновым, посещения Краеведческого музея могло состояться знакомства писателя и с самой работой Ф.В. Геблера «*Insecta Sibiriae rariora, descripsit*»⁶⁹ (в книге описано 10 видов). Более того, предполагаем, что объектом пародии Достоевского может выступать насекомое под названием *Leptura altaica*. Его описание под № 8 на латинском языке расположено на с. 331-332.

8. *Leptura altaica*.

Thorace obconico, elytris attenuatis nigra, thorace medio, elytris, abdominis segmentis pedibusque rubris.

Descriptio.

Habitus et magnitudo L. thoracicae.

Caput collo distincto, magnum, latum, ovale, medio canaliculatum, nigrum, punctatum, subnitidum, cinereo-pubescentis; oculi glauci. Antennae elongatae, articulis duobus primis basi nigris, apice rubris, tertio et quarto totis rubris, quinto basi rubro, apice nigro, ultimis nigris.

Thorax obconicus, lateribus non dilatatus, linea media laevi, punctatus, ruber, cinereo pubescens, margine antico et postico subreflexis, nigris.

Scutellum triangulare, acutum, nigrum.

Elytra thorace latiora et fere quadruplo longiora, humero prominulo, ad apicem versus sensim attenuata, apice emarginata, tenuiter punctata, rubra, subnitida, fuivo-pubescentia. Alae basi rubescentes.

Subtus totum corpus tenuiter fulvo – pubescens, capite pectore abdominisque basi nigris, segmentis rubris. Pedes cursorii, rubri, postici elongati.

⁶⁸Ф.В. Геблер вел переписку, которая могла поразить воображение и не только почтмейстера провинциального города: с университетским профессором Ю.К. Лодером, доктором И.Я. Геннингом, К.Г. Маннергеймом, О.Е. Коцебу, П. Дежаном, с директором зоологического музея Академии наук в Петербурге академиком И.Ф. Брандтом, с профессором Московского университета Ф. фон Вальдгеймом, с берлинским зоологом Б. Клюге, цюрихском академиком доктором О. Геером, И.И. Эшшольцем, с ботаниками К. Ледебуром и с его спутниками А.А. Бунге и К. Майером [Гармс, 2011 в, с. 48, 79].

⁶⁹Геблер, Фёдор Васильевич. *Insecta Sibiriae rariora, descripsit* = [Редкие насекомые Сибири, описание] / Fridericus Gebler // *Memoires de la Societe [Imperiale] Natura list es de Moscou*. - Moscou, 1817. Т. 5. С. 315–333 + Tab. XIV, F. 4, 5. – Опис. табл.: с. 464-465 // <http://books.e-heritage.ru/book/10086117>

Habitat circa Barnaul rarissima.

Перевод:

8. *Leptura altaica*.

Грудь обратноконическая, надкрылья утонченные, черные; середина груди, надкрылья, сегменты брюшка и конечности красные.

Описание.

Облик и размеры как у *Lepturathoracicae*.

Голова с отчетливой шейкой, большая, широкая, яйцевидная, в середине желобчатая, черная, покрытая точками, слегка блестящая, серо-опушенная; глаза серо-голубые. Усики удлинённые, первые два членика с черным основанием, на верхушке красные; третий и четвертый полностью красные; пятый в основании красный, на верхушке черный; последний черный.

Грудь обратноконическая, по бокам не расширенная, центральная линия гладкая, точечная, красная, серо-опушенная; по краю спереди и сзади слегка загнутая, черная.

Заднеспинка треугольная, острая, черная.

Надкрылья шире груди и почти в четыре раза длиннее, с выдающимися вперёд плечами⁷⁰, слегка сужающиеся к выемчатой верхушке, мелко-точечные, красные, слегка блестящие, желто-опушенные. Крылья в основании красноватые.

Всё тело с нижней стороны желто-опушенное; голова, грудь и брюшко с черным основанием, сегменты красные. Ноги (конечности) беговые, красные, задние удлинённые.

Обитает около Барнаула, очень редкий.

В работе дается описание взрослой особи жука *Leptura altaica*. В современной систематике это насекомое относится к классу Insecta → подклассу Pterygota → инфраклассу Neoptera → надотряду Holometabola → отряду Coleoptera → подотряду Polyphaga → инфраотряду Cucujiformia → надсемейству Chrysomeloidea → семейству Cerambycidae → подсемейству Lepturinae → трибе Lepturini → роду *Macroleptura* → виду *Macroleptura thoracica* [*Macroleptura thoracica*, URL].

Крупнейшая информационная система по биоразнообразию (Global Biodiversity Information Facility, сокращенно – GBIF.org) содержит данные о находках видов и имеет более миллиарда записей. В этой системе есть информация о *Leptura altaica* Gebler, 1817 (Classification : Animalia Arthropoda Insecta Coleoptera Cerambycidae Leptura) и *Leptura altaica* Gebler, 1830 (Classification : Animalia Arthropoda Insecta Coleoptera Cerambycidae Leptura) [<https://www.gbif.org/search?q=leptura%20altaica>]. Портал фиксирует алтайский ареал этого насекомого и фамилию автора первоописания.

Синонимами и родовыми комбинациями описанного барнаульским ученым насекомом *Leptura altaica* Gebler, 1817 = *Leptura altaica* Gebler, 1830 [sic] являются

⁷⁰ Не совсем понятно, что за деталь строения – прим. переводчика А.Л. Эбеля, д-ра. биол. наук, профессора Томского государственного университета.

Leptura thoracica Creuzer, 1799 (Illiger, 1805; Bense, 1995) = *Strangalia thoracica* Mulsant, 1863 = *Leptura (Stenura) thoracica* Ganglbauer, 1882 (Bates, 1884) = *Leptura (Strangalia) thoracica* Heyden, 1893 = *Leptura (Strangalia) thoracica* var. *obscurissima* Pic, 1900 = *Strangalia (Strangalia) thoracica* Aurivillius, 1912 [catalogue] = *Leptura (Leptura) thoracica* Gressitt, 1951 = *Macroleptura thoracica* Nakane & Ohbayashi, 1957 (Sama, 2002 ; Wang, 2003 ; Sláma, 2006 ; Ohbayashi & Niisato, 2007 ; Sama et al., 2008) = *Leptura (Megaleptura) thoracica* Kusama, 1973 = *Megaleptura thoracica* Hayashi, 1980 [*Macroleptura thoracica*, URL].

Macroleptura thoracica (Creutzer, 1799)
<http://insecta.pro/ru/taxonomy/173121>

Современный сибирский энтомолог В.Г. Шиленков отмечает большой вклад Геблера в науку: «Барнаульский врач Ф.А. Геблер интенсивно изучал жуков южной Сибири и северо-восточного Казахстана» [Шиленков, 1996, с. 4]. К сожалению, его обширная энтомологическая коллекция в 1401 экземпляр, подаренная ученым Краеведческому музею, ныне утрачена. Можно допустить, что Достоевский мог видеть это насекомое в коллекции Геблера в Краеведческом музее.

Как известно, насекомое в своем развитии с полным превращением проходит четыре стадии: яйцо – личинка – куколка – имаго (бабочка или жук) в зависимости от принадлежности к отряду [Биология развития насекомых, URL]. Поэтому червеобразная личинка для непосвященного в тайны энтомологии вполне похожа на необычного «червячка с рожками».

Скорее всего, Достоевский неглубоко вникал в подробности научной систематики насекомых и специфики энтомофауны Сибири: сам объект научного изучения казался забавным, и писателю важно было обыграть ситуацию его изучения как анекдотическую («Один немецкий ученый, нарочно приехавший из Карльсруэ исследовать **особенный род червячка с рожками**, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома» – 2: 297).

Достоевский пишет не научный труд, где важна родовидовая систематика и точность, а комическое художественное произведение, следовательно, объект изображения значительно снижается, подвергается комическому обыгрыванию: «особенный род червячка с рожками».

Важно указать, что Достоевским в этом предложении используется наречие **нарочно**, имеющее в словарях помету *разг.* и употребляющееся в значении «специально». Комический образ создается именно на столкновении серьезного – ученый-энтомолог из Германии – и описания предмета его изучения в игровом варианте. Предмет научного изучения биолога назван не традиционно, по латыни, а с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса -ок: «особенный род червячка с рожками», чтобы усилить игровой и юмористический характер образа. Следует уточнить, что в научной систематике правильнее было бы употребить слово вид, а не род.

Ф.М. Достоевский хорошо знал, но не любил латынь, поскольку будущему писателю и его брату Михаилу язык преподавал отец-медик, который был очень требовательным учителем. По воспоминаниям младшего брата Андрея Михайловича, осенью-зимой 1834 г., «...братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят, бывало, как истуканчики, склоняя по очереди <...> или спрягая <...> Братья очень боялись этих уроков, происходивших всегда по вечерам. Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное, очень вспыльчив» [Достоевский в воспоминаниях..., 1990, Т. 1, с. 81-82].

Так как автор создает не научное произведение, а комическую повесть, упоминание научного названия на латыни было бы неуместно и слишком прозрачно

отсылало бы к прототипу ученого-энтомолога. Латинское наименование насекомого *Leptura altaica* можно было бы рассматривать как языковую игру, параграмму – «лекарь Алтая», поскольку В.Ф. Геблера называли «народным доктором». Но Ф.М. Достоевский решил оставить лишь косвенный намек, употребив на латыни словосочетание о размере книги: немецкий ученый, «написавший об этом червячке четыре тома in quarto». Типографский термин in quarto означает в одну четверть листа (лат.), т.е. книгу размером 24,15*30,5 см, на одном листе которой помещалось 4 листа (8 страниц). Выражение является гиперболой, отсылая к размеру журнала «Memoires de la Societe [Imperiale] Natura listesde Moscou», в котором была опубликована работа Геблера «Insecta Sibiriae rariora, descripsit», содержащая описание 10 видов насекомых Алтая. Настоящий размер, насколько нам известно, несколько меньше: 27 x 21,5 см⁷¹.

Иронический образ был для писателя метафорой, за которой «прячутся» обитатели Мордасова: «всякий провинциал живет как будто под стеклянным колпаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть от своих почтенных сограждан. Вас знают наизусть, знают даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинциал уже по натуре своей, кажется, должен бы быть психологом и сердцеведом. Вот почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встречая в провинции вместо психологов и сердцеведов чрезвычайно много ослов. Но это в сторону; это мысль лишняя» (2; 336). Так пародийно сближаются объект изучения ученого-энтомолога, летописца-писателя-психолога и провинциального обывателя. Достоевским тонко и иронично обыграно сходство методики исследования. Биологу требуется сачок, микроскоп и иголка для фиксации объекта рассмотрения. Писателю необходимо выбрать объект, который станет прототипом, тщательно изучить, добавить фантазии и описать с помощью пера и бумаги. Также ведут себя и провинциальные сплетники, выбирая жертву, «накалывая» ее на язычок и делая предметом тщательного анализа. Так, в гротескном виде автор изображает, как в провинции жизнь других изучается, словно под микроскопом –

⁷¹ Данные почерпнуты на основании сайта онлайн-магазина «Антикварные книги» // <http://antiquebooks.ru/book.php?book=21403>

«как будто под стеклянным колпаком» (2; 296). Безусловно, это автопсихологический мотив: среди провинциалов великий психолог чувствовал себя объектом постоянного наблюдения. Кроме того, эвфемизм намекает на личные обстоятельства ссылки писателя, находящегося под постоянным негласным надзором полиции.

«Особенный род червячка с рожками» расценен нами не только как метафора, но и как аллегория или даже гротеск, понятный только узкому кругу посвященных (А.Е. Врангель, П.П. Семенов, В.П. Демчинский).

Во-первых, Достоевский, упоминая в повести «особенный род червячка с рожками», стремился подчеркнуть провинциальность и намекнуть на склонность к сплетням как отличительную черту жителей Мордасова, ярко демонстрируя уровень их духовных интересов. Поневоле вспоминается удивительно точно найденная характеристика Барнаула, данная Достоевским в письме А.Е. Врангелю от 21 декабря 1856 г.: *хлопотливый* город, и сколько в нём сплетен и доморощенных Галейранов!» (28-1; 252).

Во-вторых, отмеченный в повести «особенный род червячка с рожками» вне зависимости от того, какой вид имел в виду писатель (подгрызающие совки, *Leptura altaica*), относится к вредителям. *Leptura altaica* питается березовой корой, подгрызающие совки относятся к полифагам (*греч.* poly – много + ... phagos – пожирающий), то есть всеядным⁷². У слова полифаг есть переносное значение – обжора. Ср. разговорное выражение «заморить червячка» – «перекусить на голоду» [Даль, 1882. Т. 4. с. 607].

Это значение в переносном смысле отражено в словах героини повести Марьи Александровны, характеризующей князю К. местное общество: «<...>вы совершенно не знаете здешнего общества, совершенно не знаете! Ведь это только одна выставка своих небывалых достоинств, своих благородных чувств, одна комедия, одна наружная **золотая кора**. Приподымите эту кору, и вы увидите **целый ад** под цветами, **целое осиное гнездо**, где **вас съедят** и косточек не оставят!» (2;

⁷² В «Словаре иностранных слов» указано: полифаг (гр. poly – много, phagos – пожирающий) – «животное, питающееся разнообразной пищей». Ср. однокорневое полифагия (гр. phagein – есть) – «чрезмерное потребление пищи, обусловленное усиленными процессами усвоения питательных веществ (напр., в период роста организма или выздоровления после острых инфекционных заболеваний); иногда признак нек-рых болезней...» [Словарь иностранных слов, 1990, с. 399].

341). Здесь автор акцентирует главные характеристики жителей Мордасова – склонность к сплетням, лицемерие, тщеславие.

В-третьих, эвфемизм названия насекомого является тонкой и едкой пародией на паразитарный характер существования чиновников, на процветающее в Колывано-Воскресенских заводах взяточничество, в более обнаженной форме представленное в других местах повести (бывшая служба мужа Москалевой Афанасия Матвеича, «другие доходы» и т.д.). Понятно, что писатель, отбывающий бессрочную службу в Семипалатинске рядовым солдатом, ведущий борьбу за возвращение права печататься и мечтающий о переводе в Барнаул, чья судьба напрямую зависела и от алтайских чиновников, мог позволить себе только криптопародию в очень завуалированной форме анимистической метафоры. Поэтому он создает сатирический образ, наглядно иллюстрирующий масштаб интересов и целей, понятный только ближайшему окружению преданных друзей. В более откровенной форме он скажет об этом в «Записках из Мертвого дома» после решения вопроса о переезде и возвращении права на публикацию произведений: «Вообще в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло. Люди живут простые, нелиберальные; порядки старые, крепкие, веками освященные. Чиновники, по справедливости играющие роль сибирского дворянства, – или туземцы, закоренелые сибиряки, или наезжие из России, большею частью из столиц, прельщенные выдаваемым не в зачет окладом жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами в будущем. Из них умеющие разрешать загадку жизни почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются. Впоследствии они приносят богатые и сладкие плоды» (4; 5).

Резюмируя, отметим, что в повести «Дядюшкин сон» Достоевский иронично обыграл образ немецкого ученого-чудака, который специально приехал в Сибирь с научной целью. Писатель избирает объектом пародии энтомолога, который написал работу об «особенном роде червячка с рожками»⁷³. В процессе анализа

⁷³К сожалению, не сохранились ни рукописи первоначального комического романа, ни черновики повести «Дядюшкин сон». А ведь они могли бы содержать рисунки (как это зачастую бывает в других рукописях писателя), которые сделали бы нашу гипотезу более аргументированной. По наблюдению К.А. Баршта, «идеографические знаки в рукописях писателя – такая же неотъемлемая и существенная часть его творческих записей, как

выяснилось, что сатирический образ имеет полигенетическую природу: прототипами ученого можно назвать Ф. Геблера, А. фон Гумбольдта и П.П. Семенова, которые оставили значительный след в зоологии и посещали Барнаул. Пробразом необычного насекомого могла стать личинка *Leptura altaica* – очень редкого жука семейства усачей или дровосеков, который обитал в окрестностях города. С личностью Геблера связана и история о подгрызающих совках, гусеница которой могла напоминать «червячка с рожками». Использование писателем эффемизма названия насекомого подчеркивает отличительные черты обитателей Мордасова: провинциальность и склонность к сплетням, – ярко демонстрируя уровень духовных интересов «жуков-усачей», которых интересует по преимуществу «золотая кора» (намек на добычу золота в Колывано-Воскресенских заводах), а также указывает на паразитарный характер существования чиновников и процветающее взяточничество. Достоевский легко и иронично обыгрывает факты и городские предания, однозначно отсылающие к Барнаулу. Так глубокий анализ гротескного образа ученого из Германии не только отсылает к описанию энтомофауны Сибири и истории Алтая, но и приоткрывает занавес творческой лаборатории писателя, показывая путь от частного образа к аналогиям, параллелям и философским обобщениям.

Важно и то, что помимо автобиографического и автопсихологического контекста, «особенный род червячка с рожками» включается писателем в широкую литературную и культурную парадигму, прежде всего отсылая к философской поэме⁷⁴ И.В. Гете «Фауст». Для жизни и творчества немецкого писателя и ученого было важно синтезировать научное, художественное и философское познание. «Сам Гёте был весь проникнут – многократно и многокрасочно это высказывал – сознанием нераздельности и близости художественного и естественнонаучного творчества. Это был натуралист-художник, который отражал свою научную рабо-

и вербальные тексты» [Баршт, 2015, с. 78]. Рисунки имели автокоммуникативный характер, были катализатором творческого процесса Достоевского.

⁷⁴Вопрос о жанре произведения Гете является дискуссионным. Несмотря на авторское определение текста как трагедии, очевидно, что жанр произведения является синтетичным, сочетающим в себе признаки трагедии, религиозно-философской драмы, мистерии, эпической поэмы и т.д.

ту в своем художественном творчестве и ясно сознавал неразрывность художественного и научного охвата „природы“» [Вернадский, 1988, с. 228].

С одной стороны, «червячок с рожками» может коррелировать с таким типом лжеученого, как Вагнер, над которым иронизирует Фауст – «Ничтожный **червь** сухой науки!» [Гете, 2003, с. 138]. Более развернуто та же мысль выражена в характеристике коллеги:

*Он всё надеется! Без скуки безотрадной
Копается в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной –
И рад, когда **червей** находит дождевых!* [Гете, 2003, с. 141].

Вагнер – ученый, занимающийся только количественным, а не качественным приращением знания и не способен узреть истину, как не способен и создать что-то принципиально новое. Единственное его детище – homunculus – жалкая пародия на homo maximus. Химический человечек зовет Мефистофеля своим брательником, он оказывается неполноценным, недоовоплощенным плодом человеческого ума и дьявольского промысла. Так И.В. Гете сатирически развенчивает жалкие и ничтожные притязания человеческого ума в соревновании с природой.

С другой стороны, И.В. Гете использует слово **червь** и для обозначения человека вообще, наделенного искрой небесного огня, но прозябающего в бренном мире:

*Да, отрезвился я – не равен я богам!
Пора сказать 'прости' безумным тем мечтам!
Во прахе я лежу, как жалкий **червь**, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый* [Гете, 2003, с.142].

Червь – это метафора тела в отличие от Психеи – огненной души. Более развернуто характеристика человечества дана в словах Мефистофеля в «Прологе на небесах»:

*Смешной божок земли, всегда, во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовёт он: свойство это*

*Он на одно лишь смог употребить –
Чтоб из скотов скотиной быть!* [Гете, 2003, с.129].

(Ср. параллель у Достоевского город – Мордасов)

Наделенный божественным разумом и высшим предназначением, человек «Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,/ Как **червь** презренный и ничтожный!» [Гете, 2003, с.137].

Высокие устремления духа лучших представителей человечества ограничены физической оболочкой вечно страдающего тела:

Туда готов лететь я – в новый мир.

О наслажденье жизнью неземною!

*Ты стоишь ли его, ты, жалкий **червь** земли?* [Гете, 2003, с. 144].

Наконец, И.В. Гете использует слово червь для описания самого Мефистофеля, обращаясь к Богу с просьбой о наказании злого духа за страдания Маргариты:

«О дух бесконечный!

*Преврати его, преврати **червя** этого в его собачий образ, который он так часто принимал ночью, бегая предо мною, вертясь под ногами беззаботного путника и бросаясь на плечи, чтобы увлечь падающего. Преврати его в этот излюбленный им образ, чтобы он пресмыкался предо мной по земле, чтоб я мог ногами топтать его отверженного»* [Гете, 2003, с.294-295].

В оригинале И.В. Гете девятикратно использует лексему **der Wurm**, играя с разными значениями: червяк, личинка насекомого и поэтич. змий [Мультитран, URL]. Слово восходит к общему прагерманскому корню wurm и означает «змий», «дьявол».

Таким образом, возможность послойного, сканирующего анализа гротескного образа немецкого ученого-энтомолога открывает неизвестные страницы истории Алтая. Стремясь возобновить литературную карьеру («шутя начал комедию»– 28-1; 209) Достоевский с легкостью обыгрывает городские байки о червячках, отсылающие к Барнаулу как криптотопосу. По гипотезе, выдвинутой на основании комплексного анализа сибирского окружения Достоевского, творческой истории повести доминантной образа энтомолога является Ф.В. Геблер. Не называя имен в качестве объекта пародии, возможно, со слов П.П. Семенова, писатель избирает объектом пародии обитающее в окрестностях Барнаула очень редкое по численности насекомое и его исследователя, и выходит от частного образа к философским обобщениям. Платон предложил знаменитую метафору человека как «петуха без перьев». В повести «Дядюшкин сон» человеку предопределен гораздо бо-

лее трагичный удел существования. «Особенный род червячка с рожками» – это гротескное, восходящее к И.В. Гете обозначение человека, потерявшего духовный стержень. Но одержимый нечистой силой человек (рога – атрибут дьявола) у Достоевского сатирически снижен, уподоблен беспозвоночным. В пространстве культуры Ф.В. Геблер – И.В. Гете – А. фон Гумбольдт – П.П. Семенов – Ф.М. Достоевский оказываются незримо связанными.

В дальнейшем эпистолярном и художественном творчестве Достоевского лексемы **червь**, **червяк**, **червячок** встретятся неоднократно. Если быть точнее, по данным «Статистического словаря языка Достоевского», лексема **червь** употреблена в творчестве Достоевского 11 раз: 9 – в художественных произведениях, 1 – в публицистике, 1 – в письмах [Шайкевич, 2003, с. 492]. Лексема **червяк** встречается только в художественных произведениях – 9, **червячок** – 11 в литературных произведениях, 6 – в публицистике и 5 – в письмах [Шайкевич, 2003, с. 492]. Без сомнения, Достоевский здесь опирался не только на сибирский, а точнее, алтайский опыт «прикосновения» к энтомологии, но наследовал обширнейшую религиозную, литературно-философскую традицию осмысления человека как «земляного червя». Н.А. Тарасова справедливо отмечает, что «[с]равнение «человек – червь» имеет библейские (ветхозаветные) источники: «Тем менее человек, который есть червь...» (Иов. 25:6); «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе» (Пс. 21:7, см. также: Ис. 41:14). Метафора получила широкое распространение в русской литературе и встречается, к примеру, в текстах Г.Р. Державина («Я царь – я раб – я червь – я Бог!» – ода «Бог», 1784), Н. М. Карамзина («И в темницу преисподню / Засадите вы его. / Пусть гниет там понемногу, / И умрет, как бедный червь!» – «Граф Гваринос», 1789), А.С. Пушкина («Несносен мне твой ропот дерзкий, / Ты червь земли, не сын небес...» – «Поэт и толпа», 1829), М.Ю. Лермонтова («...не жди пощады; / Как червь, к душе твоей / Я прилеплюсь, и каждый миг отрады / Несносен будет ей...» – «Настанет день – и миром осужденный», 1831, опубл. в 1859), Н.В. Гоголя («незначащий червь мира сего» – слова Чичикова о себе в «Мертвых душах»; ср. в Библии: «князь мира сего», о сатане – Ин. 12:31), Л.Н. Толстого («...и я, ничтожный червяк, уже осквер-

ненный всеми мелкими, бедными людскими страстями» – «Юность», 1855–1856, гл. XXXII), И.С. Тургенева (умирающий Базаров о себе: «червяк полураздавленный, а еще топорщится» – «Отцы и дети», 1860-1861, опубл. в 1862) и других авторов [Тарасова, 2019, с. 94-95]⁷⁵.

В письме к своему пасынку от 29 февраля 1864 г. Достоевский акцентирует важность самореализации в социуме: «Еще раз говорю тебе, Паша, старайся о себе. Не сделай так, чтоб я наконец рукой на тебя махнул. Пропадешь как **червь**. Ведь ты в 17 лет сложения еще не знаешь и даже хвалишься, что у тебя тупые способности (из фанфаронства). Плохо это, брат. Еще немного, и ведь на меня же падет срам из-за тебя» (28-2; 67).

Лексема **червь, червяк, червячок** в последующем творчестве Достоевского употребляется не в биологическом, а скорее, в метафорическом значении. При этом реализуется весь спектр возможных значений, обозначенный в гётевской поэме.

Во-первых, лексема используется по отношению к собеседнику с целью оскорбления, унижения личности собеседника, констатации разницы социального положения. Так, в «Записках из Мертвого дома» майор Кривцов самоутверждается перед заключенными: «Понимаешь ли ты, что я, я, твой начальник, призвал тебя с тем, чтоб просить у тебя прощения! Чувствуешь ли ты это? Кто *ты* передо мной? **червяк!** меньше **червяка:** ты арестант! а я – божьею милостью майор. Майор! понимаешь ли ты это?» (4; 218). В романе «Идиот» Лебедев рассказывает о себе: «И вот за эту-то минуточку ей, может, господь и простит, ибо дальше этого мизера с человеческою душой вообразить невозможно. Ты знаешь ли, что значит слово 40 мизер? Ну, так вот он самый мизер и есть. От этого графининового крика, об одной минуточке, я как прочитал, у меня точно сердце захватило щипцами. И что тебе в том, **червяк,** что я, ложась на ночь спать, на молитве вздумал ее, грешницу великую, помянуть» (8; 164). В более оскорбительной форме в этом же романе генерал Иволгин в состоянии аффекта называет умирающего Ипполита

⁷⁵ См. подробнее: Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX веков / отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. С. 341–343.

червем, лишенным целостности: «Это винт! – кричал генерал, – он сверлит мою душу и сердце! Он хочет, чтоб я атеизму поверил! Знай, молокосос, что еще ты не родился, а я уже был осыпан почестями; а ты только завистливый **червь**, перерванный надвое, с кашлем... и умирающий от злобы и от неверия... И зачем тебя Гаврила перевел сюда? Все на меня, от чужих до родного сына!» (8; 395).

Во-вторых, лексема **червяк** в творчестве используется в целях самоуничтожения говорящего и, напротив, возвышения собеседника. Так, в романе «Село Степанчиково и его обитатели» Видоплясов характеризует социальную и интеллектуальную пропасть между собою и своим учителем и покровителем: «– Это точно-с, – перебил Видоплясов, – что Фома Фомич мои истинные благодетели-с, и, бывши истинные мне благодетели, они меня вразумили моему ничтожеству, каков я есмь **червяк** на земле, так что чрез них я в первый раз свою судьбу предузнал-с» (3; 103). В шестой главе романа «Игрок» Алексей Иванович, описывая свою ссору с бароном Вурмергельмом генералу, утверждает свое право быть человеком со своим мнением и чувством собственного достоинства: «Мне еще в Берлине запало в ухо беспрерывно повторяемое ко всякому слову "ja wohl", которое они так отвратительно протягивают. Когда я встретился с ним в аллее, мне вдруг это "ja wohl", не знаю почему, вскочило на память, ну и подействовало на меня раздражительно... Да к тому же баронесса вот уж три раза, встречаясь со мною, имеет обыкновение идти прямо на меня, как будто бы я был **червяк**, которого можно ногою давить. Согласитесь, я тоже могу иметь свое самолюбие» (5; 236). В «Записках из подполья» Парадоксалист исповедуется Лизе так, стремясь вызывать сочувствие и жалость: «Да, – ты, одна ты за всё это ответить должна, потому что ты так подвернулась, потому что я мерзавец, потому что я самый гадкий, самый смешной, самый мелочной, самый глупый, самый завистливый из всех на земле **червяков**, которые вовсе не лучше меня, но которые, черт знает отчего, никогда не конфузятся; а вот я так всю жизнь от всякой гниды буду щелчки получать – и это моя черта!» (5; 174). В романе «Бесы» капитан Лебядкин произносит фразу, в которой очевидно влияние и И.В. Гете, и Г.Р. Державина: «Николай Всеволодович, я раб, я **червь**, но не бог, тем только и отличаюсь от Державина. Но ведь средства-то,

средства-то мои каковы! Николай Всеволодович прослушал всё любопытно» (10; 212). В романе «Бесы» Петр Степанович импульсивно выражает свое восхищение Ставрогину: «Ставрогин, вы красавец! – вскричал Петр Степанович почти в упоении, – знаете ли, что вы красавец! <...> Вам ничего не значит пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо как вы. Я никого, кроме вас не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш **червяк...**» (10; 323-324). В этих словах героя очевидно влияние Гете, точнее взаимоотношений Фауста и Мефистофеля.

В-третьих, лексема червь употребляется как метафора скоротечного и зачастую пустого, бездуховного бытия человека на земле. В романе «Братья Карамазовы» Митя, приехавший в Мокрое к Грушеньке, противопоставляет кутеж и радость бытия скуке беспросветного существования: «Позволь, пане! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что прежде... Но **червь**, ненужный **червь** проползет по земле, и его не будет! День моей радости помяну в последнюю ночь мою!..» (14; 376).

В-четвертых, лексема **червь**, **червяк**, **червячок** употребляется как метафора зарождения негативных мыслей или чувств – сомнения, зависти и т.д. Так, в рассказе «Скверный анекдот» «Аким Петрович почтительно хихикал ему в унисон, хотя, впрочем, с видимым удовольствием и не подозревая, что его превосходительство начинал уже откармливать в сердце своем нового **червяка**» (5; 27). В романе «Бесы» в третьей главе второй части Марья Тимофеевна говорит Николаю Всеволодовичу следующее: «– Похож-то ты очень похож, может и родственник ему будешь, – хитрый народ! Только мой – ясный сокол и князь, а ты – сыч и купчишка! Мой-то и богу, захочет поклонится, а захочет, и нет, а тебя Шатушка (милый он, родимый, голубчик мой!) по щекам отхлестал, мой Лебядкин рассказывал. И чего ты тогда струсил, вошел-то? Кто тебя тогда напугал? как увидела я твое низкое лицо, когда упала, а ты меня подхватил, – точно **червь** ко мне в сердце заполз: не *он*, думаю, не *он*! Не постыдился бы сокол мой меня никогда пред светской барышней!» (10; 219). В романе «Идиот», описывая характер Гаврилы Ардалионовича Иволгина, рассказчик замечает, что «принадлежал к разряду людей «гораздо поумнее», хотя весь, с ног до головы, был заражен желанием ориги-

нальности. Но этот разряд, как мы уже и заметили выше, гораздо несчастнее первого. В том-то и дело, что умный «обыкновенный» человек, даже если б и воображал себя мимоходом (а пожалуй, и во всю свою жизнь) человеком гениальным и оригинальнейшим, тем не менее сохраняет в сердце своем **червячка** сомнения, который доводит до того, что умный человек кончает иногда совершенным отчаянием; если же и покоряется, то уже совершенно отравившись вогнанным внутрь тщеславием» (8; 385). Достоевский находит очень удачную метафору – «**червячок** сомнения»; это чувство выполняет положительную роль, позволяя обыкновенному человеку не утратить границы реальности, балансируя между осознанием собственной бесталанности и тщеславием.

Таким образом, начиная с вполне биологического описания необыкновенного, очень редкого «червячка с рожками» и его первооткрывателя в повести «Дядюшкин сон», Достоевский переходит к метафорическому и философскому осмыслению биологических «персонажей» в духе И.В. Гете, демонстрируя «всемирную отзывчивость», глубину знания романа «Фауст» и широту эрудиции.

3.6 Топографические детали Алтая в повести:

Холера и скотский падеж

В повести «Дядюшкин сон» широта научной деятельности Ф.В. Геблера как энтомолога продолжена медицинской темой, в которой вновь обыгрываются его деятельность как врача в сравнении с работой его преемника – И.А. Преображенского. Так Достоевский указывает читателю на еще одну топонимическую примету Алтая – холеру и скотский падеж.

«— Ви-но-ват! и представьте себе, еще прошлого года непременно хотел сюда ехать, – прибавляет он, лорнируя комнату. – Да напугали: тут, говорят, холера была.

– Нет, князь, у нас не было холеры, – говорит Марья Александровна.

– Здесь был скотский падеж, дядюшка! – вставляет Мозгляков, желая отличиться. Марья Александровна обмеривает его строгим взглядом.

– Ну да, скотский па-деж или что-то в этом роде... Я и остался» (2; 311).

Упоминание холеры в повести тоже является приметой биографии Ф.В. Геблера и отсылает к героической защите второй родины барнаульского «народного доктора». Видимо, Достоевского, как сына врача, очень интересовали такие факты.

Известно, что эпидемия холеры впервые появилась на территории Российской империи в 1829 г. В 1830 г. заболевание проникло из Тебриза в Баку и Тифлис, в течение июля заняла западное побережье Каспийского моря. Затем обнаружилась в Казанской и Нижегородской губерниях, то есть продолжила распространяться по направлению с юга на север водным путем. Другой путь эпидемии наблюдался в направлении с востока на запад: Оренбург, Саратов, Пенза, Тамбов, Воронеж, Харьков, Полтава, Киев, Бессарабия, Одесса⁷⁶. За лето – начало осени 1830 г. вся европейская часть России была охвачена новым, неизвестным заболеванием, которое сопровождалась высокой смертностью, необычными симптомами и большой скоростью распространения [Казаков, 2012, с. 60]. По официальным данным за 1830 г. холерой были охвачены 31 губерния, летом 1831 г. – 48 губерний России, в том числе Петербургская, где наблюдалась массовая паника. В большей степени от эпидемии пострадала Москва, в которой по официальным (заниженным) данным число погибших составило 4850 человек, по неофициальным – достигло более 8500 человек. Дело в том, что в первой половине XIX в. представление о холере, ее этиологии, способах инфицирования и лечении были крайне скудными.

Томскую губернию эпидемия холеры поразила в 1831 г. Возглавлявший Инспекцию Медицинской и фармацевтической частей Алтайского горного правления господин доктор статский советник и кавалер Ф.В. Геблер все силы направил на ликвидацию болезни и справился с ней успешно. В ГААК хранится переписка медицинского инспектора Ф.В. Геблера с горным начальником и заводскими медицинскими чиновниками о материальном обеспечении лазаретов и борьбе с холерой (См. ГААК. Оп. 2. Ед. хр. 6795, Ф.2. Оп. 2. Д. 5795).

⁷⁶ См. подробнее: [Павловская, 1893], [Архангельский, 1874].

14 апреля 1833 г. за «усердие к общей пользе» (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5377. б/л, Ф. 2. Оп. 1. Д. 5367. Л. 47), за метод лечения, успешно применявшийся на Алтае, описание которого отправили в Московский совет, доктор был награжден орденом Святой Анны. Более того, можно предположить, что алтайский опыт лечения холеры активно и успешно практиковался в столице. Министерство внутренних дел рассылало составленное Медицинским советом «Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению». Сохранились документы, позволяющие сделать выводы, что подчиненный Ф.В. Геблеру лекарь В.В. Главинский был командирован в Москву для помощи в ликвидации болезни. По его возвращении было решено, как сообщает документ от 29 июня 1832 г. № 7077, выдать лекарю Главинскому, занимавшему в Москве прекращением болезни холеры, в награду 450 рублей (27 числа мая выданы) (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 88)⁷⁷.

Как свидетельствуют архивные материалы, и позднее доктор Геблер тщательно контролировал ситуацию, принимая ряд превентивных мер. Так, например, документ № 7862 от 30 октября 1843 г., адресованный Инспекции Медицинской части, содержит запись об обнаружении припадков холеры, с вопросом действительно ли холера и может ли она считаться повальной (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6851). В деле 6795 за 1848 г. присутствует «Способ лечения холеры, употребляемый лекарем Венецким» (Ф.2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 171-173), а также предписание об испытаниях нового средства против холеры, хорошо зарекомендовавшего себя при лечении в Воронежской губернии (ГААК. Ф.2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 181), распространении трактата о повально-заразительной болезни холере, бывшей в 1830 и 1831 гг., сочиненной членами Медицинского совета и т.д. (ГААК. Ф.2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 185).

Таким образом, имя Ф.В. Геблера связано с ликвидацией страшной эпидемии холеры во всероссийском масштабе. Благодаря высокому профессионализму, тщательно спланированным мероприятиям и описанию способа лечения болезни эпидемия практически не затронула Алтай.

⁷⁷ См. также: ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6851.

Важно отметить, что холера фигурирует в эпистолярной Достоевского и мемуарах его брата Андрея, который учился в 1848 г. в Училище гражданских инженеров.

В письме А.А. Краевскому от 31 марта 1849 г. Ф.М. Достоевский просит выдать 100 рублей авансу, жалуясь на безденежье и апеллируя к недостаточному питанию для здорового образа жизни, сосредоточенности на одном предмете и творчества: «Теперь со мной будет холера, больше ничего. Где тут поэзия?» (28-1; 154). Интересно, что в сознании писателя холера и творчество антитетически противопоставлены как крайние точки экзистенции бытия: минимальная и максимальная. Большую часть лета 1848 года, когда в Петербурге свирепствовала холера⁷⁸, унося до 500 человек в день, писатель провел на даче в Парголово, где общался с участником кружка петрашевцев студентом Петербургского университета Павлом Николаевичем Филипповым.

В «Формальном допросе» Ф.М. Достоевский, отвечая на вопрос о круге лиц, посещавших собрания, характеризует Филиппова как бесстрашного и инфантильного юношу. «Я боялся холеры в первые дни ее появления. Ничего не могло быть приятнее для Филиппова, как показывать мне каждый день и каждый час, что он нимало не боится холеры. Единственно для того, чтоб удивить меня, он не остерегался в пище, ел зелень, пил молоко и однажды, когда я, из любопытства, что будет, указал ему на ветку рябиновых ягод, совершенно зеленых, только что

⁷⁸ А.М. Достоевский в «Воспоминаниях» описывал впечатления от холерного Петербурга следующим образом: «Но, впрочем, мы редко выходили и на улицы по причине свирепствовавшей во всем разгаре нежданной гостии, холеры!.. Холера в 1848 году была в Петербурге ужасная! Еще до окончания экзаменов и в строительном училище был один холерный случай с печальным исходом! Как теперь помню: в классе на один год младше нашего, то есть во II классе, был очень хорошо идущий воспитанник Михаил Кулешов. Выдержав последний экзамен, он с сияющим лицом, переходя через наш выпускной класс, сказал: «Вот теперь и я близок к выпуску!.. год пройдет скоро!» И действительно его выпуск из строительного училища произошел даже раньше нашего! Не успел он вымолвить приведенные слова, как сильно побледнел, и его начало рвать. Я, тогда еще исполнявший должность фельдфебеля, сейчас же побежал к ротному командиру, и бедного Кулешова, хотя и утешая, отвели в запасный лазарет. Там скоро с ним сделалась настоящая холера с корчами и прочими онерами; а к рассвету следующего дня он был уже покойником! Помню, что это на нас произвело сильное впечатление! Похороны Кулешова происходили тихо, без всякого участия воспитанников, которых даже не допустили не только проводить гроб до кладбища, но даже и проститься с покойником.

Я сказал, что холера в Петербурге была ужасная. Но вот факт, подтверждающий это. Раз как-то я с одним из товарищей хотели посвятить день счету покойников, провозимых по Обуховскому проспекту мимо нашего училища. Известно, что проспект этот ведет из города на Митрофаньевское кладбище, где хоронились холерные. И вот, начав наблюдать с 7 часов утра, отчеркивая каждого провезенного покойника мелом на большой классной доске особою чертою и продолжая свои наблюдения до 8 часов вечера, мы насчитали более 400 покойников! Что же было по другим направлениям и в ночное время, когда вывозили покойников из лазаретов и больниц! И теперь ужас берет» [Достоевский, 1992, с. 157-158].

вышедших из цветка, и сказал, что если б съесть эти ягоды, то, по-моему, холера придет через пять минут, Филиппов сорвал всю кисть и съел половину в глазах моих, прежде чем я успел остановить его» (18; 155-156).

Таким образом, холерная эпидемия была одним из ярких докаторжных впечатлений Достоевского, которые для сына врача были актуализированы при непосредственном общении с доктором И.А. Преображенским, с провизором барнаульской горной аптеки Р.И. Поповым, в беседах с П.П. Семеновым о «народном докторе» В.Ф. Геблере.

Приведем еще раз фрагмент из повести:

«— Нет, князь, у нас не было холеры, — говорит Марья Александровна.

— Здесь был **скотский падеж**, дядюшка! — вставляет Мозгляков, желая отличиться» (2; 311).

В словах старого князя К., который боится предпринимать дружеские поездки, опасаясь холеры, заключена ирония по поводу плохой памяти и трусости героя. Престарелый князь прекрасно помнит о факте холерной эпидемии, но забыл о ее двадцатипятилетней давности и ареале распространения. Напротив, молодой петербуржец Мозгляков не знает о холере, свирепствовавшей четверть века назад, в силу возраста и недостатка образования. «Что же такое Мозгляков? Правда — молод, недурен собою, фронт, полтора душа незаложенных душ, петербургский. Но ведь, во-первых, в голове не все дома. Вертопрах, болтун, с какими-то новейшими идеями! Да и что такое полтора души, особенно при новейших идеях?» (2; 299), — так описывает героя автор. Зато герой Достоевского прекрасно осведомлен о текущих и произошедших недавно событиях, ставших предметом широкого обсуждения. С одной стороны, сарказм писателя здесь достигает апогея. С помощью одной детали художественного мира он маркирует «масштаб» ценностей столичного героя, оказавшегося в провинциальном Мордасове. С другой стороны, эпизод о скотском падеже вновь указывает на Барнаул как источник творческой рефлексии Достоевского, что подтверждается архивными документами.

Согласно делу ГААК Ф. 2. Оп. 2. Д. 6931. Л. 9-15, с 20 по 24 марта 1856 г., т.е. за два месяца до приезда писателя в Барнаул, действительно, был скотский

падеж, или эпизоотия – повально заразительная болезнь скота.

Об этом свидетельствует переписка за апрель-май 1856 г. фельдшера урядника Петра Максимовича Климова с исправляющим должность инспектора Алтайских госпиталей господином старшим лекарем и надворным советником и кавалером Иваном Антиповичем Преображенским, в которой подробно описаны обстоятельства гибели с перечислением кличек и описанием 10 казенных и частных лошадей Егорьевского золотого промысла с прилегающими к нему Елизаветинским и Салаирским приисками (ГААК. Ф.2. Оп. 2. Д. 6931. Л. 9-15 внутри дела документы 948, 213, 665, 681].

25 марта 1856 г. советник К. Пишке обращался в Алтайское горное правление с рапортом № 412 (документ 4726/2820) о страшной болезни лошадей, которая имеет характер бедствия: у животных «быстро развивается опухоль около горла, причем заметно телесное дыхание, весьма значительное отделение пота и наконец быстрое истощение сил, за которым следует гибель лошади. Отыскать причину этой болезни, равно и средства остановить ее нет». Советник К. Пишке обращает особое внимание начальства, что «развитие ее (болезни. – Е.С.) очень быстро, так что заболевшие лошади погибают в несколько часов» (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6931.Л. 9). Вслед за описанием повальной болезни лошадей следует прошение о необходимости срочного распоряжения для предотвращения дальнейшего распространения болезни.

Документ медицинской части Колывано-Воскресенских заводов № 4726/2820 от 27 марта 1859 г., а также документ № 948 посвящены проблеме разрешения этой ситуации: с 20 по 24 числа сего марта «изгибло 8 казенных лошадей», «лошади погибали в несколько часов» (ГААК. Ф.2. Оп. 2. Д. 6931. Л. 9).

В рапорте № 665 от 10 апреля 1856 г. фельдшера урядника Климова исполняющему должность инспектора Алтайских госпиталей старшему лекарю и надворному советнику кавалеру сообщается, что «...7-го числа апреля за № 183 приняты меры к прекращению болезни на лошадях», сопровождающейся «опухолью около горла, тяжелым дыханием, сильнейшим потом и быстрым истощением сил, отчего больные лошади в продолжение суток и менее времени <...> гибли,

потому были истребляемы огнем...» (ГААК. Ф.2. Оп. 2. Д. 6931. Л. 10).

Документ № 213 от 28 апреля 1856 г. предписывает фельдшеру Климову необходимость представить подробную ведомость о числе погибших, что и было сделано 2 мая 1856 г. Документ № 681 называется «Ведомость Егорьевского золотого промысла от гибших казенных и частных лошадей в марте месяце 1856 г.» и содержит подробное описание¹⁰ лошадей с перечислением клички, масти и принадлежности.

Наконец, документ № 229 от 7 мая 1856 г. сообщает о прекращении болезни на Егорьевском золотом промысле и прилегающих к нему Елезаветинском и Салаирском (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6931. Л. 14-15).

Таким образом, скотский падеж в виде свежей городской новости Барнаула⁷⁹, ставшей в повести «Дядюшкин сон» предметом обсуждения города Мордосова в гостинной Москалевой, подтверждается архивными документами. Скотский падеж может служить убедительным основанием локальной привязанности текста, поскольку это не повсеместно и не так часто встречающееся явление⁸⁰. К примеру, до падежа скота 1856 г. аналогичное происшествие на Алтае было зафиксировано только почти четверть века назад, в 1832 г. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве переписка и документы медицинской инспекции Колывано-Воскресенских заводов (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795)⁸¹. Вероятно, это про-

⁷⁹К сожалению, в Барнауле в 1855-57 гг. не было никаких газет и журналов, публикация новостей в которых могла бы сделать нашу гипотезу более аргументированной. Периодика в Сибири появилась гораздо позднее. С 1873 г. в Иркутске стала выходить газета «Сибирь», с 1882 г. (сначала в СПб., затем в Иркутске) появилось «Восточное обозрение». В Томске с 1869 г. публиковались официальные «Томские губернские ведомости» и с 1885 г. «Сибирский вестник». В Барнауле появились «Барнаульские ежедневные телеграммы» с 1895 г. и журнал «Жизнь Алтая» с 1910 г.

⁸⁰ Возможно, что упоминание о скотском падеже в повести «Дядюшкин сон» как-то корреспондирует с записью № 70 «Сибирской тетради» о «коровьей смерти». В.П. Владимирцев пишет о неясности значения этой записи: «Мы не знаем, можно ли утверждать, что Достоевский, услышав в остроге эту реплику, впервые столкнулся тогда с идиомой и мифологическими представлениями русского крестьянина о «скотье смерти», то есть оборотне, ведьме, духе повальных болезней крупного рогатого скота» [Владимирцев, 2007, с. 209]. Пока трудно объяснить, связаны ли эти образы между собой, важно, что тема эта была интересна Достоевскому.

⁸¹ Так, 25 марта 1832 г. (№ 167) на рогатом скоте, лошадях и рогатом скоте обнаружена повальная ветренная болезнь, от которой погибло 685 голов. 30 марта 1832 г. лекарь Василий Главинский доносит, что болезнь прекратилась 22 числа в деревне Безголосовой, а 20 – в Панюшевой. 19 апреля 1832 г. (№ 241) вновь появилась повальная болезнь, от которой погибло 21 лошадь и 58 голов рогатого скота. 29 апреля 1832 г. (№ 1) в деревне Белокурихе зафиксирована повальная болезнь на лошадях и рогатом скоте. Из документа № 3471 от 28 июня 1832 г. узнаем, что от болезни пострадали 2 человека и 24 лошади, барнаульский окружной лекарь Попов тоже болен. Документ № 3522 от 15 июля 1832 г. сообщает, что от сибирской язвы «изгибло 24 лошади». Документ № 3216 от 28 июля 1832 г. регистрирует, что в Белоярской волости в деревне Гоньба, расположенной в 16 верстах от Барнаула, была зафиксирована сибирская язва, от которой пострадали 2 человека и 24 лошади (ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6795. Л. 132,

исшествие могло стать темой разговора Достоевского с алтайскими знакомыми при личной встрече, возможно, в передаче А.Е. Врангеля, П.П. Семенова, В.П. Демчинского.

Важно упомянуть, что в документах конца марта фельдшера урядника Климова, адресованных господину старшему лекарю и надворному советнику не названо имя А.А. Преображенского, что вполне понятно, т.к. документы находятся внутри одного ведомства. В то же время документ 524 адресован исправляющему Должность инспектора Алтайского госпиталя Господину коллежскому советнику Преображенскому. Из формулярного списка о службе и достоинствах И.А. Преображенского (как мы показали выше) нам известно, что в 1855 г. определён к должности Инспектора Алтайских госпиталей, 22 августа 1856 г. произведен в коллежские асессоры. Согласно «Табели о рангах» 1722 г. статские чины следовали в такой последовательности в сторону увеличения: 8 – коллежский асессор, 7 – надворный советник, 6 – коллежский советник. Получается, что интересующий нас документ о падеже лошадей позволяет установить короткий период, когда И.А. Преображенский был надворным советником и уточнить детали карьерной лестницы доктора. Можно предположить, что оперативное реагирование на чрезвычайную ситуацию и спасение губернии от эпидемии способствовало быстрому получению И.А. Преображенским следующего назначения чина.

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ, 1722 г.
(ИЗВЛЕЧЕНИЯ)

Класс	ВОИНСКИЕ ЧИНЫ			СТАТСКИЕ ЧИНЫ
	СУХОПУТНЫЕ	ГВАРДЕЙСКИЕ	МОРСКИЕ	
1-й	Генерал-фельдмаршал	—	Генерал-адмирал	Канцлер
2-й	Генерал от инфантерии	—	Адмирал	Действительный тайный советник
3-й	Генерал-лейтенант	—	Вице-адмирал	Генерал-прокурор
4-й	Генерал-майор	Полковник	Контр-адмирал	Тайный советник
5-й	Бригадир (XVIII в.)	Подполковник	Капитан-командор	Действительный статский советник, статский советник
6-й	Полковник	Майор	Капитан 1 ранга	Коллежский советник
7-й	Подполковник	Капитан	Капитан 2 ранга	Надворный советник
8-й	Майор	Капитан-лейтенант	Капитан 3 ранга	Коллежский асессор
9-й	Капитан	Лейтенант	Капитан-лейтенант	Титулярный советник
10-й	Капитан-лейтенант	Унтер-лейтенант	Лейтенант	Коллежский секретарь
11-й	—	—	—	—
12-й	Лейтенант	Фендрик	Шкипер 1 ранга	Губернский секретарь
13-й	Унтер-лейтенант	—	—	Провинциальный секретарь
14-й	Фендрик	—	Шкипер 2 ранга	Коллежский регистратор

Эти факты свидетельствуют о гораздо более глубокой осведомленности, чем

ранее считалось, Достоевского о барнаульских новостях. В художественной структуре произведения упоминание холеры и гибели скота не только создает исторический, национальный и провинциальный колорит, являясь иллюстрацией активной профессиональной деятельности медицинской части Колывано-Воскресенских заводов, но и емко характеризует двух героев-потенциальных женихов Зины: князя К. и Мозглякова. Значение образов раскрывается через их отношение к угрозе эпидемии необъяснимой этиологии. Князь К. боится предпринимать дружеские поездки, опасаясь холеры. Главным мотивом его поведения является страх, обнажая «масштаб» его характера. В этом заключена авторская ирония по поводу трусости героя и плохой памяти. Престарелый князь прекрасно помнит о факте холерной эпидемии, но плохо осведомлен о ее двадцатипятилетней давности и ареале распространения. Напротив, молодой петербуржец Мозгляков не знает о холере, свирепствующей четверть века назад, в силу возраста и недостатка образования. Так противник и одновременно двойник князя фронт Мозгляков демонстрирует невежество. Но герой прекрасно осведомлен о текущих и произошедших недавно событиях, ставших предметом широкого обсуждения. Сарказм писателя здесь достигает апогея. С помощью одной детали художественного мира Достоевский маркирует уровень ценностей столичного героя, оказавшегося в провинциальном Мордасове. Отсутствие холеры и наличие падежа скота, ставшие предметом обсуждения в гостиной Марии Александровны Москалевой в повести «Дядюшкин сон», отсылают к реальным происшествиям жизни Алтая, обогащая представления о творческой лаборатории этой сибирской повести. Автор был хорошо осведомлен о состоянии дел губернии и активно пользовался сибирским материалом.

3.7 Прототип иеромонаха Мисаила

Алтай в более широком контексте возникает в следующих словах Мозглякова о дядюшке: «...объявляет мне, что едет в Светозерскую пустынь, к иеромонаху Мисаилу, которого чтит и уважает...» (2; 306). По нашему мнению, упоминание в повести иеромонаха Михаила в Светозерской пустыни отсылает к деятельности

архимандрита Макария – в миру Михаила Яковлевича Глухарева (1792-1847), который в 1830 г. основал Алтайскую миссию. Так Достоевский отсылает к биографии Макария, но скрывает его высокий чин в священстве – архимандрит.

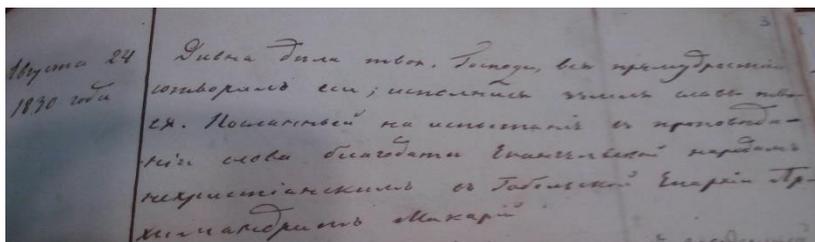
Возможно, что номинация Светозерская пустынь образована по модели от названия церкви и мужского монастыря в Суздальском уезде Владимирской губернии (сейчас – Ивановской области) недалеко от Святого озера – Святоезерская Иверская пустынь. В середине XVIII в. в связи с общегосударственной политикой секуляризации церковных владений Святоезерская пустынь была упразднена, в 1843 г. был построен приют для богомольцев, а в 1854 г. создан и передан Владимирской епархии комплекс зданий для размещения богадельни. Более вероятно, что Достоевский территориально намекает на Алтай, который считается страной голубых озер. В непосредственной близости от сел Майма и Улала находится озеро Манжерок.

Кроме того, лексема **пустынь** у Достоевского отсылает к некоторым фактам биографии Макария, а именно – в 1826-29 гг. он подвизался в Глинской Богородицкой **пустыни** в Курской губернии. «В 1828 году решением Священного Синода в Тобольской епархии был создан особый отдел для просвещения сибирских “инородцев”. Узнав об этом, архимандрит Макарий подал прошение в Синод с просьбой отправить его с апостольской миссией в “**пустыни Сибирские**”» [Метельницкий, 2001, с. 7].

Рассмотрим подробнее его биографию. Михаил Яковлевич Глухарев был сыном священника в г. Вязьме Смоленской губернии. Получил прекрасное образование, знал латинский, греческий, иврит, немецкий и французский. В 1818 г. принял монашеский постриг и был наречен Макарием в честь преподобного Макария Великого. В 1821 г. возведен в сан архимандрита. С 1821 по 1824 гг. был ректором Костромской духовной семинарии и настоятелем Костромского Богоявленского монастыря. В это время он «был удостоен предложения принять епископский сан. Однако о. Макарий отказался от архиерейства [Кацюба, 1998, с. 15].

На Алтае о. Макарий стал основателем миссии. Он был первым ее начальником в течение 13 лет и 8 месяцев. Решение различных организационных вопросов

заняло около двух лет: Алтайская миссия была основана 15 декабря 1828 г., указ Священного Синода об утверждении ее состава вышел 22 мая 1830 г., а все приготовления завершились лишь к августу 1830 г. Выехав из Тобольска 3 августа в сопровождении двух помощников – воспитанников Тобольской семинарии Василия Попова и Афанасия Волкова, в главный город Алтая – Барнаул – миссионеры прибыли 23 числа.

Автограф архимандрита Макария в книге «Собственноручные подписи особ, почтивших присутствием своим Барнаульский музей»

©Алтайский государственный краеведческий музей

Получив от соборного протоиерея все необходимое для походной церкви, делегация отправилась в город Бийск, куда прибыла 29 августа 1830 г. (ГААК. Ф. 164. Ед. хр. 292), [Письма архимандрита Макария..., 1905, с. 39]. Миссия занимала территорию 2 округов в Томской губернии – Бийского и Кузнецкого – на протяжении 8000 верст в длину и от 300 до 700 верст в ширину [Кацюба, 1998, с. 27]. По общему признанию, «Алтайская духовная Миссия не была первой и не была самой обширной, но она была признана лучшей и образцовой среди других миссий в Российской империи как наиболее соответствующая идеалу православного миссионерства» [Бычкова, 2011, с. 27].

Архимандрита Макария называют Апостолом земли алтайской, еще при жизни его именовали «“святым человеком Божиим”, прозорливцем, отцом родным» [Нестеров, 2003, с. 73].

«Архимандрит Макарий, желая вести дело проповеди в истинно апостольском духе, от положенного ему жалования в 2000 рублей в год отказался, заявив преосвященному, что будет служить этому делу безвозмездно, на собственные средства, состоящие из магистерской пенсии, и только тогда будет просить пособия и в той мере, в какой его собственные средства окажутся недостаточными» [Нестеров, 2003, с. 39]. Более того, часто миссионер выделял на благоустройство первых миссионерских поселений свои деньги, раздавал сухари, нитки, семена

нуждающимся. Из Санкт-Петербурга он выписывал земледельческие журналы, книги по медицине, гомеопатии и естествознанию, семена овощей, лекарственных трав, книги по овцеводству и земледелию.

За почти 14 лет миссионерской работы в селах Улала (в настоящее время – г. Горно-Алтайск) и Майма созданы первые поселения крещеных православных алтайцев, открыты мужская и женская миссионерские школы, больница для больных и бездомных, в которой Макарий бесплатно давал лекарства, использовал целебные травы Горного Алтая, собственноручно прививал от оспы. Духовный отец во всякое время в качестве врача неотложно являлся к тем, которые его приглашали. Архимандриту Макарию Глухареву в налаживании работы миссионерской больницы в с. Майма (1837) по вопросам оспопрививания содействовал Ф.В. Геблер, развивавший идеи социальной медицины о духовных корнях любых заболеваний, важности психологического фактора в излечении болезни.

О. Макарий проявлял деятельную заботу о людях, вводя инородцев не только в мир веры, но открывая пред ними все достоинства христианской культуры и цивилизации. «Макарий первым из сибирских миссионеров стал применять положение государственного совета от 17 июля 1836 г. “О льготах инородцам, принимающим Святое Крещение”. Согласно ему крещеные освобождались от всяких податей и повинностей, включая ясак и рекрутчину на три года после крещения» [Бычкова, 2011, с. 29].

У о. Макария было два юных помощника: Василий Попов (22-х лет) и Алексей Волков (18-ти лет). Однако здоровье Василия не выдержало суровых климатических условий, трудностей и лишений миссионерского служения, тяжелых поездок, иногда за 200 верст от стана. В ноябре 1830 года он скончался. «Алексей тоже недолго помогал архимандриту Макарию: на втором году службы он женился <...> и вышел в гражданскую службу» [Письма архимандрита Макария..., 1905, с. 40]. «Миссионерский “крест” оказался слишком тяжел для юноши. Поэтому первый алтайский миссионер долгое время трудился один. Только спустя несколько лет к нему приехали другие помощники» [Крейдун, 2001, с. 13]. В январе 1836 г. епископ Томский прислал в миссию уволенного по состоянию здоро-

вья пятнадцатилетнего Михаила Нигрицкого, а чуть позже – Стефана Ландышева, бывшего нижегородского семинариста [Нестеров, 2003, с. 47].

Архимандрит Макарий обладал удивительными языковыми способностями. Еще в детстве его отец настолько хорошо подготовил сына по латинскому языку, что в семилетнем возрасте он мог заниматься переводом с русского языка на латынь. Учеба в духовном училище и семинарии дала глубокое знание древнегреческого и древнееврейского. Он также владел немецким и французским, немного понимал английский и итальянский [Тихомиров, 2017, с. 11-12]. Для обеспечения своего миссионерского служения и обучения алтайцев грамоте в сорокалетнем возрасте о. Макарий начал изучение теленгутского языка. Миссионер проделал огромную работу по созданию алтайской письменности, составил алтайский словарь объемом в три тысячи слов, перевел на алтайский язык молитву «Отче наш», Символ веры, избранные церковные песнопения, большую часть Нового завета.

Выдающиеся лингвистические способности, блестящее знание языков, миссионерская работа, в которой он ежедневно сталкивался с потребностью перевода и объяснения текстов Священного Писания новообращенным, побудили о. Макария написать в 1834 г. митрополиту Московскому Филарету трактат о насущной потребности перевода Ветхого Завета на русский язык. «Он доказывал, что необходимо дать народу, всем его сословиям, полную Библию на родном, понятном языке, причем Священные тексты нужно переводить с оригинальных языков: Ветхий Завет – с еврейского, а Новый Завет – с греческого. Русская Библия, считал он, необходима не только православным, но и для миссионерской работы среди магометан и иудеев, а также множества языческих племен и народностей, населяющих Россию» [Нестеров, 2003, с. 65]. Обращаясь к своему наставнику и духовнику, о. Макарий акцентировал, что церковнославянский язык сложен, «непонятен простому народу», «перевод РБО незавершен, так как не охватывает Ветхий Завет», «европейские народы давно имеют Священное Писание на своих языках» [Тихомиров, 2017, с. 23], в существующем переводе имеются ошибки. Причина молчания митрополита Филарета очевидна: хорошо осознавая политическую ситуацию в стране и помня, как в 1826 г. на кирпичном заводе Александро-

Невской лавры был сожжен готовый тираж Восьмикнижия на русском языке и закрыто Российское библейское общество, он молчаливо пытался оградить своего воспитанника от опасности.

Не дождавшись ответа, о. Макарий 8 июня 1836 г. адресует обер-прокурору Св. Синода С.Д. Нечаеву более пространное и аргументированное послание [Тихомиров, 2017, с. 24], мотивируя тем, что «такая могучая церковь, как русская, вправе иметь на родном языке все оригиналы» [Кацюба, 1998, с. 16]. В Синоде ему тоже не ответили.

Отчаявшись ждать, в 1837 г. архимандрит Макарий приступил к переводу книги Иова сам, считая свою работу продолжением проекта Российского Библейского общества, в рамках которого был осуществлен и издан русский перевод Нового Завета и Псалтири.

В 1839 г. под предлогом поправки здоровья о. Макарий приехал в Санкт-Петербург, чтобы возможно шире поднять вопрос о переводе Священного Писания. Более того, «в нарушении всех норм субординации, архим. Макарий стал писать на Высочайшее имя, Государю императору Николаю Павловичу, пытаясь соблазнить царя тщеславными посулами: “Если Владимир Великий просветил Русский народ святым крещением, то ныне царствующий Монарх просветит Святой Библией на Российском наречии”; “...весь Христианский мир, на все времена, читал бы [в надписании русской Библии]: “Император Николай I-й Российскому народу””. Как и в предыдущих посланиях, он выступал апологетом русского перевода. Отослал он императору также рукописи своих переводов» [Тихомиров, 2017, с. 26]. В письме императору узнаваемы аллюзии на «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в котором он прославлял князя Владимира за крещение Руси, называя его равноапостольным византийскому императору Константину Великому. Однако Николай I вопросы безопасности ставил превыше самолюбия. Письмо архимандрита было переадресовано в Св. Синод со строгим указанием первенствовавшему в Синоде митрополиту Санкт-Петербургскому Серафиму на недопустимость поведения рядового клирика. Серафим (Глаголевский) «грозился выслать о. Макария из столицы с жандармами или сослать его в Спасо-

Евфимиевский монастырь» [Тихомиров, 2017, с. 20], однако дело закончилось предписанием Синода немедленного возвращения «мятежного» архимандрита в Сибирь.

Будучи настойчивым ревнителем дела Христова, уже с Алтая о. Макарий продолжает обращаться в Синод, посылая рукописи переведенных им книг Ветхого Завета. Пытаясь усмирить пыл миссионера, Синод наложил на него епитимью в течение 40 дней. По существовавшей тогда практике наказание нужно было отбывать в доме своего правящего архиерея. «Впрочем, и это наказание он использовал для переводческой работы, найдя в библиотеке Томского еп. Афанасия (Соколова), своего бывшего ученика, необходимые книги и пособия» [Тихомиров, 2017, с. 20]⁸².

«Святейший Синод 11 апреля 1841 года определил: 1) Что архимандрит Макарий, употребляя пред Св. Синодом настояние о продолжении перевода Священного Писания на русское наречие, преступает пределы своего знания и своих обязанностей... и входит в суждения, несогласные с решением, уже принятым по сему предмету высшей властью. 2) Что неосмотрительная ревность его основывается на погрешительном мнении, будто Церковь Российская не имеет всего Священного Писания на природном наречии русского народа, который употребляется и в церковном богослужении и на котором и простолюдины Священное Писание читают и понимают, и некоторые даже охотнее читают, нежели в переводе на ново-русское наречие. 3) Что рассуждения архимандрита Макария <...> сколько неосновательны и нелепы, сколько же несообразны и с должным повиновением к поставленной от Бога власти и с духом смирения, в противность которому он поставил себя непризванным истолкователем судеб Божиих» [Нестеров, 2003, с. 83].

Следующую епитимию архимандрит получил в 1841 г. за обращение помимо Синода к московскому генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну, который обещался помогать Алтайской миссии, с просьбой издания рукописи «Алфавит Библии» и пересылке на Алтай в возможно большем числе экземпляров. Книга пред-

⁸² Возможно, что авторитет Макария при личном общении священников способствовал тому, что и епископ Афанасий сам стал заниматься переводом со старославянского на русский язык житий святых: он подготовил 22 рукописных тома и передал их позже в библиотеку Казанской духовной академии.

ставляла собой извлечение из книг Ветхого и Нового Завета важнейших вероучительных текстов, предназначалась для новообращенных и была написана на современном русском языке. К сожалению, столь необходимую для миссионерской работы книгу издать не удалось. «Высшие духовные власти не могли разрешить перевода Священного Писания на русский язык потому, что, читая его, миряне могли свободно толковать Священное Писание, находить в нем противоречия, и что самое опасное – познавать идеи первоначального христианства – идеи равенства, справедливости и так далее» [Кацюба, 1998, с. 21]. Синод решительно пресекал все попытки о. Макария сделать Священное Писание более доступным для понимания людей. Руководство Русской Православной Церкви считало, что «в Священном Писании находится много опасных мест и даже в Новом Завете, как например, слова: Упраздняйте всякое начальство и власть. Опасно, чтобы читающим не подано мысли об упразднении власти. Макарий отвечал: но если это слово пророческое, оно всячески исполнится. Ему отвечали: так и не надо, чтобы об этом пророчестве знали. По-славянски не так понятно и при том в чтении церковном не заметят, а читая сразу до смысла дойдет. На Макария после того дулись»⁸³ [Громыко, 1985, с. 87].

За время поездки в столицы о. Макарию удалось заручиться поддержкой многих влиятельных людей. Кроме московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, в их число входил известный своей широкой благотворительной деятельностью доктор Ф.П. Гаазе, по вероисповеданию католик, член Попечительного комитета о тюрьмах. В романе Достоевского «Идиот» он является прототипом безымянного старичка-генерала, который провожает по этапу ссыльных в Сибирь и каждого одаривает копеечкой и участливым вниманием (8; 335-336). Совместно с Ф.П. Гаазе архимандритом Макарием был составлен проект воззвания о пожертвованиях на Алтайскую миссию для публикации в газетах, но, к сожалению, ходатайство Ф.П. Гааза о публикации этого воззвания не увенчались успехом.

⁸³Письмо Н.Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину от 18-22 мая 1850 года // Незвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 62-63.

К этому периоду жизни архимандрита относится также нереализованный проект с выразительным названием: «Мысли о способах успешного распространения христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе», также отвергнутый Св. Синодом.

Кроме того, о. Макарий был настоящим реформатором, отличался системным, нешаблонным мышлением, вследствие чего «в Св. Синоде Макария считали вольнодумцем» [Кацюба, 1998, с. 16]. Известно, что он рассматривал возможность объединения церквей. «Макарий вынашивал план соединения православной, римско-католической и лютеранской церквей в единую христианскую церковь. С этой целью он встречался с лютеранским пастором Дитрихом и французским аббатом Отраном. Это он однажды молился вместе с квакерами» [Кацюба, 1998, с. 16].

Еще одна острая ситуация связана с разгулом виноторговцев (откуп казенной монополии). Архимандрит обратился по этому поводу прямо к императору. «Николай I счел письмо Макария дерзким и приказал Синоду удалить его в Соловецкий монастырь. Синод с трудом отстоял Глухарева: ему было сделано строгое внушение» [Громыко, 1985, с. 88].

Согласно официальной версии, архимандрит Макарий подал ходатайство об отставке по состоянию здоровья. Прошение было удовлетворено: Св. Синод определил его настоятелем Троицкого Оптина монастыря Орловской епархии близ г. Болхова (решение Синода от 16 июня 1844 г.) [Крейдун, 2001, с. 13], [Тихомиров, 2017, с. 20]. Однако есть все основания полагать, что процесс «отставки» был инициирован Синодом, увидевшим в архимандрите реальную угрозу власти. Мы разделяем позицию ученых А.П. Бородавкина и Ю.Ю. Храповой, которые аргументированно доказывают, что «настороженное отношение со стороны Св. Синода, а затем и несправедливую отставку в 1843 г. идеолог православного миссионерства вызвал не только многочисленными вариантами перевода в Библии на русский язык, но и своими активными контактами с ссыльными в г. Тобольске декабристами: М.А. Фонвизиным, М.С. Бобрищевым-Пушкиным, П.Н. Свистуновым, также как и о. Макарий, занимавшимся в Сибири культурно-просветительской деятельностью. Цель миссионера заключалась в том, чтобы

привлечь этих образованнейших людей своего времени к миссионерскому просветительству. Но сделать это было сложно, и о. Макарий привлекает их к участию в переводе различных иностранных экзегетических произведений на русский язык. Названные декабристы, особенно М.А. Фонвизин и его супруга Н.Д. Фонвизина, особо отличались своей религиозностью, с одной стороны, и критикой в адрес Св. Синода, – с другой» [Бородавкин, Храпова, 1992, с. 18]. Как отмечают исследователи, до начала своей переводческой деятельности архимандрит Макарий не мог быть знаком с декабристами, т.к. тогда они жили в северных городах Томской и Тобольской губерний [Кацюба, 1998, с. 22], [Бородавкин, Храпова, 1992, с. 19]. С 1835 г. миссия была подчинена Томскому архиерею епископу Афанасию (Соколову), с которым он общался по вопросам храма и школ. Поэтому после 1835 г. архимандрит Макарий посещал Тобольск только попутно: в 1839 г. – направляясь в Петербург, в 1840 г. – возвращаясь оттуда, а в 1844 г. – отправляясь к новому месту служения. По свидетельству первого биографа К.В. Харламповича, в июне 1840 г., проезжая из Москвы в Бийск через Тобольск, Макарий познакомился с двумя декабристами – с Михаилом Александровичем Фонвизинным и Павлом Сергеевичем Бобрищевым-Пушкиным. «И тот и другой были высоконравственные, глубоко религиозные и весьма образованные люди» [Кацюба, 1998, с. 22]. Познакомиться с четой Фонвизинных, людей столь замечательных по религиозному настроению, Макарий мог или у Преосвященного Афанасия, или у Е.Ф. Непряхиной, своей духовной дочери [Бородавкин, Храпова, 1992, с. 19].

Причиной сближения М.Я. Глухарева с декабристами послужили не только близкие религиозные взгляды, но и просветительство как главное направление деятельности всех ссыльных декабристов. Так, например, «М.А. Фонвизин, особенно последние 10 лет жизни, усиленно занимался религиозно-философскими проблемами. Главным в философии М.А. Фонвизина был вопрос о соотношении разума и веры – один из основных вопросов христианской теологии. Христианская философия, по мнению ссыльного декабриста, “...превыше всякого непосредственного приобретаемого разумом ведения ставит веру в откровение”. И далее: “Не через научное знание, а именно через откровение, через внутреннее чувство

познает человек главные, волнующие его истины: идею Бога как первопричины всего сущего, добро и зло, свободу воли, собственное назначение в мире”. Роль человеческого разума, по мысли М.А. Фонвизина, очень скромна: научное знание, “здравая философия”, как ее определяет тобольский ссыльный декабрист, только развивает человеческий ум, подготовляя к принятию веры» [цит. по: Бородавкин, Храпова, 1992, с. 18]. Объединяющим фактором могло послужить и отношение М.А. Фонвизина к Синоду, от косности и недалёковидности которого так страдал сибирский миссионер. Относительно руководства церкви декабрист высказался таким образом: «Церковь управляется Св. Синодом, которому члены назначаются не по избранию верных, а по произволу самодержавной власти. А на человекоугодничество взять их: ни в одной еще христианской церкви не было из архиереев таких поклонников и льстецов власти как наши» [цит. по: Бородавкин, Храпова, 1992, с.18]. Поэтому неудивительно, что за свободомыслие члены Тобольской консистории чету Фонвизиных, мягко говоря, недолюбливали и даже распускали слухи о ее сектантстве.

Переводом Ветхого Завета с древнееврейского языка на современный русский архимандрит Макарий занимался самостоятельно, но он остро нуждался в сотрудниках, которые бы помогали в переводах с иностранных языков экзегетических сочинений. Требовались и писцы для размножения переводов, копиями которых в отсутствие возможности публикации он щедро делился с друзьями и духовными детьми. Известно, что «М.А. Фонвизин переводил о. Макарию с французского языка труды швейцарского богослова Ж.-Ф. Остервальда. В архиве М.А. Фонвизина сохранился отрывок из этих переводов, которые тайно переправлялись декабристами через родственников и знакомых к архимандриту Макарию в его последний приют – Оптину пустынь с 1844 по 1847 гг. [Бородавкин, Храпова, 1992, с. 18]. П.С. Бобрищев-Пушкин по поручению архимандрита занимался переводом приложений к Евангелию от Матфея, Иоанна, составленных протестантским теологом Ж.Ф. Остервальдом, а также трудился над перепиской готовых переводов библейских книг. «По свидетельству Г. Дмитриева-Мамонова: «Павел Сергеевич в Тобольске вел жизнь скромную и, хотя в ведомостях о лицах,

стоящих под надзором полиции, отмечается лицом “ничем не занимающимся”, но на самом деле, кроме книг, преимущественно духовного содержания...любил читать священное писание, которое знал не хуже... богослова, вел жизнь почти аскетическую» [цит. по: Бородавкин, Храпова, 1992, с. 18].

С еще одним декабристом, Петром Николаевичем Свистуновым, архимандрит познакомился в конце своего миссионерского служения, когда ехал в г. Болхов, в почетную ссылку. По дороге в июле-августе 1844 г. священник вновь посетил Тобольск, проведя там восемь дней и расширив сеть знакомств. П.Н. Свистунов происходил из богатой дворянской семьи, был корнетом лейб-гвардейского кавалергардского полка, имел прекрасное образование и музыкальные способности. В начале 1820-х годов он играл на фортепиано и виолончели, выступал соло и дуэтом с А.А. Алябьевым на музыкальных вечерах Римских-Корсаковых. В Тобольске он появился в 1841 г. По просьбе тобольского архиерея П.Н. Свистунов «заведовал хором певчих, которые, кроме сочинений Бортнянского и Львова, исполняли также обедню, написанную им самим» [Кацюба, 1998, с. 22]. Для о. Макария декабрист в начале 1845 г. переводил книгу Фомы Компийского «О подражании Христу».

Были у архим. Макария помощники и среди духовенства: священник Н. Лавров, протоиерей Е.А. Остромысленский, протоиерей Ф.А. Голубинский. Помогали и его ученики. «Методология переводческой работы архим. Макария наглядно представлена в воспоминаниях Д.Д. Филимонова, его помощника и биографа, уже на второй (!) день знакомства привлеченного о. Макарием к переводу: “После обычного приветствия, усадив меня подле себя за стол, заваленный рукописями и книгами, о. Макарий подал английский перевод Библии и попросил передать по-русски, как можно ближе к английскому тексту, первую главу из книги Иова. Хотя это было несколько *ex abrupto* [лат. – «неожиданно», «внезапно», даже «несколько ошеломительно»], но я счел долгом беспрекословно исполнить его желание. По окончании 1-ой главы он дал мне французский и затем немецкий тексты, прося продолжать читать и передавать для сличения ту же главу по-русски. Сам о. Макарий между тем все время следил по исписанной по-русски тетради, прове-

ря с еврейским текстом, справляясь по временам с различными комментариями и высказывая при том нередко замечания: какой, по его мнению, перевод оказывался ближе к еврейскому». В этом кратком, живом рассказе показаны все основные источники перевода, на которых о. Макарий основывался в своей работе: еврейский текст, как базисный, современные европейские переводы и комментарии к ним, как ориентиры в работе» [Тихомиров, 2017, с. 30-31].

Духовные дочери о. Макария подвизались в основном в переписывании и размножении готовых рукописей. Так, своей сотруднице по Миссии Софье Густавовне де Вальмон он писал: «Достопочтенная сестра о Господе, Благодарствую за труды, и посылаю исправленный перевод книги Иова; старайтесь писать как можно правильнее и степенным почерком; видите, как Непряхина пишет; впрочем, Вы не все буквы у нее перенимайте» [Письма архимандрита Макария..., 1905, с. 416]. «Упомянутая в этом письме его духовная дочь Е.Ф. Непряхина на пятом десятке лет занялась изучением французского, немецкого и английского языков, чтобы помощь в переводе была более действенной» [Тихомиров, 2017, с. 30]. Именно она стала, по сути, организатором целого переводческого коллектива, которым руководил о. Макарий.

Таким образом, частые посещения начальника Алтайской духовной миссии г. Тобольска были связаны с его реформаторской деятельностью на ниве просвещения. Архимандрит очень высоко ценил своих помощников, говоря, что «и между ссыльными мелькают люди, которые не бесчестят своими нравами и поведением» [цит. по: Кацюба, 1998, с. 22].

В конце жизни о. Макарий оставил попытки опубликовать свой перевод книг Ветхого Завета в России и готовился к паломничеству в Палестину, имея цель опубликовать рукопись за границей. К сожалению, поездка не состоялась.

В итоге архимандритом Макарием были переведены все книги Ветхого Завета, за исключением Псалтыри. В качестве первоисточника он использовал масоретский текст, а не Септуагинту, вслед за своим наставником, преподавателем древнееврейского языка Петербургской духовной академии протоиереем Г.П. Павским. Особенностью этого перевода является то, что в нем «более 3600

раз встречается имя Бога – Иегова»⁸⁴, что вызывает особый восторг членов современной тоталитарной секты «Свидетели Иеговы» со штаб-квартирой в Бруклине (Нью-Йорк). Издавая перевод архимандрита Макария, иеговисты подвергли его существенной переработке, которую назвали «внесением в текст незначительных поправок» [Нестеров, 2003, с. 92].

Фигура архимандрита Макария, «романтического миссионера», как однажды назвал его митрополит Московский Филарет, должна быть вписана в историю миссионерского движения золотыми буквами [Тихомиров, 2017, с. 15]. В 2000 г. Русской Православной Церковью преподобный Макарий (М.Я. Глухарев) был причислен к лику святых.

«Рассказы о жизни Макария Глухарева, его простоте в общении, о доступности для желающих беседовать с ним ходили по Западной Сибири. Достоевский должен был слышать о нем в Омске, Семипалатинске и в поездках своих на Алтай» [Громыко, 1985, с. 87]. Тем более что иеромонах входил в окружение Н.Д. Фонвизиной, которая в разговорах с петрашевцами еще в 1850 г. вспоминала миссионера [Громыко, 1985, с. 86], неоднократно приезжавшего в Тобольск. Более того, в январе 1850 года в Тобольске Достоевский встречался и с П.Н. Сви-стуновым, помощником и переводчиком сибирского миссионера.

Стали хрестоматийными строки из письма Достоевского Н.Д. Фонвизиной от конца января – 20-е чисел февраля 1854 из Омска: «Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, муже-

⁸⁴ Кандидат богословия, доцент кафедры библеистики Санкт-Петербургской духовной академии Б.А. Тихомиров дает следующий комментарий использованию этой формы имени Бога: «Иегова» – форма прочтения личного божественного имени, YHWH, в вокализации масоретов. Уже к началу XIX в. библеистика убеждается в ее искусственности. Переводы РБО, прот. Г. Павского, прп. Макария, в отдельных местах Синодальный в отношении прочтения четырехбуквенного имени следуют еще старой практике [Тихомиров, 2017, с. 34].

ственнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и *действительно* было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28-1; 176). Представляется, что эти строки писателя могут восходить в качестве одного из источников к философии М.А. Фонвизина. Цитируемые выше слова декабриста «Не через научное знание, а именно через откровение, через внутреннее чувство познает человек главные, волнующие его истины: идею Бога как первопричины всего сущего, добро и зло, свободу воли, собственное назначение в мире» соотносятся с убеждениями Достоевского, высказанными в письме к жене декабриста: «сам пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как «трава иссохшая», веры, и находишь ее, собственно, потому, что в несчастье яснее истина» (28-1; 176) и вердиктом «мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28-1; 176). Очевидно, что провозглашаемая М.А. Фонвизиним идея приоритета веры над разумом была поддержана Достоевским, поэтому это письмо является выражением единства взглядов корреспондентов.

Духовный поиск архимандрита Макария, подлинная подвижническая жизнь, широта мышления и пренебрежение любыми условностями, если они противоречат заветам Христа, были глубоко симпатичны писателю. Безусловно, Достоевскому была близка идея народного просвещения и духовного исцеления, последовательно реализуемая М.Я. Глухаревым. М.М. Громыко утверждает, что в 1856 г. была опубликована книжка, в которой подробно рассказывалось о деятельности Глухарева в Сибири. Автором ее был протоиерей Стефан Ландышев, ставший преемником отца Макария и возглавлявший Алтайскую миссию с 1844 по 1866 гг. В августе 1857 г. он «посетил Семипалатинск и там подарил свою книжку краеведу Н.А. Абрамову (последний сообщал об этом в письме к А.И. Сулоцкому). Т.е., не только рассказы, но и материал о Глухареве был доступен Федору Михайловичу (напомним, что именно Н.А. Абрамова и Достоевского назвал Врангель в качестве лиц, с которыми он более всего общается в Семипалатинске)» [Громыко, 1985, с. 88].

Таким образом, не только печатные источники о М.Я. Глухареве, но, что более ценно, живые рассказы лично знавших его людей были доступны Достоевскому в сибирской ссылке как материал для творчества. Писатель мог слышать бытовавшие в устной легенде юмористические случаи, комичные ситуации из жизни подвижника. Например, известно, что большие трудности доставляло Макарию сопротивление проживавших на Алтае раскольников. Они «были против просвещения инородцев, считая их недостаточно зрелыми для принятия христианства, и отеческие заботы о, по их выражению “поганой нехристи”, дали им повод увидеть в прибытии миссии на Алтай... знамение антихристово пришествия» [Нестеров, 2003, с. 46]. Раскольники распускали слухи, комичные в своей нелепости. Так, например, они говорили «будто архимандрит Макарий – антихрист, что имеет крылья и летает, куда захочет, а на руках и ногах у него когти. Эти небылицы принимались многими простыми верующими за правду. Как-то раз начальник миссии прибыл в одну раскольничью деревню и потребовал, по имевшемуся у него бланку, подводу. Несмотря ни на какие просьбы и мольбы, подводу ему не давали. Через некоторое время старуха-раскольница, хозяйка избы, где он остановился, стала спрашивать его: “Ты на крыльях, отец, прилетел к нам, али нет?” “Если бы у меня были крылья, то я не просил бы подводу у вас”, – отвечал отец архимандрит. “Правда ли, отец, сказывают, что у тебя на руках и ногах когти?” – спросила тогда она. Архимандрит Макарий молча показал ей свои руки. “Покажи мне, отец, и ноги твои” – продолжала свое дознание раскольница. Так же смиренно и безмолвно миссионер снял с обеих ног обувь и показал их хозяйке. Та поспешила сообщить своим, что у отца Макария нет ни крыльев, ни когтей, и он тут же получил подводу» [Нестеров, 2003, с. 46].

Итак, барнаульская и алтайская история органично входила в круг бесед писателя с Н.Д. Фонвизиной, П.Н. Свистуновым, Н.А. Абрамовым, В.П. Демчинским и др. Любопытные истории старцеоформились в устную легенду и бытовали в Сибири как анекдоты. Поэтому в повести «Дядюшкин сон» Достоевский мог с легкостью, иронично оперировать известными ему фактами, создавая комические образы.

Более того, есть основания предполагать, что Достоевскому были известны и письма о. Макария, возможно, в пересказе декабристов⁸⁵. Приведем два примера. Архимандрит Макарий постоянно под руководством Филарета боролся со своеволием, писал о необходимости отсечения собственной воли: «Собственная воля есть медная стена, отлучающая душу от истинного просвещения» [Письма архимандрита Макария..., 1905, с. 444]; «Наше я, эта наша змея, извивается неисчислимыми, и часто неуловимы для внимания, изворотами и образами» [Письма архимандрита Макария..., 1905, с. 445]. В связи с этим вспоминается как общая проблематика романа «Село Степанчиково и его обитатели», так и отдельная фраза: «но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо» (3; 12). Мы не настаиваем на факте заимствования, поскольку змея – обобщенный библейский символ. Второй пример связан с духовной традицией сибирских подвижников. Описывая характер миссионера, С.В. Нестеров акцентирует, что «...душе его был созвучен пример подвизавшихся в те годы в Сибири старцев Василиска и Зосимы, за которыми он иногда “...в непонятной грусти улетал из России в Сибирь пустынную на крыльях быстро парящей мысли”» [Нестеров, 2003, с. 21]. И далее: «знакомство с подвигами сибирских подвижников Василиска и Зосимы Верховского еще в студенческие годы устремляло его мысли в этот край, если не для проповеди Евангелия, то с целью личного спасения» [Нестеров, 2003, с. 33].

В дальнейшем творчестве в более серьезном освещении о. Макарий, по мысли М.М. Громыко, станет одним из прототипов образа старца в романе «Братья Карамазовы». Первоначально, в подготовительных материалах к роману, автор называет его Макарием, а не Зосимой. В черновых набросках к первой части романа Достоевский записал: «Слова. Говорили, Макарий видит по глазам» (15; 200). И еще в двух местах: «Настоятель скита и Макарий, еще ученый монах» (15; 210). «— Макарий к Ивану: „А вы вашей статьей“ – и т.д.» (15; 211) [Громыко,

⁸⁵ Эпистолярное наследие было опубликовано только в начале XX века. См.: Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии / Под ред. и с предисл. К.В. Харламповича. – Казань, 1905.

1985, с. 88]. Ту же мысль о причастности фигуры Макария Алтайского к созданию образа Зосимы высказывал и К.В. Мочульский [Мочульский, 1980, с. 473].

Кроме того, как отмечает М.М. Громько, старика-монаха из окружения Зосимы, «захожего из одной дальней северной малоизвестной обители», Достоевский связывал с сибирскими впечатлениями: он называет его обдорским иноком (14; 296) и обдорским гостем (296; 302). В черновых набросках к роману тоже назван «захожий монашек из Обдорска», «обдорский монашек» (15; 217) и (15; 256). Первоначально Макарий Глухарев приехал в Сибирь для создания миссии в Обдорске, но в Тобольске получил иное назначение – на Алтай [Громько, 1985, с. 88]. Поэтому следует признать, что образ старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» у Достоевского многослоен, полигенетичен, и в том числе восходит к фигурам сибирских подвижников Зосимы, Василиска и Макария.

Многokrатно отмечалось, что Д.Н. Ильинский, отбывавший каторгу одновременно с Достоевским по обвинению в отцеубийстве, оказавшемся ложным, послужил прототипом Дмитрия Карамазова [Реизов, 1970 в, с. 129-138], [Якубович, 1976, с. 119-124]. Т.е. сибирские впечатления и воспоминания писателя оставались очень значимыми и продуктивными в творчестве на протяжении всей жизни.

Таким образом, в повести «Дядюшкин сон» Достоевский зашифровывает сподвижника В.Ф. Геблера отца Макария под мирским именем Михаил, комически трансформируя фонетический рисунок лексемы «Мисаил». Писатель едко иронизирует по поводу веры князя К., который по причине сломанной коляски легко отказывается от цели путешествия – Светозерской пустыни и умирает в Мордасове, за криптонимом которого угадывается Барнаул. Задолго до обдумывания замысла романа «Братья Карамазовы» писатель размышляет о М.Я. Глухареве не только как катализаторе творческого импульса и одном из прототипов, но и примере «романтического» миссионера», народного духовного лидера и реформатора церкви.

3.8 Знаки других сибирских городов

Однако было бы наивно полагать, что при создании повести Достоевский ограничился только барнаульским или алтайским материалом. Есть в тексте и указания на Кузнецк, Омск и Семипалатинск, но представлены они гораздо в меньшей степени.

Кузнецк

Первоначально мы полагали, что под перифразом «здешняя скверная речонка с неприличным названием» (2; 324) Достоевский мог иметь в виду речку Барнаулку, давшую название городу. Как мы описали подробно выше (§ 3.3) название имеет две версии происхождения: 1) тюрк. – волчья река; 2) телеут. – серая, мутная вода. Эта гипотеза, казалось бы, подтверждается и текстом художественного произведения, поскольку этимология гидронима перекликается с «животной» метафорой топонима Мордасов. Возможно, так Достоевский мог бы намекать на поговорку «волки в овечьей шкуре», характеризуя жителей города, под гостеприимством которых скрывается желание «облапошить» князя женитьбой. В этом случае номинация художественного топонима актуализирует бездуховность, прагматичность мордасовцев, находящихся на низшей ступени развития. Если обозначить триаду уровней духовного развития: «морда – лицо – лик», то жители занимают самую низкую ступень.

Однако в процессе исследования криптонима «скверной речонки с неприличным названием» позиция была уточнена. Из всех сибирских рек сразу нужно исключить Обь (ранее – Обдора) и ее приток Иртыш, протекающий в Семипалатинске и Омске, как большие, полноводные реки⁸⁶. На наш взгляд, авторскому определению «скверная речонка с неприличным названием» не может соответствовать и другая маленькая речка Барнаула – Пивоварка. Исторически она имела другое название – Пранка и была названа в честь инженера М.Б. Пранга, который

⁸⁶До завоевания Ермаком Сибири край вокруг Оби назывался Обдорским. Первое упоминание встречается в 1364 г. в «Новгородской летописи», река названа Обдорой. Варианты этимологии: 1) от языка коми обва – «снежная вода», «снег», «снежный сугроб», «место у снега»; 2) иранск. «об» – «вода»; 3) от коми-зырянского слова обва – «тетка, бабушка»; 4) от русского «обе», то есть «обе реки» – Катунь и Бия, слившиеся в Обь. Название реки Иртыш состоит из двух компонентов: «-ир» означает «бурный», «стремительный» (что согласуется с характером водотока реки в ее верхнем течении) и «-тыш» имеет значение «река».

на ее левом берегу в 1864 году открыл первый в России содовый завод [Скубневский, 1997, с. 53], [Печальная река, URL].

В Кузнецке вблизи дома портного М.Д. Дмитриева, где останавливался Достоевский в феврале 1857 г. и где сейчас расположен мемориальный музей писателя, протекает Иванцевка – протока реки Томи. Отделенная широким островом Топольники, она воспринималась жителями Кузнецка как самостоятельная речка. В конце XIX в. была судоходной. Еще одна протока называлась Казачья грязь, позднее переименована в речку Казачку. Она впадала в Иванцевскую протоку (Иванцевку). Правым притоком Иванцевки также был Картас (отсюда и название улицы Картасская).

Более вероятно, что под перифразом «скверная речонка с неприличным названием» писатель едко обыграл название небольшой речки, протекающей возле Кузнецка, – Кóндома. «Река Кондома, соединяющая Тельбес с реками Калтаном и Томью, только весной может быть сплавной» [Оланьон, 1903, с. 193]. Номинация в переводе с шорского языка означает «извилистая река». Обращает на себя внимание созвучность фонетической оболочки гидронима с названием барьерного контрацептива (фр. *condom*), получившего название по имени изобретателя – доктора Чарльза Кондома. Он придумал резиновое средство предохранения от нежелательной беременности и инфекций для любвеобильного английского короля Генриха VIII, у которого только официальных жен было шесть [Говорящие фамилии..., URL]⁸⁷.

⁸⁷ В XIX веке информацию о барьерных контрацептивах начали активно продвигать в массы. В Европе распространялись трактаты и листовки с инструкциями о том, как изготовить кондомы самостоятельно. Настоящим прорывом в истории презервативов стало изобретение процесса горячей вулканизации резины в 1843 г. Ч. Гудиером (США) и в 1843 г. Т. Хэнкоком (Англия). Они оба запатентовали свои изобретения. 1844 г. знаменуется массовым производством резиновых контрацептивов. Изначально, эти изделия были многоразовые. После каждого использования их мыли, опускали в специальный раствор, закрывали в коробку и прятали в прикроватную тумбочку. Говорить о них было запрещено [История презерватива от древности ..., URL]. Можно предположить в качестве гипотезы, что Ф.М. Достоевский мог узнать и последние новости о производстве товаров в сфере приватной жизни. В 1859 г. в Санкт-Петербурге коммерсантом из Гамбурга и представителем американской галошной фирмы Фердинандом Краузкопфом было основано «Товарищество Российско-Американской резиновой мануфактуры», один из первых заводов по производству резины, использующий новую технологию [История презерватива от древности ..., URL], который производил не только галоши. Но поскольку публикация повести состоялась в марте 1859 г. в петербургском журнале «Русское слово» (№ 3), а была завершена «3-го Января 1859 г.» (эта дата проставлена в журнальной публикации на последней странице – Русское слово. 1859. Март. Отд. I. С. 172) [Тихомиров, 2017, с. 431], последнее наблюдение можно считать факультативным.

В повести встречается и такая деталь: дом Марьи Александровны расположен на Большой улице. В этой номинации годонима мы усматриваем кузнецкий знак: аналогично называлась улица Кузнецка, на которой останавливался Достоевский в период заключения брака с Исаевой⁸⁸. И в семиосфере реального города и вымышленном мире художественного текста наименование улицы выполняет характеризующую функцию. «Именованье городских улиц – процесс не стихийный, это значимый показатель культурного самосознания [Абашев, 2000, с. 82]. В названии улицы Большая сатирически обыгрывается провинциальность, претензии на собственную значимость».

Семипалатинск

Повесть завершается почти гоголевским пассажем: «На другой день, рано утром, в город въехал один посетитель. Об этом посетителе мигом заговорил весь Мордасов, но заговорил как-то таинственно, шепотом, выглядывая на него из всех щелей и окон, когда он проехал по Большой улице к губернатору. Даже сам Петр Михайлович немного как будто бы струсил и не знал, как быть с приезжим гостем» (2; 395). Предположим, что в образе упоминаемого мельком авторитетного чиновника высокого ранга, предположительно губернатора Мордасова, имя и отчество которого **Петр Михайлович**, могли отразиться черты хорошо знакомого Врангелю и Достоевскому полковника, затем генерал-майора **Петра Михайловича** Спиридонова (1804 -?). Он исполнял обязанности военного губернатора Семипалатинской области в 1854–1857 гг. (1854 г. в чине полковника стал военным губернатором Семипалатинской обл., в 1857 г. подал прошение об отставке по болезни) [Белов, 2001, Т. 2, с. 242]. Известны даже точные даты нахождения его в должности: 31.07.1854–09.03.1857 (См. Семипалатинская область, URL), что позволяет уточнить информацию, представленную на сайте Федор Достоевский. Антология (1854-56) и в издании С.В. Белова [Белов, 2001, Т. 2, с. 242].

⁸⁸А.С. Шадрина называет улицу Большую одной из главных в пространственной среде развивающегося города Кузнецка XVIII века. В 70-е гг. XIX в. возведение здания Городской управы с полицейским управлением закрепило за ней новое название – Полицейская. В 1901 г. улица переименована в честь Ф.М. Достоевского [Шадрина, 2016, с. 103–105]. В то же время в Барнауле была улица Большая Тобольская и Большая Олонская, на которой и останавливался писатель во второй и третий приезд в город. Улица Большая есть в Семипалатинске, но она получила имя после революции.

Близкий друг Достоевского А.Е. Врангель, исполняющий должность областного прокурора вспоминает о нем с теплотой: «Военный губернатор области <...> был П.М. Спиридонов, добрейший человек, простяк, гуманный и в высшей степени хлебосол. Благодаря своему высокому положению, он был, конечно, первое лицо в городе. Я очень скоро сделался у него своим человеком, обедал через день и приобрел его полное доверие. Он встречал Достоевского то там, то сям и, кажется, сам даже ходатайствовал за него у батальонного командира по просьбам из Омска. Желая, во что бы то ни стало, дать ему возможность ближе узнать и оценить Достоевского, я попросил разрешения ввести Ф<едора> М<ихайловича> к нему в дом. Он помолчал, подумал и сказал: “Ну, ну, приходи с ним, да запросто, в шинели, скажи ему”. Вскоре Спиридонов искренно полюбил Достоевского, – он сделался у него своим человеком; где только мог, Спиридонов ему помогал и вообще был ему полезен. Пример, данный военным губернатором, открыл Достоевскому доступ ко всему высшему обществу богоспасаемого града Семипалатинска» [Врангель, 1812, с. 25]. П.М. Спиридонов упоминается в семипалатинском письме Достоевского А.Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г. (28-1; 227).

Омск

Есть в тексте повести и омская аллюзия. Б.Н. Тихомиров полагает, что прототипом мужа Зины, о котором мы знаем, что он – генерал-губернатор «главного города “отдаленнейшего края”», «высокий, худощавый и строгий генерал, старый воин, израненный в сражениях, с двумя звездами и с белым крестом на шее» (2; 397) является генерал от инфантерии Густав Христианович Гасфорт (1794–1874), возглавлявший Западно-Сибирское генерал-губернаторство – административно-территориальное образование, объединявшее Тобольскую и Томскую губернии, Семипалатинскую область и Область Сибирских киргизов. Главным городом Западно-Сибирского генерал-губернаторства был Омск» [Тихомиров, 2017, с. 392–393]. Г.Х. Гасфорт одновременно был командующим отдельным Сибирским корпусом. Исследователь дает комментарии к деталям описанного внешнего облика, отсылая к биографии прототипа: «Белым крестом на шее, по-видимому, является орден Св. Георгия. Знаком этого ордена был белый (эмалевый) крест. Орден Св.

Георгия 1-й степени носился на бедре, 2-й и 3-й степени – на шее. Генерал Г.Х. Гасфорт <...> в 1849 г. за сражение под Рейсмарком и Мюльбахом во время Венгерской кампании был награжден орденом Св.Георгия 3-й степени. Гасфорт также был награжден орденом Св. Анны 1-й степени (звезда на правой стороне груди) и орденом Св. Владимира 2-й степени (звезда на левой стороне груди) [Тихомиров, 2017, с. 392–393].

Достоевский лично знал Г.Х. Гасфорта, познакомившись с ним в июле 1855 г. в Семипалатинске во время ревизии; Гасфорт ходатайствовал о производстве солдата Достоевского в унтер-офицеры (1855), прапорщики (1856) и об его отставке (1858) [Белов, 2001, Т. 1, с. 173]. «И хотя сначала Гасфорт «наотрез отказался» представить вдовствующей императрице стихи Достоевского «На первое июля 1855 года», добавив А.Е. Врангелю: «За бывших врагов правительства никогда я хлопотать не буду; если же в Петербурге сами вспомнят, то я противодействовать не буду» [Врангель, 1912, с. 78], однако стихотворение все-таки было передано в августе 1855 г. через Гасфорта военному министру с просьбой передать вдовствующей государыне-императрице⁸⁹. Посылая стихи Достоевского, Г.Х. Гасфорт писал: «При нынешней поездке моей на левый фланг линии в Киргизской степи, в бытность мою в г. Семипалатинске, рядовой Сибирского линейного батальона № 7 Федор Достоевский представил мне стихотворение “На 1 июля 1855 года”, которое он просил повергнуть к стопам Ее Императорского Величества <...>. Препровождая при сем к Вашему сиятельству упомянутое его стихотворение, имею честь покорнейше просить <...> исходатайствовать всеми-

⁸⁹Несколько иначе ситуация с передачей стихов описана в воспоминаниях Алексея Ивановича Иванова – адъютант начальника 24-й пехотной дивизии, встречавшегося с Достоевским в Семипалатинске в 1855 г. Об этой встрече Иванов рассказал в мемуарах «Встреча с Достоевским (Из моих поездок по Азиатской России)», напечатанных в 1893 г. в выходящей в Ташкенте газете «Туркестанские ведомости», 14 (26) февраля, № 12:

«– Я пришел к вам, г. адъютант, с просьбой помочь мне представить через вашего генерала корпусному командиру Гасфорту стихи, написанные мною на смерть Императора Николая Павловича и посвященные Его Августейшей Супруге Императрице Александре Федоровне» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 92-93].

А.И. Иванов поговорил с генералом, а тот, в свою очередь, корпусному командиру: «Через час мы были у губернатора; гостей собралось много, и мне пришлось три раза прочесть стихи Достоевского, которые всем понравились. На другой день был праздник, и мы с генералом после обедни и парада были приглашены к корпусному командиру на завтрак. Пользуясь случаем, генерал передал ему стихи Достоевского, похвалив их, и просил представить вдовствующей императрице Александре Федоровне» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 92-93]. Вероятно, Ф.М. Достоевский с А.Е. Врангелем действовали в разных направлениях с целью достижения успеха. Когда Г.Ф. Гасфорт отказал, стихи были переданы родными Врангеля через известного пианиста и преподавателя музыки Адольфа Гензельта принцу П.Г. Ольденбургскому, который и передал стихи Императрице [Врангель, 1912, с. 78-79]. Зная об этом факте, Г.Ф. Гасфорт сделал то же как непосредственный начальник.

лостивейшее соизволение на производство его в унтер-офицеры». В записных тетрадях Достоевского 1875–1876 гг. есть отзыв о Гасфорте: «Обида. Густав Христианович. Он занимал звено в машине, да ведь эти звенья ничтожность? Да и во все не надо, чтоб они были чтожности и делали хорошо. Пусть делают дурно или как-нибудь, но они живут и составляют машину. Была бы машина» [Белов, 2001, Т. 1, с. 173].

Неоднозначные впечатления о Г.Х. Гасфорте оставил А.Е. Врангель. С одной стороны, он называет его «бесцветной личностью» [Врангель, 1912, с. 9], пишет о нем в письме к отцу от 8 декабря 1854 г.: «Он принял меня свысока, руки не дал, хотя и пригласил обедать. Он так пуст и глуп, что много говорить о нем не буду. *C'est une encyclopedie, un homme qui se croit presque l'Empereur ici lui-meme* II a beaucoup lu, mais ne connait pas la vie pratique; sa lete est vide comme un tonneau (Это энциклопедия наоборот. Человек, считающий здесь себя почти императором. Он много читал, но не знает практической жизни. Его голова пуста как бочка – франц. – *E.C.*). Он, пожалуй, и желал бы добра краю, да взяться не умеет. Здесь слово его закон и ему оказывают чуть не божеское почитание» [Врангель, 1912, с.12]. Воспоминания Врангеля, которому было велено повсюду сопровождать генерал-губернатора, о ревизии Гасфорта в Семипалатинске представлены с иронией, как череда анекдотов⁹⁰. С другой стороны, по прошествии времени и возвращении Достоевского в Петербург, мемуарист смягчился в оценке: «в сущности, Гасфорд был добрый старик, но что поделаешь – слабость имел напускать на себя важность и грозность» [Врангель, 1912, с. 77].

Найденный Б.Н. Тихомировым прототип мужа Зины Москалевой – старый князь Гасфорт – представляется верным и обоснованным. Действительно, за всю свою жизнь Г.Х. Гасфорт участвовал в 60 сражениях. Добавим, что обстоятель-

⁹⁰Так, например, описан эпизод переправы через Иртыш: «Лошади генерал-губернаторского тарантаса так разогнались, что не будь десятка услужливых чиновничьих рук, остановивших за уздцы разгоряченный восьмерик, быть бы генерал-губернатору с супругою в реке Иртыш.

Почему Гасфорт таскал повсюду свою жену – чиновничество недоумевало.

Старик Гасфорт, выйдя из экипажа, едва кивнул нам» [Врангель, 1912, с. 72].

Аналогично описаны эпизоды ревизии, когда Гасфорт требовал от Врангеля подписать документы чужого ведомства (окружного суда), но отказался осмотреть его «ведомство» – острог, предпочтя поехать завтракать, на представлении чиновничества распек батюшку, почему не звонили во все колокола при въезде генерал-губернатора в Семипалатинск.

ства личной жизни генерала позволяют расширить интерпретацию исследователя и делать выводы о том, что в образе Зиночки могли быть воплощены некоторые черты Любочки – так в Омске до сих пор называют вторую жену Г.Х. Гасфорта Любовь Федоровну (урожденная Львову) (1829-1852). Известно, что в 1851 г. Гасфорт появился в Омске вместе с красавицей женой, которая спустя полтора года скоростно скончалась от чахотки (в июне 1852 г.). Несмотря на непродолжительный период жизни в Омске она стала народной любимицей. В 1851 г. муж посадил для нее рощу под валами крепости, где она любила гулять. Уменьшительно-ласкательная форма имени красавицы-жены старого генерала «Любочка», возможно, запомнилась писателю и впоследствии отразилась в выборе имени для героини повести «Дядюшкин сон» – Зиночки.

В 1854 г. Гасфорт женится в третий раз на дальней родственнице своей жены – Надежде Николаевне Львовой (1830-1876). Допускаем, что образ Зиночки восходит сразу к обеим – второй и третьей – женам Гасфорта и является собирательным. Обратим внимание на созвучие фамилий героини повести и ее прототипов: Москалева – Львова.

О третьей жене Гасфорта, Надежде, Достоевский мог слышать в том числе и от Врангеля, который в мемуарах вспоминал о вечере в Омске, цитируя свое письмо отцу от 8-го декабря 1854 г.: «Вечером у супруги Гасфорта, урожденной Львовой, племянницы известного нашего композитора Алексея Федоровича Львова, собирались сливки местного общества. Меня поразила безвкусица дамских старомодных туалетов и особенно чинопочитание и натянутость отношений. На генерал-губернатора смотрели с умилением и страхом. А впрочем, в те времена генерал-губернатор был самодержец, неограниченный владыка» [Врангель, 1912, с.12–13]. Представляется, что образ генеральши, которая «ужасно хороши из себя-с, даже, можно сказать, первые красавицы-с, но держат себя чрезвычайно гордо, а танцуют только с одними генералами-с» (2; 397), восходит к омским событиям-впечатлениям друга. В Семипалатинск Гасфорт приезжал вместе с супругой, которая во время обеда была очень любезна с Врангелем как с давним знакомым. Это событие мемуарист описал так: «Жену его я отлично знал по Петербур-

гу. Она встретила меня очень приветливо и усадила меня подле себя на диване. Вошедшие вслед за мной мои товарищи, видя меня на диване непринужденно беседующим, нашли это такой необычайной развязностью и смелостью, что об этом долго в городе судачили, как о каком-то событии» [Врангель, 1912, с. 77].

С.А. Скуридина предлагает иную интерпретацию. По ее мнению, «[и]мя Зинаида могло возникнуть в ономастической лаборатории писателя под влиянием образа Зинаиды Александровны Волконской, в салоне которой на Тверской соби­рался цвет российской культуры 1820-х годов: Пушкин, Мицкевич, Баратынский, Веневитинов. Из дома З.А. Волконской уезжала М.Н. Волконская (Раевская) в ссылку к мужу-декабристу» [Скуридина, 2019, с. 79].

Итак, говоря о локальной семиотике повести «Дядюшкин сон», резюмируем, что в тексте присутствует незначительное количество общепроvincиальных знаков, позволяющих говорить о типичности, общепроvincиальном колорите произведения (липкий снег в лицо, обилие лающих собак, узкие тротуары и т.д.). Гораздо чаще топографические знаки маркированы, отсылая к конкретным точкам географического пространства и деталям сибирского опыта Достоевского: Кузнецк, Семипалатинск, Омск и в большей степени Барнаул.

Творческая лаборатория повести
«Дядюшкин сон»

Наряду с широко известными страницами истории Алтая, автор иронизирует и над самим собой, шутливо обыгрывая свою литературную личность (термин Ю.Н. Тынянова) и матримониальные цели. Подробному рассмотрению этого аспекта текста и посвящен следующий параграф нашей работы.

3.9 Автопародия как нарративная стратегия произведения

В повести «Дядюшкин сон» «спрятаны» очень личные впечатления Достоевского о Барнауле и о событиях, с ним связанных. По мысли В.А. Туниманова, фигура хроникера-рассказчика была большим открытием Достоевского: «летописец – фигура условная: им рассказана всего одна, хотя весьма примечательная, история (скандальная хроника) и он не обладает самым необходимым качеством летописца – объективностью, беспристрастностью» [Туниманов, 1980, с. 16]. Он тонкий и проницательный наблюдатель, самый незаинтересованный (лично) во всем городе и происходящих событиях человек, умеющий дать им верную оценку. «Есть основания предполагать, что летописец бежал из Мордасова» [Туниманов, 1980, с. 16]. При внимательном прочтении повести оказывается, что в качестве второстепенного персонажа в ней упоминается сам автор: «Один заезжий литератор посвятил ей (Марье Александровне. – *Е.С.*) свою повесть, которую и читал у ней на вечере, что произвело чрезвычайно приятный эффект» (2; 296). По воспоминаниям П.П. Семенова, Достоевский читал ему в Барнауле «Записки из Мертвого дома» [Семенов-Тянь Шанский, 1990, с. 310]. В Барнауле в помещении Алтайского горного собрания существовала традиция устраивать вечера, балы и обеды, сопровождающиеся литературным чтением [Старцев, Тяпкин, Тяпкина, 2010, с. 91]. К сожалению, мемуарных свидетельств, что ссыльный писатель порадовал публику чтением, не сохранилось, поэтому это только предположение, сделанное с опорой только на художественный текст. Если событие имело место, то оно могло произойти на балу в честь именин Екатерины Иосифовны Гернгросс 24 ноября 1956 г. Примерно в этот период, по воспоминаниям Б.Г. Герасимова, в Семипалатинске Достоевский, «...шагая по комнате, с большим воодушевлением читал отрывки из задуманной им повести “Дядюшкин сон”» [Достоевский в забытых..., 1993 с. 123]. Об этом свидетельствовал и А.Е. Врангель, в квартире которого непосредственно осуществлялся творческий процесс: «Расстегнув шинель, с чубоком во рту, он шагал по комнате, часто разговаривая сам с собою, так как в голове у него вечно рождалось нечто новое. Как сейчас вижу его в одну из таких минут; в это время он задумал писать “Дядюшкин сон” и “Село Степанчиково”»

(см. письмо Майкову). Он был в заразительно веселом настроении, хохотал и рассказывал мне приключения дядюшки, распевал какие-то отрывки из оперы...» [Врангель, 1912, с. 30-31].

Н.А. Макурина справедливо утверждает, что «...пародия как жанрово-стилистическая составляющая художественного мира, как принцип создания художественного образа или как одна из граней его становится важной и неотъемлемой частью эстетической стратегии Достоевского, одним из принципов художественного преломления жизненного материала» [Макурина, 2018, с. 3]. Дополним, что в сибирских произведениях автора самопародия (автопародия) занимает значительное место и выявляется на мотивном, сюжетном, образном уровнях текста.

В повести ирония Достоевского в отношении «заезжего литератора», посвятившего Марье Александровне свою повесть и читавшего текст в ее салоне, достигает масштаба гротеска. Прагматично ориентированная героиня негативно относится к «дураку-Шекспиру» (2; 384), но посвященная ей повесть произвела «чрезвычайно приятный эффект» (2; 296). Так Достоевский под маской «заезжего литератора» саркастически противопоставляет свой талант английскому драматургу.

Несомненно, что фигура Шекспира была одним из литературных ориентиров Достоевского. «Шекспир был для Достоевского, наряду с Пушкиным и Шиллером, идеалом автора, составившего в своих произведениях «правильный очерк человека» (28-1; 68), писателем, у которого стоит учиться (28-1; 71), воплощением «святого и великого, чистого» (28-1; 63), символом литературы как таковой, а также знаком определенной судьбы» [Баршт, 2015, с. 101]. Свое решение стать писателем Достоевский принимает в том числе и под влиянием творчества английского автора. По мысли К.А. Баршта, «[с] юности Достоевский увлекался в равной степени и сонетами Шекспира (непереведенные читал по-французски), и его драматическими произведениями (28-1; 70). Творчеством Шекспира он интересовался и в юношеские годы. Однокашник Достоевского по училищу К.А. Трутовский вспоминал, что «Федор Михайлович советовал мне читать <... > Шекспира в особенности» (Русское обозрение. 1893. № 1. с. 215). Свое намерение

заняться литературой Достоевский называл «шекспировской фантазией» (28-1;98) [Баршт, 2015, с. 101]. В заключении Алексеевского рavelина Петропавловской крепости в сентябре 1849 г. Достоевский читал Шекспира в переводе Н. Кетчера [Гроссман, 1935 б,с.60]. Кроме того, рукописи романа «Бесы» содержат изображения Шекспира (см. подробнее [Баршт, 2015], [Martirosyan, 2016]).

В связи с вышеизложенным, отношение человека к английскому барду было для Достоевского показателем его ценности, уровня его духовного развития, своеобразным «маркером» разделения людей на своих и чужих. Ненависть Марьи Александровны к «этому дураку» Шекспиру (2; 384), безусловно, – автобиографический мотив. Героиня повести считает «проклятого Шекспира» (2; 322, 324) источником высоких чувств молодежи, несоизмеримых с жестокой реальностью: «...вы прошлый раз говорили даже, что намерены отпустить ваших крестьян на волю и что надобно же что-нибудь сделать для века, и все это оттого, что вы начитались там какого-нибудь вашего Шекспира! Поверьте, Павел Александрович, ваш Шекспир давным-давно уже отжил свой век и если б воскрес, то, со всем своим умом, не разобрал бы в нашей жизни ни строчки!» (2; 307). В ненависти Марьи Александровны к Шекспиру легко угадывается источник: письма опекуна П.А. Карепина к Достоевскому, в которых он призывал адресата отказаться от литературной карьеры и трезво смотреть на жизнь: «Вам ли оставаться при софизмах поэтических, в отвлеченной лени и неге шекспировских мечтаний? На что они, что в них вещественного, кроме распаленного, раздутого, распухлого – превеличенного, но пузыряного образа? Тогда как в вещественности Вам указан путь чести, труда уважительного, пользы общественной...» (28-1; 421-422), – писал опекун 5 сентября 1844 г.⁹¹. Как отмечает К.А. Баршт, «[о]твечая на оскорбительные выпады в адрес Шекспира, с именем которого были связаны мечты о большой литературе, Достоевский писал: «Вам не следовало бы так наивно выразить свое превосходство заносчивыми унижениями меня, советами и наставлениями, которые приличны только отцу, и шекспировскими мыльными пузырями. Стран-

⁹¹ См. подробнее нашу статью: Сафронова Е.Ю. Проблема правового жизнетекста Ф.М. Достоевского: дело с П.А. Карепиным // Культура и текст. 2016 (26). № 3. С. 29-43.

но: за что так больно досталось от Вас Шекспиру. Бедный Шекспир!» (28-1; 98). Это отношение к Шекспиру сохранилось у Достоевского и в период, когда он сам стал известным литератором. В подготовительных материалах к роману «Бесы» Шекспир охарактеризован (от лица С.Т. Верховенского) как избранник, «которого творец помазал пророком, чтоб разоблачить перед миром тайну о человеке» (11; 157). Эта же мысль звучит и в его «Пушкинской речи» (26; 130-131)⁹² [Баршт, 2015, с. 101].

Кроме того, в травестированном виде сюжетные события перекликаются с биографией Достоевского, который во время написания был занят устройством своих брачных дел. Еще в начале работы над произведением автор признавался А.Н. Майкову: «Этот герой мне несколько сродни» (письмо от 18 января 1856 г., 28-2; 209).

По воспоминаниям А.Е. Врангеля [Врангель, 1990, Т. 1, с. 351] и А.Г. Достоевской, в домашней обстановке писатель иногда любил – в шутку, из веселого озорства – пользоваться речевыми манерами и жестами князя К. Вторая жена писателя указывала на субъективно-авторский момент в образе Дядюшки: «Я бывала очень недовольна, когда Федор Михайлович принимал на себя роль “молодящегося старичка”. Он мог целыми часами говорить словами и мыслями своего героя, старого князя, из “Дядюшкиного сна”. Высказывал он чрезвычайно оригинальные и неожиданные мысли, говорил весело и талантливо, но меня эти рассказы в тоне молодящегося, но никуда не годного старичка всегда коробили, и я переводила разговор на что-либо другое» [Достоевская, 1987, с. 107].

Вероятно, некоторые черты князя К. действительно импонировали писателю, который также ощущал себя после каторги стариком, в котором вспыхнула «запоздалая» любовь к М.Д. Исаевой. Есть основания полагать, что в «Дядюшкином сне» травестийно обыграна история жениховства автора. «В чисто литературном ключе комедийность “Сна” можно рассматривать как пародию на трагедию личной судьбы Достоевского», «в идейно-эстетическом плане комедия есть преодоление трагедии [Одинокое, 1980, с. 19]. Ту же мысль высказывал и В.А. Тунима-

⁹²См.: Левин Ю.Д. Достоевский и Шекспир // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 108-134.

нов: за спиной летописца стоит Достоевский, «...ищущий новые формы повествования, адекватные сибирскому трагическому опыту, и как бы по контрасту избирающий необычный и не слишком подходящий жанр комической повести» [Туниманов, 1980, с. 21].

Невеста Достоевского М.Д. Исаева, оказавшись в непростой ситуации – в одиночестве и с ребенком на руках, – в одном из ее кузнецких писем делится с Ф.М. Достоевским своими сомнениями: «Что если б нашелся человек пожилой, с добрыми качествами <...> обеспеченный, и если б этот человек бы делал ей предложение, что ей ответить (28-1; 212). Впервые эта биографическая параллель с матримониальным сюжетом повести отмечена В.А. Викторovichем [Викторovich, 2016, с. 227]. Добавим, что личный биографический опыт автора органично соединяется с барнаульскими впечатлениями. Так, Люси Шеррард Аткинсон (девичья фамилия – Финли), гражданская жена английского художника и путешественника Т.У. Аткинсона, в мемуарах «Воспоминания о татарских степях» делилась со своей корреспонденткой слухами и сплетнями о свадьбах в Барнауле в 1852 г.: «Следующая пара состоит из молодой особы двадцати двух лет и семидесятилетнего жениха. Единственное, что будет сказано в пользу последнего брака – он служит предлогом, чтобы отклонить некоторые приглашения и визиты. Прошлой зимой, когда мы жили здесь, старец предавался музе Тепсихоре в компании двух молодых особ: его будущей жены и семнадцатилетней юной леди. Когда мы уже находились в Иркутске, до нас дошла новость, что этот “Маркиз” начал обсуждение темы брака с генералом А., но тот очень вежливо отклонил честь, предназначенную для его дочери, ведь претендент был почти на тридцать лет старше его самого. “Маркиз”, как говорят, умчался в отчаянии, и прежде чем об отказе стали говорить, получил согласие отца другой молодой особы» [Аткинсон, 2013, с. 143]. Возможно, что, посетив Барнаул шестью годами позднее, Достоевский мог видеть эту замечательную пару на балу 24 ноября 1856 г. или слышать о ней от своих знакомых.

Можно утверждать, что личность Аткинсона была не просто интересна ссыльному писателю, но и продолжала волновать, служила источником творче-

ских раздумий и в более поздний период творчества. «В рукописях к «Дневнику писателя» за 1873 г. Достоевский сделал характерную для него помету «Memento» возле записи: «“С.-Петербургские ведомости” (перечень замечательного). Апреля 30. Вторник. (Об английской книге Аткинсона о русском искусстве)» (21; 272)» [Баршт, 2015, с.101].

Достоверно известно, что черновые записи к роману «Бесы» (III часть, 1 глава, 3 главка) содержат старательно выписанную фамилию Аткинсон, а каллиграфия всегда свидетельствует об интенсивном творческом процессе Достоевского [Баршт, 2015, с. 102].

См. также Мартиросян [Мартиросян, URL].

Это позволяет делать выводы, что сибирский опыт оказывал на творческий процесс Достоевского гораздо более серьезное влияние, чем было принято считать ранее.

Автобиографические штрихи в образе князя К. узнаваемы в некоторых подробностях, хотя Ф.М. Достоевский и пытался их скрыть.

– Нет, князь, – перебивает Марья Александровна, – клянусь, вы погубите себя такой жизнью! Затвориться на пять лет в уединение, никого не видеть, ничего не слышать! Но вы погибший человек, князь! Кого хотите спросите из тех, кто вам предан, и вам всякий скажет, что вы – погибший человек!

– Неужели? – восклицает князь.

– Уверяю вас; я говорю вам как друг, как сестра ваша! Я говорю вам потому, что вы мне дороги, потому что память о прошлом для меня священна! Какая выгода была бы мне лицемерить? Нет, вам нужно до основания изменить вашу жизнь, – иначе вы заболаете, вы истощите себя, вы умрете...

– Ах, боже мой! Неужели так скоро умру! – восклицает испуганный князь. – И представьте себе, вы угадали: меня чрезвычайно мучит **геморрой**, особенно с некоторого времени... И когда у меня бывают **припадки**, то вообще **удивительные при этом симптомы** (я вам подробнейшим образом их опишу)...» (2; 314).

В приведённом фрагменте очевиден намек на вынужденное затворничество князя К., ассоциативно связывающееся со ссылкой писателя-петрашевца, который порой чувствовал себя «мертвецом»⁹³ и так же, как и князь, ощутил возрождение под воздействием любви: «Я только теперь начинаю жить... Я хочу, чтоб сейчас же, сию минуту была свадьба» (2; 346). Более того, князь обещает описать **припадки «с удивительными симптомами» и геморрой**, в которых угадываются болезни автора. Очевидна параллель со странной нервной болезнью Достоевского, начавшейся еще в Петербурге, но более точно диагностированной именно в Барнауле.

Эпилептический припадок у Достоевского случился после венчания, ориентировочно 15 февраля 1857 г., и писателю пришлось «лишних 4 дня» (28-1, 270) прожить в Барнауле в тяжелом физическом и нравственном состоянии. Князь К. также проводит в Мордасове четыре дня, которые заканчиваются его смертью в гостинице от «нравственного потрясения» (2; 395).

⁹³ О различии самоощущения писателя на каторге и в солдатчине упоминал и Б.Г. Герасимов (отец Борис): «Пребывание в казарме дало возможность Достоевскому сравнить солдатскую лямку с каторгой, и это сравнение было не в пользу тюрьмы. Там Ф.М. считал себя заживо погребенным. Отклики на кошмарную жизнь в Омске мы видим в письме Достоевского из Семипалатинска к младшему брату Андрею Михайловичу. «Что за ужасное это было время, друг мой, я не в состоянии тебе передать. Это было страдание невыразимое, бесконечное. Если б я написал тебе сто листов, то и тогда ты не имел бы представления о моей тогдашней жизни» (от 6 ноября 1854 г.). [Достоевский в забытых..., 1993, с. 119-120]. Мемуарист не совсем точно передает текст письма. В Полном собрании сочинений Достоевского письмо цитируется так: «Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, тяготела как камень у меня на душе. Во все четыре года не было мгновения, в которое бы я не чувствовал, что я в каторге. Но что рассказывать! Даже если бы я написал к тебе 100 листов, то и тогда ты не имел бы понятия о тогдашней жизни моей. Это нужно по крайней мере видеть самому, – я уже не говорю испытать. <...> Я был как ломоть отрезанный» (28-1; 181). Еще более явственно в этом же письме чуть выше: «А те четыре года я считаю за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу» (28-1; 181).

Сатирически обыграны и преломлены также некоторые другие биографические подробности отношений Ф.М. Достоевского с М.Д. Исаевой. Так, например, старый князь рассказывает следующую историю: «я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовал, один немецкий барон; он еще потом некоторое время в сумасшедшем доме сидел» (2; 315). В этом фрагменте угадываются происхождение Марьи Дмитриевны Констант, по деду француженки, и страдания писателя, у которого в разлуке появился счастливый соперник. К слову сказать, любовь Зины к бедному «учителишке», оказавшемуся «слабым сердцем», завершается смертью от чахотки. Возможно, это тоже литературная «месть» Достоевскому Н. Вергунову, который был учителем в приходском училище.

Ироническое обыгрывание матримониальной темы продолжается упоминанием масонов. Князь К., отрекаясь от факта сватовства к Зине Москалевой, полагает лучшим для себя выходом из неприятной ситуации поездку за границу, в Испанию, где он может вступить в масонскую ложу. Так на периферии сюжета («Я, действительно, в старину, к одной масонской ложе за границей при-над-лежал» (2; 375), – признается герой) возникает автопсихологический мотив выбора жизненного пути, как альтернатива воспринимаются заключение брака и вступление в масонскую ложу. Выбор, стоящий перед героем, Достоевским был решен иначе – необходимостью заключения брака с М.Д. Исаевой, но само упоминание о масонской ложе рассмотрено нами как еще один барнаульский знак. Известно, что «масонство в 1822 г. было запрещено правительством как движение, противное православной церкви и монархии. В последующие десятилетия правления императора Николая I (и позднее), опасаясь репрессий со стороны властей, российские масоны находились в глубоком подполье» [Тихомиров, 2017, с. 388]. И буквально, по устному свидетельству городских старожилов, масоны собирались в подвале одного из зданий, окаймлявших Демидовскую площадь (современный адрес:

Красноармейский проспект, д. 4), т.е. находились в непосредственной близости от места барнаульского пребывания писателя.

Безусловно, что сатирический образ князя К. в повести «Дядюшкин сон», наряду с биографическими и автопсихологическими проекциями, содержит и литературные аллюзии. Так, еще по наблюдению М.С. Альтмана, образ князя К. объединяет в себе черты франта и ловеласа графа Нулина А.С. Пушкина, театра-ла, мумии-франта Ф.Ф. Кокошкина и неизвестного московского помещика из книги М.И. Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы» (СПб., 1898) [Альтман, 1975, с. 32-35]. По мнению ученого, этот престарелый чудак наиболее близок образу князя и фабуле повести Достоевского: «В Москве была известна в 30-х годах оригинальная личность, которая, где бы ни появлялась, сейчас же засыпала. Это был очень богатый помещик... Одевался он по образцу инкряблей времен первой французской революции, вечно в одном синем фраке с золотыми пуговками... В Москве говорили, что ловкая калмычка, пользуясь беспросыпным положением его и присутствуя в церквах на всяких церемониях, чуть-чуть не сыграла с ним злой шутки и не обвенчала с одной из своих знакомых. Только непредвиденный случай спас его. Это так напугало его, что с ним сделался нервный удар, от которого он и умер» [Альтман, 1975, с. 34]. Как справедливо полагает Б.Н. Тихомиров, «[п]ри допущении, что Достоевский слышал об этом чудачке еще во времена своего московского детства, можно согласиться с предположением М.С. Альтмана об известном влиянии истории этого оригинала на сложение замысла «Дядюшкиного сна», в частности – что калмычка-ключница «раздвоилась» под пером Достоевского на Степаниду Матвеевну («которая ходит в ситцевых платьях и с ключами в руках», заведующая всем хозяйством князя) и Марью Александровну, стремящуюся обвенчать князя с Зиной. Надо только отметить важную сюжетную инверсию, различающую рассказ, зафиксированный у Пыляева, и повесть Достоевского: в одном случае, используя то, что фигурант постоянно пребывает в сонном состоянии, его пытаются обманом поженить, а в другом – напротив, разрушить уже спланированный марьяж» [Тихомиров, 2017, с. 375]. На наш взгляд, Достоевский

настолько глубок, что, скорее всего, творческая лаборатория этого образа не исключается, не ограничивается названными в науке претекстами⁹⁴.

3.10 Сибирский «след» повести «Крокодил»: пролегомены сибирского опыта в зрелом творчестве

Несомненно, что сибирские, в том числе и естественнонаучные, впечатления стали творческим импульсом и в более позднем творчестве автора. Так сатирическая повесть «Крокодил», опубликованная в журнале «Эпоха» за 1865 г. № 2 под названием «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже», по нашему мнению, в качестве одного из источников может восходить к барнаульским впечатлениям Достоевского.

Важно подчеркнуть, что писатель меняет название повести, используя в качестве заглавия название самого большого хищника из числа пресмыкающихся. Слово крокодил (лат. *crocodilus*) восходит к двум греческим словам *krōko* – галка; *deilos* – червь и буквально означает «галечный червь». Делая акцент на зоологической семантике, неожиданной для названия художественного произведения, автор привлекает внимание читателей, с точки зрения психологии восприятия использует аттрактор. Парадокс названия повести усиливается языковой игрой подзаголовка: «Необыкновенное событие, или Пассаж в Пассаже...», построенного на совмещении двух значений слова «пассаж» (фр. *passage*) как указания на место действия и на особенности фабулы. С одной стороны, Пассаж – это галерея-проход грандиозного по тем временам торгового комплекса европейского типа между Невским проспектом и Итальянской улицей в Санкт-Петербурге; с другой, – пассаж (разг.) – неожиданное происшествие. По мнению В.Н. Тихомирова, «[в]озможно, этот каламбурный ход был подсказан статьей Н.А. Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словесности», в которой в фельетонной

⁹⁴В качестве одного из прототипов князя К.Н. Волкова предлагает рассматривать обанкротившегося миллионера, золотопромышленника, умершего в бедности «томского герцога» Философа Александровича Горохова. По ее мнению, описание его усадьбы в Духанове коррелирует с резиденцией в старом Томске [Волкова, <http://www.proza.ru/2016/04/05/804>]. На наш взгляд, версия нуждается в дополнительной аргументации. Поскольку любой сатирический образ полигенентичен, это предположение можно признать не лишенным основания, особенно, если Достоевский сознательно ориентировался на «Историю села Горюхина» (Горохова) А.С. Пушкина.

манере освещалась наделавшая много шума дискуссия, посвященная состоянию финансовых дел акционерного Русского общества пароходства и торговли, состоявшаяся 13 декабря 1859 г. в зале Пассажа <...>. Эпиграфом к статье Добролюбов взял реплику из гоголевского “Ревизора”: “Ах, какой пассаж!” (Современник. 1859. № 12. Отд. III. Современное обозрение. С. 403; также см.: Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5. с. 537)» [Тихомиров, 2019, с. 393]. Кроме того, по замечанию Т.Б. Трофимовой, выступившей комментатором повести во втором, дополненном собрании сочинений Достоевского, «Приглашением “дамы в трауре”, а затем этой же дамы, но уже в розовых одеждах поехать в Пассаж заканчивается роман Н.Г. Чернышевского “Что делать?”, поэтому начало повесть писателя является намеком на роман как своеобразное “продолжение” событий» (ПСС₂ 5; 548).

Авторский подзаголовок Достоевского состоит из трех частей и представляет собой градацию: «Необыкновенное событие, или пассаж в Пассаже, справедливая повесть о том, как один господин, известных лет и известной наружности, пассажным крокодилом был проглочен живьем, весь без остатка, и что из этого вышло» (5; 180). Если первые две части подзаголовка акцентирует курьезность сюжетных событий, то третья часть их конкретизирует и содержит авторское жанровое определение – «справедливая повесть», подчеркивая этическую, а не эстетическую ипостась художественного текста. Уже в подзаголовке установка на якобы достоверность снимается ироническим тоном рассказчика. Ирония автора проявляется и в выбранном герое: имеется в виду, видимо, публичный, довольно известный человек, с которым неожиданно произошел казус, создавая загадку образа.

Б.Н. Тихомиров доказал, что «[н]ачалу работы Достоевского над повестью предшествовало следующее событие. В декабре 1864-январе 1865 г. в ведущих столичных газетах можно было прочитать любопытное объявление: “ВЫСТАВКА КРОКОДИЛОВ. В Пассаже, в нижней галерее, в № 42, можно видеть два КРОКОДИЛА-ВЕЛИКАНА, самые большие, до сих пор в Европе показанные; равным образом и другие звери, между коими значительное число вновь привезенных попугаев и обезьян. Кормление крокодилов бывает по четверкам [так!] и

воскресеньям в 6 часов. Здесь же продают и покупают попугаев, обезьян и раковины”. Неизвестно, побывал ли сам Достоевский на выставке крокодилов или только прочитал о ней в газетах, но можно с высокой долей вероятности предположить, что именно это реальное событие дало толчок его художественной фантазии, прихотливый полет которой создал в творческом воображении писателя одновременно жуткую и смешную картину того, как любопытствующий чиновник-простофиля по собственной неосторожности и по недосмотру хозяина-немца оказался проглоченным «пассажным крокодилом» [Тихомиров, 2019, с. 453].

С.-Петербургские ведомости. 1864. 29 дек. № 305; Голос. 1865. 2 янв. № 2.

Н.В. Живолупова предлагала рассматривать метафору названия текста на фоне духовной культуры – фантастического крокодила-левиафана, включая в контекст интерпретации трактат Т. Гоббса «Левиафан», где пресмыкающееся является символом государства, рассмотренного «как гигантский живой организм»; задуманного в январе 1846 г., но невоплощенного альманаха В.Г. Белинского «Левиафан», а также библейской образности. По ее мнению, «новозаветный семантический слой метафоры связан с позицией главного героя “Крокодила” Ивана Матвеича как идеолога, собирающегося пророчествовать “из крокодила”, и содержит комическую аллюзию на библейский сюжет о пророке Ионе, проглоченном китом» [Достоевский: Сочинения, письма..., 2008, с. 116].

Размышляя об этой возможной интерпретации, Б.Н. Тихомиров подчеркивал не только сходство, но и отличие двух сюжетов. «Достоевский хорошо знал и особо ценил этот ветхозаветный рассказ, специально выделяя его центральное сюжетное положение – “чудное сказание о пророке Ионе во чреве китове” (14; 267). Поэтому указанный параллелизм фабульных ситуаций нельзя считать случайным. Но тем более важно подчеркнуть, что при ближайшем рассмотрении образы двух проглоченных чудовищами героев соотносятся отнюдь не прямо, а составляют контрастную параллель. Пророком Ионой заключение в утробе огромной рыбы однозначно переживается как пребывание в “аду” (Ион. 2: 7): для

него это наказание и боль, его вопль из “чрева преисподней” (Ион. 2: 3) исполнен ужаса богооставленности и рыданий глубокого раскаяния. Героем Достоевского, напротив, попадание “в недра чудовища” воспринимается как звездный час его “карьеры” (5; 194). “Никогда еще я не был более счастлив и спокоен духом, как теперь...” (5; 330) – заявляет он в черновых набросках из утробы крокодила» [Тихомиров, 2019, с. 454]. Ученый подчеркивает принципиальное различие финала и характеров героев: «Именно обнаружение контрастной параллели с сюжетом пророка Ионы позволяет выявить авторскую доминанту образа Ивана Матвееича, особенно резко означенную проекцией его ситуации на ветхозаветный рассказ: перед нами герой, возомнивший себя пророком, иными словами – лжепророк, самозванец. Выявленный мотив самозванства делает более различимыми в герое “Крокодила” хлестаковские черты» [Тихомиров, 2019, с. 455].

Однако образ Ивана Матвееича представляется более неоднозначным: «Антиномии в характере и в типе “перебивают” друг друга: Иван Матвееич одновременно умен и глуп, философ и профан, пророк и лжепророк, государственный муж и самозванец, верноподданный солидный чиновник и нигилист, тщеславная, уязвленная самолюбием заурядная личность и сын отечества, размышляющий о судьбах человечества. Из этого пестрого смешения нелегко извлечь рациональное зерно, понять, кто же такой Иван Матвееич» [Дилакторская, 2000, с. 588]. Обобщая различные проекции личности, Достоевский, с одной стороны, комически обыгрывает разные ипостаси человека, с другой, – показывает сложность и многогранность его натуры, несводимость к одной оценке. «Совершенно очевидно, что герой в крокодиле претерпевает разные превращения: чиновник выступает в роли ученого-естествоиспытателя, философа, политического деятеля, властителя дум, государственной персоны, поэта, пророка» [Дилакторская, 2000, с. 587].

Далее Б.Н. Тихомиров, справедливо отмечая сложность и многослойность организации текста, выделяет три сюжетно-композиционных плана произведения. По его мнению, ближайший план содержания повести составляет невероятное, фантастическое событие: крокодил проглатывает зазевавшегося чиновника, а тот целым и невредимым устраивается в его брюхе и вступает оттуда в переговоры с

женой и другом. К этому плану примыкает план литературно-пародийный, который должен был развернуться в неосуществленном продолжении сюжета. Это стихия журнальной полемики, аллюзии на конкретные периодические издания («Листок», «Волос») и на суждения отдельных публицистов. В архитектонике повести ученый выделяет и третий, иносказательный план содержания, возникающий лишь в третьей главе произведения и являющийся подлинной завязкой глубинного сюжета. Это обнаружение хлестаковских черт героя [Тихомиров, 2019, с. 460-462]. Это семантический сдвиг, ибо «[ф]антастика, которая имела до сих пор чисто внешний, “декоративный” характер, теперь становится фактором, обуславливающим трансформации в психике «фитюльки»-чиновника. Происходит, если воспользоваться выражением их черновых набросков к повести, “ассоциация крокодила с чиновником” (5; 324). Совместно они – герой и рептилия – образуют то, что Иван Матвеич называет “кафедрой”» [Тихомиров, 2019, с. 462].

Большинство современников и критиков писателя видели в основных сюжетных событиях рассказа злую карикатуру, пародию на судьбу и учение Н.Г. Чернышевского, сосланного в Сибирь. Е.И. Кийко полагает, что «рассказ нужно рассматривать в плане более широкой полемики Достоевского с публицистами различных общественно-политических направлений 1860-х гг., не сводя его содержания к личному выпад против автора “Что делать?”» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 113]. Т.Б. Трофимова считает, что «замысел “Крокодила” связан с полемическими статьями Достоевского 1863-1864 годов, что убедительно доказывают черновые материалы» (ПСС₂ 5; 535). В очерке М.Е. Салтыкова-Щедрина “Литераторы-обыватели” говорится о мальчике, “беспечно” купающемся в Ниле и не замечающем, что “из-за камышей уже стережет его крокодил” (ПСС₂ 5; 535-6). Поэтому одним из литературных источников повести Достоевского и его названия послужил именно образ щедринского «чиновника-крокодила». «Автор романа “Что делать?” и Салтыков-Щедрин принадлежали к демократической части общества, были сотрудниками журнала “Современник”, почти не имели разногласий в решении насущных общественно-политических и эстетических проблем современности, поэтому в рассказе “Крокодил” есть от-

сылки и к тексту романа о “новых людях”, и к биографиям Н.Г. Чернышевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина, дополняющих образ Ивана Матвеича» (ПСС₂ 5; 545).

Некоторые современники и позднейшие исследователи интерпретировали образ проглоченного Ивана Матвеича как аллюзию на целый ряд русских нигилистов и усматривали сходство фигуры героя «с В.А. Зайцевым или Д.И. Писаревым, а также Л.Л. Камбеком, – по крайней мере, пародийное сходство высказываний проглоченного героя с мнениями русских нигилистов вызвало ряд резких откликов в прижизненной критике» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 113].

Н.В. Живолупова считала, что «смысл художественной формы рассказа (универсальность сюжетной схемы, богатство метафоричности, новизна повествовательных приемов и т.п.) становится понятен лишь при анализе “Крокодила” в контексте произведений писателя, рассказов и повестей, создаваемых в первой половине 1860-х гг. («Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья») [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 112]. В контексте «Записок из подполья» рассматривала повесть «Крокодил» и О.Г. Дилакторская [Дилакторская, 2000, с. 610-615].

В.Н. Захаров полагал, что «Крокодил» – это автопародия на «Записки из подполья» [Захаров, 1985, с. 108]. Ученый подчеркивает, что, с одной стороны, «Крокодил», «во-первых, – повесть фантастическая, во-вторых, сатирическая». С другой стороны, «тип героев этих повестей один и тот же – парадоксалист, но если психологическое состояние одного парадоксалиста обозначено метафорически («подполье»), то второго – метонимически (“крокодил”») [Захаров, 1985, с. 108]. В этом контексте особенно важна «...одна из затей проглоченного Ивана Матвеича – начать “Записки из Крокодила”» [Захаров, 1985, с. 108].

Иронический модус повествования рассказа допускает различные интерпретации текста. Спустя восемь лет, в позднейшем автокомментарии в журнале «Дневник писателя» за 1873 г. в главе IV «Нечто личное» охарактеризовал «Крокодила» как «безделку», «повесть для смеху», «фантастическую сказку», «литературную шалость, единственно для смеху» (21; 26). Рассказывая о своем замысле,

Достоевский стремится устранить сходство с Н.Г. Чернышевским, затушевать политический смысл и придать произведению характер чистой литературной игры – «вроде подражания повести Н.В. Гоголя “Нос”» (21; 26)⁹⁵. Задавая метатекст прочтения, писатель нивелирует серьезный план, открывающийся под комическим поверхностным слоем содержания: «В чем же аллегория? Ну конечно – крокодил изображает собою Сибирь; самонадеянный и легкомысленный чиновник – Чернышевского. Он попал в крокодила и всё еще питает надежду поучать весь мир. <...> Значит, предположили, что я, сам бывший ссыльный и каторжный, обрадовался ссылке другого “несчастливого”; мало того – написал на этот случай радостный пашквиль» (21; 26). По нашему глубокому убеждению, автор использует ту же трикстерскую стратегию, как и в повести «Дядюшкин сон», которую он в свое оправдание позже называл написанной невинно вещичкой голубиноного незлобия и замечательной невинности (29-1; 303). Аналогично писатель поступает и романе «Село Степанчиково и его обитатели», предлагая читателю разгадать смысловую многослойность подтекста. При этом, как нам представляется, одним из источников остро полемичного и гротескного образа «Крокодила» вполне могли стать барнаульские впечатления автора.

Заглавная зоологическая метафора, которую пытались интерпретировать в аллегорическом и даже гротескном ключе читатели, критики и литературоведы (См. подробнее (5; 393–394), [Достоевский: Сочинения, письма, документы..., 2008, с. 113–116]), может иметь и буквальный, прозаический, смысл, отсылая в том числе (кроме пассажных крокодилов-великанов) и к крокодилу-аллигатору Ф.В. Геблера.

Чучело рептилии Геблер купил за границей для созданного им совместно с П.К. Фроловым Краеведческого музея. Крокодил является старейшим экспонатом музея. Добавим, что редкое пресмыкающееся было не единственным необычным приобретением доктора: «Ф.В. Геблер постоянно способствовал развитию музея, используя и свое жалование на приобретение дорогостоящих экспонатов, кото-

⁹⁵Сопоставительный анализ «Крокодила» с гоголевской повестью «Нос» блестяще выполнен в докторской диссертации О.Г. Дилакторской [Дилакторская, 2000, с. 595-610].

рые, бывало, выписывал из-за границы: броненосец, хамелеон, крокодил-аллигатор, оставшиеся Барнаульскому музею от Геблера, сохранились до нашего времени и являются теперь его старейшими экспонатами» [Гармс, 2011 в, с. 50].

Повторимся, что посещение старейшего в Сибири Краеведческого музея было частью обязательной программы знакомства с Барнаулом почетных гостей на протяжении десятилетий: А. фон Гумбольдт, К. Ледебур, о. Макарий и др. К. Ледебур даже указывает точное расположение коллекций по залам музея. «Третий и четвертый залы (Краеведческого музея. – Е.С.) содержат зоологические коллекции. В третьем зале выставлены чучела млекопитающих» [Ледебур, 1993, с. 148]. Особо подчеркнем, что в России в середине XIX в. увидеть живого крокодила или его чучело было событием особенным, почти фантастическим, т.к. зоопарков не существовало. Соответственно, скорее всего, Достоевский видел такое экзотическое животное лишь дважды в жизни, что нашло отражение в романе «Село Степанчиково и его обитатели» и повести «Крокодил».

Чучело крокодила-аллигатора.
@Алтайский краеведческий музей, г. Барнаул

Чучело крокодила-аллигатора.
@Алтайский краеведческий музей, г. Барнаул

К сожалению, в книге «Собственноручные подписи особ, почтивших присутствием своим Барнаульский музей» нет автографа П.П. Семенова или Ф.М. Достоевского, что сделало бы нашу концепцию максимально обоснованной. В музее П.П. Семенов действительно проводил много времени, как он пишет в мемуарах [Семенов, 2018, с. 97], и, безусловно, как минимум рассказывал другу о невероятных для Сибири экспонатах. Отметим, что в книге автографов знаменитых гостей записи отсутствуют за целых 50 лет, с 1830-х по 1880-ые гг. по неизвестной нам причине. После отставки П.Ф. Фролова и смерти Ф.В. Геблера Музей находился не в самом лучшем состоянии. Возможно, сказался и личностный фактор. Установить имя смотрителя (надзирателя) музея удалось благодаря диссертации Б.В. Бабарыкина. Согласно его архивным разысканиям, в период 1822-1850-е гг. эту должность занимал Федор Иванович Гусельников [Бабарыкин, 2015, приложение, с. 5]. Можно предположить, что по причине халатности / забывчивости книга просто не использовалась по назначению, поэтому в ней нет автографов П.П. Семенова и Ф.М. Достоевского.

Очевидно, что в процессе работы над повестью Достоевский синтезирует барнаульские впечатления (небольшого размера крокодил в музее) и петербургские события (выставка крокодилов-великанов в Пассаже в январе 1865 г.), переосмысляя и подвергая комическому снижению, а также придумывая основное фантастическое фабульное событие: проглоченный чиновник чудом остается жив.

Выскажем гипотезу, что некоторые художественные детали рассказа «Крокодил» могут отсылать к барнаульскому опыту писателя. Во-первых, при первом появлении крокодил напоминает музейный экспонат: «огромнейший крокодил, лежавший как бревно, совершенно без движения» (5; 181).

Во-вторых, хозяином крокодила является немец: «он один во всей России показывает теперь крокодила» (5; 181). Это также отсылка к появлению крокодила в первом в Сибири музее.

В-третьих, в повести немец неразлучен со своей женой. Возможно, Достоевский так намекает на долгий брак четы Геблер и смерть супругов почти в один день. Как мы отмечали ранее, история барнаульских Петра и Февронии, завер-

шившаяся за шесть лет до посещения города П.П. Семеновым и Ф.М. Достоевским, бытовала в Барнауле как предание о чудесной любви. Последние архивные разыскания д.и.н., проф. АлтГУ В.А. Должикова (См. [Должиков, 2012, с. 43-45]) лишают историю семьи немца чудесного ореола. Историк разыскал в Томском архиве сведения о том, что жена народного доктора избивала девушек, помогавших ей по хозяйству. В результате жестокого обращения одна из них погибла от побоев, а вторая – обратилась в Томскую полицию, отказавшись возвращаться в дом. Однако на Алтае дело замяли и к суду жену высокопоставленного чиновника (Ф.В. Геблер имел с 1830 г. чин статского советника) не привлекли. Выскажем предположение, не особенно на нем настаивая, что, употребление и осмеяние в повести пары паронимов «вспороть – пороть» в значении лишить целостности – наказать розгами связано с этой историей. Кроме того, описывая супругу немца, писатель употребляет не немецкое слово *die frau* – жена, а слово *die mutter* в русской транскрипции муттер. Лексема может быть понята как языковая игра: в немецком языке *mutter* означает мама и гайка, т.е. слово как бы объединяет противоположную семантику: тепло самого родного человека и холод металла с заданными размерами. В произведении Достоевским особо акцентирована «сухость сердца <...> растрепанной муттер» (5; 183). Игра с паронимами и омонимами в повести может отсылать к характеру А.С. Геблер (в девичестве Зубаревой).

Мотив купли-продажи крокодила Достоевским подвергается сатирическому осмеянию, вплоть до «выворачивания наизнанку». Ф.В. Геблер покупал чучело аллигатора из гуманных и научных соображений, героем-немцем движут корыстные чувства: он боится потерять заработок и посетителей: «Теперь публикум будет много ходить. Я пять тысяч продавайт крокодиль! Одним словом, он куражился нестерпимо; корыстолюбие и гнусная алчность радостно сияли в глазах его!» (5: 185). В итоге он требует «пятьдесят тысяч рублей билетами последнего внутреннего займа с лотерею, каменный дом в Гороховой и при нем собственную аптеку и, вдобавок, – чин русского полковника» (5; 200).

В-четвертых, фигура преданного друга Семена Семеновича является пародией на Петра Петровича Семенова, который был магистром биологии и давал есте-

ственна научные консультации Достоевскому в качестве спутника барнаульских прогулок. Редупликация фамилии друга в имени персонажа – Семен Семенович – на наш взгляд, является намеком на прототип.

В-пятых, на наш взгляд, образ Ивана Матвеича имеет черты автопародии. В черновых записях «проглоченный чиновник» называл себя философом, говорил: «что такое философ? Слово философ у нас на Руси есть слово бранное и означает дурак» (5; 393). В опубликованном тексте автор намекает на свою собственную судьбу фурьериста-петрашевца более откровенно: «Опровергну все и буду новый Фурье» (5; 194); «Если не Сократ, то Диоген, или то и другое вместе, и вот будущая роль моя в человечестве» (5; 199). Кроме того, писатель в произведении использует прием сократической иронии как один из важнейших для художественной системы. В качестве героя повести Достоевский избрал публичного человека: «известный господин известных лет и известной наружности» (5; 180). В Подготовительных материалах Иван Матвеич имел другое имя – Осип Федорович (5; 337). В окончательном тексте есть указание на то, что чиновник с «недостаточным чином» (5, 195) сочиняет «стишки» (5, 190). В художественном произведении осмеянию подвергаются и амбиции, связанные с блистательным началом литературной карьеры. Иван Матвеич самовлюбленно признается другу: «твердо надеюсь на блистательнейшую из карьер» (5; 194), «будущность представляется мне в самом розовом свете» (5; 198). Фельетонность произведения, шаржированность образа предполагает снижение, придание комизма высоким материям. Поэтому представленный в начале текста герой как «образованный друг» (5; 180) в середине повести превращается в «легкомысленную башку» (5; 194), «болвана» (5; 201), который с умным видом говорит чепуху. Например, он сочиняет начало своей первой публичной лекции в духе Демокрита: «Давно уже решено физикой, что природа не терпит пустоты. Подобно сему и внутренность крокодилова должна именно быть пустою, чтоб не терпеть пустоты, а, следовательно, непрерывно глотать и наполняться всем, что только есть под рукою. И вот единственная разумная причина, почему все крокодилы глотают нашего брата. Не так в устройстве человеческом: чем пустее, например, голова человеческая, тем менее она

ощущает жажды наполниться, и это единственное исключение из общего правила. Всё это мне теперь ясно, как день, всё это я постиг собственным умом и опытом, находясь, так сказать, в недрах природы, в ее реторте, прислушиваясь к биению пульса ее. Даже этимология согласна со мною, ибо самое название крокодил означает прожорливость. Крокодил, *Crocodillo*, – есть слово, очевидно, итальянское, современное, может быть, древним фараонам египетским и, очевидно, происходящее от французского корня: *croquer*, что означает съесть, скушать и вообще употребить в пищу. Всё это я намерен прочесть в виде первой лекции публике» (5; 196). Каждому читателю очевидна квазинаучность, под которой маскируется глупость. На самом деле, этимология слова крокодил иная: лат. *crocodilus*, от *kroko* – галька; *deilos* – червь, слово восходит к двум греческим словам и буквально означает «галечный червь». Так крокодил становится, по меткому наблюдению Н.В. Живолуповой, «метафорой интеллектуальной гордыни» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 115]. Б.Н. Тихомиров пронизательно замечает, что «[и]сключительность фантастической ситуации незаметно переходит в маниакальное сознание исключительности собственной личности. Заурядный чиновник первых двух глав превращается в героя-идеолога или, точнее, в псевдо-идеолога (поскольку всё это совершается в плоскости хлестаковского сюжета)» [Тихомиров, 2019, с. 462]. Достоевский особо подчеркивает «безграничность его (героя. – *Е.С.*) самолюбия» (5; 200). Так, на наш взгляд, писатель иронизирует над самим собой и ранними восторгами современников, их поклонением его молодому таланту как новому Гоголю. В объяснении замысла произведения в «Дневнике писателя» за 1873 г. автопародия, на наш взгляд, еще более очевидна: попавший в крокодила чиновник – «еще молодой, но заеденный самолюбием; прежде всего, дурак, как и незабвенный майор Ковалев, потерявший свой нос. Он комически уверен в своих великих достоинствах; полуобразован, но считает себя чуть ли не за гения» (21; 26), «постоянно обижен всеобщим к нему невниманием», «муштрует и тиранизирует своего бесхарактерного друга, величаясь над ним своим умом» (21; 27). Эта характеристика очень напоминает образ Фомы Фомича в романе «Село Степанчиково и его обитатели», который также содержит черты автопаро-

дии. Н.В. Живолупова считала, что «[в] комической форме раздробленность проявляется как разлад ума и души или ума и сердца, духовного и телесного. Так, в образе Фомы Фомича комический эффект во многом основан на расхождении интеллектуального и инстинктивного, духовного и телесного, его представления о себе и его облика в глазах окружающих. Здесь впервые у Достоевского “телесное” как бы вычленяется из целостного человека, огрубляется и становится источником комического; так, герой, претендующий на интеллектуальную исключительность, в глазах окружающих оказывается “сластолюбивой, капризной тварью”, “срамцом трекоятым”...» [Живолупова, 1994 а, с. 83].

Внезапность и неожиданность попадания в недра рептилии в повести соотносится со ссылкой петрашевцев в Сибирь: герой, «получив билет за границу, угодил в крокодила, что даже неостроумно» (5; 185). Старший товарищ Тимофей Семеныч вовсе не удивлен происшедшим: «ибо люди излишне образованные лезут во всякое место-с и преимущественно туда, где их вовсе не спрашивают» (5; 188). В сатирической форме автором осмысливается необходимость наказания свободно мыслящей молодежи: Тимофей Семеныч, выражая общее мнение начальства, считает, что «...даже и хорошо, что он там на время полежит, вместо заграницы-то. Пусть на досуге подумает...» (5; 189). Так в острой памфлетной форме получает пародийное воплощение образ автора – писателя-петрашевца, мечтавшего о путешествии по Европе, а угодившего в Сибирь. Сравним с признанием Достоевского в письме к Я.П. Полонскому от 31 июля 1861 г.: «Сколько раз мечтал я, с самого детства, побывать в Италии. Еще с романов Радклиф, которые я читал еще восьми лет, разные Альфонсы, Катарини и Лючии ввелись в мою голову. А дон Педрами и доньями Кларами еще и до сих пор брежу. Потом пришел Шекспир – Верона, Ромео и Джульета – черт знает какое было обаяние. В Италию, в Италию! А вместо Италии попал в Семипалатинск, а прежде того в Мертвый дом» (28-2; 19). На наш взгляд, сходной видится автоирония в романе «Село Степанчиково»: «Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники» (3; 12). Н.Н. Мостовская указала,

что это реминисценция из II тома “Мертвых душ” Гоголя, где содержится иронический намек на деятельность “оппозиционно настроенных по отношению к правительству кружков – возможно, в том числе и на общество Петрашевского, в которое входил Достоевский”» [Алекин, 1998, с. 244].

Эпистолярное наследие Достоевского подтверждает автопародийную стратегию и глубинное эстетическое родство названных художественных текстов. 22 декабря 1849 г., в день инсценировки смертной казни в письме брату Михаилу Достоевский признается: «Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не унывать и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее... (28-1; 162). «Достоевский здесь скрыто ориентирован на ветхозаветную традицию – это по внутреннему смыслу повторение отношения с миром Иова многострадального» [Живолупова, 1994 а, с. 79]. В повести ветхозаветный мотив нежелания Ионы проповедовать и поглощения его чудовищем для избавления от гордыни трагически обыгран: «Стану поучать праздную толпу. Наученный опытом, представлю из себя пример величия и смирения перед судьбою! Буду так сказать кафедрой, с которой начну поучать человечество» (5; 194). Более того, «[и]звестная новозаветная трактовка эпизода как пророчества смерти и воскресения Христа вновь актуализует мотив пародийного подражания Христу, сохраняя смысловые реалии ветхозаветного текста. Иона, извергнутый из чрева Христова, пророчествует в Ниневии. Иван Матвеевич, переживший, по его мнению, внутреннее преображение, собирается проповедовать великие идеи “из крокодила”» [Живолупова, 1994 б, с.121].

В семантике имени главного героя пародийно сопрягаются как фольклорные, балаганные, так и христианские коннотации. «Иван – имя, широко используемое в русских народных сказках, ставшее предпочтительным в обозначении русского национального характера, имеющее обобщенное предназначение в оценке целого народа: русский Иван – значит, любой и каждый представитель русской России» [Дилакторская, 2000, с. 574]. И действительно, «[г]ерой “Крокодила” повел себя по-дурачки (“кто же велел ему влезать в крокодила? Человек солидный, человек

известного чина, состоящий в законном браке, и вдруг такой шаг! Сообразно ли это?» – 5, 190); впоследствии его прямо называют: “беспечная, праздная голова!” (5, 197), т.е. глупая, и даже “болваном” (5, 200); он подвергается испытанию смерти и сверхъестественным образом, как Иван-дурак из сказок, остается в живых (“проглочен без всякого повреждения” – 5, 185, «несмотря на то, что случай слишком сверхъестественный» – 5, 195)» [Дилакторская, 2000, с. 575]. Как справедливо заметила О.Г. Дилакторская, в творчестве писателя отчество Матвеич до повести «Крокодил» употреблялось лишь дважды. В «Записках из Мертвого дома» был пристав с палочкой, надзиратель за работой каторжников, приказывающий разобрать барку (4; 74). Это второстепенная фигура. «Есть и еще один Матвеич – Афанасий Матвеич, супруг Марьи Александровны Москалевой, деревенский житель, играющий роль домашнего шута, которого, как вещь, выписывают из деревни в город Мордасов для представления жениху дочери Зины (“Дядюшкин сон”»)» [Дилакторская, 2000, с. 575-576]. Особо подчеркнем, что имя героя писателем выбирает из сибирского периода творчества. Кроме того, отчество отсылает и к высокой библейской параллели: «Из четырех канонических Евангелий только в Евангелии от Матфея рассказывается об Ионе, проглоченном огромной рыбой» [Дилакторская, 2000, с. 576].

Хлопоты Семена Семеныча по освобождению его «образованного друга» из недр крокодила – это намек на хлопоты А.Е. Врангеля, Э.И. Тотлебена и др. по освобождению автора из ссылки, возвращению в европейскую Россию и получение вновь долгожданного права печататься.

Особо подчеркнем, что стиль написания и характер иронии повести «Крокодил» и двух сибирских произведений Ф.М. Достоевского видится схожим. В черновых набросках повести пародийно противопоставлены «польза», «выгода», материальные блага искусству (5; 389), а также Европа и Россия. Аналогично в повести «Дядюшкин сон» в салоне Москалевой «этот дурак» Шекспир (2; 384) несет ответственность за отсутствие здравого и трезвого понимания жизни молодежью. Марья Александровна отчитывает гостя: «Мало того: вы прошлый раз говорили даже, что намерены отпустить ваших крестьян на волю и что надобно же что-

нибудь сделать для века, и все это оттого, что вы начитались там какого-нибудь вашего Шекспира! Поверьте, Павел Александрович, ваш Шекспир давным-давно уже отжил свой век и если б воскрес, то, со всем своим умом, не разобрал бы в нашей жизни ни строчки!» (2; 307).

Кроме автобиографических проекций дела с Карепиным, рассуждения Ивана Матвеевича о «выгоде», об общей пользе, о естественных науках пародируют высказывания по этим же вопросам сотрудников «Русского слова» – Д.И. Писарева, а чаще – В.А. Зайцева (ПСС₂, 5; 536). В повести также пародийно осмеяно увлечение биологией. Друг потерпевшего высказывает нелепое предположение Тимофею Семенычу командировать в крокодила с жалованьем «...для естественного так сказать, изучения природы на месте, в живье-с. Нынче все пошли естественные науки-с, ботаника...Он бы там жил и сообщал-с...ну там о пищеварении или просто о нравах» (5; 191). В Подготовительных материалах чиновник высказывает намерение «распространять естественные науки» (5; 326). Более того, есть запись о том, что «проглоченного господина» «сделали членом Геогр.<афического>общества, потому что быть в недрах важнее, чем открыть истоки Нила» (5; 338). С одной стороны, названные цитаты могут вновь отсылать к научной деятельности Ф.В. Геблера и П.П. Семенова, которые оба входили в Русское географическое общество. С другой стороны, мы предлагаем интерпретировать это как отсылку к увлечению писателя биологией и зоологией в Сибири (выращивание диковинных растений и цветов в Казаковом саду, кормление ужей и т.д.). Кроме того, в 60-ы гг. XIX века научный контекст в целом был другим и в повести могли сказаться влияние эволюционной теории Ч. Дарвина, а также его ученика Томаса Генри Гексли (1825-1895), книга которого «О положении человека в ряду органических существ» вышла на русском языке в 1864 г. (5; 548).

Тема Шекспира в экстравагантном сочетании с земноводными и насекомыми продолжается и в романе «Село Степанчиково и его обитатели», восходящими к разговорам с П.П. Семеновым на естественнонаучные темы. По нашему убеждению, отнюдь не случайно в тексте романа упоминается крокодил. Он возникает как анимистическая метафора неопределённого, мрачного будущего в словах Фо-

мы Фомича: «О! кто примирит меня теперь с человечеством? Чувствую, что я, может быть, был взыскателен и несправедлив к гостям вашим, к племяннику вашему, к господину Бахчеву, требуя от него астрономии; но кто обвинит меня за тогдашнее состояние души моей? Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мне как мрачный омут неведомой глубины, на дне которого лежал **крокодил**» (3; 148).

Комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского полагают, что образ земноводного отсылает к литературному источнику: «[о]браз этот восходит не к Шекспиру, а к Шатобриану, в повести которого «Атала» (1801; русский перевод – 1802) индеец Шактас говорит: «Самое ясное сердце походит по виду на источник в саванах Алашуа; поверхность его кажется чистой и спокойной, но, когда вы всмотритесь в глубину бассейна, – вы заметите там крокодила». Указанный образ Шатобриана не раз использовался в русской романтической литературе. К.Н. Батюшков в стихотворении «Счастливец» (1810) писал:

*Сердце наше кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!*

А.Ф. Воейков в сатире «Дом сумасшедших» пародировал этот традиционный образ. Достоевский в пансионские годы знал наизусть сатиру Воейкова, ходившую тогда в рукописи...» (3; 516), – отмечают комментаторы.

Достоевский настойчиво возвращается к образу крокодила ещё раз в этом же монологе Фомы Фомича, который упрекает полковника в том, что он не рассказал ему о своей любви к Настеньке: «Почему же прежде он не прибежал ко мне, счастливый и прекрасный – ибо любовь украшает лицо, – почему не бросился он тогда в мои объятия, не заплакал на груди моей слезами беспредельного счастья и не поведал мне всего, всего?» Или я **крокодил**, который бы только сожрал вас, а не дал бы вам полезного совета? Или я какой-нибудь **отвратительный жук**, который бы только укусил вас, а не способствовал вашему счастью? «Друг ли я его или самое **гнуснейшее из насекомых?**» – вот вопрос, который я задал себе нынче утром!» (3; 148-149). Обилие биологических терминов, упоминание рептилий и насекомых вновь может отсылать к научным интересам Ф.В. Геблера и фактам

его биографии – необычной покупке чучела крокодила за границей для Краеведческого музея, изучение редких видов насекомых Алтая и т.д.

Пытаясь реконструировать ход художественной фантазии Достоевского, Б.Н. Тихомиров полагает, что замысел развивался в несколько этапов:<...> более вероятным и естественным представляется такое движение творческой фантазии Достоевского (реконструируемое, конечно же, вполне условно и схематично): 1) увидел (предпочтительнее, чем прочел в газете) крокодила, демонстрируемого в пассажном магазине, возможно во время кормления; 2) вообразил незадачливого городского обывателя, по неосторожности угодившего в утробу рептилии; 3) ассоциативно связал своего героя с библейским пророком Ионой, проглоченным морским чудовищем (китом) и проведенным в его чреве трое суток; 4) задался вопросом, какие метаморфозы могут происходить с его персонажем, обосновавшись в «недрах крокодила»; 5) наделил героя, возомнившего себя пророком грядущего рая на земле, чертами крупнейшего мыслителя-утописта эпохи Н.Г. Чернышевского. Какие-то внутренние звенья этой цепи могли следовать в ином порядке, например возникать параллельно. Но принципиально важно, что в этой схеме – точно так же, как и в сюжетной динамике повести, – аллюзии на Чернышевского, подобным которому мнит себя проглоченный персонаж, возникают лишь тогда, когда в условиях фантастического художественного эксперимента, каковым стало попадание «фитюльки» Ивана Матвеича в брюхо крокодила, вполне проявились его хлестаковско-поприщинские черты» [Тихомиров, 2019, с. 464].

В связи с вышеизложенным, позволим себе немного уточнить позицию Б.Н. Тихомирова. Между первым и вторым этапом развития замысла Достоевского было, как нам представляется, еще одно и принципиально важное звено. Это яркие сибирские воспоминания, которые проявились и в упоминании крокодила в романе «Село Степанчиково и его обитатели». Повторим, что образ этого пресмыкающегося встречается только в двух текстах писателя: названном романе и повести «Крокодил».

Н.В. Живолупова полагала, что фактически форма «Крокодила», как и других произведений ”на пороге“ «Преступления и наказания» («Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Записки из подполья») – «знак “кризиса жанра”» [Достоевский: Сочинения, письма, документы, 2008, с. 112]. Напротив, мы полагаем, что комическая повесть «Крокодил» – такой же жанровый эксперимент, как и сибирские тексты: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Поэтому интерпретация повести в контексте более близкого метатекста позволяет раскрыть криптопародийную стратегию писателя, общую для комических текстов. Сопоставительный анализ обнаруживает, что автопародии являются частью иронического осмысления мира, продолжением на новом этапе рефлексии писателя о человеке, Вселенной, сущности /видимости, верности/ необдуманной смене возлюбленных, науки и ее профанации, границах гениальности и самозванства и т.д. Гротескный образ крокодила, героя-философа Ивана Матвеевича, легкомысленной жены-конфетки, странного друга, который «на 9/10 был с ним дружен из злости» (5; 199) и эстетика комического произведения в целом позволяют понять, насколько многослойна пародия Достоевского.

Бесспорно, что повесть «Крокодил» – произведение полигенетическое, восходящее ко многим литературным, философским, биографическим источникам, а заглавная метафора является образом-символом, многофункциональным, с разнообразными смыслами. О.Г. Дилакторская обозначила целый спектр возможных толкований зоологической метафоры. Она отметила, что крокодил – это животное, обитающее в Египте; реторта для эксперимента; иностранец в России; частная собственность, олицетворяющая экономический принцип в буржуазном мире; западная идея – олицетворение европейской цивилизации; все это раскрывает свои смыслы в разных ракурсах: пространственном, историческом, фольклорном, мифологическом, идеологическом, социальном, политическом [Дилакторская, 1999, с. 299, 304-305]. Добавим, что в произведении, помимо ярко представленного петербургского текста повести (Пассаж), возможно, в качестве одного из источников есть и сибирские естественнонаучные мотивы, в которых отразились впечатления от посещения Алтайского краеведческого музея, рассказов П.П. Се-

менова. Объективный образный ряд, актуализированный сюжетной метафорой крокодила в качестве фона или материала для ее создания, предполагает и барнаульский мнемонический след.

Подводя итоги главы, заметим, что «Дядюшкин сон» – произведение глубоко новаторское с точки зрения формы и содержания, синтетичное в жанровом отношении, открывающее новый этап творческой эволюции писателя. Из цензурных опасений и по свежим театральным впечатлениям Достоевский первоначально решает написать комедию, но под пером художника произведение постепенно превращается в комическую повесть с включением других жанромоделирующих кодов летописи, трагедии, комедии, фарса и водевиля. Писатель не остался на уровне «внешнего» матримониального сюжета, противопоставив ему неизмеримую глубину подтекста⁹⁶. Именно подтекст обеспечивает локальную привязку текста, сущностное осмысление проблем российской действительности, в том числе провинциальной, философское понимание человеческой природы и взаимоотношений людей.

Манифестируемая в 1873 г. простота повести – «вещичка голубиноного незлобия и замечательной невинности» (29-1; 303) – это бесспорно трикстерская стратегия, за которой прячется нежелание автора афишировать подробности своей биографии и личной жизни современников, быть узанным на сцене. Криптопародийная поэтика повести нуждается в тщательной дешифровке. Следует особо подчеркнуть, что обилие художественных деталей, подтвержденных архивными документами Алтайского горного округа середины XIX в. и мемуарными свидетельствами современников, позволяют говорить о важной роли барнаульских впечатлений в творческой истории произведения. Алтайские артефакты и барнаульские биографемы: знакомство с театром и братьями Самойловыми, диагностирование болезни И.А. Преображенским, казус на обеде у четы Гернгросс, история

⁹⁶Понятие подтекста как способа моделирования художественного текста всесторонне рассмотрено в: Ерохина А.М. Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой емкости (на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»): автореф. ...к.филол.н.– Великий Новгород, 2018. – 23 с. В этой работе выявлена природа художественного текста как модели и связь явления подтекста с категориями модели, игры и познания.

города и т.д. преломились в художественном творчестве Достоевского. Следование устойчивым семантическим константам барнаульского текста может служить надежным верифицирующим подтверждением того, что именно барнаульские впечатления послужили доминантным стимулом творческой работы Достоевского в период создания повести «Дядюшкин сон».

Барнаул как определенный топос представлен в творчестве Достоевского следующим образом:

1. **Прямая номинация** – Барнаул, барнаульцы – встречается в эпистолярной 43 раза.

2. **Эллипсис** – город Б-л. (2 раза в эпистолярной (28-1;240), и 1 раз в повести «Село Степанчиково и его обитатели» город Б.: «Проезжая маленький городок Б., от которого оставалась только 10 верст до Степанчикова (3; 20).

3. **Перифраз** – Зина мечтает вырваться «из этого проклятого города, и избавиться от всего этого смрада...» (2; 386). В этом фрагменте писатель намекает на черную легенду Барнаула, заключающуюся в проклятии города основателем Колывано-Воскресенских заводов Акинфием Демидовым после их передачи Кабинету.

4. **Метафора** – город в повести «Дядюшкин сон» называется Мордасов.

5. **Криптотопос** – город не назван прямо, но подразумевается с помощью системы кодирующих элементов текста.

На наш взгляд, семантическая двойственность барнаульского текста приводит к многообразной игре его значений, их постоянной семантической интерференции. Достоевский тонко уловил и обозначил контрастные полюса городской палитры. При первом знакомстве Барнаул производит приятное впечатление: город надежд, перспектив, промышленности, стратегически важный для Российской империи центр выплавки золота и серебра, сосредоточие интеллектуальной и культурной элиты, светлый двойник Петербурга. Город имеет свое лицо, он уникален и неповторим. Частично эта мифологема города реализована в эпистолярной авторской. Однако с течением времени и при более близком знакомстве с Барнаулом отношение Достоевского меняется, что обусловлено тремя обстоятельствами:

1) тщеславие М.Д. Исаевой, которая ждала от официальных властей приглашения переезда в город, а когда его не последовало, наотрез отказалась переезжать;

2) понимание тайных пружин жизни Алтая: процесс золотодобычи, коррупция, интриги, сплетни;

3) подробности интимной жизни семьи барнаульской гранд-дамы Е.И. Гернросс, ее виртуозная смена любовников и отношение к детям.

По этой причине в повести «Дядюшкин сон» в семиотической интерпретации Барнаула обнаруживается также влияние inferнальной части петербургского текста как мощной культурной модели: это возникновение, планирование города на пустом месте, основатель-демиург, призрачная, inferнальная реальность подмены, обмана, болезни, возможной скорой гибели. Кроме того, тексте представлена темная, «адова» ипостась Барнаула: провинциализм, сплетни, большие претензии на собственную значимость жителей, интриги, разрушение семейных ценностей, мечты вырваться из «болота», в котором нет места свободе, творчеству, искренности и т.д.

Достоевский уловил абивалентность, противоречивость города. Иначе говоря, в художественном тексте реализован весь спектр значений, который присущ провинциальному городу: «Для него характерны удаленность от центра не как географическое, а скорее как онтологическое свойство, изолированность в пространстве, особая темпоральность с характерной замедленностью, сонностью и иллюзорностью, вплоть до остановки времени. Провинциальный город как литературный локус характеризует засасывающая вязкость жизни как ее метафизическое качество, чувство обреченности, которое пронизывает существование, господство массового, стереотипного, рутинного над индивидуальным и творческим и т.д.» [Абашев, 2000, с. 52]. И в семиотической репрезентации Барнаула как глубокой провинции Достоевским и в самосознании его жителей и в восприятии города россиянами европейской части страны до сей поры проявляются черты этого «колоритного и очень влиятельного топоса русской культуры» [Абашев, 2000, с. 53]. Исторически актуализируется то одна, то другая доминанта сибирского тек-

ста, рождая сложные условия существования на стыке контрарных смысловых пластов. Барнаул современный также несет в себя эту двойственность, противоречивость. Это явственно ощущается и в современном городском тексте. Например, в известном пословичном выражении «Барнаул – столица мира»⁹⁷, ироничном наименовании города Барнеаполь (ср. Неаполь) или, напротив, частотном использовании в публицистическом дискурсе созданного Достоевским названия – город Б., подчеркивающим заурядность, провинциальность места. Но в целом, можно сделать вывод, что с течением времени метафизическая аура Барнаула как текстообразующего города теряет амбивалентность, постепенно приобретая единый интерпретационный код. В целом формирование городской семиотики пошло по «адову» принципу, что отражено в современной литературе Барнаула⁹⁸.

Итак, к числу городов, которые сыграли значительную роль в судьбе и творчестве Достоевского, нужно отнести и Барнаул. Город являлся одним из доминантных творческих импульсов в истории создания повести, однако вектор осмысления пространства у Достоевского направлен вширь: Барнаул – Алтай – Сибирь – Россия – мир. Следующая часть исследования посвящена роману «Село Степанчиково и его обитатели», в котором в большей степени воплотились некоторые детали семипалатинского опыта писателя.

⁹⁷ Это выражение придумал Сергей Лазорин, барнаульский рок-музыкант, лидер группы «Девять» и прототип персонажа повести С.М. Орехова «Барнаул – столица мира».

⁹⁸ См., например, «Иту-Тай. Темный Ветер с зеленых холмов» (2002) А.В. Коробейщикова и «Детдом для престарелых убийц» (2002), «Настоящее длится 9 секунд» (2005), «Сбор трюфелей накануне Конца света» (2014) В.Н. Токмакова и др.). Подробнее об этой теме см.: [Козлова, 2008],[Десятов, Куляпин, 2002], [Богумил, 2016] и др.

Глава 4. Genius loci в поэтике романа «Село Степанчиково и его обитатели»

Наряду с повестью «Дядюшкин сон» (1859) к единому замыслу комедии, а позднее – комического романа восходит и роман «Село Степанчиково и его обитатели» (1859)⁹⁹. В творческом наследии Достоевского эти произведения объединены не только генетически, но и эстетически: ведущим принципом в тексте является реализация эстетики комического (юмор, ирония, гротеск).

Работа над романом, задуманным в 1855 году, в годы службы рядовым в Семипалатинске, затянулась на четыре года, поскольку писатель не мог трудиться систематически и был занят устройством личной жизни («Я был счастлив, я не мог работать»– 28-1; 209). Примерно два года ушло на обдумывание замысла, а еще два года – собственно на творчество с перерывом на повесть «Дядюшкин сон». Поэтому роман можно считать самым отрефлексированным текстом Достоевского, перманентно находящегося в ситуации экзистенциального самоопределения как ссыльный писатель. «Не могу Вам выразить, сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать. А, между прочим, внутренняя работа кипела» (28-1; 209), – признавался автор в январе 1856 г. А.Н. Майкову. В повести «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково» «Достоевский стремится дать выход накопившимся идеям, проверить практикой новые приемы и обозначить характеры и типы, русской литературой еще не разработанные»,– отмечает Н.А. Макурина [Макурина, 2007, с. 112]. Перед Достоевским стояла задача оказаться созвучным настроениям эпохи, вписаться в современный литературный процесс, главными фигурами в котором в его отсутствие стали И.А. Гончаров и И.С. Тургенев.

«Село Степанчиково и его обитатели» занимает особое место в творческом наследии Достоевского как произведение, которым автор стремился возобновить литературную карьеру (3; 487). По словам И.Л. Волгина, «никому из <...> литера-

⁹⁹ Свою версию происхождения «Села Степанчикова» выдвинула после смерти писателя А.Г. Достоевская. В 1888 г. она сообщила К.С. Станиславскому, что, приступая к созданию «Села Степанчикова», муж ее первоначально предполагал писать не повесть, а пьесу, «но отказался от этого намерения потому, что хлопоты по проведению пьесы на сцену <...> трудны, а Федор Михайлович нуждался в деньгах» (ПСС₂ 3; 568).

торов не приходилось начинать дважды – в том смысле, в каком это выпало Достоевскому. Никто из них никогда не преследовал цель: явиться из забвения и восстановить имя» [Волгин, 1986, с. 6]. Поэтому работа над сибирскими произведениями предполагала поиск актуальных тем, проблем, интересных для читателей и безопасных с точки зрения цензуры¹⁰⁰. Достоевский выбирает провинциальные истории – «самые скандальные, но невинные, те, которые возникают вокруг сватовства и женитьбы» [Захаров, 2013, с. 176].

В письме к брату Михаилу от 9 мая 1859 г. Ф.М. Достоевский оценивал свое детище очень высоко: «Этот роман, конечно, имеет величайшие недостатки и, главное, может быть, растянутость; но в чем я уверен, как в аксиоме, это то, что он имеет в то же время и великие достоинства и что это *лучшее* мое *произведение*. Я писал его два года (с перерывом в середине «Дядюшкина сна»). Начало и середина обделаны, конец писан наскоро. Но тут положил я мою душу, мою плоть и кровь» (28-1; 326).

Вопреки авторской оценке («*лучшее* мое *произведение*» (28-1; 326) публикация нового романа автора прошла незамеченной критикой. В литературоведении долгое время существовала инерция несерьезного отношения к произведению как к «самому веселому и беспечному созданию Достоевского» [Гроссман, 1935 а, с. 7], написанному автором «из обломков чужих и своих созданий», «без глубоких идей <...> без всякой претензии со стороны автора» [Кирпотин, 1960, с. 547]. Исследование Ю.Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь. К теории пародии» [Тынянов, 1977] стало импульсом целого направления изучения текста в интертекстуальном аспекте (см., напр.: [Алексеев, 1921], [Реизов, 1970а], [Туниманов, 1980], [Захаров, 1981, 1985, 2013], [Семыкина, 1992, 1997, 2008], [Лотман, 1987, 1996], [Кибальник, 2013], [Нестюричева, 2013], [Виноградов, 2018]¹⁰¹ и др.).

¹⁰⁰ В письме старшему брату от 1 июля 1859 г. автор предполагал, что «...цензура двух слов не вымарает. За это ручаюсь» (28-1; 330), и это предположение оказалось верным: цензором романа был назначен И.А. Гончаров, который «...выкинул, говорят, из первой части одно только слово. Какое не знаю» (28-1; 515), – отчитывался 23 ноября 1859 г. М.М. Достоевский.

¹⁰¹ Так, В.И. Виноградов считает, что «трудно сказать, чем руководствовался Достоевский, наделяя своего персонажа чертами Гоголя. Следует, впрочем, со всей определенностью подчеркнуть, что речь в данном случае идет лишь об отдельных гоголевских чертах и высказываниях, ничуть не более; смысл и содержание образа Фомы Опискина принципиально иные» [Виноградов, 2018, с. 60]. Ученый предостерегает от прямого отождествления героя и его прототипа: «сам по себе пародийный свод Достоевского в романе намного шире, чем некоторые выра-

В интертекстуальном контексте ученые рассматривали не только «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, но и целый круг авторов зарубежной (Ж.Ж. Мольер, М. Сервантес, Ч. Диккенс) и русской (Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.А. Полевой, Н.Ф. Писемский, барон фон Брамбеус, А.В. Дружинин, И.С. Тургенев, А.Н. Афанасьев) литератур. В тексте, прямо или косвенно, упоминаются Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Козьма Прутков, Писемский, Полевой, Сенковский, Дружинин, Петрарка, Вольтер, Радклиф, Эжен Сю, Поль де Кок и даже такие писатели, как забытый ныне Бегичев или уже тогда мало кому известный Бороздна; фигурируют журналы “Современник” и “Отечественные записки”. «Есть в романе и пародия на некоторые собственные мотивы (“ваше превосходительство”), на свои ненаписанные произведения (“Сбритые бакенбарды”), на свои приемы поэтики. Так, в работе с романом использована «Сибирская тетрадь», куда Достоевский вписывал меткие слова, характерные выражения, пословицы и поговорки из народного, каторжного и солдатского быта» [Захаров, 2013, с. 184]. И.Л. Волгин справедливо подытоживает, что «литература – в том или ином виде – “внесценический персонаж” «Села Степанчикова» (даже лакей Водоплясов – автор сочинения “Вопли Видоплясова”). Такая насыщенность текста литературными реалиями создает особую художественную атмосферу» [Волгин, 1986, с. 14]¹⁰².

В.А. Туниманов, В.И. Габдуллина, В.Н. Алекин и К.А. Баршт рассматривали семипалатинские впечатления писателя как основу создания романа, выявляя прототипы и детали провинциального быта и т.д.

В последнее время наблюдается всплеск интереса к этому роману Ф.М. Достоевского. Так, например, С.А. Кибальник в монографии «Интертекстуальная поэтика» позиционирует «Село Степанчиково» как скрытую криптопаро-

жения Гоголя. Делать из нескольких, хотя и значимых переключек, далеко идущие выводы – очевидная натяжка. Для решения своей задачи художник использует подчас самый неожиданный материал» [Виноградов, 2018, с. 60–61]. В.Н. Алекин также указывал на полигенетическую природу этого персонажа: «Но до сих пор нет единой точки зрения в вопросе о реальном прототипе Фомы Опискина – назывались, кроме Гоголя, и Белинский, и Грановский, и Полевой, а также множество литературных героев» [Алекин, 2013, с. 243].

¹⁰² К аналогичным выводам в отношении повести Достоевского приходит Р.Я. Клейман: «Своеобразным «нервным центром» сквозных мотивов, реминисцентных и типологических, представляется «Дядюшкин сон»» [Клейман, 1985, с. 95].

дию на петрашевцев [Кибальник, 2013, с. 140] и вписывает произведение в широкий литературный и философский контекст.

Обобщая вышесказанное, внимание исследователей было сосредоточено на следующих аспектах:

- 1) поиск интертекстуальных связей (М.П. Алексеев, В.В. Виноградов, Б.Г. Реизов, А.Л. Григорьев, Р.С.-И. Семькина, С.И. Кибальник, Н.А. Нестюричева и др.);
- 2) проблема жанрового своеобразия (Ю.Н. Тынянов, В.Н. Захаров, В.П. Владимирцев, Р.С.-И. Семькина, Н.П. Утехин и др.);
- 3) фольклорная основа романа (В.А. Михнюкевич) и влияние народного театра – балаганный текст (В.П. Владимирцев, Р.Х. Якубова);
- 4) этап творческой эволюции, «экспериментальная площадка», «своеобразный конспект» (В.Я. Кирпотин, Г.К. Щенников, В.Н. Захаров, В.А. Туниманов, Р.-С.И. Семькина и др.);
- 5) провинциальный и семипалатинский текст (В.А. Туниманов, К.А. Баршт, В.Н. Алекин, В.И. Габдуллина, Е.Ю. Сафронова).

На наш взгляд, для этапа семипалатинской службы рядовым характерна одновременность психологических процессов выстраивания Достоевским собственной личности и поиск, осмысление и апробация опорных точек новых творческих координат. Действительно, стремясь преодолеть вынужденный жизненный и творческий кризис и найти выход из экзистенциальной ситуации, Достоевский создает произведение, отличающееся диалогичностью и полемичностью в отношении саморефлексии и литературной традиции. Для автора было важно определить свою литературную позицию и художественную стратегию.

Поэтому необходим комплексный в методологическом плане инструментарий, сочетающий в себе семиотический, биографический, историко-культурный, интертекстуальный и др. подходы. Особое внимание следует уделить деталям жизни писателя в провинции, что позволит точнее интерпретировать авторский замысел в различных контекстах (от биографического до литературно-символического), раскрыть своеобразие творческой манеры, художественной

стратегии и нарративной структуры текста.

4.1 «Село Степанчиково и его обитатели»:

первый сибирский роман

До конца не решен в науке и вопрос о жанре произведения, отличающегося синтетическим характером. В письмах Достоевский именуется жанр произведения как «роман» (28-1, 214, 220, 246, 280, 290). «Авторское определение жанра есть также и в его первой публикации (Село Степанчиково и его обитатели. Из записок неизвестного. Роман Ф. Достоевского // Отечественные записки. 1859. № 11. Отд. I. С. 65-206; № 12. Отд. I. С. 343-410), – замечает К.А. Баршт [Баршт, 2015, с. 73]. Большинство литературоведов вслед за комментаторами Полн. собр. соч. называют «Село Степанчиково и его обитатели» повестью, либо, детализируя, комической повестью (В.Я. Кирпотин [Кирпотин, 1860], В.А. Туниманов [Туниманов, 1980], Г.К. Щенников [Щенников, 1987], Н.П. Утехин [Утехин, 1986], В.И. Габдуллина [Габдуллина, 1983, 2016], Р.Х. Якубова [Якубова, 2007], В.Н. Алекин [Алекин, 1998] и др.)

К жанру романа произведение относят В.Н. Захаров, С.А. Кибальник, Р.С.-И. Семькина. В.Н. Захаров определяет «Село Степанчиково и его обитатели» как «комический нравоописательный роман. Его жанровая форма – семейный роман в драматической и водевильной версиях» [Захаров, 1985, с. 65]. Р.С.-И. Семькина рассматривает это произведение как комический роман-антиутопию, «переходную ступень от “сентиментального натурализма” 1840-х годов к трагическому реализму 1860-1870-х годов» [Семькина, 1992, с. 4]. Названные ученые рассматривают текст в контексте всего творчества писателя как выражение «нового качества прозы, предвосхищение манеры повествования будущих романов» [Захаров, 2013, с. 181], «экспериментальную площадку», «своеобразный «конспект», «переходную ступень в разработке поздних романов-трагедий» [Семькина, 1992, с. 11]. Н.М. Чирков полагает, что оба произведения – «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» – написаны в одном жанре, который он называет драма-

тизированным романом, романом-комедией [Чирков, 1967, с. 33]. Для этого жанра «...характерно сочетание резкого комедийного гротеска, доходящего до буффонады, и утонченного психологического рисунка, стремящегося выявить тайные изгибы души» [Чирков, 1967, с. 35].

В силу сложившейся жанровой разноголосицы целесообразно вернуться к этому вопросу еще раз.

В письме А.Н. Майкову 18 января 1856 г. Достоевский отмечает игровой характер замысла («Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц итак понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни. Короче, я пишу комический роман, но до сих пор все писал отдельные приключения, написал довольно, теперь все сшиваю в целое» (28-1; 209). В этом письме Достоевский указывает, что в процессе работы он изменил намерение, трансформировав жанровую природу произведения: комедия – комический роман.

Тем не менее, в окончательном тексте первых послекаторжных произведений присутствуют рудименты комедийного замысла. В повести «Дядюшкин сон» они более очевидны, но они есть и в «Селе Степанчикове», но в латентной форме.

Понятие комедии было исторически изменчивым, его наполнение разнится в современной эстетике и теориях литературы предыдущих периодов. Так, для Аристотеля комедия – «это воспроизведение худших людей, но и не по всей их порочности, а в смешном виде» [Аристотель, 1998, с. 1071]. В средневековье комедией называли написанное народным языком произведение с печальным началом и счастливым концом (ср. авторское определение Данте – «Комедия»). Н. Буало понимал под комедией особый жанр, призванный изображать обобщенные характеры и высмеивать человеческие пороки. В современной теории литературы комедия – это драматическое произведение, средствами сатиры и юмора высмеивающее пороки общества и человека, отражающее смешное и низкое [Литературная энциклопедия терминов..., 2001, с. 371].

Кроме того, в литературоведении есть понятие «модус художественности», введенное в науку Н. Фраем [Frye, 1967], который еще не разграничивал это понятие с термином «литературные жанры». Развил его концепцию В.И. Тюпа, определив термин как «способ осуществления законов художественности», «тип эстетического завершения» «эстетическую модальность творчества» [Тюпа, 2002, с. 36], «эстетическую константу или эстетическую доминанту текста» [Тюпа, 2002, с. 39]. В.И. Тюпа выделил и описал восемь модусов художественности: героика, сатира, трагизм, комизм, идиллика, элегизм, драматизм, ирония [Тюпа, 2002, с. 36-52]. Если использовать выделенные В.И. Тюпой модусы художественности, то в произведении Достоевского использованы шесть из восьми: сатира, комизм, идиллика, драматизм и ирония.

Для того, чтобы ответить на вопрос о жанре произведения как носителе литературной памяти и особом способе художественного освоения реальности, необходим системный анализ проблематики произведения, его сюжетосложения, способов организации действия, хронотопа, принципов создания характеров и отражения действительности.

Если рассматривать общефабульный план, то сюжеты женитьбы поневоле и свадьбы убегом входят в традиционный комедийный репертуар. В мировой драматургии можно найти аналогичные мотивы, например, в новоаттической комедии Менандра «Брюзга» (316 г. до н.э.) озлобленный на весь свет человеконенавистник Кнемон, попав в колодец, дает согласие на брак. В духе новоаттической трагедии Фома Фомич принимает аналогичное решение, разрешая полковнику жениться на Настеньке, что обусловлено нравственным потрясением (слетел с крыльца, выгнан из дома) и мгновенным «перерождением» героя.

Ситуация заключения брака с препятствиями поднималась в комедии «Женитьба Фигаро» Бомарше и т.д.

Кроме того, в античной комедии присутствовал такой композиционный прием как гипорхема, т.е. пляска, расположенная обычно в середине пьесы, перед катастрофой. Она выполняла функцию контраста к основному действию. После гипорхемы всегда следовал перелом событий пьесы. В произведении Достоевского

функцию гипорхемы, по сути, играет танец Фалалея под аккомпанемент народного оркестра: «Надобно заметить, что Фалалей отлично плясал; это была его главная способность, даже нечто вроде призвания; он плясал с энергией, с неистощимой веселостью, но особенно любил он комаринского (Cis! у Достоевского. – *Е.С.*) мужика. <...>...слушать комаринского и не плясать под эту музыку было для него решительно невозможно. <...> Оркестр составляли две балалайки, гитара, скрипка и бубен, с которым отлично управлялся фореитор Митюшка. Надо было посмотреть, что делалось тогда с Фалалеем: он плясал до забвенья самого себя, до истощения последних сил, поощряемый криками и смехом публики; он взвизгивал, кричал, хохотал, хлопал в ладоши; он плясал, как будто увлекаемый постороннею, непостижимую силою, с которой он не мог совладать, и упрямо силился догнать все более и более учащаемый темп удалого мотива, выбивая по земле каблуками. Это были минуты истинного наслаждения» (3; 63). Как в античной традиции, происходит гармоничное соединение музыки и танца, актеров и зрителей в единое целое, что приводит к ощущению катарсиса. Фалалей выполняет роль корифея – предводителя античного хора, даруя крестьянам на несколько минут чувства радости, счастья, ощущение свободы и народного единства.

Камаринская – русская народная плясовая песня быстрого, увлекательного движения, живого, задорного, юмористического характера. Размер двудольный. Народными музыкантами камаринская исполняется обычно с многочисленными и разнообразными вариациями [Современный словарь-справочник..., 2000, с. 275].

Танец Фалалея – это не просто передача через движение душевных переживаний персонажа, его самовыражение и знак его отношения к миру. По словам чешского эстетика Яна Мукаржовского, танец представляет собой такой вид искусства, в котором коммуникативная функция замаскирована [Мукаржовский, 1994, с. 194].

Ранее танцы выполняли магические и обрядово-ритуальные функции. Так, в древнеиндийской мифологии первым танцором был бог Шива, который создал мир из хаоса своим космическим танцем. В произведении Достоевского танец Фалалея выполняет не только коммуникативную, эстетическую, объединяющую и

катарсическую функции, но и терапевтическую функцию. Ребенок использует танец бессознательно, для лечения психоэмоциональных расстройств, как способ уйти от создаваемого Фомой невроза. Танец помогает избавиться от невзгод бытовой жизни, полностью отдаться чувству ритма, выплеснуть все свои эмоции и на несколько минут почувствовать абсолютную свободу.

В.А. Михнюкевич рассматривает этот эпизод с камаринским как «противостояние безгласной еще души народа, силящейся найти свое выражение через отчаянную пляску, <...> и – в лице Фомы Опискина – угрюмой давящей силы, преследующей “безнравственные” песни народа» [Михнюкевич, 2007, с.209].

Многokrатно отмечалось, что этот эпизод автобиографичен, связан с театральным каторжным опытом писателя. «То, что Достоевский перенес в поместье Ростанева тот же инструментальный ансамбль, – деталь характерная, свидетельствующая о силе испытанного им на каторге впечатления» [Гозенпуд, 1971, с. 67-68]¹⁰³.

Р.Х. Якубова в статье «Балаганный текст в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» связывает камаринского с представлениями народного театра: «На подмостках праздничной площади этот народный танец обычно исполнял разухабистый Петрушка. Сходство с балаганным персонажем подчеркивается даже нарядом Фалалея – красной шелковой рубашкой, черными плисовыми шароварами и козловыми сапожками» [Якубова, 2007, с. 399].

В.П. Владимирцев отмечает, что плясовая песня воспринималась писателем как «психологическая проблема, загадка народной души» [Владимирцев, 2007, с. 367].

¹⁰³ А.А. Гозенпуд подробно анализирует истоки этого мотива в двух произведениях Достоевского, которые создавались почти одновременно. Писатель познакомился с «Камаринской» в исполнении композитора в 1849 г. «Во время работы над «Записками из Мертвого дома» Достоевский находился в Семипалатинске и мог из газет и журналов (1857) узнать о смерти великого композитора, вспомнить о встрече с ним» [Гозенпуд, 1971, с. 67], и поэтому упомянуть его имя в произведении. Важно, что и каторжникам и крепостным камаринская приносит счастье и ощущение свободы. И если среди арестантов при исполнении песни наблюдается полная гармония, то «[н]ародная плясовая мелодия, утвержденная гением Глинки, вызывает ожесточенные нападки Фомы Опискина. Силы «противников» в повести неравны: с одной стороны наглый приживал, мнящий себя хозяином, с другой – безответственный крепостной Фалалей, для которого пляска – не только радость, но и единственная область, в которой он по-настоящему талантлив» [Гозенпуд, 1971, с. 68]. Ученый также доказывает, что в образе Фомы Достоевский систему взглядов представителей консервативной "эстетической" критики, в том числе Булгарина и Ростислава [см.: Гозенпуд, 1971, с. 68-72].

Как в античной комедии, после танца следует перелом событий. Танец слуги-казачка резко прерван появлением Фомы Фомича, который «сторожил бедного Фалалея, как охотник птичку, с наслаждением представляя себе, какой трезвон задаст он в случае успеха всему дому и в особенности полковнику» (3; 63). Камаринская является непристойной только для Фомы, не включенного в народный хор. Он недоволен содержанием песни о простом мужике, который много пьет и проводит дни в трактире. Однако причина причина в другом – Фома не может простить Фалалею управления народным вниманием.

По мысли Р.Г. Назирова, «[б]ытовое поведение героев Достоевского часто имеет **символический** характер: писатель рисует поведение как высказывание» [Назирова, 2005, с. 125]. Фома Фомич претендует на роль блюстителя нравственности, проповедника и идеолога. Он использует мифологическую античную параллель, видя свое предназначение в исправлении общества: «Я, как Орфей, смягчаю здешние нравы <...>» (3; 74). Его речь, действительно, ритмична и суггестивна, что отмечает даже Бахчиев: «И уж как начнет ученым своим языком колотить, так уж та-та-та! та-та-та!» (3; 25). Ритм его речи напоминает такой элемент русского народного танца, как дробь. Дробь – неотъемлемый элемент камаринской с ее частым ритмом. Именно речевое поведение Фомы – просветительская деятельность, по его мнению, и должно рождать катарсис или ощущение благодати: «Ну, не чувствуете ли вы теперь, – проговорил истязатель, – что у вас вдруг стало легче на сердце, как будто в душу к вам слетел ангел?..» (3; 88). Кроме того, он предлагает полковнику поклониться в знак уважения и признания его величия: «Надеюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вам слегка поклониться и вместе с тем склонить вперед корпус. С генералом говорят, склоняя вперед корпус, выражая таким образом почтительность и готовность, так сказать, лететь по его поручениям. Я сам бывал в генеральских обществах и все знаю... Ну-с: “ваше превосходительство”» (3; 88). Акцентируем, что форма обращения была жестко закреплена в «Табели о рангах». Уставное обращение «Ваше Превосходительство» соответствовало третьему и четвертому классам рангов, введенным Петром Первым в 1722 году, т.е. Опискин требует, чтобы полковник (VI) в отставке назы-

вал его как генерал-майора (IV) или генерал-лейтенанта (III) или соответственно, в гражданских чинах, как действительного статского (IV) или тайного советника (III). Фома, находясь вне сословной лестницы, метит на ее самую вершину. «Внешний знак лояльности воспринимается наблюдающим эту сцену племянником как проявление высшей степени уничижения, с одной стороны, и тирании («истязания» – 3; 88) – с другой. В момент, когда «дядя» называет Фому «превосходительством», именем «высшей» власти, тот ею и становится. Происходит «интронизация» «проклятого Фомки». Наименование титулом «ваше превосходительство» есть акт номинации, магический по своей сути акт, вызывающий к жизни самоосвященное ”Высшее“ лицо» [Постникова, 2016, 134]. Подчеркивая свое превосходство над полковником, он предлагает ему «слегка поклониться и вместе с тем склонить вперед корпус» (3; 88). Это движение можно назвать танцевальным. Оно используется в бальном этикете. Например, поклон открывает минуэт. В современной хореографической терминологии используется термин flat back – прямая спина, наклон торса вперед.

Античная пьеса нередко завершалась свадьбой героя с аллегорической фигурой, символизирующей торжество его победы над антагонистом. Так можно расценить и заключение брака полковника с Настенькой (др.-греч. *Ἀναστασία* – воскресение).

Довольно значимым явлением для античной культуры была и комедия Аристофана «Облака», посвященная критике лжеучителей-софистов, которые затуманивали головы ученикам, преподнося им не знание, а риторику. Аристофан в комедии сатирически обыграл личность Сократа, который в реальности софистом не был и, напротив, проповедовал антидогматическую философию. Он пользовался другими методами: майевтикой¹⁰⁴ и диалектикой. На наш взгляд, можно увидеть сходство софистических – риторических приемов Фомы Фомича в процессе обучения Видоплясова написанию стихов, а крестьян – астрономии и французскому языку. В общении с полковником и его домочадцами и гостями он использует манипулятивные риторические стратегии. Они строятся на эмоциональном давлении

¹⁰⁴Термин диалога Платона «Теэтет», означающий метод философствования, созданный Сократом.

нии, акцентировании и гиперболизации некоторых моментов, а не на логических основаниях партнерского взаимодействия. В методике Сократа последовательно задаваемые вопросы были призваны выявить невежество ученика и привести его к истине, которую он сам должен был сформулировать. В «Селе Степанчикове...» пародируется и софистика, и майевтика, и диалектика. Ирония проявляется в том, что лжефилософ и учитель ограничивается только первым этапом – осознания учеником своего невежества, которому потом преподносится готовая «истина»: Фома – гений, благодетель, духовный учитель. Эта истина принимается учеником легко из состояния добровольной униженности, осознания своей греховности и абсолютного незнания (вспомним знаменитую сократовскую фразу: *sciōmeni-chilscire* – я знаю, что ничего не знаю).

Но игра Достоевского с культурными претекстами и жанрами заключается в том, что Фома Фомич, использующий коммуникативные стратегии манипуляции, разоблачается средствами сократической иронии. Так, автор иронизирует над самоуверенностью приживальщика, который мнит себя «многознающим», гением столетия и т.д. Весь текст художественного произведения призван выявить ограниченность позиции Фомы, герой развенчивается эстетически. Эту нарративную стратегию Достоевский уже использовал в «Объяснении по делу петрашевцев», где юридический документ подменялся литературными стратегиями художественного творчества и полемической практикой (см. [Сафронова, 2016]).

По типу фабулы «Село Степанчиково...» сближается с комедией положений, комедией интриги и комедией характеров. Эстетика классицизма предполагала наличие говорящих имен персонажей. Такие имена в произведении есть, и логика текста подтверждает их знаковый характер. Несостоявшийся литератор, не создавший ничего стоящего в литературном плане, имеет фамилию Опискин, которая обнажает его предельное самомнение и отсутствие дарования. Единственный плод его литературной карьеры – неоконченная повесть из великосветской жизни «Графиня Влонская», а «опубликованный» текст – надпись на надгробии генерала Крахоткина. Имя генерала Крахоткина (созвучно кроха) тоже говорящее, представляет собой оксюморон, являясь восходящей градацией персоналистических

притязаний героя. Фамилия другого героя – Мизинчиков маркирует масштаб его личности, а семантика фамилии Обноскин сводится к идее вторичности: у героя нет ничего своего, начиная от мыслей и суждений и заканчивая одеждой.

В литературоведении предпринимались попытки сближения произведения Достоевского с комедией Мольера «Тартюф». Так, М.П. Алексеев высказывал мысль, что «обитателям Степанчикова в известной мере соответствуют персонажи мольеровской комедии: Фоме Опискину – Тартюф, Ростаневу – Оргон, генеральше – госпожа Пернель, Бахчеву – Клеант и т.д.» [Алексеев, 1921, с. 41–62]. Однако В.Н. Захаров доказал, что образ Фомы гораздо сложнее. «Иногда Фому называют “русским Тартюфом”. Это неточно. При всей внешней схожести ханжеских повадок нет более несхожих героев, чем Тартюф и Опискин. Фома бескорыстен, у него нет меркантильной цели, исполнения которой он добивался бы. Образ Фомы противопоставлен этому типу – ”породе житейских плутов, прирожденных Тартюфов и Фальстафов, которые до того заплутовались, что наконец и сами уверились, что так и должно тому быть, то есть чтоб жить им да плутовать; до того часто уверяли всех, что они честные люди, что наконец и сами уверились, будто они действительно честные люди и что их плутовство-то и есть честное дело“ (2, 276). К ”житейским плутам“ нельзя отнести Фому, он – нечто иное; по отзыву одного из персонажей романа,– ”человек непрактический; это тоже в своем роде какой-то поэт“ (3, 93–94)» [Захаров, 1985, с. 130]. Добавим, что образ Фомы Фомича строится на парадоксальном сочетании разных амплуа: хвастун, злодей и резонер-обличитель. Кроме того, образ Фомы включает и амплуа женской роли – дуэнья, мешающая соединению влюбленных. Ростанев – человек средних лет, но играет роль жан премьер (первого молодого), тогда как более подходящий по возрасту племянник Сережа сразу от предполагаемой роли жениха избавлен Настенькой в амплуа инженеру. Образ генеральши создан с ориентацией на амплуа грандам, а Видоплясова – пародиста.

По наблюдениям И.З. Сермана, отдельные ситуации и персонажи «Села Степанчикова» восходят к комедии И.С. Тургенева «Нахлебник» (1848), запрещенной к печати в 1849 г. и опубликованной в 1857 г. в журнале «Современник» под

названием «Чужой хлеб». Пьеса была написана под влиянием Достоевского, поэтому не могла не привлечь внимание писателя (3; 501).

В окончательном тексте произведения слово *комедия* употребляется Степаном Бахчевым для обозначения ситуации в усадьбе Ростанева, оккупированной приживальщиком: «Говорю вам: прямо к Фоме Фомичу! Идите за мной; вы там еще не были. Увидите другую *комедию*... Так как уж дело пошло на комедии...» (3; 129). В этом контексте слово *комедия* использовано в переносном значении: «забавное происшествие или случай» [Даль, Т. 2, с. 148], что не исключает «драматического» подтекста.

В то же время Достоевский не ограничивается жанрообразующими элементами комедии, а использует весь арсенал драмы. Из жанра трагедии писатель почерпнул неожиданную развязку по типу *deusexmachina* и такой компонент фабулы, как перипетия (греч. *peripe'teia* – «внезапный поворот»), по определению Аристотеля («Поэтика», гл. XI) – «перемена происходящего к противоположному» [Аристотель, 1998, с. 1079]. Но если в трагедии перипетия использовалась однократно однажды, то у Достоевского она становится постоянным элементом сюжетики. Выписанный из столицы жених не понравился Настеньке, в беседке происходит свидание не Ростанева с Настенькой, а Татьяны Ивановны с неизвестным, Татьяну Ивановну увез не Мизинчиков, а Обноскин, Фома отказывается от денег, вчерашний кумир выгнан из дома, Фома разрешает полковнику жениться на гувернантке и т.д. Развитие действия построено на игре эффектных контрастов. «Перипетии <...> случаются в пределах глав, постоянно озадачивая читателя. Комические подмены происходят тут же на глазах. Неожиданные развязки следуют одна за другой», – отмечает В.Н. Захаров [Захаров, 2013, с. 186].

Рамки драматического рода оказываются для писателя тесными, он умело комбинирует разные жанры, делая сюжетную ситуацию не только комической, но и драматической одновременно. Происходит как бы драматизация эпического жанра, что в целом будет характерно для поэтики последующих романов Достоевского.

В.Н. Захаров справедливо отмечает, что жанровая форма произведения – ««семейный роман» в драматической и водевильной версиях: драматическая история отношений дядюшки Егора Ильича Ростанева с гувернанткой его детей Настей, их тернистый путь к семейному счастью не составляют сущности содержания романа так же, как и водевильная история – интрига вокруг сватовства к безумной, но богатой Татьяне Ивановне, на которой хотят женить дядю, но которую не прочь перехватить Мизинчиков и Обноскин. Традиционные формулы семейного романа, ставшие названиями некоторых глав, получают ”двойное“ значение – серьезное и пародийное, драматическое и водевильное: ”объяснение в любви“ оказывается объяснением героини в любви к другому, но не к герою ”записок“; ”катастрофа“ – не водевильным поцелуем Татьяны Ивановны, а выслеженным Фомой поцелуем Насти и дяди; ”погоня“ – погоней за героиней ”водевиля“, а не ”романа“ (за Татьяной Ивановной, а не за Настей), в свою очередь, Татьяну Ивановну похитил не Мизинчиков, как можно было предположить, а Обноскин» [Захаров, 1985, с. 129-130].

В процессе осмысления и углубления содержания текста происходила корректировка его жанровой принадлежности. Достоевский использует различные жанровые коды, обогащая внутреннее содержание произведения. Отдавая приоритет роману, автор в «Селе Степанчикове...» соединил несколько разновидностей романного жанра: рыцарский, любовный, усадебный, нравоописательный, семейный, психологический, социальный, философский.

Так, в произведении Достоевского очевидны рудименты рыцарского романа, возникшего в Европе в XII в. «Роман (фр. roman – первоначально произведение на романских языках) – большая форма эпического жанра литературы Нового времени. Его наиболее общие черты: изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы действующих лиц, многоголосие, отсюда – большой объем сравнительно с другими жанрами» [Литературная энциклопедия терминов..., 2001, с. 889]. Рыцарский роман предполагал духовное возрастание, нравственное совершенствование личности рыцаря под воздействием любви к Прекрасной Даме. На символическом уровне

этот план реализуется через семантику антропонимов. Фамилия полковника – Рóстанев, возможно, восходит к слову рост или, что более вероятно, к слову рóсстани. Лексема является производным от глагола расставаться. В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля зафиксированы такие значения: «Рóсстани – действие или состояние по глаголу расставлять, расставить. Розстани или росстани – прощание, проводы, угощение перед разлукой, последнее свидание с отбывающим» [Даль, 1882, Т. 4, с. 47]; «расстанки, росстани и росставни, тамб. расставни, распутье, раздорожица, перекресток, до которого обычно провожают отпущаемых в путь, где разлучаются, расстаются, развилье, разделение дорог на две, перекресток, пересечка двух или более дорог, распутие» [Даль, 1882, Т. 4, с. 72]. В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой слово рóсстань и рóсстани имеет помету обл. и значение – перекресток двух или нескольких дорог, распутье [МАС, 1999, Т. 3, с. 732]. Словарь русского языка XI-XVII вв. фиксирует следующее значение: **росстани** (Ростани мн.) – разветвление дорог или перекресток [Словарь русского языка XI-XVII вв., Вып. 22, 1997, с. 218]. Таким образом, во всех словарях значение лексемы почти совпадает: перепутье, распутье, пересечение дорог. Возможно, что создавая антропоним, Достоевский хотел подчеркнуть кризисную ситуацию, момент выбора жизненного пути, точку бифуркации, от которой зависит вся дальнейшая судьба главного героя. Поэтому герой с богатырской внешностью действительно находится в состоянии богатыря у развилки дорог. Он должен духовно вырасти, чтобы выбрать верное решение и одержать победу.

Герой силен физически и напоминает если не рыцаря, то богатыря, имеет военное прошлое. Имя *Егор* является разновидностью греческого имени Георгий – землевладелец, землепашец. В тоже время в культурной памяти имя связано со святым Георгием Победоносцем, змееборцем. Отчество *Ильич* имеет сакральную символику: Илья – мой Бог, крепость Господня, кто как Бог. Его возлюбленная – Настенька, от др.-греч. *Ἀναστασία* – воскресение. В романе используется уменьшительно-ласкательный вариант имени, характерный для русских народных сказок, актуализируя фольклорные коннотации юности, чистоты, мудрости девушки,

обладающей сакральным знанием, способной мягкостью и женственностью побеждать тёмные силы. Именно Настеньке удастся немного смягчить крутой нрав Фомы.

Отсылка к рыцарскому роману представлена в форме едкой пародии: полковник в отставке напоминает своей инфантильностью ребенка. Господин Бахчев – юнкер в отставке, при первой же встрече Сереже признается: «...по дружбе скажу: не люблю бабья!» (3; 28). Но в то же время: «Что-то бабье было во всей его фигуре и тотчас же бросалось в глаза» (3; 20), главным качеством своего характера он называет отнюдь не мужественность: «Характер у меня бабий, постоянства нет никакого! Трус я, батюшка, первой руки...» (3; 30). Если верить сорокалетнему Коровкину, то у него тоже военное прошлое, но герой страдает алкогольной зависимостью. Напротив, бывший шут Фома надевает на себя словесное амплуа рыцаря, защищающего честь дамы: «Я как рыцарь средних веков», «готов пролить кровь» (3; 149) и т.д. Таким образом, жанровые ключи рыцарского романа в иронически-сниженном варианте в полной мере актуализированы в тексте.

Как справедливо отмечает В.Н. Захаров, жанр романа у Достоевского обязательно предполагает любовную коллизию (в отличие от повести): «Так, ”роман“ у Достоевского – не только жанр, но и любовные отношения героев, иногда – жизнь их ”сердца“, сложные психологические отношения» [Захаров, 1985, с. 28]. Такое употребление слова *роман* в тексте произведения представлено в словах Татьяны Ивановны, чье мировоззрение романтически деформировано чтением:

«Какой роман! Настя, голубчик мой, скажи мне всю правду: неужели ты в самом деле любишь этого безумца?

Вместо ответа Настя обняла ее и поцеловала.

– Боже, какой очаровательный роман!» (3; 151).

Долгое время повесть определяли как роман в миниатюре (Н.И. Греч, Н.Н. Надеждин) (См. подробнее [Захаров, 1985, с. 315–316]), что неверно, потому что жанр романа предполагает иную художественную организацию, нежели повесть, иной масштаб характеров и описываемых событий. Роман предполагает национальную тему и «овладение эпохой в том или ином аспекте – семейно-бытовом,

социальном, психологическом» [Захаров, 1985, с. 11]. Об этом, собственно, и писал сам автор: «Этот роман, конечно, имеет величайшие недостатки, главное, может быть, растянутость; но в чем я уверен, как в аксиоме, это то, что он имеет в то же время и великие достоинства и что это *лучшее* мое *произведение*. Я писал его два года (с перерывом в середине “Дядюшкина сна”). Начало и середина обделаны, конец писан наскоро. Но тут положил я мою душу, мою плоть и кровь. Я не хочу сказать, что я высказался в нем весь; это будет вздор! Еще будет много что высказать. К тому же в романе мало сердечного (то есть страстного элемента, как например в “Дворянском гнезде”), – но в нем есть два огромных типических характера, *создаваемых* и *записываемых* пять лет, обделанных безукоризненно (по моему мнению), – характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» (28-1; 326).

В этом письме от 9 мая 1859 г., адресованном брату Михаилу, автор косвенно сформулировал признаки жанра романа с точки зрения содержания:

1) структурирование художественной организации произведения основано на конфликте ярких характеров;

2) национальная проблематика;

3) психологическая глубина и тщательная проработка описываемых характеров;

4) новизна содержания, т.е. попытка уловить по терминологии М.М. Бахтина “становящуюся действительность” (термин М.М. Бахтина [Бахтин, 1975, с. 481-482]);

5) наличие “страстного элемента”, т.е. драматической истории любви.

Для писателя содержательная сторона важнее формальной, стилистической. С точки зрения формы Достоевский отмечает растянутость, т.е. недостаточную краткость и лапидарность произведения. Именно роман автор считал наиболее близкой и органичной, соответствующей его типу дарования формой творчества.

В «Дневнике писателя» за 1871 г. Достоевский дает глубокую интерпретацию жанру: «Что такое в сущности жанр? Жанр есть искусство изображения современной, текущей действительности, которую перечувствовал художник сам

лично и видел собственными глазами...» (21, 76). Важно, что говоря о жанре, автор не конкретизирует, а подразумевает самый близкий по объему содержания, особенностям поэтики жанр романа. Именно расширение сферы социальной действительности, изображения “становящийся действительности” (М.М. Бахтин) и определяет своеобразие романного хронотопа.

Если рассматривать название глав внутри произведения, то характер их номинации тоже позволяет говорить о романной доминанте текста.

Часть первая

- I. Вступление
- II. Господин Бахчеев
- III. Дядя
- IV. За чаем
- V. Ежевикин
- VI. Про белого быка и комаринского мужика
- VII. Фома Фомич
- VIII. Объяснение в любви
- IX. Ваше превосходительство
- X. Мизинчиков
- XI. Крайнее недоумение
- XII. Катастрофа

Часть вторая и последняя

- I. Погоня
- II. Новости
- III. Илюша именинник
- IV. Изгнание
- V. Фома Фомич созидает всеобщее счастье

Заключение

В произведении всего 17 глав и заключение. Композиция романа делится на две неравные части: 12 и 6, т.е. 2/3 и 1/3, что соответствует принципу «золотого сечения». В номинации «Часть вторая и последняя» очевидна ирония, основанная

на приеме эллипсиса. Большая часть номинаций именного характера, т.е. глава представляет одного героя: «Господин Бахчеев», «Дядя», «Ежевикин», «Фома Фомич», «Мизинчиков». Есть главы, которые именованы иначе, отсылая к происходящему сюжетному событию: «За чаем», «Объяснение в любви», «Ваше превосходительство», «Крайнее недоумение», «Катастрофа», «Погоня», «Новости», «Илюша именинник», «Изгнание». Есть еще две главы, название которых является целым предложением, интригуя читателя. Глава VI названа «Про белого быка и комаринского мужика», хотя ее можно было назвать иначе, например, «Фалалей», «Слежка» и т.д. Достоевскому важно было указать на докучную «сказку про белого бычка», которая стала фразеологизмом со значением надоедливого повторения событий, действий, обещаний, которые заставляют человека чувствовать себя оскорбленным и беспомощным. Это речь, которая может длиться бесконечно, но ничего не меняет. Так автор подсказывает единственно правильный ответ на притязания Фомы. Последняя глава в романе «Фома Фомич созидает всеобщее счастье» намеренно интригует читателя, т.к. не вяжется с предыдущими событиями и создает загадку образа приживальщика.

В решении вопроса жанровой принадлежности произведения важно рассмотреть его хронотоп, оценив его соответствие /несоответствие драматической эстетике. По мнению В.Н. Захарова, Достоевский соблюдает нормы классицистической драмы: «[р]оман удовлетворяет трем единствам: места, времени, действия: место действия – Село Степанчиково, время действия укладывается в одни сутки, само действие заверчено суетой вокруг любви дяди и Насти и вокруг сватовства к Татьяне Ивановне» [Захаров, 2013, с. 185–186]. На наш взгляд, позиция ученого требует небольшой корректировки.

Начнем с пространства. Традиционно усадебная повесть или роман ограничивались пространством усадьбы, воплощавшей вселенную в миниатюре, земной рай. В «Селе Степанчикове» пространство расширяется. Роман открывается хронотопом дороги. Рассказчик Сергей Александрович едет из Петербурга: «был июль; солнце светило ярко; кругом меня развертывался необъятный простор полей с созревающим хлебом...» (3; 19). Картина необъятных хлебных полей, широ-

ты русской земли создает ощущение довольства, благополучия и достатка, здоровья в противоположность северной столице. «Только теперь настоящим образом взглянул на свет божий!» (3; 19), – восклицает герой. Но словно снижая «райскую» картинку, Сергей тут же сообщает о «нестерпимом зное» (3; 20). Молодой герой не выдерживает уготованной ему роли первого любовника, будучи отвергнут Настенькой. В традициях усадебного текста действие разворачивается, как правило, летом, в тени лип. Кроме того, локус усадебной повести ограничивается помещьем, либо предполагается выезд в гости, в другое помещье. Кульминация романа связана с изгнанием героя-резонера Фомы Опискина из усадьбы, а затем его возвращением и «воцарением навеки».

В романе «Село Степанчиково» пространство расширяется, упоминается пять топонимов. Главное место действия – усадьба – **село Степанчиково**. Далее упоминается **город N**, расположенный на расстоянии 40 верст: «полковник заморил всех своих лошадей, делая почти каждодневно по сороку верст из Степанчикова в город» (3; 9). Также есть упоминание о «маленьком **городке Б.**, от которого оставалось только десять верст до Степанчикова» (3; 20). В нем близ самой заставы расположена кузница, и «чиновники там, все до одного, благородные, радужные, бескорыстные; протопоп ученый» (3; 83). В этом городишке «есть домик за церковью, в первом переулке, с зелеными ставнями, премиленький домик вдовы-попадьи», в котором и можно поселить Фому. Также в повести говорится о более мелких населенных пунктах. **Мишино** – «бедная, маленькая деревенька, верстах в трех от большой дороги и стоявшая в какой-то яме» (3; 122), расположенная в двадцати верстах (3; 118) от усадьбы Ростанева. Эта деревенька стала приютом Обноскина, увезшего Татьяну Ивановну. Есть село с говорящим названием, в котором пародируется, с одной стороны, идея совместного владения имуществом и фаланга как идеальная модель общества для петрашевцев, а, с другой, мемориальный мраморный комплекс, посвященный генералу Крахоткину. «В разоренном селе **Князевке**, принадлежащем нескольким помещикам и в котором у генерала была своя сотня душ, существует мавзолей из белого мрамора, испещ-

ренный хвалебными надписями уму, талантам, благородству души, орденам и генеральству усопшего» (3; 9).

Как видим, пространство не вписывается в рамки классицистической традиции, еще в большей мере это касается времени. Как справедливо отмечает Р.С.-И. Семькина, «совершенно отчетливы в романе три стадии, три временных цикла: время пространного пролога и экспозиции, время основного действия, настоящее-будущее время эпилога. Хронологические рамки пролога – 16 лет. События пролога – не простое скопление фактов, они объясняют сложившуюся в доме Ростанева парадоксальную ситуацию, ее причины, истоки. Основное действие романа развернуто целиком в настоящем – в три дня. Если в прологе время растяжимо, растянуто, то в настоящем динамично, стремительно. Это время кризиса отношений Фомы Фомича и Егора Ильича. Герои романа в настоящем времени отсчитывают только минуты (“Я, брат, к тебе на минуту...”, “...подожди только две минуты... Две минуты, только две минуты...”») [Семькина, 1997, с. 14]. По сравнению с усадебной повестью, предполагающей застывшее время парадиза, в романе Достоевского основное действие сужено до трех решающих дней и проникнуто эсхатологическими настроениями – это кризисное, решающее время.

При этом Р.С.-И. Семькина акцентирует разную природу и «наполнение» времени. Если в прологе «...по преимуществу действует хронотопический ряд событий, то в настоящем действии “работает” хронотопический ряд переживаний, вызванных скандалами, борьбой, кризисом. Время эпилога является временем судьбы: почти все герои романа получают то, что более всего хотели и все, казалось бы, счастливы. “Любовники соединились, и гений добра ... воцарился в доме...” (3; 163) [Семькина, 1997, с. 15]. Основное действие умещается в 3 дня. Но романная перспектива создается за счет 16 лет пролога и 7 лет эпилога. Временные границы произведения составляют 23 года.

Уточняя позицию В.Н. Захарова, подчеркнем, что хронотоп романа «Село Степанчиково и его обитатели» не вписывается в традиционные рамки классицистической драмы, предполагающей развитие действия в течение одних суток, один локус и единство сюжета. В произведении главная сюжетная линия – лю-

бовь Ростанева и Настеньки – осложнена предполагаемым сватовством полковника к Татьяне Ивановне, интригами Мизинчикова и Обноскина, приездом Сережи и т.д. Пространство включает 5 населенных пунктов, а действие разворачивается в течение 23 лет – временной отрезок, более соответствующий роману, чем повести. Такая хронологическая перспектива создает особую эпичность, ставит проблему типического, неединичности происходящих событий.

Временная организация произведения отличается масштабностью, позволяя увидеть причины и последствия описываемых событий. Достоевский создаёт универсальную структуру романного времени: длительный подготовительный этап осмысления, принятие решения в прологе, основное действие – несколько дней, метафорически “решающая минута”, точка кризиса, в которой слиты внутренний и внешний конфликты, и пролегомены – устоявшаяся дальнейшая жизнь. По этой модели будет построены все последующие романы. Глубина поставленных в любом из романов Достоевского вопросов предполагает вечную перспективу, ахронную проблематику. Каждый из героев решает дилемму жить по принципу «быть или казаться», занимая свою нишу во временной проекции суетное – вечное.

Кроме того, «время в романе выполняет еще одну функцию – оно является средством гротеска, гиперболизируя образ Фомы Опискина, страдающего манией величия. Он уверен, что “останется в столетии”, прощается “навек”, он человек “на все времена” [Семыкина, 1997, с. 15]. Он представляет себя «человеком редким... человеком науки, который останется в столетии» (3; 33). И конфликт его тоже “глобальный”: он оскорблен “за все человечество”: “Я на то послан богом, чтобы изобличить мир в его пакостях?”(3; 33)» [Семыкина, 1997, с. 17].

Фома считает себя равновеликим творцам культуры, в то время как для читателя очевидны мозаичность его знаний и бессистемность образования. Источником комического являются претензии героя изменить миропорядок, менять хронологию событий, влиять на темп и ритм времени. Поэтому только Фома может устроить две среды на одной неделе, а в день Ильи-пророка объявить себя именинником. При этом Фома «перещеголял» даже античных и христианских богов,

которым подвластно лишь изменение времени в пределах суток в героическом эпосе (Эос, Афродита у Гомера, дева Мария в «Песне о Роланде» и т.д.).

В то же время С.А. Кибальник справедливо назвал роман «Село Степанчиково и его обитатели» криптопародией, что предполагает не только диалог с произведениями предшественников и современников, но и их имплицитное, осторожное пародирование.

Игра с жанровыми формами в качестве вставного текста включает и лирику – стихотворение Козьмы Пруткова «Осада Памбы», которое читает Илюша на свой день рождения. На символическом уровне это скрытый призыв к необходимости скинуть цепи порабощения. Кроме того, в ткань романа активно включается фольклорная стихия, детально рассмотренная Мюхнекевичем [Михнюкевич, 2006]. Балаганный хронотоп блестяще описала Р.Х. Якубова [Якубова, 2007].

Подводя итог, резюмируем, что Достоевского привлекает роман как синтетическая жанровая форма, позволяющая глубоко осмыслить волнующие вопросы: подавление личности, тирании, границ гостеприимства и христианского смирения, права на взаимную любовь и др. Автор сопрягает разные модификации романа: рыцарский, любовный, усадебный, нравоописательный, семейный, психологический, социальный, философский. За игровой стороной пародирования различных текстов и жанров на подтекстовом уровне «просвечивает» автопсихологический путь духовного преображения личности в кризисный период.

При наличии различных жанровых кодов доминантой остается именно роман, что подчеркнуто автором в финале произведения: «**Роман** кончен. Любовники соединились, и гений добра безусловно воцарился в доме в лице Фомы Фомича. Тут можно бы сделать очень много приличных объяснений; но, в сущности, все эти объяснения теперь совершенно лишние. Таково, по крайней мере, мое мнение. Взамен всяких объяснений скажу лишь несколько слов о дальнейшей судьбе всех героев моего рассказа: без этого, как известно, не кончается ни один **роман**, и это даже предписано правилами» (3; 163).

Лексема *роман* в жанровом значении также упоминается в тексте произведения, когда говорится, что «Фома действительно сотворил когда-то в Москве ро-

манчик» (3; 12), после его смерти нашли начало исторического романа, также упоминается капеллан из романов Радклиф в кругу чтения Татьяны Ивановны.

Необходимо сделать еще одно уточнение. Жанру романа соответствует рассказ как тип наррации. Этим объясняется, что лексема *рассказ* употреблена в «Селе Степанчиково» 15 раз, а его производные – 48, но не в жанровом, а в нарративном значении. Здесь лексема *рассказ* использована как тип повествования. Приведем пример: «Признаюсь, я с некоторою торжественностью возвещаю об этом новом лице. Оно, бесспорно, одно из главнейших лиц моего рассказа» (3; 7). По мысли В.Н. Захарова, «Достоевский отказался от “всеведения” повествователя. Суждения автора “записок” подчеркнута приближительны, изменчивы, подвижны, противоречивы. Главным в повествовании становится не слово автора о герое и мире, а самораскрытие героя, выявление внутреннего движения жизни. Это новое качество прозы у Достоевского...» [Захаров, 1985, с. 130]. Роман как жанр внутренне незавершен, он создается в зоне контакта с неготовой современностью, «становящейся действительностью» (определение романного времени М.М. Бахтина) [Бахтин, 1975, с. 481-482].

Таким образом, изменив свой первоначальный замысел создания комедии, Достоевский не только инкорпорирует в свое произведение различные элементы драматических жанров, но и иронизирует над ними. «Село Степанчиково...» представляет собой оригинальную жанровую модификацию, созданную на основе творческой рецепции комедийной и романной традиций. Природному дарованию автора более соответствовал жанр романа как большой формы эпоса с иным масштабом охвата действительности, глубиной поставленных вопросов, особым предметом изображения, хронотопом, стилем, эстетическим отношением к действительности. Все эти жанровые признаки находят воплощение в «Селе Степанчикове». Кроме того, Достоевский, сохраняя “память жанра” (М.М. Бахтин), сопрягает разные модификации жанра романа: рыцарский, любовный, усадебный, нравоописательный, семейный, психологический, социальный, философский. Для авторской жанровой системы характерно «...активное взаимодействие жанров и возникающая на этой основе целостность художественного творчества» [Захаров,

1985, с. 206]. Жанровая «отзывчивость», «многофокусность зрения» [Кибальник, 2013, с. 146] уже в этом произведении формирует такую тенденцию, как “драматизация” романа и “ансамблевый принцип”, которые будут характеризовать романы Достоевского зрелого периода. Роман действительно является «экспериментальной площадкой», в котором оформлены и апробированы писателем многие приемы поэтики зрелого творчества: синтетическая жанровая природа, конклав, перипетии, амбивалентная мотивировка поступков, диалектика высокого и низкого сознания и т.д.

4.2 Жанромоделирующий код усадебного романа

По нашему мнению, трансдискурсивная природа этого произведения Достоевского еще сложнее и многограннее. В стороне внимания ученых в жанровом и в литературно-генетическом аспектах остался жанромоделирующий код усадебного романа (повести), который используется автором в этом произведении, но подвергается ироническому снижению на всех уровнях поэтики текста: словесном, персонажном, композиционном, дискурсивном.

Понятие «дворянское гнездо» впервые применил в 1847 г. И.С. Тургенев в рассказе «Мой сосед Радиков» в «Записках охотника». Термин «усадебная повесть» принадлежит В.Г. Щукину и относится к целому ряду произведений: «Затишье», «Переписка», «Фауст», «Первая любовь» И.С. Тургенева, повести И. Панаева, М. Жуковой), а усадебный роман мы находим только у И.С. Тургенева. По мысли В.А. Доманского, «усадебная повесть также может входить в структуру романа», как, например, это происходит в романах «Евгений Онегин» и «Дубровский» А.С. Пушкина и «Обломов» и «Обрыв» И.А. Гончарова [Доманский, 2006, с. 56].

«“Усадебная повесть” предполагает не только формальный признак – место действия (русская усадьба), но и особую структурную организацию произведения, строение сюжета. Топос усадьбы в ней является не только фоном действия, но и “действующим лицом” сюжета» [Доманский, 2006, с. 56]. Микрокосм усадьбы –

это метафора мира, модель гармонического устройства, в котором человек стремится к единению с природой и прекрасным. Философию усадьбы как «приютного уголка», Аркадии поддерживают даже архитектурные детали: «белые колонны символизировали свет и чистоту, желтые стены здания – “золотой век”, зеленые крыши зданий вместе с окружающей зеленью садов и парков – надежду и вечную молодость» [Доманский, 2006, с. 56].

Традиция усадебного текста сформировалась до Достоевского, русская литература XIX в. «осмысляла помещичью усадьбу в категориях идиллии» [Купцова, 2003, с. 96]. Поэтика усадебной повести и романа предполагала семейную гармонию на лоне природы, сентиментальность отношений, возвышенные чувства, культ просвещения, поклонение изящному, эстетическую просветленность бытия. «В усадебной повести постоянно звучит мотив возможности высшего счастья, гармонии с миром, земного рая, заданный моделью самой усадьбы – ее художественной вселенной» [Доманский, 2006, с. 56].

«Принято считать, что тема усадебной любви входит в русскую литературу с И.С. Тургеневым. Представление столь же правильное, сколь и ложное, поскольку усадьба как определенный литературный локус появляется в русской литературе <...> еще в конце XVIII в. При этом в русской поэзии XVIII-начала XIX в. «усадебная любовь» проявляется еще преимущественно в двух формах. Либо как условно-поэтически любовные утехы, которые герой вкушает на лоне природы в обществе столь же условных харит, граций, Лейл и проч., либо как любовь семейная, супружеская. Наиболее яркий пример такого рода – державинское описание деревенской жизни в Званке в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская», где приметой усадебной жизни становится как раз «Довольство, здравие, согласие с женой...» и т.д. [Дмитриева, Купцова, 2008, с. 121]. Подобная усадебная идиллия представлена в повестях Н.М. Карамзина «Юлия» (1796), «Рыцарь нашего времени» (1803), позднее в творчестве А.С. Пушкина: «Домик в деревне», «Повести Белкина» (1831), «Дубровский» (1833), «Евгений Онегин» (1823-1832):

*Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,*

*И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.*

XIV

*Перескажу простые речи
Отца иль дяди-старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь, и наконец
Я поведу их под венец...
Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви <...> [Пушкин, 1837, Т. 1, с. 68–69].*

Затем традиция продолжена в рассказе Я.П. Полонского «Дом в деревне» (1855).

«Усадебное пространство – это всегда ожидание и предвкушение любви, потому-то сад обычно полон девушками в белых кисейных платьях и героями, появляющимися, чтобы завоевать их сердца. Уже начиная с Пушкина, усадьба становится местом, априорно ассоциирующимся с барышнями, ждущими своего суженого (как это описано, например, в «Романе в письмах»). Причем суженый-гость приезжает в усадьбу, как правило, для того, чтобы возмутить покой его обитателей (в особенности *одной* из обитательниц), пережить, возможно, единственный, высший момент своей жизни, заставив свою избранницу также пережить наивысшее напряжение духовных и душевных сил, а затем уехать, возвратив все на круги своя» [Дмитриева, 2002, с. 123].

В усадебном тексте русской литературы середины XIX в. эстетизировался быт, традиции, пение, музыка, занятие наукой, задушевные разговоры, семейное чтение, а жизнь описывалась как праздник. Однако в 1830-е гг. ситуация меняется: «...счастливые усадебные романы уходят из литературы <...>. Уже у Тургене-

ва усадебная любовь оказывается обреченной на трагический исход; это связано и с переосмыслением статуса гостя, который теперь уже воспринимается как чужак, роковым образом вторгающийся в устоявшуюся жизнь» [Дмитриева, 2002, с. 324–325].

И.Л. Волгин полагает, что «“Село Степанчиково” – единственное произведение Достоевского, действие которого разворачивается в помещичьей усадьбе» [Волгин, 1986, с. 8–9]. На самом деле, в усадьбе действие происходит и в повести «Маленький герой», усадебные предыстории есть в романах «Униженные и оскорбленные» и «Идиот». Значимо, что писатель именно в кризисный период заключения и ссылки создает произведения с усадебным хронотопом, а также с парадизными топосами или их развенчанием.

Вероятно, что в разработке усадебной темы, Достоевский опирался не на творчество А.С. Пушкина и Я.П. Полонского («Дом в деревне» –1855), а на ближайший литературный контекст: И.А. Гончарова и И.С. Тургенева¹⁰⁵. Отметим, что публикация романа «Обломов» состоялась в журнале «Отечественные записки» в первых четырех номерах за 1859 г., а «Дворянское гнездо» было опубликовано в январском номере «Современника» того же года. Роман Достоевского был отослан в редакцию журнала «Отечественные записки» в апреле-мае 1859 г., а опубликован в № 11. С небольшими оговорками к усадебному тексту можно отнести и рассказ И.С. Тургенева «Бретёр» (1846) и пьесу «Месяц в деревне» (1855). Эпистолярный Достоевского свидетельствует, что новый роман создавался именно с оглядкой на творчество И.С. Тургенева, за которым он признавал огромный талант и считал наиболее яркой и достойной фигурой современной литературы. В письме от 18 января 1856 г. Достоевский делился с А.Н. Майковым: «Тургенев мне нравится наиболее» (28-1; 209). Жалуясь на необходимость писать на заказ, он сравнивал себя именно с автором романа «Дворянское гнездо». В письме от

¹⁰⁵ По мнению С.А. Кибальника, «топологические заглавия вообще нередко встречаются в послегоголевской литературе. Так, помимо «Дома в деревне» Я.П. Полонского, можно вспомнить напечатанные в 1859 г. в «Современнике» «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева и даже роман Г.П. Данилевского «Село Сорокопановка». Последнее заглавие, ставшее известным Достоевскому уже после того, как он озаглавил свою повесть «Село Степанчиково...», демонстрирует устойчивость пушкинско-гоголевской топологической модели, которая в случае с заглавиями произведений Достоевского и Данилевского построена на анафоре, оттеняющей тождество имени и отчества главного героя «Фома Фомич». На сходной анафоре построена также вторая часть народной пословицы, использованной Гоголем: «ни в селе Селифан»» [Кибальник, 2013, с. 87].

9 мая 1859 г. брату Михаилу из Семипалатинска находим: «Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но ведь не слишком же хуже, и, наконец, я надеюсь написать совсем не хуже. За что же я-то, с моими нуждами, беру только 100 руб., а Тургенев, у которого 2000 душ, по 400? От бедности я *принужден* торопиться, а писать для денег, следовательно, *непрерывно портить*» (28-1; 325). О внутренней полемической соотнесенности с романом Тургенева позволяет говорить и следующее признание, где Достоевский сравнивает свое произведение с ближайшим литературным контекстом: «Я не хочу сказать, что я высказался в нем весь; это будет вздор! Еще будет много что высказать. К тому же в романе мало сердечного (то есть страстного элемента, как например в «Дворянском гнезде») <...>» (28-1; 326).

Однако, только на первый взгляд роман отвечает формальным признакам произведения с усадебным сюжетом. В середине XIX века начался процесс разрушения усадебной культуры и в художественных текстах усилились элегические, ностальгические и даже трагические ноты. Среди обширного круга литературных претекстов романа «Село Степанчиково» неназванной осталась и повесть И.С. Тургенева «Затишье» (1854), с опорой на которую, на наш взгляд, и рождался замысел Достоевского. Формально она относится к жанру усадебной повести, но писатель трансформирует традицию, резко меняя финал, показывая, как за внешним благополучием усадебной жизни в Ипатовке на лоне природы скрываются сильные страсти, губельные для оставленной любовником героини (Марья Павловна заканчивает жизнь самоубийством). Тургенев в повести иронизирует над уровнем культуры местного дворянства (особенно осмеяно незнание французского языка), развенчивает провинциальное «отупение», слухи, глушь, которую хозяин усадьбы Ипатов гордо заменяет эвфемизмом «затишье». В этом произведении Тургенев уже не поэтизирует, а критикует штампы усадебной традиции, сложившиеся в литературе. Достоевский продолжил эту тенденцию. Автор взял форму усадебного романа, но при сохранении внешних элементов, наполнил ее другим, прямо противоположным содержанием – текст получил иронические и саркастические тона. Его структура гораздо сложнее, а проблематика глубже.

Идиллический топос романа постоянно сатирически переворачивается, иронически снижаются мотивы искушения, грехопадения, искупления, нарративы проповеди и смирения.

«Рассматривая структуру усадебной повести, можно выстроить сужающуюся рамку пространства: сад, дом (часто архитектурный комплекс), интерьер, портрет (как настенные фамильные портреты, так и живые портреты обитателей усадьбы)» [Доманский, 2006, с. 57]. С одной стороны, действительно, Достоевский следует этой нарративной структуре и изображает дом, сад, пруд, флигель, беседку. Первоначально мифологема сада вводится как воспоминание Сережи: *«огромный сад, в котором мелькнуло несколько счастливых дней моего детства и который несколько раз снился мне потом во сне»* (3; 31). Далее сад показан как эстетический объект – аллеи столетних лип, терраса окружена клумбами цветов – и место тайных ночных свиданий: *«...в саду <..> я поцеловал ее! – Поцеловали! в саду!»* (3; 113). В эпилоге сад представлен как Эдем: *«...какое здесь славное место, <...> какая природа! какая картина! Экое дерево! посмотри: в обхват человеческий! Какой сок, какие листья! какое солнце! как после грозы-то все вокруг повеселело, обмылось!.. Ведь подумаешь, что и деревья понимают тоже что-нибудь про себя, чувствуют и наслаждаются жизнью...<...> Дивный, дивный творец»* (3; 161). Т.е. сад сохраняет свою одухотворяющую семантику, способствует единению душ.

С другой стороны, писатель иронически снижает штамп, переворачивая его. Так появляется неромантический локус – конюшня, которая в произведениях реалистической литературы служила традиционным местом наказания крестьян [Семыкина, 1997, с. 16]. В романе Достоевского у конюшни барин тайком мирно беседует с крестьянами и пытается решить их проблемы. Сад, конюшня и флигель представлены как единый ансамбль, связанный с миром простых человеческих отношений, со счастьем, свободой, движением жизни.

Топосу усадебного рая вполне отвечает и характер ее владельца – полковника Егора Ильича Ростанева, который душою «был ребенок, <...> предполагающий всех людей ангелами, обвинявший себя в чужих недостатках и преувеличивавший

добрые качества других до крайности...» (3; 13-14). Такой «прекрасный от природы», «умный сердцем» герой-альтруист готов пожертвовать всем, растворившись в братской и отеческой любви. При описании героя автор подчеркивает несоответствие богатырской внешности крайней инфантильности: «наружности он был богатырской: высокий и стройный, с белыми, как слоновою костью, зубами, с длинным темно-русом усом, с голосом громким, звонким и с откровенным, раскатистым смехом; говорил отрывисто и скороговоркою» (3; 5). Достоевский вводит иронический христианский контекст: «трудно было себе представить человека смиреннее и на все согласнее, <...> готов был решительно все отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим» (3; 5). Это перифраз Евангелия от Матфея: «кто захочет взять у тебя рубашку, отдай» (5: 40). Р.С.-И. Семькина называет Ростанева комическим Христом [Семькина, 1992, с. 13].

Именно такой гуманный, готовый уступать, чтобы «все были довольны и счастливы» (3; 14) характер приводит к таким катастрофическим последствиям – к привлечению десятка «приживальщиков из хлеба». Аркадская идиллия, благодатный исцеляющий «райский» локус дворянской усадьбы оборачивается сначала «Ноевым ковчегом» (3; 5), «бедламом» (3; 42), а затем «сумасшедшим домом» (3; 77) и адом (3; 45) по причине деспотии главного из приживальщиков Фомы Опискина.

Усадьба была противовесом службе, формой проявления личной и родовой независимости, символизировала социальный и культурный статус своего владельца. «Само по себе замкнутое пространство усадьбы внутренне бесконфликтно, жизнь в нем напоминает ритуал, обитатели усадьбы словно вписаны в ее интерьер, они, кажется, участвуют в некоем спектакле, где декорации уже predetermined сюжет повторяющегося действия» [Доманский, 2006, с. 59]. Достоевский разрушает жанр усадебной повести изнутри, избирая комического героя и абсурдную с точки зрения здравого смысла ситуацию узурпации власти и оккупации дома. Полковник в отставке, по внешности богатырь, в расцвете сил добровольно уступает свои права «плюгавенькому <...> человечку», который манипулирует

всеми домочадцами. Место барина занимает слуга и устраивает в раю деспотию. Старый дом, в котором «все вверх ногами» (3; 24) – это «...сфера “царствования” Фомы. А чайная – тронный зал, в котором восседает Фома как царь-солнце» [Семыкина, 1997, с. 15]. «Фома занимал две большие и прекрасные комнаты; они были даже и отделаны лучше, чем все другие комнаты в доме» (3; 130), – подчеркивает повествователь.

«Наглое воцарение в чужом доме» (3; 13) Фомы Опискина сопровождается абсурдной «метаморфозой из шута в великого человека» (3; 13). С поразительной легкостью ему удается манипулировать всеми обитателями Степанчикова: «хвастался он до нелепости, ломался до невозможности, требовал *птичьего молока*, тиранствовал без меры» (3; 13). Создается карнавальная ситуация перевернутых отношений – «слуга управляет баринном» [Семыкина, 2008, с. 164]. Это «мир наизнанку», с отменой иерархии сословий и «фамильярного контакта между людьми» [Бахтин, 1965, с. 130]. В.А. Туниманов называет эту парадоксальную ситуацию деспотии вместо ожидаемого братства «комическим аналогом острожного „товарищества“» [Туниманов, 1980, с. 28]. Достоевский здесь иронизирует над идеями утопического социализма, где гармония выстраивалась на идеалах добра и равенства («Ростанев – анаграмма слова равенство» [Кибальник, 2013, с. 155]), но и рассматривает проблему подавления, подчинения с психологической точки зрения.

Новизну своего нового произведения Достоевский связывал прежде всего с разработкой психологических типов тирана и его жертвы: «...два огромных типических характера, *создаваемых и записываемых* пять лет, обделанных безукоризненно, <...> характеров вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой (28-1; 326). По мысли Р.С.-И. Семыкиной, «структуру характера Опискина определяет болезненное самолюбие в сочетании с осознанием собственной ничтожности» [Семыкина, 1992, с. 13]. Кроме того, Егор Ильич и Фома Фомич, в травестийном сниженном виде воспроизводят амплуа героев усадебной повести. Очевидно, что Ростанев воплощает тип робкого возлюбленного, а «многие черты Опискина воспроизводят в сниженном, шаржированном виде образ

идейного искателя, “скитальца” и дают основания заподозрить, что автор <...> пародировал поведение “лишнего человека” рудинского типа» [Лотман, 1987, с. 161–162].

В усадебной повести размеренность и стабильность жизни предполагает пространную экспозицию с описанием внешности, характеров основных действующих лиц и места действия. Но движение сюжета и развитие любовной коллизии предполагает «вторжение или возвращение в усадебный мир героя из другой среды» [Доманский, 2006, с. 59] и прохождение им ряда испытаний на образованность, эстетический вкус, идеологические принципы, нормы этикета, умение обходиться с дамой. «Героя оценивают все обитатели усадьбы, но главный судья – героиня усадебного романа <...>» [Доманский, 2006, с. 59]. «С появлением героя из “вне” действие убыстряется и драматизируется, и все его главные коллизии теперь будут связаны с этим героем» [Доманский, 2006, с. 59].

Действительно, из Петербурга выписан племянник в возрасте юношеского максимализма («проклятые двадцать два года» – 3; 78). Он образован, умен, добр. Но Сергей выдерживает испытание только на образованность перед девушкой, на которой должен жениться. И для Настеньки, и для автора одного образования оказывается слишком мало. На первом приеме в чайной молодой человек при входе споткнулся, сконфузился, проявил неумение вести себя с дамами. В разговоре наедине героиня отказывает Сергею по причине его несоответствия идеалу – самолюбие и неуважение к воспитавшему его дяде.

Более того, с целью создания комического эффекта кроме Сережи на роль героя-любовника претендуют также персонажи с говорящими комедийными фамилиями – Обноскин и Мизинчиков, оба устраивающие ночное свидание в саду в беседке с Татьяной Ивановной. Поцелуй как естественное следствие объяснения тоже являлся обязательным элементом усадебной повести. Но венчающий выражение любви жест комически развенчивается Достоевским: ожидаемый подсматривающим Сергеем поцелуй оказывается не тем поцелуем, наличие подглядывающих и стерегущих нивелируют романтику ночного тайного свидания.

Так писатель расширяет возможности усадебного романа, меняя его жанровую природу путем введения комических подмен: «...“объяснение в любви” оказывается объяснением в любви другому; “катастрофа” – не тем поцелуем, который видел повествователь, а другим; “погоня” устроена не за Мизинчиковым, а за Обноскиным, и т.д.» [Захаров, 2013, с. 186].

Когда основные герои представлены, на «сцену» вводится главное действующее лицо – Фома Фомич Опискин. Он «включается в действие лишь в седьмой из восемнадцати глав – в момент наивысшего напряжения, когда томительное ожидание Фомы домочадцами за чаем передается и читателю, и продолжать роман без Фомы уже никак нельзя» [Захаров, 2013, с. 186]. Достоевский создает эффект ожидания и позволяет другим героям нарисовать субъективные портреты-фантомы Фомы, создавая загадку образа.

Сосед-помещик господин Бахчеев видит ситуацию так: «Матушка Егора-то Ильича, полковника-то, хоть и очень достойная дама и к тому же генеральша, да, по-моему, из ума совсем выжила: не надышит на Фомку треклятого. Всему она и причиной: она-то и завела его в доме <...> Ведь он, Фомка-то, у покойного генерала Крахоткина в шутах проживал! ведь он ему, для его генеральской потехи, различных зверей из себя представлял! И выходит, что прежде Ваня огороды копал, а нынче Ваня в воеводы попал. А теперь полковник-то, дядюшка-то, **отставного шута** заместо отца родного почитает, в рамку вставил его, **подлеца**, в ножки ему кланяется, своему-то **приживальщику**, – тьфу!» (3; 24).

С точки зрения стороннего наблюдателя Сережи, воплощающего свежий взгляд со стороны, «проклятый Фома» – «**источник** всякого здешнего зла» (3; 12).

В более откровенной и развернутой форме та же мысль публично выражена дочерью Ростанева шестнадцатилетней Сашей: «Гадкий, гадкий Фома Фомич, прямо скажу, никого не боюсь! Он глуп, капризен, **замарашка, неблагодарный, жестокосердый, тиран, сплетник, лгунишка** ... Ах, я бы непременно, непременно, сейчас же прогнала его со двора, а папочка его обожает. <...> Я папочку защищаю, потому что он сам себя защитить не умеет. Кто он такой, кто он, ваш

Фома Фомич, перед папочкою? У папочки хлеб ест да папочку же унижает, неблагодарный! Да я б его разорвала в куски, вашего Фому Фомича! На дуэль бы его вызвала да тут бы и убила из двух пистолетов... <...> Вам ли подчиняться этому скверному, неблагодарному человеку, быть его игрушкой, на смех себя выставить?» (3; 58). Ирония писателя обусловлена тем, что инфантильного полковника защищает его собственный ребенок – девочка с мужским именем (ср. значение имени Александр – защитник).

Все негативные характеристики Фомы, данные ему окружающими, подтверждаются и реализуются в тексте романа. Еще раз публичное возмущение самоуправством Фомы высказывает крепостной Гаврила. Протестуя против бессмысленности просвещения крестьян в виде заучивания фраз на французском языке, он называет Опискина «**злющий человек**», «**настоящий фурий**» (3; 75). В древнеримской мифологии фуриями (от *furire* – неистовствовать) назывались три богини мщения (аналог древнегреческих Эриний) [Мифология, 1998, с. 577]. Они были наделены отвратительной внешностью: старухи с налитыми кровью глазами, оскаленными зубами, высунутыми языками и змеями на голове вместо волос. В русском языке начала XIX в. это слово также означало ярость, гнев. Пародийная смена родовой принадлежности фурия – фурий в словах старого крепостного акцентирует неэстетичность внешности Фомы, его по-женски скандальный характер и беспричинную ярость. Крепостной отважно напоминает о том, что «всяк человек образ божий на себе носит, образ его и подобие» (3; 75), а обучение птичьему языку – «такой срам», какого «отродясь над собой не видывал!» (3; 75). «Фома мог жестоко наказать его за эту дерзость. Мать Ростанева – генеральша, фактически поклонница Опискина, требует, чтобы Гаврилу заковали в кандалы, сдали в солдаты, но Фома предпочитает «убедить» его и постепенно достигает своей цели. Прослушав бессмысленные и темные «наставления» Фомы своему барину, Гаврила восклицает: «сладкогласый человек» (3; 80) [Лотман, 1987, с. 160].

Фома владеет более эффективным «оружием» – «даром слова», которое в конце концов очаровывает даже помещика Бахчеева и Гаврилу. Иронический подтекст необходим писателю, чтобы подчеркнуть, насколько большими возмож-

ностями манипулирования наделен Фома Фомич. По мысли В.Н. Захарова, «секрет всевластия Фомы – в растлении душ ложью и пустословием книжного, фарисейского красноречия» [Захаров, 2013, с. 182].

Через имя Гаврилы – крепостного с именем архангела, дающего верную и однозначную оценку приживальщику, Достоевский вводит библейский контекст, который позволяет рассмотреть ситуацию как универсальную. Писатель искал источник комического не в сиюминутных ситуациях или положениях провинциальной жизни, а в универсальных человеческих типах, которые должны быть осмыслены на фоне мировой истории. Библейский мифологический пласт придает эпический размах и психологическую глубину. Однако саркастическое снижение высокой библейской образности и несоответствие между видимостью и сущностью создают комический эффект. Хрестоматийный сюжет книги Бытия о змие, обольстившем Еву лестью с целью грехопадения людей, пародийно вывернут наизнанку. В романе авторская оценка Фомы с большой долей самоиронии выражена в следующих словах: *«но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо»* (3; 12). Несостоявшийся литератор действительно лишает всех райской обители, превращая дом в ад. Такая мотивная парадигма и нарративная организация текста, построенная на ситуациях «потерянного» и «возвращенного» рая», характерна для усадебной повести или романа [Доманский, 2006, с. 58].

Рай несколько раз прямо упоминается в тексте. Первоначально Егор Ильич под давлением Фомы и матери готов отказаться от любви и жениться на деньгах Татьяны Ивановны. Он предлагает и племяннику Сереже вступить в брак с Настенькой: *«Она и осталась бы тогда с нами в тишине, в покое, и как бы мы тогда были счастливы! Вы оба дети мои, почти оба сиротки, оба на моем попечении выросли... я бы вас так любил, так любил! жизнь бы вам отдал, не расстался бы с вами; всюду за вами! Ах, как бы мы могли быть счастливы! И зачем это люди все злятся, все сердятся, ненавидят друг друга?»* (3; 110). Любовь мужчины к женщине герой готов заменить братской и отеческой заботой. Позднее, желая избавиться от Фомы, полковник предлагает ему переехать в соседний город с пожизненным содержанием: *«Поселись-ка там, подле нас. Занимайся литературой,*

науками: приобретешь славу... Чиновники там, все до одного, благородные, радужные, бескорыстные; протопоп ученый. К нам будешь приезжать гостить по праздникам – и мы заживем, как в *раю!*» (3; 83).

Но если в устах Ростанева библейская метафорика звучит органично, вызывая у читателя легкую улыбку, насмешку над наивностью полковника, то ответ Фомы звучит саркастически за счет снижения библейских фразеологизмов и профанации христианских ценностей: «Помилуйте, полковник! разве платят другу или брату деньгами – и за что же? главное, за что же? “На, дескать, **возлюбленный брат** мой, я обязан тебе: ты даже спасал мне жизнь: на тебе несколько **иудинных серебряников**, но только убирайся от меня с глаз долой!” Как наивно! как грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда как я питал одни **райские чувства** составить ваше благополучие. О, как разбили вы мое сердце!» (3; 85).

Христианские добродетели в риторике Фомы легко сочетаются с романтическими мотивами коварного обмана, разбитого сердца, несправедливости, попорченного добра, утраченной веры в человека. Увлекаясь ролью обольстителя, стремясь поразить полковника своей эрудицией Фома использует также античные метафоры аркадской идиллии, золотого века, детства человечества: «Где, где она, моя невинность? – подхватил Фома, как будто был в жару и в бреду, – где **золотые дни** мои? где ты, мое **золотое детство**, когда я, **невинный и прекрасный**, бегал по полям за весенней бабочкой? где, где это время? Воротите мне мою невинность, воротите ее!.. <...> Где, где они, те дни, когда я еще **веровал в любовь** и любил человека?» (3; 145).

Мотив золотого детства или юности, возможно, отсылает к стихам Владимира Ленского, написанным накануне дуэли и гибели, в романе «Евгений Онегин»:

XXI

*«Стихи на случай сохранились,
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он»* [Пушкин, 1837, с. 154].

Как указал Ю.М. Лотман, мотив золотых дней весны восходит к целому ряду претекстов:

«Ср. стихотворению “К реке М...”, приписываемое И.А. Крылову:

*Куда же дни златые скрылись?
Невинные, блаженны дни!
(Крылов И. А. Соч., т. III. М., 1946, с. 325),*

а также анонимное (Перевозчикова?) “Утро”:

*Дни первые любви! Дни сладостных мечтаний <...>
Куда, куда вы удалились?
(“Цветник”, 1809, № 8, с. 180);*

ср.: Гиппиус В.В. К вопросу о пушкинских «плагиатах». – Пушкин и его современники, вып. XXXVIII–XXXIX. Л., 1930, с. 44). У Милонова в элегии “Падение листьев”:

*Как призрак легкий, улетели
Златые дни весны моей!
(Поэты 1790-1810-х годов, с. 539).*

У Жуковского в стихотворении “Мечты, песня [из Шиллера]”:

О дней моих весна златая (I, с. 146).

В оригинале Шиллера (“Die Ideale”) “O! meines Lebens golden Zeit...” [Лотман, 1983, с.297].

Предсмертная элегия Ленского внутри пушкинского текста допускала целый «ряд интерпретаций – от иронической и пародийной до лирической и трагической» [Лотман, 1983, с. 297]. В тексте Достоевского эта аллюзия выполняет функцию развенчания романтических штампов и дискредитирует образ пророка, речь которого насквозь цитатна. Финал элегии с сомнениями по поводу ожиданий посещения возлюбленной могилы поэта саркастически снижаются ироническими замечаниями-сомнениями Бахчеева («Подайте ему его невинность! Целоваться, что ли, он с ней хочет? Может, и мальчишкой-то был уж таким же разбойником, как и теперь! присягну, что был» – 3; 145) и приступом частичной амнезии Фомы, усиливающим демонстративность его поведения.

Кульминация усадебной повести или романа, как правило, была связана с объяснением в любви героев в саду, на фоне природы. В романе «Село Степанчиково» Достоевский использует эту нарративную схему, но добавляет традицион-

ный для своей поэтики мотив подглядывания и подслушивания. Вследствие этого сцена объяснения в любви теряет интимность и получает преступную интерпретацию в глазах Фомы Фомича. Он публично обвиняет своего гостеприимного хозяина: «Я готов взобраться на мужичью соломенную крышу и кричать оттуда о вашем гнусном поступке всем окрестным помещикам и всем проезжающим!.. Да, знайте все, все, что вчера, ночью, я застал его с этой девицей, имеющей наивиннейший вид, в саду, под кустами!..<...> ибо из наивиннейшей доселе девицы вы успели сделать развратнейшую из девиц!» (3; 139).

В этом фрагменте Достоевский акцентирует иную мифологическую ипостась Фомы Фомича как проникшего в Эдем змия: не искуситель, а лжец и предатель. Так образ врага человеческого обретает семантическую емкость и глубину. И только в этой кризисной ситуации оскорбления невинной возлюбленной Егор Ильич проявляет себя как мужчина, используя физическую силу для наказания обидчика: «дядя схватил его за плечи, повернул, как соломинку, и с силою бросил его на стеклянную дверь, ведущую из кабинета во двор дома. Удар был так силен, что притворенные двери растворились настежь, и Фома, слетев кубарем по семи каменным ступенькам, растянулся на дворе. Разбитые стекла с дребезгом разлетелись по ступеням крыльца» (3; 139).

Достоевский сознательно отказывается от традиционной для усадебного текста дуэльной ситуации, предполагавшей дворянское происхождение и равенство участников. Писатель развенчивает романтический стереотип защиты чести (Ср. реплику Саши: «На дуэль бы его вызвала да тут бы и убила из двух пистолетов...» – 3; 58), заменяя его физической расправой над обидчиком. Так единственным достойным героем любовного сюжета становится полковник Ростанев. Метафорическое свержение кумира с пьедестала оказывается и физическим падением, и изгнанием из рая дворянской усадьбы. Событие вновь получает мифологическую интерпретацию – победы Святого Георгия над змием. Напомним, что Георгий Победоносец первоначально был военным, отличался осанкой, физической силой, красотой и христианскими добродетелями. Он спас девушку от змия, поразив его в конном бою копьем. В романе Достоевского эти детали очевидны, акцентируяз-

начение имени героя. Изгнание Фомы из усадебного рая описывается как событие Апокалипсиса – с громом, дождем и молнией, скачущим на коне всадником, но завершается не по-библейски: возвращением поверженного врага на простой крестьянской телеге, что создает комический эффект.

Кроме того, Достоевский показывает предысторию появления Фомы, дает градацию тирании, которая становится потребностью. «Тирания в концепции Достоевского – это один из путей самоутверждения “низкой души”. Человек, которому не на что опереться внутри себя, пытается самоутвердиться при помощи подавления другого» [Редько, 1986, с. 81].

Первый тиран обозначен во вступлении – генерал Крахоткин. Лишившись службы по «неприятному случаю», «едва избегнув суда» (3; 6), он озлобился окончательно и «презирал всех и каждого», изливая гнев на окружающих. А его жертвы и шуты, вынужденные прислуживать деспоту, после его смерти перенимают ставшую привычной модель поведения. Генерал Крахоткин «умирая просит прощения у Опискина и таким образом благословляет на власть нового тирана. Терпевшая прежде унижения генеральша, получив свободу, также может использовать ее единственным способом – вымещая все былые обиды на безответном сыне. Каждый стремится компенсировать прошлые унижения, отомстить за них, поэтому на место ушедшего тирана встают несколько новых» [Редько, 1986, с. 82].

Особенно нелепо поведение генеральши, подменяющей родственные отношения обезличивающе-административными. Она не узнает внука Сережу, издевается над сыном-полковником, который рядом с ней чувствует себя «столбом, тумбой, фонарем» (3; 57).

Инфернальная семантика очевидна в поведении генеральши во гневе: «когда она злилась, весь дом походил на ад» (3; 45). Достоевский отмечает две манеры: молчаливо-деструктивную, когда героиня создает физическую дисгармонию вокруг себя – «старуха по целым дням не разжимала губ своих и упорно молчала, толкая, а иногда даже кидая на пол все, что перед ней не поставили» (3; 145). Вторая манера злиться красноречиво-апокалептичная: «погружалась в необыкновен-

ное уныние, ждала разрушения мира», «предчувствовала впереди нищету и всевозможное горе», «начинала по пальцам исчислять будущие бедствия и даже приходила при этом счете в какой-то восторг, в какой-то азарт» (3; 45). Вторая манера – ментальная, следовательно, более опасная, поскольку разрушает психическое здоровье не только самой генеральши, но и ее близких.

Венчает галерею тиранов образ Фомы Фомича Опискина. Писатель считает тиранию неизлечимой духовной болезнью и наглядно показывает три стадии заблуждения:

- 1) генерал Крахоткин, тиранство которого приводит к разрушению отношений в системах «начальник-подчиненный», «друг-товарищ» и утрате службы;
- 2) его жена идет по этому деструктивному пути еще дальше – тирания генеральши приводит к утрате родственных связей и понимания семьи как высшей ценности;
- 3) Опискин воплощает собой безграничное самомнение и эгоцентризм, он не способен понять и оценить взаимную любовь мужчины и женщины как духовное родство.

В этом смысле важно понимать, почему Достоевский дает этому персонажу такое имя – Фома Фомич Опискин. Имя Фома переводится с греческого как двойник, близнец.

Во-первых, он является двойником генерала и генеральши Крахоткиных, повторяя и усиливая степень тирании, чем обусловлена его маниакальная идея именования «Ваше превосходительство».

Во-вторых, «Фома в настоящем – преуспевающий, властвующий и тиранствующий двойник Фомы в прошлом – оскорбленного мученика, шута. Фома второй берет реванш за свои унижительное в прошлом положение: навязывает свою волю, становится блюстителем нравственности, держит в руках людские судьбы, упиваясь властью» [Семыкина, 2007, с. 165].

В-третьих, он является двойником Ростанева, в доме которого становится «полным владыкою и прорицателем» (3; 12). Егор Ильич и Фома Фомич: имена и отчества героев фонетически рифмуются между собой. «Было ясно, что Фома

Фомич воцарился в этом доме навеки и что тиранству его теперь уже не будет конца» (3; 158).

В-четвертых, важна антитетическая пара с комедийными фамилиями Опискин и Ежевикин. Говорящая фамилия Опискина антитетична говорящему имени Евграф – др.-гр. хорошо пишущий. Но несостоявшемуся литератору Опискину удалось стать владыкой Степанчикова в отличие от шута Ежевикаина, которого «фортуна заела», он обречен быть шутом до конца жизни.

Наконец, в-пятых, имя героя – отсылка к образу библейского апостола Фомы неверующего, который не поверил в воскресение Христа, пока не увидел его своими глазами. Использование имени неверующего апостола, которого обличает крепостной с именем архангела, и удвоение имени в отчестве – Фома Фомич – является приемом восходящей градации. Так с помощью библейского мифологического ключа писатель обнажает сарказм по поводу глубины и истинности веры Фомы.

В мире Достоевского подлинное единение с Богом возможно не благодаря самозваному проповеднику, а вопреки ему, через приобщение к таинству настоящей любви, открывающей вечные ценности. Неслучайно, что героиня имеет имя Настенька – Анастасия – воскресение. Именно так – через таинство взаимной любви, являющейся отражением любви Бога – и происходит восстановление души Егора Ильича (Ср. Ростанев от рóстань – перепутье, развилка дорог).

Поэтика усадебного романа (повести) предполагала неизменный трагический финал: главные герои не достигли счастья, хотя оно было возможно и вполне достижимо. С ностальгической тоской в финале повестей и романов воспоминания о несбывшемся счастье и прошедшей молодости завершают повествование [Доманский, 2006, с. 58]. Достоевский решил изменить эту привычную схему – герои достигают безмятежного райского счастья и спокойствия, не могут «надышатся друг на друга» (3; 160). Полковник Ростанев и Настенька воплощают идеальный союз, возвращение в райскую обитель до грехопадения.

Они видят друг в друге совершенное существо, замысел Бога: «Полными любовью глазами смотрела она на жениха своего и как будто хотела вымолвить:

“Какой ты, однако ж, *прекрасный, какой добрый, какой благороднейший человек*, и как я люблю тебя!”» (3; 157); «Она ангел, а не человек!» (3;160). «Она сказала мне, что мы в страшном долгу у Бога, что надо теперь стараться быть добрее, делать все добрые дела... И если б ты слышал, как она горячо, как прекрасно все это говорила! Боже мой, что за девушка!» (3; 160). Любовь к девушке и любовь к природе сливаются в душе героя. В финале его лицо сияет «неизъяснимым выражением любви и счастья» (3; 161). И тема возвращенного рая реализуется в полной мере: «Господи! почему это зол человек? почему я так часто бываю зол, когда так хорошо, так прекрасно быть добрым? Вот и Настя то же самое сейчас говорила... Но посмотри, однако ж, какое здесь славное место, – прибавил он, оглядываясь вокруг себя, – какая природа! какая картина! Экое дерево!» (3; 161). Сад у пруда описывается как Эдем, словно вне времени и пространства. Почитанием Бога и райским целомудрием объясняется и отсутствие у них детей.

«Любовь оказалась тем чувством, которое не понимает и растлить которое бессилён Фома» [Захаров, 2013, с. 182]. После эпизода изгнания и возвращения он вынужден признать, что любовь «была чиста и даже возвышенна» (3; 149), и благословить создание семьи по взаимной склонности.

В эпизоде бракосочетания травестия превращения тирана в благодетеля и духовника, имеющего власть благословлять браки, иронически обыгран Достоевским с помощью алкогольного кода. Свадебный пир более «походил на похороны» по вполне прозаической причине: Фому обнесли вином.

Однако женская мудрость Настеньки, ее «золотое сердечко» и стремление «улучать душу», «заставить других уважать все в своем муже» (3; 164) делают чудеса: последние семь лет тирания Опискина принимает более мягкую форму.

Таким образом, Достоевский использует жанровую форму и нарративную структуру усадебного романа, но наполняет ее совершенно другим содержанием, меняя ностальгический и трагический модус на иронический и саркастический. Героями усадебного романа в ее традиционном варианте являются полковник Ростанев, его возлюбленная Настенька, племянник Сережа, дети Илюша и Саша. За счет введения новых, нехарактерных для усадебной прозы героев, таких как

Опискин, Мизинчиков, Обноскин, Крахоткины, Татьяна Ивановна, и связанных с ними сплетен, интриг, скандалов, похищений, формируются черты новой романной манеры. «Персонажи “Села Степанчикова”, мало напоминающие обитателей тихих дворянских гнезд, сталкиваются с ситуациями, психологически весьма изощренными; ход событий нарастает стремительно, и сами события прерываются неожиданными скандалами и катастрофами. Все это признаки той романной поэтики, которая возобладает в творчестве Достоевского двух последующих десятилетий» [Волгин, 1986, с. 9]. Топос усадебного рая постоянно снижается и развенчивается. С другой стороны, обязательные в усадебном романе трагический финал и воспоминания об ушедшей молодости и несостоявшемся счастье, у Достоевского заменены благополучным финалом обретения «возвращенного рая» и созданием семейной идиллии.

4.3 Семантика заглавия романа Достоевского

Семантика заглавия этого провинциального романа исследователями недооценивается, оставаясь до сих пор недостаточно изученной [Альтман, 1975], [Васильева, Ворошилова, 2009], [Кибальник, 2013]. Две версии его значения предлагает С.А. Кибальник, связывая название с литературным контекстом. В монографии «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» он убедительно доказал, что «“Село Степанчиково” представляет собой в каком-то смысле пародию на Петрашевского и общество петрашевцев <...>» [Кибальник, 2013, с. 128]. Исследователь называет «одним из основных претекстов утопический роман Этьена Кабе “Путешествие в Икарию”, самую известную и пользовавшуюся широкой популярностью беллетристическую популяризацию идей социальных утопистов. Хорошее знакомство Достоевского с этим романом удостоверяется его известными словами о том, что “жизнь в *Икарийской коммуне* или фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой каторги”. Французское имя автора “*Voyage en Icarie*” – книги, которая не только входила в круг чтения петрашевцев, но и пользовалась гораздо более широкой популярностью, – “*Etienne*” – имеет в рус-

ском языке четкое соответствие, и это имя “Степан”. Таким образом, тот антисоциалистический подтекст <...> находит криптографическое выражение также и в заглавии повести Достоевского» [Кибальник, 2013, с. 88]. Кроме того, «известия о последних годах жизни и трагическом конце Кабе, которые Достоевский мог, хотя и с опозданием, извлечь из русской и иностранной печати, возможно, стали для него дополнительным внутренним импульсом к созданию повести “Село Степанчиково и его обитатели”» [Кибальник, 2013, с. 148]. Исследователь также связывает название романа с гоголевской традицией, точнее с поговоркой «ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» [Кибальник, 2013, с. 87]¹⁰⁶.

Вокруг романа «Село Степанчиково» сложилась парадоксальная ситуация, когда латентные подтексты названы и описаны, а более близкие и очевидные биографические и литературные факты, ставшие непосредственным катализатором творческого процесса, еще не получили в науке должного освещения.

С одной стороны, Достоевскому было важно в заглавии указать на культурную кодовость места, но с другой, – не менее значимо зашифровать, завуалировать биографический контекст, в связи с чем топоним становится кодирующим элементом художественного текста. Поэтому представляется целесообразным еще раз вернуться к вопросу номинации текста в более близком биографическом контексте сибирской жизни писателя.

По мнению С.А. Зинина, ономастика в художественных произведениях Достоевского «включает около 4400 поэтонимов в первичной номинации без учета различных фонетико-орфографических и деривационных вариантов. В этом поэтическом пространстве 79,9% поэтонимов приходится на антропонимы, затем 28,1% составляют топонимы и только 0,1% включают в себя другие разряды собственных имен» [Зинин, URL].

¹⁰⁶ «У Гоголя во второй главе “Мертвых душ” в характеристике Манилова упоминается село Селифан: “Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан” (VI, 24). Оно представляет собой составную часть старинной русской поговорки. Как известно, имя Селифан носит кучер Чичикова, а что касается выражения “ни в городе Богдан”, то есть вариант этой пословицы, в которой эта часть звучит как раз как “ни в городе Степан”. Своей бесхарактерностью Ростанев вполне мог вызвать у Достоевского подобные ассоциации, а уменьшительно-ласкательный суффикс: не Степан, а Степанчик – соответствует жанру комического романа. Прибавим, что имя “Степан” хорошо подходило для заглавия повести Достоевского, поскольку в имени Ростанева оказалась собрана самая разношерстная компания (что подчеркнуто второй частью заглавия: “...и его обитатели”), между тем греческое слово “стефанос”, от которого происходит это имя, означает “венок”» [Кибальник, 2013, с. 87].

Литературный топоним всегда создается автором намеренно, с суггестивной целью. Направленной номинативностью топонима обусловлена его активная роль в осуществлении авторского замысла, приобретении дополнительных смысловых оттенков в глубокой образной перспективе произведения. Добавим, что с точки зрения текстосимметрии заглавие – это сильная позиция, доминанта текста. Только в двух заглавиях произведений Достоевского изначально использовались топонимы. Однако авторское название «Рулетенбург» по просьбе издателя Ф.Т. Стелловского было изменено на более понятное для русского читателя – «Игрок». Таким образом, «Село Степанчиково и его обитатели» является единственным текстом, в заглавии которого использован топоним.

Вопрос о значении литературного топонима необходимо рассматривать с учетом его восприятия на определенном фоне, которым является, прежде всего, реальная ойконимия. Ойконимы – названия населенных пунктов как разновидность топонимов.

Если обратиться к типичным названиям русской усадебной культуры середины XIX в., то, по нашему мнению, словообразовательные модели в названиях усадеб и дач, могут быть подразделены на следующие виды:

1) **с семами рая, изобилия, веселья, благоденствия:** *Рай-Семеновское, Райки, Раек, Беспечное, Беззаботы, Отрада (Богом Данная), Отрадное, Кораллово, Нескучное, Милет (сращение от «Милое лето»), Даровое, Приятная Долина, Ясная Поляна, Раздолье, Благодатная;*

2) **с семами любви, надежды, братства:** *Люблино, Надеждино, Братцево;*

3) **образованные от христианских праздников или святых:** *Покровское, Рождествено, Троицкое, Тихвино-Никольское, Заветное;*

4) **образованные от имени или фамилии:** *Алексияновка или Воронцово, Семеновское, Куракино, Суханово¹⁰⁷;*

¹⁰⁷В последующей литературной традиции «Литературные усадебные названия, данные по фамилиям владельцев (явление, распространенное в русской помещичьей жизни), в художественном контексте приобретали дополнительный смысл. Прием этот подчеркивал, что каково место – таковы и люди, живущие в нем. Так, например, неразрывно были связаны Обломовка и выросший в ней Илья Ильич Обломов: и топоним, и фамилия генетически восходили к слову “облом” – ленивый, праздный человек» [Купцова, Дмитриева, 2003, с. 340]. Напомним, что гла-

5) образованные от названия рядом расположенного населенного пункта: *Николо-Урюпино*¹⁰⁸.

Достоевский использует четвертую или пятую словообразовательную модель от названия имени/фамилии владельца или населенного пункта, расположенного поблизости. Последняя ономастическая словообразовательная модель была продуктивной в отношении крестьянских хозяйств. Для названия усадеб в середине XIX она была нечастотной¹⁰⁹. Владельцы имений предпочитали их называть «“эдемными”, “парадизными”, “аркадийными” именами. Во множестве появлялись “сколки Эдема”, райские уголки» с красивыми, романтически-поэтическими названиями типа Малиновка, Отрадное, Люблино и др.» [Дмитриева, 2003, с. 332]. Подменяя название усадьбы названием села, Достоевский иронизирует и над усадебной культурой, и над традицией усадебной прозы в литературе.

Усадебная топонимика в дворянской культуре приобретала различные смысловые обертоны¹¹⁰. «Имя собственное, данное впервые, или переименованное, добровольно совершенное владельцем усадьбы, указывали на то, какой именно концепции усадебной жизни (усадьба как тип хозяйствования или увеселительная резиденция) он (хозяин усадьбы. – *Е.С.*) придерживался» [Дмитриева, 2003, с. 331].

Усадебные имена становились важным элементом художественного мира произведения, к отбору реальных топонимов и созданию новых по аналогии писатели подходили с особой тщательностью. Усадебные имена и процесс переимено-

ва «Сон Обломова», где упоминается и усадьба Обломовка, была опубликована еще в 1849 г. В 1857 г. Гончаров дает название своему незавершенному роману – «Обломов». К октябрю 1857 г. Гончаров завершает весь роман. Недописанной остается лишь последняя глава. Творческая история романа И.А. Гончарова свидетельствует, что Достоевский мог учитывать предшествующую традицию, тем более что и принцип номинации усадьбы по имени владельца оказывается сходным: Обломов – Обломовка, Степанов – Степанчиково с добавлением у Достоевского игрового, сатирического компонента.

¹⁰⁸ Названия усадеб почерпнуты из [Евангулова, 2003], [Дмитриева, 2003].

¹⁰⁹ «В XVII-XVIII вв. названия усадеб часто давались по фамилиям владельцев (Воронцово, Куракино, Обольяниново и т. п.). В конце XVIII – начале XIX в. уже не только царские резиденции, дворцы, парки называются семейными именами (как, к примеру, Александрова дача), но любой помещик мог назвать именами своих близких (а также уменьшительными, домашними вариантами этих имен) принадлежащие ему деревни, что придавало топонимам камерный, интимный характер. Вот только некоторые из подобных примеров: Александрия (гр. А.В. Браницкой), село Анна (Ростопчины), Марьино (кн. И.И. Бярятинского), Надеждино (М.М. Кугроедова, названо в честь жены, Н.И. Аксаковой) и др.» [Дмитриева, 2003, с. 334].

¹¹⁰ «Усадебный топос насыщался множеством имен: свое названия имели не только архитектурные сооружения (дворцы, беседки, павильоны), но и части паркового ландшафта (рощи, источники, ручьи, горки). Мемориализация усадебного пространства (напоминание о событиях и лицах) происходила не в последнюю очередь через присвоение имен отдельным его частям» [Дмитриева, 2002, с. 335].

вания становились предметом литературной игры.

«Принцип “говорящих” топонимов, основанный на мифологическом отождествлении имени с означаемым, широко и разнообразно использовался в литературных текстах. Усадебные топонимы акцентировали совпадение имени и называемого объекта (когда усадьба Отрадное действительно являла собой “райский уголок”, а Тиновка – пространство “остановившейся жизни”) или (в комическом и сатирическом варианте) подчеркивали их несовпадение. Литературный аркадийно-эдемный ряд представлен, к примеру, такими топонимами, как Утешино в романе М. Загоскина “Рославлев” или Заветное в пьесе Островского “Грех да беда на кого не живет”. В романе «Лорин» П.А. Валуева главный герой сначала утрачивает, а потом вновь обретает свое родовое имение. Нейтральное название Дубровино (от “дубровы”, “дубравы”) становится здесь знаком “приятного места”, “Эдема детства»» [Купцова, Дмитриева, 2003, с. 338].

Более того, «литературная игра с усадебными топонимами постепенно усложнялась: в усадебных именах исчезала однозначность» [Купцова, Дмитриева, 2003, с. 341], они превращались в аллюзивные топонимы, знаки-символы эпохи. Так, например, в литературе стали появляться экспрессивно-негативные усадебные имена, которые «часто выступали как перевертыши, иронические или сатирические перелицовки топонимов аркадийно-эдемного ряда. Пушкинское село Горюхино – своего рода антоним для Отрадного, Отрадино, Отрад. Выбор Пушкиным в повести “Дубровский” топонима Кистеневка, названия реально существовавшей деревни в Нижегородской губернии, через возможную его этимологию (от разбойничьего “кистеня”) разрушал представление о беспроблемной и безопасной жизни во всяческих Беззаботах и Приютах и вводил тему разбоя как реалии помещичьей жизни» [Купцова, Дмитриева, 2003, с. 340–341]. Так усадебные имена и процесс именованья/переименования становились предметом литературной игры, топонимы теряли однозначность, превращаясь в аллюзивные топонимы, знаки-символы эпохи¹¹¹.

¹¹¹ В литературной традиции после Достоевского «подчеркнуто-нейтральные усадебные топонимы, схожие с названиями деревень, нередко выбирались писателями для показа заурядности, захолустности помещичьей жизни. Этим приемом широко пользовался в циклах очерков “Оскудение” и “Потревоженные тени” С. Терпигоров, кото-

Отметим, что в середине XIX в. на территории Российской империи существовало несколько сел с названием Степанчиково. Одно из них – в Борисоглебском уезде Ярославской губернии. Об этом документально свидетельствуют архивные документы, связанные с церковью Рождества Божией Матери (1789 г.)¹¹². Также существовали сельцо Степанчиково во Владимирской губернии Александровского уезда («Свод законов Российской Империи») и сельцо Степанчиково в Ижевском стану («Писцовые книги», XVI в.)¹¹³. Старинная вотчина Степанчиково была записана за одним из предков великого русского поэта – думным дворянином Гаврилой Григорьевичем Пушкиным [Веселовский, 1971, с. 189].

Неизвестно, знал ли об их существовании Ф.М. Достоевский. Нас интересует не столько проблема локальной идентификации, сколько проблема осмысления художественной стратегии писателя, которая не может быть понята без латентной семантики заглавного топонима, формирующего ономастический фон произведения в целом¹¹⁴.

В трех километрах от усадьбы Достоевских Даровое располагалось имение Иванчиково, которое было хорошо известно будущему писателю (ныне – это населенный пункт в Зарайском районе Московской области)¹¹⁵. Ойконим Степанчиково образован по такой же словообразовательной ономастической модели. Использование уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик* указывает на небольшой, мелкопоместный характер имения, а также вносит игровой аспект, соотносясь с карнавальным характером происходящих в имении событий. «Село

рый, обобщая ситуацию помещичьего “оскудения” перед реформой 1861 г., отбирал часто встречающиеся реальные топонимы (Осиновки, Сосновки, Ивановки) и фактически превращал их в имена нарицательные» [Дмитриева, 2003, с. 340]. Достоевский, в этом смысле, не называет город-прототип прямо, а с помощи системы аллюзивных отсылок формирует у читателя представления о *genius loci* в поэтике романа.

¹¹² Интернет-портал архивной службы Ярославской области ссылается на следующие архивные дела: Ф. 230. Оп. 14. Д. 986 Дело об освящении новой каменной церкви в с. Степанчиково Борисоглебского уезда 1789–1789; Ф. 230. Оп. 1. Д. 14425 Приходо-расходные книги церкви с. Степанчиково Ярославского уезда за 1840, 1841, 1844, 1845, 1860–1870 гг. 1840–1870; Ф. 230. Оп. 5. Д. 1885. Книга записи кружечного сбора добровольных пожертвований на улучшение быта православных поклонников в Палестине церкви с. Степанчиково Ярославского уезда 1858–1879; Ф. 230. Оп. 3. Д. 1394 Исповедные росписи церкви с. Степанчиково Ярославского уезда за 1859–1875 гг. и др. [<http://www.yar-archives.ru/archive/search>].

¹¹³ См. об этом: Греков. Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен и до 17 века. Книга вторая. – М.: Академия наук СССР, 1954. С. 194–195; Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII века: (историко-географический очерк). М.: Институт российской истории РАН, 1996. С. 179; Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории // Новый мир. 1969. № 1. С. 189.

¹¹⁴ К слову сказать, топоним продолжает жить в XXI веке: Степанчиково – это название деревень в Гаврило-Ямском и Некрасовских районах Ярославской области и деревни в Домодедовском районе Московской области.

¹¹⁵ Выражаем благодарность В.А. Викторовичу, который обратил наше внимание на эту информацию.

Степанчиково» открывается представлением главного героя, полковника, который выйдя в отставку, зажил в имении «как будто всю жизнь свою был коренным, не выезжавшим из своих владений помещиком» (3; 5).

С лингвистической точки зрения словообразование ойконима шло в направлении от антропонима следующим образом: *Степан* – *Степанчиково* с использованием уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик* и топонимообразующих формантов *-ов* и *-о*, участвующих в словообразовательном процессе вместе в одном деривационном этапе, образуя морфемный комплекс *-ово*¹¹⁶. Подобную словообразовательную модель ойконима, образованного от имени владельца земельного участка или надела, отмечает И.А. Воробьева: «деревни возникали на базе <...> заимок и сохраняли имя, прозвище первого основателя» [Воробьева, 1977, с. 35].

Вероятно, что Достоевский с помощью словообразовательных формантов стремился оживить внутреннюю форму ойконима, актуализируя в нем и уменьшительный, и игровой характер одновременно. Кроме того, использование уменьшительно-ласкательных суффиксов характерно для разговорной речи (просторечия-2, по терминологии Л.П. Крысина¹¹⁷ [Современный русский язык..., 2003, с. 53]). Обилие формантов с уменьшительным значением придает тексту особую стилистическую окрашенность. Так, один из второстепенных героев романа, который стремится к выгодной женитьбе, имеет говорящую фамилию Мизинчиков¹¹⁸. Частое использование автором слов с уменьшительно-ласкательным суф-

¹¹⁶ В диахроническом аспекте суффикс *-чик* действительно имеет уменьшительно-ласкательное значение, но в современном Достоевскому языку его значение несколько стирается по двум причинам: во-первых, ойконимы, как правило, теряют эмоционально-экспрессивную окрашенность, во-вторых, значение имеет только последний аффикс *-ов*, который образует суффиксальным способом название топонима от имени лица, который владеет земельным участком или наделом.

¹¹⁷ По мнению Л.П. Крысина, «просторечие – наиболее своеобразная подсистема русского национального языка» [Современный русский язык..., 2003, с. 53]. Как выражение своеобразно понимаемой вежливости «[д]ля просторечия-2 характерно использование диминутивов типа *огурчик, номерок, документики, газировочка*» [Современный русский язык..., 2003, с. 66]. Кроме того, сдвиги в структуре и характере разговорно-литературного языка приводят к активизации «следующих тенденций: усиление диалогизации и устного <...> общения; усиление личностного начала; возрождение игровой, карнавальности стихии и...» [Современный русский язык..., 2003, с.103].

¹¹⁸ Она употребляется в тексте 74 раза, включая название 10 главы произведения. Кроме того, автор использует и другие слова с суффиксом *-чик*: мальчик (11), голубчик (2), розанчик (2), чепчик (2), диванчик (2), романчик (1), кончик (1), сувенирчик (1), пальчики (1). В романе есть еще слова с формантом *-чик*: догадчик (1) и переписчик (1), но мы их не включили в анализ, поскольку суффикс в данном случае не имеет уменьшительного значения. Кроме того, в тексте присутствуют и другие уменьшительные суффиксы: *незабудочки* (1), *ножки* (1), *узелок* (1), что подтверждает наличие диминутивов, характеризующих просторечие-2.

фиксом *-чик* действительно становится выражением стремления Достоевского путем игрового отношения в разных диапазонах (вектор изменялся от осторожного пародирования до саркастического снижения) выйти из ситуации жизненного и творческого кризиса¹¹⁹.

Итак, попытаемся ответить, по какой причине в качестве доминантного аллюзивного топонима была избрана номинация Село Степанчиково? Можно предположить, что на процесс номинации могло повлиять ближайшее семипалатинское окружение писателя. Прежде всего, это хорошо знакомый Достоевскому купец **Федор Степанович Степанов**. Информация о нем содержится в статье Н.И. Левченко «Круг семипалатинских знакомых Достоевского». У него снимал квартиру А.Е. Врангель, близкий друг писателя. Также исследовательница пишет о том, что «Достоевский давал уроки математики 12-летней племяннице купца Марине. Да, вероятно, Достоевскому было и просто приятно встречаться с этим человеком. Отец его, русский купец **Степан Степанов**, много сделал для налаживания торговых отношений России и Востока, мать – казашка. Он закончил томскую гимназию с отличием, считался одним из образованных купцов Семипалатинска. С 1854 г. Степанов 16 лет был почетным блюстителем семипалатинских училищ. Ежегодно на нужды учебных заведений он выделял 300 рублей серебром, на его средства ежегодно проводился ремонт учебных зданий, а в 1858 г. он выделил деньги на строительство нового каменного здания училища. Благодаря его стараниям в семипалатинских училищах были лучшие библиотеки среди всех учебных заведений Томской губернии» [Левченко, 1994, с. 245].

Барон А.Е. Врангель в своих «Воспоминаниях» пишет о Степанове как о радушном, предупредительном хозяине: «Хозяин мой, полукиргиз, купец Степанов,

¹¹⁹ Благодарю Н.Н. Богданова, который во время обсуждения моего доклада на Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» в 2018 г. любезно сообщил, что особенности психики больного эпилепсией включают в том числе и пристрастие к уменьшительно-ласкательным суффиксам *-чик/-щик*. Инертный тип нервной системы, по словам Н.Н. Богданова, обуславливает такую особенность мышления больного, что слова в его сознании проживаются дольше по времени, чем они произносятся, поэтому суффиксальный способ словообразования является адекватным способом решения проблемы. В течение жизни проявления эпилепсии меняются, с чем может быть связана и динамика употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов. Пик эпилептического заболевания приходится на возраст 33 года. Как раз в это время писатель работал над замыслом своего произведения. Особенности эпилептического характера со времён психиатра П. Зампта определяют с помощью поговорки «С Богом на устах и камнем за пазухой», имея в виду неконгруэнтность внешнего речевого поведения / внутреннего отношения и оценки человека. Подробнее об этом см.: Богданов Н.Н. Тайные коды тела. – М., АСТ: Зебра Е, 2007.

добрый, услужливый, приветливый, – делал все возможное, чтобы быть мне и приятным и полезным» [Врангель, 1912, с. 22]. Эта характеристика перекликается с образом Ростанева: «Трудно было себе представить человека смиреннее и на все согласнее. Если б его вздумали попросить посерьезнее довести кого-нибудь версты две на своих плечах, то он бы, может быть, и довез; он был так добр, что в иной раз готов был решительно все отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим» (3; 5).

Такая неординарная личность, гуманный и образованный русский купец, особенно выделявшийся на фоне киргизской степи, безусловно, оставил яркий след в сердце писателя. Тем более, что автор и купец были тезками, а имя и фамилия отца – Степан Степанов – дублируют друг друга. Некоторые черты Степанова мог «унаследовать» хозяин усадьбы Егор Ильич Ростанев. Открывающее роман представление главного героя затем подтверждается дальнейшими событиями. Племянник Ростанева Сережа обучается в Петербурге в университете за его счет. Опекун «в каждом письме старался только заговаривать о науках, ожидая от меня чрезвычайно много впереди по ученой части и гордясь моими будущими успехами» (3; 18). Еще с большим благоговением полковник относится к Опискину, выдающего себя за писателя: «В ученость же и в гениальность Фомы он верил беззаветно. Я и забыл сказать, что перед словом “наука” или “литература” дядя благоговел самым наивным и бескорыстнейшим образом, хотя сам никогда и ничему не учился. Это была одна из его капитальных и невиннейших странностей» (3; 33).

В трансформированном виде любовь Степана Степанова к просвещению у Егора Ильича Ростанева выразилась в преклонении перед учеными и выдающими себя за таковых. Хозяин усадьбы представляет Коровкина племяннику так: «Человек редкий, я тебе скажу, человек ученый, человек науки; останется в столетии» (3; 33), хотя такое мнение складывается только из поверхностных разговоров о железных дорогах и семейном счастье. Почти на протяжении всего романа Ростанев ждет приезда Коровкина, связывая с ним кардинальные изменения к лучшему.

Для полноты картины необходимо указать, что фамилия ротного командира Достоевского в Семипалатинске также была Степанов. К сожалению, пока не из-

вестны даже инициалы и детали его биографии, кроме нескольких обстоятельств: Достоевскому «разрешили жить особо, близ казарм, за ответственностью его ротного командира, Степанова» [Врангель, 1912, с. 18-19], «сам командир был горчайший пьяница, за что и был удален из Петербурга» [Врангель, 1912, с.19], а его жена была интеллигентной дамой. Допускаем, что в образе страдающего алкоголизмом Коровкина могли преломиться некоторые черты Степанова.

Возможно ли найти параллели семипалатинских впечатлений в художественном тексте? Есть ли в романе герой по имени Степан? Такой герой появляется почти сразу, во второй главе¹²⁰. Это Степан Алексеевич Бахчев. Фамилия героя, без сомнения, восходит к слову *бахча* и является семипалатинским знаком. Так имя второстепенного персонажа корреспондирует с названием села и усадьбы, придавая им особую значимость. В мемуарах А.Е. Врангеля почти рядом упоминаются названные знаки Семипалатинска: «Я жил на самом берегу Иртыша, близ губернатора; неподалеку был остров с огородами и **бахчами дынь и арбузов**. Против моих окон, по ту сторону реки, было киргизское поселение и расстилалась необозримая **степь** съ синими горами Семитау, за 70 верст вдали на горизонте» [Врангель, 1912, с. 22]. Чуть дальше автор уточняет, что бахча долгое время была экзотическим фруктом: «**Арбузы и дыни** стали появляться только с первыми поселенцами из Малороссии, которые в начале 50-х годов стали селиться по реке Лепсе и на Копале» [Врангель, 1912, с. 49–50].

Отметим, что слово *усадьба* встречается в произведении всего 2 раза, а слово *село* и его словоформы 9, включая название; *селянин* – 2, *сельский* – 2. *Степанчиково* упоминается 15 раз, вместе с названием. Имя *Степан* названов романе 29 раз (24 вместе с отчеством Алексеевич, 5 – только имя), что косвенно подтверждает нашу гипотезу.

«Статистический словарь языка Достоевского» содержит несколько иную информацию: слово *усадьба* встречается всего 9 раз, в художественных произведениях – 4, в критике и публицистике – 4, в письмах – 1 [Шайкевич, 2003, с. 473], *се-*

¹²⁰ К сожалению, героя с фамилией Степанов в романе нет, она появляется в других произведениях. По жанным «Статистического словаря языка Достоевского» в наследии писателя фамилия Степанов употребляется 15 раз, из них в художественных произведениях – 13, в письмах – 2 [Шайкевич, 2003, с. 441].

ло встречается всего 51 раз, в художественных произведениях – 30, в критике и публицистике – 18, в письмах – 3 [Шайкевич, 2003, с. 413], *сельский* встречается всего 33 раз, в художественных произведениях – 10, в критике и публицистике – 18, в письмах – 5 [Шайкевич, 2003, с. 414], *селянин* – только в художественных произведениях – 2, *Степанчиково* только в художественных текстах – 34 [Шайкевич, 2003, с. 441].

«Статистический словарь языка Достоевского» содержит несколько иную информацию: имя *Степан* встречается всего 21 раз, в художественных произведениях – 18, в критике и публицистике – 2, в письмах – 1 [Шайкевич, 2003, с. 441], альтернативное название *Степан Алексеевич*: только в художественных произведениях – 26 [Шайкевич, 2003, с. 441].

В.Н. Захаров предлагает иное толкование семантики имени героя: «У Достоевского, как правило, имя представляет героя, создает его образ. Так, один из персонажей романа носит имя Степан Алексеевич Бахчеев, и это имя как бы рекомендует его – степной помещик, сопрягая внешнее совпадение (Степан – степь) и внутреннее значение слов (бахча – Бахчеев)» [Захаров, 1981, с. 208]. Действительно, степь была доминантным впечатлением от Семипалатинска, как справедливо указывает ученый. Так, в письме брату Михаилу от 27 марта 1854 г. Достоевский отмечал: «Здесь уже начало киргизской **степи**. Город довольно большой и людный <...>**Степь** открытая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая **степь**» (28-1; 178-179).

Добавим, что именно в главе, названной «Господин Бахчеев», содержится упоминание «нестерпимого зноя» (3; 20), который расценен нами как еще один семипалатинский знак. О жарком лете Достоевский сообщал брату в том же письме (от 27 марта 1854 г.): «Лето длинное и горячее» (28-1; 179), об этом писал и А.Е. Врангель: «Летом Семипалатинск невыносим: страшно душно» [Врангель, 1912, с. 42], «Дни стояли уж очень жаркие» [Врангель, 1912, с. 44].

К.А. Баршт указывал, что в процессе анализа художественных текстов писателя «необходимо учитывать характерную манеру Достоевского прятать в трудно узнаваемые криптограммы свои личные впечатления и воспоминания, в которых

описано и то, что не получило ясного освещения в мемуарах или вообще не имело свидетелей, способных это описать» [Баршт, 2015, с. 73-74].

Важно указать, что непосредственные семипалатинские впечатления и литературная традиция усадебного текста в творческом процессе Достоевского соединяются с его личным детским опытом жизни в усадьбе. Так, А.Е. Врангель особенно акцентирует воспоминания детства писателя об отеческом имении Даровом с его липами: «В городе на дворе уже заблаговременно мы устроили парники и подготовили рассадку. Достоевского это чрезвычайно радовало и занимало и не раз вспоминал он свое детство и родную усадьбу. В начале апреля мы с Ф.М. переехали в наше Эльдorado, – в «Казаков Сад». Деревянный дом, в котором мы поселились, был очень ветх, крыша текла, полы провалились; но он был довольно обширный, и места у нас было вдоволь. Конечно, мебели никакой – пусто, как в сарае. Большое зало выходило на террасу, перед домом устроили мы **цветники**. Одна большая аллея прорезала весь сад с старыми деревьями» [Врангель, 1912, с. 43]. В воспоминаниях Б.Г. Герасимова тоже есть упоминание об этом факте: «Дорожа дружбой с Ф.М., Врангель предложил ему переехать к нему на жительство. Он снял в аренду так называемый Казаковский сад, полуразвалившийся и с прогнившими полами домик, с садом и огородом, принадлежавший богатому семипалатинскому обывателю Казакову» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 123].

В романе Достоевского цветники и цветы выступают как обязательный атрибут гармоничной усадебной жизни: «Пройдя аллею столетних лип¹²¹, я ступил на террасу, с которой стеклянную дверью прямо входили во внутренние комнаты. Эта терраса была окружена **клумбами цветов** и заставлена горшками **дорогих растений**» (3; 31); в комнате Фомы Фомича «**Горшки с цветами** стояли на окнах и на мраморных круглых столиках перед окнами» (3; 130). Цветочному раю «Казакова Сада» в мемуарах А.Е. Врангеля посвящен следующий фрагмент: «Цветниками нашими мы с Ф.М. занимались ретиво и вскоре привели их в блестящий вид» [Врангель, 1912, с. 44]. «Время в «Казаковом Саду» шло довольно быстро и

¹²¹ Совсем не обязательно, что столетние липы были знаком биографическим: «...именно липы наиболее рекомендовались садовниками для засадки закрытых аллей, и именно они получили особое распространение в русских помещичьих усадьбах, составив свой особый топос в литературе» [Дмитриева, 2003, с. 60]. Поэтому липовые аллеи были знаком-символом русской усадебной культуры и усадебного текста.

приятно. К нам то и дело наезжали знакомые и завидовали нашему благоустройству; особенно часто повадились заглядывать две дамочки. Стояли чудные майские дни, зацвели мои цветники, – чудесные георгины, гвоздики, левкой и проч. благодаря тучной нетронутой почве вышли на славу нам и нашим девам, усердно поливавшим наши цветники» [Врангель, 1912, с. 47]. Однако цветочный рай «Казачова сада» был очень притягателен для жителей Семипалатинска, не видевших ранее диковинных растений. При отсутствии хозяина сад был разграблен: «Когда я в середине августа как-то уехал в отпуск на несколько недель к Х., – вспоминает Врангель, – все цветы были выкопаны, пересажены в горшки, и я увидел их красовавшимися на окнах чиновного монда Семипалатинска. Достоевский, грустно и беспомощно поводя руками, пояснил мне, что против этого решительно поделать ничего не мог, так как вследствие моего отсутствия все его начальство первое набросилось на мои астры, левкой и георгины» [Врангель, 1912, с. 49].

Необычность выращиваемых друзьями в саду растений зафиксирована и в воспоминаниях Б.Г. Герасимова: «Вообще дачное место Достоевского и Врангеля, видимо, привлекло к себе внимание семипалатинского общества. Между прочим, представительницы прекрасного пола приходили туда для того, чтобы нарвать букеты садовых цветов. Оба знаменитых друга выписали из столиц цветочных семян и развели диковинный для семипалатинцев цветник (георгины, левкой и т. д.)» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 116]. Экзотичность для провинциального городка цветочных изысков барона Б.Г. Герасимов подтверждает еще раз, описывая Семипалатинск середины XIX в.: «Даже цветов приличных тогда не было в городе; о сирени, жасмине и т.п. и не слыхивали» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 154].

Занятие ботаникой, выращивание диковинных растений, общение с друзьями были способом спасения от скуки и серости жизни в провинциальном Семипалатинске. Б.Г. Герасимов писал по этому поводу следующее: «Можно себе представить, как себя чувствовали в Семипалатинске лица с умственными запросами и потребностями к культуре, заброшенные сюда, вроде Достоевского и Врангеля. Их положение было прямо трагическое. Пустота жизни давала себя чувствовать;

одной службой трудно было довольствоваться, «во вся тяжкая» не хотелось пускаться. Приходилось изыскивать способы разумного времяпрепровождения. Врангель, например, завел хозяйство, в котором Достоевский принимал участие. Федор Михайлович с усердием занимался цветами, поливал их и всячески ухаживал за ними. Друзья развели в городе цветы, до того невиданные в Семипалатинске: левкой, георгины и т.п.» [Достоевский в забытых..., 1993, с.156].

О более прозаических растениях, а именно о бобах, вспоминал Ф.М. Достоевский в письме к А.Е. Врангелю после долгой разлуки: 22 сентября 1859 г.: «Приезжайте же. Поговорим о старом, когда было так хорошо, об Сибири, которая мне теперь мила стала, когда я покинул ее, об Казаковом саде (помните?), о *бобах* и других огородных растениях <...>» (28-1; 337).

Увлечение ботаникой, экзотичность выращиваемых в «Казаковом саде» дикорастущих растений, возможно, отразилась и в необычном имени красивого мальчика-слуги Фалалей (из греч. Φαλλέλαιος) – цветущая маслина.

Помимо цветников, эстетическую потребность в любовании природой выполняли также пруд: «Среди сада находились ключи чистой студеной воды и было вырыто три водоема, в которых я держал стерлядь и маленького осетра, чтобы иметь под рукою рыбу для стола» [Врангель, 1912, с. 44].

Летняя дача друзей имела небольшое хозяйство: «Мы устроились совсем помещичьи. Я завел кур, трех маленьких поросят от диких кабанов и, ради потехи, даже ручного, как собака, волченка» [Врангель, 1912, с. 45]. Пусть в игровом, уменьшенном варианте, но друзья воссоздают усадебную атмосферу, соблюдая неписанный регламент всего необходимого: «При доме были конюшни, сараи и обширный двор. Все это обнесено высоким досчатым забором, а весь сад и огород высоким частоколом. Усадьба наша расположена была на высоком правом берегу Иртыша, к реке шел отлогий зеленый луг» [Врангель, 1912, с. 44]. Аналогичные сведения содержатся в статье Б.Г. Герасимова «Новые данные о жизни Достоевского в Семипалатинске»: «Достоевский и Врангель, между прочим, жили на одной даче у казака Казакова (построившего казачью церковь). Дача находилась за теперешним сумасшедшим домом, ближе к Иртышу, и была довольно примитив-

на» [Достоевский в забытых, 1993, с. 116]. В другой статье автор повторял информацию: «Друзья занялись устройством своей дачи: развели цветник, огород, водоемы в саду наполнили живыми стерлядями (был даже осетрик), развели кур, достали диких поросят и ручного волчонка» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 123].

Мирная атмосфера *Казакова сада* иногда нарушалась приходом непрошенных гостей, что тоже напоминает роман Достоевского. А.Е. Врангель вспоминает о комическом эпизоде приручения ужей, которые повадились выпивать приготовленное для щенят молоко в тарелке на полу террасы. «И вот стали мы ежедневно под скамью ставить молоко; ужи подползали, питались и понемногу, несдерживаемые нами, привыкли к нашему присутствию, перестали бояться людей. Однажды, только что мы выставили подь скамьи террасы заготовленное для ужей молоко и ужи, не заставив себя ждать, облепили чашку, как подошли, веселые и оживленные, наши посетительницы. Напуганные их шумным появлением, ужи шарахнулись и расползлись в разные стороны, путаясь в платьях и под ногами вопивших диким голосом и мечущихся семипалатинских дам, быстро покинувших нашу дачу. Мы долго потом, вспоминая это происшествие, хохотали до упаду. Наша дача была объявлена заколдованной, дамы оставили нас в покое, и наша цветы были спасены, но – увы! – не надолго» [Врангель, 1912, с. 48-49]. Об этом же писал Б.Г. Герасимов: «Крыша протекала, на полу были дыры, из которых появлялись ужи. Хозяева дачи не обращали на них внимания и даже попойвали иногда молоком, и ужи делались смелее и смелее. Однажды несколько барынь пришли навестить двух знаменитых отшельников. С криком и смехом ворвались они в дачную квартиру Достоевского и Врангеля. Случилось, что в это время ужи пили молоко. Заслышав необычный шум и топот, ужи бросились врассыпную... и запутались в длинных модных шлейфах барынь, к великому испугу последних и смеху хозяев квартиры» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 116]. Этот эпизод с ужами безусловно передает карнавальную атмосферу внезапности появления гостей, быстрой динамики эмоций и непредсказуемости развития дальнейших событий. В косвенном виде, возможно, что усадебные ужи отразились в ироническом

замечании рассказчика: «...но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо» (3; 12). По замечанию К.А. Баршта, «скрытые автобиографические аллюзии Достоевского имеют перспективы быть расшифрованными» [Баршт, 2015, с. 75].

Кроме того, А.Е. Врангель вспоминает об импровизированном театре, устроенном в манеже Семипалатинска, который неожиданно завершился громким скандалом: «Раз, помню, писаря батальона устроили в манеже представление, играли какую-то пьесу. Достоевский помогал им советами, повел и меня смотреть. Кажется, весь город собрался, особенно любопытный прекрасный пол; манежбыл набит... И кончилось это удовольствие скандалом. В антракте, в виде дивертисмента, вышли солисты-писаря и, думая позабавить публику, запели такие сальные песни, преподнесли такие срамные куплеты, что дамы бросились бежать, а Беликовъ и офицеры пришли в неистовый восторг и буквально гоготали от удовольствия. Повидимому эти песни и куплеты были излюбленные сибирские, так как в 1859 году я их вновь услышал в бытность мою в Хабаровске, на подобном же солдатском празднике, и также к вящей радости сибирскаго бомонда» [Врангель, 1912, с. 27–28].

Об подобных эпизодах провинциальной жизни вспоминает и Б.Г. Герасимов: «[и]ногда солдаты устраивали у себя в казарме «спектакли», на которые собирался местный бомонд – публика рада была всякому развлечению. Солдаты-артисты не особенно разборчивы были в выборе репертуара и, случалось, преподносили такие вещи, что дамы турманом вылетали со «спектакля», а мужчины хохотали до упаду» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 154].

Р.Х. Якубова в статье «Балаганный текст в повести Ф.М. Достоевского “Село Степанчиково и его обитатели”» полно и убедительно описала, как народный театр является скрытым действующим лицом произведения, незримо присутствуя на разных его уровнях: словесном, персонажном, сюжетном [Якубова, 2007]. Мы обратим внимание на непристойный характер сибирских песен, которые действуют на аудиторию амбивалентно: дам заставляют в ужасе разбежаться и одновременно приводят в восторг мужчин. Может быть, в трансформированном виде в

тексте романа этот факт связан с пляской Фалалея под аккомпанемент народного оркестра, состоящего из двух балалаек, гитары, скрипки и бубна. Фалалей танцует камаринского весело, задорно, легко и свободно, приводя в восторг своих зрителей. И только Фома Фомич преследует ребенка за неприличность содержания песни [См., например, Якубова, 2007; Лотман, 1996].

Кроме непосредственной отсылки к прототипу, послужившему толчком к номинации произведения, Достоевский ориентировался и на символический пласт всей мировой культуры. В связи с этим важно еще раз подчеркнуть намеренный характер номинации литературного топонима, который создается автором сознательно с суггестивной целью в процессе выбора из нескольких вариантов.

4.4 Вопрос об аллюзивном топониме в структуре художественного текста

На наш взгляд, по аналогии с аллюзивным антропонимом, который вписывается в художественную ткань повествования и эпохи благодаря историческим и культурным ассоциациям – аллюзиям, в литературоведение необходимо ввести и понятие аллюзивного топонима, который актуализирует в сознании читателя весь «вертикальный контекст». Понятие вертикального контекста было введено в 1977 году в статье О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет [Ахманова, Гюббенет, 1977] и подразумевает историко-филологический контекст того или иного литературного произведения, культурную эрудицию, наличие которой автор предполагает у своего читателя. Это «культурно-исторические, социальные, политические факты, реалии данной страны и эпохи, стилистические традиции и культурные аллюзии, т.е. информация общекультурного плана, объективно заложенная в литературном произведении, но как бы находящаяся за пределами текста как такового, вне его “горизонтального” контекста. Вертикальный контекст участвует в создании текстовой категории диалогичности, благодаря которой становится возможной связь имеющегося текста с другими объектами семиотического пространства» [Василь-

ева, Ворошилова, 2009, с. 34]. В лингвистике есть аналогичное понятие парадигмы (от греч. *paradeigma* – пример, образец) как «вертикальной оси» подбора вариантов. На наш взгляд, литературоведение на данном этапе развития нуждается в термине вертикального контекста или культурно-символической парадигмы произведения.

Внетекстовые реалии вступают в диалогические отношения с внутритекстовыми категориями. Вертикальный контекст, наряду с подтекстом, создает более глубокие пласты понимания, связанные с деталями и подробностями, актуализируя латентные, скрытые смыслы произведения. Благодаря вертикальному контексту аллюзивный топоним становится особо значимым, обладает повышенной суггестивностью, получает символический ореол, актуализируя в сознании читателя внетекстовую информацию, а в художественном тексте разные грани и нюансы смысла.

Структура значения аллюзивного топонима по аналогии с аллюзивным антропонимом состоит из трех компонентов:

- 1) денотативный (наглядно-образный, связанный с информацией о первичном денотате);
- 2) сигнификативный (понятийный, основанный на выделении признаков, связанных с первичным денотатом);
- 3) коннотативный (включающий эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический).

При этом в аллюзивном топониме объем коннотативного значения будет преобладать. По отношению к другим компонентам значения он будет самым объемным, доминантным, включающим различные аллюзии, ассоциации, фоновые смыслы, что позволяет понять произведение на уровне подтекста – метонимическом, метафорическом, символическом, мифологическом, идиоматическом и др. Поскольку литературный топоним является знаком особого искусственного сигнификата, то объем коннотативного значения у него будет большим, т.к. оно усилено и намеренно акцентировано, соотносится с другими элементами художе-

ственного мира, входит в художественную концепцию автора, создает дополнительные смысловые оттенки.

Литературная топонимическая система складывается из сопоставлений данного литературного топонима

- 1) со всеми другими ойконимами этого произведения и литературного контекста (в данном случае роман Ф.М. Достоевского необходимо рассматривать на фоне литературных топонимов усадебной повести и романа);
- 2) со всей литературной топонимической системой творчества автора;
- 3) реальной топонимической системой изображаемого периода;
- 4) реальной топонимической системой, современной писателю;
- 5) реальной топонимической системой, современной читателю.

Для разных задач исследования необходимо привлекать контекст разной степени глубины.

Поэтику и творческую историю романа «Село Степанчиково и его обитатели» вряд ли можно считать достаточно изученной без понимания причин выбора Достоевским аллюзивного топонима в качестве заглавия и определения его функции в произведении. На наш взгляд, название Село Степанчиково относится к аллюзивным топонимам. Благодаря вертикальному контексту использование топонима в заглавии многократно усиливает коннотации, потенциально-экспрессивные признаки, актуализирует подтекст. «Емкость художественного текста зависит от взаимодействия двух языковых систем: первичной – как основной системы кодирования, и вторичной моделирующей системы, в которой и создается подтекст. Чем больше подтекста – тем больше емкость художественного текста» [Ерохина, 2018, с. 5]. В качестве языковых способов образования подтекстовых значений А.М. Ерохина выделяет следующие: импликация, коннотация, пресуппозиция, контекст. «С точки зрения теории информации, подтекст является значением, которое добавляет те характеристики художественного образа, которые не названы в тексте. Заполняя существующие в тексте лакуны, читатель достраивает визуализируемую картинку. Такое дополнение всегда является индиви-

дуальным и различается у разных адресатов» [Ерохина, 2018, с. 7]¹²². Поэтому при анализе заглавия романа Достоевского необходимо учитывать как современные ему культурологические реалии, так и литературные традиции и впечатления личного опыта.

На наш взгляд, использование топонима Село Степанчиково в заглавии кроме выше перечисленных обусловлено следующими обстоятельствами.

Номинация Село Степанчиково может напоминать название города солдатской службы писателя, являясь его параграммой – **Село Степанчиково – Семипалатинск**.

Название Семипалатинск происходит от словосочетания «*семь палат*»¹²³, в котором отразился торговый характер города, расположенного на пересечении торговых путей, на границе Западной Сибири и «киргизской степи». «Сюда стекались десятки караванов из Средней Азии и Китая. В год приезда писателя город стал областным. Член областного правления Н.А. Абрамов назвал его “одним из важнейших пунктов нашей торговли с Средней Азией”. Городу был дан герб: на лазоревом фоне щита золотой навьюченный верблюд, а над ним серебряная луна и пятиугольная звезда» [Левченко, 1994, с. 235]. Население города в середине XIX в. составляло 5 тысяч человек.

Поначалу, после омской каторги, город понравился Ф.М. Достоевскому, но постепенно отношение изменилось на прямо противоположное. Так, в письме Е.И. Якушкину от 12 декабря 1858 г. автор признавался: «Живу в Семипалатинске, который надоел мне смертельно; жизнь в нем болезненно мучит меня» (28-1; 317).

Причина страданий ссыльного писателя заключалась в невысоком уровне культуры маленького провинциального городка. В воспоминаниях друга А.Е. Врангеля, служившего стряпчим и бывшего очевидцем событий, сквозит ироническое отношение: «Въ мое время Семипалатинскъ <...> былъ полу-город, полу-деревня» [Врангель, 1912, с. 20]. После блестящего Петербурга мемуарист жалу-

¹²²См. подробнее: Ерохина А.М. Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой емкости (на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»): автореф. ...к. филол.н. – Великий Новгород, 2018. С. 7

¹²³ В номинации Семипалатинск используется нумеративный тип словообразования: от словосочетания «семь палат».

ется на скуку и бесцветность местного общества: «Развлечений в Семипалатинске не было никаких. За два года моего пребывания туда не заглянул ни один проезжий музыкант, да и фортепиано было только одно в городе, как редкость. Не было даже и примитивных развлечений, хотя бы вроде балагана или фокусника. <...> Не помню ни одной вечеринки с танцами, ни одного пикника или общественной прогулки. Все жило большею частью особняком, чуждалось друг друга. Мужчины пили, ели, играли, скандалили и ездили по гостям к богатым татарам. Жены сплетничали» [Врангель, 1912, с. 27-28]. Друг Достоевского отмечает, что круг общения сводился буквально к нескольким людям: «Из молодежи было два-три артиллериста-офицера, два адъютанта, да не более двух чиновников, с которыми можно было еще поговорить и не зазорно вести знакомство» [Врангель, 1912, с. 27]. Источников получения новостей практически не было: «Газета в Сибири в то время была редкостью, очень немногие ее выписывали», «... во всем городе газеты получали человек 10–15, да и немудрено, – люди в то время в Сибири интересовались только картами, попойками, сплетнями и своими торговыми делами» [Врангель, 1912, с. 16, 21].

Впечатления барона Врангеля дополняют и подтверждают свидетельства полицмейстера Н. Яковлева, который отзывался о Семипалатинске так: «...это было захолустье, затерянное в глухой киргизской степи, недалеко от китайской границы» [Достоевский в забытых..., 1993, с.77].

Аналогичная информация содержится в воспоминаниях Б.Г. Герасимова: «Семипалатинская глушь удручающе действовала на писателя. Семипалатинск времен Достоевского походил скорее на большое село с населением в 5–6 тысяч человек. На весь город только 10–15 человек выписывали газеты, да и те плохо читались. Среди чиновников процветало взяточничество. Сплетни были любимым занятием семипалатинских обывательниц. Не мудрено, что Достоевскому хотелось поскорее выбраться из Семипалатинска. Как о счастье, он мечтал выйти в отставку и поступить на гражданскую службу в Барнаул, хотя бы чиновником XIV класса, чтобы получить возможность беспрепятственно печатать свои произведения» [Достоевский в забытых..., 1993, с.126].

В статье В.Н. Алекина «Об одном из прототипов Фомы Опискина» доказыва-
ется существование биографического контекста, позволяющего сделать вывод о
возможности доли автопсихологизма при создании образа приживальщика. Во
взаимоотношениях Врангеля – Достоевского, возможно, могли отразиться в сати-
рическом преломлении в том числе и отношения Егора Ильича Ростанева и его
приживальщика Фомы Фомича. Ученый аргументирует свою гипотезу следую-
щим образом: «Итак, чем же они “сродни”? Во-первых, своим прошлым. “Он был
когда-то литератором и был огорчен и не признан; а литература способна загу-
бить и не одного Фому Фомича – разумеется, непризнанная” (3; 12). Если учесть,
что с вхождением в литературу у Достоевского тоже не все было гладко – после
первых восторгов Белинский резко изменил свое отношение: “Надулись же мы,
друг мой, с Достоевским-гением!”, то параллели очевидны. “Фома Фомич был
огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той
огромной фаланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все ски-
тальцы и странники”(3; 12). Н.Н. Мостовская указала, что это реминисценция из
II тома “Мертвых душ” Гоголя, где содержится иронический намек на деятель-
ность “оппозиционно настроенных по отношению к правительству кружков – воз-
можно, в том числе и на общество Петрашевского, в которое входил Достоев-
ский”» [Алекин, 1998, с. 244].

К аналогичным выводам позднее приходит и К.А. Баршт, полагая, что
«[т]екст «Села Степанчикова» в криптографической форме свидетельствует о
размышлениях писателя, связанных с обстоятельствами его жизни в Семипала-
тинске» [Баршт, 2015, с. 78]. «Отсутствие в Семипалатинске какой-либо осмыс-
ленной общественной жизни, занятий, способных объединить духовно, стало фак-
тором, который обратил Достоевского в любимую игрушку семипалатинских дам,
уговаривавших своих мужей, важнейших чиновников города, помочь ему и напе-
ребой приглашавших его в гости; хождение по гостям смягчало тяжесть службы, а
иногда и просто заменяло ее, учитывая то, кому именно он делал визиты; следует
отметить, что Достоевскому, который воспринимал всю эту ситуацию с иронией,
даже нравились эти посещения семипалатинского «света», подспудно он собирал

в эти моменты материал для романа «Село Степанчиково». Изо дня в день, посещая дома членов семипалатинского «бомонда» и тем самым избегая ненавистной для него солдатской муштры, Достоевский был вынужден пребывать в амплуа заезжего «великого писателя», которого подвергли жестоким и несправедливым преследованиям, принимать выражение восхищения, умиления и почитания» [Баршт, 2015, с. 81]. Достоевский почувствовал на своем опыте и убедительно смоделировал в романе в образе Фомы Фомича, что «для человека, которого приглашают в дом как «знающего, талантливое и образованного», существует опасность невольного сползания к роли некоего «мудреца» и «прорицателя», от которого все начинают ждать либо острого словца, либо философской сентенции» [Баршт, 2015, с. 84].

Достоевский многократно обещал описать семипалатинские впечатления различным адресатам. Так, брату Михаилу 27 марта 1854 г. автор дает обещание предать бумаге свои впечатления: «Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того» (28-1; 179). Далее аналогичное обещание писатель дает другому корреспонденту – другу Ч. Валиханову 14 декабря 1856 г.: «Хотелось-бы Вам написать кое-что о Семипалатинске, есть вещи смешные» (28-1; 250). Вероятно, что с другом А.Е. Врангелем неоднократно обсуждались подробности семипалатинского быта. Вот строки из письма А.Е. Врангеля Ф.М. Достоевскому от 25 октября 1859 г.: «С нетерпением жду появления Вашего романа. Помнится, хотели Вы еще в Семипалатинске описать наши сибирские мучения и выставить мне на показ мой характер» (цит. по: 3; 494). О судьбе замысла барон справлялся и позднее, в письме от 9 ноября 1859 г.: «Жду с нетерпением появления Вашего романа, не узнаю ли в нем знакомые личности, помните, как в Сибири Вы собирались все описать, и себя, и Х., и меня, – да, жду наших портретов» (цит. по: 3; 494).

Но Достоевский не изображал происходящие с ним события буквально, все биографические события трансформировались под пером художника, имевшего склонность к самопародии, к обыгрыванию в ироническом плане, снижению и переворачиванию. Особенно это характерно для двух произведений: повести «Дя-

дюшкин сон» и романа «Село Степанчиково», в которых А.Е. Врангель напрасно хотел увидеть точное воспроизведение сибирских событий и впечатлений автора. Тем не менее «скрытые автоаллюзии, рассыпанные по его произведениям криптограммы, обращенные к личной памяти писателя, в ряде случаев оказывается возможно осмыслить и прочесть» [Баршт, 2015, с. 75]. Важно указать, что Достоевский, следуя эстетике комического, как правило, в творческом процессе остается точен в деталях, все остальное меняет, в том числе комических текстах на прямо противоположное. Но знакомство с воспоминаниями А.Е. Врангеля не оставляет сомнений в большой роли семипалатинского контекста, служившего катализатором творческого процесса писателя. Мемуарист вспоминает: «Во всем Семипалатинске была одна дача с огромным садом, за Казацкою слободкою, близ лагеря. Это было на руку и Ф.М., и я предложил ему переехать ко мне из своей берлоги. Дача эта принадлежала богатому купцу-казаку и именовалась “Казаков Сад”<...>» [Врангель, 1912, с. 42]. Напомним, что купец носил имя Степан Степанов и о возможности его причастности к номинации произведения мы упоминали выше. Добавим, что в романе «Село Степанчиково и его обитатели» Фалалей – это дворовый мальчик, который **в саду** отплясывает камаринского и одет в костюм **казачка**: «Он был одет в какой-то особенный костюм, в красной шелковой рубашке, обшитой по вороту позументом, с золотым галунным поясом, в черных плисовых шароварах и в козловых сапожках, с красными отворотами» (3; 59). Узнаваемый костюм казака, возможно, мог быть «наваян» сибирскими впечатлениями автора-солдата: в Семипалатинске располагался Сибирский линейный казачий батальон.

В то же время в образе полковника Ростанева отразились черты А.Е. Врангеля – «человека «с прекрасными качествами души и сердца <...> дам Вам два слова о его характере: чрезвычайно много доброты, никаких особенных убеждений, благородство сердца, есть ум, – но сердце слабое, нежное, хотя наружность с 1-го взгляда имеет некоторый вид недоступности» (28-1; 207), – так характеризует Достоевский барона А.Н. Майкову в письме от 18 января 1856 г. В письме брату Михаилу от 13-18 января 1856 г.: «душа добрая, чистая <...> Это человек очень

молодой, очень кроткий, хотя с сильно развитым *point d'honneur*, до невероятности добрый, немножко гордый (но это снаружи, я это люблю), немножко с юношескими недостатками, образован, но не блистательно и не глубоко, любит учиться, характер очень слабый, женски впечатлительный, немножко ипохондрический и довольно мнительный; что другого злит и бесит, то его огорчает – признак превосходного сердца» (28-1; 199-200).

В романе трагически обыгрываются некоторые юмористические подробности службы А.Е. Врангеля в Семипалатинске. Так Ростанев вынужден сбрить прекрасные бакенбарды по приказанию Фомы: «с бакенбардами дядя похож на француза и что поэтому в нем мало любви к отечеству» (3; 15); «...ты велел мне сбрить бакенбарды, потому что в них мало патриотизма, – я сбрил, поморщился, а сбрил...» (3; 56). Комментаторы Полного собрания сочинений отмечают, что это «иронический намек на одну из причудей Николая I, который специальным указом от 2 апреля 1837 г. запретил носить усы и бороды чиновникам гражданского ведомства (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12. СПб., 1838. с. 206). С проведением этого закона в жизнь Достоевский столкнулся в Семипалатинске. В «Воспоминаниях» А.Е. Врангеля рассказывается о чиновнике Малосапожкове, отвратительной личности, прозванной Достоевским «жареным скорпионом». Этот чиновник-недруг послал генерал-губернатору и министру юстиции донос на Врангеля, который, исполняя должность прокурора, «вопреки закону носит усы» [Врангель, 1912, с. 92, 93]. Еще раньше, в 1846 г., Достоевский работал над повестью «Сбритые бакенбарды», но она осталась незавершенной (3; 508).

Однако было бы неправильным ограничивать образ Ростанева только личностью барона Врангеля. Процесс создания романа был длительным и многоступенчатым.

Не случайно, что 18 января 1858 г. Достоевский сообщал старшему брату, что замысел большого романа возник еще в Омском остроге в 1850 г.: «...у меня уже восемь лет назад составила идея одного небольшого романа, в величину “Бедных людей”. В последнее время я, как будто знал, припомнил и создал его

план вновь. Теперь всё это пригодилось. Сажусь за этот роман и пишу. Кончить надеюсь месяца в два» (28-1; 299-300).

Как сообщается в Комментариях к Полному собранию сочинений Достоевского, автор обратился к написанию не ранее осени 1857 г., после того как А.Н. Плещеев хлопотал за него перед изданием «Русского вестника» и передал Достоевскому согласие М.Н. Каткова о сотрудничестве писателя в журнале. 3 ноября 1857 г. Достоевский сообщал брату Михаилу, что «взял писать повесть, небольшую (впрочем, листов в 6 печатных)» (28-1; 289). 11 апреля 1959 г. Достоевский выслал три четверти Каткову, а в мае–июне брату Михаилу окончание произведения.

В письме А.Н. Майкову от 18 января 1856 г. автор рассказывал о трудностях творческого процесса: «...характер, созданный мною и который есть основание всей повести, потребовал нескольких лет развития, и я уверен, я бы испортил всё, если б принялся сгоряча неприготовленный» (28-1; 209). О длительности вызревания характера Достоевский сообщал и М.Н. Каткову 11 января 1858 г.: «Выехав из Омска, года три назад, я мог иметь бумагу и перо и тотчас же принялся за работу. Но работой я не торопился; мне приятнее было обдумывать всё, до последних подробностей, составлять и соразмерять части, записывать целиком отдельные сцены и, главное – собирать материалы. В три года такой работы я не охладел к ней, а, напротив, пристрастился. Обстоятельства к тому же были такие, что систематически, усидчиво заниматься я решительно не мог» (28-1; 295).

Таким образом, написанию текста предшествовал длительный процесс осмысления и создания образов, имеющих сложную полигенетическую природу. Поэтому представляется, что в образе Ростанева, кроме А.Е. Врангеля и Ф.С. Степанова (§ 4.3), возможно, также могли отразиться впечатления писателя о начальнике Алтайских горных заводов Андрее Родионовиче Гернгроссе, который имел чин полковника и отличался добрым, радушным, гуманным характером. Врангель вспоминает о «великолепной казенной даче, в которой семейство <...> проводило лето» [Врангель, 1912, с. 63]. Летом 1856 года Достоевский, Врангель и семейство Гернгросса провели в Змиеве (современном Змеиногорске) вместе 5 дней.

В созвучии фамилий **Ростанев-Гернгросс** можно увидеть частичную анаграмму (С.А. Кибальник предлагает Ростанев – равенство) [Кибальник, 2013, с. 155]. В отличие от традиционных усадебных повестей и романов, в которых колоритно описаны пейзажи европейской России, Достоевский, по нашему мнению, в процессе работы опирался прежде всего на личные впечатления от Семипалатинской дачи А.Е. Врангеля и поездки на дачу А.Р. Гернгросса в Змиеве, которые накладывались на его детские усадебные воспоминания Дарового.

Кроме того, можно выдвинуть гипотезу о том, что в образе полковника есть и автобиографические черты. Если вспомнить данное Врангелем в его мемуарах описание характера Достоевского, то и сам писатель вполне может рассматриваться в качестве одного из прототипов Ростанева: «Снисходительность Ф.М. к людям была как бы не от мира сего. Он находил извинение самым худым сторонам человека, – все объяснял недостатком воспитания человека, влиянием среды, в которой росли и живут, а часто даже их натурой и темпераментом. «Ах, милый друг, Александр Егорович, да такими ведь их Бог создал», – говаривал он. Все забитое судьбою, несчастное, хворое и бедное находило в нем особое участие. Его совсем из ряда выдающаяся доброта известна всем близко знавшим его. Кто не помнит его заботливости о семье его брата М.М.<...>, его попечения о маленьком Паше Исаеве и о многих других» [Врангель, 1912, с. 35].

Трогательная история тайного любовного свидания Настеньки с полковником в отставке в саду на скамейке описана как высший миг блаженства под опасностью обнаружения. Признания, страх перед будущим, слезы, катарсис, объятия и поцелуй, вполне возможно, являются не только устойчивым штампом усадебного текста русской литературы, но имеют и биографическую проекцию. Ф.М. Достоевский в письме М.Д. Исаевой 4 июня 1855 г. из Семипалатинска в Кузнецк тяжело переживает разлуку: «Только об Вас и думаю» (28-1;186). В этом же письме содержится и упоминание «Казакова сада», который они вместе посещали: «Такая пустота! Один Ал<ександр> Егорыч, но с ним мне уже потому тяжело, что я поневоле сравниваю Вас с ним, и, конечно, результат выходит известный. Да к тому же его и нет дома. Без него я ходил раза два в **Казакова сад**, куда он

переехал, и так было грустно. Как вспомню прошлое лето, как вспомню, что Вы, бедненькая, всё лето желали проехаться куда-нибудь за город, хоть **воздухом подышать**, и не могли, то так станет Вас жалко, так станет грустно за Вас. А помните, как один раз нам-таки удалось побывать в **Казаковом саду**, Вы, Алек<сандр> Иван<ович>, я, Елена¹²⁴. Как свежо я всё припомнил, придя теперь в сад. Там ничего не изменилось и **скамейка, на которой мы сидели**, та же... И так стало грустно» (28-1; 187-188).

При сопоставлении эпистолярного и художественного текстов эллипсис, прячущийся за многоточием в письме, позволяет предположить, что на этой скамейке, возможно, были разговоры, предназначенные только для двоих. Сравним с романом: «...многое надо было взаимно сказать. Днем-то я и смотреть на нее не смею: она в один угол, а я в другой нарочно смотрю, как будто и не замечаю, что она есть на свете. А ночью сойдемся, да и наговоримся...

– Ну, что ж, дядюшка?

– Не успел я двух слов сказать, знаешь, сердце у меня заколотилось, из глаз слезы выступили; стал я ее уговаривать, чтоб за тебя вышла; а она мне: «Верно, вы меня не любите, верно, вы ничего не видите», и вдруг как бросится мне на шею, обвила меня руками, заплакала, зарыдала! «Я, говорит, одного вас люблю и ни за кого не выйду<...>» (3; 113).

В романе настойчиво повторяется мотив дамы, прогуливающейся в прекрасном саду. Именно такой сюжет для идеального сна придумал для Фалалея Фома Фомич.

Кроме того, К.А. Баршт полагал, что многие люди, встретившиеся Достоевскому «в Семипалатинске, стали прототипами героев «Села Степанчикова» и других его произведений, в соответствии с принципом того глубокого автобиографизма, которому подчинено творчество писателя, систематически создававшего в своих произведениях криптограммы личных впечатлений, когда-то тронувших его сердце» [Баршт, 2015, с. 86]. Так, ученый считает, что прототипом Ежевикаина был коллежский секретарь Александр Иванович Исаев (1822-1855), первый муж

¹²⁴ Неустановленное лицо, возможно, приятельница Исаевой Елена Ивановна (Прим. 28-1; 462).

М.Д. Исаевой, а образ Мизинчикова восходит к Белихову» – ротному командиру, моту и картежнику [Баршт, 2015, с. 82, 83]. Прототипом Татьяны Ивановны является Марья Дмитриевна Исаева [Баршт, 2015, с. 87], а генеральша – это «портрет жены губернатора Семипалатинска» [Баршт, 2015, с. 81] Петра Михайловича Спиридонова. Признавая в целом верную стратегию исследователя, такое отождествление нам представляется несколько прямолинейным и недостаточно аргументированным, нуждающимся в дополнительных разысканиях.

По мнению С.А. Кибальника, «в “Селе Степанчикове” складывается обобщенный, типичный образ провинции» [Кибальник, 2013, с. 34], писатель акцентирует внимание не на личных впечатлениях о российской провинции, сколько на его «литературной родословной». На наш взгляд, позицию ученого необходимо уточнить. Поскольку художественный образ всегда имеет обобщенную, полигенетическую природу, автор мог использовать главные или второстепенные черты знакомой ему личности как основу характера литературного героя. Достоевский встраивал биографический опыт в литературную традицию и оспаривал, развивал ее, возвращаясь к творческому процессу многократно, на разных этапах художественного обобщения. Инкорпорируя в собственный нарратив биографические впечатления, он тщательно пытался их скрыть, происходил процесс корректировки и затушевывания. Поэтому от замысла к воплощению на протяжении длительного периода образ многократно трансформировался. В итоге оставалась идеологическая переключка, либо генетическая общность литературного героя и его прототипа, завуалированная в большей или меньшей степени, и на источник указывали лишь детали. К примеру, Достоевский передает другому персонажу имя прототипа с целью завуалировать биографический контекст: имя и отчество дочери полковника «полностью совпадают с именем и отчеством (естественно, в другом роде) Врангеля – Александра Егоровна. Наверное, Достоевский не захотел, чтобы барон узнал себя в этом персонаже, но удержаться от того, чтобы оставить какой-то намек, не смог» [Алекин, 1998, с. 245], считает В.Н. Алекин. В романе героиня чаще названа уменьшительно-ласкательно – Сашенька или Саша, что еще более

затемняет латентный биографический код. Такая нарративная стратегия по метонимическому принципу очень часто используется Достоевским.

Другую нарративную стратегию, которую автор часто использует в сибирских произведениях, обозначим как «трансформационную» или стратегию зеркального перекодирования: в художественных текстах сибирского периода Достоевский преобразует трагическое в комическое (в то время как в зрелом творчестве будет преобладать обратная стратегия – иронического переворачивания комического в трагическое). Например, в анализируемом романе провинциальное отупение сатирически преломляется в образе ученого с говорящей фамилией Коровкин, который оказывается в состоянии сильного алкогольного опьянения; причины безосновательной тирании Опискина над полковником раскрываются в шутовском стихотворении Козьмы Пруткова об «Осаде Памбы» и др.

Кроме того, включаясь в более широкий литературный и культурно-исторический контекст, номинация Село Степанчиково приобретала дополнительные смыслы и коннотации. В усадебном тексте русской культуры название «село» встречается очень редко, единично. Для обозначения мелкопоместного характера дворянской усадьбы использовалась скорее лексема «дача»¹²⁵. В то же время в памяти любого русского человека прочно закрепилось название летней резиденции царя, в которой был расположен знаменитый пушкинский лицей. Поэтому полагаем, что ойконим «Село Степанчиково» прочитывается как знак литературной игры. Номинация «Село Степанчиково» встраивается в культурную парадигму **семь палат – царские палаты – Царское Село**. Есть вероятность, что в названии романа Достоевский обыграл и семантику имени Степан – от греческого Στέφανος (Stephanos) – венок, венец, корона, венец терновый. Маркированную связь в антиномичной паре топонимов Царское село и Село Степанчиково подтверждает внутреннее богатство семантики имени Стефан: от царского венца до венка тернового. Можно предположить, что, используя топоним Степанчиково, Достоевский мог мифологизировать Семипалатинск путем включения в символический, метафорический и культурный контекст летней императорской резиден-

¹²⁵ Ср. название повести М.С. Жуковой «Дача на Петергофской дороге» (1845).

ции и намекать на свой статус ссыльнокаторжного на краю ойкумены¹²⁶, поверженного литературного кумира, не имеющего права на публикацию сочинений. На последней аллюзии сильно не настаиваем, считая ее факультативной.

В воспоминаниях Б.Г. Герасимова провинциальный городок прямо назван селом: «Семипалатинск пятидесятих годов минувшего столетия, когда в нем жил Ф.М. Достоевский, представлял из себя **большое село**, затерявшееся в песках» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 153]. Характеризуя место жительства писателя, мемуарист подчеркивает его провинциальность: «[н]а весь город было одно каменное здание – Знаменский собор, заложенный в 1777 г. <...> На весь город существовал один только галантерейный магазин с подбором всех товаров, в каких только нуждался обыватель. Одна казенная аптека удовлетворяла потребности населения в врачевании. <...> Освещения не существовало, гостиниц тоже. Умственные запросы были ничтожны. На 5-6 тысяч городского населения выписывалось 10-15 газет и журналов, да и с теми нередко знакомились из десятых рук. Город на тысячи верст отрезан был от культурных центров. Сношения с другими местами поддерживались только с помощью линейного казачьего тракта, расположенного по берегу Иртыша. О пароходстве не было и помину. Семипалатинск представлял из себя тогда **отчаянную глушь**. О приезде всякого нового человека в городе узнавали моментально. Сибиряки определенно отмежевывались от приезжавших из Европейской России, последних называли «российскими». В городе было только одно пианино. О сладостях, кроме ташкентских сушеных фруктов, имели мало понятия» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 153-154]. Подводя итоги сочинению, Б.Г. Герасимов резюмирует: «... Семипалатинск времен Достоевского представлял из себя **отчаянную глушь, страшное захолустье**, и в этом-то захолустье Федору Михайловичу Достоевскому пришлось прожить более пяти лет» [Достоевский в забытых..., 1993, с. 157].

В письме А.Н. Майкову от 18 января 1856 г. автор жаловался на свои страдания, вызванные вынужденным творческим бездействием: «Не могу вам выразить,

¹²⁶ Вполне возможно, что Достоевский отсылает и к иронии протопопа Аввакума, который в своем «Житии» сравнивает свою земляную тюрьму в Пустозерске, называя ее «палаты», с Царскими покоями.

сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать. А, между прочим, внутренняя работа кипела. Кое-что выходило хорошо; я это чувствовал. Я создал там в голове большую окончательную мою повесть» (28-1; 209). Почти те же мысли содержатся в письме брату Михаилу, написанном 3 ноября 1857 г., т.е. в самый разгар работы над романом: «Жить упорно в Семипалатинске, усиливая болезнь и запуская ее, – по-моему, повторяю, грех.

Надеюсь на высочайшую милость превосходного монарха нашего, уже даровавшего мне столько. Он призрит меня, несчастного больного, и, может быть, позволит возвратиться мне в Москву, для пользования советами докторов и для излечения болезни. Кроме того, где я достану себе пропитание, как не в Москве, где теперь столько журналов и где, верно, меня примут в сотрудники» (28-1; 288). Официально хлопоты об отставке с разрешением проживать в Москве Достоевский начал только через год.

4.5 Лексема «обитатели» в заглавии романа

Рассмотрев возможные стимулы номинации ойконима Степанчиково, обратимся ко второй части названия произведения – лексеме **обитатели**. С помощью сочинительного союза писатель как бы уравнивает место и населяющих его людей.

В русском языке слово **обитатель** означает «жилец, житель, обыватель, живущий, пребывающий где-то» [Даль, 1881, Т. 2, с. 603]; «тот, кто живет, обитает где-л.; жилец [МАС, 1999, Т. 2, с. 534]. Исторически слово образовано от старославянского глагола **обитати** (обитати (греч. οἰκεῖν, ст.-сл. из *обвитати) [Фасмер, 2004, Т. 3, с. 101], [Шанский, 1994, с. 207], [Черных, 2007, Т. 2, с. 585] суффиксальным способом с помощью форманта *-тель* по продуктивной словообразовательной модели, означающей субъект действия. Обратим внимание, что в отличие от таких слов русского языка как **житель** и **жилец** (которые писатель использовал ранее, например, в повести «Хозяйка» и рассказе «Честный вор»), лексема **обитатель** менее частотна.

Лексема **обитатели** в заглавии романа может иметь и прямое, естественнонаучное значение среды обитания, и употребляться в ироническом смысле. «Следы» увлечения научными дискуссиями с А.Е. Врангелем и П.П. Семеновым присутствуют не только в «Дядюшкином сне» с образом-загадкой немецкого энтомолога, исследующего «особенный род червячка с рожками» (2; 297), но проявлены и в «Селе Степанчикове...» увлечением героев науками естественнонаучного поля: биологией, минералогией, астрономией и т.д.

Помимо актуализации коннотаций научного стиля, в романе происходит обыгрывание христианского подтекста с иронической модификацией. Лексема **обитатели** встречается в Библии в значении «жители»: «не стало обитателей в селениях Израиля» (Суд. 5:7), «наводившие страх на всех обитателей» (Иез. 26:17), «умолкните, обитатели острова» (Исх. 23:2); «узнают все обитатели Египта» (Иез. 29:6); «гору, на которую Бог благоволит обитать» (Пс. 14:1) и др.

Очевидно, что в языке художественной литературы писателем актуализирован христианско-символический контекст слова с иронической модификацией. Слово **обитатель** возникло уже в русском языке, но автор, возможно, отсылает к корневому ассоциативному полю лексемы, вертикальному контексту, словообразовательной парадигме. Другие слова того же словообразовательного гнезда [Тихонов, 1985, Т. 1, с. 681] заимствованы из старославянского языка и являются библеизмами. Маркированы как высокая, поэтическая лексика однокорневые слова, образованные от глагола **обитати**: *обитель, обительный, обителище (жилище), обиталище, обитальник* [Полный церковнославянский словарь, 1993, с. 363]. Словарь В.И. Даля дополняет картину корневого гнезда лексемами *обиталище, обителище, обитальщик, обиталье, обитетель(ница), обитальщик, обитальня, обитаемость, обитательный, обитальный, обительный, обительский, обительствовать, обительничать* [Даль, 1881, Т. 2, с. 603].

Исторически родственное слово **обитель** заимствовано из старославянского языка, где оно является суффиксальным производным (ср. купель, качели и т.д.) от обитати [Шанский, Бодрова, 1994, с. 207], [Фасмер, 2004, Т.3, с. 101], [Черных, 2007, Т. 2, с. 585]. Лексема является калькой с древнегреческого языка *habitatio*, в

котором означала нижнее помещение в ковчеге Ноя [Полный церковнославянский словарь, 1993, с. 363]. В связи с этим вполне оправдано устойчивое выражение русского языка «райская обитель» как место спасения. В Исходе 15:13 под святой обителью разумеется обиталище Божие, обетованная земля, в котором Господь неоднократно являлся патриархам, там же находилась схи́ния и храм. Слово имеет помету *высокое, поэтическое* и принадлежит к частотной библейской лексике: «В доме отца моего обителей много» (Иоанн 14:2), «приведут ... в обители Твои» (Пс. 42:3); «народ мой будет в обители» (Исх. 32:18), «возлюбил я обитель дома Твоего» (Пс. 25:8); «обители у него сотворим» (Пс. 14:28).

В русском языке середины XIX в. слово **обитель** было не только синонимом дома, но также означало пристанище для странников и религиозную общину давших обет воздержания монахов или монахинь с едиными правилами коллективной аскетической жизни, с особой церковно-хозяйственной организацией и с единым уставом, монастырь [Даль, 1881, Т. 2, с. 603]¹²⁷.

Достоевский имел возможность обыграть разные значения лексемы: дворянской усадьбы, ставшей приютом; дома, похожего на постоялый двор, и райской обители, превратившейся в монастырь, в котором устанавливает правила лицемерный философ, несостоявшийся пророк. Как отмечает Л.М. Лотман, «поклонение семейства Ростаневых Фоме Фомичу носит характер культа, и весь быт Степанчикова напоминает быт своего рода обители, монастыря: застольные “благочестивые” беседы, проповеди, “послушание”, которое накладывается на того или другого “провинившегося” домочадца и самого хозяина (Гаврила, который заучивает французские слова и фразы, “сакральный” смысл которых ему непонятен, полковник Ростанев должен “смириться”, назвать Фому Фомича в знак послушания “ваше превосходительство”...» [Лотман, 1987, с. 161].

Семантика и христианские коннотации заглавия усиливаются в тексте романа в саркастически-иронической интерпретации глагола **обитать** и его производного **обитель**.

¹²⁷Ср. аналогичные толкования в других словарях: [Словарь русского языка, 1999, Т. 2, с. 534], [Фасмер, 2004, Т. 3, с. 101], [Шанский, Бодрова, 1994, с. 207], [Черных, 2007, Т. 2, с. 585]. Кроме того, в русском языке XIX в. существовала поговорка: каков строитель, такова и обитель.

В главе IX первой части «Ваше превосходительство» Фома Фомич, лицемерно обвиняя своего покровителя Ростанева в нарушении этикета гостевания, использует высокую библейскую лексику и метафорику: «Понимаете ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядом все те прошедшие куски, которые я употребил в вашем доме? Вы попрекнули меня сейчас этими кусками, каждым глотком этого хлеба, уже съеденного мною; вы мне доказали теперь, что я жил как раб в вашем доме, как лакей, как обтирка ваших лакированных сапогов! А между тем я, в чистоте моего сердца, думал до сих пор, что *обитаю* в вашем доме как друг и как брат!» (3; 85).

Лексема **обитель** в тексте романа встречается однажды – в первой главе второй части романа «Погоня». Слово употреблено в значении «монастырь», словно развенчивая несостоявшееся место спасения Татьяны Ивановны. «Господин Бахчеев, проведя самую скверную ночь, на рассвете выехал из своего дома, чтоб поспеть к ранней обедне в монастырь, находящийся верстах в пяти от его деревни. На самом повороте с большой дороги в *обитель* он вдруг увидел тарантас, мчавшийся во всю прыть, а в тарантасе Татьяну Ивановну и Обноскина. Татьяна Ивановна, заплаканная и как будто испуганная, вскрикнула и протянула к господину Бахчееву руки, как будто умоляя его о защите, – так по крайней мере выходило из его рассказа» (3; 118). На уровне подтекста автор противопоставляет усадьбу Ростанева как символ стабильной и спокойной жизни для Татьяны Ивановны, настоящей райской обители, которой она чуть не лишилась, будучи обманутой льстивыми словами Обноскина о «рае» вечной любви и замужества. Символично, что монастырь в этот день посетят только дети Илюша, Саша и Настенька – ангелоподобная героиня с христианским значением имени – «Воскресшая, воскресение».

В русском языке XIX в., как фиксирует словарь В.И. Даля, было еще малоупотребительное слово *обитальник(ница)*, означающее обитатель, жилец, постоялец [Даль, 1881, Т. 2, с. 603], чужеземец [Полный церковнославянский словарь, 1993, с. 363]. Наличие однокорневого синонимичного слова показательно в этом случае, поскольку значение «чужеземец» могло актуализировать существующие в подтексте романа антитезы «свой – чужой», «хозяин-слуга», «братство-вражда»,

«мир-противостояние» и т.д., отсылать к ситуации подмены хозяина: вместо Егора Ильича – Фома Фомич.

В дворянском этикете существовала традиция приема гостей и ритуал гостевания, согласно которому хозяин должен был всячески угождать гостю, стремиться его развеселить, занять время, предвидеть его желания, обеспечить культурный досуг, вкусно накормить, предоставить лучшие условия проживания. Достоевский в романе показывает трансформацию неписанных этикетных правил, доведенных до абсурда, и процесс разрушения усадебной культуры как феномена в целом.

Кроме того, возможно, что в словообразовательной парадигмелексемы **обитатель** может «просвечивать» и авторская проекция – внутреннее осмысление биографического опыта и ироническое отношение к Семипалатинску как символу провинциальной глуши, краю империи. «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных фиксирует продолжительность существования как доминантную сему в значении слова обитать: «жить, проживать где-либо *в течение долгого времени*, пребывать» [Черных, 2007, Т. 2, с. 585]. «Словарь русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой 1999 г. маркирует лексему обитель как книжно-устаревшую, традиционно-поэтическую, впоследствии приобретающую коннотации – шутливое или ироническое – монастырь, место пребывания, жилище [МАС, 1999, с. 534].

Квартира Достоевского в Семипалатинске¹²⁸ действительно напоминала монастырскую келью, но по сравнению с адскими условиями острога казалось обителью. «Хата Д. находилась в самом безотрадном месте. Кругом пустырь, сыпучий песок, ни куста, ни дерева. Изба была бревенчатая, древняя, скривившаяся на один бок, без фундамента, вросшая в землю, и без единого окна наружу, ради опасения от грабителей и воров» [Врангель, 1912, с. 23]. В воспоминаниях барона несколько раз акцентированы уединение и простота условий, доходящая до аскетизма: «У Достоевского была одна комната, довольно большая, но чрезвычайно низкая; в ней царствовал всегда полумрак. Бревенчатые стены были смазаны гли-

¹²⁸ В январе 1856 г. Ф.М. Достоевского «...произвели в унтер-офицеры и позволили ему жить на частной квартире. Писатель поселился в доме Пальшина», – указывает о. Б.Г. Герасимов [Достоевский в забытых..., 1993, с. 114].

ной и когда-то выбелены; вдоль двух стен шла широкая скамья. На стенах, там и сям лубочные картинки, засаленные и засиженные мухами. У входа налево от дверей большая русская печь. За нею помещалась постель Ф.М., столик и, вместо комода, простой дощатый ящик. Все это спальное помещение отделялось от прочего ситцевою перегородкою. За перегородкой в главном помещении стоял стол, маленькое в раме зеркальце. На окнах красовались горшки с геранью и были занавески, вероятно, когда-то красные. Вся комната была закопчена и так темна, что вечером с сальной свечою, – стеариновые тогда были большою роскошью, а освещения керосином еще не существовало, – я еле-еле мог читать. Как при таком освещении Ф.М. писал ночи напролет, – решительно не понимаю. Была еще приятная особенность его жилья: тараканы стаями бегали по столу, стенам и кровати, а летом особенно блохи не давали покоя, как это бывает во всех песчаных местностях» [Врангель, 1912, с. 23–24]. И далее мемуарист неоднократно возвращается к мысли об убогости жилища друга, отсутствии ярких впечатлений, так необходимых творческому человеку: «Однообразно-томительно текла наша жизнь» [Врангель, 1912, с. 38], «...и я и он предпочитали мой дом, так как больно уж неуютно и неприглядно было у него» [Врангель, 1912, с. 36].

Показательно, что местные жители называли город Семипроклятинск, используя в номинации тот же нумеративный тип образования ойконима. Этот эвфемизм под пером областного стряпчего А.Е. Врангеля пародийно обыгран в его «Воспоминаниях» как **богоспасаемый град**. Рассказывая о том, как губернатор полюбил друга, барон вспоминает: «Вскоре Спиридонов искренно полюбил Достоевского, – он сделался у него своим человеком; где только мог, Спиридонов ему помогал и вообще был ему полезен. Пример, данный военным губернатором, открыл Достоевскому доступ ко всему высшему обществу **богоспасаемого града Семипалатинска**» [Врангель, 1912, с. 49-50]. К.А. Баршт полагал, что «...на страницах «Села Степанчикова» мы видим портрет жены губернатора Семипалатинска: «Генеральша благоговела перед своим мужем. Впрочем, ей всего более нравилось то, что он генерал, а она по нем – генеральша» [Баршт, 2015, с. 81].

К непосредственным семипалатинским событиям в сатирическом освещении, возможно, отсылает намек на текст, не отличающийся большими эстетическими достоинствами, но имеющий прагматическое значение. Мы имеем в виду «Вопли Видоплясова, которые ждут Сергея в приготовленной ему по приезду комнате. «...[Я] увидел на столике, перед кроватью, лист почтовой бумаги, великолепно исписанный разными шрифтами, отделанный гирляндами, парафами и росчерками. Заглавные буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Все вместе составляло премиленькую каллиграфскую работу. С первых слов, прочитанных мною, я понял, что это было **просительное письмо**, адресованное ко мне, и в котором я именовался «просвещенным благодетелем». В заглавии стояло: «Вопли Видоплясова». Сколько я ни напрягал внимания, стараясь хоть что-нибудь понять из написанного, – все труды мои остались тщетными: это был самый напыщенный вздор, писанный высоким лакейским слогом. Догадался я только, что Видоплясов находится в каком-то **бедственном положении, просит** моего **содействия**, в чем-то очень на меня **надеется**, «по причине моего просвещения» и, в заключение, **просит похлопотать** в его пользу у дядюшки и подействовать на него «**моею машиною**», как буквально изображено было в конце этого послания» (3; 92). Вошедший Мизинчиков объясняет только что приехавшему Сергею, что в усадьбе много странностей и одной из них является этот персонаж: «Уж не вопли ли Видоплясова? Так и есть! Я уверен был, что Видоплясов и вас **атакует**. Он и мне подавал такой же точно лист, с теми же воплями; а вас он уже давно ожидает и вероятно, заранее приготовлялся» (3; 92).

На наш взгляд, это довольно едкая автопародия в отношении стихов, посвященных государыне Императрице, которые разными путями пытался отправить ссыльный писатель через Г.Х. Гасфорта, А.Е. Врангеля, П.Г. Ольденбургского в Петербург с надеждой на перемену незавидной участи. Показательно, что сам текст «Воплей» в романе не приводится, очевидно лишь резкое несовпадение, диссонанс прагматического мотива автора и недостатка эстетической формы сочинения. На скрытый источник этого произведения Видоплясова однозначно указывает название – «**подействовать на него моей машиною**», буквально повто-

ряющее отзыв о Гасфорте в записных тетрадях Достоевского 1875–1876 гг.: «Обида. Густав Христианович. Он занимал звено в машине, да ведь эти звенья ничтожность? Да и вовсе не надо, чтоб они были чтожности и делали хорошо. Пусть делают дурно или как-нибудь, но они живут и составляют машину. **Была бы машина**» [Гасфорт, URL]. Усиливают предположение о тексте-прототипе выражения романа «находится в каком-то **бедственном положении**», «**просит** <...> **содействия**», «очень на меня **надеется**, «по причине моего просвещения» «**просит похлопотать**».

В письме А.Е. Врангелю в Петербург от 23 мая 1856 г. Достоевский так объясняет другу необходимость литературного подношения для перемены своей участи: «О, дай бог, чтоб моя судьба поскорее устроилась. Вы мне пишете прислать что-нибудь. Посылаю стихи на коронацию и заключение мира. Хороши ли, дурны ли, но я послал здесь по начальству с просьбою позволить напечатать (то есть об этой просьбе Петр Михайлович только доложил Гасфорту). Просить же официально (прошением) позволения печатать, не представив в то же время сочинения, по-моему, неловко. Потому я начал с стихотворения. Прочтите его, перепишите и постарайтесь, чтоб оно дошло к монарху. Но вот в чем дело: миновать Гасфорта нельзя» (28-1; 232).

Через ряд препятствий стихотворение все-таки было передано в августе 1855 г. Гасфортом военному министру с просьбой передать вдовствующей государыне-императрице. Г.Х. Гасфорт, посылая стихи Достоевского, писал: «При нынешней поездке моей на левый фланг линии в Киргизской степи, в бытность мою в г. Семипалатинске, рядовой Сибирского линейного батальона № 7 Федор Достоевский представил мне стихотворение “На 1 июля 1855 года”, которое он просил повергнуть к стопам Ее Императорского Величества <...>. Препровождая при сем к Вашему сиятельству упомянутое его стихотворение, имею честь покорнейше просить <...> исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на производство его в унтер-офицеры» [Белов, 2001, Т. 1, с. 173].

Итак, корневая словообразовательная парадигма (вертикальный контекст) лексемы **обитатели** позволяет Достоевскому обыграть разные значения лексемы:

дворянской усадьбы, ставшей приютом; дома, похожего на постоянный двор, и райской обители, превратившейся в монастырь, в котором устанавливает правила лицемерный философ, несостоявшийся пророк. Автор актуализируя существующие в подтексте антитезы «свой / чужой», «хозяин/ слуга», «братство/ вражда», «мир/ противостояние» и т.д., отсылая к ситуации подмены хозяина (вместо Егора Ильича – Фома Фомич) и к собственному биографическому опыту. Вместе с тем осознание себя хоть и вынужденно жителем Сибири не лишало возможности мечтать о далеких землях – сосредоточии европейской культуры и цивилизации. В следующих параграфах работы мы рассматриваем две наиболее репрезентативные в сибирских текстах страны, контрастно противопоставленные друг другу и сибирскому топосу: Испания предстает как далекая, недостижимая страна мечты и экзотической природы; Германия как близкая и понятная страна порядка, науки и культуры.

4.6 Топографические контрасты: испанские мечты в сибирской провинции

Диалогу культур России и Испании посвящена монография М.П. Алексеева «Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI-XIX вв.», в которой он отмечает, что мысль о политическом союзе двух держав принадлежала еще Петру I. Однако торговые и культурные связи налаживались с трудом, и Испания, в отличие от остальной Европы, оставалась страной далекой, экзотичной. В России о ней господствовало представление как о стране идеальных чувств, любовной героики, чудес, заморских диковинок [Алексеев, 1964, с. 32]. В русской литературе романтического периода был настоящий культ Испании, ярко проявившийся, в частности, в творчестве А.С. Пушкина («Ночной зефир струит эфир» – 1824) и «Я здесь, Инезилья» – 1830). В 1835 г. поэт посвятил этой теме следующие произведения: «Сцены из рыцарских времен», содержащее знаменитое стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный», а также два стихотворных фрагмента:

«На Испанию Родную» и «Родриг» («Чудный сон мне Бог послал»), посвященные последнему готскому королю Испании Родерику [Кибальник, 2015, с. 222]¹²⁹.

К середине XIX в. испанский культ уже всем наскучил и стал предметом иронии. Это ярко проявилось, например, в стихотворении Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем».

В русле этой традиции иронического снижения увлечения Испанией как страной экзотики находится и Ф.М. Достоевский, изобразивший в сибирских произведениях свои впечатления от провинциальной России «через внутренние оппозиции с Петербургом и границей» [Кибальник, 2013, с. 39].

Топос Испании и ее локальные приметы возникают в повести «Дядюшкин сон» в словах Марьи Александровны Москалевой, матери Зины, в эпизодах убеждения дочери, а затем и ее жениха в необходимости выхода замуж за престарелого князя К.: «уж одно то, что ты переходишь в другое общество, в другой мир! Ты оставляешь навсегда этот отвратительный городишка, полный для тебя ужасных воспоминаний, где нет у тебя ни привета, ни друга, где оклеветали тебя, где все эти сороки ненавидят тебя за твою красоту. Ты можешь даже ехать этой же весной за границу, в Италию, в Швейцарию, в Испанию, Зина, в Испанию, где Альгамбра, где Гвадалквивир, а не здешняя скверная речонка с неприличным названием...» (2; 324).

Примечательно, что сначала за граница предполагает широкий европейский контекст – Италия, Швейцария, Испания, т.е. страны с горным и лечебным климатом, а затем воображение останавливается на Испании.

Далее, приводя новые аргументы, мать описывает открывающиеся широкие горизонты замужества как духовного подвига спасения возлюбленного, бывшего учителя Васи: «при изменении климата и впечатлений, больной мог бы выздороветь. Он сказал мне, что в Испании, – и это я еще прежде слышала, даже читала, – что в Испании есть какой-то необыкновенный остров, кажется Малага, – одним словом, похоже на какое-то вино, – где не только грудные, но даже настоящие ча-

¹²⁹Возможно, что пушкинское увлечение Испанией восходит к американскому романтику В. Ирвингу, написавшему в 1832 г. сборник новелл под названием «Альгамбра», в который он включил новеллы, путевые заметки и легенды о Гранаде. Автор три месяца жил во дворце и сам собирал фольклорный материал. Книга вышла на русском языке в переводе В.С. Муравьева [Кибальник, 2015, с. 222].

хоточные совсем выздоравливали от одного климата, и что туда нарочно ездят лечиться, разумеется, только одни вельможи или даже, пожалуй, и купцы, но только очень богатые. Но уж одна эта волшебная Альгамбра, эти мирты, эти лимоны, эти испанцы на своих мулах! – одно это произведет уже необыкновенное впечатление на натуру поэтическую. Ты думаешь, что он не примет твоей помощи, твоих денег, для этого путешествия? Так обмани его, если тебе жаль! Обман простителен для спасения человеческой жизни. Обнадежь его, обещай ему, наконец, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замуж, когда овдоеешь» (2; 327).

Детально разработанная Марьей Александровной мотивология неравного брака красавицы-дочери со старым князем базируется на негативном «сибирском» опыте героини, «ужасных воспоминаниях», необходимости выхода неординарной личности из неблагоприятных условий – «отвратительного городишки». Подлинные прагматические мотивы матери скрываются за стереотипными романтическими клише рецепции Испании.

Первая дама Мордасова верно нащупала «больную точку» дочери, для которой Испания – неведомый экзотический мир, концентрирующий в себе реалии жизни, радикально отличной от среды существования Зины в ситуации культурного вакуума, на который обречен человек в условиях традиционного социума. Предельно обнажена эта мысль в исповедальном признании Зины князю К. в вечер объяснения: «Если решилась выйти за вас, то единственно, чтоб хоть куда-нибудь уйти отсюда, из этого проклятого города, и избавиться от всего этого смрада» (2; 386). Заметим, что для сибирского текста в целом мотив пересечения границы является одним из центральных и всегда маркирует сильную неординарную личность.

Аналогично в романтическом контексте Марья Александровна рисует будущее еще одному претенденту на руку Зины Павлу Александровичу Мозглякову, используя те же мифологемы испанского мира: «Для здоровья князя Зина едет за границу, в Италию, в Испанию, – в Испанию, где мирты, лимоны, где голубое небо, где Гвадалквивир, – где страна любви, где нельзя жить и не любить; где розы и поцелуи, так сказать, носятся в воздухе! Вы едете туда же, за ней; вы жертву-

ете службой, связями, всем! Там начинается наша любовь с неудержимую силой; любовь, молодость. Испания, – боже мой!» (2; 354).

Испания воспринимается как сакраментальный рубеж, способный разделить на две части человеческие судьбы Зины, князя, Васи, Мозглякова, Марьи Александровны. В отличие от обыденного мира провинции, в котором преобладает скука и томление в «глуши» с естественным желанием вырваться, Испания описывается Москалевой как возможный спасительный сценарий для героев, земной рай. Однако на утопичность и ирреальность альтернативы указывает поразительная легкость замены спутников Зины: старый князь – Вася – Мозгляков. Кроме того, положительное отношение к любовному треугольнику, опозитизированной ситуации страстного телесного томления юной девушки рядом со стариком-мужем в окружении молодого и потенциально более успешного любовника прозаически развенчивает высокие идеалы, обнажая лицемерие и корысть матери Зины, стремящейся продать дочь подороже. Так, путем наделения меркантильной сплетницы Москалевой неординарными риторическими способностями, Достоевский «адресовал свою иронию романтизму, которому нет места ни в литературе, ни в жизни» [Шумкова, 2009, с. 145].

В разработке матримониальной темы Москалева соблазняет дочь этнографической экзотикой, мифологизированными стереотипами испанского ландшафта, которые основаны не на личном опыте, а почерпнуты из того же провинциального источника – городских слухов. Настойчивое желание Москалевой убедить Зину, что она не просто «слышала, даже читала» (2, 327) свидетельствует скорее об обратном. Географические познания первой дамы Мордасова отрывочны и эклектичны, основаны на стереотипных клише и туристических штампах по принципу «страна, ее архитектурный символ и гидроним».

В качестве архитектурного символа выбрана Альгамбра – впечатляющий архитектурно-парковый ансамбль XIV в., который включает древние дворцы, крепость и сады мусульманских правителей. На покоренных землях солнечной Испании мавританские эмиры пожелали создать кусочек земного рая. Альгамбра (исп. Alhambra, от араб. *ألمحلا* аль-хамра – красная) расположена на вершине скалисто-

го плато в восточной части города Гранады на юге Испании. Название буквально переводится с арабского как «красный замок», что связывают с цветом глины, из которой построены дворцы, либо с цветом пламени факелов, освещающих замок во время многолетнего строительства. Средневековые поэты описывали это сооружение как «изумрудную жемчужину», отмечая выразительное строение на фоне зеленых лесов, голубого неба и горных пейзажей с заснеженными вершинами Сьерра Невада. Альгамбра считается высшим достижением мавританских архитекторов в Западной Европе [Испания по-русски. Альгамбра, URL].

Пытаясь поразить воображение дочери, Марья Александровна называет Гвадалквивир (исп. Guadalquivir) – непривычную для русского слуха реку, сравнивая ее по контрасту со «здешней скверной речонкой с неприличным названием» (2; 324). Звучность и экзотичность фонетической оболочки гидронима подчеркнута на фоне умалчивания названия местной речки. Гвадалквивир – довольно крупная, пятая по протяженности река в юго-восточной части Испании, на которой расположен город Севилья¹³⁰. Как мы обосновали выше, безымянная речонка – это перифраз реки Кондомы в Кузнецке. Топографический контраст величественной реки Севилья, усиленный литературными коннотациями Пушкина, при сопоставлении со здешней речонкой Достоевским предельно заострен.

Можно предположить, что Москалева в воображении Зины создает туристический маршрут, маркируя его знаковые точки: от Гранады до Севильи. Однако, более вероятно, что Москалева не осведомлена, что Гранада с Альгамброй расположена в юго-восточной, а Гвадалквивир с Севильей – в юго-западной части страны. Да и названия городов опущены. Чуть дальше по тексту героиня говорит о «необыкновенном острове, кажется Малага, – одним словом похоже на какое-то вино» (2; 327), путая порт Малагу с островом Майорка в центре Балеарских островов, что характеризует степень информированности первой дамы Мордасова, которой важнее мифогенный потенциал испанского ареала как иного, более привлекательного мира: «Испания, боже мой!» (2; 354). Б.Н. Тихомиров считает, что

¹³⁰Б.Н. Тихомиров указывает в комментариях, что река «русскому читателю известна прежде всего по стихотворению А.С. Пушкина «Ночной зефир...» (1824, опубл. 1827): (Пушкин А.С. Собр. соч. Т. 1. С. 244). *Ночной зефир / Струит эфир, / Шумит, Бежит Гвадалквивир...* Эти стихи положены на музыку А.Н. Верстовским, М.И. Глинкой, А.С. Даргомыжским и др. композиторами» [Тихомиров, 2017, с. 377].

Москалева «путает Малагу (Malaga, исп.) – испанский город в Андалусии на побережье Средиземного моря и одноименное десертное вино и Мадейру (Madeira, порт.) – португальский остров, находящийся в Атлантическом океане у северо-западного побережья Африки, имя которого носит крепленое вино мадера (правильнее – мадейра, madeira, порт.), также названное по месту его изначального изготовления» [Тихомиров, 2017, с. 378]. В любом случае географическая осведомленность Марьи Александровны оставляет желать лучшего.

В.Н. Топоров, анализируя Петербургский текст русской литературы, выделяет следующие субстратные элементы любого локального сверхтекста: климатическо-метеорологические, ландшафтные, материально-культурные, духовно-культурные [Топоров, 1995]. Он также отмечает наличие системы природных и культурных образов (знаков), способов выражения предельности, пространства и времени. Выделенные ученым субстратные элементы сверхтекста реализованы в повести в полной мере как топографические контрасты.

Топосы Сибири и Испании в повести противопоставлены географически, метеорологически и психологически. Так метели, снегу, ветру и холоду как рутинным «декорациям» русских колониальных земель противопоставлен мягкий климат юга Испании. Зиме как доминантному времени года Сибири, связанному с лиминальным состоянием болезни и смерти, в испанской картине мира соответствует весна и чудесное выздоровление. Темнота зимнего вечера и неосвященные улицы провинциального города контрастны свету и солнцу Испании. Однообразию равнин с «маленькими, вставшими в землю домишками» (2; 363) противоположна вертикальная организация пространства: величественный замок, расположенный на горе, с которой открывается восхитительный пейзаж и панорама всей Гранады.

Одним из важнейших семантических параметров Сибири в повести является бедность форштата Мордасова, квартал, «где нечего украсть» (2; 363) и узкие тротуары, тогда как в Испании – богатство и роскошь мавританского замка. «Запоздавшему мещанину или бабе в тулупе и сапогах» (2; 363) противопоставлены колоритные испанцы. Ожесточенно лающие собаки (2; 363), нападающие на прохо-

жих и разрывающие им шубы, контрастны величественным мулам, покорно служащим человеку.

Если говорить о внутреннем психологическом состоянии героев, то это болезнь, лихорадка, страх, тревога, нездоровье, сон. Сибирская провинция маркирована такими деталями как «ужасные воспоминания», смертельная болезнь, «невыносимая тоска» (2; 363), прошлое, тогда как Испания – страна мечты, поэзии, культуры человеческих отношений, в которых доминирует любовь. В итоге сибирский топос получает усиленную негативную оценку по принципу восходящей градации: «отвратительный городишка», «проклятый город», полный ненависти, тщеславия, зависти, сплетен, «гадких интриг» (2, 385), «смрад», словно дублируя характеристику Петербурга как города-ада (См. § 3.6).

Весьма примечательно, что писатель использует минус-прием, не называя названия испанских городов, словно проверяя эрудицию своих читателей, аналогично тому как сибирский провинциальный городок повести «Дядюшкин сон» имеет условное название – Мордасов.

Ироническое продолжение моды на Испанию встречаем и в романе «Село Степанчиково...», где вновь фигурирует Малага, но уже не как чудесный остров, а только сорт редкого десертного вина. В пятой главе второй части под названием «Фома Фомич созидает всеобщее счастье» приживальщик разрешает Ростаневу жениться на Настеньке. Причина такого благополучного исхода в том числе и в алкогольном опьянении Фомы, которое и создает благодушное настроение и расположение героя и в конечном итоге приводит к всеобщему счастью. Так, даже при ироническом снижении Малага обладает чудесным действием избавления от болезней: не позволяет вымокшему Опискину простудиться и способствует соединению влюбленных. Если в повести «Дядюшкин сон» малага вызывала метафорическое опьянение – «необыкновенное впечатление на натуру поэтическую» (2; 327), то в следующем сибирском романе чуть не происходит вполне прозаическое опьянение блюстителя нравственности:

«–Ты у нас, Фома, ты в кругу своих! – вскричал дядя. – Ободришь, успокойся! И, право, переменял бы ты теперь костюм, – Фома, а то заболеешь... Да не хо-

чешь ли подкрепиться – а? так, эдак... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтоб согреться...

– Малаги бы я выпил теперь, – простонал Фома, снова закрывая глаза.

– Малаги? Навряд ли у нас и есть! – сказал дядя, с беспокойством смотря на Прасковью Ильиничну.

– Как не быть! – подхватила Прасковья Ильинична, – целые четыре бутылки остались, – и тотчас же, гремя ключами, побежала за малагой, напутствуемая криками всех дам, облепивших Фому, как мухи варенье. Зато господин Бахчеев был в самой последней степени негодования.

– Малаги захотел! – проворчал он чуть не вслух. – И вина-то такого спросил, что никто не пьет! Ну, кто теперь пьет малагу, кроме такого же, как он, подлеца?» (3; 145).

Этот эпизод повести отсылает к рассказу И.И. Панаева о встрече Н.В. Гоголя с молодыми петербургскими писателями на квартире А.А. Комарова в 1848 г. Несмотря на особенно вкусный ужин и желание хозяев угодить дорогому гостю, тот от всего отказывался.

«– Чем же Вас угощать, Николай Васильевич? – сказал наконец в отчаянии хозяин дома. – Ничем – отвечал Гоголь. – Впрочем, дайте мне рюмку малаги. Одной малаги именно и не находилось в доме. Было уже около часа, погреба все закрыты... Однако хозяин послал людей, чтобы они нашли малагу. Но Гоголь, сказав о своём желании, через четверть часа объявил, что он чувствует себя не очень здоровым и поедет домой. – Сейчас подадут малагу, – сказал хозяин дома, – подождите немного. – Нет, мне не хочется, и уже поздно... Хозяин дома, однако, умолил его подождать малаги. Через полчаса бутылка была принесена. Он налил себе полрюмочки, попробовал, взял шляпу и уехал, несмотря ни на какие просьбы...» [Панаев, 1952, с. 219].

Вероятно, что Достоевский слышал об этой истории с малагой от самого И.И. Панаева или других очевидцев¹³¹. По мнению Н.В. Берга, «трудно предста-

¹³¹Ю.Э. Маргулиес считает, что Достоевский лично присутствовал на встрече с Н.В. Гоголем [Маргулиес, 1963], что не подтверждается другими данными. Писателю могли быть известны воспоминания очевидцев и другие ис-

вить себе более избалованного литератора и с большими претензиями, чем был то время Гоголь. <...> приближенные <...> окружали его неслыханным, благоговейным вниманием» [цит. по: Тынянов, 1977, с. 217]. Ю.Н. Тынянов посредством тщательного стилистического и биографического анализа доказал, что «Опискин, – характер пародийный, материалом для пародии послужила личность Гоголя; речи Фомы пародируют гоголевскую «Переписку с друзьями» [Тынянов, 1977, с. 213-214].

В эпизоде угощения Опискина Достоевский меняет финал. У заботливой Прасковьи Ильиничны к всеобщему изумлению «целых четыре бутылки осталось» (3; 145), что создает картину усадебного рая, в котором есть все, даже вино редких сортов. Уточним, что малага – лучшее натуральное десертное вино Испании, производимое в Восточной Андалузии и издавна вывозимое через порт Малагу, от которого и получило свое название. Фактически под названием «малага» фигурировало три различных вида вина из андалузского винограда: «Маэстро ди Малага», «Вино де Колор» и «Лакрима-малага». Как и все знаменитые вина, малага уже с середины XIX в. стала предметом подделки как в самой Испании, так и в Германии. В частности, известен такой факт: Испания закупала русскую водку для крепления малаги, вывозимой из страны, в том числе и в Россию [Энциклопедия кулинарного искусства..., URL].

Возможно, что Опискина потчевали и сибирской подделкой. По воспоминаниям супруги английского путешественника и художника Ш.Л. Аткинсон, в гостинице двора Барнаула можно было приобрести английский портер, шотландское пиво, французские вина, портвейн, херес и мадеру – «самый экстраординарный набор товаров» [Аткинсон, 2013, с. 22]. Более того, в письмах мемуаристка описывает забавный случай «изготовления» заграничного вина богатым купцом, которого срочно потребовал к себе начальник Алтайских заводов. Его жену это так напугало, что «она призналась, что муж в подвале делает вино портвейн. Купец

точники, например, в 1854 г. вышел написанный П.А. Кулишом «Опыт биографии Гоголя», в 1856-1857 гг. – «Собрание сочинений и писем» под редакцией П.А. Кулиша (ПСС₂ 3: 578).

строго наказал, чтобы никто не мешал ему во время этой процедуры» [Атикнсон, 2013, с. 22].

То, что Фома Фомич просит выпить именно малаги как экзотического вина, с одной стороны, должно подчеркнуть его значительность как гостя. С другой стороны, важно, что история с Малагой в романе Достоевского имеет пародийное продолжение. Если Н.В. Гоголь попробовал, выпил полрюмочки и уехал к радости всех собравшихся, уставших от его тирании, то Фома в этой сцене так и не выпил вина, иначе бы разоблачение лицемерного проповедника нравственности было бы очевидным. «Генеральша бросилась было к нему с бутылкой малаги в руках, которую она только что перед этим вырвала из рук воротившейся Прасковьи Ильиничны, но Фома величественно отвел рукой и малагу и генеральшу» (3; 149). Возможно, это произошло по причине того, что он услышал замечание Бахчеева: «Ну, кто теперь пьет малагу, кроме такого же, как он, подлеца?» (3; 145). И как следствие, действие продолжается патетическим монологом пророка и философа Фомы об «утраченной невинности» и «золотом детстве», завершающимся неожиданным согласием на брак. Комизм положения (приживальщик и бывший шут благословляет рождение семьи хозяина) Достоевский усиливает неожиданным финалом сцены: полковник и Настенька испрашивают согласия на свадьбу на коленях перед генеральшей «с разинутым ртом и с бутылкой малаги в руках» (3; 150). Карнавальная подмена высокого низким завершается догадкой вдовы Перепелицыной, вспомнившей о необходимости благословения молодых иконой. Так бутылка редкого «заморского» вина в руках матери семейства заменяется образом Спасителя. И только после этого радостные обитатели усадьбы пьют шампанское. Алкогольный код юмористически и неожиданно завершает конклавную сцену в романе Достоевского. Далее следуют хорошо подходящие к «фуршетному» жанру истории: поздравление и свадебный подарок Татьяны Ивановны – приданное для Настеньки в размере тридцати тысяч, анекдот о сне про белого быка и вознаграждение искренности мальчика сахаром в честь радостного события. Наконец венчает главу и роман в целом появление ученого Коровкина в состоянии алкогольного опьянения, который просит без него «не начинать» (3; 157).

Здесь Достоевский пародирует традиции свадебного обряда с его игровой стороной, предполагающей наличие «свадебных чинов» и заданным традицией сценическим характером роли. Важно, что такая обрядовая игра не имела строго фиксированных текстов, а предполагала импровизацию. Жених назывался «князем», невеста – «княгиней», самый почетный гость – «тысяцкий», следующие почетные гости – «большой боярин» (или «барин») и «меньшой боярин», затем дружка(и) и подружки, остальные гости. Первым гостем на свадьбе традиционно был тысяцкий, самый уважаемый человек, по сути, устроитель свадьбы, не только знавший обряд, но и умевший заговаривать от болезней и «злых чар». Он отвечал за устройство всего обряда, включая нравственную чистоту невесты и угощение гостей. В ходе бранья жених кланялся в ноги выбранному тысяцкому и подавал ему стакан вина. Тысяцкий брал невесту за руку, подводил к столу и сажал рядом с женихом. По окончании стола дружка трижды просил: «Батюшка, матушка, благословите нашу молодую княгиню с молодым князем под злат венец встать, закон божий принять». Отец и мать невесты вкладывали правую руку дочери в руку жениха, благословляли их иконой, хлебом-солью и приговаривали: «выбрала молодца, не пеняй на отца!»

Очевидно, что в романе Фома Фомич претендует на роль тысяцкого, но в несколько трансформированном варианте, совмещая роль священника и отца: беспокоится о нравственности невесты, передает ее руку жениху, просит матушку благословить брак и в полном соответствии с обрядом нуждается в алкогольном подношении. «Но самым первым, самым главным человеком был, разумеется, Фома Фомич. За ним ухаживали; его носили на руках. Но как-то случилось, что его один раз обнесли шампанским. Немедленно произошла история, сопровождаемая упреками, воплями, криками. Фома убежал в свою комнату, заперся на ключ, кричал, что презирают его, что теперь уж «новые люди» вошли в семейство, и потому он ничто, не более как щепка, которую надо выбросить. Дядя был в отчаянии; Настенька плакала; с генеральшей, по обыкновению, сделались судороги... Свадебный пир походил на похороны» (3;163).

Этот свадебный эпизод маркирует, что Фома не может смириться с тем, что главное внимание на торжестве будет уделено не ему, а молодым, точно также как ранее он пытался «украсть» день рождения у Илюши, узурпируя главную роль в семье и не позволяя никаких иных праздников. Его манипуляция снова строится на сильной несправедливой и незаслуженной обиде, временном охлаждении, исчезновении и т.д., повторяя сценарии эпизода именованного «Ваше превосходительство», «изгнания» и др. Достоевский акцентирует несоответствие причины (обнесли шампанским) и следствия, когда ничтожный повод приводит к непропорциональной по силе обиде. Такое поведение Опискина по сути превращает свадьбу в похороны – другой, контрастный обряд семейно-бытового обрядового комплекса. Пристрастие Фомы Фомича к подобным сценам намеренного скандала, необходимость питья хмельного для блюстителя нравственности добавляет еще одну, довольно значимую деталь к образу домашнего тирана, лицемерного приживальщика, который требует к себе внимания любой ценой.

Кроме того, эпизод с малагой коррелирует по контрасту со стихотворением «Осада Памбы»¹³² – пародийным «романсеро» Козьмы Пруткова, которое читает наизусть в день своих именин маленький сын Ростанева Илюша. В этом стихотворении повествуется о том, как девять тысяч кастильцев девять лет безуспешно осаждают мавританский замок Памбу по причине обета питаться одним молоком. В результате в живых остается только девятнадцать человек. Располагая рядом эти эпизоды, Достоевский ставит проблему истинной и ложной добродетели.

«– Экой фофан! Чем утешается, – прервал опять дядя, – что девять лет молоко пил!.. Да какая это добродетель? Лучше бы по целому барану ел, да людей не морил!» (3; 133), – возмущен подполковник Ростанев, сам находящийся в «плёну» Опискина – гордого и тщеславного «святого», борца за добродетель, способного «отобрать» день именин у ребенка и препятствовать женитьбе «хозяина» на любимой девушке.

¹³² Стихотворение Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем» было опубликовано в журнале «Современник» 1854 № 2, а «Осада Памбы» – в № 3 за этот же год (2; 517).

Продолжением испанской темы в романе является образ Татьяны Ивановны, в котором Достоевский сатирически показал последствия некритического, бездумного увлечения Испанией в форме стереотипных клише. Писатель пародийно развенчивает романтический идеал девушки, верящей в большую красивую любовь. «Татьяна Ивановна не рассуждала, а верила. Но в ожидании его, идеала – женихи и кавалеры разных орденов и простые кавалеры, военные и статские, армейские и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшие в Париже и бывшие только в Москве, с бородками и без бородок, с эспаньолками и без эспаньолок, испанцы и неиспанцы (но преимущественно испанцы), начали представляться ей день и ночь в количестве, ужасающем и возбуждавшем в наблюдателях серьезные опасения; оставался только шаг до желтого дома. Блестящую, упоенную любовью вереницей толпились около нее все эти прекрасные призраки. Наяву, в настоящей жизни, дело шло тем же самым фантастическим порядком: на кого она ни взглянет – тот и влюбился; кто бы ни прошел мимо – тот и испанец; кто умер – непременно от любви к ней» (3; 121).

Сарказм писателя заключается в том, что Татьяна Ивановна – уже немолодая, а скорее старая дева с «чувствительным сердцем», внезапно получившая наследство. Иная, прозаическая реальность очевидна всем, кроме нее самой. Героине остается «шаг до желтого дома» – вот результат «опиума таинственных, непрерывных мечтаний!» (3; 120). Ее образ создается с безусловной ориентацией на стихотворение Козьмы Пруткова «Желание быть испанцем», лирический герой которого воображает себя в Андалусии под окном у прелестной девушки:

*Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару. <...>*

*Погоди, прелестница,
Поздно и рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана! <...>*

*И на этом месте,
Если вы мне рады, –
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.*

*Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире* [Толстой, 1984, Т. 1 с. 313-314].

Этот текст не включен в произведение целиком, а словно раздроблен на аллюзии. Именно литературный характер увлечения Испанией с «манией к амурным делам» и обыгрывает в повести Достоевский. Характер Татьяны Ивановны едко и проницательно угадывает один из недостойных женихов с говорящей фамилией Мизинчиков, в погоне за богатством планирующий свадьбу убогом: «На вздохи, на записочки, на стишки вы ее тотчас приманите; а если ко всему этому намекнете на **шелковую лестницу, на испанские серенады** и на всякий этот вздор, то вы можете сделать с ней все, что угодно. Я уж сделал пробу и тотчас же добился **тайного свидания**. Впрочем, теперь я покамест приостановился до благоприятного времени. Но дня через четыре надо ее увезти, непременно. Накануне я начну подпускать лясы, **вздыхать**; я недурно **играю на гитаре и пою**. **Ночью свиданье** в беседке, а к рассвету коляска будет готова» (3; 97).

Таким образом, топос Испании в сибирских произведениях Достоевского предстает не столько как географическая категория, сколько как психологическое пространство личности, как миф и символ. Этнографическая экзотика испанского мира противопоставлена реалиям сибирской провинции и является для героев символом искушения иной жизнью. Существенной особенностью поэтической организации сибирских текстов является не только повторяющаяся территориальная антитеза «Сибирь – Испания», но и дублирование любовных историй и расстановка персонажей. Любовный квадрат «Зина – Вася – князь К. – Мозгляков» в повести «Дядюшкин сон» не разрешается и не приводит к браку ни с одним из претендентов. У Татьяны Ивановны, образ которой является пародией на красавицу Зину, уже четыре соискателя: Ростанев, Сережа, Обноскин, Мизинчиков, два последних в погоне за деньгами плетут интриги со свадьбой убогом. Любовный сюжет вновь завершается прозрением, возвращением героини с «испорченной» репутацией. Так Достоевский разоблачает последствия увлечения чуждым и ухо-

да от родного и исконного. Результаты увлечения Испанией оказываются бытовыми и крайне прозаическими: опьянение, расстройство свадьбы, смерть.

4.7 Топографические перекрестки: образ Германии в сибирских произведениях Достоевского

Тема взаимосвязи Достоевского и Германии широка и многоаспектна. Наиболее исследован биографический аспект, связанный с путешествиями писателя в Европу в 1862, 1863, 1865, 1867 и 1879 гг. (А.С. Долинин [Долинин, 1989], С.В. Белов [Белов, 1990], К. Nielscher [Nielscher, 1999] и др.¹³³). Другой, не менее интересный, – немецкая литература и философия как один из источников творчества Достоевского. Так, ученых особенно интересовало влияние Ф. Шиллера (Н. Вильмонт [Вильмонт, 1984], Ю. Данилевский [Данилевский, 2013], Kim R. Humiston [Humiston, 1987], С. Schulz [Schulz, 1992], И.И. Евлампиев [Евлампиев, 2012] и др.), Г. Гейне (В. Комарович [Комарович, 1916]), И.В. Гете (Г.К. Щенников [Щенников, 1996], И.З. Серман [Серман, 1997], А. Ковач [Ковач, 1997], Э.М. Жилиякова [Жилиякова, 1997]), И. Канта (Я.Э. Голосовкер [Голосовкер, 1963], О. Осмоловский [Осмоловский, 1999]), Ф. Шеллинга (В.Н. Белопольский [Белопольский, 1987] и др.), И. Фихте (И.И. Евлампиев [Евлампиев, 2012]) на формирование индивидуальности и нарративных стратегий русского писателя. Многие исследователи изучали и обратное влияние: метатекста Достоевского на развитие немецкой литературы, философии, культуры в целом (В.В. Дудкин [Дудкин, 1994], К.М. Азадовский [Дудкин В.В., Азадовский, 1973], О.А. Богданова [Богданова, 2012], Н.-J. Gerigk [Gerigk, 2004, 2000] и др.). Интегрирующую функцию в этом направлении исследований выполняет Немецкое общество Достоевского. Продуктивными являются имагологические исследования, созданные в междисциплинарном диалоге, на стыке истории, социологии, культурологии, географии,

¹³³ Здесь важно заметить, что биографический аспект разработки этой темы не ограничивается путешествиями писателя по Европе, а включает также такие обстоятельства-стимуляторы, как осмысление двухсотлетней германоязычной культурной экспансии в России, с юных лет творчески впитываемый эстетический опыт немецкого искусства, владение немецким языком и приход в семью Достоевских Эмилии Дитмар, ревельской немки, жены М.М. Достоевского [Владимирцев, 2007, с. 170].

литературоведения, сравнительно-исторического языкознания, философии культуры.

В таком геокультурном, геопозитическом аспекте особенно интересным представляется именно немецкая тема русской литературы. Во-первых, Россия со времен Петра I получила «прививку» немецкой культуры. Из Германии прибыло большое количество мигрантов, в основном представители интеллектуальной и культурной элиты (наука, медицина, образование, театр). По словам С.В. Оболенской, «ни с одним из европейских народов русские не имели, начиная с XVIII в., такого тесного и даже отчасти “домашнего” соприкосновения, как с немцами» [Оболенская, 2000, с. 10]. Во-вторых, А.Б. Криницын справедливо акцентирует родство русского и немецкого менталитетов, особую геополитическую близость, типологическое сходство культурного развития, культурную гомогенность России и Германии [Криницын, 2008, с. 178-179]. В-третьих, в России в XIX в. наблюдается рост национального самосознания, осмысления места страны в мировой истории. Соответственно «многочисленные и разнообразные контакты русских с немцами не могли не войти в качестве сущностного компонента в реальность художественных произведений. Со временем образовался более или менее устойчивый комплекс неких стереотипных черт, маркируемых конвенциональной литературной “немецкостью”» [Константинова, 2014, с. 126]. Так, уже в романтической литературе образ немца – зачастую бытовой типаж, «идеальный» филистер, квинтэссенция мещанской пошлости: «расчетливость, переходящая в скупость, аккуратность, переливающаяся в педантизм» [Оболенская, 2000, с. 42]. В реалистической литературной традиции (Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский) продолжена сатирическая традиция создания образов немцев путем гиперболизации черт их характера: точность, расчетливость, педантизм, планирование за полгода, сентиментальность и т.д. [Буткова, 2001, с. 15].

Тема Германии в произведениях Достоевского рассматривалась Н.В. Бутковой, В.П. Владимирцевым, Н.В. Константиновой, Р. Кидера, П.В. Алексеевым, Э. Биллиетом, С.С. Ждановым и др. В процессе подготовки «Словаря языка Достоевского» анализируя реалии культуры, истории и быта Гер-

мании, Р. Чаппл приходит к выводу, что интерес писателя к немецкой культуре «прослеживается с первых до последних произведений, начиная с «Бедных людей» и кончая «Братьями Карамазовыми», однако «в разные годы его интересуют неодинаковые ее тенденции» [Чаппл, 1992, с. 254]. В подтверждение своей точки зрения, ученый приводит следующую частотную таблицу:

Произведение	Дата издания	Число ссылок
«Бедные люди»	1846	1
«Белые ночи»	1848	3
«Чужая жена и муж под кроватью»	1848	1
«Маленький герой»	1857	2
«Дядюшкин сон»	1859	3
«Униженные и оскорбленные»	1861	12
«Записки из подполья»	1864	1
«Преступление и наказание»	1866	4
«Игрок»	1866	1
«Идиот»	1868	5
«Вечный муж»	1870	2
«Бесы»	1871—1872	9
«Подросток»	1875	8
«Кроткая»	1876	5
«Братья Карамазовы»	1879	18

[Чаппл, 1992, с. 254].

Комментируя данные, Р. Чаппл пишет: «12 из 22 упоминаний немецких реалий найдены в одном произведении – «Униженные и оскорбленные», где значительная часть фабульной истории героев разворачивается в Западной Европе. Можно с достоверностью утверждать, что интерес Достоевского к немецкой культуре зрел одновременно с его творчеством в целом» [Чаппл, 1992, с. 254]. Однако данные Р. Чаппла нуждаются в уточнении, в частности, вне поля зрения остался роман «Село Степанчиково и его обитатели», и в «Дядюшкином сне» немецких артефактов гораздо больше, чем три. Поэтому в указанном контексте сибирские произведения писателя видятся недостаточно изученными. Темы образов Германии касался М. Гиголашвили и вскользь Р. Чаппл, хотя она нуждается в более тщательной и подробной разработке. На наш взгляд, рецепция немецкой культуры в творчестве Ф.М. Достоевского до его посещения Германии (первый раз в 1862 г.) представляется наиболее интересной, поскольку позволяет осмыслить, как в художественном творчестве создается мифологема немецкой культуры, основанная не на индивидуальном опыте личности, а базирующаяся на стереотипных клишированных представлениях о стране и литературных претекстах.

Эта тема логично вытекает из биографического контекста. Первое письмо Достоевского, адресованное брату Михаилу (30 января – 22 февраля 1854 г.) из Омска, рассказывает о пережитом, в нем ссыльный писатель выражает стремле-

ние скорее вернуться в литературу акцентирует свою насущную потребность в книгах: «Если можешь, пришли мне журналы на этот год, хоть „Отечеств<енных> записок“. Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно) историков древних (во французск<ом> переводе) и новых, экономистов и отцов церкви. <...> Знай только, что самая первая книга, которая мне нужна, – это **немецкий лексикон**» (28-1; 172). В этом же письме Достоевский просит прислать и немецких философов: «Пришли мне Коран, “**Critique de raison pure**” **Канта** и если как-нибудь в состоянии мне прислать неофициально, то пришли непременно *Гегеля*, в особенности **Гегелеву “Историю философии”**. С этим вся моя будущность соединена!» (28-1; 173). Старший брат откликнулся на просьбу и выслал книги через Е.И. Якушкина, но тот, узнав, что посылку нужно передать политическому ссыльному, вовсе отказался от получения посылки, и она потерялась на почте (28-1; 460). Поэтому уже 27 марта 1854 г. Ф.М. Достоевский вторично обращается к брату Михаилу с просьбой о книгах: «Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т.д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и **немецкий лексикон**» (28-1; 179). Для нас эти письма служат источником реконструкции круга чтения Достоевского в Семипалатинске. Кроме того, планы автора в отношении «духовной пищи» (28-1; 179) можно конкретизировать из письма А.Е. Врангеля отцу от 2 апреля 1854 г.: (с Достоевским. – *Е.С.*) «...я занимаюсь ежедневно, и теперь будем переводить Философию Гегеля и Психию Каруса. Он человек весьма набожный, болезненный, но воли железной. Узнайте, добрый папенька, Бога ради, не будет ли амнистии» [Врангель, 1912, с. 34]. Уточнить и реконструировать семипалатинские творческие планы писателя помогают и воспоминания А.П. Милюкова, который наряду с М.М. Достоевским, участвовал в пересылке журналов и книг в Сибирь. В воспоминаниях мемуариста содержится ценное указание на возможную цель Ф.М. Достоевского: «...задумывал какое-то философское сочинение...» [Достоевский в воспоминаниях..., Т. 1, с. 274]. После долгого перерыва писатель стремится вернуться к интенсивной интеллектуальной работе, одной из предпосылок ко-

торой являлось чтение на иностранных языках. Подчеркнем, что Германия, немецкий язык и философия воспринимались автором как основание, предпосылки и источники творчества.

Скорее всего, М.М. Достоевский выслал брату «Немецко-русский словарь» И.Я. Павловского, который вышел в 1854 г. Это издание содержало более 160 тысяч слов немецкого языка, широко охватывающих литературную и общеупотребительную лексику, просторечную, диалектную, а также широкий пласт терминологии. Очень долгое время словарь оставался настольной книгой всех переводчиков немецкоязычной литературы, как художественной, так и научной.

Однако, логично предложить, что чтение Гегеля и изучение немецкого в Сибири для Достоевского осталось только неосуществленным желанием. Н.Н. Страхов позднее свидетельствовал, что Ф.М. Достоевский подарил ему книгу Г. Гегеля с неразрезанными страницами: «В то время я занимался зоологию и философию и потому, разумеется, прилежно сидел за немцами и в них видел вождей просвещения. У литераторов оказалось другое; все они очень усердно читали французов и были равнодушны к немцам. Всем известно было, что М.М. Достоевский составляет исключение, владея немецким языком так, чтобы читать на нем и делать переводы. Федор же Михайлович хотя, конечно, учился этому языку, но, как и другие, совершенно его забросил и до конца жизни читал только по-французски. В ссылке он, как видно, предполагал взяться за серьезные занятия и просил брата выслать ему историю философии Гегеля в подлиннике; но книга осталась нечитанною, и он подарил ее мне вскоре после первого знакомства» [Достоевский в воспоминаниях..., 1990, Т. 1, с. 378]. В первом номере журнала «Светоч» за 1860 год была напечатана статья Н.Н. Страхова «Значение Гегелевой философии». По признанию ее автора, он принадлежал к кружку, «для которого верхом образования было *понимать Гегеля и знать Гете наизусть*» [Достоевский в воспоминаниях..., 1990, Т. 1, с. 379]¹³⁴.

К тому же, охватившая А.Е. Врангеля пылкая любовь к Е.И. Гернгросс и мучительное чувство Достоевского к М.Д. Исаевой явно не способствовали перево-

¹³⁴ Благодарю В.Н. Захарова, который обратил мое внимание на этот источник.

ду или написанию философских сочинений. Но, вероятно, что присланная во французском переводе «Критика чистого разума» И. Канта не только была основательно прочитана Достоевским, но и более того, послужила одним из источников сатирического образа философа в повести «Дядюшкин сон». Судя по всему, в Сибири не велики были и результаты в продвижении изучения немецкого языка, основательно подзабытого в условиях Омского острога. В повести «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково и его обитатели», возможно, отразилось ироническое отношение писателя к самому себе и немецкому языку, который не поддавался изучению, несмотря на наличие присланного братом русско-немецкого словаря.

На основании писем Достоевского и мемуарных свидетельств можно сделать вывод, что автор владел немецким языком. Пик увлечения в юношеском возрасте Э.Т.А. Гофманом заставляет Ф.М. Достоевского читать непереуведенный тогда роман «Житейские воззрения кота Мурра» в оригинале, о чем он с долей самолюбования и небольшой обидой пишет 9 августа 1838 г. старшему брату, который прекрасно знал немецкий: «Я сам читал в Петергофе по крайней мере не меньше твоего. Весь Гофман русский и немецкий (то есть непереуведенный «Кот Мурр»), почти весь Бальзак (Бальзак велик! Его характеры – произведения ума вселенной!» (28-1; 51). Позднее Федор Михайлович редактировал переводы старшего брата из Шиллера и Гете на русский язык. Но за время заключения и каторги, в отсутствии практики иностранный язык подзабылся и уровень владения вероятно находился на среднем уровне (приблизительно A_2-B_1).

В сибирских произведениях Достоевского образы Германии и немецкой культуры представлены неоднозначно, амбивалентно. С одной стороны, Германия – сердце Европы, сокровищница высших достижений науки, образования, философии, искусства, популярное место стажировок, повышения квалификации, особенно в области инженерных наук, кораблестроения, медицины и т.д. С другой стороны, благодаря частым научным и культурным связям, Германия казалась близкой, почти родной, вследствие чего ее образ с легкостью подвергался комическому снижению и обыгрыванию. В литературе к образу Германии обращались

А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Эту традицию сатирического снижения и осмеяния продолжает Достоевский.

Важно отметить, что в повести «Дядюшкин сон» и в романе «Село Степанчиково и его обитатели» воспроизводится не реальный топос, а создается мифологема Германии. Так, например, сатирически обыгрываются небольшие размеры страны по сравнению с огромной территорией Российской империи. Как остроумно замечает П.А. Мозгляков, у кучера князя К. Феофила «...борода с немецкое государство» (2; 318). В этом ироничном сравнении очевидна разница масштабов государств по географической площади. В этой шутке сосредоточен сарказм автора: как при такой очевидной разности масштабов стран Россия может слепо, бездумно подражать модным тенденциям времени, иногда прямо противоречащим здравому смыслу. Например, князь К. выписал из-за границы «...бороду кучерскую, – действительно, борода заглядение! Но оказывается, что у Феофила своя собственная чуть не в два раза больше. Разумеется, возникло недоумение: сбрить ли свою или присланную назад отослать, а носить натуральную? Я думал-думал и решил, что уж лучше носить искусственную» (2; 318). Тема бороды как знака «русскости» продолжена в реплике Москалевой о купце Бородуеве: «Я и всегда, впрочем, любила в нем всё это старинное русское, неподдельное...» (2; 339), а также в авторском акцентировании облика князя К., который «...носил парик, усы, бакенбарды и даже эспаньолку – всё, до последнего волоска, накладное и великолепного черного цвета» (2; 300).

Протест против господского произвола кучера с говорящим именем Феофил (греч. Θεόφιλος – любящий Бога) реализован в виде индивидуальной революции – перевернутой коляски с господином, что отменяет путешествие. При этом сам князь в дорожной «случайности» видит попытку покушения на убийство, но позднее, вслед за Мозгляковым, оценивает происшествие как анекдот. Петр Александрович, стремясь поразить слушателей в салоне Москалевой своей образованностью, называет случай спасения князя по дороге в Мордасов по-немецки: «Вот

и вся история! Eine allerliebste Geschichte!» (2; 306), что можно перевести как премилая или прелестная история¹³⁵.

Использование немецкого выражения в щекотливой ситуации демонстрирует не столько способность Мозглякова с юмором отнестись к неприятной ситуации или гуманность героя, готового всегда прийти на помощь, а скорее показывает, что столичный фронт твердо знает по-немецки лишь несколько фраз.

Германия представлена в повести «Дядюшкин сон» не только как законодательница мод. Достоевским иронически обыграны высокие стандарты немецкого образования, которое до сих пор считается лучшим в мире. В XVIII-XIX вв. оно пользовалось большим успехом среди русской дворянской молодежи, обучение было массовым и похожим на паломничество. С иронией об этом обстоятельстве биографии Ленского писал А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин»:

*В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал:
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,*

¹³⁵Отметим, что похожее выражение встречается и в повести «Крокодил», но с использованием транслитерации, в кириллице – «о мейн аллерлибстер Карльхен!» (5; 183). В Полн. собр. соч. это выражение (нем. Omeinallerliebster-Karlchen!) переводится как «мой милейший Карльхен» (5; 394). На наш взгляд, более точно на русский язык это можно передать как «о мой дорогой или самый любимый Карлуша!», поскольку суффикс -chen имеет уменьшительно-ласкательное значение (Ср. Гретхен от Маргаретта, Грета в поэме Гете «Фауст»). При этом важно, что у обоих героев (Мозгляков и немец) «приступ» нежности появляется в момент возможной потери. Фраза в контексте обретает дополнительные смыслы: «О мой крокодил, о мейн аллерлибстер Карльхен! Муттер, мутер, мутер!» (5; 183), что переводится как «О мой крокодил, о мой самый любимый Карлуша! Матушка! Матушка! Матушка», отсылая в фольклорной немецкой песенке «Ach, du lieber Augustin»:

O, du lieber Augustin, Augustin, Augustin,
O, du lieber Augustin, alles ist hin.
Geld ist weg, s' Mäd'l ist weg,
Alles weg, Augustin.

O, du lieber Augustin,
Alles ist hin.
<...>
Jeder Tag war ein Fest,
Und was jetzt? Pest, die Pest!
Nur ein groß' Leichenfest,
Das ist der Rest.

Augustin, Augustin,
Leg' nur ins Grab dich hin!
Oh, du lieber Augustin,
Alles ist hin!

Ох, милый Августин, Августин, Августин,
Ох, милый Августин, всё пропало.
Нет ни денег, ни девушек,
Всё прошло, Августин.

Ох, милый Августин,
Всё пропало.
<...>
Каждый день был праздник,
А теперь? Чума, чума!
Только большой праздник мёртвых,
Это конец.

Августин, Августин,
Ложись в могилу!
Ох, милый Августин,
Всё пропало!

Слова этой фольклорной песенки «Ach, du lieber Augustin», по наблюдению Р. Чаппла, также цитируются в оригинале («Mein lieber Augustin»), и в русской транслитерации («О мейн либер Августин») в романе «Униженные и оскорбленные» с целью осмеяния Генриха [Чаплл, 1992, с. 243].

*Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч*[Пушкин, 1837, Т. 1, с. 68–69].

Геттингенский университет имени Георга Августа, который окончил пушкинский герой, славится классическим гуманитарным образованием, духом свободы. Однако воспитанные в Alma Mater высокие идеалы Ленского становятся плодом сплетен провинциальных помещиков и являются, в какой-то мере, и причиной гибели влюбленного поэта.

Продолжая литературную традицию, Достоевский очень иронично относится к классическому немецкому образованию и достижениям философии, воплотившей цвет немецкой культуры. Так, престарелый князь К. вспоминает о молодости за границей: «Я и философии обучался в Германии, весь курс прошел, но только тогда же все совершенно забыл» (2; 315). Уточним, что во время молодости героя (начало –20 гг. XIX в.) преподавали, к примеру, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, И.К. Розенкранц, А. Тренделенбург, Ф. Шеллинг, Ф. Шлейермахер.

Еще одним объектом пародии писателя становится основоположник немецкой классической философии Иммануил Кант, преподаватель логики и метафизики, автор фундаментальных работ по гносеологии, этике и эстетике: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения», «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога», «Основы метафизики нравственности». Ему принадлежат философские категории категорического императива, трансцендентального идеализма, трансцендентального единства апперцепции, способности суждения, вечного мира. Философ преподавал в Кёнигсбергском университете в 1755-1795 гг. и даже занимал пост ректора. Учитывая преклонный возраст князя (около восьмидесяти лет), можно предположить, что он теоретически мог быть учеником Канта:

«– Скажите, дядюшка, вы учились логике? <...>

– Учился, друг мой, но только очень давно. Я и философии обучался в Гер-

мании, весь курс прошел, но только тогда же все совершенно забыл» (2; 315).

Фундаментальность и неприменимость к жизни немецкого классического образования саркастически высмеивается через сопоставление философа с образом слуги Терентия, который «Глуп фе-но-менально! смотрит, как баран на воду! Но какая са-но-витость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! Ну, а – ведь это в белом галстухе и во всем параде составляет эффект. Я душевно его полюбил. Иной раз смотрю на него и засматриваюсь: решительно диссертацию сочиняет, – такой важный вид! одним словом, настоящий немецкий философ Кант или, еще вернее, откормленный жирный индюк» (2; 313).

Бесспорно, что изображение Терентия имеет карикатурный характер. По одной этой фразе можно сделать выводы о степени воспитанности князя и уровне его остаточных знаний. Поразительна способность героя сопоставлять, точнее, хаотично объединять, казалось бы, абсолютно несопоставимые вещи. Р.Х. Якубова видит в этой способности князя выражение карнавальной культуры, стремление перевернуть «вверх» и «низ», ярмарку, балаган [Якубова, 2000, с.134]. Но в этом неожиданном сближении артефактов можно увидеть также пародийно осмеянный принцип романтической иронии, когда высокая духовная идея пародийно отражается, дублируется в мире филистеров. В сравнительном литературоведении неоднократно отмечалось, что Достоевский – верный ученик Гофмана (Л.П. Гроссман, С.И. Родзевич, Т.Л. Шумкова). «Если Гофман был мастером в искусстве сливать сказочное с самым обыденным, то Достоевский обладал искусством сочетать внутренний трагизм, фантастическое, как миражи „я“, вышедшего за пределы нормального сознания с будничным, внешним миром. Самое сочетание противоположностей, контрастов, как прием, как литературная манера, могло быть у Достоевского и результатом влияния литературной манеры Гофмана и природной его писательской особенностью» [Родзевич, 1917, с. 44]. Сходными оказываются и нарративные принципы авторов: «комизм обнаруживается обоими писателями и там, где они касаются явлений обыденных и, устав от анализа душевных состояний своих героев, дают простор своей иронии и остроумию в изображении буд-

ничной жизни и слишком нормальных, слишком серых людей» [Родзевич, 1917, с. 37].

Поэтому комическое сопоставление Достоевского, кажущееся на первый взгляд нелепым, имеет под собой серьезные основания, демонстрируя «глубину» сарказма, доходящего до гротеска. Кроме того, можно предположить, что Достоевский обыгрывает и некоторые любопытные подробности бытовой жизни философа. По мысли А.Н. Круглова, «...Кант был и остается героем и антигероем русской литературы. Его присутствие в ней столь велико, что литературная кантиана представляет собой краткий абрис истории русской литературы» [Круглов, 2012, с. 2].

У Канта есть трактат «Религия в пределах только разума», в котором идет речь о вариативности соотношения в человеке природно-биологического и когнитивно-социального. Другими словами, «масштаб» личности человека определяется его способностью духовного роста и доминированием одного из трех уровней.

1. «Задатки животности человека как живого существа.
2. Задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного.
3. Задатки его личности как существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки» [Кант, 1980, с. 96].

Сатирическое снижение и обыгрывание этой философской идеи Канта происходит в романе «Житейские воззрения кота Мурра» Э.Т.А. Гофмана, который также жил в Кенисберге и был учеником философа, что подробно исследовал Л.А.Калинников [Калинников а, б, в, 2012]. Напомним, что роман «Житейские воззрения кота Мурра» по собственному признанию Достоевского был прочитан им в семнадцатилетнем возрасте на немецком языке (28-1; 51).

На наш взгляд, Достоевский проявляет интерес к этой книге философа. С другой стороны, в сопоставлении величайшего философа с индюком «просвечивают» некоторые интересные подробности бытовой жизни Канта.

Известно, что Кант не обладал красивой внешностью, был низкого роста, имел узкие плечи и впалую грудь¹³⁶. В его доме всегда было прохладно – не более 15 градусов, потому что он считал необходимым держать голову и ноги в холоде для сохранения здоровья.

Кант всегда был обаятелен и элегантно одет. В молодости у него даже было прозвище «элегантный магистр»¹³⁷. «К моде Кант относился снисходительно, называя ее делом тщеславия, но говорил: «Лучше быть дураком по моде, чем дураком не по моде» [Гулыга, 1994, с. 66]. Он исправно посещал портного и парикмахера, с тщательностью и педантичностью относился к мельчайшим деталям своего туалета. Однажды Кант даже потерял мысль и логику лекции, когда увидел беспорядок костюма его студента. Преподаватель имел привычку во время чтения лекции избирать одного студента с первого ряда в качестве объекта наблюдения, чтобы по его лицу понимать реакцию аудитории на свои слова. У этого студента на сюртуке отсутствовала пуговица. Эта погрешность костюма молодого человека до такой степени нарушила спокойствие Канта, что он был рассеян, сбивался и читал хуже обычного [Гулыга, 1994, с. 91], [Сердцева, 2014, 69]

Пожалуй, самым юмористическим фактом в бытовой жизни Канта является то, что выдающийся философ был редким гурманом, превращавшим еду в культ. Кант никогда не обедал в одиночестве, а был гостеприимным хозяином. Он считал, что число сотрапезников должно быть от трех до шести, чтобы беседа была приятной и всеобщей [Гулыга, 1994, с. 167], [Сердцева, 2019, с. 20].

Он был далеко не занудой в университетской аудитории: читал лекции медленно, разбавляя свои философские идеи юмором. «Знакомый с Кантом по работам и лекциям, – утверждает Яхман, – знает его лишь наполовину: полностью мудрец раскрывался в кругу собеседников» [цит. по: Гулыга, 1994, с. 168]. За столом разговор превращался в игру, в которой нельзя допускать тяжести тишины. За столом также важны умение поддержать беседу со всеми на любую те-

¹³⁶ Автор биографии мыслителя в серии «Жизнь замечательных людей» А.А. Гулыга выражается более откровенно и точно: «Кант был низкого роста – 157 см и тщедушного телосложения» [Гулыга, 1994, с. 65].

¹³⁷ В другом переводе прозвище юного философа звучит немного иначе. «В памяти современников Кант сохранился не только как „маленький магистр“, но и «галантный магистр» [Гулыга, 1994, с. 66].

му, владеть аудиторией, выслушивать собеседника, примирять дебаты шуткой. Такова «эстетика разговора» [Гулыга, 1994, с. 168].

Философ, одержимый идеей здорового образа жизни, позволял себе только одну трапезу в день. Обед был достаточно обильным, с хорошим вином и продолжался с 13.00 до 15.30. «Он ел не просто с аппетитом, но с наслаждением, – вспоминал один из гостей Канта (вероятно, не подозревавший, что у хозяина сутки до этого во рту не было ни крошки). На его лице читалось вожделение; выразительные взгляды, которые он бросал то на одно блюдо, то на другое, говорили о том, что в этот момент он целиком человек застолья» [Гулыга, 1994, с. 168]. Кант действительно любил вкусно поесть, понимал толк в приготовлении пищи и был не прочь порассуждать на эту тему. Хиппель уверял, что Кант намеревался написать «Критику кулинарного искусства» [Гулыга, 1994, с. 169].

Отказавшись от первоначальной идеи перевода философского сочинения, Достоевский, как можно предположить, создает едкую пародию не только на личность, но и на философское учение Канта, соединяя и переворачивая в комическом образе кантианскую концепцию ступеней развития человека. Высшая ступень развития индивидуума – это существо разумное и вместе с тем способное отвечать за свои поступки. Это сам великий немецкий философ Кант с его категорическим императивом. Вторая ступень развития индивидуума – задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного – представлена в образе Терентия, который «Глуп фе-но-менально! смотрит, как баран на воду! Но какая са-но-витость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! Ну, а – ведь это в белом галстуке и во всем параде составляет эффект. Я душевно его полюбил. Иной раз смотрю на него и засматриваюсь: решительно диссертацию сочиняет...» (2; 313). Низшая ступень развития индивидуума – это задатки животности, доминирование в человеке природно-биологического – «...такой важный вид! <...> откормленный жирный индюк» (2; 313). Приемы нисходящей градации и оксюморона создают мощный пародийный эффект, низводя создателя немецкой идеалистической философии, автора категории чистого разума до жирного индюка. В этом образе воплощен сарказм писателя, аналогичный той едкой

иронии в романе «Братья Карамазовы», когда сам черт не уверен в существовании Бога и дьявола (четвертая антиномия Канта) [Голосовкер, 1963, с.67-68].

Отметим, что индюк (*Meleagris gallopavo* Linnaeus) производит впечатление важной, самодостаточной птицы, которая с чувством собственного достоинства осуществляет незамысловатую деятельность. Первоначальное название – индейский петух. У индюка всегда шея и ноги красного цвета, и сама птица имеет нарядный вид. В отличие от других пернатых индюк хорошо переносит холод.

Кроме того, в русском языке есть пословица «Надулся как индюк (индейский петух)», которую используют по отношению к заносчивому, надменному, гордому человеку, имеющему напыщенный и глупый вид. Выражение имеет помету разговорно-сниженное и бранное. Словарь Даля фиксирует и выражение «думает как индейский петух» [Даль, 1881, т. 2, с. 45]. То, что князь намекает на такие выражения в светском обществе, стремясь произвести впечатление на дам искрометностью своего юмора, напротив, обнажает изъяны его образования и манер. Кроме того, он использует разговорно-сниженные или диалектные формы слов: галстух, бакены, мамзель и т.д. В то же время по контрасту имя слуги Терентия происходит от лат. *teres* – вежливый, утонченный. По второй версии имя Терентий от лат. *terens* – трущий, назойливый.

Возможно, что к биографии Канта, точнее его одиночеству, восходит следующий эпизод повести: «Я помню, когда я был за границей в двадцатых годах, там было у-ди-ви-тельно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовал, один немецкий барон» (2; 315). Кант был поклонником женской красоты. Мыслителю нравились женщины, и он дважды хотел жениться [Ясперс, 2015, с. 5]. Один раз его избранницей стала юная прекрасная вдова, а другой – девушка из Вестфалии. Но философ «слишком долго продумывал и рассчитывал все обстоятельства будущей женитьбы» [Гришин, 1984, с. 19] в результате чего первая невеста успела выйти замуж за дру-

гого, а вторая – переехать. В данном случае пародируется скорость обдумывания возможности заключения брака.

Кроме того, отметим, что «[в] глубокой старости Кант ослеп на левый глаз, но сохранил способность наслаждаться женской красотой: на застольях он предлагал красивым девушкам занять место справа от себя» [Пища для ума..., URL]. Так и старый князь К., невзирая на возраст, является большим поклонником дам.

В период обдумывания и написания повести «Дядюшкин сон» Достоевский читал «Критику чистого разума» на французском языке, книгу прислал брат весной 1854 г. Возможно, что ему были доступны и другие сочинения философа из библиотеки А.Е. Врангеля. В параграфе 3.1 мы указали на литературные источники повести Достоевского: комедия «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира и трагедия П. Кальдерона «Жизнь есть сон». Думается, что латентным философским источником названия повести «Дядюшкин сон» могли быть и сочинения И. Канта. В частности, в «Критике чистого разума» философ доказал, что «в разуме нашем таится *иллюзия*, бессмертная сестра химеры, которая рисует действительность там, где нет ничего и, таким образом, рождает непримиримое противоречие между двумя истинами. Такое противоречие возникает вследствие того, что мы критерий абсолютного, вневременного, приложимый к миру *вещей в себе* (к тезису), применяем к миру опыта, где все в себе (к тезису), применяем к миру опыта, где все возникает, проходит и только кажется, но где ничего вечного нет, т.е. прилагаем к антитезису» [Голосовкер, 1963, с. 37-38]. Возможно поэтому изучавший в молодости философию в Германии князь К. так легко соглашается на манипуляции его волей Москалевой и Мозгляковым. Он даже готов жениться на Зине: «Я, пожалуй, готов жениться, если уж так надо...» (2; 384).

Третья кантианская антиномия о свободе воли и вменяемости, о вине и возмездии, на наш взгляд, также саркастично обыграна Достоевским в повести (задолго до романа «Братья Карамазовы»). Окруженный советчиками князь К. не способен принять взвешенное и самостоятельное решение. Так писателем художественно переосмысливается категория разума или умопостигаемого характера, который «может самостоятельно начинать ряд событий», «обладает свободной

причинностью» [Голосовкер, 1963, с. 57]. Сарказм автора заключается в том, что герой принадлежит к высшей аристократии, но, по сути, лишен свободы выбора. Так «[м]ы убеждаемся, насколько проницательно читал Достоевский Канта» [Голосовкер, 1963, с. 3].

Еще в более откровенной форме «следы» осмысления и пародирования Достоевским «Критики чистого разума» Канта заметны в «Зимних заметках о летних впечатлениях». «...[П]очему же, наконец, буржуа до сих пор как будто чего-то трусит, как будто не в своей тарелке сидит? Чего ему беспокоиться? Парлеров, фразеров? Да ведь он их одним толчком ноги пошлет теперь к черту. Доводов чистого разума? Да ведь разум оказался несостоятельным перед действительностью, да, сверх того, сами-то разумные, сами-то ученые начинают учить теперь, что нет доводов чистого разума, что чистого разума и не существует на свете, что отвлеченная логика неприложима к человечеству, что есть разум Иванов, Петров, Гюставов, а чистого разума совсем не бывало; что это только неосновательная выдумка восемнадцатого столетия» (5; 78). Сарказм Достоевского в отношении немецкого мыслителя воплощен в развенчании главной его категории.

Итак, задумываясь в ссылке о создании новых принципов письма и концепции человека, поиске нарративных стратегий, Достоевский обыгрывает философские сочинения и бытовые привычки Канта, превращая великого философа в комического литературного персонажа. «Откуда и куда бы ни шел мыслитель по философской дороге, он должен пройти через мост, название которому – Кант» [Голосовкер, 1963, с. 35].

С ориентацией на И. Канта и в полемике с ним будет разворачиваться дальнейшая художественная и публицистическая рефлексия Ф.М. Достоевского. В записной тетради, содержащей подготовительные материалы к романам «Преступление и наказание» и «Идиот», находится мужской портрет, который К.А. Баршт атрибутирует как изображение Канта, проводя параллель с портретом философа кисти Г. Деблера (1791) [Баршт, 2015, с. 82-83].

*Илл. 8. Деблер Г. Портрет Иммануила Канта. 1791.
Считается наиболее достоверным изображением философа*

Ученый считает, что рисунок связан «с физиогномическими исканиями Достоевского, выработывавшего идею нового романа, с помощью художественно-графического осмысления определенного круга нравственно-онтологических концепций, выработанных европейской философской мыслью» [Баршт, 2015, с. 81].

Безусловно, что и образ Раскольникова, и образ князя Мышкина имеют полигенетическую природу, и создавались они с опорой на множество прототипов, философских и литературных аллюзий. «Разумеется, в поиске портретного выражения для экзистенциальной идеи, владеющей его героем, Достоевский обращался к известным образцам этико-онтологических моделей, выработанных в истории философии, в том числе – Канта, Декарта, Вольтера, Мальбранша и др. Лица этих мыслителей писатель знал, а их идеи активно использовал в своих художественных поисках. Беря за основу выработанные этими философами нравственные позиции, он обозначал их соответствующими портретными чертами и далее осмыслял различные варианты решений пресловутого «вековечного (про-

клятого) вопроса», меняя в различном направлении черты прототипов и находя правильное физиогномическое соответствие образу мыслей и характеру своего героя» [Баршт, 2015, с. 85-86]¹³⁸.

В монографии Я.Э. Голосовкера «Достоевский и Кант», посвященной доказательству концептуальной близости философской и художественной систем мыслителей, с этих позиций анализируется роман «Братья Карамазовы» и трактат «Критика чистого разума». По мнению автора, на уровне подтекста Достоевский полемизирует с философом Кантом, а герои романа представляют персонифицированные положения Канта об антиномиях, именуемые Кантом «тезис» и «анти-тезис» [Голосовкер, 1963, с. 3]. Ученый считает, что вопрос о раздвоении в романе «не психопатологический, а философский. Здесь не только проблема двух антагонистических мирозерцаний, но и проблема дуализма, контроверзы – (кстати, в романе есть даже глава с таким заголовком – «Контроверза») и диалектики по существу, ибо сам Иван Федорович Карамазов – как ни прозвучит это парадоксально для читателей – не только герой романа «Братья Карамазовы», но он еще и мыслитель – диалектический герой кантовых антиномий» [Голосовкер, 1963, с. 33-34]. Голосовкер приходит к выводу, что «Достоевский не только был знаком с антитетикой «Критики чистого разума», но и продумал ее.<...> Он сделал Канта, или вернее антитезис его антиномий, символом всего того, против чего он боролся (и в себе самом, и с противниками) как писатель, публицист и мыслитель. Более того, он сам вступил в поединок с Кантом-антитезисом, не брезгая никаким оружием: ни сарказмом, ни риторикой, ни внушением, ни диалектической казуистикой, создавая в этой борьбе гениальные трагедии и фарсы, какими являются главы романа» [Голосовкер, 1963, с. 39]. Детально анализируя знаменитые антиномии кантовой «Антитетики» из «Критики чистого разума», которые опыт ни подтвердить, ни опровергнуть не может и с которыми разум якобы бессилён расстаться, исследователь полагает, что «[с]огласно тезису и антитезису антино-

¹³⁸Исследователь приходит к выводу, что «...портретные рисунки, созданные Достоевским в процессе творческой работы, необходимо читать не только в связи с окружающим текстом, но и в связи друг с другом – в виде единого идеографического текста. Сделанные в разное время, они имели одну общую цель: сформировать лицо носителя идеи, лежащей в основании сюжета произведения, над которым в этот период времени работал писатель, или лучше понять характер и идеологию исторического лица, вспоминая писателю в связи с работой над новым литературным проектом» [Баршт, 2015, с. 77].

мый распределил Достоевский также и своих основных героев (т.е. субстраты идей) по двум схемам или рубрикам, – и не только героев, но и их словесные символы» [Голосовкер, 1963, с. 44]. Голосовкер приходит к выводу, что «[с]ловесные символы тезиса символизируют: бессмертие – свободу – бога. Словесные символы антитезиса символизируют: естественную необходимость – пустоту – бесконечность – уничтожение. Но воплощая в героях и их словесных символах положения Кантова тезиса и антитезиса, Достоевский и самое, на почве опыта неустранимое, качание коромысла воплотил в Иване, представленном явно – как антитезис, а тайно – как тезис, причем автор избрал для этой цели Смердякова и черта: Смердякова – как материальное, окарикатуренное воплощение антитезиса, а черта – как его такое же окарикатуренное, но символическое воплощение» [Голосовкер, 1963, с. 45]. Так в романе раскрывается четвертая антиномия Канта «есть ли первоначальное существо?» в двух полярных ипостасях: трагическом («Легенда о великом инквизиторе») и водевильном («Кошмар») [Голосовкер, 1963, с. 41].

Необходимо указать, что Достоевским был хорошо знаком с Михаилом Ивановичем Владиславлевым (1840-1890) – первым переводчиком «Критики чистого разума» на русский язык (СПб., 1867). М.И. Владиславлев был преподавателем философии в Санкт-Петербургском университете, автором первой в России диссертации по научной психологии, сотрудником журналов «Время» и «Эпоха». Он был женат на племяннице писателя Марии Достоевской (1844-1888), дочери его брата Михаила. На наш взгляд, факт родства и знакомства подтверждает особый интерес Достоевского к И. Канту.

Важно, что имя философа возникает и в «Дневнике писателя». Так, в моножурнале за август 1880 г. изображается картинка идеального общества – совершенного христианства, где каждый занимается тем, в чем имеет способности: «Представьте, что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все сознают и чтут их. Но некогда Шекспиру отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам по-

желает, волей своей придет и будет выносить у Шекспира ненужное» (26; 163). При этом важно, что среди гениев духа, за которых добровольно выполняют физическую работу другие, чтобы освободить их часы, называется И. Кант. В «Дневнике писателя» за январь 1881 г. Достоевский вновь упоминает И. Канта, размышляя о том, почему европейцы не могут русских «*своими* признать» (27; 35). Автор подчеркивает, что «[о]ни, например, охотно сознаются, что русская наука может выставить уже несколько замечательных деятелей, представить несколько хороших работ, даже послуживших уже их европейской науке в пользу. Но ни за что, однако же, не поверит теперь Европа, что у нас в России могут родиться не одни только работники в науке (хотя бы и очень талантливые), а и гении, руководители человечества вроде Бэкона, Канта и Аристотеля. Этому они никогда не поверят, ибо в цивилизацию нашу не верят, а нашей грядущей идеи еще не знают» (27; 35).

Показательно, что фигура Канта была одним из ориентиров Достоевского на протяжении всего творческого пути и служила точкой притяжения и в большей мере отталкивания в формировании собственной антропологической концепции писателя.

Добавим, что утрата Кантом в старости не только зрения, но и слуха сближает его с еще одним выдающимся представителем немецкой культуры Бетховеном, который тоже появляется в повести в речи старого князя К. в процессе хвастливого самоутверждения:

«Я очень люблю му-зы-ку. Я за границей с **Бетховеном** был знаком.

– С **Бетховеном**! Вообрази, Зина, князь был знаком с **Бетховеном**! – кричит в восторге Марья Александровна. – Ах, князь! неужели вы были знакомы с Бетховеном?

– Ну да... мы были с ним на дру-жес-кой но-ге. И вечно у него нос в табаке. Такой смешной!

– **Бетховен**?

– Ну да, **Бетховен**. Впрочем, может быть, это и не **Бет-хо-вен**, а какой-нибудь другой **не-мец**. Там очень **много нем-цев**... Впрочем, я, кажется, сби-ва-

юсь» (2; 343).

Фигура Бетховена описывается пародийно, в духе хлестаковской лжи и не имеет ничего общего с реальностью, емко характеризуя князя Гаврилу. Во-первых, основным местожительства и творчества композитора был не родной Бонн, а Вена. Во-вторых, Бетховен никогда не курил. Скорее, это музыкальный символ Германии. Семикратное повторение в таком небольшом фрагменте текста имени немецкого композитора выполняет очень важную характеризующую роль. Князь стремится сделать себя причастным к выдающимся проявлениям европейской культуры, хотя бы в мордасовском салоне стать равновеликим творцам. Англия, Австрия, Германия, Франция быстро мелькают в речи престарелого князя К., причем литература, музыка, политика, философия упоминаются им в одном ряду, пародируя типичные темы «культурного» светского разговора. В этом заключается ирония Достоевского: знакомство князя с ключевыми фигурами, творцами истории настолько поверхностно, нет глубокого знания и понимания, поэтому большой разницы между Бетховеным и, к примеру, Байроном и Наполеоном и поляком, ухарски танцующим краковяк на венском конгрессе, нет. Такое мелькание артефактов, стран и имен – не только традиции балаганной культуры [Якубова, 2000, с. 131], «но и романтический иронический беспорядок, столь любимый Гофманом» [Шумкова, 2009, с. 144].

Ложь в духе Хлестакова продолжается совсем фантастической историей о том, как лакей Сидор сбежал от князя во Франкфурте: «Я, действительно, в старину к одной масонской ложе за границей принадлежал и даже имел, в свою очередь, очень много великодушных идей. Я даже собирался тогда много сделать для современного просвещения и уж совсем было положил в **Франкфурте** моего Сидора, которого с собой за границу повез, на волю отпустить. Но он, к удивлению моему, сам бежал от меня. Чрезвычайно странный был человек, потом вдруг встречаю его в Париже, франтом таким, в бакенах, идет по бульвару с мамзелью. Поглядел на меня, кивнул головой. И мамзель с ним такая бойкая, востроглазая, такая заманчивая...» (2; 375-376).

В Германии действительно было очень развито масонское движение и ложи

находились во многих городах, в том числе и во Франкфурте. К масонам принадлежал, в частности, и Бетховен. Гуманистические идеи братского отношения комично преломляются в желании князя отпустить на волю своего слугу Сидора.

Таким образом, в существующей в сознании князя К. мифологической карте Германии имплицитно представлены топосы Кенигсберга (Кант) и Бонна (Бетховен). Кроме того, гипотетически можно восстановить (скорее воображаемый, чем реальный) маршрут князя по Европе. Возможно, что в повести пародируются модные курорты Германии: Бад, Эмс, Висбаден, Баден-Баден, в которых практиковалось лечение гидропатией как универсальное средство от всех болезней. «Я, признаюсь, ничем не был болен; ну, пристали ко мне: “Лечись да лечись!” Я, из деликатности, и начал пить воду; думаю: и в самом деле легче делается. Пил-пил, пил-пил, выпил целый водопад, и, знаете, эта гидропатия полезная вещь и ужасно много пользы мне принесла, так что если б я наконец не заболел, то уверяю вас, что был бы совершенно здоров...» (2; 315), – признается князь. Для создания юмористического эффекта используется гипербола («выпил целый водопад»), восходящая градация, а также прием обманутого ожидания: новейший способ лечения провоцирует болезнь.

Как мы указали ранее (§ 3.5), в повести «Дядюшкин сон» объектом пародии становится и наука, точнее фигура Ф.В. Геблера: «один немецкий ученый, нарочно приехавший из Карльсруэ исследовать особенный род червячка с рожками, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома *in quarto* [в одну четверть листа (*лат.*)]» (2; 297).

Название города, из которого приезжает безымянный энтомолог, в повести дано в неверной фонетической оболочке, с мягким л – Карльсруэ, для усиления юмористического эффекта. Вероятнее всего, что г. Карлсруэ (Karlsruhe) – столица Великого герцогства Баденского с населением в середине XIX в. в 50 тысяч жителей – возникает в произведении Достоевского как символ европейской научной мысли и культуры. Основанный в Карлсруэ в 1825 г. по приказу великого герцога Людвиг I Политехникум (Polytechnische Schule) стал первым техническим высшим учебным заведением в Германии. Возможно, что Достоевский мог

слышать об этом от горных офицеров Барнаула, многие из которых были немцами по происхождению и / или проходили стажировки в Германии. Внук основателя Карл Фридрих и его супруга Каролина Луиза Гессен Дармштадтская провозгласили Карлсруэ «двором муз», открыли придворный театр и Ботанический сад. Карл Фридрих особенно покровительствовал школам и университетам, его имя носит Гейдельбергский университет. Каролина Луиза была известна как коллекционер искусств, меценат и ботаник. В гостях при дворе бывали М.А. Вольтер, К.В. Глюк и И.В. Гете.

Возможно, что Достоевский также обыгрывает историю возникновения города и его названия. Согласно легенде, маркграф Карл III Вильгельм Дурлахский уснул в лесу во время охоты. Ему приснился прекрасный город-солнце, в центре которого стоял его замок. Он воплотил сон в жизнь в 1715 г., построив целый город, и перенес в него свою резиденцию. Karlsruhe буквально означает Карлова тишина, покой, отдых. Т.е., с одной стороны, это город, связанный с чудесным сном о будущем, а, с другой, – со смертью, могилой. Это еще и Карлов покой, место, где упокоено тело основателя. В центре города расположена каменная усыпальница, возведенная в 1823 г. великим герцогом Людвигом I Баденским. Она является символом города. Допускаем, что Достоевского заинтересовала дуальность смысла названия Карлсруэ: сон – смерть, созвучная главным событиям повести (чудесный сон, обернувшийся внезапной смертью дядюшки).

Кроме того, в пародийном образе биолога-немца из Карлсруэ содержится аллюзия на барнаульскую могилу энтомолога и врача Фридриха Августа Геблера, предки которого принадлежали к знатному старинному роду и занимали высокие должности при прусском и австрийском дворах.

Наконец, Карлсруэ в повести «Дядюшкин сон» включается в общую негативно-сатирическую обрисовку Германии в целом. Ироническое отношение к городу и Германии является, в свою очередь, частью критического осмысления со стороны писателя бездумной русской привязанности ко всему иностранному.

В последующем творчестве Достоевского Карлсруэ возникает также в ироническом ключе как символ «западнически» настроенной интеллигенции, которая

не видит истинных потребностей и проблем России, а также как едкая пародия на Тургенева, который жил в Карлсруэ в 1868-69 гг. В романе «Бесы» (1872) город обыгрывается как усыпальница великих людей в связи с писателем Карамзиновым, чей образ является карикатурой на И.С. Тургенева:

«— Там, в Карлсруэ, я закрою глаза свои. Нам, великим людям, остается, сделав свое дело, поскорее закрыть глаза, не ища награды. Сделаю так и я.

– Дайте адрес, и я приеду к вам в Карлсруэ на вашу могилу, – безмерно расхотался немец» (10; 350).

В «Рабочей тетради» за ноябрь 1875 г. в более обнаженно-сатирической форме вновь возникает образ «заезжего путешественника» И.С. Тургенева, имевшего свой дом в Баден-Бадене в 30 км от Карлсруэ: «Человек, который рад проползти из Бадена в Карлсруэ на карачках (на руках и ногах), чтоб только сделать своему литературному сопернику неприятность. Человек, который сидит и употребляет свое время, чтобы выдумывать, какие он скажет оскорбительные словечки, встретясь с таким-то и таким-то, как повернется к ним, как обидит их» (24; 68). И в продолжение еще раз: «Но почему господин Тургенев взял путешествие на карачках в Карлсруэ именно на себя? Я нигде не упомянул, что говорю про него, и почему знать, может быть нашлись и еще готовые проползти» (24; 69).

В последнем выпуске «Дневника писателя» за январь 1881 г. в главе 1.3. Достоевский ставит вопрос о необходимости и средствах оздоровления корней. Речь здесь идет об огромном разрыве между столицей и всей Россией: «Но Петербург совсем не Россия. Для огромного большинства русского народа Петербург имеет значение лишь тем, что в нем его царь живет» (27;15). Автор акцентирует, что проблема непонимания народных нужд и интересов возросла до катастрофических размеров. Взгляд у некоторых представителей петербургской интеллигенции «сузился, наконец, до размеров микроскопических, до размеров какого-нибудь Карлсруэ. Но выгляните из Петербурга, и вам предстанет море-океан земли Русской, море необъятное и глубочайшее. И вот сын петербургских отцов самым спокойным образом отрицает море народа русского и принимает его за нечто

косное и бессознательное, в духовном отношении ничтожное и в высшей степени ретроградное (27; 15).

Таким образом, семантика Карлсруэ на протяжении творчества Ф.М. Достоевского развивается от иронического символа научного и культурного центра европейской цивилизации до далекого топоса, из которого не видны российские проблемы, культового кладбища великих мира сего и воплощения косности дворянской интеллигенции.

Возвращаясь к теме немецкого языка и героев-немцев, рассмотрим немецкую лексику в сибирских текстах писателя. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что немецкие слова употребляются очень редко. Мы уже упоминали, что познания в немецком петербургского франта Мозглякова крайне скудны: он называет анекдот с перевернувшийся коляской князя премилой историей. Есть еще одно немецкое выражение, которое используется Достоевским в русской огласовке в ситуации, когда он подслушал разговор Москалевой с Зиной о необходимости выйти замуж за князя:

«— Что с вами, *mon ami*? — сказала она, подходя к нему и дружески протягивая ему свою руку.

— Как: *mon ami*! — вскричал он в бешенстве, — после того, что вы натворили, да еще: *mon ami*. **Морген-фри**, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще раз?

— Мне жаль, мне очень жаль, что вижу вас в *таком* странном состоянии духа, Павел Александрович. Какие выражения! вы даже не удерживаете слов ваших перед дамой.

— Перед дамой! Вы... вы все, что хотите, а не дама! — вскричал Мозгляков. Не знаю, что именно хотелось ему выразить своим восклицанием, но, вероятно, что-нибудь очень громовое» (2; 349).

Если Марья Александровна сохраняет внешнее спокойствие и, как ни в чем не бывало, называет Павла Александровича «*mon ami*» (фр. — мой друг), то Мозгляков почти в бешенстве, о чем свидетельствует мешанина русского, французского и немецкого в его речи. Принципиально важен контраст благозвучного, плав-

ного и изящного французского с грубоватым, отрывистым произношением в немецком.

Выражение морген-фри в русской фонетической оболочке и через дефис (что свидетельствует о большей степени ассимиляции) используется дважды в следующем романе «Село Степанчиково и его обитатели» в устах степного помещика Бахчеева для характеристики героя.

«— Ну, так и есть! – вскричал господин Бахчеев, дав полную волю своему негодованию. – Я, батюшка, еще прежде, чем вы рот растворили, догадался, что вы **философии обучались!** Меня не надуешь! **морген-фри!** За три версты чутьем услышу **философа!** Поцелуйтесь вы с вашим Фомой Фомичом! Особенного человека нашел! тьфу! прокисай все на свете! Я было думал, что вы тоже благонамеренный человек, а вы... Подавай! – закричал он кучеру, уж влезавшему на козла исправленного экипажа. – Домой!» (3; 30).

В романе вновь пародируется классическое образование, включающее философию как неприменимую к практической жизни область. Акцентируем тот факт, что это выражение употреблено Бахчеевым еще раз, когда он рассказывает о заграничной игрушке для Илюши: «Завтра Ильи-пророка (господин Бахчеев перекрестился): Илюша, сынок-то дядюшкин, именинник. Я было думал и день у них провести, и пообедать там, и игрушку столичную выписал: немец на пружинах у своей невесты ручку целует, а та слезу платком вытирает – превосходная вещь! (теперь уж не подарю, **морген-фри!** Вон у меня в коляске лежит, и нос у немца отбит; назад везу)» (3; 27).

Обратим внимание, что комментаторы Полн. собр. соч. дают не совсем точное толкование этому немецкому выражению как *morgen früh* – ранним утром (3; 509). Поскольку все существительные немецкого языка пишутся с заглавной буквы, то это выражение писалось бы как *Morgen früh*. У Достоевского это выражение употреблено со строчной, поэтому правильнее его интерпретировать как восходящее к немецкому *morgenfrüh* – завтра утром. Из контекста повести и романа понятно, что присказка Мозглякова и Бахчеева функционирует в языке писателя как пословичное выражение и означает «нет», «не верю», «не сделаю», «меня не

надуешь». М. Гиголошвили сравнивает значение указанного выражения с аналогичными разговорным в русском языке “черта с два”, “жди у моря погоды” или с современным “разбежался” [Гиголошвили, URL]. Добавим, что Достоевский мог обыграть разницу русского и немецкого менталитетов: когда немцы говорят «завтра утром», они действительно делают завтра утром. А если русские говорят «завтра», это может быть послезавтра, через месяц или даже никогда. М. Гиголошвили связывает переход немецкого “ü” в русское “и” при транслитерации с влиянием восточно-прусского диалекта, «который использовался и прибалтийскими немцами, основными “поставщиками” немецкого языка в России (среди колонистов, прибывающих через западно-южные границы России, был распространен швабский диалект). Сходное явление находим в “Скверном анекдоте”, где слово “Fühstuck” дано Достоевским в том же восточно-прусском диалекте – “фрыштык”» [Гиголошвили, URL].

Тонкая ирония Достоевского заключена в том, что употребление разными персонажами в двух сибирских произведениях одного немецкого выражения в пословичном значении словно уравнивает степень владения немецким столичного франта Мозглякова и сельского помещика Степана Бахчеева. Кроме того, важно, что в сибирских текстах выражение используется в усеченной форме. Так, В.П. Владимирцев указывает, что макароническое скоморошье присловье «Морген фри, нос утри» было для Достоевского излюбленным и вводилось в произведения 11 раз [Владимирцев, 2007, с. 216]. Это выражение в русской огласовке «морген фри, нос утри» содержится в «Сибирской тетради» под № 434 (4; 247).

Подробнее остановимся на семантике механической игрушки, купленной Бахчевым в качестве подарка на день рождения Илюши. С одной стороны, диковинная игрушка немецкого производства олицетворяет достижения науки Германии, это символ надежности и качества. Но парадокс заключается в том, что чудесная вещь не выдерживает российских дорог – игрушечный немец теряет нос, вследствие чего дорогая игрушка становится уже непригодной для подарка. Казалось бы, эпизод исчерпан. Однако неожиданно игрушка возвращается в финале романа, создавая кольцевую композицию и приобретая символическое значение.

О «превосходной вещи» (3; 152) вспоминает Бахчеев в эпизоде благословения на брак полковника Ростанева и Настеньки.

«— А нос-то немцу ведь подклеили! — шепнул он мне конфиденциально, радостно смотря мне в глаза.

— Какой нос? какому немцу? — спросил я в удивлении.

— А вот выписному-то, что ручку-то у своей немки целует, а та слезу платком вытирает. Евдоким у меня починил вчера еще; а давеча, как воротились с погони, я и послал верхового... Скоро привезут. Превосходная вещь!» (3; 152).

Мы узнаем, что игрушку починил русский крепостной Евдоким. Бахчеев посылает за ней верхового домой: заграничная игрушка в виде влюбленной немецкой четы становится подарком на свадьбу. Сексуальный символизм игрушки с оторванным носом оказывается удивительно пророческим: любовь героев имеет духовно-сентиментальный характер: «Детей им бог не дал; они очень горюют об этом, но роптать не смеют. <...> дядя и Настя живут одни и не могут надыхаться друг на друга» (3; 166).

Кроме того, в негативно-обобщенном виде Германия как страна чуждой европейской культуры оценивается крестьянином Григорием, который уже пострадал от «просвещения» Фомы, обучавшего крестьян французскому языку. Говоря об утрате Видоплясовым патриотизма и национальной самобытности, он предлагает решить вопрос по-русски, радикально, с помощью физического насилия:

«— Да я б его, Видоплясова, — ввязался Григорий, который до сих пор чинно и строго наблюдал разговор, — да я б его, Видоплясова, из-под розог не выпустил. Нарвись-ко он на меня, я бы **дурь-то немецкую** вышиб! задал бы столько, что в два-ста не складешь.

— Молчать! — крикнул барин, — держи язык за зубами; не с тобой говорят!» (3; 26). В этой реплике проявляется сатирическое снижение Германии как символа европейской культуры, моды и просвещения, которое не соответствует русскому менталитету и традициям. И здесь уже речь идет не о немецком как германском, а о немецком как любом чужом, иноязычном, пугающем, грозящем утратой национальной идентичности.

Видоплясов в романе представлен как шаржированный образ, воплощающий бездушное следование европейским течениям в «редакции» Фомы Фомича, а сам Опискин пытается учить крестьян французскому языку, хотя его собственные знания данного предмете крайне ограничены. Об этом мы можем сделать вывод исходя из его странной и бессмысленной речи против ученого племянника Сережи:

«– Ученый! – завопил Фома, – так это он-то ученый? Либерте-эгалите-фратерните! Журналь де деба! Нет, брат, врешь! в **Саксонии** не была! Здесь не Петербург, не надуешь! Да плевать мне на твой де деба! У тебя де деба, а по-нашему выходит: «Нет, брат, слаба!» Ученый! Да ты сколько знаешь, я всемерно столько забыл! вот какой ты ученый!» (3; 76).

В речи Фомы хаотично смешиваются с русскими словами девизы французской революции *liberte, egalite, fraternite*, название политической газеты «*Journal des Debats*», которое соотносится с Саксонией – восточной частью Германии. Это позволяет делать выводы, что не только знание французского, но и географические сведения героя поверхностны, не отличаются глубиной и системным характером. В новом издании третьего тома Полн. собр. соч. Достоевского в 35 тт. слову **Саксония** дается такой комментарий, который представляется несколько односторонним: «Возможно, имеется в виду революционное восстание в Саксонии в мае 1849 г., в котором участвовал М.А. Бакунин» (ПСС₂ 3; 599). На наш взгляд, упоминание Саксонии в романе скорее отсылает к истории Барнаула. Во-первых, с момента основания Колывано-Воскресенских заводов инженеры, ученые и специалисты в области плавки руды были привезены именно из Саксонии. Выходцами этой части Германии были А.В. Беэр, С. Христиани и И.Г. Улих, успешно управлявшие производством и исполнявшие обязанности руководства горным округом. Во-вторых, хаотичный ряд в речи Фомы «Саксония – Петербург – настоящий ученый» – это «шифр» биографии Ф.В. Геблера: родиной исследователя была именно Саксония, а повторный экзамен на звание врача он сдавал в Санкт-Петербурге (см. подробнее § 3.5). Такое замечание выглядит более правдоподобным, учитывая тот факт, что в романе в криптографической форме обыгрывается

территориальная близость Барнаула и Семипалатинска. Сережа по пути в имение дяди проезжает ««маленький городок Б., от которого оставалось только десять верст до Степанчикова» (3; 20). В этом городке близ самой заставы расположена кузница, и «чиновники там, все до одного, благородные, радушные, бескорыстные; протопоп ученый» (3; 83). Напомним, что в письме А.Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г. Достоевский также использовал эллипсис, называя Барнаул город Б-л (28-1; 240).

В сибирских произведениях персонажи-немцы представлены эпизодически и слегка обозначены. «Так, например, в повести «Дядюшкин сон» среди желающих посетить Марию Александровну Москалеву по поводу якобы обсуждения театральных дел упоминается «...некая Луиза Карловна, которая “хотела быть” (2; 369). Имя “Луиза”, усиленное отчеством “Карловна” – тут не может быть сомнений по поводу немецкого происхождения почтенной дамы», – считает Гиголошвили [Гиголошвили, URL].

В романе «Село Степанчиково и его обитатели» в эпилоге упоминается безымянный управляющий-немец, который занимается воровством. «Говоря о судьбе Мизинчикова, Достоевский замечает, что Ростанев рекомендовал его одному богатому графу, и тот “предложил ему место управляющего в своих поместьях, прогнав своего прежнего управителя немца, который, несмотря на прославленную немецкую честность, обчищал графа как липку”» (3, 167) [Гиголошвили, URL]. Похожий персонаж возникает «в романе «Униженные и оскорбленные» с некоторым усилением темы и добавлением обстоятельств и подробностей» [Гиголошвили, URL]. Князь Валковский «...прогнал своего управляющего, одного блудного немца, человека амбициозного, агронома, одаренного почтенной сединой, очками и горбатым носом, но, при всех преимуществах, кравшего без стыда и цензуры и, сверх того, замучившего нескольких мужиков. Иван Карлович был наконец пойман и уличен на деле, очень обиделся, много говорил про немецкую честность; но, несмотря на все это, был прогнан и даже с некоторым бесславием (3; 19). По замечанию Гиголошвили, «[в] “Селе Степанчикове...” вор-управитель анонимен и лишен внешних примет, в “Униженных и

оскорбленных” – уже назван (Иван Карлович) и бегло очерчен. Ироническое причастие “прославленная немецкая честность” во втором случае динамизируется с помощью наречия и глагола: “много говорил о немецкой честности”. Оба раза подчеркнута, что управитель был прогнан» [Гиголошвили, URL].

На наш взгляд, в этом эпизоде сатирически обыгрывается процесс «обрусения» немцев, когда их хозяйственность, меркантильность поставлены на службу собственного обогащения. Однако такие проявления имеют скорее индивидуальный, нежели национальный характер. Достоевский справедлив, когда тут же добавляет, что «Мизинчиков тоже пристроился» (3; 168). Бросив надежды на обогащение с помощью выгодной женитьбы, он по рекомендации Ростанева становится управляющим. За пять лет ему удается нажить состояние для покупки «превосходнейшего имения, во сто душ», заложив которые через год он покупает еще шестьдесят. «Теперь он сам помещик, и хозяйство у него бесподобное» (3; 168). Тем самым разница между действиями управляющего-немца и Мизинчикова заключается лишь в масштабах «практической сметки».

Итак, «немецкий мир» в художественном метатексте Достоевского подвергается мифопоэтической обработке. Писатель не только наследует литературную традицию сатирической обрисовки немецких артефактов и знаков культуры, но и углубляет ее, пародируя в том числе и традиции романтической иронии. «Достоевским задействован целый ряд иронических приемов: снижение образов великих людей, point-концовки, обращение к сплетне как жанру речевой коммуникации, повторы, способы интерпретации иных текстов: аллюзии и скрытое цитирование, романтические мотивы сна и возмездия, а также пародийный образ романтического героя» [Шумкова, 2009, с. 148]. Комические художественные образы строятся на парадоксе, оксюмороне (борода размером с немецкое государство, Терентий – Кант – индюк, от лечения гидропатией князь заболел и т.д.). Образ Германии создается стереоскопически, через обозначение знаковых культурных символов страны и личностей, представляющих вершины немецкой культуры (Кант, Бетховен, Шиллер, Гете). Обозначены важные топосы: Карлсруэ – город-солнце, основанный маркграфом Карлом III Вильгельмом; Франкфурт – хранилище государ-

ственной казны. Имплицитно обозначены водные курорты Бад, Эмс, Висбаден и Баден-Баден. Символом достижений науки и техники Германии является механическая игрушка в виде влюбленной пары, демонстрирующей нормативно вежливое отношение джентльмена к своей даме.

В сибирских произведениях Достоевского нет ярких образов героев-немцев, это второстепенные эпизодические персонажи. Как правило, они безымянны (ученый-энтомолог, управляющий), либо имеют типичные имена – Луиза Карловна. Важно уточнить, что одной из причин создания Достоевским порой сатирических, доходящих до шаржа художественных образов являлось не выражение негативного отношения к Германии как таковой, скорее следствие автоиронии по поводу недостаточного владения немецким языком в отличие от свободного французского. Язык Германии в сибирский период жизни казался трудным и неблагозвучным писателю, поэтому немецкие выражения чаще даны в русской огласовке, а в зрелом творчестве герои-немцы коверкают русские слова. В итоге создается емкий, многогранный образ Германии. Художественными средствами комического, путем гиперболизации, акцентирования, антитезы Достоевскому удается поставить серьезные вопросы чистоты русского языка, престижа и качества европейского образования, целесообразности культурной трансплантации, сохранения национальной идентичности.

4.8 «Записки из Мертвого дома»: семиотика и топография Сибири

«Записки из Мертвого Дома» считаются жизненным и творческим рубежом, гранью между ранним и зрелым творчеством автора. Произведение явилось квинтэссенцией необычного жизненного опыта писателя, заложившего традицию каторжной прозы в русской литературе. Начавшись с потаенных лапидарных записей в «тетрадку каторжн<ую>» (21; 259) в лазарете Омского острога («Из 522 записей Сибирской тетради более 200 использовано в «Записках из Мертвого дома» – 4; 275), произведение стало «сенсационным литературно-общественным событием эпохи» [Владимирцев, 2008, с. 70]. Осознавая тематическую экстраординарность будущего произведения, Ф.М. Достоевский в письме брату Михаилу от

9 октября 1859 г. предугадал – «Интерес будет наикапитальнейший» (28-1; 349), а 31 марта 1865 г. в письме А.Е. Врангелю с гордостью констатировал, что «Мой „Мертвый дом” сделал буквально фурор, и я возобновил им свою литературную репутацию» (28-2; 115). Критики присвоили автору «еще прижизненно, метонимическое “второе имя” – автор “Записок из Мертвого дома” и употребляли его вместо фамилии писателя» [Владимирцев, 2008, с. 70].

Одной из актуальных проблем в изучении «Записок из Мертвого дома» остается вопрос о жанровой природе этого необычного текста и принципов художественной целостности. «Достоевский сам не дал жанрового определения “Записок”» (4; 289). Л.Н. Толстой первым отметил жанровое новаторство текста, указав, что он не вполне «укладывается в форму романа, поэмы или повести» [Толстой, Т. 16, с. 7]. П.В. Анненков писал о «Записках» как о «романе, прикасающемся одной стороной к летописи, а другой к вымыслу» [Анненков, 2003, с. 471]. Действительно, содержанием «Записок» является полное, почти фактографическое описание каторжного быта: внешнего вида крепости, распорядка дня, труда и досуга арестантов, злоупотреблений начальства. При этом изображение сибирской каторги дается не отстраненно, а через личную судьбу, воспоминания и переживания героя-рассказчика, в котором очевидны автобиографические черты писателя. На этом основании одни исследователи в определении жанра акцентируют документальный характер «Записок»: Г.М. Фридлендер и Б.О. Костелянец называют их «книгой очерков»; другие подчеркивают автобиографический план: Н. Чирков – «художественные мемуары», третьи абсолютизируют эстетическую составляющую роман И.Т. Мишин [Мишин, 1958]). Более обоснованной видится четвертая, синтетическая, точка зрения: Л.П. Гроссман – «описательные очерки сибирской тюрьмы, серией зарисовок с психологическими этюдами и вставными новеллами» [Гроссман, 1962, с. 219], Г. Чулков – «особый жанр, который граничит с художественным очерком и мемуарами» [Чулков, 1939, с. 81], «новое, своеобразное художественное единство документального романа» [Шкловский, 1957, с. 123]; Е.А. Акелькина – «очерковая повесть» [Акелькина, 2007, с.90, 137]. В.П. Владимирцев подводит черту под этой дискуссией, замечая, что «в межжан-

ровой пограничности, гибридности и состоит эстетический феномен этого само-бытного произведения», в едином творческом процессе Достоевского происходило гармоничное сопряжение «фактографии с личной исповедью, познания народа – с самопознанием, аналитизма мысли, философской медитации – с эпичностью изображения, дотошно-микроскопического разбора психологической действительности – с беллетризмом занимательного и сжато-искусного, пушкинского по типу рассказывания» [Владимирцев, 2008, с. 71].

Автор настоящей работы также обращался к этой теме, доказывая, что жанровую специфику «Записок из Мертвого дома» определили принципы близких по сюжетной организации жанров эпической поэмы, сентиментального путешествия и авантюрно-криминальной повести, синтез которых осуществлялся на основе физиологического очерка [Сафронова, 2013, с. 70-108].

Важно подчеркнуть, что для нас существенны собственные авторские жанровые установки, отмеченные в тексте. Определение «Записки», обозначенное в названии произведения, в большей степени коррелирует не с документально-мемуарным, а с художественным литературным контекстом. «Записки» в художественной практике первой половины XIX века были, во-первых, знаком творческой свободы от твердых жанровых форм, во-вторых, обозначали демократический принцип простоты, безыскусственности новой прозы, в-третьих, служили знаком достоверности изображенного, утверждаемой прямой причастностью к нему героя-скриптора. Форма «записок арестанта» была ценна для Достоевского своей безыскусственностью [Фридлендер, 1964, с. 94], рождающей эффект свидетельства. Записки как разновидность промежуточного жанра воспринимались читателями «как подлинные, человеческие, документы» [Istvan, 1991, с. 230].

Подробнее остановимся на вопросесибирской топографии. По мнению Е.А. Акелькиной, «само название “Записки из Мертвого дома” принадлежит не человеку, их написавшему (Горянчиков называет свое произведение “Сцены из Мертвого дома”), а издателю. В заглавии как бы встретились два голоса, две точки зрения (Горянчикова и издателя), даже два смысловых начала (конкретно-хроникальное: “Записки из Мертвого дома” – как указание на жанровую природу

– и символически-концептуальная формула-оксюморон «Мертвый дом») [Акелькина, 2008, с. 75]. Заглавная метафора “мертвый дом” безусловно определяет уголовное преступление как духовную смерть и как отпадение человека не только от мира живых людей, но и от Бога. Амбивалентность восприятия пространства заложена в самом заглавии: дом – сакральное пространство семьи с коннотациями тепла, родства, живого общения вступает в диссонанс с эпитетом мертвый. Здесь писатель, безусловно, обращается к своим московским, детским воспоминаниям. Как известно, он родился на окраине Москвы, на Божедомке, в Марьиной роще, где в основном обитали бродяги, нищие, преступники и где находилось их кладбище – погост, получивший название «божедомов». «Убогий дом» – называли это место в народе. Именно здесь была расположена Мариинская больница для бедных, в правом флигеле которой находилась квартира М.А. Достоевского. «Имя крещеного в больничной церкви Петра и Павла младенца Феодора вписано рядом с именами лежавших и умерших в больнице – больничной сиделки и солдатки, отставного капитана, жены монастырского служителя, вольноотпущенного дворового человека, жен цехового, военного, а также отставного солдата» [Фокин, URL]. Окна квартиры Достоевских выходили на улицу, по которой партии больных арестантов из располагавшейся неподалеку Бутырской тюрьмы в госпитали и больницы. В этом смысле уместно говорить о диалоге московского и сибирского текста и мифологическом восприятии Мертвого дома как пространства второго, духовного, рождения.

По верному замечанию В.И. Тюпы, «Записки» – это «очевидная хроника жизни «коммунитас» <...>, существующих по ту сторону жизни в ожидании права на возвращение в жизнь» [Тюпа, 2002, с. 29]. В жанровом аспекте «Записки из Мертвого дома» наследуют литературную традицию «сентиментальных путешествий» с переменой у Достоевского топографической доминанты на темпоральную: в первой части временную семантику содержат названия V, VI и X глав («Первый месяц», «Праздник Рождества»), во второй части – V срединная глава «Летняя пора». Причем в заглавиях обозначены основные душевные состояния героев, общий фон и тематика глав.

В самом начале повествования происходит ироническое обыгрывание и пародирование жанрового канона путешествий и развенчание сентименталистской традиции описания чудес неведомого читателю мира: «Климат превосходный; есть много замечательных и хлебосольных купцов; много чрезвычайно достаточных инородцев. Барышни цветут розами и нравственны до последней крайности. Дичь летает по улицам и сама натывается на охотника. Шампанского выпивается много. Икра удивительная. Урожай бывает в иных местах сам-пятнадцать... Вообще земля благословенная» (4; 5-6). Это описание города «в отдаленных краях Сибири». При этом в почти сказочной риторике описания поражает фактическая точность. Достоевский обыгрывает известные современникам данные: посев и урожайность хлебов в Томской губернии с 1840 по 1860 год действительно увеличились более чем в 2 раза – с 386 242 четвертей до 802 782. Урожайность хлебов в Сибири варьировалась по губерниям от сам-6 до сам-12. Наиболее плодородные округа давали урожай сам-15, что означает 150 пудов с десятины [История Сибири, 1968, Т. 2, с. 368, 369].

Далее пространство сужается до ограды острога, чем вызвана и смена иронического тона на серьезный в заключении вводной главы: «совершенно новый мир, до сих пор неведомый, странность иных фактов» (4; 8). Повествователь становится первооткрывателем «неведомого мира». Достоевский затрагивает табуированную тему – описание места каторги, модифицируя традиционную модель географического пространства и подвергая инверсии основные мифологемы Сибири как пространства смерти. Прежде всего, это взгляд стороннего наблюдателя. Остранненность, инаковость взгляда путешествующего по чужой стране, наблюдательность и впечатлительность его характера постоянно отмечаются Достоевским в образе повествователя, который, в отличие от всех других обитателей «мертвого дома», где «никто <...> никого не мог удивить» (4; 11), не разучился удивляться: «...это удивление сопровождало меня во весь долгий срок моей каторги; я никогда не мог примириться с нею» (4; 19): «особый мир», «свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи» (4; 9), т.е. в повествовании акцентируется как бы этнографическая специфика «чужой» страны с точки зрения «путешественника».

Постепенно появляется и другой взгляд – не стороннего наблюдателя, а одного из каторжан. Первая часть «Записок...» заканчивается словами: «Не навсегда же я здесь, а только на несколько лет – думал я и склонял свою голову на подушку» (4; 130).

Далее появляется еще один пространственный образ, имеющий символическое значение: «Я потому так часто говорю об этом берегу, что единственно только с него и был виден мир божий, чистая, ясная даль, незаселенные вольные степи. <...> На берегу только и можно было встать к крепости задом и не видеть её. <...> На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, в этот необъятный пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня тут было дорого и мило» (4; 178).

А.С. Долинин считал, что в основу композиции легла определенная последовательность во времени, «потому что развития в пространстве здесь ведь нет и быть не может» [Долинин, 1922, Т. 1, с. 367]. Противоположную точку зрения занимает Т.С. Карлова, рассматривая семантику «огороженного» пространства острога. По ее мнению, время «лишается главной качественной характеристики – движения от прошлого к будущему, теряет необратимость своего течения и, подчиняясь замкнутому пространству, движется по его кругу. Такое движение времени создает множественность пространственного круга, которую можно расщепить на ряд отдельных кругов – судеб арестантов, а можно и совместить в едином круге общей острожной жизни» [Карлова, 1975, с. 43]. Японский литературовед К. Итокава, размышляя о двухчастности композиции «Записок», говорит о ее соответствии духовному движению автора – вначале он погружается во мрак Мертвого дома, затем начинает освобождаться от него. Первая часть соответствует мотиву *туда* (в Мертвый дом из Живого). Вторая часть – мотиву *обратно* (из Мертвого дома – в Живой) [Итокава, 1995, с. 152]. Намеченные векторы движения в принципе правильны, но линейны. Топография Сибири в «Записках», на наш взгляд, нелинейна и предполагает движение не только **туда** и **обратно**, но и **вглубь (вниз и вверх)**. И пространственная вертикаль, на наш взгляд, не менее

важна, чем горизонталь в восприятии Достоевского, особенно если учитывать его инженерное образование.

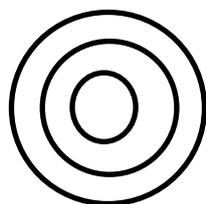
В упрощенном виде это три круга, расположенных по принципу включения (подчинения). Внешний круг – **мир Божий** – необъятный пустынный простор, символический берег новой жизни и пространство свободы, он предполагает духовное пробуждение личности (это вертикаль, ее символ – парящая в небе «птица в синем, прозрачном воздухе» – 4; 178). Он маркирован дважды положительно и мыслится как итог страданий и финал книги – «кандалы упали <...> да, с Богом! Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых...» (4; 232).

Следующий уровень – город, который описан автором иронически, но маркирован положительно. Это мир социума. «Вообще в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло. Люди живут простые, нелиберальные; порядки старые, крепкие, веками освященные. Чиновники, по справедливости играющие роль сибирского дворянства, – или туземцы, закоренелые сибиряки, или наезжие из России, большею частью из столиц, прельщенные выдаваемым не в зачет окладом жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами в будущем. Из них умеющие разрешать загадку жизни почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются. Впоследствии они приносят богатые и сладкие плоды» (4; 5).

Третий уровень представлен оградой острога и маркирован отрицательно. Ограда крепости разделяет пространство художественного мира на “свет божий”, где “далекое вольное небо”, “светлый вольный мир”, “как какая-то несбыточная сказка” (4; 9), и “ад, тьму кромешную” (4; 12), где “там и шум был нестерпимый” (4; 24) и тени, терзаемые “страшной, ядущей тоской”, “тихо, плавно” (4; 69) движутся в сумерках. В крепостной оgrade отмечены “крепкие ворота”, в которые входит грешная душа, оставляя все чаяния, но в **страдании, терпении, смирении** вновь обретает надежду на спасение. Вход в острог и выход за его ворота героя-повествователя являются композиционными элементами, обозначающими начало и конец повествования и обуславливающими его единство.

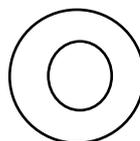
Однако Достоевского больше интересует не столько топография, сколько психология и философия личности в кризисный период. Еще в семнадцатилетнем возрасте он писал старшему брату: «Атмосфера души человека состоит из слияния неба с землею; какое-же противозаконное дитя человек; закон душевной природы человека нарушен» (28-1; 100). Этим и обусловлена смена ракурса изображения «неведомого мира»: от топографического взгляда сентиментального путешественника он постепенно переходит к пронизательному психологизму, от описания локуса – к открытию целого мира в душе человека. Автор открывает богатый внутренний мир простолюдина: в Сироткине – «прекрасное лицо», «тихий и кроткий нрав» (4; 39), в старике-старовере – глубокую грусть о детях и удивительную честность хранителя денег, доверенных ему арестантами; в Нурре – трудолюбие, богомольность, подлинную нравственность, почти невозможную на каторге: «не украл ничего, не сделал ни одного дурного поступка» (4; 51), в Алее – простодушие, открытость, искренность, чистоту, «натуру, прекрасную от природы» (4; 52). На протяжении «Записок» повествователь постоянно отмечает перемену своего отношения к арестантам: «потом я во многом изменился в моем взгляде даже на самых страшных убийц» (4; 87), поднимаясь до возвышенно-сентиментального пафоса в обобщающих сентенциях: «кто выследил глубину этих погибших сердец и прочел в них сокровенное от всего света?» (4; 15); «стоит только снять наружную, наносную кору и посмотреть на самое зерно повнимательнее, поближе, без предрассудков – и иной увидит в народе такие вещи, о которых и не предугадывал» (4; 121-122), «сколько сил и таланту погибает у нас на Руси иногда почти даром, в неволе и в тяжелой доле!» (4; 128). Эти патетические сентенции эксплицируют сокровенное убеждение Достоевского о глубине, таинственности, загадочности человеческой природы, «позволяют постепенно перейти от отрицательного впечатления о каторге («ад, тьма кромешная» [12]) к нейтральному («не <...> хуже тех, *остальных*<...> там, за острогом» (4; 57), а затем идеализированному представлению об арестантах («необыкновенный», «самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего» – 4; 231).

Причем ядро личности демонстрирует идеал, божественный замысел, связывая с Божьим миром и эксплицируя нравственную вертикаль, обеспечивающую постлиминальное преобразование личности в художественном мире писателя. Автор является носителем руссоистской антропологической концепции: социальное затемняет в человеке божий лик, искажает его природу, превращая в «арестанта».

Топография Сибири в «Записках»

1. Божий мир
2. Город
3. Острог

Структура личности

1. Внешнее, социальное, «наносная кора»
2. ядро, «зерно»

В письме старшему брату, оценивая опыт каторги как урок судьбы Достоевский признавался с простительным «маленьким самолюбием»: «Если я узнал не Россию, так русский народ хорошо, и так хорошо, как, может быть, немногие знают его» (28-1; 173).

4.9 Автопсихологический мотив невинно осужденного в «Записках из Мертвого дома»

Исследователями справедливо ставится вопрос о художественном единстве книги. Ю.И. Селезнев, Е.П. Червинскене и Т.С. Карлова считают, что цельность художественного произведения «Записки» обретают благодаря центральной идее свободы. Ю.В. Лебедев полагает, что такое единство очеркового материала в «Записках» создает «целостный образ народного мира» через связи между отдельными героями. «Например, к рассказу об Аким Акимыче повествователь обращается около 25 раз. При этом дробность характеристики – не прихоть писателя, не механический повтор. Характер как бы расслаивается на отдельные мотивы, каждый из которых вступает в связи с мотивами других героев, входящих в мир каторги» [Лебедев, 1988, с. 241]. Кроме того, фактографический материал скрепляется и беллетризуется благодаря фигуре героя-рассказчика Александра Петровича Горянчикова, в которой отчуждается автобиографический повествователь: «Моя личность исчезнет», – писал Ф.М. Достоевский брату Михаилу от 9 окт. 1859 г.

(28-1; 349). Вокруг этого персонажа организуется действие. Его сознание централизует все впечатления каторжной жизни. Действие «Записок» перенесено в прошлое, дано как воспоминания Горянчикова, чем мотивируется отбор самых сильных, значимых, ярких впечатлений духовного опыта, которые как бы всплывают в памяти рассказчика, исключая прямую фактографию, эмпиризм, давая простор для художественных обобщений. Достоевский использует ставшую традиционной в литературе мотивацию авторской маски писателя, представляющего свой текст как чужие записки, отсылая к гоголевским «Запискам сумасшедшего»: «Я несколько раз перечитывал эти отрывки и почти убедился, что они писаны в сумасшествии» (4; 8)¹³⁹.

Фигура Александра Петровича Горянчикова возникла в произведении не только по цензурным условиям, прием авторской маски был необходим Достоевскому, чтобы дистанцироваться от Омской каторги, развести свой биографический опыт и художественную реальность текста, снять с себя ответственность, исключив обвинение в неправдоподобии. Достоевский не всегда фактически точен, он намеренно сгущает краски, использует гиперболы, создавая художественную каторжную прозу. Так, например, в I главе «Записок...» говорится о 250 арестантах. Как известно, Достоевский прибыл в Омскую крепость 23 января 1850 года и был зачислен в арестантскую роту № 55. К моменту прибытия писателя в острог, как свидетельствуют ведомости «О прибыли, убыли и наличном числе арестантов в омской крепостной работе», в нем отбывали наказание 158 человек и на протяжении четырех лет эта цифра колебалась от 148 до 171 (ЦГВИА, Ф. 312, Оп. 2, №№ 1280 и 1980 – 4; 279). Кроме того, как отмечается в Примечаниях И.Д. Якубович, «Достоевский неоднократно сознательно усиливал преступления своих героев, вернее всего, по цензурным соображениям, чтобы ослабить впечатление от суровости царского суда» [Якубович, 1972, с. 283]. Так, например, одним из самых суровых персонажей произведения кажется Газин, который, по словам повествователя, «любил прежде резать маленьких детей» (4; 40). Однако его про-

¹³⁹ Еще в брошюре 1920-х гг. Н.С. Державин ставил под сомнение этот факт: «Достоевский эти “Записки” опубликовал, но в них и следа нет какой бы то ни было психологической ненормальности их автора, ни одного штриха, ни одной мелочи в содержании, ни одной обмолвки в стиле, которые бы убедили нас в странности их мнимого автора» [цит. по: Туниманов, 1980, с. 81].

тотип, Феидулл Газин, 37 лет, служивший в Сибирском линейной батальоне № 3, был осужден «за частовременные отлучки из казармы, пьянство и кражи» [Якубович, 1972, с. 283].

Перед читателями и «исследователями» всегда возникал вопрос о соотносительности фактической подосновы «Записок...» с ее творческой трансформацией в тексте, о ««прототипичности» персонажей и о документальных источниках, позволяющих глубже проникнуть в «закулисы» повествования» [Волгин, 2020, с. 43]. Работы, основанные на тщательной работе с архивными документами, в которых выявляются прототипы образов героев «Записок из Мертвого дома» и дается реальный комментарий (Б.Г. Реизов, М.М. Громыко, В.С. Вайнерман, Е.Е. Огородникова, М.А. Калинин и др.), позволяют глубже и всесторонне понять исторический и биографический фон произведения, проникнуть в творческую лабораторию автора, реконструировать эволюцию творческого процесса от факта до окончательной редакции текста.

У Достоевского была также возможность беллетризации произведения и усиления в нем занимательности за счет уголовного, криминального материала. Повествователь обещает в начале произведения рассказы о «страшных, неестественных поступках» и «чудовищных убийствах», но не осуществляет этого намерения, ссылаясь на неписанный закон острога «говорить *про это* не принято» (4; 12). Тем не менее несколько бесспорных преступлений, существующих как нарушение абсолютных запретов на оскорбление родителей, инцест, убийство родственников и детей, в произведении все же освещены. При этом каждое из «бесспорных» преступлений представлено одной историей, судьбой одного арестанта. За исключением истории женоубийцы Шишкова, выделенной в самостоятельную главу как цельный законченный рассказ (бывальщина «Акулькин муж»), все другие строятся по принципу «досье». Одна из таких историй излагается довольно подробно. Это история о дворянине-отцеубийце.

История арестанта воспроизводится не в виде законченного вставного рассказа, а разбита на отдельные фрагменты, рассредоточенные по ходу повествования. Начало истории совпадает с началом главы I. Она рассказывается как пример

«самых страшных, самых неестественных поступков, самых чудовищных убийств» (4; 15). Важно и то, что совершает его дворянин. Это специально выделено рассказчиком при возвращении к образу преступника во второй раз, когда он упоминается среди других арестантов-дворян. «Из русских дворян, кроме меня, было четверо» (4; 26). Среди этих четверых, кроме отцеубийцы, повествователь называет Аким Акимыча, отбывающего срок за самоуправство, и А-ва, осужденного за ложный донос. Четвертый и пятый дворяне не названы, – не подразумевается ли здесь сам Достоевский или вообще дворянин, осужденный по политическим мотивам, о чем нельзя было говорить по цензурным условиям.¹⁴⁰ Достоверно известно, что петрашевцев с целью разобщения распределяли именно среди уголовных преступников. В третий раз образ отцеубийцы обсуждается с нравственной стороны, при этом рассказчик обращает внимание на крайнее противоречие характера дворянина – беспечного, незлобивого, радушного, – что казалось несовместимым с сущностью его преступления. В этом противоречии рассказчик предполагает либо чудовищный цинизм преступника, либо его невиновность, и склоняется к последнему. Подводя читателя к этому мнению, он противопоставляет дворянину-отцеубийце дворянина А-ва, совершившего менее тяжкое преступление, но падшего в своем цинизме «шпиона и доносчика» до последней степени низости. В четвертом эпизоде отцеубийца показан в сфере духовной, эстетической жизни как один из артистов театра каторжан. Рассказчик отмечает его виртуозное владение гитарой. Прямое отношение к театру арестантов имел и Достоевский. Ссылный революционер Шимон Тока(р)жевски, одновременно с писателем отбывавший каторгу, свидетельствовал в мемуарах, что «импровизированными артистами в качестве режиссера приглашен был писатель Федор Достоевский для указания, как по-театральному надо говорить и прочее» [цит. по: Гусев, 1983, с. 109]. Однако в «Записках» Достоевский скрыл свою роль в организации спектакля, оставшись «в тени» героя-отцеубийцы. В пятый, последний раз, почти в финале книги, к фигуре отцеубийцы обращается уже издатель записок Горянчи-

¹⁴⁰ «По условиям тогдашней цензуры, Федор Михайлович принужден только был выбросить из своего сочинения эпизод о ссылных поляках и политических арестантах» [Достоевский в воспоминаниях..., 1991, Т. 1, с. 274]. В Омском остроге кроме Достоевского и Дурова находилось еще четверо поляков, также осужденных за политические преступления.

кова и сообщает о судебной ошибке и невинности дворянина в преступлении. «Издатель никак не может сомневаться в достоверности этого известия...» (4; 195). Таким образом, противоречие между видимостью и сущностью мнимого преступника разрешается, но остается проблема значения этой истории для всего целого «Записок...».

История мнимого отцеубийцы, более других запечатлевшаяся в памяти повествователя и заставляющая вновь и вновь переживать ее, позволяет предположить аналогию его судьбы с судьбой биографического автора – Достоевского – как «невинно осужденного», терпящего жестокое наказание «напрасно». Политическое преступление оценивалось как посягательство на самодержавие, т.е. на царя – отца российского государства, и в этом смысле оказавшийся невинным «отцеубийца» проливает свет на самоощущение другого мнимого «отцеубийцы» – автора, выраженное в обобщенной, неопределенно-личной, символистско-аллегорической форме рассуждений о каторжных муках арестанта-дворянина, против воли вынужденного «задавить в себе свои потребности, все привычки, перейти в среду для него недостаточную, <...> приучиться дышать не тем воздухом»; «это – рыба, вытащенная на песок. И часто для всех одинаковое по закону наказание обращается для него вдесятеро мучительнее» (4; 55).

Образ повествователя содержит то же противоречие между видимостью преступления и внутренней сущностью характера, что и образ «отцеубийцы». Он предстает как мыслящий и гуманный человек, alter ego автора. Так же, как и отцеубийца, он не только не раскаивается, но даже и не вспоминает о своем преступлении. Обращает на себя внимание тот факт, что отцеубийца нигде в «Записках» не назван по имени, хотя имя его – Дмитрий Ильинский – было хорошо известно Достоевскому в силу того, что он особо интересовался характером и историей этого человека, выделяя его из среды других каторжан.

Прототипом образа дворянина-«отцеубийцы» был прапорщик тобольского линейного батальона Д.Н. Ильинский [Реизов, 1970, с.129-138], [Якубович, 1976, с. 119-124]. В ЦГВИА хранятся семь томов судебного дела «об отставном поручике Ильинском» (ЦГВИА, Ф. 801, Оп. 79/20, № 37, Ч. 1-7). «Дело открывается

объявлением от 5 июля 1844 г. в тобольскую гражданскую полицию прапорщика линейного Сибирского батальона № 1 Ильинского о «потере его отца, коллежского советника Ильинского», с просьбой «учинить розыск» о «неизвестной отлучке» последнего» (4; 284). В «Записках из Мертвого дома» говорится, что «сам убийца подал объявление в полицию, что отец его исчез неизвестно куда» (4; 15). Как отмечается в комментариях и статье Б.Г. Реизова, Достоевский сохраняет подлинное выражение Дмитрия Ильинского «родитель мой», многократно повторенное в допросах. В «Записках» отмечается, что «полиция нашла тело» (4; 15) через месяц, хотя, в действительности, убитый был обнаружен почти через год, 12 апреля 1845 г. Обстоятельства же открытия тела и изуверский способ убийства описаны Достоевским в соответствии с действительностью» [Якубович, 1972, с. 284], [Реизов, 1970].

Социальная принадлежность к привилегированному сословию может служить оправданием безымянности героя. Автор-дворянин, испытавший на себе публичное лишение чинов и всех прав состояния, мог скрыть имя героя из этических соображений. Аналогично Достоевский поступает с Сергеем Дуровым, тоже находящемся вместе с ним в Омском остроге, никогда не упоминая о нем на страницах «Записок...» ни по имени, ни по фамилии: «Со мной был один товарищ, так же как и я, из дворян» (4; 30); «Наконец, увидя тогда меня и моего товарища» (4; 41); «Я молча переглянулся с моим товарищем» (4; 42); «Часу в третьем пополудни мы, то есть я и товарищ мой, прибыли» (4; 213), «спросил он моего товарища» (4; 214); «меня и товарища моего из острога» (4; 229); «мой товарищ, с которым я прибыл» (4; 231); «Я подождал, покамест раскуют товарища» (4; 232). Некоторые исследователи в безымянности С. Дурова на страницах «Записок...» видят доказательство вражды бывших приятелей [Мартьянов, 1896, с. 268] либо их охлаждения [Якубович, 1972, с. 287], [Шкловский, 1987, с. 86]. На наш взгляд, это лишь сознательная нарративная стратегия Достоевского, стремящегося сохранить неприкосновенность личности и частной жизни «товарища по несчастью», авторский протест против государственного решения «лишение всех прав состояния» дворянина. Доказательством дружеских отношений является факт совмест-

ного проживания с С.Ф. Дуровым после освобождения из острога у К.И. Иванова (мужа О.И. Анненковой), а также эпистолярное свидетельство: 14 декабря 1856 г., Достоевский, узнав от Ч.Ч. Валиханова о нездоровье товарища, служившего тогда в Омске, просит друга поклониться «от меня Д-ву и пожелайте ему от меня всего лучшего. Уверьте его, что я люблю его и искренно предан ему» (28-1; 250).

Кроме того, факт безымянности героя в произведении – это типизирующая стратегия текста. Сам Достоевский также стремится остаться безымянным: он не называет себя в числе пяти русских дворян. Нужно отметить также совпадение между Достоевским и Ильинским – прототипом отцеубийцы – в возрасте (обоим заключенным в момент знакомства на каторге было по 28 лет) и в звании: оба – отставные подпоручики.

Из истории права известно, что отцеубийство издавна приравнивалось к же-ноубийству и к царубийству, что создает дополнительную возможность для сравнения судебных историй безымянного отцеубийцы, героя-повествователя А.П. Горячкова и автора-повествователя. Все три преступления наказывались по одной статье, как в западной, так и в отечественной традиции.¹⁴¹ Причем в уголовно-правовой системе относительно возмездия за эти преступления действовал принцип бесконечности наказания, реализованный императором Николаем I, своей рукой подписавшим приговор подозреваемому Дмитрию Ильинскому – в каторжные работы на 20 лет – и устроившим инсценированный спектакль публичной казни над петрашевцами.

Следствие над Дмитрием Ильинским велось с грубыми процессуальными нарушениями, показания свидетелей (старшего брата, сослуживцев, кухарки отца Ильинского) принимались на веру, во время следствия к офицеру относились как к арестанту [Якубович, 1976, с. 122-123]. Военный суд, а затем аудиториатский

¹⁴¹ Во французской судебной традиции до 1832 г. «отцеубийц – и приравниваемых к ним царубийц – возводили на эшафот под черным покрывалом. Здесь им отрубали кисть руки и зачитывали приговор». Распространенное тогда представление: чем чудовищнее преступление, тем больше преступник должен был лишиться света. Для отцеубийцы надлежало изготовить железную клетку или вырыть непроницаемую темницу, которая послужит ему последним пристанищем [Фуко, 1999, с. 22]. В России по «Соборному уложению» 1649 г. виновных в убийстве родителей разрывали клещами [Исаев, 1999, с. 98]. Позднее по «Артикулу Военному» (1715) Ст. 160 убийство отца, матери, малолетнего ребенка каралось колесованием (в других случаях предусматривалось отсечение головы мечом [Российское законодательство..., 1986, Т.4, с. 383]).

департамент Военного министерства присудил Дмитрия Ильинского разжаловать в рядовые и за отсутствием доказательств оставить в сильном подозрении в убийстве отца своего и оправить на жительство в г. Березов Тобольской губернии под строгий присмотр полиции. Однако в дело вмешался император, наложив на приговор высочайшую конфирмацию: «...отдать Ильинского в арестанты всегдашнего разряда, лишив его и дворянского достоинства» (ЦГВИА, Ф. 801, Оп. 79/20, № 37, Ч. 7, л. 160 об.), [Дост. в воспоминаниях..., 1990, Т. 1, с. 339], [Якубович, 1972, с. 284].

В результате этого Ильинский в 1848 г. лишен дворянского достоинства и сослан в Омскую крепость в разряд всегдашних арестантов [Белов, 2001, Т. 1, с. 345]. В то время 20 лет каторги были наказанием на срок, – отмечает Б.Г. Реизов [Реизов, 1970, с. 135]. Однако закон 1845 г. о наказании отцеубийц гласит: «За умышленное убийство отца или матери виновные подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках без срока (т.е. до дряхлости и неспособности). Лишь «Уголовное Уложение» 1903 г. определит максимальную продолжительность каторжных работ, в том числе и бессрочных, также и для отцеубийц – 20 лет.

И.Л. Волгин, указывая, что «приговор Достоевскому юридически слабо обоснован», считает, что «сам *потерпевший* никогда не затрагивал этот сюжет» [Волгин, 2000, с. 536]. Другие исследователи также отмечают, что писатель не считал себя пострадавшим безвинно, ссылаясь на его воспоминания («государство <...> защищало себя» и «с своей точки зрения было право» – 18; 333) или цитируя письмо к Э.И. Тотлебену от 24 марта 1856 г. («Я был виновен, я сознаю это вполне <...> Я был осужден законно и справедливо» – 28-1; 224). При этом не учитывается официальный статус таких признаний (письмо к генералу-адъютанту являлось прошением о смягчении участи), вызванных стремлением обезопасить себя в дальнейшем. Более достоверная, на наш взгляд, художественная проекция переживаний автора в его произведениях позволяет скорректировать широко известное мнение о том, что Достоевский «не жаловался никогда ни на свою собственную судьбу, ни на суровость суда и приговора, ни на загубленные цветущие

годы своей молодости» [Дост. в воспоминаниях..., 1990, Т. 1, с. 279]. Как мы показали, отраженно биографический сюжет о невинно осужденном затронут в истории безымянного отцеубийцы, которая «прошивает» «книгу очерков», создает систему разветвленных связей, сцепляющих множество лиц общностью подобной судьбы, организующих сюжетно-эмпирический материал мотивом жертвы правосудия.

При переизданиях произведения писатель не изменил первоначального описания преступления и оставил объяснение факта судебной ошибки и признания невинности дворянина до VII главы второй части. Вывод повествователя становится не только итогом индивидуальной судьбы мнимого преступника, а, скорее, – резюме общей судьбы арестантов: «Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубине трагического в этом факте, о загубленной еще смолоду жизни под таким ужасным обвинением. Факт слишком понятен, слишком поразителен сам по себе. Мы думаем тоже, что если такой факт оказался возможным, то уже самая эта возможность прибавляет еще новую и чрезвычайно яркую черту к характеристике и полноте картины Мертвого дома» (4; 195). Кроме фигуры отцеубийцы на страницах «Записок...» встречаются и другие, не менее яркие, герои с подобной судьбой: юноша-горец Алей и семья крестьян Ломовых. И таким образом, фигура невинно осужденного вырастает до символического образа всей каторги.

Образ жертвы правосудия преследовал писателя и в дальнейшем творчестве. В течение 1861-62 гг. в журнале братьев Достоевских «Время» были опубликованы семь процессов из уголовных дел Франции и Англии 1820-1850 гг., позже еще один процесс был помещен в журнале «Эпоха». Примечательно, что из восьми процессов пять освещали судебные ошибки [Карлова, 1975, с. 16]. Мотив жертвы судебной ошибки лег в основу истории Миколки в романе «Преступление и наказание». На страницах «Дневника писателя» за октябрь и декабрь 1876 г. Достоевский анализирует дело крестьянки Екатерины Корниловой. Увидев в нем ошибку, он публично высказывает мнение о невиновности подсудимой, обращается в следственные органы и добивается ее оправдания (24; 36-43). И, нако-

нец, мнимый отцеубийца из «Записок из Мертвого дома» стал прообразом Дмитрия Карамазова, героя, которому писатель дал имя реального прототипа – капоржника Дмитрия Ильинского [Реизов, 1970, с. 135-138], [Якубович, 1976, с. 119-124].

Вторым (по степени освещения) среди «бесспорных преступлений» является женоубийство. В качестве такого рода преступника в «Записках» предстает прежде всего главный герой, от лица которого ведется повествование, Александр Петрович Горянчиков. Герой-рассказчик собственной истории преступления и биографии не имеет. О нем известно только, что он – уголовный преступник, осужденный за убийство жены. Но ни мотивы, ни обстоятельства преступления не сообщаются. А.П. Горянчиков не исповедуется, не раскаивается, не рефлексировать по поводу содеянного, даже не вспоминает о своем тяжелом уголовном преступлении. Тем не менее, в отборе фактов, в содержании впечатлений, в оценке окружающей действительности выражается его характер – мыслящего и гуманного человека, что как будто не вяжется с его преступлением и создает загадку, тайну образа, поскольку он содержит то же противоречие между ужасной видимостью преступления и внешней благородной сущностью характера, как у мнимого отцеубийцы. При этом сам Горянчиков как раз убежден, что «такая зверская бесчувственность, разумеется, невозможна. Это феномен; тут какой-нибудь недостаток сложения, какое-нибудь телесное и нравственное уродство, еще не известное науки, а не просто преступление» (4; 16). Примечательно, что именно история отцеубийцы четко запечатлелась в памяти повествователя, осужденного за преступление подобного рода. При этом важно, что срок заключения отцеубийцы (прерванный новым рассмотрением дела и оправданием) и Горянчикова оказывается равным – 10 лет.

В исследовательской литературе стало общим местом утверждение о фиктивности Александра Петровича, о вытеснении фигуры рассказчика Достоевским. «Начав рассказ от лица выдуманного Горянчикова, представив его читателю и пересказав его биографию, автор вскоре забывает о нем и демонстративно говорит дальше о себе самом» [Шкловский, 1957, с. 85]. Ему вторит В.А. Туниманов: «С

первых же строк «Записок из Мертвого дома» перед нами во весь свой рост встает именно Достоевский, их подлинный автор, фиктивного же автора, Александра Петровича Горянчикова, мы не видим ни в одной строчке повести» [Туниманов, 1980, с. 81]. Естественно, что Горянчикова не замечали и современники Достоевского. Читатели отождествляли автора с подставной фигурой рассказчика Горянчикова, считая его женоубийцей. Об этом автор сожалел и спустя пятнадцать лет после издания «Записок...», вынужденный относиться к посторонним настороженно: «С тех пор про меня очень многие думают и утверждают даже теперь что я сослан был за убийство жены моей» (22; 47). Этот же факт подтверждала будущая жена писателя Анна Григорьевна: «Сниткины начали меня уверять, что он сослан был за убийство кого-то, а кажется, что за убийство своей жены» (22; 346); [Дост. в воспоминаниях..., 1990, Т. 2, с. 114]. Достоевский на страницах «Дневника писателя» за январь 1876 г. принужден был опровергать эти слухи и заявлять, что он был осужден как политический, а не уголовный преступник (22; 37).

Тем не менее, выбор для героя – авторской маски писателя – данного преступления едва ли был случайным. Мотив женоубийства в неявной двусмысленной ситуации возник в незаконченной повести «Неточка Незванова», написанной до ареста. В следующем произведении – «Униженные и оскорбленные» – тайное женоубийство является безнаказанным промыслом афериста князя Валковского. Иное освещение этот мотив получает при работе над «Записками из Мертвого дома», которая началась после событий, связанных с любовью и заключением брака Достоевского с Марией Дмитриевной Исаевой, омраченным муками ревности писателя к учителю Н.Б. Вергунову. В письме А.Е. Врангелю от 9 ноября 1856 г. тонкий психолог тщательно диагностирует свою страсть как мономанию: «Люблю ее до безумия, более прежнего.<...>Я ни об чем более не думаю. Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь. Я это чувствую» (28-1; 242).

Запись реальной истории женоубийства на полях «Сибирской тетради» (№ 326, 384) стала основой «рассказа» – исповеди арестанта в главе «Записок из Мертвого дома» под названием «Акулькин муж». В рассказе два сюжетных узла.

Первый завязан на странной безобразной любви-ненависти мещанина Фильки Морозова к Акулине, дочери богатого семейства. Не желая терять своей пьяной буйной свободы и в то же время ревнуя возлюбленную к любому другому претенденту на ее руку, Филька клеветает на нее, бесчестит публично, мажет с дружками дегтем ворота, за что родители секут нещадно бедную свою дочь. Пропившись дотла и продав себя в рекруты за другого, Филька, отправляясь в солдаты, вдруг принародно покаялся в своей вине перед Акулиной, признался в любви к ней, и та, безвинно оклеветанная, битая, сеченая, прощает его и объявляет мужу: Фильку «больше света теперь люблю» (4; 172).

Второй драматический узел сюжета связан с героем-рассказчиком, арестантом Шишковым, «трусоватым и жидким», которого все что угодно «очень скоро можно было заставить сделать» (4; 166). Так, в рассказанной им истории мать «скоро» заставила его жениться за деньги на опозоренной Акульке и «покрыть» ее грех, Филька так же «скоро» заставил его поверить в клевету вопреки очевидному факту невинности жены, вследствие чего хоть и «жалел» он Акульку, но «драл» ее нещадно, а потом и зарезал ножом из ревности.

В первой коллизии узнаваемы константные для творчества Достоевского ситуации роковой потаенной любви-ненависти, доставляющей страдания и мучительные переживания героям: Мурин и Катерина («Хозяйка»), Рогожин и Настасья Филипповна («Идиот»), Версилов и Катерина Ивановна («Подросток»), Дмитрий и Катерина Ивановна («Братья Карамазовы») и др. Показательно в этом отношении пристрастие Достоевского к имени Катерина, поскольку и жену Горянчикова тоже звали Катериной (это становится ясным из особой любви героя к внучке хозяйки с таким же именем и ежегодной панихиде на Катеринин день). Во второй коллизии – зерно характера Гани Иволгина. Криминальный характер истории обусловлен в любом случае странной непостижимой природой страсти и души человека. Странность, противоестественность подобных страстей обнажает трезвый и «естественный» взгляд на них слушателя рассказа – пятидесятилетнего «угрюмого педанта, холодного резонера» Черевина, который постоянно в истории Шишкова обнаруживает отсутствие логики и смысла. Но резюме этого, по мне-

нию повествователя, «дурака с самолюбием» («Оно, конечно, коли не бить – не будет добра» – 4; 173) и собственный пример науки женам, которым заканчивается рассказ, раскрывает бесправное положение российской женщины, питающее и усугубляющее разгул страстей и, как следствие, – криминала.

Другим тайным слушателем этой истории является Горянчиков, повествование которого придает самому акту рассказа некий мистифицирующий характер: **«Ночь** была уже поздняя, **час двенадцатый**. Я было заснул, но **вдруг** проснулся. Тусклый, маленький свет от отдаленного ночника едва **озарял** палату» (4; 165). Повествователь пытается представить рассказ арестанта как исповедание в ответ на какой-то высший «вызов»: «...иногда дни и месяцы лежат один подле другого и не скажут ни слова, и **вдруг**, как-нибудь разговорятся в **ночной вызывающий час**, и один начнет перед другим выкладывать все свое прошедшее» (4; 166). Неутомимое вслушивание, «вникание» Горянчикова в исповедь арестанта, осужденного, как и он сам, за женоубийство, позволяет предположить, что история Шишкова заполняет фигуру умолчания о его собственном преступлении, является отраженным вариантом переживания им своей вины, выдает и его желание исповедания в «ночной вызывающий час», «вдруг» пробудивший его. В связи с чем важно место рассказа «Акулькин муж» в композиции образа Горянчикова, выступающей правовой концепцией автора.

Внутренняя работа **совести, сознания, сердца** Горянчикова совершается через неожиданное открытие мира страданий и боли Других; через сострадание, «вникание» в Другого происходит мучительное самопознание, понимание страшной бесчеловечной сути собственного проступка. Внешними проявлениями такого наказания являются «болезнь» (госпитальные сцены Горянчикова), отторжение от народа, общества, близких, физические лишения. Следствием наказания является желание исповеди, покаяния как начала нравственного «пробуждения» и «воскресения». Рассказ-исповедь «Акулькин муж», завершая «госпитальные» сцены, знаменует поворот душевного состояния Горянчикова от самосуда к очищению, покаянию и «выходу из каторги» – ада нравственных мук – к воскресению.

Достоевский неоднократно подчеркивает, что самые тяжелые муки на каторге претерпевают дворяне: «Вот, например, человек образованный, с развитой совестью, с сознанием, сердцем. Одна боль собственного его сердца, прежде всяких наказаний убьет его своими муками. Он сам себя осудит за свое преступление беспощаднее, безжалостнее самого грозного закона» (4; 43).

В свете собственной нравственно-правовой концепции Достоевский подробно рассматривает *систему наказания* в российском судопроизводстве. Писатель неустанно повторяет, что жестокие телесные наказания преступников, бесчеловечные условия каторжного существования устрашают, унижают, подавляют волю человека, но не вызывают ни раскаяния, ни сожаления в содеянном преступлении. Перед наказанием арестант испытывает «физический страх, невольный и неотразимый, подавляющий все нравственное существо человека» (4; 152), сопровождающийся «отупелостью ума» и рассеянностью. Кроме того, страх побуждает к «перемене участи» через нанесение вреда своему здоровью или совершение нового, более страшного преступления. Исправительная функция карательных заведений таким образом обесмысливается.

Достоевский критикует теорию остракизма, состоящую в изолированности нарушителя от социума («остроги и система насильственных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие» – 4; 15), в который он возвращается как «нравственно иссохшая мумия, полусумасшедший» (4; 15). Писатель придерживается относительной теории наказания, настаивая на необходимости нравственного исправления преступника. Писатель «первым решился заговорить о жестокостях российской пенитенциарной системы» [Тодд III, 2002, с. 29], «первый познакомил нас с *русскою* каторгою, с *действительною* Сибирью» [Кони, 1968, Т. 6, с. 419]. Ему удалось затронуть и с художественной убедительностью осветить такую актуальную для того времени проблему, как недейственность формальной системы доказательств, приводившую к «неэффективности судебных репрессий. Суд обвинял всего 12% подсудимых, более ½ всех дел заканчивалось оставлением в подозрении. Вместе с тем нередко страдали невиновные. Дамоклов меч право-

судия падал на людей случайных, не способных увернуться от него. «У нас нет правосудия, – писал Лебедев, – а есть суд, настигающий тех несчастных, которых предают в сердцах. Настоящих мерзавцев суд настигает редко» [цит. по: Коротких, 1989, с. 25]. Отсутствие ответственности судебных чиновников за судебные ошибки и фактическое отсутствие права на апелляцию еще более усугубляло ситуацию.

В № 3-4 номерах «Времени» за 1861 г. «редакция подчеркивала, что до тех пор, пока в уголовных кодексах допускается смертная казнь, судебную ошибку нельзя рассматривать лишь как ошибку. По существу своему она является легальным убийством» [Карлова, 1975, с. 19]. На наш взгляд, с большой степенью уверенности можно говорить о принадлежности этих слов именно Ф.М. Достоевскому.

Таким образом, мотив невинной жертвы правосудия имеет важное не только структурное, но и концептуальное значение для всего произведения. В разработке этого мотива Достоевский усиливает нравственно-психологическое содержание. Автором подчеркивается возможность совершения дворянином преступления в жажде наследства, на которое его мог подтолкнуть разгульный, беспорядочный образ жизни. Но вещественных улик нет и подозреваемый настаивает на невинности. Косвенная улика, бессознательное обличение – крик во сне «Держи его, держи! Голову-то ему руби, голову, голову!...» (4; 16) – также не может считаться неоспоримым свидетельством преступления, поскольку глубина человеческой психики безмерна и парадоксальна. Гуманизм Достоевского не отказывает даже самому страшному преступнику в человеческом ядре, обнаруживая сначала благородство его характера, а затем интуитивно предугадывая его невинность. Фигура невинно осужденного отцеубийцы, страдавшего 10 лет в каторжной работе напрасно, вырастает до символического образа всей каторги: «И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?» (4; 231). Писатель создает в «За-

писках из Мертвого дома» систему разветвленных связей, сюжетных переключек, параллелизм судебных историй благодаря которым с большой долей уверенности можно говорить о латентном автопсихологизме мотива невинно осужденного и озвучить имена неназванных в числе пяти русских дворян арестантов: С.Ф. Дуров и Ф.М. Достоевский.

Подводя итоги главы, отметим, что художественная стратегия Достоевского всегда строится на сочетании временного и вечного, личного и типического, единичного и универсального. Мы предложили несколько возможных стимулов названия романа «Село Степанчиково и его обитатели». В процессе номинации писатель мог воспользоваться любым из биографических ключей либо их комбинацией. Важнее другое. Богатство смыслов аллюзивного топонима создается путем интерференции, «наложения» впечатлений личного опыта, прецедентных текстов, культурной памяти, создающих идейную полифонию заглавия.

Таким образом, название романа «Село Степанчиково и его обитатели» содержит аллюзивный топоним, отсылающий к целому ряду латентных смыслов, начиная от биографического к литературно-типологическому и культурно-символическому. Включение ближайшего сибирского биографического контекста Достоевского в интерпретацию семантики заглавия романа расширяет смысловое наполнение ойконима, усиливает его символический ореол, раздвигая границы ономастического пространства произведения. Погружение аллюзивного литературного топонима Степанчиково в вертикальный контекст позволяет увидеть богатство семантических проекций, иначе осмыслить семантику заглавия, учитывая иронию писателя в отношении Семипалатинска и усадебного текста русской культуры. В полном названии романа «Село Степанчиково и его обитатели» «просвечивает» ироническое осмысление собственного биографического опыта автора путем игрового отношения к Федору Степановичу Степанову – одному из прототипов Ростанева и аллюзии на однокорневое поле лексемы обитатели с библейскими, христианскими коннотациями.

В «Записках из Мертвого дома» иронический модус осмысления сибирского пространства и комической трансформации биографических событий дополнен трагическим и драматическим. Заглавная метафора «Мертвого дома» отсылает к Божедомке, в Марьиной роще, где в основном обитали бродяги, нищие, преступники и где находилось их кладбище – погост, получивший название «божедомов». Это место в Москве называли в народе «Убогий дом». Диалог московского и сибирского текста прорисовывает трудновыполнимую, но важную задачу не просто выживания в этом пространстве, но и сохранения человеческой души. Сибирская топография ранжирована повествователем по уровням: мир Божий, город, ограда острога. Однако топография предполагает не только коллективную, но и индивидуальную проекцию – с движением от внешней, «наносной коре» к ядру личности и «воскресению» их мертвых.

Итак, первые годы выхода из Омского острога для Достоевского были поисками новых творческих путей, происходил процесс обновления жанровых форм и поиска нарративах стратегий, релевантных ситуации возобновления литературной карьеры политического преступника. Активизация эстетического сознания обусловила диалогическую обращенность к художественному опыту предшественников, полемичность художественных текстов, использование игровых и трикстерских стратегий письма. Наблюдения над произведениями Достоевского позволяют заключить, что они в буквальном смысле «выросли» из сибирского опыта автора, воплотили в себе многие детали и обстоятельства жизни в провинции, отразили черты прототипов из ближайшего окружения писателя.

Заключение

Наиболее «темным», загадочным этапом биографии и творчества писателя остается сибирское десятилетие в силу конспиративной осторожности автора и его окружения, скудости сведений, а также труднодоступности архивов.

Проведенное исследование дает возможность резюмировать достигнутые в ходе него результаты:

В научный оборот введен обширный массив архивных документов, создающих исторический фон пребывания Достоевского в Сибири, которые могли быть потенциальными источниками творческой рефлексии писателя.

В результате предпринятого исследования более полно очерчен круг знакомств писателя в сибирской провинции, уточнены обстоятельства, детали сибирского периода биографии Достоевского и его ближайшего окружения:

- 1) описан маршрут передвижений Достоевского по Сибири: Семипалатинск – Змиев – Барнаул – Кузнецк с перечислением почтовых станций, и выявлена его протяженность;
- 2) уточнена датировка посещений Барнаула и встреч с горным начальником Алтайских заводов А.Р. Гернгроссом и его семьей;
- 3) установлена датировка встреч писателя с П.П. Семеновым в Барнауле и Семипалатинске;
- 4) уточнены время, причины и обстоятельства переезда соперника писателя в любви к М.Д. Исаевой Н.Б. Вергунова в Семипалатинск;
- 5) выявлено имя врача, верно диагностировавшего болезнь Достоевского как эпилепсию в феврале 1857 г. в Барнауле, – Иван Антипович Преображенский – и т.д.

В диссертации осуществлено комплексное исследование сибирского текста Достоевского в нескольких аспектах: биографическом, краеведческом, эстетическом, поэтическом, жанровом и т.д.

Систематизация малоизвестного материала и привлечение новых архивных документов позволили реконструировать и интерпретировать историко-литературный контекст пребывания Достоевского в Сибири. В ходе исследования

выявлены современники писателя, так или иначе повлиявшие на его творческий процесс.

Сибирь для Достоевского – не только каторга и солдатчина, но и пространство самоопределения, кризисного бытия и перерождения. Это место вторичной творческой инициации, проверки новых принципов письма и жанровых экспериментов. Будучи солдатом и не имея возможности печататься, автор был вынужден апробировать новые литературные стратегии и способы самореализации в творчестве. Комические произведения были безопасны в цензурном отношении и выполняли терапевтическую функцию. Самой продуктивной в положении поднадзорного была стратегия трикстера. Говорить прямо о многих вещах (о процветании коррупции, злоупотреблениях начальства, супружеской неверности и т.д.) в существующих условиях Достоевский не мог из соображений безопасности, поэтому для сибирских произведений он избирает оптимальную форму криптопародии. В повести «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково и его обитатели» стратегии криптопародийной направленности предельно выражены, поэтому глубину сарказма в полной мере мог оценить только близкий круг преданных друзей. В диссертации рассмотрены недостаточно изученные художественные произведения – повесть «Дядюшкин сон» и роман «Село Степанчиково и его обитатели» с точки зрения их жанровой структуры, новаторства, нарративных стратегий, семиотики пространства, дан реальный комментарий текста с учетом сибирских артефактов середины XIX века. В «Записках из Мертвого дома» выявлены латентные автопсихологические мотивы.

Сохраняя тайну творчества и неприкосновенность частной жизни, Достоевский сознательно не называет имена, факты, топосы, инициировавшие художественный процесс. Он не мог обнажать глубоко личные обстоятельства жизни его сибирских знакомых, известные ему приватные подробности их взаимоотношений, потому что это означало бы обмануть доверие людей, которые были к нему расположены и всячески стремились помочь, облегчить участь ссыльного писателя. Поэтому Достоевский стремится завуалировать детали индивидуального характера, деликатные обстоятельства, придать им типологическое или универсаль-

ное освещение. Маленькие сибирские города – Барнаул, Семипалатинск, Кузнецк – становятся криптотопосами. Но в авторской мифологической картине мира они сформировались как мифологемы и имеют устойчивые черты, хотя и наблюдается их трансформация в различных жанрах и с течением времени.

Фигуры современников Достоевским репрезентированы как безымянные литературные образы (ученый энтомолог, «хорошенький мальчик» и др.), зашифрованы в виде литеры («Х.»), отсылая к прототипу завуалированно, подобно шараде или другой интеллектуальной игре для посвященных. В связи с этим в работе введен новый термин: криптоним – сознательно зашифрованное автором в художественном тексте имя города, места, вещи или человека.

В исследовании решена проблема жанрового своеобразия первого написанного после каторги произведения Достоевского «Дядюшкин сон». Оно является глубоко новаторским с точки зрения жанровой природы, сочетает в себе элементы разных литературных родов, наследует различные литературные традиции. Правильнее говорить не о синтезе, а интерференции жанромоделирующих кодов летописи, комической повести, трагедии, комедии, фарса и водевиля. Такие родовые трансформации, когда в текст повести инкорпорируются драматические элементы, способствуют расширению границ изображаемого. Более того, Достоевский не только совмещает, но и пародирует слабые стороны каждого жанра, показывая сложность и неоднозначность стихии самой жизни.

Взаимопроникновение различных жанров, поиск новых художественных форм и стратегий письма характерны и для второго комического произведения – «Село Степанчиково и его обитатели». В исследовании доказано, что жанровой доминантой этого художественного текста является роман, а не повесть. При этом Достоевский органично сопрягает разные его модификации: рыцарский, любовный, усадебный, нравоописательный, семейный, психологический, социальный, философский. В тексте оформились и апробировались писателем многие приемы поэтики зрелого творчества: синтетическая жанровая природа, множественные перипетии, конклавы, амбивалентная мотивировка поступков (диалектика высокого и низкого сознания) и т.д.

В результате привлечения новых архивных документов выявлены более глубокие связи Достоевского с Сибирью; в общепроvincialном колорите произведений писателя выделены барнаульские, семипалатинские, кузнецкие, омские и др. аллюзии; обнаружены источники деталей, тем и образов писателя; дан развернутый литературоведческий, исторический и культурологический комментарий: названы имена прототипов героев (А.Р. Гернгросс, Р.А. Гернгросс, Ф.В. Геблер, И.А. Преображенский, о. Макарий (М.Я. Глухарев), Л.Ф. Львова, Н.Н. Львова, Ф.С. Степанов и др.).

Реальный комментарий, основанный на архивных источниках, позволяет вписать творческую историю первого, целиком созданного в ссылке произведения, в контекст сибирской provincialной жизни, обеспечивая барнаульскую и алтайскую привязку текста. «Дядюшкин сон» демонстрирует прекрасную осведомленность автора в современном ему состоянии культурной, социальной и медицинской жизни Алтая, обогащая представления о творческой лаборатории этой сибирской повести Достоевского. Ставя перед собой эстетические задачи создания комического произведения, декларируя его как «вещичку голубинового незлобия замечательной невинности» (29-1; 303), автор создает текст, напоминающий расширяющуюся вселенную, в которой мельчайшая единица художественного текста раскрывается богатейшими аллюзиями, апеллируя к деталям и подробностям сибирской жизни, с одной стороны, и отсылая к контексту мировой научной, литературной и философской мысли, позволяя проницательному читателю осознать, насколько Достоевский глубок, даже когда шутит.

По гипотезе, выдвинутой на основании комплексного анализа творческой истории романа «Село Степанчиково и его обитатели», в произведении нашли ироническое преломление многие черты личной жизни Достоевского и его ближайшего окружения, творчески трансформированные обстоятельства солдатской службы в Семипалатинске. Традиции усадебного гостеприимства, взаимоотношения хозяина и его приживала, увлечение наукой и занятия иностранными языками, выращивание сельскохозяйственных растений и цветов реконструируются по законам сатирического произведения, иронически утрируются, становясь объек-

том криптопародии. В исследовании установлено, что роман «Село Степанчиково и его обитатели» является единственным текстом Достоевского, в заглавии которого использован топоним. Аллюзивный топоним в заглавии романа отсылает к целому ряду латентных смыслов, от биографического до литературно-типологического и культурно-символического. С одной стороны, писателю было важно обозначить в заглавии культурную семиотичность места, с другой, – завуалировать биографический контекст, в связи с чем топоним становится крипто-топосом, кодирующим элементом художественного текста.

В «Записках из Мертвого дома» автор создает систему разветвленных связей, сюжетных переключек, параллелизм судебных историй благодаря которым с большой долей уверенности можно говорить о латентном автопсихологизме мотива невинно осужденного и озвучить имена неназванных в числе пяти русских дворян арестантов: С.Ф. Дуров и Ф.М. Достоевский.

Писателем сформирована смысловая матрица топоса Сибири: он задает спектр ассоциативных связей и нарративных возможностей репрезентации сибирского текста, наиболее контрастно проявляющихся в его более мелких частях: барнаульском и семипалатинском. Так, образ Барнаула в эпистолярной более позитивный, чем в художественном пространстве. Семипалатинск, напротив, в письмах (особенно ближе к концу каторги) представлен как бездуховное и inferнальное пространство, а в романе «Село Степанчиково и его обитатели» Достоевский ограничивается легкой иронией и пародированием усадебной культуры.

Склонность писателя к обобщениям, осмыслению явлений от единичного – к типичному, от сиюминутного – к вечному, от локального – к универсальному приводит к тому, что Достоевский «развигает границы» сибирского текста. Мордасов предстает как урбанистический топос, город-ад, за провинциальным колоритом которого отчетливо вырисовываются петербургские черты; Село Степанчиково – это усадебное, парадизное пространство, по существу оборачивающееся псевдоидиллией. В диссертации дешифрованы связанные с инонациональностью (испанскостью, немецкостью) интертекстуальные литературные коды, устанавли-

ны индивидуально-авторские вариации образов Испании и Германии как контрастные персональному авторскому сибирскому мифу Достоевского.

Для зрелого творчества автора характерен феномен «притяжения» Сибири: несмотря на географическую удаленность, этот топоним присутствует в его художественном сознании, многое определяя на этапе творческого замысла и обдумывания концепции произведения.

Проведенное исследование выявило важность и обширность поставленной проблемы. Настоящая работа – первое комплексное исследование сибирского текста Достоевского. Новые историко-литературные факты существенно углубляют современные представления о сибирском этапе биографии и творчества писателя, открывают возможности для поиска прототипов образов и неожиданных интерпретаций, вписывают новую страницу в локальный текст Достоевского. В диссертации решены значимые для науки задачи интерпретации и определения места сибирских произведений в наследии автора, что должно стать новым стимулом дальнейшего изучения жанров, поэтики, нарративных стратегий, стиля, мотивов и символов творчества русского писателя.

Перспективы – возможные направления дальнейшего целостного осмысления сибирского текста Достоевского – видятся такие:

- поиск и привлечение новых архивных документов, их историко-литературное обоснование, а затем использование в комментировании и интерпретации творчества писателя;
- рассмотрение семиотических механизмов формирования территориального мифа Сибири в контексте всего творчества Достоевского;
- исследование нарративных стратегий авторского дискурса, определивших специфику и своеобразие его сибирского текста.

Данное исследование не претендует на исчерпывающее исследование заявленной темы, некоторые выводы могут, несомненно, представляться спорными. Дальнейший поиск новых материалов откроет новые страницы сибирского текста Достоевского. Остается надеяться, что проведенное исследование позволяет ар-

гуманитарно говорить о необходимости увековечивания памяти писателя в Сибири.

Список условных сокращений

ФС – Формулярный список

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГМИЛИКА – Государственный Музей истории литературы и культуры Алтая

АКУНБ им. В.Я. Шишкова – Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова

ГАТО – Государственный архив Томской области

АлтГУ – Алтайский государственный университет

АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет

Библиографический список

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. - 404 с.
2. Абрамовская И.С. Проблема «локального текста» в русской литературе XIX века (на материале Новгородского текста) // Записки Филиала РГГУ в г. Великий Новгород. – Великий Новгород: Виконт, 2010. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность: материалы международной научно-практической конференции. С. 218-225.
3. Акелькина Е.А. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840 – 1860-е годы). – Омск: Изд-во НОУ ВПО «ОГИ», 2007. – 140 с.
4. Акелькина Е.А. «Записки из Мертвого дома Достоевского» // Достоевский: сочинения, письма, документы, 2008, С. 74-76.
5. Акелькина Е.А., Владимирцев В.П. Петербургская летопись // Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. – СПб.: Пушкинский дом, 2008. С. 235-238.
6. Алекин В.Н. Об одном из прототипов Фомы Опискина // Достоевский и мировая культура. 1998. № 10. С. 243-247.
7. Алексеев М.П. О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского: Сб. ст. и материалов / Под ред. Л.П. Гроссмана. – Одесса: Всеукраинское Государственное Издательство, 1921. С. 41-62.
8. Алексеев М.П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI-XIX вв. – М, 1964. - 217 с.
9. Алексеев П.В. Биллиет Э. Образ Германии в «Дневнике писателя» Ф. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67-79.
10. Альтман М.С. Топонимика Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. – Вып.2. – Ленинград: Наука, 1976. С. 51-57.
11. Альтман М.С. Достоевский: По вехам имен.– Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. – 280 с.

- 12.Альтман М.С. Имя, отчество и фамилия Фомы Фомича Опискина // Альтман М.С. Достоевский: По вехам имен. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1975. С. 35-40.
- 13.Анненков П.В. Современная беллетристика. Г-н Помяловский // Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. Успенский Г.И. Нравы Растеряевой улицы.Будка. «Выпрямил». М., 2003: АСТ : Астрель, С.463-476.
- 14.Анисимов К.В. Климат как «закошенный сепаратист»: Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // НЛО. 2009. № 99. С. 98-114.
- 15.Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика «сибирского текста» русской литературы (постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре: сб. статей. – Томск: Изд-во Томск. ун-та. 2007. Вып. 2. С. 60–76.
- 16.Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX–начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2005 а.- 343 с.
- 17.Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX - начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Том. гос. ун-т. - Томск, 2005 в. - 46 с.
- 18.Анисимов К.В. Типологические аспекты русской литературы Сибири XIX-начала XX века // Вестник РГНФ. 2006. № 3 (44). С. 141-148.
- 19.Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга [репринт + Приложение]. – М.: Книга, 1991 (Репринт. воспроиз. издан. 1922-1924 гг., Петербург: Издательство Брокгауз и Ефрон). - 540 с.
- 20.Аристотель. Поэтика // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории.– Минск: Литература, 1998, С. 1064-1112.
- 21.Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990, С. 136-137.
- 22.Арутюнова Н.Д. «Палка о двух концах»: К проблеме семантической редукции в текстах Достоевского // Известия РАН. Сер. Лит. и яз. 2005. Т. 64. № 2. С. 3–14.

23. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. Т. 40. № 4. 1981. С. 356–367.
24. Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг.: Дис. на степ. д-ра мед. – СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1874. – 342 с.
25. Асмус В.Ф. В защиту вымысла // Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. Сб. ст. – М., 1968. С. 11–36.
26. Аткинсон Л. Воспоминания о Татарских степях: Письма из Барнаула. 1848–1853 гг. – Барнаул: Алтайский дом литераторов, 2013. – 160 с.
27. Аткинсон Т., Аткинсон Л. Англичане в Сибири. Приключения и анекдоты / сост. Н. Волкова. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 127 с.
28. Аткинсон Т.У. Восточная и Западная Сибирь: повествование о семи годах исследований и приключений в Сибири, Монголии, степях Киргизии, Китайской Тартарии и части Центральной Азии. – СПб.: Альфарет, 2009. – 656 с.
29. Афанасьева В.К. Предание, этиологический миф и мифологема в шумерской литературе // Жизнь мифа в античности: материалы науч. конф. «Випперовские чтения». – 1985. – Вып. 18. – Москва: Сов. художник, 1988. Ч. 1. С. 35–38.
30. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47–54.
31. Бабарыкин Б.В. Горнозаводское профессиональное образование Западной Сибири в XVIII – начале XX в.: дисс.... к.ист. н., Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. – 276 с.
32. Бабарыкин Б.В. Подготовка медицинских кадров при Колывано-Воскресенских горных заводах в середине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2015. № 4/1. С. 43–47.
33. Багдасарьян Н.Г., Силаева В.Л. Виртуальная реальность: попытка типологизации // Философские науки. 2005. № 6. С. 39–58.

34. Баранов В.М., Александров А.С. Риторика и право // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 113-124.
35. Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты. – Барнаул, 2007.
36. Баршт К.А. Жизнь писателя как предлог сюжета (о криптографическом аспекте «Села Степанчикова» Ф.М. Достоевского) // Русская литература. СПб., 2015. № 4. С. 72-88.
37. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит-ра, 1975. – 504 с.
38. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – Москва: Худож. лит-ра, 1972. – 450 с.
39. Бахтин М.М. Творчество Рабле и народная культура Средневековья Ренессанса. 2-е изд. – М.: Худож. лит-ра, 1990. – 543 с.
40. Бачинин В.А. Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского протомодерна). – СПб. Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, , 2001.
41. Башмакофф Н. Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование / Под ред. Т.В. Обатнина и П. Песонена. – М. Новое лит. обозрение, 2006. С. 567-591.
42. Бегак Б. А. Пародия и ее приемы // Бегак Б., Кравцов Н., Морозов А. Русская литературная пародия. – М.–Ленинград: ГИЗ, 1930. – 259 с.
43. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В XIII тт. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1953-59. Т. X. 1956.
44. Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь. – СПб.: Алетейя; 2001. Т. 1. 573 с. Т. 2. 544 с.
45. Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский: книга для учителя. – Москва: Просвещение, 1990. - 206 с.
46. Белопольский В.Н. Ф.М. Достоевский и философская мысль его эпохи: Концепция человека. Ростов-на-Дону. 1987.
47. Белоусов А.Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тек-

- сты / Моск. гос. ун-т; Ин-т мировой культуры; Пермский гос. ун-т; Евразийская ассоциация ун-тов; отв. ред. Л.О. Зайонц; сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белюсов, Т.В. Цивьян. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 186-197.
48. Бельчиков Н.Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. – М.: Наука, 1971.
49. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические: в русском переводе с параллельными местами (Синодальный перевод). – М: Российское Библейское общество, 1993.
50. Богданов Н.Н. Тайные коды тела. – М., АСТ: Зебра Е, 2007. – 350 с.
51. Богданова О.А. «Братья Карамазовы» в Германии: В.Л. Комарович о последнем романе Ф.М. Достоевского // Русский язык за рубежом. 2012. № 4 (233). С. 72-77.
52. Богумил Т.А. Геопэтика В.М. Шукшина / Богумил Т.А., Куляпин А.И., Худенко Е.А.– Барнаул: АлтГПУ, 2017.-176 с.
53. Богумил Т.А. Прогулки по Барнаулу мистическому // Геопэтика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст.. Алтайский гос. ун-т. 2016. С. 16-20.
54. Богумил Т.А. Региональная литература: Сибирь, Алтай, Барнаул: учебное пособие / Т. А. Богумил. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 85 с.
55. Бородавкин А.П., Храпова Ю.Ю. К вопросу о культурно-просветительской деятельности архимандрита Макария (М.Я. Глухарева) – идеолога и основоположника Алтайской духовной миссии // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 14-20.
56. Бочков В.Н. «Князь К.» и его родня // Бочков В. Н. «Скажи: которая Татьяна?»: Образы и прототипы русской литературы. – М.: Современник, 1990. С. 249–261.
57. Брагинская Н.В. Трагедия и ритуал у Вяч. Иванова // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – Москва: Наука, 1988. С. 294–329.
58. Буткова Н.В. Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского: дисс. на соиск... к.ф.н. – 2001, Волгоград.

- 59.Бычкова Е.В. Из истории миссионерской деятельности преподобного Макария // Духовные истоки русской культуры: материалы научно-практической конференции 24-25 мая 2001 г. – Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт, РИО, 2011. С. 26-30.
- 60.Вайнерман В.С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» (Ф.М. Достоевский и Сибирь). – Изд. 3, испр. и доп. – Омск, издательский дом «Наука», 2015. - 392 с.
- 61.Вайнерман В.С. Достоевский и Омск. – Омск: Кн. изд-во, 1991. - 125 с.
- 62.Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка. Сост., вступ. ст. и прим. Х. Айдаровой. – Алма-Ата: Казахское объедин. гос. изд-во, 1947. - 150 с.
- 63.Васильева С.П., Ворошилова Е.В. Литературная ономастика: учеб. пос. для студентов филол. спец-тей. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2009. - 138 с.
- 64.Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Труды по всеобщей истории науки. – 2-е изд. М: Наука. 1988. -336 с.
- 65.Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории // Новый мир. 1969. № 1. С. 170-200.
- 66.Веселовский С.В. Московское государство XV-XVII вв.: из научного наследия. – М.: Аиро-XXI, 2008.– 379 с.
- 67.Викторович В.А. Казус Мозглякова (Повесть Достоевского «Дялюшкин сон в литературном и биографическом аспекте) // Острова любви Борфедда. – СПб.: Росток, 2016. С. 223-229.
- 68.Викторович В.А. Дополнения к комментарию: «Село Степанчиково и его обитатели». «Скверный анекдот», «Идиот». «Братья Карамазовы». «Последние литературные явления. Газета „День”. Записная тетрадь 1876-1877 гг.». «...покровителей” мы не имеем» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб.: Наука, 1992. С. 154-163.
- 69.Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. – М.: Сов. писатель, 1984. - 279 с.

70. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
71. Виноградов В.В. Тургенев и школа молодого Достоевского (конец 40-х годов XIX века) // Русская литература, 1959. № 2. С. 45-71.
72. Виноградов И.А. Литературная проповедь Н.В. Гоголя: pro et contra // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 2. С. 49-124.
73. Владимирцев В.П. Достоевский народный: Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура / под науч. ред. В.Н. Захарова и О.Ю. Юрьевой. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2007. - 462 с.
74. Владимирцев В.П. Немецкая тема в «петербургской поэме» Ф. М. Достоевского «Двойник» // Три века русской литературы: Межвуз. сб. науч. тр. – М.; Иркутск, 2004. Вып. 9. С. 176–182.
75. Владимирцев В.П. Дядюшкин сон // Достоевский: сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский дом, 2008, С. 64-67.
76. Владимирцев В.П. «Записки из Мертвого дома Достоевского» // Достоевский: сочинения, письма, документы, 2008, С.70-74.
77. Волгин И.Л. Долг, равный жизни // Село Степанчиково и его обитатели. Записки из подполья. Игрок. – М.: Правда, 1986. С. 5-32.
78. Волгин И.Л. Омский контекст. Новые реалии и находки // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 42-50.
79. Волгин И.Л. Пропаший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. – М.: Либерия, 2000. -703 с.
80. Воробьева И.А. Топонимика Западной Сибири. – Томск: Издательство Томского университета, 1977. - 152 с.
81. Воробьева И.А. Ивановы из рода Достоевских. // Alma Mater. № 2 (2359), 13.02.2004. С. 7.
82. Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников в 2-х тт. – М.: Худож. лит-ра, 1990. Т. 1. С. 345-368.

- 83.Врангель А.Е.Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. – СПб., 1912. - 221 с.
- 84.Вулис А. З. Литературные зеркала. – М.: Сов. писатель, 1991. – 479 с.
- 85.Габдуллина В.И. Сибирский текст Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3. С. 93-106.
- 86.Габдуллина В.И. «Азиатская наша Россия»: геополитика по Достоевскому // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 31-36.
- 87.Габдуллина В.И. Мотив «возрождение Сибирью» в эпистолярном, художественном и публицистическом дискурсе Достоевского // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / Под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул: Изд-во Алт госун-та, 2015. – Вып. 6. С. 86–98.
- 88.Габдуллина В.И. Мотив смерти-воскресения в сибирском тексте Ф.М. Достоевского // Сюжетология и сюжетография. 2015. №. 2. С. 101-108.
- 89.Габдуллина В.И. Петербург и Сибирь в парадигме художественного пространства произведений Достоевского // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. 2005. № 4. С. 97-102.
- 90.Габдуллина В.И. Семипалатинские прототипы героев Достоевского // Литература и фольклор Казахстана. Сб. науч. тр. междуведомственный. – Караганда. 1983. С. 66-76.
- 91.Габдуллина В.И. Пародирующие двойники в системе персонажей повести «Село Степанчиково и его обитатели //Филологический анализ текста. Сб. науч. ст. Вып. 2. Барнаул, 1998. С. 40-47.
- 92.Габдуллина В.И. Карнавал в «Селе Степанчикове» (К вопросу о шутках Достоевского) // Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность. Материалы Междунар. научно-практ. конф.– Семипалатинск, 2004. С. 68-76.
- 93.Галковский Д. Бесконечный тупик. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Самиздат, 1998.
- 94.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2006.

95. Гармс О.Я. 230 лет со дня рождения исследователя Ф.В. Геблера (1781–1850) // Алтайский край. Календарь знаменательных и памятных дат. 2011. С. 116-119 (а).
96. Гармс О.Я. Доктор Геблер – исследователь Алтая: к 230-летию со дня рождения. - Барнаул: «Алтайский дом печати», 2011. - 113 с. (б)
97. Гацура Н.И. Специфика модели авторского сознания, репрезентированного в разножанровых текстах (на материале творчества О. Хаксли): автореф. к. филол.н., – Барнаул, Изд-во АлтГУ, 2011. - 18с.
98. Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л.О. Зайонц; сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. - 672 с.
99. Герасимов Б.Г. Где же отбывал каторгу и ссылку Ф.М. Достоевский? // Сибирские огни. 1927. № 4. Июль-август. С. 174-177.
100. Герасимов Б.Г. Новые данные о жизни Достоевского в Семипалатинске» // Русская речь. 1919. 22 февраля (№ 38) или Ф.М. Достоевский в забытых неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., Андреев и сыновья, 1993. С. 114-116.
101. Герасимов Б.Г. Ф.М. Достоевский в Семипалатинске // Сибирские огни. 1924. № 4. С.140-150 или Ф.М. Достоевский в забытых неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., Андреев и сыновья, 1993. С. 117-129.
102. Герасимов Б.Г. Ф.М. Достоевский в Семипалатинске (Статья вторая) // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 124-144. или Ф.М. Достоевский в забытых неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., Андреев и сыновья, 1993. С.130-157.
103. Гете И.В. Страдания юного Вертера: Роман; Фауст: Трагедия, Стихотворения: Пер. с нем. / – М.: НФ «Пушкинская библиотечка, ООО Изд-во АСТ», 2003. – 748 с.
104. Глухарев Михаил Яковлевич // Галерея славных людей города Бийска. Вып 1. – Бийск: Типография БКМ Бианки, 1999. С. 18.

105. Гоголь в воспоминаниях современников / Редакция текста, предисл. и коммент. С.И. Машинского. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. – 718 с. – (Сер. лит. мемуаров / Под общ. ред. Н.Л. Бродского, Ф.В. Гладкова, Ф.М. Головенченко, Н.К. Гудзия).
106. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. / [гл. ред. Н.Л. Мещеряков]. – М.: Изд. АН СССР, 1937-1952. Т.8. 1952 - 816 с.
107. Гозенпуд А.А. Достоевский и музыка. – М.: Музыка, 1971. - 181 с.
108. Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом Достоевского «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. - 102 с.
109. Голуб О.С. Кузнецкий текст: постановка проблемы // Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2-3 октября 2004 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. С. 429-433.
110. Горбенко А.Ю. Георгий Гребенщиков как Лев Толстой: Толстовский текст житнетворчества Гребенщикова» // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / Под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – Вып. 6. С. 99-113.
111. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. – 214 с.
112. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений в шести томах [сост., подгот. Текста Т.Г. Черняевой; примеч. Л.И. Ермаковой, Т.Г. Черняевой]. – Барнаул: Барнаул, 2013.
113. Гринишин Д.М., Корнилов С.В. Иммануил Кант: ученый, философ, гуманист. / Под ред. проф. В.П. Федотова. – Л.:Изд-во Ленинградского университета, 1984. -150 с.
114. Гришаев В.Ф. «Именно в Барнаул...» (Ф.М. Достоевский на Алтае) // Тропою памяти: записки краеведа / худож. А. Кальмуцкий; фото А. Познякова, С. Пирогова. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. С. 5-22.

115. Гришаев В.Ф. «Именно в Барнаул...»: Ф.М. Достоевский на Алтае // Библиотека писатели Алтая: в 15 тт. – Барнаул: ОАО «Алт. полигр. комбинат», 2001. Т. 10. Василий Гришаев Избранное. Вступ. ст. М. Юдалевича. 2001. С. 220-239.
116. Гришаев В.Ф. «Именно в Барнаул...» // Литературная газета. 2006. 29 марта - 4 апреля. (№ 3).
117. Гришаев В.Ф. Андрей Родионович Гернгросс (1814–?) //Гришаев В.Ф. Алтайские горные инженеры. – Барнаул, 1999. С. 201–205.
118. Гришаев В.Ф. Гернгросс Андрей Родионович // Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 76
119. Гришаев В.Ф. Гернгросс Андрей Родионович // Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: биобиблиогр. слов. – Барнаул, 2000. С. 58-59.
120. Гришаев В.Ф. Гернгросс Андрей Родионович // Энциклопедия Алтайского края.– Барнаул, 1997. Т. 2. С. 102.
121. Гришаев В.Ф. Достоевский на Алтае // Алтайская правда. 1981. 20 дек.
122. Гришаев В.Ф. Достоевский на Алтае // Барнаул. История культуры: пос. для учителя. – Барнаул: РИА Алтапресс, 2000. С. 9-14.
123. Гришаев В.Ф. К пребыванию Достоевского на Алтае // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 6. 1985. С. 192-200.
124. Гришаев В.Ф. «Театральный дом» в Барнауле // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 29-34.
125. Гришаев В.Ф. «Сибирский рассвет» // Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 35-41.
126. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850 – 1854. – Новосибирск: Наука, 1985. – 167 с.
127. Гроссман Л.П. Деревня Достоевского // Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. – М., 1935. С. 7-34 (а).
128. Гроссман Л.П. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. М.-Л.: Academia, 1935. – 383 с (b).

129. Гроссман Л.П. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского. Материалы Центрального военно-исторического архива о петрашевцах и Достоевском // Литературное наследство / под ред. П.И. Лебедева-Полянского. – М.: Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22-24. С. 683-736 (с).
130. Гроссман Л.П. Достоевский. 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1965. -608 с.
131. Гулыга А.А. Кант. -3-е изд. – М.:Соратник, 1994. -304 с.
132. Гусев В. Достоевский и народный театр // Достоевский и театр: Сб. ст./ Сост., общ. ред. – А. А. Нинова. – М. : Искусство. С. 103-114.
133. Данилевский Р.Ю. Фридрих Шиллер и Россия. – СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2013. С. 464-490.
134. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. № 4. 1981. С. 368–376.
135. Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). Философия, социология, культурология. Вып. 12. С. 63-69.
136. Деррида Ж. О грамματοлогии. – М.: Издательство "Ad Marginem", 2000. - 512 с.
137. Десятов В.В., Куляпин А.И. Барнаульский миф в русской литературе //Алтайский текст в русской культуре: Материалы научного семинара «Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX - начала XX в.» Вып. 1. / Под ред. Т.Г. Черняевой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 6-11.
138. Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. - 348 с.
139. Дилакторская О.Г. Петербургская повесть в русской литературе XIX века (Пушкин, Гоголь, Достоевский): дисс. ...д.ф.н., 10.01.01. – Москва, 2000. - 688 с.
140. Дмитриева Е.Е. Жизнь усадебного мифа. Утраченный и обретенный рай / Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. – 2-е изд. – М.: ОГИ, 2008. - 528 с.
141. Должиков В.А. Институциональные истоки коррупции в «Кабинетском» хозяйстве Алтайского горного округа (1830-е – начало 1860-х гг.) // Хозяйствен-

- ное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Выпуск 4 : сборник научных трудов / под ред. К.В. Фадеева. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2012. С. 41-46.
142. Долинин А.С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе / сост. А. С. Долинин; авт. предисл. В. Туниманов; ред. А. Шелаев. – Ленинград: Художественная литература, 1989. - 479 с.
143. Долинин А.С. Ненапечатанные страницы из «Записок из “Мертвого дома”»// Ф.М. Достоевский: Статьи и материалы/ под ред. А.С. Долинина. – Петербург: Мысль, 1922. Т. 1. С. 359-368.
144. Донов А.А. Мария Констант, жена Достоевского. – СПб.: Омега, 2004.- 168 с.
145. Достоевская А.Г. Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.В. Белова и В.А. Туниманова – М.: Художественная литература, 1987. – 518 с.
146. Достоевская А.Г. Дневник 1867 года. – М.: Наука, 1993. - 469 с.
147. Достоевский А.М. Воспоминания. – СПб.: Андрей и сыновья, 1992. - 398 с.
148. Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга первая: Слабое сердце; Чужая жена и муж под кроватью; Маленький герой; Дядюшкин сон / Сост., статья и коммент. Б. Н. Тихомирова. Ил. А.А. Джигирей. – СПб.: Вита Нова, 2017. - 456 с.
149. Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга вторая: Скверный анекдот; Крокодил; Вечный муж; Бобок; Кроткая; Сон смешного человека; Тритон / Сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова. Ил. А.А. Джигирей. – СПб.: Вита Нова, 2019. - 536 с.
150. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972 – 1990.
151. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 35 т. Л.: Наука, 2013–2016. Т. 1–8.
152. Дудкин В.В. Достоевский - Ницше: Проблема человека. – Петрозаводск, 1994.
153. Дудкин В.В., Азадовский К.М. Достоевский в Германии (1846-1921): Новые материалы и исследования // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 659-740.

154. Дунец А.Н. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней: монография./Дунец А.Н.,Исаев В.В., Рыгалова М.В., Колокольцев М.Г. –Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. -396 с.
155. Дьяков В.А. Каторжные годы Ф.М. Достоевского (по новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири. XIX –начало XX в. Историография и источники.– Новосибирск, 1987. С. 198–218.
156. Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 304 с.
157. Евлампиев И.И.Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. - 585 с.
158. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1987. -328 с.
159. Ерохина А.М. Подтекст как способ моделирования художественного текста и как критерий его смысловой емкости (на материале текстов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и Б. Акунина «ФМ»): автореф. ...к.филол.н.– Великий Новгород, 2018. - 23 с.
160. Живолупова Н.В. Крокодил // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. С. 111-116.
161. Живолупова Н.В. Телесность в художественной антропологии Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 2. 1994 а. С. 75-96.
162. Живолупова Н.В. Трансформация мотива «Подражания Христу» в произведениях Ф.М. Достоевского 60-х годов («Скверный анекдот», «Записки из подполья», Крокодил») // Достоевский и современность. Новгород, 1994 в. С. 121-130.
163. Жилиякова Э.М. «Страдания юного Вертера» Гёте в контексте творчества Ф.М. Достоевского // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1997. Вып. 19. С. 84-97.

164. Зазубрин В. «Наезженными дорогами»: гг. // Сибирские огни. 1926. № 3. С. 182-201.
165. Закс Л.А. Художественное сознание. Свердловск, 1990. –Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. - 210 с.
166. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. – М.: Флинта, 2002. - 304 с.
167. Зассе С. Яд в ухо: Исповедь и признание в русской литературе / Пер. с нем. Б. Скуратова и И. Чубарова / Редактор Я. Охонько – М.: РГГУ, 2012. - 400 с.
168. Захаров В.Н. Достоевский в Тобольске // Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску. – Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. Альманах № 18. С. 67–85.
169. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. – Москва: Изд-во «Индрик», 2013. – 456 с.
170. Захаров В.Н. Комический шедевр Достоевского // Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели: из записок неизвестного. – Петрозаводск, «Карелия», 1981. С. 206-213.
171. Захаров В.Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850? // Неизвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 44-53.
172. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика). – Ленинград. Издательство Ленинградского университета, 1985. – 209 с.
173. Зимирев А.В. 200 лет со дня рождения специалиста и новатора горного производства А.Р. Гернгросса (1814-?) // Алтайский край, 2014: календарь знаменательных и памятных дат. – Барнаул: Принтэкспресс, 2013. С. 19-23.
174. Зинин С.И. Введение в русскую антропонию: пос. для студентов-заочников – Ташкент: [б. и.], 1972. - 275 с.
175. Зинин С.И. Из истории лексикографирования собственных имен художественной литературы. – Научн. тр. ТашГУ. Ташкент, 1980. Вып. 629. С. 83–89.
176. Зинин С.И., Степанова А.Г. Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре. Библиография / С.И. Зинин, А.Г. Степанова // Антропонирика: сб.ст. [Ред. В.А. Никонов и А.В. Суперанская] – М.: Наука, 1970. С. 330-354.

177. Исаев И.А. История государства и права России. – М.: Юрист, 1999.-272 с.
178. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т истории, Изд. дом «Историческое наследие Сибири»; [гл. ред.: В.А. Ламин; редкол.: С.С. Букин и др.]. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009-2010. Т. 1. 2009. - 716 с.; Т. 2. 2009. - 808 с.; Т. 3: 2010. - 783 с.
179. История Сибири с древнейших времён до наших дней: В 5 тт. / Под ред. А.П. Окладникова. Том 2. – Л.: Наука, 1968.- 538 с.
180. История Сибири: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. – 469 с.
181. История православия на Алтае: материалы II Свято-Макарьевских чтений 17-20 сентября 2001 г.: сб. ст. Редакторы-составители: Ю.А. Крейдун, К.Н. Метельницкий. – Барнаул: Аз Бука, 2001.- 140 с.
182. Итокава К. Записки о «Живом доме» // Достоевский в культурном контексте XX века: материалы научн. конф., посв. 170-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. С. 152–157.
183. Казаков И.О. Бунт как реакция общества на эпидемию холеры 1830–1831 гг. // Вопросы истории, международных отношений и документоведения: Сб. материалов Всероссийской молодежной научной конференции (18–20 апреля 2012 г.). / Науч. ред. П.П. Румянцев. Томск: Томский государственный университет, 2012. Вып. 8. С. 60-64.
184. Казаркин А.П. Завершающий текст областничества (о книге Георгия Гребенщикова «Моя Сибирь») // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010.. – Санкт-Петербург, 2010. С. 75–79.
185. Калинин М.А. Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф.М. Достоевского (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 69-100.

186. Калининков Л.А. «Житейские воззрения кота Мурра...» в зеркале житейских и метафизических воззрений Э.Т.А. Гофмана. Часть I а // Кантовский сборник. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 2012. № 2 (40). С. 30-47.
187. Калининков Л.А. «Житейские воззрения кота Мурра...» в зеркале житейских и метафизических воззрений Э.Т.А. Гофмана. Часть 2. б // Кантовский сборник. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 2012. № 3 (41). С. 35-48.
188. Калининков Л.А. «Житейские воззрения кота Мурра...» в зеркале житейских и метафизических воззрений Э.Т.А. Гофмана. Часть 3. в // Кантовский сборник. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 2012. № 4 (42). С. 59-69.
189. Камбалов Н.А., Сергеев А.Д. Первооткрыватели и исследователи Алтая. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. - 69 с.
190. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. С. 78-278.
191. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-19.
192. Карлова Т.С. Достоевский и русский суд / Науч. ред.: Пивоварова Л.М. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975.-165 с.
193. Кацюба Д.В. Кузнецкая породистая лошадь в гербе г. Кузнецка // Историческое краеведение в школе и вузе. – Кемерово, 1994. С. 210-211.
194. Кацюба Д.В. Алтайская духовная миссия: Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1998. - 156 с.
195. Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. – Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2013. - 363 с.
196. Кибальник С.А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. Статьи, очерки, заметки. – СПб. Ид: «Петрополис», 2015. – 314 с.

197. Кидэра Р. Образ немцев в творчестве Достоевского // Труды ростовского государственного университета путей сообщения. 2016. № 1 (34). С. 25-40.
198. Кирпотин В.Я. Скотопригоньевск: Мир в романе «Братья Карамазовы» // Филол. науки. 1983. № 4. С. 9-21.
199. Кирпотин В.Я. В Сибири, по местам Достоевского // Октябрь. 4 книга, апрель 1959. С. 208-223.
200. Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь (1821-1859). – М. Худож. лит-ра, 1860.- 607 с.
201. Кислицын В.Н. Алтайская духовная миссия и ее роль в колонизации Горного Алтая // Алтайский сборник. Вып. XV. – Барнаул, 1992. С. 21-28.
202. Клейман Р.Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-литературной перспективе. – Кишинев: Штиинца (Наука), 1985.-206 с.
203. Клейман Р.Я. Художественные константы Достоевского в контексте исторической поэтики. Дисс. на соиск... д. филол. н. 10.01.01 – русская литература. 2000. -306 с.
204. Кобылянский В.И. О причине смерти Ф.М. Достоевского (Часть I) // Клиническая медицина. 2014 а. № 1. 62-66.
205. Кобылянский В.И. О причине смерти Ф.М. Достоевского (Часть II) // Клиническая медицина. 2014б. № 2. С. 74-80.
206. Ковалев О.А. Нарративные стратегии в творчестве Ф.М. Достоевского: Монография. – Барнаул, 2011.-316 с.
207. Ковач А. Иван Карамазов: Фауст или Мефистофель // Достоевский: Исследования и материалы. - СПб., 1997. Т. 14. С. 153-163.
208. Ковсан М.Л. Об одной реминисценции в «Дядюшкином сне» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб.: Наука, 1992. С. 139-140.
209. Козлов И.В. Петр Петрович Семенов Тянь-Шанский. – М.: Просвещение, 1983. -96 с.
210. Козлова С.М. Провинция в зеркале рефлексии современных поэтов-барнаульцев // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008. С. 68-78.

211. Козубовская Г.П. Мифопоэтика русской литературы: жанр и мотив. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. - 267 с.
212. Комаров С.А., Лагунова О.К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология: монография. – Тюмень: Изд-во Тюменского государств. ун-та, 2016. - 200 с.
213. Комарович В. Достоевский и Гейне // Современный мир. 1916. № 10. С. 102–103.
214. Кони А.Ф. Еще раз о Достоевском // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. – М.: Юрид. лит., 1966-1969. Т. 6. 1968. С. 446-454.
215. Константинова Н.В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф.М. Достоевского (на материале повести "Двойник") // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 126-133.
216. Корбут А.Ю. Лингвистическая поэтика: пособие для практического анализа. – Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирской государственной академии образования, 2011.-160 с.
217. Корбут А.Ю. Текстосимметрия как раздел теории текста: дисс. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. – Барнаул, 2005.-343 с.
218. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. – Воронеж : Изд-во Воронеж.ун-та, 1989.-185 с.
219. Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. – Омск: Омское книжное издательство, 1960. - 113 с.
220. Кошечко А.Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы) // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2011. Вып. 7 (109). С. 192–199.
221. Крейдун Ю.А. Деятельность архимандрита Макария на Алтае // История православия на Алтае: материалы II Свято-Макарьевских чтений 17-20 сентября 2001 г.: сб. ст. Редакторы-составители: Ю.А. Крейдун, К.Н. Метельницкий. – Барнаул: Аз Бука, 2001.С.13-21.
222. Криницын А.Б. Достоевский в Германии // Достоевский и XX век / под ред. Т.А. Касаткиной. В 2-х т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2007. - 576 с.

223. Круглов А.Н. Кант и кантианская философия в русской художественной культуре. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. - 480 с.
224. Кубрякова Е.С. Текст и его понимание // Русский текст. 1994. № 2. С. 18–27.
225. Кузнецова Е.Г. Ф.М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX-начала XX вв.): Автореф. дисс... к.филол.н. 10.01.01 – русская литература, 2008.-183 с.
226. Кумлева Т.М. Коммуникативная установка художественного текста и ее лингвистическое воплощение // Филологические науки. 1988. № 3. С 59–67.
227. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура: коллективная монография / под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 214-233.
228. Кушникова М. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века / М. Кушникова, К. Титло, В. Тогулев // Голоса Сибири. Выпуск 1, 2. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – С.485-600.
229. Кушникова М. Кузнецкие дни Федора Достоевского. Кемерово: Кн. Изд-во, 1990. - 104 с.
230. Кушникова М.М. Черный человек сочинителя Достоевского.– Новокузнецк: Издательство «Кузнецкая крепость», 1992.-143 с.
231. Кушникова М.М., Тогулев В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов.– Новокузнецк: Издательство «Кузнецкая крепость», 1996. - 472 с.
232. Лебедев Ю.В.В середине века: Ист.-лит. очерки. - М.: Современник, 1988. – 382 с.
233. Лавренова О.А. Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: провинция и её локальные тексты. – М., 2004. С. 413-426.
234. Левашова О.Г. Достоевский и Алтай // История Алтая : учеб. пособие / отв. ред. В.А. Скубневский. – Барнаул, 1995. – Ч.1 : С древнейших времен до 1917 г. – С. 380-385.

235. Левашова О.Г. Топос «Алтай» в «Алтайском альманахе» // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно-практической конференции / Под ред. Т.Г. Черняевой, Н.В. Халиной.– Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 38-46.
236. Левченко Н.И. Круг знакомых Ф.М. Достоевского Семипалатинский период жизни // Материалы и исследования. Т. 11. 1994. С. 235-246.
237. Ледебур К.Ф. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи/ К.Ф. Ледебур, А.А. Бунге, К.А. Мейер: Пер. с нем./ В.В. Завалишин, Ю.П. Бубенков.– Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993.- 415 с.
238. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, 1997. - 351 с.
239. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского 1821-1881 гг. / под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридендера. – СПб. : Гуманитарное агентство Академический проект, 1999. Т. 1. 1821-64. - 530 с.
240. Линч К. Образ города / Перевод с английского В.Л. Глазычева; Сост. – А.В. Иконников; Под ред. А.В. Иконникова – М.: Стройиздат, 1982 – 328 с.
241. Литературная ономастика: учебн. пос. для студентов филол. спец-тей. – Красноярск, Красноярский педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2009.- 138 с.
242. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: Интелвак, 2001. - 1600 с.
243. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы, 1968. № 8, С. 74-87.
244. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. – Л.: Наука, 1973. - 254 с.
245. Лотман Л.М., Фридендер Г.М. Источник повести Достоевского «Дядюшкин сон» // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX веков. – М.; Л., 1959. С. 370–374.

246. Лотман Л.М. «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX века // Материалы и исследования. Т.7. – Л. Наука, 1987. С. 152-165.
247. Лотман Л.М. О литературном подтексте одного из эпизодов повести «Село Степанчиково и его обитатели» (Сон про белого быка) // Материалы и исследования. Т.12. – СПб. Наука, 1996. С. 66-77.
248. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: пос. для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. - 416 с.
249. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. – Тарту, Тартуский госуниверситет, 1984. С. 30-45.
250. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. - 704 с.
251. Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Киров, 2008. - 48 с.
252. Люсьи А.П. Крымский текст в русской литературе. – СПб.: Алетейя, 2003. – 314 с.
253. Мальцев С.Г. Здание, в котором жил П. П. Семенов-Тянь-Шанский и оставался проездом через Барнаул Ф.М. Достоевский // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1983. С. 64-66.
254. Макурина Н.А. Пародия в творчестве Ф.М. Достоевского: автореф. дисс...к.филол.н., Ижевск, 2018. - 24 с.
255. Макурина Н.А. «Обратная» пародия в творчестве Ф.М. Достоевского: князь К. – полковник Ростанев – князь Мышкин // Филологический класс, 4(50)/2017.С. 112-117.
256. Маргулис Ю.Э. Встреча Достоевского и Гоголя // Воздушные пути. Нью-Йорк, 1963. С. 272-294.
257. Мартьянов К. Дела и люди века: отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки: в 3 т. – СПб.: Тип. Р. Р. Голике, 1896. Т. 3.- 304 с.

258. Метельницкий К.Н. О пребывании архимандрита Макария на Алтае // История православия на Алтае: материалы II Свято-Макарьевских чтений 17-20 сентября 2001 г.: сб. ст. Редакторы-составители: Ю.А. Крейдун, К.Н. Метельницкий. – Барнаул: Аз Бука, 2001. С. 5-10.
259. Мингазова Е.Р. Образ города Кузнецка в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» и экспозиции Новокузнецкого музея писателя // Кузнецкий край и Новокузнецк в историческом и социокультурном измерении: матер. Всерос. науч.-практ. конф., 29 ноября 2012 г. / под ред. Л.А. Поляковой. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2013. С. 95-100.
260. Мишин И.Т. Проблематика и художественные особенности романа Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» : Автореф. дис. ... к. филол. н. – Москва : [б. и.], 1958. – 19 с.
261. Маркин П.Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) // Алтай. 1985. № 3. С. 92–96.
262. Маркина П.В. Мифопоэтические образы и мотивы в книге Г.Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 96-101.
263. Меднис Н.Е. Поэтика и семиотика русской литературы. – М.: Языки славянской культуры, 2011. - 232 с.
264. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: уч. пособие / науч. ред. Т.И. Печерская. – Новосибирск: НГПУ, 2003.- 170 с.
265. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.- 188 с.
266. Мирович И.В. Улица Достоевского в Новокузнецке: история и художественный образ // Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. – Новокузнецк, Новокузнецкий литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского 2010. – Сб. 8. С. 43-53.
267. Мирович И.В. Графический и литературный образ сибирского города (по материалам выставки «Путешествие с Достоевским») // Творчество Ф.М. До-

- стоевского и современный культурный процесс: сб. науч. ст./ науч. ред. Л.Ю. Егле, Е.Д. Трухан.– Новокузнецк – Кемерово: КемГИК, 2017. С. 91-96.
268. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред.М.Е. Мелетинский. 4-е изд.– М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
269. Михнюкевич В.А. Фольклор как оружие автора в ниспровержении кумира («Село Степанчиково и его обитатели») // Достоевский и современность. Материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 года. – Великий Новгород, 2007. С. 204-212.
270. Моисеева Н.И. Конец одной легенды. Чем был болен Достоевский? // Достоевский и современность. – Новгород. 1994. С.183-187.
271. Моисеева Н.И. Ошибка в биографии Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 321-332.
272. Моисеева Н.И. Был ли Достоевский эпилептиком (История одной врачебной ошибки) // Знамя. 1993. № 10. С. 199-204.
273. Моисеева Н.И., Никитина Л.И. Ложность штампа душевного заболевания у Ф.М. Достоевского // Вестник гипнологии и психотерапии. 1993. № 2. С. 76-105.
274. Москва в русской и мировой литературе: сб. ст. – М.: Наследие, 2000. – 303 с.
275. Москва и «московский текст» в русской литературе начала XX века. IX Виноградовские чтения: материалы международной научной конференции (Москва, 11–12 ноября 2005 года). – М.: МГПУ, 2007. –122 с.
276. Москва и «московский текст» русской культуры: сб. ст. – М.: РГГУ, 1998. – 224 с.
277. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесл. В.М. Толмачова. – М.: Республика, 1995. - 606 с.
278. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства – М.: Искусство, 1994.- 606 с.

279. Назиров Р.Г. Проблема читателя в творческом сознании Достоевского // Творческий процесс и художественное восприятие. – Л.: Наука, 1978. С. 216–235.
280. Назиров Р.Г. Жесты милосердия в романах Достоевского // Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сб. ст. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 125-133.
281. Назиров Р.Г. Пародии Чехова и французская литература // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 150-158.
282. Назиров Р.Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Назиров Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сб. ст. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 159-168.
283. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII - начала XX веков. – Барнаул: АКУНБ им. В.Я. Шишкова, 2005. С. 209-226.
284. Невилль Де ла. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / подготовка текстов, вступ. ст. и комм. Ю.А. Лимонова. – Л.Лениздат, 1986. С. 471-529.
285. Нельс С.М. «Комический мученик»: (К вопросу о значении образа приживальщика и шута в творчестве Достоевского) // Русская литература. 1972. № 1. С. 125-133.
286. Нестеров С.В. Преподобный Макарий Алтайский: жизненный путь и миссионерское наследие: дисс... к. богословия.– Москва, 2003.
287. Нестюричева Н.А. Реминисцентное измерение повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник Удмурдского университета. 2013. Вып. 4. С. 25-32.
288. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. – 288 с.
289. Николаева Е.Г. «Литературность» в повести «Дядюшкин сон» // Молодая филология: Сб. науч. трудов / Под ред. Н.Е. Меднис, М.А. Лаппа. Новосибирск, 2002. Вып. 4. Ч. 2. С. 94-111.

290. Новгородский край в русской литературе: (очерки). – Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та, 2009. – 927 с.
291. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. 2019. №. 59. С. 185-197.
292. Оболенская С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). – М.: РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2000. - 209 с.
293. Огородникова Е.Е. Каторга Достоевского в математическом исчислении // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 101-117.
294. Одинокое В.Г. «Сибирская» повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» (Поэтика жанра) // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. – Новосибирск, 1980. С. 17-28.
295. Оланьон Кл. Сибирь и ее экономическая будущность / Предисл. Фредерика Пасси; пер. с франц. А.Д. Погрузова. – СПб. : Т-во «Просвещение», [1903]. - 252 с.
296. Осмоловский О. Этическая философия Достоевского и Канта // Достоевский и мировая культура 1999. № 12. С. 216-230.
297. Остертаг Л.М. 70 лет со времени выхода первого номера литературно-художественного журнала «Сибирский рассвет» // Страницы истории Алтая, 1989 г. : библиогр. указ. – Барнаул : РИО, 1989. С. 4-6.
298. Очерки русской литературы Сибири: В 2 т.– Новосибирск: Наука, 1982. Т. 2. - 606 с.
299. Павловская Л. Холерные годы в России: ист. очерк. – СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1893. - 92 с.
300. Панаев И.И. Из «Воспоминания о Белинском» // Гоголь в воспоминаниях современников / Под общ. ред. Н. Бродского, Ф. Гладкова, Ф.М. Головенченко и др.; ред. текста, предисл., коммент. С. Машинского. – М: Гослитиздат, 1952. С. 217-219.
301. Пасхарьян Н.Т. Реальность – текст – литература: динамика взаимодействия // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 2. С. 66–76.

302. Пережогин А.А. Чиновничество Алтая (1747-1871 гг.): справочник личного состава. – Барнаул: Азбука, 2012. -152 с.
303. Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сборник материалов. Государственное издательство / Сост. П.Е. Щеголев, предисл. Н. Рожкова. – М.-Л Гос. изд-во, 1926.– 295 с.
304. Петрашевцы. – М.: Типография В.М. Саблина, 1907. – 153 с.
305. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. – М.: Русский. язык, 1984. – 384 с.
306. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии / Под ред. и с предисл. К.В. Харламповича. – Казань, 1905.
307. Пищальникова В.А. Симметрия и асимметрия текста как синергетической системы // Культура. Образование. Духовность: мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Бийск. гос. пед. ин-та. Т. 2. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 1999. С. 167–171.
308. Подрябинкина А.Г. Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 51–68.
309. Полный церковнославянский словарь / Составитель: Священник Григорий Дьяченко. – М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – Репринтное воспроизведение дореволюционного издания. – 1159 с.
310. Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века / Отв. ред. В.А. Келдыш; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2008. – 285 с.
311. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций.– СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - 843 с.
312. Постникова Е.Г. Феномен харизмы власти в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Практики и интерпретации. 2016. Т. 1. С. 123-138.

313. Почтовый дорожник или описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и всех присоединенных областей. – Санкт-Петербург, типографии Карла Крайя, 1829.- 486 с.
314. Почтовый дорожник Российской Империи / изданный по высочайшему повелению Почтовым Департаментом с приложением нумерной карты для отыскания дорог и географической карты.– СПб.: Типография II-го Отделения собственной Его Величества канцелярии, 1852. -273 с.
315. Почтовый дорожник Российской Империи : с приложением нумерной карты / изданный по высочайшему повелению Почтовым Департаментом.– С.-Петербург : [Тип. т-ва "Общественная польза"], 1875 .- 630 с.
316. Приходько И.С. Ответ оппоненту (М.Л. Гаспарову) // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж. Вып. 8. 1997. С. 13.
317. Проскурин В.Н. Путешествие в край Семи Рек // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2013. № 1. С. 39-41.
318. Проскурин В.Н. Томас Аткинсон в Казахстане // Простор. 2014. № 1. Январь. С. 179-184.
319. Путешествие с Достоевским. Сибирь. Европа, буклет. Литературно-мемориальный музей Достоевского в Новокузнецке, Лотус-Пресс, 2017. б/с
320. Пушкарева И.А. Дискурс городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) конца XX-начала XXI века как отражение ценностной картины мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 – Томск, 2017.-510 с.
321. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 тт.– Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1949. Собр. соч. Т. 1. 1937. - 531 с. Т. 5. 1948. - 543 с.
322. Разумова Н.Е. Чехов, Сибирь и литературная традиция // Проблемы литературных жанров : материалы IX Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня основания Том. гос. ун-та 8-10 дек. 1998 г. Ч. 2. – Томск, 1999. С. 37-42.
323. Ранчин А.М. Филология и философия: В.Н. Топоров и изучение древнерусской агиографии // Россия XXI – 2011. Вып. 1. С. 140-151.

324. Раппопорт Г. Первые русские писатели Алтая // Страницы литературного прошлого Алтая : лит.-краевед. ст. и очерки. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1958. – С. 20-30.
325. Редько Н.Н. Некоторые черты социальной среды в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1986. № 1. С. 81-84.
326. Реизов Б.Г. Достоевский и Диккенс // Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970а. С. 159-169.
327. Реизов Б.Г. К истории замысла «Братьев Карамазовых» // Реизов Б.Г. Из истории европейских литератур. – Л. Издательство Ленинградского университета, 1970 б. С. 129-138.
328. Рейнус Л.М. О пейзаже Скотоприготьевска // Достоевский. Материалы и исследования. – Вып. 9. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 258-266.
329. Рейнус Л.М. Три адреса Достоевского. – Л.: Лениздат, 1985. – 80 с.
330. Ризенкампф А.Е. Воспоминания о Федоровиче Михайловиче Достоевском <Воспоминания о Ф.М. Достоевском в записках и персказе О.Ф. Миллера> // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 тт. / Вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина. – М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 176-191.
331. Родзевич С.И. К истории русского романтизма (Э.Т.А. Гофман и 30-40 гг. в нашей литературе). – Петроград: Тип. А.В. Орлова, 1917. – 45 с.
332. Родина Т.М. Достоевский. Повествование и драма. – М.: Наука, 1984.– 246 с.
333. Российское законодательство X-XX веков [Тексты и комментарии]: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984-1994. Тт. 1-9. Т. 4.1986
334. Русская провинция: миф-текст-реальность / РАН. – Москва: Тема, 2000. – 490 с.
335. Русский травелог XVIII-XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: [коллективная монография] / под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой;

- Новосиб. гос. пед. ун-т, Ин-т филологии, массовой информации и коммуникации. – Новосибирск: НГПУ, 2016. -462 с.
336. Сакулин П.Н. Второе начало // Достоевский Ф.М. Письма. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 2. С. 523–545.
337. Сараскина Л.И. Достоевский. – М.: Молодая гвардия, 2011.- 825 с.
338. Сафронова Е.Ю. Барнаул в творческой рефлексии Ф.М. Достоевского // Славянские языки и культура в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23-26 мая 2016 г.). К юбилею М.Л. Ремневой. Сост. О.В. Дедова и др. – М., 2016. С. 418-421.
339. Сафронова Е.Ю. «Объяснение» Ф.М. Достоевского следственной комиссии: структура документально-художественного целого // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (167). С. 123-138.
340. Сафронова Е.Ю. Genius loci в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Том 16. № 3. С. 65-84.
341. Сафронова Е.Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф.М. Достоевского // Культура и текст. 2017. 3 (30). С. 125-138.
342. Сафронова Е.Ю. Барнаул в эпистолярном творчестве Ф.М. Достоевского: к 160-летию первого визита писателя // Алтайский текст в русской культуре: сб. ст. / Под ред. М.П. Гребневой.- Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. 6. С. 311-324.
343. Сафронова Е.Ю. Барнаульский текст Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы) // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: сборник научных статей / отв. ред. А.И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. С. 102-110.
344. Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846–1862 гг.: монография. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета. 2013. - 182 с.

345. Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф.М. Достоевского 1846-1862 гг.: дисс... к.филол.н., – Барнаул, 2006. - 218 с.
346. Сафронова Е.Ю. К вопросу о городе Мордасове: А.Н. Гернгросс и Ф.М. Достоевский (архивные разыскания) // Культура и текст. 2018. № 1 (38). С. 118-143.
347. Сафронова Е.Ю. Литературные источники «Объяснения» Достоевского на процессе по делу петрашевцев // Современные проблемы изучения поэтики и биографии Достоевского: рецепция, вариации, интерпретации / под редакцией В.Н. Захарова, К.А. Степанян, Б.Н. Тихомирова. – СПб., 2016. (Dostoevskymonographs; вып. 5). С. 275–287.
348. Сафронова Е.Ю. Мифологема Сибири в художественной антропологии романа «Идиот» // Международный Симпозиум «Антропология Достоевского». Тезисы и аннотации докладов. – София. 2018. С. 54.
349. Сафронова Е.Ю. Проблема правового житнетекста Ф.М. Достоевского: дело с П.А. Карепиным // Культура и текст. 2016 (26). № 3. С. 29-43.
350. Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского и Г.Д. Гребенщикова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки» 2018. № 1. С. 170-175.
351. Сафронова Е.Ю. Топос усадебного рая в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Второй Международный форум Иранской ассоциации русского языка и литературы «Русский язык и литература в современном мире»: проблемы и перспективы: сборник тезисов Международного форума ИАРЯЛ. – Тегеран, Иран, 2018. С. 51.
352. Сафронова Е.Ю. Топос Испании в сибирских повестях Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 101-112.
353. Сафронова Е.Ю. Топос Сибири в творчестве Ф.М. Достоевского // Алтайский текст в русской культуре: сб. статей / Под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул, 2017. – Вып. 7. С.154-168.

354. Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 76-85.
355. Сафронова Е.Ю. Топос усадебного рая в романе Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2019. № 7 (2). С. 169-186.
356. Сафронова Е.Ю. «Дядюшкин сон»: проблема жанра произведения Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2019. № 3. С. 82-100.
357. Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского: проблемы и перспективы // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 54-96.
358. Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров: (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) // Вестник культуры Алтайского края. – Барнаул 2003 а. № 1 (9). С. 4-6.
359. Свободная И.Н. Благородный любительский театр горных офицеров (к 175-летию основания любительского театра Алтайского горного округа) (продолжение) // Вестник культуры Алтайского края. – Барнаул. 2003 б. № 2 (10) июнь. С. 4-7.
360. Северный и сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2014. - 384 с.
361. Северный текст русской литературы: сборник. Вып. 1 / Сост. Е.Ш. Галимова. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. -196 с.
362. Селезнев Ю.И. Идея свободы и вопросы художественного единства в «Записках из Мертвого дома» // Писатель и жизнь: Сб. историко-литер., теорет. и критич. ст. / Под ред. С.Д. Артамонова, Ф.Г. Бирюкова, А.И. Власенко и др. – М. Сов. писатель, 1974. С. 116-126.
363. Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст: Сб. науч. ст. / отв. ред. А.Г. Лошаков, Л.А. Савёлова.– Архангельск, Изд-во Поморского университета, 2010. -524 с.

364. Семенов Тянь-Шаньский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. – М.: Юрайт, 2018.- 223 с.
365. Семенов-Тян-Шанский П.П. Из «Мемуаров» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 тт. / Вступ. ст., сост. и коммент. К. Тюнькина. – М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 291-311.
366. Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 годах. Мемуары.– М., ОГИЗ, 1946. Т. 2. - 256 с.
367. Семькина Р.С.-И. О комическом в эстетике и творчестве Ф.М. Достоевского // Новая школа: научно-публицистический сборник / [редкол.: М. Евстафьева (гл. ред.) и др.]. – Барнаул, 1996. Вып. 1. С. 61-62.
368. Семькина Р.С.-И. Поэтика комического характера в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Новая школа: научно-публицистический сборник / [редкол.: М. Евстафьева (гл. ред.) и др.]. – Барнаул, 1996. –Вып. 1. С. 63-65.
369. Семькина Р.С.-И. Поэтика хронотопа в повести «Село Степанчиково и его обитатели» // Культура и текст. 1997. № 2. С. 14-18.
370. Семькина Р.С.-И. Проза Ф.М. Достоевского 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели»: (Комическое: мир и характеры). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. - 17 с.
371. Семькина Р.С.-И. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник/ Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб, 2008. С. 163-167.
372. Семькина Р.С.-И. Специфика комического мира в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Культура и текст: литературоведение: сборник научных трудов / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Барнаульский государственный педагогический университет; [под ред. Г.П. Козубовской]. – СПб.; Барнаул, 1998. Ч. 2. С. 89-92.
373. Сергеев А.Д. Роль Ф.В. Геблера в «приготовлении» медицинских учеников // Краеведческие записки. Вып. 4. Барнаул, 2001. С. 31-40.
374. Сердцева Н. Кант: принципы, идеи, судьба. – М.: Эксмо, 2019. -192 с.

375. Серман И.З. Достоевский и Гёте // Достоевский: Исследования и материалы. – СПб., 1997. Т. 14. С. 46-57.
376. Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков. Серия Универсалии культуры. Вып. VI: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. – М.: Флинта: Наука, 2015.- 382 с.
377. Сибирская тема в периодической печати, альманахах и сборниках XIX века. (1800-1900 гг.) : учеб.-библиогр. справочник для преподавателей, студентов, работников печати, краеведов / Сост. доц. А.А. Богданова; Под ред. проф. В.А. Цыбенко; – Новосибирск: [б. и.], 1970. - 53 с.
378. Сибирский текст в русской культуре: к 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири. – Томск: Сибирика, 2002. – 270 с.
379. Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст., ред.-сост. А.П. Казаркин. Вып. 2.– Томск: Сибирика, 2007. – 276 с.
380. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография; отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010.-237 с.
381. Сибирь в контексте мировой культуры: Опыт самоописания: Коллектив. моногр. / Сост., науч. ред. и авт. вступ. ст. А.П. Казаркин.– Томск : Сибирика, 2003. - 215 с.
382. Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. – Новосибирск. Изд-во СО РАН, 2002. - 225 с.
383. Сиренко О.В. Любовная интрига как структурный компонент «колониационного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке) // Филология и человек. 2009. № 4. С. 85-92.
384. Скотопригоньевск и Старая Русса / Г.И. Смирнов; О-во любителей рос. словесности [и др.]. – М.: Лурена, 2001. - 100 с.
385. Скубневский В.А. Пранг Матвей Богданович // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4-х тт.– Новосибирск, РИПЭЛ плюс, 1997. Т. 3. Кн. 3. С. 53

386. Скуридина С.А. Антропонимикон повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 76–81.
387. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык. 1990. - 624 с.
388. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22. –М.: Наука, 1997.-298 с.
389. Словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы. 1999. Т. 2. -736 с. Т. 3. - 752 с. Т. 4. - 800 с.
390. Смольняков К.П. Скотопригоньевск и град святой Иерусалим (продолжение) //Достоевский и мировая культура. 2013. № 30. Ч. 1. С. 343-362.
391. Смольняков К.П. Скотопригоньевск и град святой Иерусалим //Достоевский и мировая культура. 2009. № 25. С. 374-392.
392. Соболева Т.Н. Возвращение Алтайского округа в ведомство Кабинета и управление горно-заводским комплексом в 1855-1861 гг. // Т.Н. Соболева, В.Н. Разгон. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае. – Барнаул, 1997. С. 133-150.
393. Современный словарь-справочник по искусству / Под ред. А.А. Мелик-Пашаева. – М.: Олимп-Аст, 2000. - 813 с.
394. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. Ред. Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры. 2003. - 568 с.
395. Созина Е.К. Сознание и письмо в русской литературе. – Екатеринбург. Изд-во Уральского университета, 2001. – 552 с.
396. Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. – Тверь: Изд-во Батасовой, 2010. – 172 с.
397. Список гражданским чинам 1-4 класса. Издание инспекторского отдела Собственной Ее императорского величества канцелярии. Испр. на 1 сентября 1914 г. – Петроград. Сенатская типография.
398. Старцев А.В.,Тяпкин М.О., Тяпкина О.А. История Барнаула XVIII-XX вв.: учебное пособие для средней школы. – 3-е изд. –Барнаул: ООО ТЛ «Красный угол», 2010. - 394 с.

399. Стенина В.Ф. «Петербургский текст» в эпистолярной прозе А.П. Чехова // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 6–8.
400. Тарасова Н.А. Проблемы подготовки реального комментария (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») // Филология как призвание: сборник статей к юбилею профессора Владимира Николаевича Захарова / отв. ред. А.В. Пигин, И.С. Андрианова ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2019. С. 71-104.
401. Тихомиров Б.А. Преподобный Макарий (Глухарев): Миссионерский подвиг и перевод Библии // Христианское чтение 2017. № 3. С. 10-38.
402. Тихомиров Б.Н. Академический комментарий: цели, задачи, принципы // Достоевский и мировая культура. – СПб.: Серебряный век, 2008. № 24. С. 117-126.
403. Тихомиров Б.Н. Грустные и смешные персонажи Достоевского // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга первая: Слабое сердце; Чужая жена и муж под кроватью; Маленький герой; Дядюшкин сон / Сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова. Ил. А.А. Джигирей. – СПб.: Вита Нова, 2017. С. 396-449.
404. Тихомиров Б.Н. Комментарии // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга первая: Слабое сердце; Чужая жена и муж под кроватью; Маленький герой; Дядюшкин сон / Сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова. Ил. А.А. Джигирей. – СПб.: Вита Нова, 2017. С. 329-395.
405. Тихомиров Б.Н. Комментарии // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга вторая: Скверный анекдот; Крокодил; Вечный муж; Бобок; Кроткая; Сон смешного человека; Тритон / Сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова. Ил. А.А. Джигирей. – СПб.: Вита Нова, 2019. С. 385-434.
406. Тихомиров Б.Н. Такой разный Достоевский // Достоевский Ф.М. Малая проза. Книга вторая: Скверный анекдот; Крокодил; Вечный муж; Бобок; Кроткая; Сон смешного человека; Тритон / Сост., статья и коммент. Б.Н. Тихомирова. Ил. А.А. Джигирей. – СПб.: Вита Нова, 2019. С. 435-532.

407. Тихомиров Б.Н. Обыск брачный № 17: текст и судьба (Документ о венчании Достоевского в Кузнецке 6 февраля 1857 г.) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 4. С. 132–157.
408. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 тт. – М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 856 с.
409. Тишкина Т.В. О необходимости сохранения памяти о Ф.В. Геблере – исследователе Алтая и одном из основателей Барнаульского музея (по материалам деятельности местных краеведческих организаций в 1920-е гг.) // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 140-144.
410. Толстой А.К. Сочинения. В 2-х тт. – М.: Худож. лит-ра, 1984. Т. 1.- 589 с.
411. Томашевский Б.В. Писатель и книга: очерк текстологии. – М.: Искусство, 1959. - 279 с.
412. Тодд У М. III. Достоевский как профессиональный писатель: профессия, занятие, этика // Новое литературное обозрение. № 58 (2002. № 6). С. 15-43.
413. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт.– М.: Художественная литература, 1928-1954. Т. 16. 1955.С. 4-18.
414. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – Москва: «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 269-367.
415. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб.: Искусство, 2003. - 617 с.
416. Трофимова Т.Б. Полемический подтекст повести «Дядюшкин сон» // Русская литература. 2011. № 3. С. 92–97.
417. Трофимова Т.Б. Достоевский и Пушкин. Литературные параллели в повести «Дядюшкин сон» // Материалы и исследования. – СПб., 2010. Т. 19. С. 295-300.
418. Тузова Т.М. Экзистенция // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 3-е изд., 2003. С. 1214-1216.

419. Туниманов В.А. Творчество Достоевского 1854-1862 гг. – Л.: Наука, 1980. - 298 с.
420. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – Москва: Наука, 1977. – 576 с.
421. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. С. 198–226.
422. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35.
423. Тюпа В.И. Мифопоэтика сопряжения художника и жизни // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 122-137.
424. Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
425. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова.– СПб.: Алетейя, 1998. - 256 с.
426. Утехин Н.П. Комические повести и рассказы Достоевского // Село Степанчиково и его обитатели. – М.: Советская Россия, 1986. С. 3-32.
427. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1990 . Т. 1. - 623 с.
428. Фазиулина И.В. Сон и сновидение в раннем творчестве Ф.М. Достоевского: поэтика и онтология: автореф. к. филол. н.: 10.01.01, Ижевск, 2005. - 28 с.
429. Фаликова Н.Э. Американские мотивы в поздних романах Ф.М. Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Захаров. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 199-241.
430. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. – М.: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2004. Т. 3. - 831 с.
431. Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах. / под ред. В.С. Нечаевой. – М.: Просвещение, 1972. - 447 с.
432. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. - 448 с.
433. Фрейденберг О.М. Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. Вып. 6. – Тарту, 1973. С. 490–497.

434. Фридлиндер Г.М. Достоевский и Старая Русса // Достоевский и современность: сборник тезисов выступлений на «Старорусских чтениях». – Новгород, 1991. Ч. I. С. 3–7.
435. Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского. – М.-Л.: Наука, 1964. -404 с.
436. Фридрих Вильгельмович Геблер : биобиблиогр. указ / Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В.Я. Шишкова; Алт. гос. краевед. музей; сост. Н.В. Воробьева, Е.В. Павлушкина, Л.А. Сметанкина, Э.Г. Штанько, авт. вступ. ст. О.В. Падалкина; отв. ред. В.С. Олейник. – Барнаул: ООО «Агентство рекламных технологий», 2008. - 36 с.
437. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. В. Наумова. – М. Ad Marginem, 1999. -480 с.
438. Холондович Е.Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского: Дисс. на соиск...к.психол. н. – М., 2010. – 260 с.
439. Хроника рода Достоевских / Под ред. И.Л. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, 2012. - 1232 с.
440. Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Отдел специальной документации: Путеводитель / Отв. ред. Н. И. Разгон; Отв. сост. Е. Д. Егорова. - Москва : Звенья, 2001. - 959 с.
441. Чаплл Р. Материалы для «Словаря языка достоевского» (реалии культуры, истории и быта Германии) //Достоевский: материалы и исследования. 1992. Т. 10. С. 242-254.
442. Червинскене Е.П. Свобода личности в мире идей Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 68-74.
443. Червяков И. Достоевский в Кузнецке: новые факты // Кузнецкий рабочий. 2015. 2 апреля. С. 3.
444. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 тт. – 8 изд. М.: Русский язык, 2007. Т. 2.- 560 с.
445. Черняева Т.Г. Начало творческой биографии Г.Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: Материалы научного семинара «Алтайский

- текст в русской литературе второй половины XIX - начала XX в.» Вып. 1 / Под ред. Т.Г. Черняевой. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 36-47.
446. Чирков Н.М. О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы. М.:Наука, 1967.– 309 с.
447. Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы. – Красноярск: КГПУ, 1992. - 199 с.
448. Чулков Г. Как работал Достоевский. – М.: Советский писатель, 1939.- 339 с.
449. Шадрин А.С. Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского (г. Кузнецк, 1856-1857 гг.). – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2016.- 231 с.
450. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М. : Прозерпина : ТОО «Школа», 1994 . – 400 с.
451. Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII века: (историко-географический очерк). – М.: Институт российской истории РАН, 1996. – 288 с.
452. Шайкевич А.Я. Статистический словарь языка Достоевского / А.Я.Шайкевич, В.М. Андрущенко, Н.А. Ребецкая. – М.: Языки славянских культур, 2003. - 880 с.
453. Шилленков В.Г. Жужелицы рода *Carabus* L. (Coleoptera, Carabidae) Южной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. - 80 с.
454. Шкловский В.Б. За и против. Заметки о Достоевском. – М.: Советский писатель, 1957.- 262 с.
455. Шумкова Т.Л. Стихия позднеромантической иронии в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Достоевский и современность: Мат. XXIII Международ. чтений 2008 г. – Великий Новгород, 2009. Ч. 2. С. 141-149.
456. Щенников Г.К. Иван Карамазов – русский Фауст // Достоевский в конце XX века. – М., 1996. С. 298 - 329.
457. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда: Геокультурологическое исследование по русской классической литературе» – Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1997. - 315 с.

458. Эткинд А.М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. – М.: Новое литературное обозрение. - 496 с.
459. Юдалевич М. «Странная» судьба Степана Исакова // Вечерний Барнаул. 1996. 3 декабря. С. 6
460. Юхнович Ю.В. Старорусский текст Ф. М. Достоевского. Автореф... к.ф.н. – Саратов, 2017. -18 с.
461. Юхнович Ю.В. Старорусский текст Ф.М. Достоевского: структура и определение понятий // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. С. 173 -188.
462. Юхнович В.И. Культурное пространство Старой Руссы (аспекты изучения локального текста). – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011. –135 с.
463. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск, 2004. С. 227-235.
464. Якубова Р.Х. Балаганный текст в повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Достоевский и современность: материалы XX Международной Старорусских чтений 2006. Великий Новгород, 2007. С. 410-421.
465. Якубова Р.Х. Литературная трансформация балаганного кукольного театра в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Фольклор народов России. Фольклор и фольклорно-литературные взаимосвязи.– Уфа: Башкирский государственный университет, 2000. С. 130-140.
466. Якубович И.Д. «Братья Карамазовы» и следственное дело Д.И. Ильинского // Достоевский: Материалы и исследования. – Л., 1976. Т. 2. С. 119-124.
467. Якубович И.Д. Комментарии: Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. Т. 4. С. 531–558.
468. Ясперс К. Кант: жизнь, труды, влияние. / Перевод А.Л. Судакова.– М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. - 416 с.
469. Якушин Н.И. Достоевский в Сибири. Очерк жизни и творчества. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1960.-208 с.

470. Blake Elizabeth A. Travels from Dostoevsky's Siberia. Encounters with Polish Literary Exiles. – Boston: Academic Studies Press, 2019. - 226 p.
471. Dostojewskij und Europa / edited Gudrun Goes. München – Berlin, Verlag Otto Sagner. 2010. 190 p.
472. Gebler F.W. Observations entomologicae // Memoires de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. 1823. Tome VI.
473. Gerigk Horst-Jürgen. Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute) // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert. – Herausgeben von Dittmar Dahlmann, Wilfried Potthoff / Herrasowitz Verlag, Wiesbaden. 2004. Ss. 95-126.
474. Gerigk Horst-Jürgen. Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute. – Tübingen: Attempo Verlag 2000. 93 p.
475. Frye N. Anatomy of Criticism. Princeton: Princeton University Press, 1957. - 383 c.
476. Hielscher K. Dostojewski in Deutschland. Erste Auflage. Frankfurt am Main und Leipzig, Insel Verlag 1999. 290 p.
477. Humiston Kim R. The Influence of Schiller's concept of aesthetics on Dostoevsky's major Fiction. – The Florida State University, 1987. 258 p.
478. Schulz C. Aspekte der Schiller'schen Kunsttheorie im literarischen Konzept von Dostojewski. München, 1992. 258 p.

Интернет-ресурсы

479. Alexander von Humboldt. – Режим доступа: https://dieterwunderlich.de/Alexander_Humboldt.htm (нем.)
480. Goethe's neue Schriften / Johann Wolfgang von Goethe. – Bd. 9. – Neue Aufl. – 1801. – 240 S. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: http://elibrary.ngonb.ru/catalog/4368/40155/?PAGEN_3=3
481. Leptura altaica Gebler, 1817– Режим доступа: // <https://www.gbif.org/search?q=leptura%20altaica>

482. Александр Фон Гумбольт в Сибири // Экспедиционный центр Красноярского краевого отделения русского географического общества. – Режим доступа: <http://ec-rgo-sfo.com/lichnosti/304-aleksandr-fon-gumbolt-v-sibiri>
483. Архипова А.В. Семипалатинские замыслы Достоевского (У истоков «Униженных и оскорбленных») // Достоевский: материалы и исследования. Т. 13. 1996. С. 50-64. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_13/05_Arhipova_50.pdf (дата обращения: 05.09.2016).
484. Баршт К.А. Об атрибуции портретных рисунков Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 77–109. Режим доступа: http://unknowndostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754821.pdf (20.04.2019).
485. Бекедин П.В. Малоизвестные материалы о пребывании Достоевского в Кузнецке // Достоевский. Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 227–238 // <https://www.fedordostoevsky.ru/files/pdf/mr07.pdf>
486. Бекман Валериан Александрович. – Режим доступа: <https://peoplelife.ru/28866>
487. Биология развития насекомых. – Режим доступа: <https://agroflora.ru/biologiya-razvitiya-nasekomyx/>
488. Богданов Н.Н. Михаил Волоцкой и его «хроника рода Достоевского» – Режим доступа: <http://www.hrono.info/text/2007/bogd0108.php>
489. Булгаков Валентин Федорович. Ф.М. Достоевский в Кузнецке – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bulgakow_w_f/text_1904_dostoevsky.shtml
490. Гернгросс Андрей Родионович // Федор Достоевский. Антология жизни и творчества. – Режим доступа: http://www.fedordostoevsky.ru/around/Gerngross_A_R
491. Гиголашвили М. Борьба с европейщиной в «Сибирских повестях» Достоевского // Топос: сетевой журнал. 2012. – Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/bibliotechka-egoista/borba-s-evropeishchinoi-v-sibirskikh-povestyakh-dostoevskogo>

492. Говорящие фамилии. Часть 2. – Режим доступа: // <https://www.bfm.ru/business-break/surname2/story/151>
493. Голуб О.С. Легенды о пребывании Достоевского в Кузнецке // Ф.М. Достоевский и мировой литературный процесс. Материалы конференции 14–15 ноября 2006 г., посвященной 185-летию со дня рождения писателя. – Режим доступа: <http://litmuseum.omskportal.ru/index.php/ru/publications?id=137>.
494. Гудкова Е.Ф. Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII-XIX вв. – Режим доступа: <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>
495. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.– СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881-82. Т. 2. 1881. - 814 с. Т. 3. 1882. - 584 с. Т. 4. 1882.-712 с. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3178/10118/>
496. Доманский В.А. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 56-60. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/291/image/291_56-60.pdf.
497. Достоевский и мировой литературный процесс. Материалы конференции 14–15 ноября 2006 г., посвящённой 185-летию со дня рождения писателя. – Режим доступа: <http://litmuseum.omskportal.ru/index.php/ru/publications?id=137>
498. Дулов А.В. Историография пребывания петрашевцев в Сибири – Режим доступа: http://www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1197
499. Зинин С.И. Введение в поэтическую ономастику. Ономастическое пространство художественного произведения. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <http://imja.name/poehtonimy/onomprostranstvo-proizvedeniya.shtml>
500. Ибатуллина Г. Исповедальное слово и экзистенциальный «стиль» (Экзистенциальное сознание как неосуществленная исповедальность). – Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108110880&archive=0215&start_from=&ucat=1&
501. Иоганн Вольфганг фон Гёте.– Режим доступа: <http://jwgoethe.ru/part-8-4-person-and-leader.htm>

502. Интернет-портал архивной службы Ярославской области. – Режим доступа: <http://www.yar-archives.ru>
503. Иоганн Вольфганг Гёте как минералог и коллекционер. – Режим доступа: <http://geo.web.ru/druza/a-Goethe.htm>
504. Иоганн Вольфганг Гёте: любопытные факты из жизни.– Режим доступа: <https://aussiedlerbote.de/2018/06/iogann-volfgang-gjote-ljubopytnye-fakty-iz-zhizni/>
505. Испания по-русски. Альгамбра – Режим доступа: // <http://www.espanarusa.com/ru/pedia/article/153216>
506. История презерватива от древности до наших дней. – Режим доступа: [//https://potaskyn.ru/polza/infa/istoriya-prezervativov](https://potaskyn.ru/polza/infa/istoriya-prezervativov)
507. Карта Томской губернии. – Режим доступа: <http://metalloiskateli-info.ru/wp-content/uploads/2012/02/tomskaya-guberniya-karta-2.gif>
508. Ковригин Николай Никифорович // Достоевский: антология жизни и творчества – Режим доступа:http://www.fedordostoevsky.ru/around/Kovrigin_N_N/
509. Назиров Р.Г. История усадебного сюжета. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/2017_1_2_homestead.pdf
510. Наседкин Н.Н. Барнаул Достоевского. – Режим доступа: http://niknas.narod.ru/4dost/dost_barnaul.htm (дата обращения: 05.09.2016).
511. Осипова Н.В. Вятский провинциальный текст в культурном пространстве (к вопросу о вятской самоидентификации) // Бинокль. – 2002. – № 16. – Режим доступа: <http://binokl-vyatka.narod.ru/B16/osip.htm>
512. Панаев И.И. Из «Воспоминания о Белинском» // Гоголь в воспоминаниях современников. – Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/87986/0/Gogol'_v_vospominaniyah_sovremennikov.html
513. Персональный сайт Владимира Проскурина [Электронный ресурс]. URL: http://proskurin.ucoz.kz/publ/puteshestvie_atkinsona_k_celebnym_vodopadam/5-1-0-227.
514. Печальная река – Режим доступа: [//http://altfishing-club.ru/blog/138/entry-747-pechalnaia-reka/](http://altfishing-club.ru/blog/138/entry-747-pechalnaia-reka/)

515. Пища для ума. Иммануил Кант (1724–1804) // [https://psiholog.mirtesen.ru/blog/43259853921/Pischa-dlya-uma.-Immanuil-Kant-\(1724–1804\)?nr=1](https://psiholog.mirtesen.ru/blog/43259853921/Pischa-dlya-uma.-Immanuil-Kant-(1724-1804)?nr=1)
516. Миличенко И. Правнук Достоевского: Федора Михайловича интересовали женщины, и секс у него был нормальный // Бульвар Гордона. 29 июля 2015 г. // <https://bulvar.com.ua/interview/Dostoevskiy-Fedor-Mihaylovich-interesovalsya-zhenshchinami-seks-u-nego-byl-normalnyu-a-na-smertnom-odre-on-klyalsya-posledney-zhene-chto-nikogda-ey-ne-izmenyal--9549.html>
517. Ребель Г. М. Ожидания и впечатления // Филолог: сетевой журн. – 2004. – Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_4_86.
518. Ризенкампф А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Публикация Г.Ф. Коган – Режим доступа: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/rizenkampf-vozpominaniya-o-dostoevskom.htm>
519. Россия. Полное географическое описание нашего отечества : настольная и дорожная книга для русских людей : [в 20 т.] / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского ; под общ. рук. П.П. Семенова-Тян-Шанского и В.И. Ламанского. – Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1899-1914. Т. 16. Западная Сибирь. – Санкт-Петербург, 1907. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <http://elib.tomsk.ru/page/425/>
520. Сафронова Е.Ю. Прототип ученого немца в повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Неизвестный Достоевский. 2019. № 2. С. 110–129. – Режим доступа: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562695359.pdf
521. Семенов Тянь-Шаньский Петр Петрович. – Режим доступа: <http://korkis.toveer.ru/SemenovT'yan'-Shan'sky.html>
522. Семипалатинская область. – Режим доступа: // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/331827>
523. Сибирский рассвет. – Режим доступа: // <http://akunb.altlib.ru/2011-09-05-13-02-14/>

524. Сибирь: взгляд извне и изнутри: духовные изменения пространства: Материалы Международной научной конференции. – Иркутск, 2004 – Режим доступа: // http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/
525. Скандин А.В. Достоевский в Семипалатинске // Ф.М. Достоевский в забытых неизвестных воспоминаниях современников. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 96-113. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <https://www.fedordostoevsky.ru/memories/friends/001/>
526. Смерть поэта // Лермонтовская Энциклопедия. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/Lre-abc/lre/lre-4776.htm>
527. Сочинения А. Пушкина.– СПб., Типография изготовления государственных бумаг, 1837. Т. 1. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=gvHAWNk_mjo%3d&tabid=10326
528. Старыгина В.О. «Дядюшкин сон» как комическая повесть // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб.:, 2013. С. 24-26. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/106/4459/> (дата обращения: 25.01.2018).
529. Старыгина В.О. Марионетки и кукловоды в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: Электр. сб. ст. по материалам XIV студенческой международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд. «СибАК». 2013. № 8 (11) С. 146-150. Режим доступа.: [http://www.sibac.info/archive/guman/8\(11\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/8(11).pdf).
530. Степáн Ильи́ч Иса́ков. – Режим доступа: // <http://lit.altlib.ru/personalii/isakov-stepan-ilich>
531. Странные привычки Иммануила Канта // <https://zen.yandex.ru/media/id/5af71e6ac3321b2347a22fb3/strannye-privyichki-immanuila-kanta-5afdc133a936f442b08bae87>

532. Ткаленко А. Подгрызающие совки: меры борьбы и профилактики – Режим доступа: [//https://good-tips.pro/index.php/house-and-garden/orchard-and-garden/vegetables/cutworms-measures-for-control-and-prevention](https://good-tips.pro/index.php/house-and-garden/orchard-and-garden/vegetables/cutworms-measures-for-control-and-prevention)
533. Трухан Е.Д. Кузнецкий почтмейстер, которого Достоевский выбрал «формалистом» // *Неизвестный Достоевский*. 2018. Т. 5. № 2. С. 29-44. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35534078>
534. Тусунбаева Т.У. Неизвестное об известном. «Человек для меня – святыня...» – Режим доступа: [// http://blagochestie.kz/index.php/glavnyj-razdel/14-istoriya-kрая/34-neizvestnoe-ob-izvestnom](http://blagochestie.kz/index.php/glavnyj-razdel/14-istoriya-kрая/34-neizvestnoe-ob-izvestnom)
535. Фокин П.Е. Дом на Божедомке // *The ergo journal* Русская философия и культура // <http://www.ergojournal.ru/?p=1676>
536. Фокин П.Е. Молодой Достоевский в воспоминаниях А.Е. Ризенкампа (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 1. С. 28–45. – Режим доступа: [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554224886.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821
537. Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников.– СПб.: Андреев и сыновья, 1993. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: [// https://www.fedordostoevsky.ru/memories/friends/001](https://www.fedordostoevsky.ru/memories/friends/001)
538. Что ели русские аристократы начала XIX века // – Режим доступа: https://weekend.rambler.ru/read/38907922/?utm_content=rweekend&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
539. Энциклопедия кулинарного искусства. Малага – Режим доступа: <http://alcala.ru/kulinarnogo-iskusstva/slovar-M/2083.shtml>
540. Яковлев Н. Заметка о жизни Достоевского в Семипалатинске // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. – СПб., Андреев и сыновья, 1993. С. 77-79. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа: <https://www.fedordostoevsky.ru/memories/friends/001/>
541. Gebler Fridericus. *Insecta Sibiriae rariora, descripsit* = [Геблер Ф.В. Редкие насекомые Сибири, описание] // *Memoires de la Societe [Imperiale] Naturalistes*

de Moscou. – Moscou, 1817. Т. 5. С. 315–333 + Tab. XIV, F. 4, 5. - Опис. табл.: с. 464-465. Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа:<http://books.e-heritage.ru/book/10086117>

542. Magazine der Entomology (1821). Электрон. версия печ. публ. – Режим доступа:http://poisk.ngonb.ru/flip/kvz/22/4560_Germar%20E.%20F.,%20.%20Magazin%20Entomologie%20-%201821/3/

543. *Macroleptura thoracica* (Creutzer, 1799) // <http://insecta.pro/ru/taxonomy/173121>

544. Martirosyan Annie. Dostoevsky Draws Shakespeare: The Fascinating Discovery. In: Entertainment. United Kingdom. 26 January 2016. Available at: http://www.huffingtonpost.co.uk/annie-martirosyan/dostoevsky-draws-shakespe_b_6327176.html (accessed on June 09, 2019). (In English)

Архивные источники

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

Ф.2. Оп.1. Д. 1714, 4027 а; 5848; 5367; 5377; 8061.

Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1451.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 5795; 6795; 6931; 6851.

Ф. 32. Оп. 1. Д. 309.

Ф. 50. Оп. 13. Д. 7.

Ф. 177. Оп.1. Д. 267.

Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17.

Государственный архив Томской области (ГАТО).

Ф. 99. Оп. 1. Д. 52.

Ф. 99. О. 1. Д. 232.

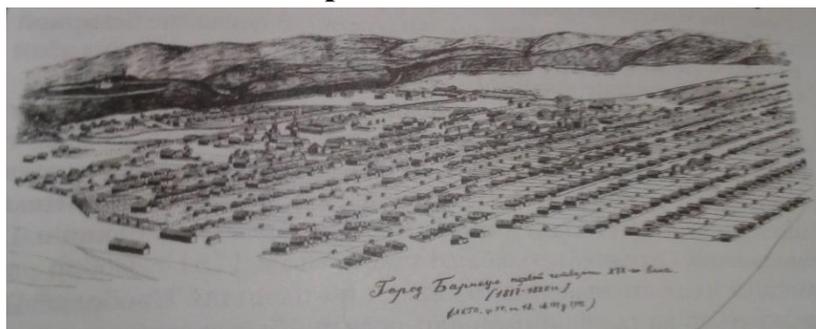
Ф. 99. О. 1. Д. 373.

Ф. 125. О. 1. Д. 121

Ф. 125. О. 1. Д. 171.

Ф. 125. О. 2. Д. 253.

Приложение 1

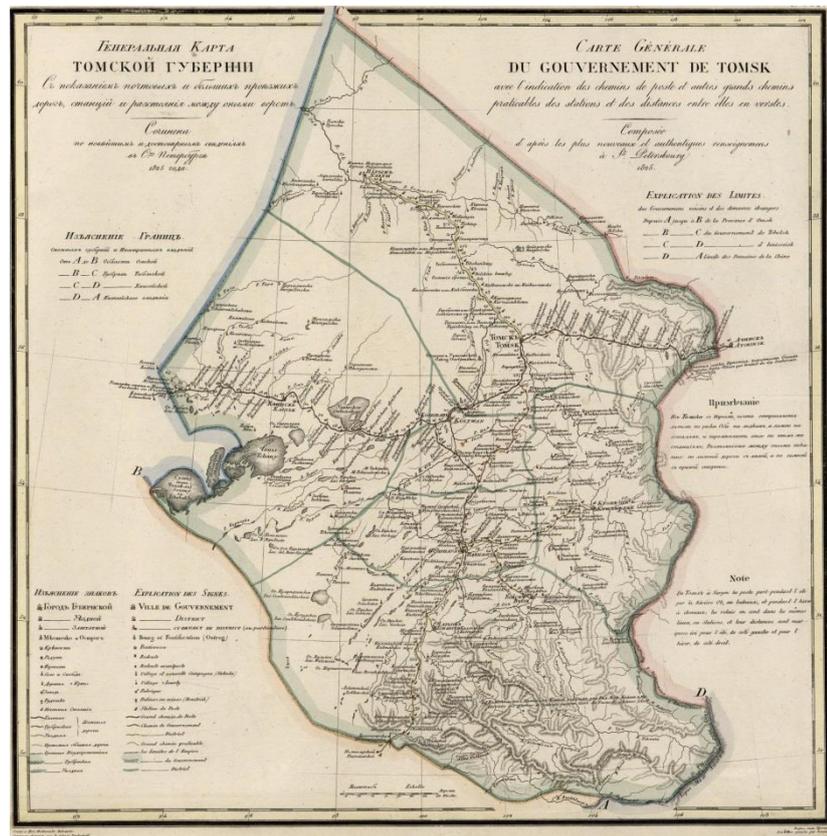

Панорамный рисунок Барнаула. Художник В.П. Петров. 1808 г.
©Алтайский государственный краеведческий музей

Приложение 2

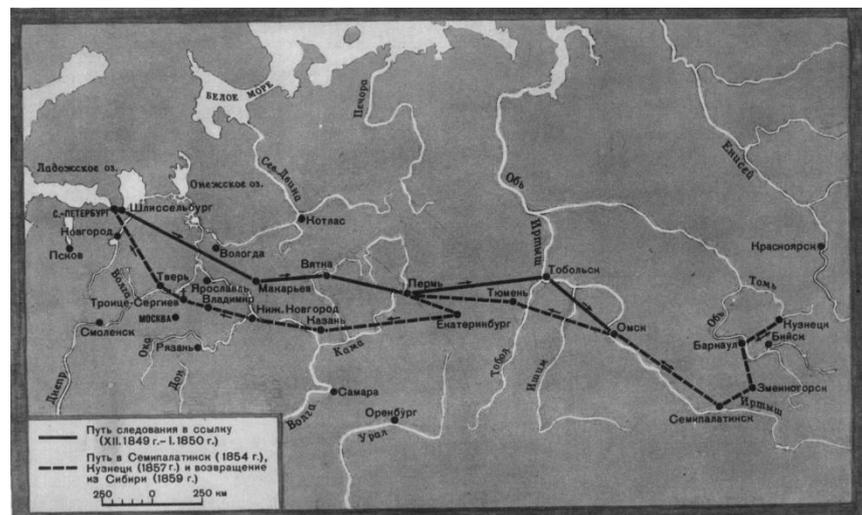

Карта Томской губернии

Генеральная карта Томской губернии. 1825 г.

<https://www.wdl.org/ru/item/14102/view/1/1/>

Маршрут следования Ф.М. Достоевского на каторгу и возвращения в Тверь после военной службы. 1850-1859

[Федор Михайлович Достоевский в портретах..., 1972, с. 177]

1857 г. 460 и 468 по сему...
 по сему...
 15 мая 1857 г. мему...
 А 267...
 В...
 ...
 ...

ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 39 об.

1857 г. 460 и 468 по сему...
 по сему...
 15 мая 1857 г. мему...
 А 267...
 В...
 ...
 ...

ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 232. Л. 40

Приложение 4

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
"Сибирский Разсвет"
Барнаул, Троицкая, 54

1919 г.

105

Уважаемый
О. Г. Барсков!

Редакция "Сибирского Разсвета" уверена, что
все материалы, поступающие в редакцию,
предоставленные О. М. Барсковым в Сибирском
Всесоюзном Центре, имеют высокое качество, что придает
ценность и великую ценность материалу, который
они представляют: они являются как документом и
источником и научным и историческим. Но главное
знать, что материал не в первом издании
оригинала, в издании, в издании и т. д. - качество
не отвечает требованиям работы О. М. Барсковым,
во избежание ошибок и потерь в издании
материала, знать, что они не представляют
трудности.

Мы считаем, что журнал и издание в
своем виде, имеют свою программу и задачи
всего, поэтому редакцию, не издается и
требует также много литературы и

кто, учитывая, а не отпуская из рук Журнал, —
Бирюкин "Результаты" и другие материалы
своих отправляет документ и материалы о В. М.
Давыдовича Журнал отсылает этим материалам
исчерпывающее письмо.

Председатель №1 Журнала для ознакомления
на предмет ВАС уведомит документ (используя
Ланге) о В. М. Журнал то на предмет ВАС
№1 Бирюкин Ланге отсылает копию, а на предмет
№2 Бирюкин, уведомит нас сразу же по
письму в Журнал.

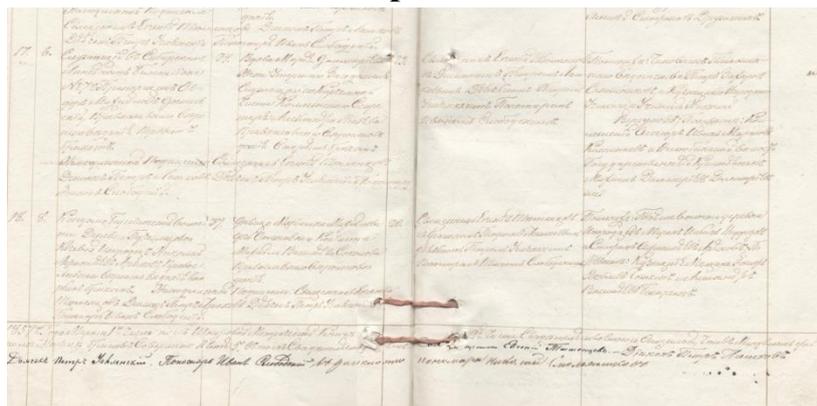
Комитетом по ВАС материалы были отнесены
председателю к ознакомлению или на ознакомление
для того чтобы рассмотреть их в материалах
нашего Журнала. Сообщаем, что с 1 марта
Журнал работает всесторонне в том же
объеме. Отрицать работы не хотим, у нас
они отложены и отложены рассматриваются. Отдохнуть
раньше не удалось.

В отделе ВАС тов. Кошечкин
и т. д.

Редколлегия

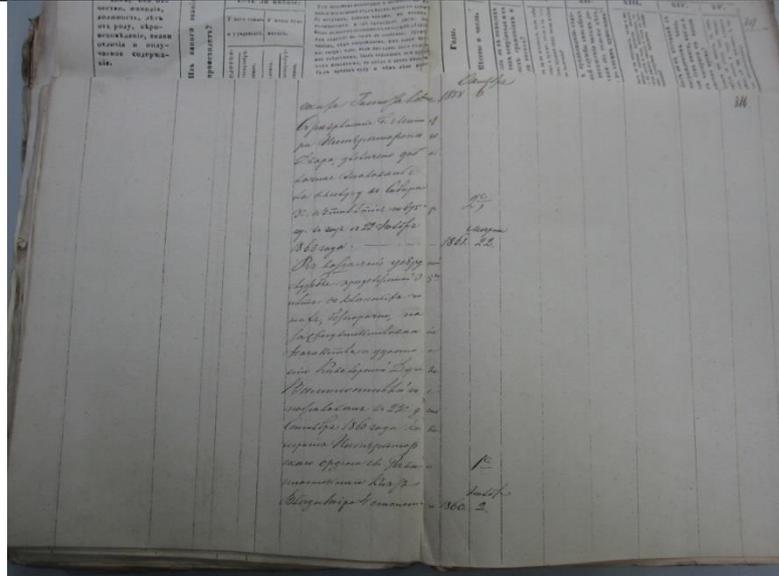
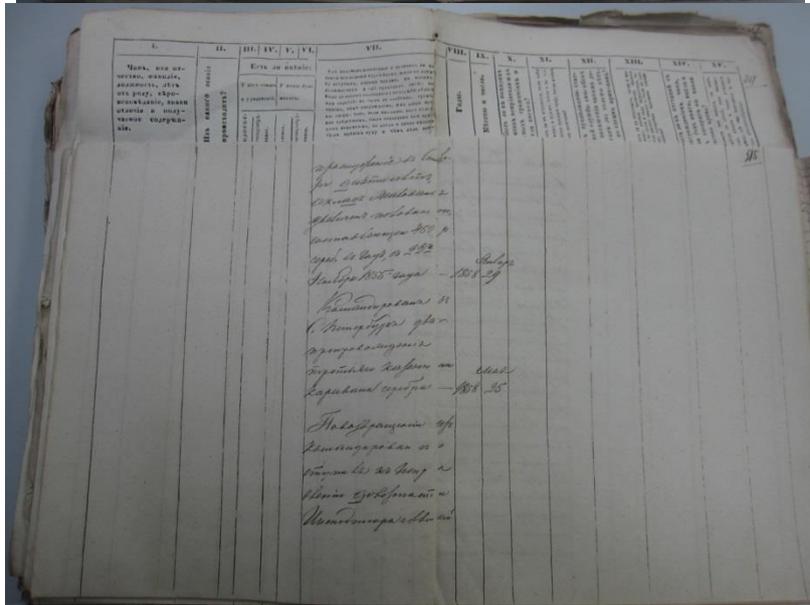
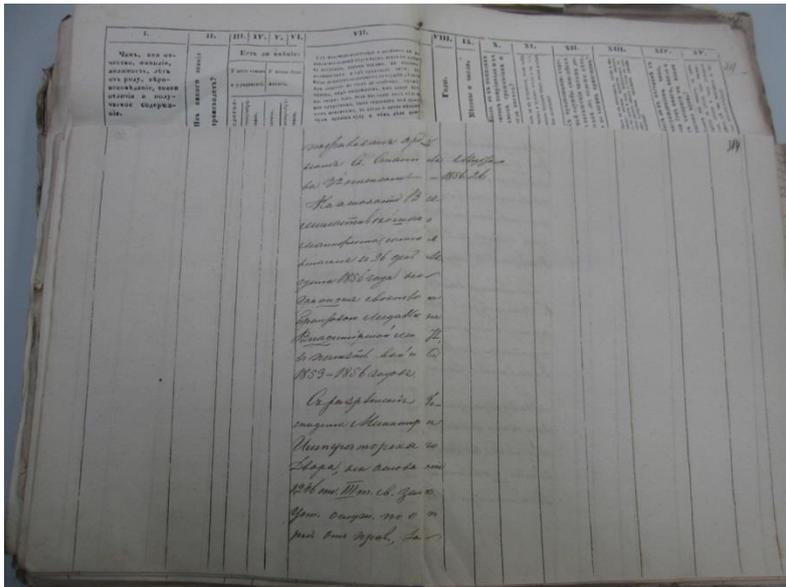
Ф. 236. Оп. 1. Ед. х. 3. Д. 17. Л. 105, 105 об.

Приложение 5

Метрическая книга Одигитриевской церкви города Кузнецк. 1857 г.
Метрическая запись о венчании Ф.М. Достоевского и М.Д. Исаевой. Кузнецк. 6 февраля, 1857. Фонд Новокузнецкого Литературно-Мемориального Музея Достоевского. КП-5973, ПИ-4251.

«Повенчаны: служащий в Сибирском линейном батальоне № 7 прапорщик Федор Михайлов Достоевский, православного вероисповедания, первым браком, 34 лет. Невеста его: вдова Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя по корчемной части, коллежского секретаря Александра Исаева, православного вероисповедания, вторым браком. Подлинную метрическую запись подписали священник Евгений Тюменцев, диакон Петр Лашков, дьячок Петр Углянский и пономарь Иван Слободский».

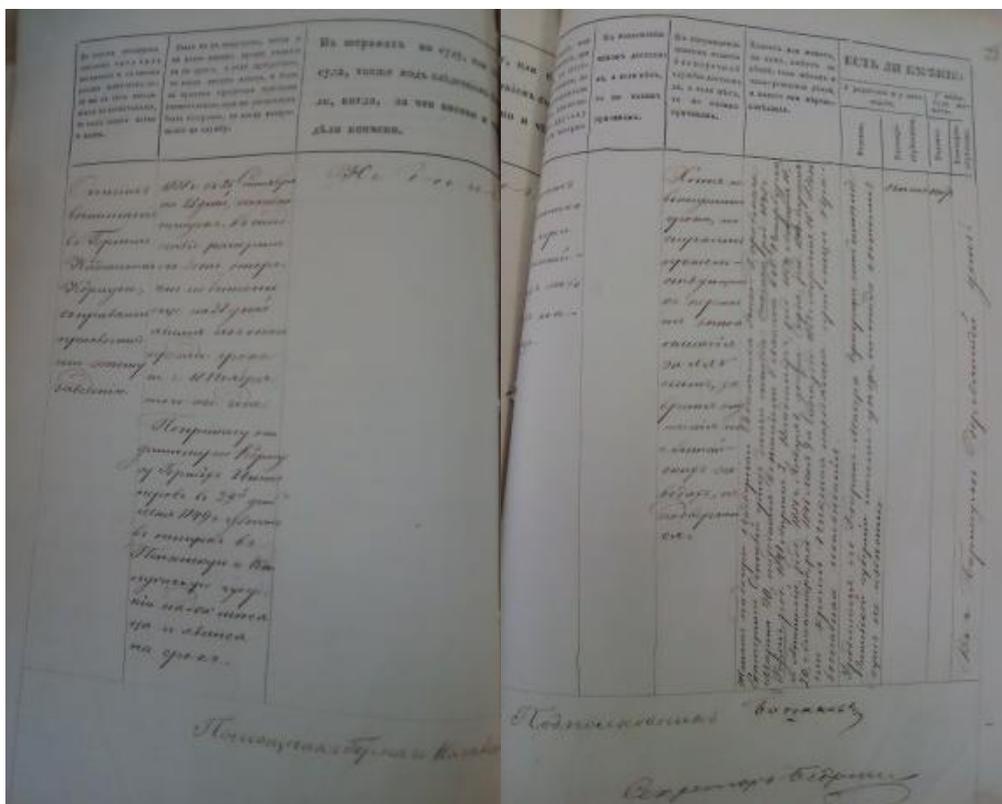

ГААК.Ф. 2. Оп. 1. Д. 6852. Л. 40-48.

Приложение 6

Андрей Родионович Гернгросс (1814-?)

Страницы архивного дела (ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5848. Л. 4-5)

	Отъ С.-Петербурга.	Отъ Москвы.
	Номера подробных маршрутов и число верст.	Номера подробных маршрутов и число верст.
Балтійскій портъ.	III.—392 вер.	I—Тосна, I (отъ а) Гачино и III — Балтійскій портъ,—945 вер.
Варгузскіе г. . .	I—Бологое, VI—Рибинскъ, № 3—Ильинское, № 92 — Варгузскіе, — 6277½, вер. Весною и осенью и въ другое время, когда бываетъ разливы водъ, чрезъ Москву,—4412½, вер.	XII—И-Новгородъ, № 14—Казань, № 20—Перь, № 3—Гарьинское, № 92—Варгузскіе,—5869½, вер.
Варгузскіе г. . .	I—Бологое, VI—Рибинскъ, № 3—Гарьинское, № 165—Голубина и № 72—Варгузскіе,—4076—вер. Весною и осенью, а также въ другое время, когда бываетъ разливы водъ, чрезъ Москву,—4211½, вер.	XII—И-Новгородъ, № 14—Казань, № 20—Перь, № 3—Гарьинское, № 165—Голубина и № 72—Варгузскіе,—3957½, вер.

Почтовый дорожник или описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и всех присоединенных областей: в 3 с. — Санкт-Петербург, типографии Карла Крайя, 1829. С. 56

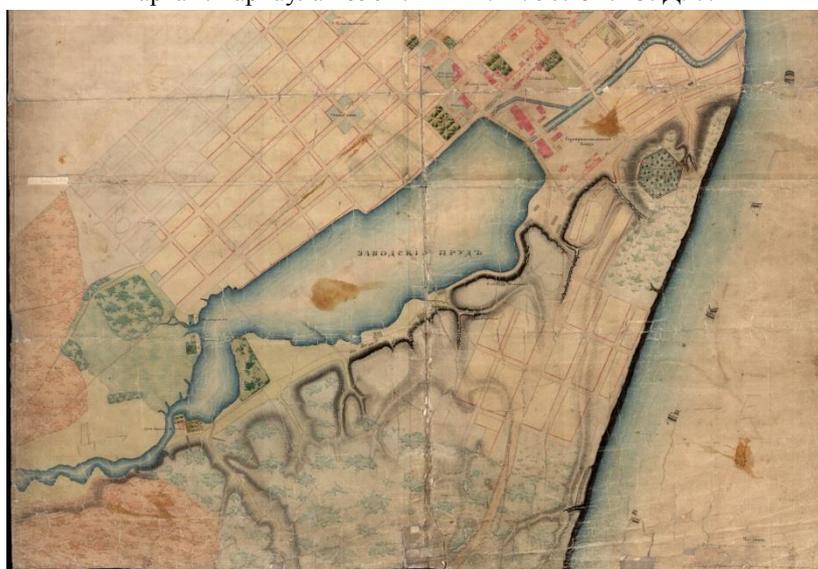
1866	ГЕРНГРОССЪ <i>Родионъ Андреевичъ.</i> Предсѣдатель Сольвычегодскаго, Вологодской губ., Уѣзднаго Сѣзда. Пожизненный Почетн. Членъ Сольвычегодск. Уѣздн. Попечительства дѣтскихъ пріютовъ.				Св. Стан. 3 ст. 1878 Св. Анны 3 ст. 1889 Св. Влад. 4 ст. 1902 (по статуту) Имѣеть медали: въ пам. Цар. ИМП. АЛЕКСАНДРА III, въ пам. 300 л. Цар. Д. Романов. за перепись 1897 г. и зн. Красн. кр.
	Въ службѣ съ	1864	Сент.	1	
	Офицеромъ —	1866	Авг.	8	
	Д. Ст. Сов. —	1908	Апр.	13	

Страница архивного дела Список гражданским чинам 1-4 класса. Издание инспекторского отдела Собственной Ее императорского величества канцелярии. Испр. на 1 сентября 1914 г. — Петроград. Сенатская типография. С. 996

Приложение 7

Карта г. Барнаула 1856 г. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 7.

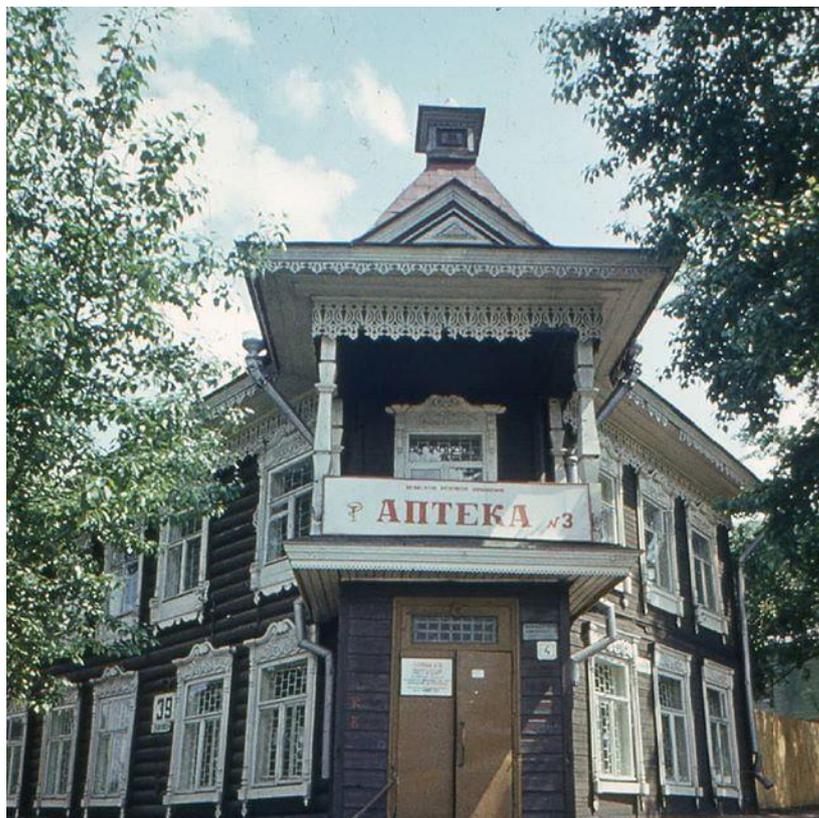

Карта г. Барнаула 1856 г. ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 7.

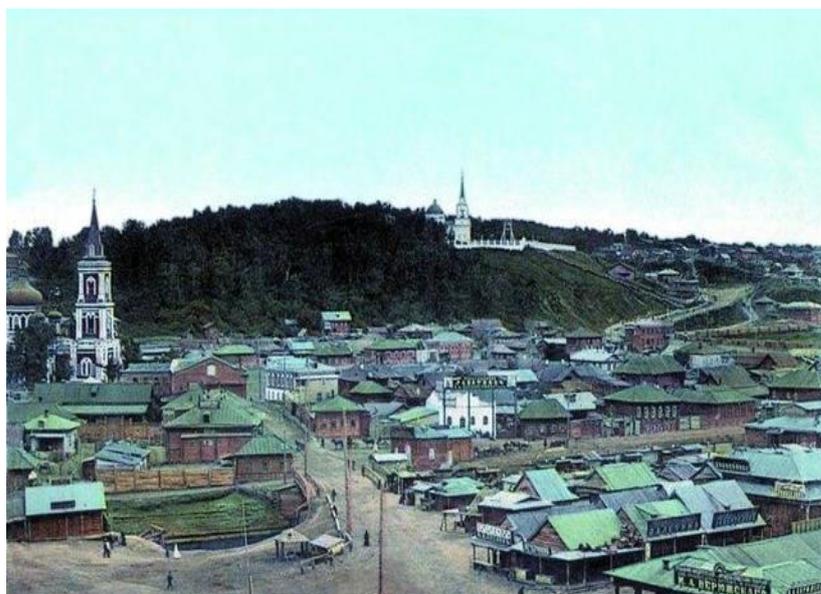
Приложение 8

Дом купца В.И. Зубова. Сенная площадь / ул. Большая Олонская, 39.

Дом купца В.И. Зубова на ул. Бол. Олонская, 39. Аптека № 3. ГААК.
Фотодокументы. Оп. 1. Д. 479

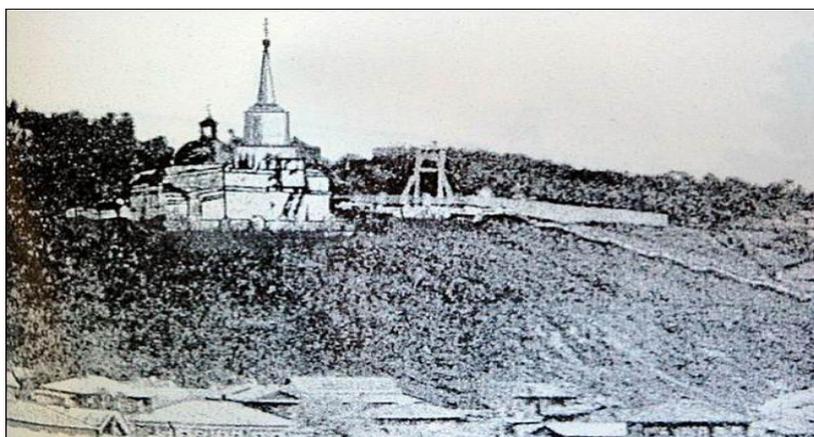
Барнаул, литография
Фото С.И. Борисова

Вид города Барнаул. Фотография С. Борисова.
©Государственный музей истории литературы, искусства и культуры
Алтая, Барнаул.
ОФ 15670/1

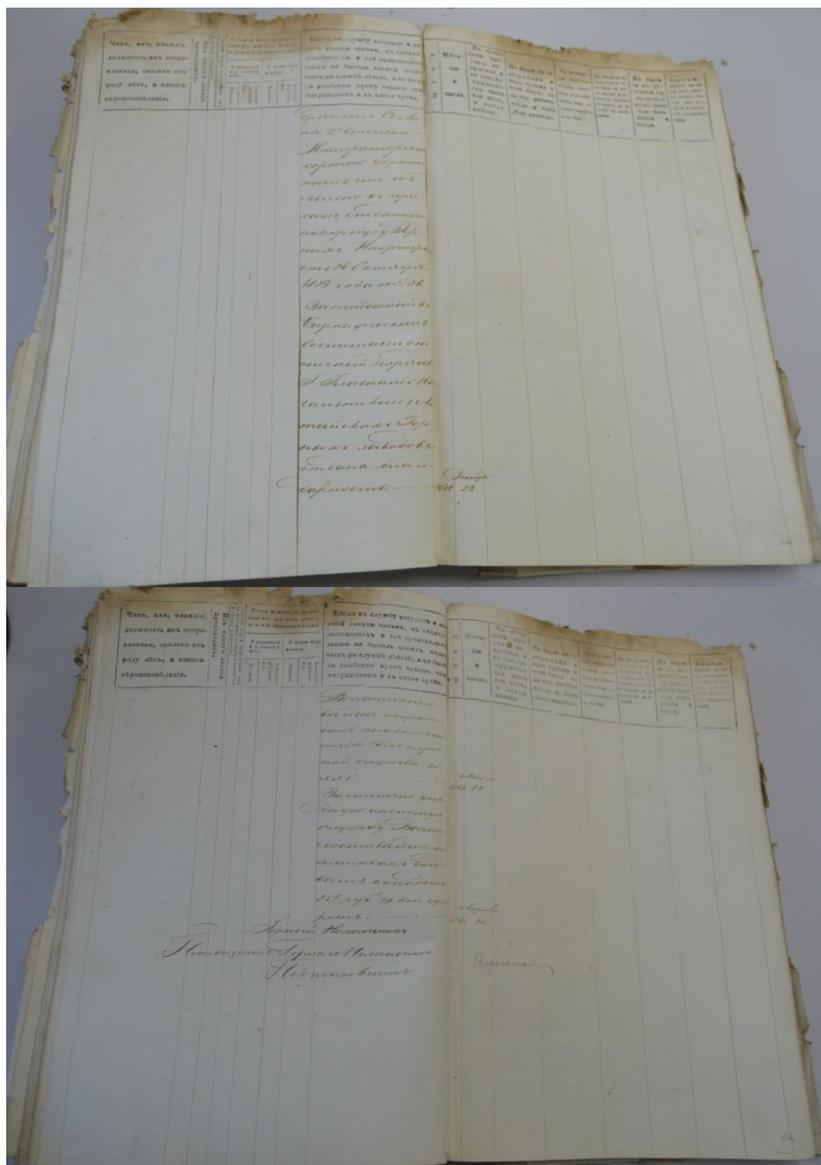
Могила доктора Геблера на Нагорном кладбище в Барнауле.
Фотоснимок с негатива П. А. Казанского. Нач. XX в.
©Алтайский государственный краеведческий музей, ОФ 498

Иоанно-Предтеченский храм на Барнаульской горе.
[Гармс, 2011 в, с. 74]

Памятный знак Ф.В. Геблеру (Барнаул, Нагорный парк).
Фото: И. Шестухина

ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5377. Нумерация сбита.
Формулярный список о службе статского советника Ф.В. Геблера 1848 г.

N. 3 Сентя 1842 №

М. Ф.
 Алтайское
 Горное Правление.
 II Отделение
 1. Стоя.

1^я Декабря
 1842 года
 А 6472^н

от перевозимых
 плавя кервей, чрез
 Алтайск

Всеподданнейше
 Александръ

Испектору Мецбургскому
 Части Доктору Георгию Степан
 скому Собстному и Камеру Тибору

Енисейский Высший Управлен
 при рапорте отъ 21 Августа сего
 года, представляя въ Горное Пра
 вление кервей, получившихся ввосток
 востокъ въ некоторыхъ селеняхъ
 на поляхъ, глубиною въ Земля на
 одинъ вершокъ и болше, которой по
 тогда кругами въ Земляхъ хоро
 травъ и растенъ возмощае зимой,
 но какъ описанъ и родъ кервей,
 какъ они употребляе не имеютъ
 на медицинскій употребленъ, равно
 въ какое время получены на
 поляхъ и спросивъ, снѣ Управле
 нии въ рапортѣ не снѣ землей
 отъ Алтайскаго Горнаго Правленія

полученных отъ него Сервиз препровождаю
къ Вашему Высочеству и прошу сдѣлать
описаніе и при томъ распорядиться о сохран
ности ихъ, дабы они могли быть въ на
длежащемъ видѣ доставлены въ С. Петер
бургъ, которое по получении отъ Вашего
Высочества съ описаніемъ представлено
Ерсу Господина Московскаго Трапезническаго
Губернатора къ Министру Внутреннихъ
дѣлъ, а отъ Енисейскаго Земскаго Управи
теля въ помянутое распоряженіе требуется
подробное свидѣніе относительно появивших
Сервиз и опроченъ, которой на то предле
саніе съобщила прочимъ донесъ, что о времени
ихъ прекращенія причисленнаго въ года
означенныя и траванія, донесено будетъ особо
съ требующимъ помянутомъ, жавшим она
будутъ при выкопаніи изъ Валерисей Вешни
или изъибіе. Въ свидѣніе сего Енисейскій
Земскій Управитель помянутое распоряженіе отъ
26 Ноября доноситъ, что по захрѣтисполненіи

193
сметить и выкопать на поверхности земли
в различных местах той волости, она
Управителем сию на заселенных полях
взимовавших хлѣбѣхъ, сажать и выкапывать
подъ пеньного коренья, а также и
травъ, папиры, что тогда Серѣ видится
сперхности въ неглубокой слое земли,
глубинного на два сертверти, и сказали
жители, глубине сие стало въ землю от
не найдено, собрали несколько такихъ
серей, представляють въ Горное Правленіе
попечу Алтайской Горной Правленіе
получившихъ вновь отъ Императорскаго
сказа Управителя Серей, препроводилъ
къ Вашему Высочеству прошить со
образить по описанію прилагаемыхъ Серей,
тоголи снѣ вида величина и свойства
окажутся; сиихъ Серей вида и
свойства, то сдѣлать и ихъ описаніе,
и приложить и означитъ поназванію

своихъ разнородныхъ находокъ и какъ
въ такомъ вида, какъ признается удоб
ное, дабы она въ лучшей сохранности
могли быть доставлены въ С. Петербургъ,
для чего въ надлежашей упорѣ съ опи
саніемъ представлять въ Горное Правленіе.
Совѣтника М. Ковалевскаго

ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6851. Л. 192-194.

Приложение 9

архимандрит Макарий

Вид г. Кузнецка с Вознесенской горы. С фотографии 1913 г.
© МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского», Новокузнецк.
КП-2165 ИП-510.

Улица Достоевского. Дом Дмитриевых (слева), в котором жила семья Исаевых. С фотографии начала XX в.
© МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского», Новокузнецк.
КП-269 ИП-49.